

Васильев С. Ф., Дёмин И. В.

**УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ
БАЗОВЫЙ КУРС ПО ФИЛОСОФИИ
ДЛЯ БАКАЛАВРОВ**

Барнаул 2014

ВВЕДЕНИЕ

Данный текст представляет собой конспективное изложение лекций по базовому курсу философии. Он является дополнением к устным лекциям по философии, поскольку не весь теоретический материал можно уложить во время, отведенное на лекции. Конспект лекций поможет и тем студентам, которые по той или иной причине пропустили занятия, освоить материал пропущенных лекций. Конспект лекций может быть использован для самостоятельной работы студентов.

Материал курса структурирован для удобства обучающихся таким образом, что содержание тем курса соответствует содержанию экзаменационных билетов.

Кроме теоретической части в пособии присутствует практикум по философии. Содержание заданий практикума привязано к темам семинарских занятий.

Философия – это не готовое знание, а поиск истины. Поэтому освоившим философию как учебный предмет является такой учащийся, который научился думать самостоятельно. Разумеется, это думанье, мышление должно быть культурным и грамотным. Грамотность подразумевает знание хотя бы элементарных вещей в области философии – основных проблем, терминов, идейных течений. А культура мышления включает в себя умение созерцать сверхчувственные феномены, умение видеть проблему и правильно ставить вопросы, умение размышлять и логично связывать свои мысли, умение адекватно выражать и обосновывать свою позицию, умение понимать оппонента и учиться у него.

Бояться философии не нужно. Каждый человек уже в какой-то мере философ. Дорогу осилит идущий.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ КУРС

РАЗДЕЛ 1. ПРЕДМЕТ И СПЕЦИФИКА ФИЛОСОФИИ

Тема № 1. Предмет и специфика философии

Этимология и генезис философии

Слово «философия» в буквальном переводе означает **«любовь к мудрости»**. Авторство этого слова приписывается знаменитому греческому философу и математику **Пифагору**. Иногда философию называют словом «метафизика» («после физики»), по основному сочинению Аристотеля. Философия зародилась примерно в 7 -6 вв. до н.э. в Индии, Китае и Греции.

Разделы истории философии

В истории философии можно выделить три значимых раздела:

1) **Европейская философия** от античности до современности. В истории европейской философии можно выделить несколько стадий. Античная философия (древняя греко-римская) (6. в. до н. э. – 5 в. н. э.); философия средних веков (5 – 15 вв. н. э.; философия эпохи Возрождения (в Италии - 13-16 вв., в других странах – 15-16 вв.); философия Нового времени (17-19 вв., 18 век называют веком Просвещения); современная неклассическая западная философия (вт. пол. 19 века – 21 век).

2) **Восточная философия** – китайская, индийская, арабо-мусульманская.

3) **Русская философия**. Некоторые исследователи считают, что уже книга митрополита Иллариона Киевского «Слово о законе и благодати»(11 век) может считаться философским произведением. Однако в полном смысле слова самобытная философия возникает в России в 18 веке. Первым русским (и украинским) философом является Григорий Сковорода (1722 – 1794). Идеи Г. Сковороды положены в основу романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита».

В античной философии можно выделить таких представителей: греческие натурфилософы-досократики – Фалес, Анаксимен, Гераклит, Анаксагор, Анаксимандр; Сократа и сократические школы – мегарская, киническая (самым известным представителем которой был Диоген Синопский), киренская во главе с Аристиппом; Платон и его последователи; Аристотель и его ученики – перипатетики; стоики (последователи стоицизма) – Зенон, Хрисипп, а также римские стоики – Сенека, Эпиктет, Марк Аврелий; скептицизм – Пиррон, Секст Эмпирик; Эпикур и эпикурейство; неоплатонизм как высшая стадия развития античной философии – Плотин и Прокл. В средневековой философии выделяются два направления. Это – патристика – учение отцов церкви и защитников христианской веры – Аврелий Августин (Августин Блаженный), Василий великий, Григорий Богослов и др. Позже появляется схоластика – представитель Фома Аквинский.

Эпоха Возрождения – Николай Кузанский, Джордано Бруно, Марсилио Фичино, Пико дела Мирандола, Джанотто Манетти.

Философия Нового времени – рационализм - Р. Декарт, Б. Спиноза, Г. Лейбниц, Б. Паскаль; сенсуализм -Ф. Бэкон, Дж. Локк; материализм - Т. Гоббс, П.

Гольбах; деятели французского Просвещения - Д. Дидро, Ж.-Ж. Руссо, К. Гельвеций; немецкий материализм – Л. Фейербах, К. Маркс, Ф. Энгельс и их последователи – марксисты; немецкая классическая философия – И. Кант, И. Г. Фихте, Г. Гегель, Ф. Шеллинг; позитивизм – Д. С. Милль, О. Конт, Г. Спенсер; феноменология – Э. Гуссерль.

Неклассическая философия – С. Кьеркегор, А. Шопенгауэр, Ф. Ницше, экзистенциализм – К. Ясперс, М. Хайдеггер, А. Камю, Ж. П. Сартр; неопозитивизм – М. Шлик, Р. Карнап; постпозитивизм – К. Поппер, Т. Кун, П. Фейерабенд, философская антропология – М. Шелер, Э. Кассирер, А. Гелен.

Русская философия – В. Соловьев, С. Булгаков, П. Флоренский, Н. Бердяев, Л. Карсавин, Д. Лопатин, Н. Лосский и др. Советские философы: А. Лосев, М. Лифшиц, Э. Ильенков, Г. Батищев и др.

Китайская философия – Конфуций и конфуцианство, даосизм – Лао-цзы и Чжуан-цзы, моизм; школа законников (фа-цзя); школа инь-ян; школа имен (минцзя). Индийская философия: школы – чарвака, джайнизм, буддийская философия, ньяя, вайшешика, санкхья, йога, миманса, веданта (адвайта-веданта и двайта-веданта). Арабо-мусульманская философия: калам, арабоязычный перипатетизм, исмаилизм, ишракизмом (философия озарения, или иллюминативизм) и суфизм (исламский мистицизм).

В первом приближении философию можно охарактеризовать как разновидность мировоззрения.

Мировоззрение

Мировоззрение – это совокупность взглядов личности или общества на мир в целом или место человека в этом мире.

У любого человека существует потребность в мировоззрении, поскольку оно отвечает на самые фундаментальные вопросы человеческой жизни: Что такое мир? Что такое человек? В чем смысл человеческой жизни и смерти? К чему следует стремиться в жизни? Что самое важное, ценное? В чем смысл истории? и т.п.

Животному мировоззрение в принципе не нужно, поскольку его поведение запрограммировано генетически и подчинено биологическим потребностям. У человека нет такой жизненной программы, поэтому он должен сам, на свой страх и риск пытаться постичь жизнь в целом, проектировать свою жизнь. Мировоззрение и дает систему жизненных ориентиров. Если человек утрачивает такую систему, он теряет смысл жизни, развиваются ноогенные неврозы (например, «воскресный невроз», когда человеку плохо из-за того, что у него появилось свободное время). Даже при внешнем благополучии такой человек будет страдать и, в некоторых случаях, будет пытаться лишиться себя жизни. В жизни общества также необходимо иметь какое-то мировоззрение, цельный взгляд на мир. Без мировоззренческих ориентиров общество может заблудиться, запутаться и попасть в социальный тупик.

Вопросы Канта

В 18 веке немецкий философ **Иммануил Кант** сформулировал четыре главных, по его мнению, мировоззренческих вопроса:

Что я могу знать?

Что я должен делать?

На что я могу надеяться?

Что такое человек?

Виды мировоззрения

Существует несколько основных видов мировоззрения, каждый из которых строит свою картину мира.

Обыденное мировоззрение есть у каждого человека. Оно еще называется по другому: «обыденная концептуальная схема». Для него характерна связь с практической жизнью человека, с его жизненным опытом. Однако оно неизбежно ограничено, фрагментарно, зачастую непродуманно и противоречиво. К мировоззренческим вопросам обычный человек обращается только в некоторые моменты своей жизни, нередко сопряженные с какими-то тяжелыми событиями. Поэтому издревле находились люди, которые специально занимались вопросами мировоззрения и делились результатами своей деятельности с другими людьми. Это были жрецы, мыслители, философы.

Мифологическое мировоззрение исторически является самым древним. Для него характерно осмысление мира при помощи средств художественной фантазии. Мифология одушевляет природу, олицетворяет, обожествляет природные стихии. Достаточно вспомнить греческих богов – Зевса, Посейдона, Геру и др.

Религиозное мировоззрение основано на вере в сверхъестественного, сверхматериального и сверхмирового Бога, создателя мира. Согласно религии, Бог есть нечто совсем иное, чем мир. Он сам открывается человеку. Божественное откровение изложено в священных книгах, которые содержат истины, которые, с точки зрения верующих, нельзя оспаривать. Религиозная вера дает опору в жизни. До сих пор большинство людей на Земле удовлетворяют свою мировоззренческую потребность посредством религии. Недостатком религиозного мировоззрения, также как и мифологического является догматизм, недостаточная рациональность. Это обнаруживается при столкновении друг с другом нескольких религий. Тогда невольно возникает вопрос: кто же прав в этом споре, как действительно устроен мир и человек?

Научное мировоззрение в последние два века пыталось решить эти проблемы. Однако, несмотря на впечатляющие успехи науки, сделать это не удалось. Дело в том, что наука может изучать такую реальность, которая предстает человеку в виде фактов, доступных чувственному восприятию, наблюдению и эксперименту. Но можно ли наблюдать смысл жизни? Можно ли увидеть, пощупать, понюхать, например, добро, измерить его каким-либо прибором? Сам мир в целом не доступен чувственному восприятию. Получается, что существует какая-то особая сверхчувственная реальность, о которой наука ничего не может сказать. А именно с ней и связано мировоззрение. Кроме того, любая наука носит частный характер, изучает только фрагмент реальности, и даже вся их совокупность не обладает необходимой цельностью. Нельзя забывать и то, что любая наука не завершена. То, что она считает истиной сегодня, может завтра быть отвергнуто как ложное. Научное мировоззрение как объединение всех научных истин оказывается не вполне надежным для решения мировоззренческих проблем.

Философское мировоззрение основано на разуме, способности постигать сверхчувственное. Философия универсальна. Это означает, что предметом философии является универсум (мир в целом), сущностная структура мира (основные формы реальности) и место человека в этом мире. Сущностная структура мира - это такие реалии как, например: вечность, изменчивость, пространство и время, порядок и хаос, смысловые отношения тождества и различия, идеальное, развитие, душа, познание, ценности, человечность, личность, свобода, общество, история, культура, жизнь и др. Философ пытается сделать мир прозрачным для мысли, ищет абсолютную истину. Поэтому он

размышляет и над тем как идет познание, он познает свое познание, т.е. рефлексировать над ним. Рефлексия – это обращенность на себя.

Элементы философствования. Специфика философии

Философское усилие постичь мир есть философствование. Основные элементы философствования следующие:

А) **Умозрение** или интеллектуальная интуиция, созерцание сверхчувственного феномена. С ее помощью предмет дается мыслителю. Прежде чем мыслить, должно быть то, над чем мыслить. Предмет надо сначала почувствовать, попытаться усмотреть его существенные свойства. В самом деле, чтобы размышлять, например, о времени необходимо сначала интуитивно его представить. Этот своеобразный сверхчувственный или духовный опыт является основой философии. Ведь предмет философии не дан наглядно. Умозрение необходимо не только в начале рассуждений, оно присутствует в каждом шаге мысли.

Б) **Вопрошание или проблематизация.** В опыте предмет дан, но не целиком, не во всех своих свойствах. Поэтому философ ищет то, что непонятно, неясно и для этого задает вопросы, ставит проблемы. Философ хочет, чтобы не осталось ничего неясного. Проблема – это знание о своем незнании. Многие люди пребывают в иллюзии, что они что-то твердо знают. Однако, как говорил Гегель, известное не есть познанное. В мире вокруг много таинственного, загадочного, причем, в самых простых вещах. Философ чувствует эту загадочность и ставит вопросы, чтобы прийти к разгадке.

В) **Размышление и создание своей теории.** Философ пытается понять сущность предмета, размышляет над его различными сторонами (асpekтами), взвешивает различные версии и варианты, пытается связать свои мысли в единое целое. В итоге должна получиться целостная мысленная картина предмета – теория. Теория это система мыслей. Это означает, что эти мысли находятся в определенном порядке, одна вытекает из другой, все они согласованы друг с другом, между ними нет противоречий.

Г) **Обоснование и критика.** Критическая проверка своей теории, ее обоснование и защита от внешней критики. Поскольку философ хочет найти действительную истину, то он должен строго проверять результаты своего мышления. Он должен обосновать, доказать свою правоту, т.е. найти аргументы, доводы, подтверждающие истинность его умозаключений. Наше знание должно быть целостным, поэтому знание одного вопроса должно опираться на знание других вопросов и подтверждаться им, выводиться из него. Уже имеющееся знание тогда является основой нового знания, обосновывает его. Теория должна выдержать критику других мыслителей. Часто другие люди замечают такие обстоятельства, которые данный мыслитель упустил из виду. Кроме того, надо показать, что данная теория лучше других теорий, т.е. надо дать критику других точек зрения.

Таким образом, стихией философии является критическое мышление и ее девиз: «Подвергай все сомнению».

Недостатком философского мировоззрения можно считать его радикальный плюрализм. Никто в философии не нашел абсолютной истины, споры между философами касаются основных, фундаментальных вещей. В конкретных науках есть истины, которые принимаются всеми исследователями и не оспариваются. В философии этого нет, поэтому, можно сказать, что философия более критична, чем наука. В этом и состоит сложность изучения философии: в ней нет единой общепринятой философии, а есть множество различных направлений, школ, систем, спорящих друг с другом. Поэтому усвоить философию можно лишь

самостоятельно философствуя, создавая собственную философию. Разумеется, это нужно делать на основании изучения «философского предания», на основании знания того, как философы в течение тысячелетий пытались решить самые важные вопросы человеческого бытия посредством предельного напряжения своей мысли. Иначе будет новое «изобретение велосипеда».

Структура философского знания

Структура философского знания включает в себя несколько философских дисциплин:

Онтология – учение о бытии, об истинной реальности.

Гносеология – теория познания.

Философская антропология – учение о человеке.

Аксиология – учение о ценностях.

Социальная философия – учение об обществе.

Философия культуры.

Этика – философия нравственности.

Эстетика – наука о прекрасном и об искусстве.

История философии.

Существуют также такие дисциплины как: философия природы, философия науки (в том числе и отдельных наук, например, философия физики), техники, права, истории, языка, философская теология – учение о Боге.

Функции философии

Когда мы говорим о функциях философии, мы имеем в виду ту роль, которую она играет в обществе, ту пользу, которую она приносит. Основные функции философии:

Мировоззренческая – философия помогает отдельной личности и целому обществу создать рациональное, критически проверенное мировоззрение.

Методологическая – философия помогает осмыслить основные понятия и методы конкретной научной дисциплины и тем способствует научным исследованиям. Методология – учение о методе. К методологии ученые чаще обращаются в трудные, даже кризисные моменты научного познания.

Социальная функция заключается в исследовании и критике существующего общества с позиций разума, формирование представлений об общественном идеале и выработке проектов общественных преобразований.

Человекотворческая функция заключается в том, что философия осознает предельные культурные смыслы данной эпохи (категории культуры), осмысливает их, доводит до общества и тем способствует образованию и воспитанию членов общества. Философия развивает критическое мышление и сознание ценностей. Она вырабатывает определенное искусство жить.

Гедонистическая. Философия и процесс философствования доставляет человеку удовольствие, радость.

Космоцентризм – теоцентризм - антропоцентризм

Хотя предмет философии во все времена один и тот же, но различные эпохи мысли характеризуются особыми интересами и специфической направленностью мысли. Так, для античной философии был характерен **космоцентризм**. Это означает, что в центре размышлений античных философов был космос как прекрасно упорядоченное целое, самое прекрасное произведение искусства. Дословно «космос» означает «прекрасный порядок, строй вселенной». Для средних веков был характерен **теоцентризм**. Философия той поры носила

религиозный характер – главным интересом было познание Бога (теос – бог). Наконец, в Новое время, начиная с 17 столетия, зарождается и начинает господствовать **антропоцентризм**. В центре внимания оказывается, в большей степени, человек перед лицом равнодушной природы. Это не значит, что мыслители этой эпохи не думали о Боге или о мире в целом. Речь идет об акцентах, преимущественном внимании.

Литература

1. Бозций Утешение философией// Бозций «Утешение философией» и другие трактаты. - М.,1990.- С.190 – 290.
2. Ильин И. А. Религиозный смысл философии// Ильин И. А. Сочинения в двух томах. - М.,1994. - Т.2. - С.7 – 74.
3. Лосев А.Ф. О мировоззрении// Лосев А.Ф. Дерзание духа. - М.,1988.- С.297-314.
4. Мамардашвили М. Как я понимаю философию. - М.,1990. - 386 с.
5. Ортега-и-Гассет Х. Что такое философия? - М.,1991.- 408с.

Контрольные вопросы

Когда и где возникла философия? Какова этимология слова «философия»?

Каковы основные разделы истории философии?

В чем заключается сущность и необходимость мировоззрения для человека?

Каковы мировоззренческие вопросы Канта?

Какие существуют виды мировоззрения? В чем специфика философского мировоззрения?

Каковы основные элементы философствования?

Какие философские дисциплины входят в структуру философского знания?

Каковы основные функции философии?

Космоцентризм - теоцентризм – антропоцентризм как ориентации философского мышления в различные эпохи.

Задания к семинару № 1 (РАЗДЕЛ 1 ПРЕДМЕТ И СПЕЦИФИКА ФИЛОСОФИИ, Тема № 1)

РАЗДЕЛ 2. ОБЩАЯ ОНТОЛОГИЯ

Тема № 2. Проблема бытия в философии

Мир в целом (универсум)

Философия изучает мир в целом. Это целое нельзя увидеть, услышать, потрогать, словом, воспринять чувственно. Мы можем почувствовать только ничтожно малую часть мира, универсума, вселенной. Тем не менее, интуитивно мы знаем, что такое мир в целом. Относительно любой отдельной вещи и существа мы можем сказать: «Это не мир, а только часть мира». Значит, мир в целом – это все существующее (во всех местах и временах), вместе взятое. Синонимом мира в целом являются слова «вселенная» и «универсум».

На первый взгляд, кажется, что в составе мира нет ничего, кроме единичных, конкретных предметов и существ. Мир предстает, прежде всего, как огромное собрание вещей, предметов, существ.

Конечность всех частей мира

Однако мы знаем, что любая вещь (часть мира) когда-то возникает, существует какое-то время, а затем исчезает. При этом мир в целом продолжает существовать. Части мира меняются, а само мировое целое остается, сохраняется в потоке перемен.

Понятие бытия

Отсюда можно сделать вывод, что в мире, помимо конечных, преходящих вещей и существ есть нечто непреходящее, прочное, бессмертное, вечное, что позволяет миру сохраняться и быть чем-то целым. Эту вечную, истинную, первичную реальность (фундамент, основа мира) мы будем называть словом бытие.

БЫТИЕ - основа мира
первичная, вечная,
истинная реальность

Слово «бытие» многозначно. Оно может быть синонимом «существования», «существующего» или «сущего», обозначением Бога. Но в данном случае мы понимаем под бытием вечную, истинную реальность, на которой держится мир.

Почему же бытие – истинная реальность? Дело в том, что, как мы уже видели, любое конкретное сущее (вещь, предмет, существо) конечно. Оно ограничено в пространстве, времени, в своих качествах, полно недостатков. Возьмем, например, стул. Он существует несколько лет. Но сколько лет он не существовал до своего возникновения? – Практически бесконечность. Когда стул сломается, он перестанет существовать, и его не будет сколько лет? – Бесконечность. Стул существует несколько лет, а не существует две бесконечности. Так чего больше в стуле бытия или небытия? Если предмет находится сейчас именно в этом месте мира, то его нет во всех остальных местах мира. Мест, где данный предмет отсутствует во много раз больше, чем одно место, где он присутствует. Если у предмета есть какие-то свойства, то еще большего количества свойств у него нет. Если этот стул, например, желтый, то он не красный, не синий, не серый и т. п. Это означает, что любое конкретное сущее не есть чистая, истинная реальность, в ней реальность, бытие смешаны с небытием. Бытие же есть реальность вечная, безграничная, всеохватная. Поэтому оно и является истинной, подлинной реальностью.

Бытие вечно существует и не может не существовать. Эту истину открыл еще древнегреческий философ Парменид. В самом деле, сказать, что «бытие не существует» – все равно, что сказать «белизна чернеет», а «сладость горчит». Это абсурдное высказывание, следовательно, верно обратное – что бытие существует. Но бытие не только само существует. Благодаря ему существует все в мире. Если бы не было бытия как такового, то ничего бы не существовало, так как свойство существования все черпает из бытия. Таким образом, бытие есть основа мира. Значит, все, что есть в мире, так или иначе, производно от бытия, порождено им. Бытие – первоначало мира. Иными словами, бытие есть вечная субстанция мира.

Если мы попытаемся глубже понять бытие, перед нами неизбежно возникнет проблема бытия.

ПРОБЛЕМА БЫТИЯ: ЧТО КОНКРЕТНО ПРЕДСТАВЛЯЕТ СОБОЙ БЫТИЕ? ЧТО ИМЕННО ЯВЛЯЕТСЯ ПЕРВИЧНОЙ (ГЛАВНОЙ) РЕАЛЬНОСТЬЮ??

Виды опыта

При ответе на эти вопросы среди философов существуют глубокие разногласия. Позиция философа зависит от того, на какой опыт он в своих размышлениях опирается. Можно выделить 4 основных вида опыта:

1. Чувственный или внешний опыт (та информация которая идет от органов чувств – зрения, слуха, осязания и пр.) открывает нам существование телесных, материальных предметов.

2. Внутренний опыт открывает нам существование субъективной, психической реальности – внутреннего мира человеческой личности, состоящего из мыслей, чувств, переживания, желаний и т. п. человека.

3. Эйдетический опыт открывает нам различие между совершенным и несовершенным, хорошим и плохим в общем смысле слова. Как бы хорошо мы не сделали бы какое-нибудь дело, мы знаем, что его можно сделать еще лучше. И еще, и еще и т. п. Все, что мы делаем несовершенно, имеет какие-то недостатки. Но несовершенное мылимо лишь постольку, поскольку есть совершенное. Мы говорим: Иван – хороший, настоящий друг? Что мы имеем в виду под этим? Что Иван соответствует тому, каким должен быть друг, что он, как сказали бы идеалисты, адекватное воплощение идеи дружбы.

4. Наконец, мистический опыт открывает существование сверхъестественной, Божественной реальности. Пример мистического опыта дан в теме «учение о душе», задание 1.

Исходя из этих типов опыта, можно выделить 4 основные философские позиции по проблеме бытия. 4 концепции бытия (при условии, что бытие одно, однородно, т. е. при позиции монизма).

Концепции бытия

Каждая теория или трактовка бытия опирается на определенный тип опыта.

1. Если мы будем опираться на внешний, чувственный опыт, на информацию, которая идет от внешних чувств – зрения, слуха, осязания, обоняния, вкуса, то откроем для себя реальность материальных, телесных вещей. И если это открытие мы положим в основу нашей теории бытия, то мы получим материализм. **Материализм – философское учение, которое считает, что бытие – это материя или вещество, все в мире материально или является свойством материи.** Весь мир – это множество материальных тел. А человек в нем – это просто сложноорганизованное материальное тело. Материалист исходит из опыта общения с материальными телами и склонен переносить их свойства на любую реальность.

Те философы, которые считают первичным нематериальное или идеальное начало называются **идеалистами**. Есть два вида идеализма.

2. Если мы обратимся к нашему внутреннему опыту, то мы обнаружим в своем сознании – особую субъективную, психическую реальность. Она состоит из наших мыслей, чувств, переживаний, воспоминаний, желаний и т.п. Эта реальность бестелесна, невещественна. Это другая реальность по сравнению с материальной реальностью. Если мы этот опыт положим в основу своей философии и сквозь него посмотрим на мир и на проблему бытия, то мы создадим субъективный идеализм.

Субъективный идеализм – это философское учение, которое считает, что бытие – это психическая реальность, душа, сознание человека. Для субъективного идеалиста все, весь мир существует лишь внутри человеческого сознания, все есть субъективная реальность. Человек, для субъективного идеалиста – это бесплотная душа. А тело человека – все лишь совокупность ощущений этой души. Субъективный идеалист опирается на внутренний опыт, который говорит о состояниях сознания, психики и весь мир считает подобным психическому.

3. Если мы будем опираться, прежде всего, на эйдетический опыт при решении проблемы бытия, то станем объективными идеалистами. Каждый знает, по своему опыту, что прекрасное отличается от безобразного, хорошее от плохого. Каждый знает, что как бы хорошо не было сделано какое-нибудь дело, его можно сделать еще лучше. Этот процесс улучшения бесконечен, но он подразумевает, что есть что-то предельно, абсолютно хорошее, лучше которого быть не может – совершенство. Вот это совершенная реальность есть идея, или, по-гречески, эйдос. **Объективный идеализм считает, что первичной, истинной реальностью являются надындивидуальные и сверхчеловеческие эйдосы (идеи Мирового Разума) – совершенные образцы вещей.** Подлинная реальность – идеальный мир, а наш материальный мир – слабое, искаженное его подобие. В идеальном мире есть идеальный человек, а в нашем мире мы видим только несовершенных людей. В идеальном мире текут идеальные реки, играет идеальная музыка, царит совершенное добро. Человек, с точки зрения объективного идеализма – воплощенный дух. Объективный идеалист указывает, что все предметы в нашем мире разумно

упорядочены - распределены по классам, родам, видам. И у каждого класса есть свой эйдос как образец. Он апеллирует к нашему чувству совершенного и несовершенного.

4. Если мы будем опираться при решении проблемы бытия на мистический опыт, который говорит нам о существовании особой сверхъестественной реальности, то мы получим религиозную философию **Религиозная философия (мистический реализм) считает, что бытием, первоначалом всего сущего является Бог или абсолют – то, что выше всего.** Бог есть само бытие или, скорее, сверхбытие. Мир – это порождение Бога. Человек есть образ и подобие Бога. Религиозные философы опираются на данные мистического опыта, на духовные традиции определенной конфессии.

Мы рассмотрели основные философские направления в чистом, предельном виде. Однако по большей части, позиции философов имеют более сложный характер. Он проистекает из решения проблемы единства мира. Те концепции бытия, которые мы рассмотрели, предполагают, что бытие одно, однородно. Но, может быть, это и не так?

Субстанция и акциденция

Под **субстанцией** в философии понимается самостоятельная реальность, которая является носителем свойств, состояний, отношений, действий. Субстанции принадлежат **акциденции**, т.е. перечисленные выше свойства, состояния, отношения и действия. Они существуют не самостоятельно, не сами по себе, а обязательно принадлежат какой-либо субстанции. Так, например, кусочек мела можно считать субстанцией, а его белый цвет или способность писать – акциденциями. Белый цвет всегда существует в какой-либо вещи, а не сам по себе. Вспомним «Алису в стране чудес», «Чеширского кота». Только в сказке кот может исчезнуть, а его улыбка останется. Кот, в данном случае – субстанция, а его улыбка (состояние кота) – акциденция. Следует различать субстанции временные, преходящие – это всем известные предметы, вещи, существа и субстанции вечные, непреходящие.

С этой точки зрения, **бытие – вечная мировая субстанция** - носитель мира, а все, что существует в мире – это акциденции бытия.

ПРОБЛЕМА ЕДИНСТВА МИРА: БЫТИЕ ЕДИНО ИЛИ МНОЖЕСТВЕННО?
СКОЛЬКО И КАКИЕ СУЩЕСТВУЮТ МИРОВЫЕ СУБСТАНЦИИ? КАКОВЫ СВЯЗИ
МЕЖДУ НИМИ?

Решения проблемы единства мира

Выделяют 3 основные позиции по данной проблеме:

1. **Монизм** (моно – одно) – учение, которое считает, что существует только одна субстанция. Монисты могут быть разными. Материалистический монизм считает, что эта одна субстанция – материя. Мистический монизм – Бог или абсолют и т.п. Объективно-идеалистический монизм – одна идея, субъективно-идеалистический монизм – одна душа или сознание.

2. **Дуализм** (ду – два) – учение, которое признает две субстанции. Как правило, эти субстанции – материя и душа (сознание). Но могут быть и другие варианты, например, материя и идея или Бог и душа и т.д.

3. **Плюрализм** (плюрал – множество) – учение, которое признает множество субстанций. Причем множество можно понимать как в виде множества типов субстанций, так и множественности внутри самой субстанции. Например, материю как одну мировую субстанцию можно представить в виде бесконечного множества материальных атомов.

Если мыслитель признает существование нескольких типов субстанций, то отношения между ними могут трактоваться по-разному. Например, может выделяться главная субстанция, порождающая производные субстанции. Получается иерархия субстанций. В религиозной философии русского философа Н. А. Бердяева Бог порождает души, а те посредством объективации порождают материю и материальный мир. Такой позиции придерживался русский философ Н. А. Бердяев. Он называл свою точку зрения моноплюрализмом.

Иногда взаимоотношение субстанций мыслится как борьба, а иногда как равнодушное раздельное существование.

Литература

1. Лопатин Л.М. Аксиомы философии. - М., 1995. - С.330-385.
2. Лосев А.Ф. Дерзание духа. - М., 1988. - С.11-12, 298-299, 305.
3. Хайдеггер М. Семинар в Ле Топе, 1969//Вопросы философии. - 1993. - № 10.

Контрольные вопросы

1. Что такое мир в целом?
2. Каковы характеристики частей мира?
3. Что такое бытие? Каковы его связь с миром?
4. В чем заключается проблема бытия?
5. Основные виды человеческого опыта?
6. Каковы основные концепции бытия?
7. Что такое субстанция и акциденция? В чем различие временных и вечных субстанций?
8. В чем заключается проблема единства мира?
9. Основные способы решения проблемы единства мира?

Задания к семинару № 2 (РАЗДЕЛ « ОБЩАЯ ОНТОЛОГИЯ, Тема № 2 Проблема бытия в философии)

РАЗДЕЛ 3. ОНТОЛОГИЯ МАТЕРИАЛЬНОГО МИРА

Тема № 3. Философский материализм

Опыт материального мира

Обратимся сначала к изучению материального мира. Он предстает перед нами в виде неизмеримого множества разнообразных тел. Каждому телу присущи свои свойства, состояния, отношения и способы действия. Этот телесный мир мы постигаем, прежде всего, при помощи чувств – зрения, слуха, осязания, обоняния и вкуса. Многие считают его единственной реальностью. Однако мы уже отмечали факт конечности всех вещей, их преходящий характер. Мы наблюдаем, как одна вещь исчезает и на ее месте возникает другая вещь. Эта превращаемость, метаморфоз всех тел таит в себе загадку. Вот листок бумаги. Он существовал не всегда. Он был создан когда-то. Из чего? Отвечают – из дерева. Попробуем поскрести дерево – есть ли там бумага? Очевидно, нет. Странно получается – бумага возникает из дерева, хотя в дереве ее нет. Попробуем сжечь бумагу – получится пепел. Но был ли он в этом листке бумаги перед сжиганием? Нет.

Материя

Напрашивается вопрос: Откуда возникают и куда исчезают все материальные тела, предметы? Здесь возможны два варианта ответа: либо они возникают из ничего, либо из какой-то реальности. Но из ничего ничего возникнуть не может – ведь в небытии ничего нет. Значит, остается сделать вывод, что все материальные предметы возникают из особой реальности, которая содержит их в возможности, непосредственно их порождает. Это и есть **материя**, в первом приближении. Когда мы начнем размышлять дальше, перед нами встанет следующая проблема.

Греческие натурфилософы о первоначале мира

Еще в древней Греции мыслители пытались найти ответ на вопрос о первоначале мира. Они склонны были рассматривать это первоначало как что-то конкретно-телесное, которое они называли **«архэ»** (царь). Материальные вещи возникают при сгущении или разрежении архэ. Эти философы мыслили свое первоначало одушевленным, разумным и даже божественным.

Исторически первой была Милетская школа. Ее основатель - Фалес Милетский (ок. 624 – 546 гг. до н. э.) считал, что первоначало всего(архэ) – это вода. «Все из воды» – говорил он. Его позицию можно представить в виде равенства: бытие = материя = вода. Другой представитель этой школы - Анаксимен (ок. 570 – 500 гг. до н.э.) считал, что первоначало – это воздух. Самостоятельный мыслитель Гераклит Темный из Эфеса (ок.550 – 480 гг. до н.э.) полагал, что первоначало – это умный огонь. Космос возникает из огня, живет какое-то время и потом сгорает, исчезает в Мировом Пожаре. Такой цикл продолжается вечно.

В дальнейшем, возникли теории элементов мира. Так, например, Эмпедокл (ок. 492 – 432 гг. до н.э.) считал, что материя – это 4 вечных стихии, элемента, «корня вещей» – вода, воздух, огонь и земля. Все возникает из соединения элементов и исчезает при их разъединении. Сила, соединяющая различные элементы – космическая Любовь, а сила, разъединяющая элементы – космическая Ненависть.

Оригинальную теорию выдвинул греческий философ Анаксагор. Он считал, что мир состоит из особых частиц – гомеомерий. В каждой гомеомерии есть часть всего. И каждая гомеомерия делима на еще меньшие гомеомерии и так до бесконечности. Во всем есть все, все перемешано со всем – так считал Анаксагор. В мире нет ничего чистого. «И на солнце есть пятна». - Утверждал Анаксагор. В настоящее время подобные представления возродились в виде идеи фрактальной вселенной. Фрактал (от лат. fractus, «сломанный, разбитый») - это бесконечно самоподобная геометрическая фигура, каждый фрагмент которой повторяется при уменьшении масштаба.

*Быть может, эти электроны
Миры, где пять материков,
Искусства, знания, войны, троны
И память сорока веков!*

*Еще, быть может, каждый атом –
Вселенная, где сто планет;
Там - все, что здесь, в объеме сжатом,
Но также то, чего здесь нет.*

*Их меры малы, но все та же
Их бесконечность, как и здесь;
Там скорбь и страсть, как здесь, и даже
Там та же мировая спесь.*

*Их мудрецы, свой мир бескрайный
Поставив центром бытия,
Спешат проникнуть в искры тайны
И умствуют, как ныне я;*

*А в миг, когда из разрушенья
Творятся токи новых сил,
Кричат, в мечтах самовнушенья,
Что бог свой светоч загасил!*
Валерий Брюсов Мир электрона

Материализм

В ходе развития философии в древней Греции возник **материализм**. Он отрицает нематериальные субстанции – душу, Бога, идеи и считает единственной мировой субстанцией материю.

Можно выделить несколько видов материализма.

Античный материализм

1. **Античный материализм** выразился в виде атомизма. Его основателями считаются Левкипп (5 в. до н. э.) и Демокрит (ок. 460 – 370 гг. до н.э.). По их мнению, мир состоит из бесконечного множества атомов различного вида. Атом – это мельчайшая, абсолютно твердая частица вещества, своего рода, абсолютное тело. Слово «атом» и означает «неделимый». В пользу существования атомов можно привести следующее рассуждение. Предположим обратное – что атомов нет, и любое тело делимо до бесконечности. Представим, что это бесконечное деление произошло. В итоге получится пустота. Но что-то не

может стать ничем. Отсюда вывод: должно существовать мельчайшее, неделимое тело, т. е. атом.

Атомы вечно движутся в бесконечной пустоте. Вся жизнь мира – это и есть нескончаемый танец атомов. Все предметы и существа материального мира – всего лишь временное скопление атомов. То же самое относится и к человеку. И даже его душа – это всего лишь совокупность очень легких атомов. Процесс восприятия человеком тел, атомисты объясняли тем, что наши органы чувств улавливают истечения образов с поверхности тела, состоящих из особых частиц – эйдолов или видиков. Таким образом, истинная реальность – это атомы и пустота. Демокрит полагал, что всеми событиями в мире управляет необходимость. Говорить о свободе воли при этом не приходится. Человек при этом оказывается чем-то вроде робота, который управляется какими-то внешними силами.

Материалистическую линию в античности продолжили стоики, развивавшие идеи Гераклита. Однако в средние века материализм уступил место религиозной философии. Возрождение материализма произошло в Новое время.

Материализм Нового времени

2. *Метафизический, механистический материализм Нового времени.*

Характеристика «метафизический» означает, что данный вид материализма отрицал развитие в материальном мире. А так как он считал главными законами мира законы механики, все стремился свести к механическим процессам, то его называют механистическим.

Материя предстает, прежде всего, в виде множества тел. Но материя есть нечто общее во всех материальных вещах. У всех материальных вещей, предметов есть, по мнению английского философа Джона Локка (1632 – 1704), первичные и вторичные качества. **Первичные качества** существуют **объективно, т. е. вне и независимо от человеческого сознания**. Это – протяженность (наличие трех измерений - длины, ширины и высоты), непроницаемость или плотность, форма, подвижность. Без этих качеств тела не могут существовать. **Вторичные качества** существуют **субъективно**, т. е. внутри сознания и зависят от наших органов чувств. Они являются **субъективной реальностью**. Сюда относятся зрительные, слуховые, осязательные, обонятельные, вкусовые качества. Если бы наше зрение было бы устроено иначе, то, возможно, мы видели бы вместо красного цвета, например, зеленый. Значит, сам по себе свет не имеет цвета. Это мы его видим в цвете, благодаря нашим органам чувств. Весь наш чувственный мир превращается в иллюзию.

Носителем первичных качеств являются атомы. Как и у Демокрита, материя или вещество отождествляется с атомами. **Материя вечна, несотворима и неразрушима.**

Материя, все материальные вещи находятся в непрерывном движении. Как говорил французский материалист Поль Анри Гольбах (1723 – 1729), **движение есть способ существования материи**. Однако движение понималось лишь как **механическое перемещение** тела в пространстве, как перемена телом места в пространстве. Поэтому главными законами мира являются законы механики – они господствуют и в мире живого, и в мире человеческом. Французский философ Жюльен Офре де Ламетри (1709 – 1751) считал человека очень сложной машиной. Да и все мироздание для материалистов – это огромная машина. Таким образом, новоевропейский материализм носит механистический характер. Пространство и время являются формами существования материи. Немецкий материалист Л. Фейербах написал знаменитую книгу «Сущность христианства». В ней он

доказывал, что не бог создал человека по своему образу и подобию, а человек придумал Бога, взяв себя, свою сущность за образец.

Если человека рассматривать только как обособленное тело, как машину, то приходится сказать, что **любой человек – эгоист**, который заботится лишь об удовлетворении собственных, прежде всего материальных потребностей – утверждал французский мыслитель Клод Адриан Гельвеций (1715 – 1771). Высшая мораль, которая возможна в таком случае – это мораль **разумного эгоизма**. Она учит делать добро другим людям, потому что, в конечном счете, это выгодно самому эгоисту, так как другие люди, так или иначе, отплатят добром на добро. А если делать зло другим, то и они не останутся в долгу, и эгоист навредит самому себе.

Мы видим, что материализм Нового времени является **редукционизмом**. Он пытается **свести (редуцировать)** все сложное к простому, все высшее к низшему. Типичный мыслительный прием редукциониста – рассматривать высшее как всего лишь низшее. Многие люди убеждены, что человек – всего лишь животное. Любовь – всего лишь игра гормонов. Механизмизм – тоже типичный пример редукционизма. Человек рассматривается всего лишь как сложно устроенная машина, робот и т. п.

Диалектический материализм

3. В XIX веке возникла еще одна форма материализма. Это **диалектический материализм** или **марксизм-ленинизм**. Основоположниками этого направления были немецкие мыслители **Карл Маркс** (1818 – 1883) и **Фридрих Энгельс** (1820 – 1895). В нашей стране в качестве одного из классиков диалектического материализма долгое время почитался **Владимир Ильич Ленин** (1870 – 1924).

Марксисты считают, что материя, с одной стороны, одна и та же, а, с другой стороны, бесконечно разнообразна, **«неисчерпаема»**. «Электрон также неисчерпаем, как и атом», – писал В. И. Ленин. Материя обладает свойством самодвижения, внутренней активностью. Поэтому она постоянно движется, изменяется. Движение абсолютно, покой относителен. Более того, **материя развивается** от низшего к высшему посредством борьбы противоположностей. Учение о развитии посредством борьбы противоположностей называют **диалектикой**, поэтому данный вид материализма получил название диалектического.

Марксисты пытаются уйти от редукционизма старого материализма. Ф.Энгельс выделял **пять основных форм движения материи**, начиная с низшей и кончая высшей. Это, прежде всего, **механическая** форма движения материи. Затем **физическая** форма движения, включающая в себя тепловые, световые, электромагнитные процессы, сейчас мы бы добавили внутриатомные и др. Над физическое формой надстраивается **химическая** форма движения материи, которая охватывает превращения веществ. Выше ее располагается **биологическая** форма движения материи или жизнь. Ф. Энгельс в работе «Анти Дюринг» дал такое определение жизни: «Жизнь – есть способ существования белковых тел, существенным моментом которого является постоянный обмен веществ с окружающим их внешней природой. Причем с прекращением этого обмена веществ прекращается и сама жизнь, что приводит к разложению белка». Самой же высшей формой, по мнению Ф.Энгельса, является **сознание** или жизнь самосознательных организмов. Сейчас эту форму принято называть **социальной формой движения материи**.

Важно понять **закономерную связь низших и высших форм движения материи**. Высшая форма движения **включает** в себя низшую, надстраивается

над ней, и без нее не может существовать. Однако высшее **не сводится** к низшему, у него свои, специфические законы. Высшая форма может в известных рамках **управлять** низшей. Так, например, сознание студента ставит себе цель придти на занятие и тело студента - организм (биологическая форма движения) перемещается в пространстве (механическое движение).

Структурные уровни организации материи

В настоящее время в научной картине мира бытует представление о **структурных уровнях организации материи**. Структура - это относительно устойчивый, упорядоченный способ связи элементов, придающий их взаимодействию в рамках внутренне расчлененного объекта целостный характер. Уровням организации материи присуща **эмерджентность** (emergence (англ.) - возникающий, неожиданно появляющийся) – наличие у них таких свойств, которые не присущи более низким уровням. Такое же свойство есть и у систем по отношению к элементам, из которых они состоят. Оно так и называется «системное свойство». Так, например, слово не просто сумма букв, а лес – не просто большое количество деревьев. Формула системных (или интегральных) свойств системы такова : целое больше суммы своих частей.

В неживой природе структурными уровнями организации материи являются:

вакуум (поля с минимальной энергией);
поля и элементарные частицы;
атомы;
молекулы;
макроскопические тела;
планеты и планетные системы;
звезды и звездные системы;
галактики;
метегалактика (наблюдаемая часть Вселенной);
Вселенная.

В живой природе выделяют уровни:

доклеточный уровень (белки и нуклеиновые кислоты);
клетку как «кирпичик» живого и одноклеточные организмы;
многоклеточный организм, его органы и ткани;
популяцию – совокупность особей одного вида, занимающих определенную территорию, свободно скрещивающихся между собой и частично или полностью изолированных от других групп своего вида;

биоценоз – совокупность популяций, при которой продукты жизнедеятельности одних являются условиями существования других организмов, населяющих определенный участок суши или воды;

биосферу – живое вещество планеты (совокупность всех живых организмов, включая человека).

Социальные уровни организации материи включает в себя: индивид, семья, коллектив, социальная группа, класс и нация, государство, цивилизация, человечество в целом.

По масштабам в физике выделяются три уровня:

масштаб представления – в естествознании выделяют три основных структурных уровня материи:

микромир – мир малых, не наблюдаемых объектов, пространственная размерность которых исчисляется от 10^{-8} до 10^{-16} см, а время жизни – от бесконечности до 10^{-24} секунды;

макромир – мир макрообъектов, соизмеримых с человеком и его опытом. Пространственные величины макрообъектов выражаются в миллиметрах,

сантиметрах и километрах (10^{-6} – 10^7 см), а время – в секундах, минутах, часах, годах, веках;

мегамир – мир огромных космических масштабов и скоростей, расстояния в котором измеряются астрономическими единицами, световыми годами и парсеками (до 10^{28} см), а время существования космических объектов – миллионами и миллиардами лет.

Материя первична, сознание вторично

Однако сознание, по мнению диалектических материалистов, производно от материи и не является самостоятельной субстанцией. Оно есть свойство высокоорганизованной материи, функция мозга. Как говорят марксисты, **материя первична, сознание вторично**. Материя с необходимостью порождает разумную жизнь – человека, человек с необходимостью развивается материально и духовно, и через ряд общественных форм приходит к высшей форме общества, которую К. Маркс называл коммунизмом или гуманизмом. Однако, все, что имеет начало, то имеет и конец. Рано или поздно человечество – высшая форма движения материи исчезнет. Прогресс сменится регрессом. Но в другом месте вселенной опять возникнет жизнь, а затем сознание. И процесс повторится сначала. Таким образом, жизнь материи, по Ф. Энгельсу это вечный круговорот материи.

Ленинское определение материи

В XIX веке в физике были сделаны важные открытия, которые поставили под сомнение исходные идеи материализма. Наряду с веществом было открыто поле, атом оказался делимым, появились утверждения о взаимопревращении материи и энергии. В этих условиях часть физиков отошла от материализма. В самом деле, если материя – атомы, а атомы состоят из протонов, нейтронов и электронов, то материя не первична.

В защиту материализма выступил В. И. Ленин. В своей работе «Материализм и эмпириокритицизм» он сформулировал новое определение материи, которое с той поры стали называть ленинским определением материи. **Материя – это объективная реальность**, существующая вне и независимо от человеческого сознания, которая дана человеку в ощущениях его. Это определение более широкое, чем определение материи как вещества, что позволяет квалифицировать новое открытие, например, электрона - как открытие новой разновидности материи. Однако у этого определения есть и определенные недостатки.

Исторический материализм

Марксизм выработал также и **исторический материализм** или **материалистическое понимание истории**. Основная его идея заключается в том, что материальная, производственная жизнь людей определяет их сознание. **Общественное бытие** (материальное бытие совокупности людей, составляющих данное общество) **определяет общественное сознание**. Как люди живут, таково и их сознание. Поэтому история, развитие общества носит объективный, закономерный, «естественноисторический» характер. Материальное бытие людей есть их производственная, экономическая жизнь. Ведь, чтобы удовлетворять свои потребности человек должен трудиться.

Таким образом, в основе жизни и развития общества лежит экономика, хозяйство. Поэтому иногда исторический материализм называют экономическим материализмом. Историей, с точки зрения марксизма, движет **противоречие между развитием производительных сил общества и**

производственными (экономическими) отношениями между людьми. Производство развивается динамично, а производственные отношения более консервативны. Возникает несоответствие, которое разрешается посредством социальной революции – созданием нового общества, новых производственных отношений, более соответствующих уровню производительных сил. Революцию производит класс, которому выгодны новые экономические отношения. Ему препятствует тот класс общества, которому выгодны, наоборот, старые производственные отношения. Таким образом, человеческая история есть история классовой борьбы.

Общество, развивая экономику, производительные силы проходит ряд ступеней развития или **общественных формаций**. С точки зрения марксизма это – **первобытнообщинный строй**, затем – **рабовладельческий, феодальный**, затем **капиталистический**. К. Маркс предсказывал, что рано или поздно произойдет социальная революция, и капитализм сменится коммунизмом.

Коммунизм – это такое общество, где высшей ценностью является человек, где каждый имеет возможность самореализоваться, развить все свои способности без заранее предустановленного масштаба. Девиз коммунизма: свободное развитие каждого есть условие свободного развития всех. Такое подлинно человеческое общество может быть создано самим человеком в ходе длительного исторического процесса. Но, поскольку человек – высший цвет материи, он с необходимостью должен дойти до высшей стадии. В марксизме материализм совпадает с гуманизмом.

Литература

1. Аристотель Метафизика// Аристотель Сочинения в четырех томах. - М., 1976. - Т.1.- С.288- 314.
2. Гольбах П. Избранные произведения в двух томах. - М.,1963. - Т.1. - С.53-103.
3. Ленин В.И. Материализм и эмпириокритицизм// Ленин В.И. Полн. Собр. соч. - М.,1980, - Т.18.- С.147-201,264-332.
4. Лосев А.Ф. Из ранних произведений. - М.,1990. - С.503-515.
5. Орлов В.В. Человек, мир, мировоззрение. - М.,1985. - 220 с.

Контрольные вопросы

1. Что говорили греческие натурфилософы о первоначале мира?
2. Основные представители и идеи античного материализма?
3. Основные представители и идеи материализма Нового времени?
4. Что такое редукционизм?
5. Каковы представления о материи и движении диалектического материализма?
6. Какие структурные уровни организации материи выделяются в современной науке?
7. Ленинское определение материи и его смысл?
8. Основные идеи исторического материализма?

**Задания к семинару № 3 (РАЗДЕЛ 3 ОНТОЛОГИЯ
МАТЕРИАЛЬНОГО МИРА, Тема № 3 Философский материализм)**

Тема № 4. Философия движения

Опыт изменения

Еще в древности многими мыслителями в разных странах был отмечен фундаментальный факт всеобщей изменчивости, царящей в чувственном мире. **Гераклит** выразил этот факт в знаменитом изречении: «**Все течет, все изменяется**». Не менее известно другое его парадоксально звучащее изречение: «**В одну и ту же реку мы дважды входим и не входим**». В самом деле, с одной стороны, мы второй раз входим в ту же самую реку. Но, с другой стороны, река – это вода. Та вода, в которую мы входили прошлый раз, протекла. Значит, сейчас мы входим уже не в ту же самую реку. С этой точки зрения правильнее рассматривать вещи не как прочные, косные образования, а как текущие процессы.

Я и изменение. Такая изменчивость касается не только материальных процессов. **Гераклит** говорил: «души наши текут словно реки».

ГРИГОРИЙ НАЗИАНЗИН:

«Есмь». Но что это значит? Чем был я, уж то миновало.

Ныне – иной и иным буду, коль буду и впрямь

Несть постоянства. Я сам – речной поток замутненный,

Вечно теку я вперед и никогда не стою...

Дважды потока реки не преjdeшь того же, что прежде,

Снова, ни смертного ты прежним не узришь вовек.

Фрагменты ранних греческих философов.- Часть 1. От эпических теокосмогоний до возникновения атомистики.- М., 1989.- С. 209 – 213.

Аналогичные мысли о всеобщей изменчивости посещали и восточных мыслителей. Это, прежде всего, представители буддизма, даосизма. Одна из самых известных древних китайских книг называется И-Цзин («Книга перемен»)

В философии движение понимается максимально широко. Движение есть синоним всякого изменения, всякой перемены предмета, всякого процесса.

Свойства и виды изменения по Аристотелю

Аристотель открыл два свойства любого движения или изменения. Во-первых, любое движение есть превращение возможности в действительность. Во-вторых, любое движение происходит между противоположностями. Так, например, нагревание —это переход от холодного к теплomu, усложнение – переход от простого к сложному и т. п.

Этот же мыслитель выделил 4 основных вида изменения.

Перемещение – изменение положения тела в пространстве.

Качественное изменение – изменение качеств, свойств вещи, например, цвета, твердости, формы и т.п. Если студент из необразованного стал образованным, то произошло качественное изменение.

Количественное изменение – рост или убывание чего-либо, увеличение или уменьшение. Например, увеличение стипендии.

Наконец, можно отметить также **уничтожение или возникновение** самих вещей.

Противоположностью движения является покой, неподвижность, постоянство, устойчивость. Поэтому возникает проблема их соотношения.

ПРОБЛЕМА: КАК СВЯЗАНЫ ДВИЖЕНИЕ И ПОКОЙ, ИЗМЕНЧИВОСТЬ И УСТОЙЧИВОСТЬ ДРУГ С ДРУГОМ?

На эту проблему есть несколько вариантов ответов.

Релятивизм

1. **Релятивизм** считает, что изменчивость абсолютна, а покоя, постоянства, устойчивости вообще не существует. Но, если все абсолютно изменчиво, то это означает, что ничего от прошлого не сохраняется, и вещь каждое мгновение абсолютно новая. Основоположником такого взгляда был ученик Гераклита **Кратил**. Он утверждал, что в одну и ту же реку нельзя войти даже один раз. Пока мы входим, вода же течет. Значит, начинаем мы входить в одну реку, а заканчиваем в другой. По преданию, он отказался от использования слов и изъяснялся жестами и свистом. Такое поведение вытекает из идей его философии. Релятивистов можно назвать «текучниками».

В комедии древнегреческого драматурга Эпихарма эта философия высмеивается. Один человек взял у другого взаймы, но по прошествии определенного времени отказывается вернуть долг, мотивируя это тем, что раз все абсолютно изменчиво, то, тот, кто в прошлом взял долг и он, сегодняшний – разные люди. Тогда кредитор бьет должника палкой. Тот подает на него в суд. На суде обвиняемый заявляет, что поскольку все абсолютно изменчиво, то тот, кто бил должника, и он стоящий сейчас перед судьями – совершенно различные люди. Стало быть, он ни в чем не виноват.

Французский поэт Жан Тардьё так иронически выразил точку зрения релятивистов:

*Кто скажет, я есть или нет
Сейчас и в любое мгновенье?
Так быстро время уходит.
Что я, когда рассуждаю
(глагол в настоящем времени,
изъявительное наклонение).
Я, право, не тот уж, кем был
В предшествующее мгновенье,
Прошедшее время тоже
Сюда подойти не может.
Здесь нужно, чувствую я,
Наклонение небытия.*

В противоположность релятивизму возник фиксизм.

Фиксизм

2. **Фиксизм** считает, что поистине существует лишь покой, постоянство, а движения в действительности не существует, оно иллюзорно. Фиксистов можно назвать «неподвижниками». Такой взгляд в древней Греции развивали представители **Элейской школы**, или **элеаты** (по названию города Элея). Так, **Парменид** (ок. 540 – 470 гг. до н. э.) рассуждал следующим образом: Бытие существует и не может не существовать, а небытие, как противоположность бытия, не существует и не может существовать. Но в понятии изменения содержится элемент небытия: нечто было одним и стало другим. Значит,

изменения нет. То же самое касается множества. Один член множества (А) не есть другой член множества (В), т.е. А есть небытие В, а В есть небытие А. Но небытия нет, значит, множества не существует. Существует только Бытие с большой буквы, однородное, единое, вечное, а весь чувственный мир, изменчивый и множественный, лишь мнится, кажется.

Еще один знаменитый представитель Элейской школы **Зенон Элейский** сформулировал **апории движения**. Апория - логическая трудность (дословно «нет пути»). При размышлении о движении мы сталкиваемся с несколькими апориями. Они являются своеобразными тупиками для мысли. Апории показывают, что движение нелогично, неразумно, следовательно, его нет.

Апория Дихотомия (Деление пополам)

Представим себе, что нам надо пройти 1 километр. Прежде чем пройти весь путь, надо пройти его половину. Прежде чем пройти 500 метров, надо пройти половину этого пути и т.д. Это деление пополам может идти бесконечно. Значит, любое расстояние делимо до бесконечности, у него бесконечное число частей и оно само бесконечно. Но бесконечное пространство нельзя пройти за конечное время. Следовательно, движение невозможно.

Апория Ахиллес и черепаха

Допустим, что движение есть. Представим себе соревнование Ахиллеса и черепахи. Пусть черепаха проползет половину дистанции. Затем выбегает Ахиллес. Он пробегает эту половину. Но, пока он бежит, черепаха проползет еще какое-то расстояние. Ахиллес пробежит и это расстояние, но черепаха проползет еще какой-то отрезок. В итоге получится, что Ахиллес никогда не догонит черепаху. Но это абсурдно. Вывод: движения не существует.

Апория Стрела

Запустим стрелу из лука. Она пролетит и опишет какую-то траекторию. Мы говорим, что стрела «переместилась». Это означает, что в момент времени А стрела находилась в точке пространства В, а следующий момент времени А₁ в точке пространства В₁ и т.д. Но если стрела в данный момент времени находится в данной точке пространства, то она покоится. Следовательно. Стрела покоится во всех точках траектории. Движение «исчезло».

Если вы не согласны с Зеноном – попробуйте опровергнуть его апории и доказать, что движение все-таки существует. Но для этого нужны логические, теоретические аргументы. Ссылки на то, что мы видим недостаточно. Это обстоятельство понял еще А. С. Пушкин. Вот его стихотворение «Движение»:

*Движенья нет, сказал мудрец брадатый.
Другой смолчал и стал пред ним ходить.
Сильнее бы не мог он возразить;
Хвалили все ответ замысловатый.
Но, господа, забавный случай сей
Другой пример на память мне приводит:
Ведь каждый день пред нами солнце ходит,
Однако ж прав упрямый Галилей.*

Третья позиция

Возможна и третья позиция по данному вопросу. Информацию о том, как она может формулироваться, можно почерпнуть в пособии. В частности, стоит отметить тот факт, что изменение мыслимо лишь относительно чего-то неизменного.

Литература

1. Аристотель Метафизика// Аристотель Сочинения в четырех томах. - М., 1976. - Т.1.- С.288- 314.
2. Данэм. Гигант в цепях. – М.,1984. – С. 30 – 93.

Контрольные вопросы

1. Что говорит опыт изменчивости?
2. Как понимается движение в философии?
3. Каковы свойства и виды изменения по Аристотелю?
4. Как решает релятивизм проблему связи движения и покоя?
5. Какова позиция фиксизма по этой проблеме? Апории Зенона.

Тема № 5. Философия о времени и вечности

Опыт пространства и времени

Движение всегда совершается в пространстве и времени. Это – основные формы всякого существования в материальном мире. Однако нельзя сказать, что сами они материальны. Каждый из нас интуитивно знает, что это такое. На каждом шагу мы используем пространственные понятия. Мы говорим: «здесь», «там», «направо», «налево», «верх», «низ» и т.д. Также мы используем и временные понятия: «сегодня», «завтра», «тогда», «сейчас», «долго», «быстро» и т. п.

Свойства пространства и времени

Свойства пространства. Пространство обладает **размерностью** – имеет несколько измерений. Традиционно считалось, что измерений – три. В настоящее время в науке рассматриваются теории, приписывающие пространству 5, 7, 11 и бесконечное количество измерений. Пространство **изотропно** - это означает, что все направления в пространстве равноправны. Пространство, согласно теории относительности, **искривлено**.

В отличие от пространства время одномерно и **анизотропно**. У него одно направление - из прошлого в будущее. Машина времени невозможна, поскольку вмешательство в прошлое нарушило бы причинно-следственную связь и привело бы к появлению парадоксов.

Каждый момент времени неуловим. Только сосредоточишься на настоящем моменте, а он уже в прошлом. Время постоянно течет, движется. Между прошлым и будущим есть асимметрия. Все утверждения о прошлом истинны или ложны. Но некоторые утверждения о будущем ни истинны, ни ложны.

Теория относительности о времени и пространстве

Согласно теории относительности свойства пространства и времени зависят от свойств материи и ее движения. Возле тел с большой массой пространство искривляется. При скоростях близких к скорости света длина тела уменьшается относительно постороннего наблюдателя. Время замедляется возле тел с большой массой и при скоростях близких к скорости света. Таким образом пространство и время не одинаковы во всех точках вселенной, не являются

самостоятельными вечными субстанциями. Они разные в разных местах Вселенной, в разных материальных условиях. Прекрасной иллюстрацией этому обстоятельству служит так называемый «парадокс близнецов». Представим себе, что есть два брата-близнеца. Один из них работает психологом, а другой – звездолетчик отправился к ближайшей звезде на звездолете с околосветовой скоростью. Он проведет в полете, скажем, десять лет. Когда он вернется на Землю, его будет встречать его брат, который постарел на 50 лет. Близнецы – люди, родившиеся одновременно, окажутся разного возраста, потому что время течет во Вселенной неодинаково.

ПРОБЛЕМА: КАК ВЯЗАНЫ МЕЖДУ СОБОЙ МАТЕРИЯ, ПРОСТРАНСТВО И ВРЕМЯ?

По этому вопросу в истории философии можно обнаружить две основных концепции. **Субстанционализм** считает, что пространство и время – это самостоятельные по отношению к материи реальности, самостоятельные субстанции. Если вдруг материя исчезнет из мира, то пространство и время останутся. Они безразличны к материи. Так считал, например, великий физик И. Ньютон. Он считал, что есть абсолютное пространство и время, существующие независимо от материи и ее движения. В противовес И. Ньютону уже в 18 веке немецкий философ Г. Лейбниц выдвинул реляционную концепцию.

Реляционизм считает, что пространство и время не существуют без материи. Пространство – порядок возможных сосуществований вещей. А время – порядок последовательностей вещей. Каждый может судить, какой теории – реляционизму или субстанционализму – ближе теория относительности А. Эйнштейна.

Важной философской проблемой является проблема связи прошлого, настоящего и будущего.

ПРОБЛЕМА: КАК СВЯЗАНЫ МЕЖДУ СОБОЙ ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ И БУДУЩЕЕ?

Здесь можно выделить 3 основные точки зрения.

Динамическая концепция времени

1. **Динамическая концепция считает реальным только настоящее.** Время постоянно движется, течет, моменты сменяют друг друга. Прошлого уже нет, будущего еще нет. Только в настоящем мы можем действовать и что-то изменять в окружающем мире.

Однако, еще Августин Блаженный (354 – 430) в своей «Исповеди» приходит к апории времени: прошлого и будущего нет, а настоящее – исчезающая граница между ними, сводящаяся к нулю. Сколько длится настоящее? Вот проходит секунда. Часть ее в прошлом, часть в будущем. А где же само настоящее? Оно сводится к нулю. Выходит, что времени вообще не существует.

Статическая концепция времени

2. Для «спасения времени» была создана **статическая концепция времени.**

Ее родоначальник – английский философ Джон Эллис Мак-Таггарт (1866 – 1925). Он установил, что люди представляют время двумя способами, двумя сериями понятий. Первая серия понятий – прошлое, настоящее и будущее. Вторая серия – порядок событий раньше – позже. Порядок событий всегда

неизменен. А прошлое, настоящее и будущее постоянно сменяют друг друга. По мнению Мак-Таггарта первая серия понятий ведет к противоречиям. Одно и то же событие, например, поступление в институт человека А, сначала было в будущем, затем стало настоящим, а потом становится все более и более прошлым. Получается, что событие является настоящим в настоящий момент, будущим в прошлый, в прошлом – будущим. Но ведь прошлое, настоящее и будущее исключают друг друга. Значит, течение времени самопротиворечиво и его на самом деле не существует.

Весь ряд событий уже дан от века, поэтому нельзя говорить о течении времени. Время неподвижно. Это наше сознание движется вдоль линии событий, сталкиваясь то с одним событием, то с другим, отчего и возникает иллюзия течения времени. В этой концепции «замерзшей вселенной» время уподобляется пространству. События на линии подобны домам на улицы. Мы проходим дома один вслед за другим. Но ведь они существуют и до нашего прохождения. Значит, все события уже есть и были всегда. Уже есть наша зрелость и старость, наши дети и внуки. И наша смерть уже есть. Это мы открываем эти события для себя по очереди. И **нам кажется, что время течет**. В этой концепции можно заметить внутренне противоречие.

Концепция Анри Бергсона

3. В противовес этой идее французский философ **Анри Бергсон** (1859 – 1941) полагал, что пространство и время принципиально различны. Пространство мертво, делимо до бесконечности. Время же неделимо по существу и есть жизнь. Главная характеристика времени – **длительность**. Время длится. Это означает, что нет резкой границы между прошлым, настоящим и будущим, они плавно переходят и проникают друг друга. длительность – это непрерывность и взаимное проникновение прошлого, настоящего и будущего. Так, например, память – это присутствие прошлого в настоящем. План на будущее – присутствие будущего в настоящем и т. п. Мы можем понимать музыку, фразы языка только потому, что прошлое, настоящее и будущее образуют целостность.

Время и вечность

Немаловажно рассмотреть соотношение **времени и вечности**. Для тех, кто сомневается в существовании вечности можно привести следующее доказательство, принадлежащего русскому философу А. Ф. Лосеву: Время существует. Если оно никогда не закончится, то оноечно. Если же оно закончится, то наступит его противоположность – вечность. В любом случае вечность существует.

Вечность, по Плотину (ок. 204 – 270) - это **совершенное обладание сразу все полнотой жизни**.

Время же, по Платону (427 – 347 до н.э.) - **подвижный образ вечности**.

Английский поэт Генри Воон так поэтически выразил взгляд Платона:

Однажды ночью я увидел Вечности спокойное лицо;

Из света бесконечного, огромное и яркое кольцо.

Под ним клубились времени часы, и дни, и годы:

И покрывали их небес хрустальные своды.

Гигантской тенью двигались они в эфире,

И в ней вращался мир и все, что существует в мире.

Литература

1. Грюнбаум А. Философские проблемы пространства и времени. – М., 1989
2. Молчанов Ю.Б. Четыре концепции времени в философии и физике. М., 1977.

Контрольные вопросы

1. [Основные свойства пространства и времени?](#)
2. [Динамическая концепция времени?](#)
3. [Статическая концепция времени?](#)
4. [Концепция Анри Бергсона?](#)
5. [Как связаны время и вечность?](#)

Тема № 6. Философские вопросы детерминации

Опыт упорядоченности явлений

. Мы живем в мире событий. Постоянно что-то происходит. Мы наблюдаем различные степени упорядоченности этих событий. К. Поппер сопоставлял между собой такие объекты как облака и часы. Облака - системы, которые, ведут себя беспорядочным, неорганизованным и более или менее непредсказуемым образом. Надежные маятниковые часы воплощают физические системы, поведение которых упорядоченно и точно предсказуемо.

Возникают вопросы: почему все происходит так, а не иначе; могло ли это не произойти; какова связь событий? Если поставить вопрос в предельно общей форме, то мы получим проблему порядка и хаоса.

ПРОБЛЕМА: ПРЕДСТАВЛЯЕТ ЛИ СОБОЙ МИР СВЯЗНОЕ, УПОРЯДОЧЕННОЕ ЦЕЛОЕ, ИЛИ ЖЕ ОН ХАОТИЧЕН, РАЗРОЗНЕН? ЧТО ПРЕОБЛАДАЕТ В МИРЕ – НЕОБХОДИМОСТЬ ИЛИ СЛУЧАЙНОСТЬ?

Детерминизм

А). Детерминизм полагает, что **все события в мире взаимосвязаны и поэтому определены** (determinare (лат.) - определять). Упорядоченная связь делает данную вещь в данное время именно тем, чем она является. В силу господствующего порядка ничто не может быть иначе, чем оно есть. Главная форма связи – **каузальная связь** (от слова causa - причина), т. е. причинно-следственная связь. **Причина** – это то, что порождает или изменяет нечто другое, которое называется следствием. **Следствие** – то, что порождается причиной. **Условиями** называются обстоятельства, способствующие или препятствующие появлению следствия. Например, мы вылили на человека ведро воды. Обливание водой – это причина. Мокрота человека – следствие. Однако если человек накроется водонепроницаемой пленкой (изменит условие), то будет другое следствие. Таким образом, одна и та же причина в разных условиях может приводить к различным следствиям. Нередко бывает, что у события есть несколько причин, тогда можно говорить о **многофакторной детерминации**.

Закон причинности

Детерминисты сформулировали **закон причинности**. Он состоит из двух основных положений:

1. Ничего не происходит без причины.
2. Одинаковые причины при одинаковых условиях приводят к одинаковым следствиям.

Опираясь на эти положения, наука может формулировать законы и предвидеть некоторые события.

Валентина Лескова

ПРИЧИННО-СЛЕДСТВЕННАЯ СВЯЗЬ.

«У любых последствий есть причина!» –

Так гласит Космический Закон!

Если поступаешь как мужчина, –

Значит, ты родился мужиком!

Если поднялась температура, –

Значит, где-то вирус подхватил.

Если расплывается фигура, –

Значит, переел и перепил.

Если другу не пришёл на помощь –

Значит, ты ему уже не друг,

Но когда нуждаешься и тонешь,

Не смотри с надеждою вокруг!

И виновных не ищи с угрозой,

Что отплатишь непременно всем!

В нас и только в нас сидят занозой

Корни наших будущих проблем!

Если дело плохо, сдали нервы,

Жизнь пропала иль жена ушла –

Не мечись! Ты сам виновник первый,

Что полоска чёрная пошла!

Поищи в душе: кого обидел,

Что, кому, когда наобещал,

Где не захотел – и не увидел,

И какой обиды не прощал?

Вспомни и пойми: любой поступок

Даром в этом мире не пройдёт

И без снисхождений и уступок

Как причина к следствию ведёт!

С кем был только внешне добродушен,

А внутри терпеть его не мог?

К чей судьбе остался равнодушен,

Отвернулся, делом не помог?

Где, прислушавшись к чужому мнению,

Сам своё не высказал, смолчал

*Или, подвергая всё сомнению,
Отрицая, злился и кричал?*

*У кого отнял? Кому прибавил?
Где, пусть мысленно, но нахамил?
С кем играл, не соблюдая правил?
И кого собою утомил?*

*Нам судьба даёт всегда на выбор
Множество решений и дорог.
Если проклинаешь то, что выбрал,
Значит, выбрать правильно не смог!*

*Если на душе всегда тревожно –
Значит, просто не чиста душа!
Что, слабо, признаться в этом сложно?
Отчего же жизнь не хороша?*

*Все проблемы связаны причиной,
Повелось уж так из века в век.
И от связи женщины с мужчиной
Вновь и вновь рождается человек.*

*И идёт он радуясь, страдая,
Падая и снова возносясь,
То благодаря, то проклиная
Всю причинно-следственную связь!*

Детерминизм с течением времени претерпел определенную эволюцию. Можно выделить несколько видов детерминизма.

Детерминизм Аристотеля

1. **Детерминизм Аристотеля** утверждает, что у каждой вещи есть 4 причины. **Материальная причина** – это то, из чего состоит данная вещь. **Действующая причина** – это то, что или тот, кто производит эту вещь. **Формальная причина** – это форма или идея вещи. **Целевая причина** – это то, ради чего сделана данная вещь. Например, статуя. Она сделана из мрамора – это материальная причина. Скульптор – это действующая причина. Идея статуи, ее облик – это формальная причина. Цель – создать прекрасный образ.

В дальнейшем и в науке, и в философии стали признавать, в основном, только материальную и действующую причины, целевые причины были изгнаны из естественных наук.

Лапласовский детерминизм

2. В Новое время зародился механистический или **лапласовский детерминизм**. Одним из ярких представителей этого направления мысли был физик Лаплас. По его мнению, причина порождает следствие с абсолютной необходимостью, согласно определенному закону. **Закон** – это общее правило, которому подчиняются все предметы или явления определенного круга. Закон **выражает общие, необходимые, существенные, повторяющиеся связи предметов и явлений**. Раз все подчинено законам, то все необходимо таково, каким является. **Необходимо** то, что не может не существовать. **Случайное** же –

это то, что может быть, а может и не быть. С точки зрения механистического детерминизма случайностей в полном смысле слова не существует. Случайным мы называем то, причины не знаем. Исходя из этого, можно утверждать, что все события предопределены бесконечной цепью причин и следствий. Это означает **фатализм**. Еще в Греции обсуждался следующий пример. Лысый человек пошел в гости в другой город. По дороге над ним пролет орел, который держал в когтях черепаху. Орел разжал когти, черепаха упала на голову человеку и убила его. Обычно мы расцениваем это как случайность. Однако человек ведь не случайно пошел именно этой дорогой и именно в это время. Орел не случайно вылетел на охоту. Чтобы полакомиться черепахой, он сбрасывал ее на камни. И орел принял голову лысого человека за такой камень. Так что, все произошло с необходимостью.

Следует различать **объективные законы** самой действительности и **законы как субъективные постановления людей** – юридические и моральные законы и постановления. Объективные законы постоянны и их невозможно отменить или нарушить. Субъективные же постановления людей исторически изменчивы и нередко нарушаются людьми.

Статистический детерминизм

3. В XIX веке выяснилось, что при изучении многих сложных явлений, особенно, социальных, строгий лапласовский детерминизм не срабатывает. Появился **статистический** или **вероятностный детерминизм**. **Статистические** законы, в отличие от строгих (**динамических**) не могут предсказать поведение одного объекта, но могут предсказать поведение большого количества объектов с известной долей вероятности. **Вероятность** – количественная мера возможности события. Если вероятность – 0%, то событие невозможно. Если же вероятность – 100%, то событие неизбежно. Так, например, на основе статистических данных можно предсказать, сколько будет в этом году заключено браков. Однако мы не можем точно сказать, кто именно вступит в брак.

Индетерминизм

Б). Испокон веков детерминизму противостоял **индетерминизм**, который считает, **что в мире существует объективная неопределенность**. Греческий философ Эпикур (ок. 342 – 271 гг. до н. э.) считал, например, что у атомов есть клинамен – свойство самопроизвольно отклоняться от заданной законом траектории. Поэтому-то судьбы нет и бояться ее не стоит.

Согласно современной физике любому физическому процессу могут иметь место **флуктуации** – самопроизвольные колебания и периодические изменения.

В XIX веке немецкий физик Клаузиус сформулировал второе начало термодинамики: энтропия всякой замкнутой системы всегда стремится к максимуму. **Энтропия** – это мера хаоса, беспорядка. Получается, что весь мир движется к разложению, распаду. В итоге нашу вселенную ожидает тепловая смерть. Все виды энергии превратятся в тепло, а тепло рассеется в бесконечном пространстве, нагрев его на миллионную долю градуса. Тогда все процессы в мире прекратятся и все сложные образования распадутся. Многие мыслители полагают, что есть возможность избежать такого исхода, поскольку в мире есть и процессы, связанные с противоположностью энтропии – **нэгэнтропией или эктропией**. Она проявляется, прежде всего, в росте и эволюции живых организмов, а также в творчестве разумных существ. Здесь происходит движение от простого к сложному, от низшего к высшему. Происходит рост упорядоченности.

В XX веке в квантовой механике многие ученые пришли к выводу о существовании неопределенности в поведении элементарных частиц. «Господь Бог играет в кости» – говорили они. В самом деле, элементарные частицы нередко ведут себя как анархисты. Одна и та же частица в одних и тех же условиях может преодолеть барьер или отскочить от него. Частица может попасть из пункта А в пункт Б, двигаясь одновременно по всем возможным траекториям. Известный физик XX века П. Гейзенберг сформулировал принцип неопределенности, согласно которому невозможно точно одновременно определить скорость и местоположение частицы. Мы можем точно определить или одно, или другое.

Литература

1. Купцов В. И. Детерминизм и вероятность. – М., 1976.
2. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой. — М.: Прогресс, 1986.

Контрольные вопросы

1. Как решает проблему порядка и хаоса детерминизм?
2. Что утверждает закон причинности?
3. Каковы основные причины вещи, согласно детерминизму Аристотеля?
4. В чем особенность лапласовского детерминизма?
5. Каков подход статистического детерминизма к детерминации явлений?
6. Каковы основные идеи индетерминизма?

Задания к семинару № 4 (РАЗДЕЛ 3 ОНТОЛОГИЯ МАТЕРИАЛЬНОГО МИРА, Темы № 4, 5, 6)

РАЗДЕЛ 4. ОНТОЛОГИЯ ИДЕАЛЬНОГО МИРА

Тема № 7. Эйдология Платона

Опыт

Ряд философов считает, что наряду с материальной реальностью есть также реальность **идеальная**, и именно она является истинной реальностью. Такая позиция есть **объективный идеализм**. Поскольку она трудна для понимания, попробуем разобраться на примерах.

Сравним, например, кирпичный дом и груды кирпичей. Материально, по составу, они тождественны. В чем же их различие? Очевидно, в доме кирпичи соединены упорядоченной, осмысленной связью. Но является ли эта связь – структура или схема дома – чем-то материальным? Видимо нет. Это то, что идеалисты называют **идеей**. Далее, все дома имеют между собой что-то общее – «домовость», из-за чего их и причисляют к одному классу домов. И, наконец, все дома, класс домов отличаются от не-домов, классов других вещей и существ (столов, стульев, собак, кошек, людей и т.п.). По мнению идеалистов, все это говорит о том, что в мире присутствует идеальное начало, **идеи**. **Идея (эйдос)**, дословно, – «вид», прообраз какой-либо вещи. Впервые об идеях (эйдосах) поведал великий греческий философ **Платон** (428 – 348 гг. до н. э.)

Свойства идей

Каковы же, по его мнению, **свойства идей**?

1. Прежде всего, надо хорошо понять, что речь идет не о наших, человеческих мыслях, а о космических, мировых идеях, идеях Мирового Разума. Эти **идеи объективны** – существуют вне и независимо от человеческого сознания.
2. Любая **идея есть единое во многом**, нечто **общее** для данного класса вещей. Например, кошка вообще, добро вообще, человек вообще и т.д. Платно использовал такие слова: «кошачесть», «человечность», «лошадность».
3. Идеи – это **совершенные образцы вещей**, предельно, максимально лучшее в своем роде. Это, например, - идеальный человек, идеальная любовь, идеальный стол и т. п.
4. **Идеи нематериальны, невещественны**. Их нельзя постигать при помощи обычных органов чувств. Они сверхчувственны и **постижимы только разумом**. Как-то киник Диоген Синопский возражал Платону: «Лошадь я вижу, а лошадности не вижу». На что Платно ответил: «Надо смотреть разумным глазом». Именно разум постигает идеи.
5. Поскольку идеи совершенны, они **неизменны**. Они **вечно пребывают** за пределами пространства и времени **в особом идеальном мире**.
6. **Идеи вносят в мир целостность и осмысленную упорядоченность**. Благодаря им все вещи и существа разделяются на виды и роды. У каждого класса предметов есть своя идея(эйдос) как образец.

Материя(меон) и материальное

Что же такое материальные предметы? Это всего лишь ограниченные временем и пространством несовершенные подобию, отражения или тени идей. Несовершенство всего материального объясняется тем, что оно состоит из материи. Материя, по Платону, - это **меон** (почти ничто). Это чистая, неопределенная, хаотическая возможность существования. Все зло, по мнению идеалистов, происходит от материи. Любая вещь причастна совершенной идее,

отпечатавшейся в несовершенной материи. Идея – как бы отец, материя – мать, а их дети – вещи и существа окружающего нас мира.

Души

В материальном мире присутствуют и вечные нематериальные **души**. Когда-то они были в идеальном мире и хранят в себе память об идеях. Поэтому всякое познание, по Платону, это - **анамнесис** (припоминание). Задача души - в течение жизни отрешиться от материального мира, устремляться к идеальному миру. Тогда у души вырастают крылья. Она становится легкой и после смерти тела поднимается в идеальный мир. Если же душа жила только материальными интересами, то она становится тяжелой. Крылья ее ломаются и она снова вселяется в какое-нибудь тело. Перевоплощение душ бесконечно.

Абсолют как Единое Сверхсущее

Как возможно взаимодействие материи и идеи, ведь они диаметрально противоположны по своим качествам? Это возможно потому, что над всеми реальностями парит высшее начало, объединяющее собой все. Это – абсолют – **Сверхсущее Единое**, которое выше всех противоположений. Платон называет его **Благом** или Добром с большой буквы, так как все существует только благодаря ему.

Таким образом в картине мира Платона присутствуют такие реальности: материя и материальный мир, души, идеи и абсолют.

Литература

1. Платон Собрание сочинений в четырех томах. - М., 1993-1994. - Т.1-4.
2. Борхес Х.Л. История вечности// Борхес Х. Л. Коллекция: Рассказы; Эссе; Стихотворения. - СПб., 1992. - С.76- 93.
3. Трубецкой С.Н. Основания идеализма// Трубецкой С.Н. Сочинения. - М., 1994. - С.594-717.

Контрольные вопросы

1. [Какой опыт свидетельствует о существовании идей?](#)
2. [Каковы основные свойства идей?](#)
3. [Что такое материальные вещи и материя по Платону?](#)
4. [Какие реальности входят в картину мира Платона?](#)

Тема № 8. Философия Аристотеля. Телеология.

Отличие взглядов Аристотеля и Платона

Ученик Платона **Аристотель** (384 – 324 гг. до н. э.) создал свою версию объективного идеализма. Главной проблемой для идеалистов является **проблема связи идеального и реального (чувственного)**. Аристотель, как приверженец принципа золотой середины, считал, что не следует чрезмерно противопоставлять идеальное и материальное. Поэтому идеи должны существовать не в особом мире, а в самих материальных вещах. **Все в материальном мире есть соединение материи и формы (идеи).**

Иерархия космоса

Мир (космос) является иерархической структурой. Самой низшей реальностью является **первоматерия** как чистая возможность. Выше всего находится **мировой Ум (Разум)** который соединяет в себе все чистые идеи. Между ними располагаются промежуточные ступени реальности. Низшая ступень является материей для высшей. Так, например, 4 элемента будут материей для мрамора. Мрамор – материей для статуи и т. д. Такой взгляд называется **гилеморфизмом** (гиле - материя, морфе – форма).

Активность форм

Идеи, находясь в вещах, проявляют активность и способствуют движению и развитию. Развитие проходит три стадии. Сначала идея присутствует в виде **потенции** (возможности). Затем идея активно, как программа, начинает управлять формированием вещи. Происходит материализация, воплощение идеи в материи. Эта стадия называется **энергией**. Полное, насколько позволяют условия, воплощение идеи называется **энтелехией**. Энтелехия – завершенность. Так, куриное яйцо – цыпленок в возможности. Три недели пребывания в инкубаторе – формирование или энергия. Наконец, вылупившийся цыпленок – энтелехия.

Телеология

Много внимания Аристотель уделяет изучению движения. Он полагает, что мировое движение вечно. Значит должно существовать вечное движущее начало. Этот **Перводвигатель – мировой Ум**. Мировой Ум вечно мыслит о самом прекрасном, т.е. о самом себе и, поэтому блаженствует. Каким способом нематериальный Ум может двигать материальным миром? Дело в том, что любая вещь стремится реализовать свою идею, и, тем самым, приблизиться к Богу или Уму (ведь все идеи присутствуют в Уме). Мир тянется к Богу, также как любящий тянется к любимому, поэтому в мире происходит вечное движение. Мировой Ум – это цель всего мира.

Таким образом, Аристотель является основателем телеологии. **Телеология – учение о том, что все процессы и в жизни человека, и в природе управляются целями.** Так, например, падение камня на землю объясняется тем, что он стремится вернуться в свое естественное место. У него есть цель туда попасть. Если мы рассмотрим деятельность человека, то она всегда подчинена какой-то цели. **Цель – это нематериальный образ будущего результата деятельности.** Целевые причины называют еще **конечными причинами** – в них конец, будущее предшествует началу действия, настоящему. В живой природе мы тоже говорим о целесообразности устройства и поведения живых организмов. Дискуссионным является вопрос о том, насколько понятие цели применимо к неживой природе.

Философия Платона и Аристотеля в средние века

В средние века идеи Платона и Аристотеля были ассимилированы христианской философией. Причем на Западе, католические мыслители больше склонялись к линии Аристотеля. Так, знаменитый представитель католической философии Фома Аквинский (1225 – 1274) широко использовал идеи Аристотеля, в частности его понятия материи и формы. В XX веке появился неотомизм как продолжение дела Фомы Аквинского. Неотомизм является официальной философией католической церкви. Многие русские религиозные философы православной ориентации питали большее доверие к Платону.

Литература

1. Аристотель Метафизика// Аристотель Сочинения в четырех томах. - М., 1976.- Т.1. - С.79-81, 86-92, 162-164, 197- 202, 220-223, 234-249,306-320, 327-330.

Контрольные вопросы

1. В чем главное отличие идеализма Аристотеля от идеализма Платона?
2. Какова иерархия космоса по Аристотелю?
3. Какие стадии развития вещи выделяет Аристотель?
4. Основные идеи телеологии Аристотеля?

Тема № 9. Трансцендентальный идеализм И. Канта

Недостатки античного идеализма

Античный объективный идеализм обладал, правда, существенным недостатком и был логически незавершенным. Дело в том, что, наряду с идеями, он признавал самостоятельное существование вечной материи. Завершить объективный идеализм выпало на долю немецкого идеализма XVIII – XIX вв.

Немецкий идеализм

Великий немецкий философ **Иммануил Кант** (1724 – 1804) является основателем **немецкой классической философии**, к которой относятся также такие мыслители как: Иоганн Готлиб Фихте (1762 – 1814), Фридрих Вильгельм Йозеф Шеллинг (1775 – 1854), Георг Вильгельм Фридрих Гегель(1770 – 1831).

Трансцендентальный идеализм об априорных формах

Кант создал **трансцендентальный** идеализм. Слово «трансцендентальный» можно перевести как « касающийся условий происхождения опыта». Кант установил, что опыт, который дает нам осмысленную картину окружающей реальности, соединяет в себе чувственную информацию, получаемую посредством органов чувств (**апостериорный** элемент), а также **априорный** (врожденный сознанию) элемент. Без априорных форм чувственное содержание было бы неосмысленным и хаотичным.

Эти **априорные формы** – как бы матрицы, «формочки, которые «сидят» в сознании. С их помощью сознание мгновенно перерабатывает информацию, идущую от органов чувств, и создает осмысленный, упорядоченный образ реальности.

Согласно И. Канту в сознании человека есть три вида априорных форм, благодаря которым возможна наука.

А) Априорные формы чувственного созерцания – пространство и время.

Б) Априорные формы рассудка – категории.

В) Априорные формы разума – **идеи чистого разума**, которые изучаются философией. Чистый разум – значит, очищенный от всего чувственного, апостериорного элемента. Это – чистое мышление.

Идеи чистого разума

Идеи чистого разума являются **представлениями о совершенстве**, например, совершенная мудрость, красота, государство и т. д. Эти идеи мы находим в сознании, однако, неизвестно существуют ли они в объективной реальности. По крайней мере, в чувственном опыте мы не встречаем ничего совершенного.

Главные идеи, по Канту, - это идея мира в целом, идея души как особой субстанции, идея Бога как совершенного существа.

Идея и идеал

Кроме идей мы можем в своем сознании обнаружить **идеалы**. Идеал, по Канту, - это идея, представленная в виде индивидуума. Например, идея – мудрость, а идеал – мудрец. Идеалы недостижимы, возможно, они не обладают объективной реальностью, однако, к ним можно и нужно бесконечно приближаться.

Функции идей

Хотя реальное существование идей и идеалов оказывается у Канта под вопросом, тем не менее, без них невозможна полноценная человеческая жизнь. Идеи обладают **регулятивной функцией** – они помогают объединить все знание человечества в единое систематическое целое. Идеалы нужны, чтобы человек к ним тянулся, совершенствовал свою природу. Знания об идеях и идеалах воплощены в творениях культуры. Без усвоения культурного наследия человек не может считаться человеком в полном смысле слова. Поэтому, хотя мы и сомневаемся в существовании идеального, надо жить так, **как будто бы** оно существует.

Литература

1. Кант И. Критика чистого разума. – СПб., 1993. - С. 180-192, 216-470.

Контрольные вопросы

1. [Что означает понятие «трансцендентальный»?](#)
2. [Что такое априорные формы, и каковы их виды по Канту?](#)
3. [Что такое идеи как априорные формы?](#)
4. [Каковы основные идеи, согласно И. Канту?](#)
5. [В чем различие идеи и идеала?](#)
6. [Каковы функции идей, согласно Канту?](#)

Тема № 10. Абсолютный идеализм Гегеля

Всемогущество Разума (панлогизм)

Против колеблющейся позиции И. Канта выступил великий немецкий философ **Георг Вильгельм Фридрих Гегель** (1770 – 1831), создавший **абсолютный идеализм, объективный идеализм**, достигший своего максимального развития. По его мнению, идея, разум не просто существуют, но только они и есть подлинная реальность. Знаменитое изречение Гегеля гласит:

все действительное разумно, все разумное действительно. Разум всемогущ и господствует в мире. Этот разум не есть обычный человеческий разум, он есть вечная божественная мысль, занимающаяся самопознанием. С точки зрения Гегеля все в мире разумно, логично – это называется **панлогизмом**. Даже в безумии, есть своя логика. Гегель пишет: «Тот, кто на мир смотрит разумно, на того и мир смотрит разумно».

Идея развития

При познании Разумом самого себя получается чередование процессов раздвоения и соединения в единое целое, причем постоянно происходит обогащение содержания. Самопознающий Разум оказывается **развивающимся**.

Замысел Гегеля состоял в том, чтобы завершить идеализм. Идеальное должно в таком случае породить материальное и победить, преодолеть его.

Поэтому Разум или Бог, развиваясь, проходит **три стадии**, которые описываются в **системе Гегеля**.

Система Гегеля: Наука Логики

Первая часть системы – **Наука логики** – описывает чистое божественное мышление до создания мира. Развитие этого мышления начинается с самого простого и абстрактного понятия – с понятия бытия вообще, а заканчивается самым конкретным и сложным понятием – абсолютной идеей.

Система Гегеля: Философия природы

Вторая часть системы – **Философия природы** изображает идею в чуждой ей стихии. Абсолютная идея **отчуждает** себя в природу. **Природа** есть **иноебытие и отчуждение** абсолютной идеи. Она материальна – значит, неразумна, множественна, хаотична - антиидеальна. Природа сама по себе мертва и не может развиваться. Развивается внутри материальной оболочки идея. Идея должна побороть материальную природу, победить ее. Пройдя три стадии – механизм, химизм, организм – идея превращается в дух. Для механизма характерна внешняя связь его частей, для организма же характерно то, что его части подчинены целому.

Система Гегеля: Философия духа

Третья часть системы – **Философия духа**. **Дух – это идея, преодолевшая природу**. Жизнь духа – его самососвобождение от материальных ограничений.

В своем развитии дух проходит три стадии. Сначала он предстает в виде **субъективного духа** – души отдельного человеческого индивидуума.

Затем он становится **объективным**, надындивидуальным **духом**. Сюда относится нравственность, право, государство, дух мировой истории. В самом деле, нравственные нормы нельзя считать чьим-то личным достоянием. Они существуют тысячи лет, общеобязательны для всех людей. Люди рождались и умирали, а эти нормы продолжали существовать. Аналогично и государство.

Наконец, высшая стадия – это **абсолютный дух**. Это совершенное познание Разумом самого себя. Внутри абсолютного духа тоже три ступени. Это – искусство, религия и философия. Философия, по мысли Гегеля, есть чистейший дух, высшая духовность, свободная от всего материального, чувственного. А самой лучшей философией является, конечно, философия самого Гегеля. Здесь нет никакого сомнения. Дело в том, что все люди – это порождения и орудия

высшего Разума. Он мыслит через людей. И мы, наш разум – всего лишь средство, для того, чтобы высший Разум через нас познавал бы самого себя.

Конец истории

Поэтому рано или поздно Разум должен познать себя до конца и его развитие прекратится. Поэтому и мировая история должна закончиться. В конце XX века американский мыслитель Френсис Фукуяма снова выдвинул идею конца истории. По его мнению, рано или поздно все страны мира построят у себя демократический капитализм, и на этом история закончится. Ведь лучшего общественного строя, по его мнению, быть не может.

Диалектически метод - триада

Гегель разработал **диалектический метод**, который соответствует развитию предмета. Он имеет тройственный ритм, поэтому нередко его называют **триадой**. Он состоит из 5 шагов, трех утверждений и двух отрицаний. Первый шаг – утверждение одной противоположности – **тезис**. Второй шаг – **первое отрицание** - отрицание(уничтожение) тезиса. Третий шаг - утверждение его противоположности – **антитезиса**. Четвертый шаг – **второе отрицание или отрицание отрицания**. Это одновременно, как отрицание антитезиса, так и отрицание вражды и несовместимости тезиса и антитезиса. Наконец, пятый, самый интересный шаг - **синтез** или «снятие» - примирение и объединение тезиса и антитезиса в высшем единстве. Снятие по-немецки звучит как die Aufhebung. Это слово одновременно имеет три значения. Это уничтожение (вражды тезиса и антитезиса), сохранение (положительного содержания тезиса и антитезиса) и возвышение (за счет объединения тезиса и антитезиса). Так, по мысли Гегеля, идет прогрессивное развитие.

Пример применения метода

В качестве примера рассмотрим самое начало «Науки логики». Тезис – это **бытие**. Это бытие вообще, бытие как таковое, а не бытие конкретной вещи – стола, стула и т. п. Это абстрактное бытие бессодержательно, пусто и о нем ничего нельзя высказать. Но то, о чем ничего нельзя сказать есть небытие. Таким образом, бытие превращается в небытие. Антитезис – **небытие**. Небытие существует хотя бы в виде мысли или слова, значит, оно есть бытие. Чтобы объединить тезис и антитезис, нужен синтез. Синтез бытия и небытия – **становление** (возникновение и исчезновение). Возникновение – переход от небытия к бытию. Исчезновение – переход от бытия к небытию.

Если мы возьмем в качестве тезиса и антитезиса белое и черное, то синтезом будет серое различных оттенков. Любое промежуточное, переходное состояние есть какой-то синтез противоположностей.

Возьмем пример с конечным и бесконечным. Многие люди придерживаются **тезиса**: существует только конечное. Но конечное кончится или не кончится? Если не кончится, то оно бесконечно. Значит, верен **антитезис**: кроме конечного, есть еще бесконечное. Таким образом, мир предстает разделенным на две части.

Литература

1. Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. - М.,1977. - Т. 1 - 3.

Контрольные вопросы

1. [Что такое панлогизм и всемогущество Разума?](#)

2. Каков замысел системы Гегеля?
3. Каковы части системы Гегеля?
4. В каком смысле нужно понимать «конец истории»?
5. Какие шаги мысли присутствуют в диалектическом методе Гегеля?

Задания к семинару № 5 (Раздел 4 ОНТОЛОГИЯ ИДЕАЛЬНОГО
МИРА, Темы № 7, 8, 9, 10)

РАЗДЕЛ 5. ДИАЛЕКТИКА

Тема № 11. Диалектика, метафизика, релятивизм. Учение о развитии

Опыт

Как отдельные предметы, так и целые классы вещей, находятся в особых **смысловых отношениях** между собой. Это – отношения **сходства (тождества)** и **различия**. Мы говорим: «сын похож на отца» или «один человек отличается от другого». На самом деле эти две противоположности всегда существуют вместе. Такое их единство называется **конкретным тождеством**. Конкретность означает, что различие находится внутри тождества, а тождество внутри различия. Например, если мы говорим, что Вася выше Маши, то здесь, наряду с различием, высказывается тождество: оба имеют общее свойство – рост.

Противоположность

Предельное различие внутри тождества, или полярность, называется **противоположностью**. Противоположности выражаются в языке в виде антонимов: черное и белое: сладкое и горькое, добро и зло, счастье и несчастье и т.д.

ПРОБЛЕМА: КАКОВЫ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ПРОТИВООПОЛОЖНОСТЕЙ МЕЖДУ СОБОЙ?

По этой проблеме можно выделить 3 основных точки зрения в чистом виде:

Метафизика

Метафизическая точка зрения. Слово «метафизика» имеет два основных значения. Часто **«метафизика»** означает «философия», является ее синонимом. Но в данном контексте мы будем использовать слово «метафизика» в качестве особой теории взаимосвязи противоположностей, альтернативной диалектической теории. **Метафизика рассматривает противоположности как несовместимые друг с другом**. Они не могут объединяться, существуют обособленно друг от друга. Метафизик мыслит по принципу: или одно, или другое, третьего не дано. Или добро, или зло, или черное или белое и т. д. На практике, сталкиваясь со сложностью проявлений жизни, метафизик склонен метаться из одной крайности в другую. «И я сжег то, чему поклонялся, и стал поклоняться тому, что сжигал».

Релятивизм

Релятивизм – это метафизика наизнанку. **Релятивисты видят только единство противоположностей, и пренебрегают различием**. Им кажется, что противоположности суть одно и то же. Например, различие между добром и злом малосущественно. В постмодернизме, популярном ныне течении в философии и культуре, существуют попытки устранить из языка все оппозиции, т. е. противоположности. Например, истина – есть разновидность вымысла, удовольствие – разновидность боли, мужчина – разновидность женщины. Для такого способа мышления подходит поговорка: «Ночью все кошки серы». При последовательном проведении этого взгляда разрушается здравая человеческая логика. Поэтому релятивизм берут на вооружение тоталитарные режимы, чтобы

оправдать свою антигуманную практику. Дж Оруэлл в романе 1984 описал способ мышления будущего тоталитарного общества, который называется двоемыслием. В этом обществе используются такие лозунги: Мир – это война, Свобода – это рабство и прочее в том же духе.

Диалектика

Диалектика – пытается найти золотую середину между метафизикой и релятивизмом. Она утверждает **конкретное единство противоположностей, то есть такое, где одновременно присутствует и единство, и различие**. Противоположности и различны, и тождественны. Они образуют сложные хитросплетения, объединения друг с другом, но одновременно могут отделяться друг от друга, бороться друг с другом. Формула диалектики: «и то, и другое». Символом диалектики можно считать магнит, поскольку у него всегда есть два полюса, не совпадающие друг с другом, но неотделимые друг от друга. Этимология слова «диалектика» означает «вести спор, беседу».

Свойства противоположностей

Можно выделить несколько свойств противоположностей.

Во-первых, **противоположности отрицают или исключают друг друга**. Одна противоположность не есть другая. Черное не есть белое. Белое не есть черное.

Во-вторых, **противоположности имеют общую основу**. Например, у белого и черного – это цвет. Сравним различие сладкого и горького и сладкого и черного.

В-третьих, существование одной противоположности **предполагает** существование другой, не обязательно, впрочем, здесь и сейчас. Если где-то есть белое, то где-то обязательно должно быть черное.

В-четвертых, противоположные свойства **могут сменять друг друга**. Например, сладкое может стать горьким и наоборот.

Основные типы процессов и развитие

Диалектика является также и учением о развитии, происходящем посредством единства и борьбы противоположностей. Развитие и движение – не одно и то же. Всякое развитие есть какое-то изменение, но не всякое изменение есть развитие. Можно выделить 3 основных типа процессов в мире, по форме протекания:

Прогресс – движение от низшего к высшему, от простого к сложному. Это и есть развитие. Развертывание. Пример: научно-технический прогресс.

Регресс – обратное движение от высшего к низшему, процесс упрощения, примитивизации, ведущий, в конечном счете, к распаду.

Циклическое, круговое движение, периодическое повторение одного и того же.

В реальности эти типы процессов смешаны друг с другом и, в чистом виде, не встречаются.

В полном смысле под **развитием** можно считать только прогресс. Под **развитием** часто понимается **необратимое, качественное, системное изменение предмета**. Нерешенным является вопрос: что преобладает в мире прогресс или регресс, или, может быть, круговое движение?

В древнем мире преобладало представление о цикличности, о вечном возвращении. В средние века доминировало представление о регрессе. Люди считали, что они живут в конце времен, мир стареет и движется к своему концу. В

новое время возобладал представление о прогрессе. до сих пор многие люди верят в преобладание прогресса. Но так ли это?

Парадокс развития

При размышлении над феноменом развития мы сталкиваемся с **парадоксом развития**. Его можно сформулировать так: **новое возникает из старого, но в старом нового нет**. Получается, что новое возникает из старого, но, одновременно, не может из него возникнуть. Ведь новое эмерджентно, в нем есть такие качества и свойства, которых нет у старого. Можно выделить два основных способа решения парадокса развития.

1. **Материалистическая концепция развития** считает, что развивается материя, материальные объекты. Развитие идет стихийно, ненаправленно, посредством множества случайностей. В старом содержится возможность нового, и случайные обстоятельства позволяют этой возможности превратиться в действительность.

2. **Идеалистическая концепция развития** считает, что источник развития заключен в нематериальной реальности – идеях. Поэтому перед появлением нового в материальном мире, должна быть идея этого нового в идеальном мире. Эта идея как бы программирует развитие. Поэтому, хотя случайные обстоятельства также признаются, но все же процесс идет закономерно, упорядоченно, разумно. Таким образом, для превращения возможности в действительность необходимо воздействие идеи.

Литература

1. Вышеславцев Б.П. Этика преображенного эроса. - М.,1994. - С.228-250.
2. Ильин И. А. Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека. - СПб.,1994.- С.90-160.
3. Критика немарксистских концепций диалектики XX века. Диалектика и проблема иррационального. - М.,1988. - 478 с.
4. Лосев А.Ф. Дерзание духа. - М.,1988. - С. 56-150.

Контрольные вопросы

1. Что такое смысловые отношения и конкретное тождество?
2. Что такое противоположность?
3. Как решает проблему связи противоположностей метафизика?
4. Как решает проблему связи противоположностей релятивизм?
5. Как решает проблему связи противоположностей диалектика?
6. Каковы основные свойства противоположностей?
7. Какие основные типы процессов в мире?
8. Что такое развитие?
9. Что такое парадокс развития, и каковы основные способы его решения?

Тема № 12. Основные законы диалектики

Диалектика формулирует основные законы движения и развития. Впервые они были открыты Гегелем, а затем материалистически истолкованы в марксистской философии.

Закон единства и борьбы противоположностей

Главным из трех основных законов диалектики является **закон единства и борьбы (закон взаимопроникновения противоположностей)**. Этот закон гласит: **все процессы движения и развития имеют своим содержанием и источником (причиной) борьбу и объединение (единство) противоположностей. Борьба** – это отрицательное отношение противоположностей, при котором одна противоположность стремится уничтожить или вытеснить другую противоположность. При этом, чем больше одной противоположности, тем меньше другой. Борьба противоположностей – это диалектическое противоречие. **Объединение** – положительное отношение противоположностей, где одна противоположность помогает, дополняет другую. В данном случае. Чем больше одной противоположности, тем больше другой. Расход, содействующий прибыли есть капиталовложение.

Во всех областях действительности мы можем наблюдать игру противоположностей. В механическом движении мы сталкиваемся с диалектикой прерывности и непрерывности, на чем основаны апории Зенона. В физической области – это притяжение и отталкивание, положительный и отрицательный заряд, противоположность процессов нагревания и охлаждения и др. В области химии – это валентность, кислота и щелочь и т. д. В органической области – наследственность и изменчивость, ассимиляция (усвоение) и диссимиляция (выделение) веществ организмом. В области социальной – борьба классов, противоположность умственного и физического труда. В жизни личности – душа и тело, эгоизм и альтруизм, чувства и разум и т. д.

Стратегии разрешения противоречия

Диалектическое противоречие должно быть разрешено, то есть в итоге должно получиться объединение противоположностей. Существуют две стратегии обращения с противоположностями. Первая – назовем ее **стратегией Гераклита** – считает, что борьба это естественный и необходимый процесс. Еще в древности Гераклит сформулировал закон Божественной войны: все возникает в результате вражды и одно за счет другого. Если это так, то к единству можно придти только через борьбу. Добро достигается через зло, ибо там, где борьба, там страдание и причинение страданий другому. Ярким образчиком такого взгляда является марксизм. Вторая – назовем ее **стратегией Лао-цзы** – полагает, что лучше не доводить разъединение и борьбу противоположностей до крайности, до вражды, а нужно стремиться удерживать их в гармонии, ориентируясь при этом на золотую середину, на меру. Такой подход ярко сформулирован в китайской философии, особенно, в даосизме. Лао-цзы – основатель даосизма, учил не разворачивать и усиливать противоположности, вернуться к их изначальному единству. «Держать в руках два конца, но при этом использовать середину». Ему же принадлежит парадоксальный афоризм: «Слабое побеждает сильное, мягкое побеждает твердое». Если уйти из-под ига вражды, то будешь жить в мире, как ребенок во чреве матери – так считают даосы.

В 20 веке советский изобретатель Генрих Альтшуллер придумал ТРИЗ – теорию решений изобретательских задач. Она носит диалектический характер.

Каждое изобретение требует разрешения какого-либо противоречия. Для этого нужно очень хорошо осознать противоречие, продумать его, и тогда легче найти, то, что разрешит противоречие.

Закон перехода количественных изменений в качественные и обратно

Еще в древней Греции мыслители обсуждали софизмы «Лысый» и «Куча». Если взять волосатого человека и выдернуть из его шевелюры один волосок, то станет ли он лысым? Наверное, нет. А если выдернуть еще один, и еще, и еще? Рано или поздно на голове человека останется всего один волосок, и выдернув его мы сделаем волосатого человека лысым.

Закон взаимного перехода количественных и качественных изменений утверждает, что постепенные, незначительные количественные изменения на определенной ступени приводят к изменению качества.

Количество – безразличная к бытию вещи определенность, то, что можно сосчитать, что может быть больше или меньше. **Качество** – свойство какой-либо вещи. Количественные изменения – незначительные изменения. Качественные изменения – изменения свойств предмета, исчезновение одних свойств и появление других. Например, количественное изменение температуры воды до поры до времени не оказывает влияния на свойство воды быть жидкой, однако, при 100 градусах по Цельсию произойдет именно качественное изменение – вода превратится в пар. Все точки кипения, замерзания, испарения, так называемые фазовые переходы – это пункты, где количество переходит в качество. В химии об этом же говорит периодический закон Д.И. Менделеева. В экономике необходим определенный стартовый капитал.

В первой половине 19 века во Франции правил король Луи-Филипп. Карикатурист Шарль Филлипон, изобразил голову короля в смешном виде в виде груши. На суде художник в свое оправдание представил несколько картинок и попросил судей объяснить, где начинается оскорбление его величества.

Мера

Важной, в этой связи, является категория меры. **Мера** – это количественно определенное качество, количественный интервал, в рамках которого существует данное качество. Для жидкой воды – это от 0 до 100 градусов. Мера важна для правильной жизни. Еще греческие мудрецы говорили: «Мера есть наилучшее» и «Ничего слишком». Аристотель применил эту идею к этике. По его мнению, любая добродетель есть середина между двумя крайностями – избытком и недостатком, которые являются пороками. Например, смелость – добродетель, а пороками будут недостаток смелости – трусость и избыток смелости – безрассудство.

Качественное изменение называется в диалектике словом **скачок**. Для скачка характерны некоторая неопределенность, неупорядоченность и перерыв

постепенности, прекращение того, что было раньше. Можно выделить два основных вида скачка: а) относительно медленный и плавный – **эволюцию** и б) относительно быстрое, коренное изменение – **революцию**. В истории мы наблюдаем наличие обоих видов скачков.

Отрицание метафизическое и диалектическое

Закон отрицания отрицания описывает последовательность фаз прогрессивного развития. **Отрицание** в диалектике рассматривается как процесс уничтожения, упразднения чего-либо. В диалектике различается два вида отрицания. **Метафизическое отрицание** – это такое отрицание, при котором теряются достижения старого содержания. Это абстрактное отрицание без сохранения и преемственности. Оно чрезмерно и поэтому прерывает процесс развития. Если взять зерно, то примером метафизического отрицания можно считать физическое размалывание зерна. **Диалектическое отрицание** сохраняет положительное содержание старого, здесь отрицание находится в единстве со своей противоположностью – сохранением и преемственностью. Диалектическое отрицание является необходимым моментом развития, ведь для появления нового старое должно отмереть. При этом отрицание происходит в меру, не полностью, что и создает необходимые условия для прогресса. Весь процесс эволюции или развития можно представить как цепь последовательных отрицаний.

Закон отрицания отрицания

Закон отрицания отрицания утверждает, что прогрессивное развитие проходит три основные стадии. **Первая стадия – тезис** характеризуется тем, что здесь преобладает единство противоположностей, а борьба отсутствует или неразвита. Можно назвать этот период «спящим противоречием». Примеры – детство, невинность и т.п. **Вторая стадия – антитезис** – это период преобладания борьбы, обострения противоречия. Пример – подростковый возраст. **Третья стадия – синтез**. В нем происходит возврат к единству противоположностей, но на более высоком уровне, включающем все достижения антитезиса. Пример – зрелость. Весь процесс развития имеет форму **спирали**. Происходит **возврат к якобы старому**. Велика роль в этом процессе отрицания. Тезис отрицается антитезисом, а антитезис – синтезом. Причем второе отрицание отрицает первое отрицание, устраняя, тем самым, несовместимость тезиса и антитезиса и создавая условия для объединения содержания тезиса и антитезиса. Синтез представляет собой новое, более высокое качество по сравнению с тезисом и антитезисом, поэтому его достижение есть прогресс.

С изложением взглядов Ф. Энгельса на закон отрицания отрицания можно познакомиться в соответствующем разделе пособия.

Литература

1. Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. - М., 1975. - Т.1. –С.264-365.
2. Диалектическое противоречие. - М., 1979. - 343 с.
3. Энгельс Ф. Анти-Дюринг. - М., 1983. - С.118-142.

Контрольные вопросы

1. Что утверждает закон единства и борьбы противоположностей?
2. В чем различие между стратегиями разрешения противоречия у Гераклита и Лао-цзы?
3. Что такое количество и качество?
4. Что утверждает закон перехода количественных изменений в качественные и обратно?
5. Что такое мера и каково ее значение в мире?
6. Сущность и основные виды диалектического скачка?
7. Что такое отрицание? Чем отличаются друг от друга диалектическое и метафизическое отрицание?
8. Что утверждает закон отрицания отрицания?

Задания к семинару № 6 (РАЗДЕЛ 5 ДИАЛЕКТИКА, Темы № 11, 12)

РАЗДЕЛ 6. УЧЕНИЕ О ДУШЕ И СОЗНАНИИ

Тема № 13. Проблема души как субстанции

Опыт.

Кроме внешнего опыта, добываемого с помощью внешних чувств – зрения, слуха, обоняния, осязания и вкуса, есть еще **внутренний опыт**. Он говорит нам о том, что у каждого из нас есть внутренний мир мыслей, чувств, переживаний и т. п. Эти образования – **психические явления или феномены** - отличаются от обычных материальных вещей. У них нет ни первичных, ни вторичных качеств. Они нематериальны, идеальны. В настоящее время психические феномены нередко называют ментальными. Мы знаем, что ментальные (психические) состояния наделены и каузальной силой. Они являются причинами того или иного человеческого поведения. Например, гнев может привести человека к агрессивному поведению.

Вопрос заключается в том, что является их источником – тело или особая нематериальная субстанция.

ПРОБЛЕМА: СУЩЕСТВУЕТ ЛИ ДУША КАК ОСОБАЯ НЕМАТЕРИАЛЬНАЯ ПСИХИЧЕСКАЯ СУБСТАНЦИЯ, ПОРОЖДАЮЩАЯ ПСИХИЧЕСКИЕ ФЕНОМЕНЫ ИЛИ ТАКОВОЙ СУБСТАНЦИИ НЕТ?

Есть два основных ответа на эту проблему.

Феноменализм

Феноменализм считает, что существуют лишь отдельные психические феномены, а психической субстанции нет. К такому взгляду склонны материалисты. Однако не только они. Еще Будда говорил, что любовь к душе равнозначна любви к самой красивой девушке страны, которую никто не видел. Главный аргумент феноменалистов заключается в том, что душа как субстанция не дана ни во внутреннем, ни во внешнем опыте. Английский агностик Давид Юм писал, что сколько он ни всматривался внутрь своего сознания, нигде не он не смог обнаружить души. Психика предстает в виде множества психических феноменов, наподобие мешка с картошкой. Если же психической субстанции нет, то остается материальная субстанция - тело. Не зря, поэтому, материалистическую психологию называют психологией без души.

*Душа! Любовь моя! Ты дышишь
Такою чистой высотой,
Ты крылья тонкие колышешь
В такой лазури, что порой,*

*Вдруг, не стерпя счастливой муки
Лелея наш святой союз,
Я сам себе целую руки,
Сам на себя не нагляжусь.*

*И как мне не любить себя,
Сосуд непрочный, некрасивый,
Но драгоценный и счастливый
Тем, что вмещает он – тебя?
Ходасевич В. Ф. К Психее*

Субстанционализм

Субстанционализм считает, что психические феномены производятся особой психической субстанцией – душой. Как правило, такого взгляда придерживаются идеалисты.

Льву Лопатину, русскому философу конца XIX – начала XX века принадлежат следующие **аргументы в пользу существования души**:

а) Во внутреннем опыте мы наблюдаем психику не как собрание множества четко отделенных друг от друга атомов, а как нечто целостное и аморфное. Границы между психическими феноменами размыты. Источником, причиной целостности может являться только особая психическая субстанция – душа.

б) Мы знаем, что в психике, помимо изменчивых психических явлений есть нечто постоянное, неизменное. Это и есть душа как субстанция. Каждый из нас в течение жизни очень сильно изменяется – от новорожденного ребенка до старика. Но ведь и этот ребенок, и этот старик – один и тот же человек. одна и та же личность. Что же делает их одно личностью? Психические феномены изменчивы, тело тоже находится в постоянном процессе изменения. значит, только душа как субстанция может обеспечить себестождественность личности.

в) Если есть явления, то должна быть и сущность, то есть то, что проявляет, показывает себя в явлении. Если явления нематериальны, то и сущность должна быть нематериальна. Эта сущность и есть душа – психическая субстанция. Ведь психические явления нематериальны.

Опыт. Факт согласованности психических и физических процессов

В жизни мы наблюдаем соответствие между психическими и физическими процессами. Например, я захотел пойти в столовую, и мое тело, подчиняется и перемещается именно в это место. Мы знаем, что деятельность нашего сознания связана с мозгом. При повреждении некоторых участков мозга человек утрачивает некоторые функции. Отсюда ученые сделали вывод о наличии локализации этих функций в мозге, о наличии особых центров, отвечающих за ту или иную функцию – например, за речь, эмоции и пр. С другой стороны, как установлено, что в некоторых случаях мозг ведет себя как единое целое без дифференциации на центры. Кроме того, при повреждении некоторых участков мозга другие участки мозга берут на себя функции поврежденных участков.

Важной и до сих пор нерешенной проблемой является **психофизическая проблема**.

ПСИХОФИЗИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА: КАК СВЯЗАНЫ МЕЖДУ СОБОЙ ПСИХИЧЕСКОЕ (МЕНТАЛЬНОЕ) И ФИЗИЧЕСКОЕ, ДУША И ТЕЛО?

*Дано мне тело – что мне делать с ним,
Таким единым и таким моим?
За радость тихую дышать и жить
Кого, скажите, мне благодарить?
Я и садовник, я же и цветок,
В темнице мира я не одинок.
На стекла вечности уже легло
Мое дыхание, мое тепло.
Запечатлется на нем узор,
Неузнаваемый с недавних пор.
Пусть мгновения стекает муть –
Узора милого не зачеркнуть*

Литература

1. Аристотель О душе// Аристотель Сочинения в четырех томах. - М., 1976. - Т.1. - С.369-450.
2. Лопатин Л. М. Явление и сущность в жизни сознания, понятие о душе по данным внутреннего опыта, Вопрос о реальном единстве сознания//Лопатин Л. М. Аксиомы философии. – М..1996.- С. 146 – 238.

Контрольные вопросы

1. Что говорит внутренний опыт о психических феноменах и их свойствах?
2. Как решает проблему существования души как субстанции феноменализм?
3. Каковы аргументы субстанционализма в пользу существования души?
4. Какой факт свидетельствует о существовании психофизической проблемы? В чем ее суть?

Тема № 14. Психофизическая проблема. Гилозоизм. Дуализм Р. Декарта.

Гилозоизм

1. Исторически первой концепцией по данной проблеме был **гилозоизм** – учение о том, что все материальное одушевлено. Гиле – материя, зоз – жизнь по-гречески. Такого взгляда на мир придерживались древние философы. Например, Гераклит считал первоначалом умный огонь, а Фалес называл воду божественной. Такой же взгляд свойственен мифам, сказкам, легендам, искусству вообще. В XVIII веке французский философ **Ж.Б. Робинэ** аргументировал позицию гилозоизма следующим образом: мир представляет собой единое целое, значит основные свойства должны быть присущи всему существующему. Эти свойства – материальность, жизнь и одушевленность. Различие лишь в степени.

Дуализм. Две субстанции и их атрибуты

2. Гилозоизм сменяется **дуализмом**. В европейской традиции основоположником дуализма можно считать французского философа XVII века **Рене Декарта**. По Декарту, существует два основных типа субстанций. Первый – это **материальная субстанция или тело**. Тело имеет **атрибуты** – необходимые свойства. Это – протяжение (наличие трех измерений пространства) и делимость. Второй тип субстанции – **душа или мыслящая субстанция**. Мышление, по Декарту, это все то, что происходит осознанно. Так что для него душа и сознание – это синонимы. **Атрибуты души** прямо противоположны атрибутам тела. Душа непротяженна, неделима и, в силу этого, бессмертна.

В жизни мы наблюдаем согласованность процессов, идущих в обеих субстанциях, **согласованность** психических и физических процессов. Например, я поставил себе в душе цель придти на лекцию, и мое тело переместилось в физическом мире из одного места в другое. Как возможна такая согласованность?

Психофизическое взаимодействие

Р. Декарт объясняет ее тем, что в мозгу человека, а точнее, в **шишковидной железе** происходит **психофизическое взаимодействие**. Это взаимодействие двух субстанций и обеспечивает их согласованность. Однако, как же они могут действовать друг на друга, если их свойства прямо противоположны и между ними нет ничего общего? Этот вопрос Р. Декарт не разъяснил.

Литература

1. Декарт Р. Первоначала философии; Страсти души// Декарт Р. Сочинения в двух томах. - М., 1989. - Т.1.- С.314-318, 481-572

Контрольные вопросы

1. Как решает психофизическую проблему гилозоизм?
2. Какие главные субстанции выделяются в дуализме, и каковы их атрибуты?
3. В чем суть теории психофического взаимодействия Р. Декарта и ее слабые места?

Тема № 15. Пантеизм Б. Спинозы о связи души и тела. Психофизический параллелизм

Пантеизм Б.Спинозы.

Пан – все, теос – Бог. Бенедикт Спиноза, голландский философ XVII века, считал, что существует только **одна субстанция** – Бог или природа. У него Бог и мир объединены в единое целое – это называется **пантеизмом**. Субстанция является причиной самой себя.

Атрибуты и модусы субстанции

Все единичные предметы и существа существуют внутри Бога-субстанции как его **модусы** – частички или акциденции. У Бога бесконечно много атрибутов, но мы знаем два – **мышление и протяжение**. Поэтому у всех модусов есть две эти стороны. Совокупность всех умов во вселенной образуют бесконечный интеллект Бога, а совокупность всех тел - бесконечное тело Бога.

Психофизический параллелизм

Поскольку у всего есть психическая и физическая сторона, то согласованность психических и физических процессов объясняется просто. Эти процесс идут **параллельно** друг другу, не действуя друг на друга, подобно человеку и его тени. Такая позиция называется **психофизическим параллелизмом**. У Б. Спинозы остается непонятным, что обеспечивает параллелизм.

Смотреть глазами Бога

Б. Спиноза критиковал традиционные иудейскую и христианскую религию за то, что в них Бог имеет личный, антропоморфный характер. Это наводит на мысль, что такой образ Бога списан с человека.

Кроме того, его философию отличают ярко выраженный фатализм и отрицание свободы воли. Таким образом, будет ли человек грешником или праведником предопределено изначально Богом. Б.Спиноза призывал объективно изучать психику и поведение человека. **«Не плакать, не смеяться, а понимать»** - таков был его девиз. Кроме того, он советовал в трудных жизненных ситуациях посмотреть на положение дел **с точки зрения вечности**, т. е. глазами Бога. Тогда многое прояснится.

Литература

1. Спиноза Б. Этика – Мн., М., 2001.

Контрольные вопросы

1. Что такое пантеизм?
2. Как понимает Б. Спиноза субстанцию, атрибуты и модусы?
3. В чем суть теории психофизического параллелизма Б. Спинозы? Ее трудности?

Тема № 16. Теория предустановленной гармонии В. Г. Лейбница

Монады

Самой известной теорией в метафизике XVII –XVIII веков была теория предустановленной гармонии немецкого философа Г. Лейбница. По Лейбницу, все вокруг индивидуально, нет абсолютно похожих вещей. Этот факт он объяснял тем, что мир состоит из бесконечного множества индивидуальных субстанций – **монад**. Это – философский плюрализм. Монада – нечто **абсолютно простое**. Ведь, если есть сложное, то должно быть и простое. Но абсолютно простое **нематериально**, так как не имеет частей. Монада обладает **активностью**, идущей изнутри, хотя бы в виде сопротивления. Монады **индивидуальны**, неповторимы, поэтому и все вокруг тоже индивидуально. Нельзя найти двух абсолютно одинаковых листочков в саду.

Все полно монад, поэтому нет ничего абсолютно мертвого. Весь мир, по Лейбницу полон жизнью и одушевлен, подобен пруду, полному живности.

Виды монад

Можно выделить три основных вида монад. Во-первых, это **простые монады** в неживых предметах, во-вторых, это **души** – в живых существах, в-третьих – **разумные духи** в людях и ангелах. Самая главная монада – Бог. Это монада монад, сотворившая остальные монады.

Свойства монад

Монады замкнуты в себе, «не имеют окон». Однако у каждой монады всегда есть тело, которое связано со всеми телами во вселенной. Поэтому все, что происходит во вселенной, отражается на теле монады. В силу этого монада знает

все прошлое, настоящее и будущее, только смутно, ибо вся эта информация слаба и перемешана друг с другом. Монада это эхо или **зеркало вселенной**. Все живые существа **бессмертны** и духовно, и физически. Монады, как таковые, неуничтожимы, и у них всегда остается тело, хотя бы в виде одной молекулы. Смерть – это просто свертывание, уменьшение тела, а рождение и рост – развертывание тела. Смерти фактически нет.

Предустановленная гармония

Согласованность души и тела Лейбниц объяснял при помощи **предустановленной гармонии** души и тела. Бог при сотворении мира рассчитал все будущее и сделал таким образом, чтобы движения всех душ и всех тел соответствовали бы друг другу (гармонировали между собой) . Бог подобен идеальному часовщику, который создал бесконечное множество часов, идущих в унисон друг с другом. В сущности, здесь тоже психофизический параллелизм, как и у Спинозы, только предустановленная гармония привлечена для объяснения соответствия психических и физических процессов.

Оптимизм

Бог мог создать множество возможных миров, но он создал именно наш. Бог не может выбрать плохое, следовательно, **все к лучшему** в этом лучшем из миров.

Литература

1. Лейбниц Г.В. Монадология //Лейбниц Г.В. Сочинения в четырех томах. - М.,1982.- Т.1.- С.404 – 430.

Контрольные вопросы

1. Что такое монады, по Лейбницу, что для них характерно?
2. Каковы виды и свойства монад?
3. Как решает психофизическую проблему теория предустановленной гармонии Лейбница?

Тема № 17. Материалистическая теория психики (вульгарный материализм, эпифеноменализм, теория отражения)

Материализм о сознании

Оптимистическая теория Лейбница встретила отпор со стороны материалистической теории психики. Согласно материализму, души как субстанции нет, а **психическое – это свойство высокоорганизованной материи – мозга, функция мозга.**

Трудность для материализма

Трудным местом для материализма является объяснение того, каким образом немыслящая, бессознательная материя могла породить сознание, психику.

Однако материализм не однороден, можно выделить три разновидности материалистической теории психики.

Вульгарный материализм

А) **Вульгарный материализм** считает, что психическое материально, вещественно. Главные представители – немецкие материалисты XIX века К.Фогт, Я.Молешотт, Л.Бюхнер. Отрицание специфики психического, сознания проявилось в знаменитом афоризме К. Фогта: «Мозг также выделяет мысль, как печень – желчь, а почки – мочу».

Эпифеноменализм

Б) Многие материалисты XIX – начала XX веков придерживались **эпифеноменализма**. По мнению представителей этой точки зрения, психика или сознание есть эпифеномен – необязательное дополнение к телу, без которого тело вполне могло бы существовать. Тело на психику действует, а психика на тело – нет. Иначе бы нарушались законы природы, в частности, закон сохранения энергии.

Представим себе студента, спешащего к остановке. Зная скорость его движения и его направление, мы можем рассчитать, когда он достигнет остановки. Однако вдруг он вспоминает, что забыл важный конспект дома. Он резко поворачивается и идет обратно. С точки зрения физики – это невозможная вещь. Какой-то нематериальный фактор подействовал и изменил все характеристики физического движения. Значит, думают материалисты, психика не может действовать на тело. Психика, в таком понимании, есть как бы тень тела. Трудностью для эпифеноменалистов является объяснение природы психосоматических заболеваний. Современная медицина установила, что многие болезни тела начинаются с психических потрясений. Тогда, получается, что все-таки психика действует на тело.

Теория отражения

В) **Теория отражения** была выработана в рамках марксизма-ленинизма. Она призвана преодолеть трудности, стоящие перед материализмом при объяснении сознания. Основоположителем данной теории принято считать В.И. Ленина, поэтому часто ее называют ленинской теорией отражения. По мнению марксистов, все материальные системы обладают свойством отражения. Это способность одного тела воспроизводить в своих состояниях свойство другого тела. Проще говоря, это способность принимать и сохранять следы воздействия других тел.

Свойство отражения развивается и проходит три основных ступени. Первая – **отражение в неживой природе**. В качестве примера можно привести следы на песке, на снегу, отражение в зеркале, в воде, всяческие царапины, вмятины и т. п. Здесь отражение либо безразлично для отражающего предмета, либо деструктивно для него. Вторая ступень – **отражение в живой природе**. Примером являются раздражимость, чувствительность, ощущение живых организмов. Отражение в живой природе избирательно и направлено на удовлетворение биологических потребностей. Оно помогает выживанию и продолжению рода. Третья, высшая ступень отражения – **человеческое сознание**.

В отличие от животной психики оно способно постигать не только внешние признаки вещей, но и их скрытую сущность. Поэтому только у человека есть наука. Сознание обладает творческой силой. Творчество – это создание чего-то нового, небывалого. Поэтому вся человеческая культура в широком смысле слова – результат человеческого творчества и составляет специфику человеческого существования. Сознание тесно связано с общением людей, поэтому выражается

в языке. Развивается же сознание в тесной связи с практической, предметной, трудовой деятельностью. Труд, общение и язык являются основными факторами антропогенеза – происхождения человека.

На Западе некоторые материалисты пытаются уйти от отрицания особенности психических явлений на основе понимания ментального как эмерджентного свойства человеческого мозга. Однако, как отмечал еще советский философ, Э. Ильенков мыслит не мозг сам по себе, а человек при помощи мозга. Причем этот человек осуществляет деятельность по преобразованию мира в кооперации с другими людьми. Идеальное как свойство сознания всегда существует только как форма деятельности общественного человека, направленной на внешний мир.

Литература

1. Юркевич П. Д. Из науки о человеческом духе// Юркевич П. Д. Философские произведения. – М., 1990 – С.104 – 192.

Контрольные вопросы

1. Каков общий материалистический взгляд на связь сознания и материи?
2. В чем особенность вульгарного материализма?
3. Каковы основные идеи эпифеноменализма?
4. В чем заключается основная трудность для материалистической теории психики?
5. Как эту трудность пытается решить теория отражения?

Тема № 18. Субъективный идеализм

Субъективный идеализм против материализма

Противостоит материализму и является полной его противоположностью теория субъективного идеализма. В европейской традиции, ее основателем является английский философ XVIII века Джордж Беркли. В качестве священника он рьяно боролся с безнравственностью, которая, по его мнению, тесно связана с атеизмом и материализмом. Поэтому главный свой удар Д.Беркли направил против материи.

Сознание первично

По его мнению, существует только субъективная реальность, то есть существует сознание и то, что внутри него. Есть только духи(души) и их состояния. Существовать для любой вещи – означает быть воспринимаемой кем-то. В самом деле: если никто данную вещь не воспринимает, не ощущает, то и сказать, что она существует нельзя.

Аргументы против материи

Материя как объективная реальность, с точки зрения субъективных идеалистов – выдумка материалистов. Д. Беркли приводит следующие аргументы против существования материи:

а) Материя есть нечто общее во всех материальных вещах, но общего, по мнению Беркли не существует, значит, материи нет. В самом деле, попробуем провести мысленный эксперимент – представим себе треугольник вообще. Как бы мы ни старались, у нас все равно получится образ конкретного треугольника с конкретными параметрами и свойствами, то есть образ единичного треугольника, а не общего.

б) вторичные качества вещей субъективны, а о первичных мы узнаем посредством вторичных, следовательно, первичные качества тоже субъективны. В самом деле. материалисты говорят, что первичные качества вещей объективны, например. протяженность и делимость. Однако откуда мы узнаем о существовании этих качеств? Через цвет, вкус, запах, осязательные ощущения через вторичные качества. А раз они субъективны (есть только в нашем сознании), то и первичные качества тоже существуют только в нашем сознании. Значит, нет ничего вне сознания. Нет материи как объективной реальности.

Солипсизм

Крайним вариантом субъективного идеализма является **солипсизм**, считающий, что существует только мое я, а все остальное – мои ощущения.

Литература

1. Беркли Д. Трактат о принципах человеческого знания// Беркли Д. сочинения – М., 1987. – С. 149 – 248.

Контрольные вопросы

1. [Что означает первичность сознания, по Д. Беркли?](#)
2. [Каковы аргументы Д. Беркли против материи?](#)
3. [Что такое солипсизм?](#)

Тема № 19. Строение души. Душа и дух.

Важной проблемой в философии и психологии является проблема строения души или психики.

ПРОБЛЕМА: ИЗ КАКИХ ЭЛЕМЕНТОВ СОСТОИТ ПСИХИКА? КАК ЭТИ ЭЛЕМЕНТЫ СВЯЗАНЫ МЕЖДУ СОБОЙ? Мы рассмотрим две альтернативные теории.

Психоанализ Зигмунда Фрейда

1) Теория **Зигмунда Фрейда**, знаменитого австрийского психолога XX века – **психоанализ** - утверждает, что психика состоит из трех основных элементов. **Первый** – это **Оно** или Ид. Это область бессознательного, где господствуют два влечения. **Эрос** – это влечение к жизни, к удовольствию, прежде всего сексуальному. **Танатос** – влечение к смерти и разрушению, агрессивность. По мнению Фрейда, это влечение является причиной войн и конфликтов. Во многом поведение человека объясняется не его сознательными решениями, а бессознательными порывами. Человек подобен всаднику, едущему с завязанными глазами на лошади.

Второй элемент – **суперэго** или **сверх-я**. Это та часть психики, где запечатлены общественные нормы, правила поведения и связанные с ними чувства вины, долга, совесть и т. п.

Третий элемент – я или эго – это обычное человеческое сознание. Сознание руководствуется принципом реальности, оно знает о времени и смерти. Внутри сознания происходит **конфликт** между Оно и Сверх-я, между бессознательными влечениями и общественными запретами. Запретные влечения **вытесняются** сознанием внутрь бессознательного. Однако, они не исчезают и пытаются прорваться в сознание. Конфликт сознания и бессознательного находит свое выражение в забывании, парaprаксиях – обмолвках и описках, а также в комплексах и неврозах.

По мнению Фрейда, основная психическая энергия у человека – сексуальная – **либидо**. Культура возникает потому, что происходит **сублимация** – переключение сексуальной энергии на общественно полезные цели.

Как видим. З. Фрейд рассматривает основные силы в человеке как биологические инстинкты.

Теория С. Л. Франка

2) Теория **Семена Людвиговича Франка** – русского философа XX века, в отличие от Фрейда, признает существование духа. Согласно Франку, в душе можно выделить три элемента.

Первый – это **непосредственная душевная жизнь**, своеобразное «дно души», куда входят все полусознательные мысли, чувства, переживания. Отсюда берут свое начало порывы, прихоти, капризы, на которых основывается субъективизм. Этот поток сознания в принципе может быть осознан, он не является чисто бессознательным.

Второй элемент – **предметное сознание**. Сознание прозрачно для самого себя. Способно дать отчет в своих действиях. Оно знает, что ему противостоит предмет – нечто вне сознания. Важным свойством сознания является интенциональность. **Интенция** (термин Эдмунда Гуссерля) – это направленность на какой-то предмет. Сознание есть всегда сознание о чем-то.

Третий элемент – **самосознание** – сознание своего я, своей личности. Самосознание выражается двояко. Во-первых, это чувство собственного я, чувство его силы. Мартин Лютер: на том стою и не могу иначе! Во-вторых, самопознание. **Познай самого себя** – было написано на храме в Дельфах. Самопознание – важное условие личностного роста. Как сказал немецкий писатель Томас Манн, тот, кто познал самого себя, никогда не будет таким как раньше.

По мнению С. Л. Франка, кроме души есть еще и такая инстанция как **дух**. Дух открывается в особых переживаниях высоты или глубины. Дух включает в себя разум, нравственное и эстетическое чувство. Он связан с ценностями истины, добра и красоты, бескорыстной любви, свободы.

Как правило, в душе человека образуются **два центра**. Один находится под воздействием духовного начала. Второй формируется господствующим влечением человека. В пользу присутствия духа в человеке свидетельствует факт дистантности человека. Это способность человека подниматься над собой как эгоистическим индивидом, занимать дистанцию по отношению к себе. Ярko это проявляется в муках совести. Русская философия, в противовес фрейдизму подчеркивает значение духовного начала в человеке.

Литература

1. Бердяев Н.А. Философия свободного духа. - М., 1994. - 480 с.
2. Лейбин В. Фрейд, психоанализ и современная западная философия. - М., 1990. - 397 с.

3. Трубецкой С.И. О природе человеческого сознания// Трубецкой С.Н. Сочинения. - М.,1994. - С.483- 593.
4. Франк С. Л. Душа человека. Опыт введения в философскую психологию// Франк С.Л. Предмет знания. Душа человека. - СПб.,1995. - С.419-632.

Контрольные вопросы

1. Каковы основные элементы психики, согласно З. Фрейду?
2. Какую функцию несет сублимация?
3. Основные составляющие души, по С.Франку?
4. Каковы свойства и составляющие духа?

Задания к семинару № 7 (РАЗДЕЛ 6 УЧЕНИЕ О ДУШЕ И СОЗНАНИИ, Темы № 13 – 19)

РАЗДЕЛ 7. ГНОСЕОЛОГИЯ (ТЕОРИЯ ПОЗНАНИЯ)

Тема № 20. Проблема объективности истины

Одной из главных функций сознания является познание.

Основные понятия теории познания

Познание – это постижение человеком какого-либо предмета.

Субъект познания – тот, кто познает, он обладает сознанием и внутренней активностью.

Объект познания – то, что познается субъектом. Объектом может быть материальная вещь, психическое явление, даже сам процесс познания.

Истина – верное представление субъекта об объекте, то есть такое представление, которое соответствует объекту.

Заблуждение – представление, не соответствующее объекту.

Теории истины

Классическая или **корреспондентская** теория истины сформулирована Аристотелем. Истина понимается как соответствие мысли (высказывания) действительности.

Конвенционалистская теория истины считает, что истина есть результат соглашения (конвенции) между учеными.

В философии **прагматизма** истина трактуется как знание полезное, эффективное, позволяющее достичь успеха.

Когерентная теория истины считает главным признаком истинного знания его внутреннюю непротиворечивость, согласованность (когерентность).

Главные проблемы теории познания связаны с поиском истины. Истина – это субъективный образ объективного мира. Отсюда возникает слудющая проблема.

ПРОБЛЕМА ОБЪЕКТИВНОСТИ ИСТИНЫ: СУЩЕСТВУЕТЛИ ОБЪЕКТИВНАЯ ИСТИНА, СОДЕРЖАНИЕ КОТОРОЙ НЕ ЗАВИСИТ ОТ ПРОИЗВОЛА СУБЪЕКТА ИЛИ ЖЕ ИСТИНА ПО СОДЕРЖАНИЮ СУБЪЕКТИВНА?

Субъективизм

1. **Субъективизм** полагает, что истина субъективна. Объективной истины, не зависящей от субъекта и, в силу этого, общезначимой нет. У каждого человека своя истина. Кто как считает, то для него и истина. Такой взгляд на познание впервые выразили греческие **софисты**. Знаменитому софисту **Протагору** принадлежит афоризм: «**Человек есть мера всех вещей**, существующих, что они существуют, несуществующих, что они не существуют». Софистика – «ложная мудрость». Это искусство доказывать то, что выгодно в данный момент при помощи софизмов. В следующий момент можно доказывать прямо противоположное. Софисты преподавали такое искусство, а также риторику – искусство красноречия и зарабатывали на этом деньги. В настоящее время субъективистская позиция свойственна представителям постмодернизма.

Объективизм

2. **Объективизм**, наоборот, полагает, что настоящая истина объективна, не зависит от произвола субъекта. Выдающимся представителем этой позиции

был греческий философ **Сократ**. Главной целью жизни для него был бескорыстный поиск объективной истины. Он проводил свое время в диалоге с другими людьми, надеясь найти истину. Он разработал для этого специальное искусство – **майевтику** (дословно – искусство повивальной бабки, то есть искусство, помогающее родиться мысли).

По Сократу, **следует различать истину и мнение**. Не всякое мнение истинно. Поэтому допустим плюрализм мнений, но нет плюрализма истин. В вопросах истины мнение большинства или меньшинства не имеет значения. Для объективиста главное – различать, что в его представлениях субъективно, а что объективно. Нелегко дойти до истины. На каждом шагу нас поджидает опасность впасть в заблуждение. Познанию истины мешают, по Ф. Бэкону, различные призраки или идолы.

Против софистов Сократ выдвигал следующие **два аргумента**:

а) если софисты правы, и всякое мнение есть истина, то и мнение, противоположное софистике, будет истинным;

б) если софисты правы, то нет никакого различия между знающим человеком и не знающим, между мудрецом и глупцом.

Литература

Данэм Б. Гигант в цепях. Избранные работы. . – М., 1984 – С.95 – 135.

Контрольные вопросы

1. [Каковы основные понятия теории познания?](#)
2. [Какие существуют теории истины?](#)
3. [Как субъективизм решает проблему объективности истины?](#)
4. [Каковы основные идеи и аргументы объективизма?](#)

Тема № 21. Проблема познаваемости истины. Скептицизм и агностицизм

Но, может быть, человеку истина и не доступна?

ПРОБЛЕМА ПОЗНАВАЕМОСТИ ИСТИНЫ: СПОСОБЕН ЛИ ЧЕЛОВЕК ДОСТИЧЬ ОБЪЕКТИВНОЙ ИСТИНЫ?

На эту проблему есть два основных ответа.

Гносеологический оптимизм и пессимизм

1. **Гносеологический оптимизм** считает, что истина достижима. Большинство философов придерживаются этой позиции, различаясь только тем, каким способом можно познать истину.

2. **Гносеологический пессимизм** полагает, что истина человеку недоступна.

Скептицизм

Например, **античный скептицизм сомневался** в способности человека добыть истину. Основателем скептицизма был **Пиррон** (365 – 275 гг. до н. э.), а систематизатором – **Секст Эмпирик** (2-я половина 2-го и начало 3-го вв.). Секст Эмпирик написал трактат «Против ученых» трактат «Против учёных» (в него входят разделы «Против логиков», «Против физиков», «Против этиков», «Против

грамматиков», «Против раторов», «Против геометров», «Против арифметиков», «Против астрологов» и «Против музыкантов», т. е. против теории музыки). Таким образом он доказывал, что ни одна наука ничего не знает.

Скептики обосновывали свой взгляд с помощью различных доказательств.

Некоторые **аргументы скептиков**:

1. Чувственное восприятие не дает истины, так как один и тот же предмет в различных условиях воспринимается по-разному. Какой образ предмета истинный – неизвестно. Например, мед для здорового человека – сладкий, а для больного желтухой – горький. Какой же он на самом деле? Неизвестно.

Но и мышление не способно помочь человеку.

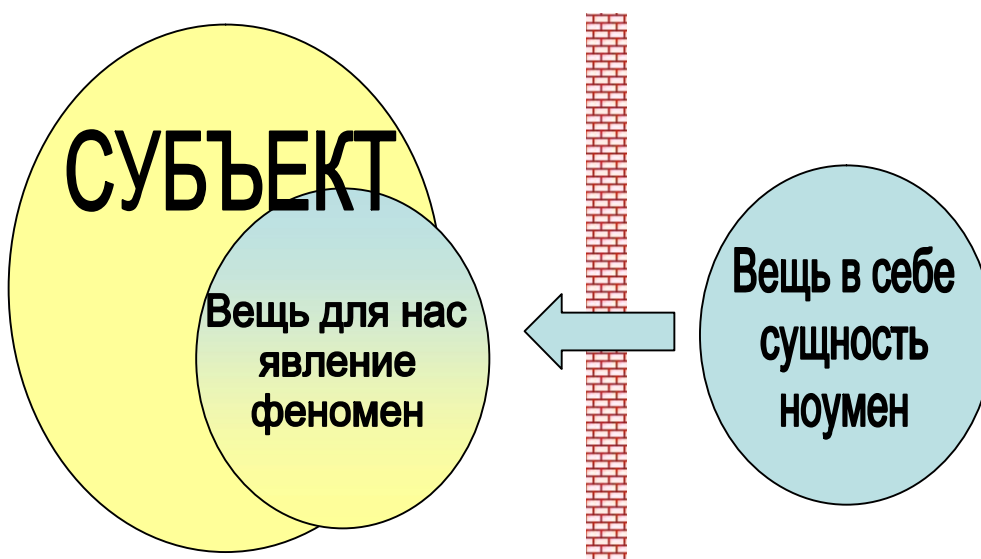
2. По каждому вопросу всегда имеется несколько мнений. Кто прав неизвестно.

3. Далее, всякое утверждение должно быть доказано. Но доказательство базируется на каком-то утверждении, которое тоже должно быть доказано. И так до бесконечности. Таким образом, нет ничего вполне доказанного.

4. Чтобы отличить истину от заблуждения, необходимо иметь критерий истины – то, с помощью чего они различаются. Но, чтобы найти этот критерий надо уже уметь различать истину и ложь. Получается порочный круг. На все вопросы скептик отвечает при помощи **эпохэ** (воздержания от суждения). Он скажет: «не знаю»; «может быть так, а может быть и не так»; «всякому суждению противостоит равное». Как раз незнание, с точки зрения скептиков, и дает человеку счастье. Последнее есть **атараксия** – спокойствие и безмятежность души.

Агностицизм И.Канта

В Новое время **отрицал** возможность познания истины **агностицизм** (а-не, гносис – знание). Выдающимися агностиками были английский философ Давид Юм и немецкий философ Иммануил Кант. По Канту, объект или **вещь в себе** действует на органы чувств субъекта. В сознании субъекта возникает образ объекта или **вещь для нас**. Невозможно установить истинность образа, так как для этого надо сравнить образ вещи с самой вещью. Но человеку доступны только образы, но не сами вещи в себе. Получается, что **вещи в себе в принципе непознаваемы**. Между явлением, вещью для нас и сущностью, вещью в себе лежит непреодолимая граница. Вещь в себе – это и сам субъект, само Я человека.

Литература

1. Богуславский В.М. Скептицизм в философии. - М., 1980. - 272 с.

Контрольные вопросы

1. В чем различие между гносеологическим оптимизмом и гносеологическим пессимизмом?
2. Каков взгляд скептиков на проблему познаваемости истины?
3. Насколько убедительны аргументы скептиков?
4. Что такое вещь в себе в агностицизме И. Канта и почему она непознаваема?

Тема № 22. Проблема соотношения абсолютной и относительной истины

Абсолютная истина – полная, совершенная, целостная, точная истина.
Относительная истина – ограничена, несовершенная, неполна, не вполне точна.

ПРОБЛЕМА: КАК СВЯЗАНЫ МЕЖДУ СОБОЙ АБСОЛЮТНАЯ И ОТНОСИТЕЛЬНАЯ ИСТИНЫ?

Догматизм

Догматизм считает, что всякая достигнутая истина абсолютна и изменению не подлежит. Относительной истины быть не может. Или истина, или заблуждение. Догма – это истинное суждение, не подлежащее критике и изменению. Знание при этом превращается в нечто застывшее, окаменелое. Так считают твердые приверженцы определенной религии, мифологии и даже научной теории. В XX веке обнаружились слабые стороны всех старых верований и научных теорий.

Гносеологический релятивизм

Поэтому в противовес догматизму возник **гносеологический релятивизм**. Релятивисты считают, что всякая истина относительна, абсолютной истины нет. Процесс познания есть процесс смены одной относительной истины другой, которая, в свою очередь, тоже будет сменена следующей истиной и т. д. Это просто смена одной гипотезы другой. Фактически мы обнаруживаем, что любое наше знание рано или поздно оказывается заблуждением.

Диалектическая теория

Но чем же новая относительная истина лучше старой? На этот вопрос пытается ответить **диалектическая теория**. С точки зрения диалектики, относительная и абсолютная истины представляют собой единство противоположностей. **Абсолютная истина складывается из бесконечной суммы относительных истин**. Возьмем известный пример с мудрецами и слоном. Семерым мудрецам, которые не знали, что такое слон завязали глаза и подвели к слону. Один мудрец потрогал хобот и сказал, что слон – это трубка. другой потрогал ногу и сказал, что слон – это колонна, третий потрогал хвост и

сказал, что слон похож на веревку. Кто прав из этих мудрецов? Частично каждый прав. Настоящая истина будет в том случае, если соединить представления всех мудрецов о слоне.

В каждой относительной истине есть частичка абсолютной. Прогресс в познании заключается в том, чтобы накапливать частички абсолютной истины, бесконечно приближаться к самой абсолютной истине. Здесь уместен образ асимптоты. Этот процесс бесконечен. Таким образом, получается, что **истина есть процесс.**

Следствия диалектической теории

Из диалектической теории вытекает этическое требование **толерантности**, терпимости к чужому мнению. Ведь у каждого мнения есть частичка истины. С другой стороны, в моем мнении есть и недостатки, несовершенства. Об этом нужно всегда помнить.

С эстетической точки зрения, следует **иронически** относиться ко всем достигнутым истинам. Иронически – значит, одновременно, серьезно и насмешливо. Великим ироником был Сократ. Известно его знаменитое высказывание: «Я знаю, что я ничего не знаю, но другие не знают даже этого».

Диалектическая концепция истины имеет выход и в политическую практику. Есть известная восточная сказка про «Парламент птиц». Птицы узнали, что где-то живет мудрая птица Симург (дословно «тридцать птиц») и решили ее найти, чтобы разрешить свои жизненные проблемы. После трудного путешествия, в котором многие погибли, птицы обнаружили, что мудрая птица Симурга – это они все вместе взятые. Каждый обладает частью истины, но если эти частные истины объединить, то можно приблизиться к целостной, абсолютной истине. Таким образом, самым лучшим политическим строем с этой точки зрения является демократия.

Литература

1. Энгельс Ф. Анти- Дюринг. Переворот в науке, произведённый господином Евгением Дюрингом. – М.,1983. - С.83 - 89.
2. Ленин В. И. Материализм и эмпириокритицизм// Ленин В. И. Полн. собр. соч. – Т.18. – М.,1980. – С.137 – 140.

Контрольные вопросы

1. [В чем различие между абсолютной и относительной истинами?](#)
2. [Как смотрит догматизм на связь абсолютной и относительной истины?](#)
3. [Основные идеи гносеологического релятивизма?](#)
4. [Каково диалектическое решение проблемы связи абсолютной и относительной истины?](#)
5. [И каковы следствия из диалектической концепции истины?](#)

Тема № 23. Сенсуализм. Основные формы чувственного познания

Может быть, истину и можно познать, но каким образом?

ПРОБЛЕМА СПОСОБА ПОЗНАНИЯ ИСТИНЫ: НА ЧТО НУЖНО ОПИРАТЬСЯ ПРИ ПОЗНАНИИ ИСТИНЫ – НА КАКУЮ ПОЗНАВАТЕЛЬНУЮ СПОСОБНОСТЬ И КАКОЙ МЕТОД?

Метод – это способ познания, регулирующийся определенными правилами. Даже человек средних способностей, владеющий адекватным методом, может достичь важных результатов в познании. Поэтому гносеология Нового времени была, во многом, нацелена на поиск эффективного метода познания. При решении этой проблемы можно выделить несколько позиций.

Сенсуализм

Сенсуализм – теория познания, полагающая, что истина достижима только посредством использования **чувств** – зрения, слуха, осязания и т. д. Чувства – фундамент человеческого познания. Из древности известно изречение в духе сенсуализма: **«Нет ничего в интеллекте, чего не было бы первоначально в чувствах»**. Нет никаких врожденных идей. Сознание человека при рождении «чистая доска». Такую теорию еще называют эмпиризмом.

Формы чувственного познания

Основные формы чувственного познания: ощущение, восприятие, представление. **Ощущение** – это отражение в сознании человека какого-либо одного свойства, качества предмета. Например, ощущение цвета. **Восприятие** – это целостное отражение предмета. **Представление** – это создание чувственного образа предмета при его непосредственном отсутствии при помощи воспоминания или воображения.

Сенсуализм Ф. Бэкона – три пути познания

Выдающимся сенсуалистом Нового времени был **Фрэнсис Бэкон** (1561 – 1626). Ему принадлежит известный афоризм: «Знание – сила». По Ф. Бэкону, есть три способа познания. Первый – **«путь муравья»**. Это ползучий эмпиризм, который уделяет все внимание сбору множества частных фактов, без должного их осмысления.

Второй – **«путь паука»**. Это схоластическое теоретизирование, оторванное от реальной жизни. **Схоластика** – это направление в средневековой философии, которое занималось всякими умозрительными проблемами, вроде такой: сколько ангелов может поместиться на кончике иглы?

Главной проблемой схоластики, не потерявшей своей актуальности, является **проблема универсалий (общих понятий)**. В своем сознании мы обнаруживаем общие понятия: человек вообще, треугольник вообще и др. Проблема заключается в том, существуют ли такие универсалии вне сознания, вне ума человека?

По этому вопросу философы разделились на две партии – номиналистов и реалистов. **Номиналисты** считают, что универсалии существуют только в уме

человека. В объективной реальности есть только единичные вещи. Такой позиции придерживался в частности знаменитый философ Пьер Абеляр (1079 – 1142). Общее – это только имя (номина), дуновение воздуха. Отсюда и название «номинализм».

Реалисты считают, что универсалии онтологически более реальны, чем единичные вещи. Они опирались на взгляды Платона и Аристотеля. Знаменитый католический философ, святой Фома Аквинский (1225 – 1274) считал, что универсалии существуют трояко: до вещей – в мыслях Бога, в вещах, как их сущность, и после вещей – в виде общих понятий в уме человека.

Но лучше всего, согласно Ф. Бэкону, **«путь пчелы»**. На этом пути идет сбор фактов, но они обобщаются, осмысливаются, систематизируются при помощи теории.

Бэкон выдвинул идею использования **экспериментов** в науке. При эксперименте ученые помещают предмет в особые, искусственные условия, в которых они могут проследить процессы в чистом виде и найти ответы на свои вопросы.

Индукция

Главный метод сенсуалистов – **индукция** – переход от частного к общему. Формула индукции:

S_1 есть P

S_2 есть P

.....

S_n есть P

Все S есть P

Примерно так: Одна ворона – черная. Вторая ворона – черная. Третья – черная. Значит, все вороны черные. Выводы по неполной индукции носят не достоверный, а вероятностный характер.

Сенсуализм Д. Локка о «чистой доске»

В XVII веке теорию сенсуализма разработал английский философ Джон Локк (1632 – 1704). По его мнению, источником познания служит внешний и внутренний опыт. **Внутренний опыт** – это ощущения состояний своего тела и души изнутри. Сознание человека при рождении – **табула раса** – «чистая доска». Опыт состоит из идей. **Сложные идеи** состоят из простых, далее неразложимых. **Простые идеи** – это своеобразные чувственные атомы, из комбинации которых состоят все чувственные образы вещей. Например, красное как таковое в чистом виде, без примесей. Или твердость как таковая. Ступени познания, по Локку: ощущение, восприятие, представление – образ вещи вне непосредственного контакта с предметом. Простые идеи абсолютно истинны. Их мы воспринимаем непосредственно. Но сложные идеи создаются из простых действием нашего ума, и здесь возможны ошибки.

Всего Локк выделял три основных операции, три основных действия ума по созданию сложных идей из простых:

1. **Сложение** или комбинация нескольких простых идей в сложную. Например: желтое+продолговатое+кислое дает образ лимона.

2. **Сравнение** предметов дает нам идеи отношений. Например, Барнаул южнее Лондона.

3. **Создание общих понятий**. Наличие в сознании человека общих понятий создает для сенсуалистов трудности, ведь в чувственном восприятии мы наблюдаем только единичные предметы. Но без общих понятий никакая наука невозможна. По мысли Д. Локка происхождение общих понятий идет посредство

четырёх мысленных шагов: а) Сначала мы наблюдаем несколько предметов одного класса, б) затем мы подмечаем сходные признаки у всех этих предметов, в) абстрагируемся (отвлекаемся) от тех признаков, которыми эти предметы отличаются друг от друга, г) и, наконец, обобщаем, объединяем сходные признаки в одно общее понятие. В этой схеме есть одно уязвимое место.

Литература

Лейбниц Г. В. Новые опыты о человеческом разумении автора теории предустановленной гармонии// Лейбниц Г. В. Сочинения в 4-х томах. – Т.2. – М., 1983 – С.47 – 545.

Контрольные вопросы

1. В чем заключается суть проблемы способа познания истины?
2. Каков ответ сенсуализма на эту проблему?
3. Каковы основные формы чувственного познания?
4. Какие три пути познания выделял Фрэнсис Бэкон?
5. Что такое схоластика и в чем заключается проблема универсалий?
6. Что такое индукция как метод познания?
7. В чем особенность сенсуализма Д. Локка?

Тема № 24. Классический рационализм. Основные формы рационального познания

Рационализм и чистый разум

В Новое время нашел свое развитие противник сенсуализма – **классический рационализм**. Его приверженцами считаются Рене Декарт, Бенедикт Спиноза, Готфрид Вильгельм Лейбниц. Рационалистов отличает недоверие по отношению к чувствам, так как последние ограничены и обманчивы. Поэтому по их мнению, **Фундамент истины - не чувство, а чистый (освобожденный от чувств) разум.**

Формы рационального познания

Основные формы рационального познания, формы мышления: понятие, суждение, умозаключение. **Понятие** – отражение сущности вещи в форме непосредственного единства его Главных(существенных) признаков. Содержание понятия раскрывается в логической операции определения. **Суждение** – это форма мышления, в которой отражается связь между предметом и его признаком, связь между предметами, а также факт их существования. **Умозаключение** – это логическая форма выводного знания, состоящая в переходе от некоторых исходных суждений к новому знанию, вытекающему из этих суждений, являющихся его основанием.

Методическое сомнение Рене Декарта

Основоположник рационализма **Рене Декарт** обучался в лучших учебных заведениях тогдашней эпохи. Он изучил все науки, однако, его не оставляло

сомнение в истинах, преподносимых в школе. Поэтому Декарт решил подвергнуть все знания проверке – **методическому сомнению**. И обнаружил, что во всем можно сомневаться. Можно сомневаться в реальности того, что я вижу в настоящий момент – может быть, мне это приснилось. Можно сомневаться в моих логических выкладках. Вдруг мы созданы не Богом, а как-нибудь демоном. И он, чтобы над нами посмеяться, сделал наше мышление таким, что оно постоянно ошибается, но мы этих ошибок не замечаем.

Итак, все, что идет от чувств и мышления сомнительно. Но если все сомнительно, то есть и нечто несомненное, а именно, наличие самого сомнения. Когда я сомневаюсь реальность самого сомнения отрицать невозможно. Это – абсолютная истина. Но сомнение – это акт мышления. Отсюда Декарт делает знаменитый вывод: «**Я мыслю, следовательно, существую**». *Cogito, ergo, sum.*

Врожденные идеи

Значит, в поиске истины надо доверять мышлению. Первоначальные истины **априорны, т. е. врождены** нашему сознанию. Например, идея равенства, Бога, добра и др. Идея равенства, которая широко используется в математике не может быть получена из опыта. В опыте нам всегда встречаются более или менее неравные вещи. Откуда же тогда у нас в сознании эта идея равенства? По Р. Декарту она врожденна нашему сознанию. То же самое и с идеей Бога. Бог – совершенное существо, а человек – несовершенное. Как могло бы несовершенное существо придумать идею совершенного существа? Это невозможно. Но идея бога в нашем сознании есть. Значит, она вложена в нас самим Богом.

Методы рационалистов

Критерий истины для рационалистов – ясное и отчетливое понятие о вещи.

Методы рационалистов:

- а) **интеллектуальная интуиция** – непосредственное усмотрение умом сущности вещи;
- б) **анализ** – разложение целого на части, сложного на простое;
- в) **синтез** – объединение частей в единое целое;
- г) **дедукция** – выведение из простых, общих понятий частных. Пример дедукции – все люди смертны, я – человек, следовательно, я смертен.

Литература

- i. Декарт Р. Размышления о методе, чтобы верно направлять свой разум и отыскивать истину в науках // Декарт Р. Сочинения в 2-т. Т.1. – М., 1989. – С.250 – 296.

Контрольные вопросы

1. [Каков ответ рационализма на проблему способа познания истины?](#)
2. [Основные формы рационального познания?](#)
3. [К какому выводу пришел Р. Декарт, и каким способом?](#)
4. [Что такое врожденные идеи и каков их источник?](#)
5. [Каков критерий истины, согласно рационализму?](#)

6. Каковы основные методы рационалистов?

Тема № 25. Критическая теория познания И. Канта

Априорное и апостериорное

В XVIII веке немецкий философ Иммануил Кант в своей критической теории попытался объединить сенсуализм и рационализм. Этому посвящена его книга «Критика чистого разума». По Канту, во всяком знании есть два элемента – **апостериорное (идушее от чувств)** содержание и **априорная** (врожденная) форма. Есть три вида априорных форм, благодаря которым возможна наука.

Априорные формы чувственного созерцания

А) **Априорные формы чувственного созерцания** – пространство и время. По Канту, они существуют только в нашем сознании. Благодаря им возможна математика – геометрия и арифметика. В самом деле, геометрия говорит об идеальных треугольниках, квадратах, кругах и пр. Они нарисованы в нашем внутреннем априорном пространстве. А счет в арифметике идет во времени, внутреннем времени человека.

Априорные формы рассудка

Б) **Априорные формы рассудка – категории**. Это понятия предельной общности, посредством которых человек осмысливает чувственную информацию. Это, например, вещь, свойство, отношение, количество и качество, сущность и явление, содержание и форма, причина и следствие, возможность и действительность, целое и часть, общее, особенное, единичное. Без категорий невозможно мыслить. Закон науки нельзя сформулировать без категорий общего и необходимого. Например, первый закон Ньютона звучит так: «Всякое тело продолжает удерживаться в состоянии покоя или равномерного и прямолинейного движения, пока и поскольку оно не понуждается приложенными силами изменить это состояние». Поэтому Кант говорит: мы, наше сознание диктует законы природе, ведь категории – это наши понятия.

Априорные формы разума

В) **Априорные формы разума** – идеи чистого разума, которые изучаются философией. Слабость чистого разума, по Канту, в том, что он не учитывает апостериорный элемент. Поэтому он неизбежно терпит крушение, впадает в неразрешимые противоречия – **антиномии**. Антиномия состоит из двух суждений, которые одинаково доказуемы. Например: тезис – мир имеет начало во времени и ограничен в пространстве; антитезис – мир бесконечен в пространстве и времени. Мысль оказывается в тупике. Поэтому, по Канту, философия как наука невозможна.

Метод Гегеля как решение антиномий

Диалектический рационализм Гегеля. Гегель восстановил в правах рационализм, объединив его с диалектическим методом. Подлинная истина, с его точки зрения постигается развивающимся чистым разумом. Отсюда мы видим некоторое пренебрежение фактами. «Если факт не укладывается в теорию, то это не факт». Антиномии, о которых говорит И. Кант, преодолимы, по мнению Гегеля, с помощью диалектического метода.

Литература

1. Кант И. Критика чистого разума. - СПб., 1993.

Контрольные вопросы

1. В чем заключается различие между апостериорным и априорным?
2. Каковы априорные формы чувственного созерцания?
3. Что входит в априорные формы рассудка?
4. Что такое априорные формы разума и почему возникают антиномии?
5. Что предложил Гегель для решения антиномий?

Тема № 26. Теория познания диалектического материализма

Теория познания диалектического материализма (марксизма-ленинизма). Марксизм материалистически переосмыслил диалектический метод и попытался связать его с сенсуалистической установкой на доверие чувственно данным фактам.

Общественный характер познания

Познание, согласно марксизму, носит **общественный характер**. Оно осуществляется в процессе сотрудничества многих людей. Его результаты передаются от одного поколения к другому. Поэтому новое поколение может открывать новое, опираясь на добытые прошлыми поколениями результаты. Это объясняет прогресс в познании. Кроме того, влияние общества сказывается в некоторой пристрастности познающего, особенно это явно видно в области социального, гуманитарного знания. Социальные интересы заставляют смотреть на мир так, а не иначе.

Практика и познание

Марксизм утверждает роль практики в познании. **Практика – это материально-преобразующая, предметная деятельность человека.** Практическая деятельность изменяет объективный мир, в отличие от теоретической деятельности, которая изменяет лишь сознание. Посредством практики человек усвоил себе категории, о которых говорит Кант. Вообще марксизм отличает пафос активного отношения к миру. На могиле К. Маркса в Лондоне выбиты слова 11 тезиса о Фейербахе: «Философы лишь различным образом объясняли мир, но дело заключается в том, чтобы изменить его».

Можно выделить **3 основных вида практики**. Это труд, научный эксперимент и социальная практика. Социальная практика заключается в поддержании или изменении определенного общественного порядка. Например, полицейский поддерживает порядок, а революционер пытается его изменить.

Функции практики в познании:

1. **Практика есть основа познания.** Большинство свойств, качеств, характеристик вещей открывается в ходе манипулирования вещами в трудовой деятельности.

2. **Практика есть цель познания.** В конечном счете, все добытые знания должны приносить практическую пользу.

3. **Практика – критерий истины.** Проверка наших знаний лучше всего осуществляется в процессе их практического использования. Если мы добиваемся нужного результата, то это свидетельствует о верности наших представлений.

Способ восхождения от абстрактного к конкретному

Сам процесс познания распадается, по К. Марксу, на две стадии. Первая – **восхождение от чувственно-конкретного к мысленно-абстрактному**. **Конкретное** – это единство, синтез многих определений. **Абстрактное** – это отвлечение, односторонность, изолирование одной определенности, одного свойства.

Первоначально в познании человеку противостоит чувственно-конкретное, то есть конкретное, данное в чувственном созерцании. Чтобы его понять, разобраться, надо путем **анализа** разложить его на составляющие. Чувственно-конкретное превращается в мысленно-абстрактное.

Анализ доходит до самых простых, общих абстракций, и затем начинается обратный процесс – **восхождение от мысленно-абстрактного к чувственно-конкретному**. Это движение совершается в соответствии с диалектическим методом, все время опираясь на анализ фактов. Это не движение чистого разума, а движение разума, по фактам и вместе с ними. Начало движения – это **«клеточка»** - простейшая конкретность, простейший факт, в котором потенциально содержится все сложное целое. Анализируя «клеточку», мы выявляем противоречия, скрытые в ней, и прослеживаем, как они разрешались на практике. При разрешении создается синтез - новая, более конкретная, сложная реальность. В ней также выявляются противоречия, и находится синтез. В итоге мы получим снова конкретное, но уже не чувственно-конкретное, а **мысленно-конкретное**. Предмет предстанет перед нами понятым как система мыслей, где одно логично вытекает из другого. Таким образом, в конце получается целостная теория предмета.

Литература

1. Ильенков Э. В. Диалектическая логика. Очерки истории и теории. – М., 1984.

Контрольные вопросы

1. [В чем заключается общественный характер познания?](#)
2. [Чем практическая деятельность отличается от теоретической?](#)
3. [Каковы основные виды практики?](#)
4. [Каковы функции практики в познании?](#)
5. [Что такое абстрактное и конкретное по К. Марксу?](#)
6. [Каков порядок восхождения от абстрактного к конкретному?](#)

Тема № 27. Рациональное и иррациональное в познании. Знание и вера.

Рационализм и иррационализм

Те точки зрения, которые мы рассмотрели рациональны в том смысле, что признают разумность самой действительности и верят в возможность ее познания при помощи разума или рассудка. Это – **рационализм в широком смысле слова**. Однако, кроме рационализма есть еще **иррационализм**. Он утверждает ограниченность человеческого разума, его неспособность познать действительность, которая, в существе своем, неразумна, иррациональна. Постичь мир можно при помощи эмоций, переживаний, мифов, наитий. Так считали, например, А. Шопенгауэр, Ф. Ницше и др. Немецкий философ, представитель классической немецкой философии Ф. Шеллинг (1775 – 1854) считал, что абсолютная истина постигается искусством. Поэт, а не ученый знает главные тайны мира. Так, Анри Бергсон считал, что рассудок, в том числе научный, не в состоянии постичь мир. Его критику интеллекта посмотрите в пособии.

Русский философ М.Бахтин делал различие между **объяснением** и **пониманием**. Понимание – это индивидуальный процесс постижения смысла, углубления в него, разгадывания, интерпретации. Объяснение, господствующее в естественных науках – это безличная процедура выведения по логическим законам частных утверждений из общих. Объяснение тяготеет к схематизации.

В противоборстве рационализма и иррационализма важное значение имеет проблема связи веры и знания

ПРОБЛЕМА: НА ЧТО СЛЕДУЕТ ОПИРАТЬСЯ ПРИ ПОСТИЖЕНИИ МИРА – НА РАЦИОНАЛЬНОЕ ЗНАНИЕ ИЛИ НА ВЕРУ? ЧЕМУ СЛЕДУЕТ ДОВЕРЯТЬ: НАУКЕ ИЛИ РЕЛИГИИ?

По этой проблеме выделяются три основные позиции.

Фидеизм

1) **Фидеизм** считает. Что человеческий разум слишком слаб, чтобы постичь высшие, божественные истины. Поэтому надо брать на веру истины религии, несмотря на то, что нередко они выглядят противоречащими разуму. Выдающийся представитель этого направления **Тертуллиан** (2-3 вв. н. э.) говорил так: «**Верую, ибо это абсурдно**». Вера выше знания. «Сын божий распят; нам не стыдно, ибо полагалось бы стыдиться. И умер Сын божий; это вполне достоверно, ибо ни с чем несообразно. И после погребения он воскрес; это несомненно, ибо невозможно». Фидеизм связан с отрицанием значимости науки, ибо главная цель – спасение своей души в вечности, а не обустройство ее в материальном мире. На его почве вырастает авторитарное мышление, которое не требует доказательств и избегает сомнений. Принцип авторитарного мышления: «Сам (авторитет) сказал». Однако, еще в средневековой схоластике было установлено: «У авторитета – глиняный нос». Одно и тоже высказывание, как оказалось, можно истолковать в совершенно различном смысле.

Рационализм Просвещения

2) **Рационализм эпохи Просвещения** характеризуется доверием к разумному мышлению и результатам его деятельности. Разум выше веры, считали представители Просвещения. Вера, противоречащая разуму – это

бессмысленное и вредное суеверие. По И.Канту, Просвещение – это взрослое состояние человечества. Взрослый – совершеннолетен, то есть он способен самостоятельно думать, принимать решения и нести за них ответственность. Девиз Просвещения: **«Имей смелость пользоваться собственным рассудком»**. Однако, многие и весьма крупные ученые верят в Бога.

Теория гармонии веры и знания

3) **Теория гармонии веры и знания.** Большинство мыслителей пыталось найти точки соприкосновения разумного познания и религиозной веры. Главный философ католической церкви Фома Аквинский в XIII веке пришел к выводу, что истины разума и истины веры, в конечном счете, не противоречат друг другу. Видимое же противоречие между ними разъяснится после смерти, когда человеку откроется суть вещей. Понимание опирается на веру. **«Верю, чтобы понимать»**.

В России подобной позиции придерживался русский философ Вл. Соловьев. Он считал, что чувства человека и его разум сами по себе не могут постичь истину, особенно вселенскую, без участия веры и интуиции. Однако и вера, взятая отвлеченно, вырождается в пустой мистицизм. Истина постижима цельным знанием – **свободной теософией**, которая объединяет в себе философию (продукт разума), эмпирическую науку (основанную на чувственных фактах) и теологию, базирующуюся на вере. Кроме этого, цельное знание должно включать в себя единство мысли, чувства и воли. Итак, разум должен быть верящим, а вера разумной. Не случайно Вл. Соловьев употребляет слово «свободная». Все три элемента должны сами, без принуждения придти в гармоническую связь друг с другом. Эта гармония должна быть таким единством, в котором каждый элемент находит простор для своего свободного развития.

Литература

1. Асмус В.Ф. Бергсон и его критика интеллекта; Алогизм Уильяма Джемса// Асмус В.Ф. Историко-философские этюды. - М., 1984. - С.217-300.
2. Заблуждающийся разум? - Многообразие форм вненаучного познания. - М., 1990. – 464 с.
3. Знание за пределами науки. - М., 1996. - 445 с.
4. Кураев А. О вере и знании - без антиномий// Вопросы философии. - 1992. - № 7. - С. 45-63.

Контрольные вопросы

1. [В чем отличие рационализма и иррационализма?](#)
2. [Как решает фидеизм проблему веры и знания?](#)
3. [Какова позиция рационализма Просвещения?](#)
4. [Каковы основные идеи теории гармонии веры и знания?](#)

Тема № 28. Философия науки. Позитивизм и постпозитивизм

В XIX- XX веках появляются и бурно развиваются исследования в области философии науки.

Ступени познания по Аристотелю

Еще Аристотель выделял 5 ступеней познания. Первая – ощущение, то есть видение, слышание, непосредственное восприятие предмета. Вторая – опытность или эмпирия – когда человек много видел, слышал и т.п. Третья – искусство – это способность что-то умело делать. Четвертая – наука. **Наука** – это поиск доказательной истины. Доказательство базируется на всеобщих и необходимых положениях, из которых выводится все остальное. Пятая – философия или метафизика как наука о первоначалах сущего. Это самое прекрасное знание, хотя и не имеющее непосредственной практической пользы.

Научное и обыденное познание

В настоящее время проводится строгое различие между обыденным и научным познанием. Не всякое познание научно. Есть обыденное познание, здравый смысл. Есть вненаучное знание – искусство, религия, мифология и пр. **Наука** – это предметное, объективное, системно организованное, обоснованное знание о мире.

Классическая и неклассическая наука

Классическая наука возникла в 17 веке. Ее появление связано с именами И. Ньютона и Г. Галилея, которые создали механистическую картину мира. В 20 веке возникла **неклассическая наука**, которая стремится учитывать воздействие субъекта на объект познания.

Состав науки

Обычно, наука состоит из двух элементов – эмпирического базиса и теории. **Эмпирический базис** – это совокупность фактов добытых при помощи наблюдения и эксперимента.

Теория – это система понятий, которая осмысливает факты, объясняет и предсказывает. Строго говоря, понятия теории относятся к абстрактным или идеализированным объектам – таким как точка, прямая, абсолютно черное тело, идеальный газ и т.п. Поэтому их применение к реальным фактам возможно только с большим или меньшим приближением.

Методы построения теории бывают разные. Например, в строгих науках часто используется **аксиоматический метод**, когда основные положения принимаются за истинные в силу их очевидности, а все остальное выводится по строгим логическим правилам. Этот процесс можно формализовать, хотя, как показал Гедель, возможности формализации ограничены.

Другой способ – **гипотетико-дедуктивный**. При нем исходят из правдоподобного предположения. Из него выводятся следствия и сопоставляются с фактами. Если гипотеза хорошо объясняет все факты и даже может их предсказывать, то ее можно считать уже теорией.

Особенно трудной проблемой в философии науки является проблема значимости теории, теоретического знания.

ПРОБЛЕМА: НАСКОЛЬКО ЗНАЧИМА В НАУКЕ ТЕОРИЯ?

Позитивизм

В XIX веке появляется весьма популярный и сегодня **позитивизм**. Основатель его – французский мыслитель Огюст Конт (1798 – 1857), английские мыслители – Герберт Спенсер (1820 – 1903), Джон Стюарт Милль (1806 – 1873). О. Конт считал, что **истина может быть достигнута только позитивной**,

положительной наукой, опирающейся на факты, данные в чувственном восприятии.

Развитие человечества представляет смену **трех стадий**.

Первая – **теологическая**. Здесь человек объясняет факты посредством апелляции к действиям сверхъестественных существ.

Вторая – **метафизическая** или философская. Здесь человек обращается к сверхчувственным сущностям.

Третья – **позитивная** или научная. Здесь наконец-то человеку открылась настоящая истина.

Подлинная задача науки – не объяснение, а описание явлений. Научен вопрос «как?», а не вопрос «почему?» С этой токи зрения, философия – это псевдонаука, а ее проблемы – псевдопроблемы, поскольку их нельзя решить путем обращения к фактам.

Неопозитивизм

В XX веке неопозитивисты в качестве критерия научности, осмысленности какого-либо положения выдвинули принцип **верификации**. Он требует, чтобы любому положению, любому научному понятию непосредственно был сопоставлен какой-либо факт. В противном случае, положение ненаучно и бессмысленно. На этой основе неопозитивисты пытались создать идеальную науку без абстрактных идеализированных объектов, но эта затея не увенчалась успехом. В XX веке неопозитивизм развивали деятели **Венского кружка научного миропонимания** – М. Шлик, Р. Карнап, Ф. Франк и др. Свое внимание неопозитивисты сосредоточили на анализе языка науки. Исследованием языка занимались также Б. Рассел и Л. Витгенштейн.

Сциентизм и антисциентизм

С позитивизмом тесно связан **сциентизм** – идейная позиция, которая ставит на первое место ценность научной истины, подчас в ущерб этическим и эстетическим ценностям. Один сциентист назвал ядерные бомбардировки японских городов американцами прекрасно проведенным научным экспериментом. В противоположность этому **антисциентизм** видит в науке зло и опасность для человечества.

Постпозитивизм

В XX веке возникает **постпозитивизм**, во многом, противостоящий позитивизму. Основоположителем этого направления можно считать Карла Поппера (1902 – 1994). Он называл свою теорию критическим рационализмом.

К. Поппер обнаружил, что не существует чистых фактов без **теоретической нагрузки**. Уже в обыденном языке неявно присутствует теория и даже философия – определенный взгляд на мир и его истолкование.

Вместо верификации в качестве критерия научности какого-либо положения он выдвинул **принцип фальсификации**. Часто его теорию называют **фальсификационизмом**. Принцип фальсификации означает. Что научное положение должно быть в принципе опровержимо. Должны быть мыслимы такие факты, которые опровергают данное положение. Если суждение совместимо со всеми возможными фактами, то оно не научно, его нельзя проверить. Так например, по этому критерию теология или философия не являются наукой. Соответствие существующим фактам должно, конечно, иметь место.

Но К. Поппер отмечает, что нет теории, которая согласовывалась бы со всеми абсолютно фактами. Так что все научные теории на самом деле гипотезы. Все наше знание несовершенно и может быть опровергнуто. Значит, нет

абсолютно надежного фундамента познания (сенсуалисты видели его в чувствах, а рационалисты – в разуме). Такая позиция называется **«фаллибилизм»** (от лат. fallibilis - подверженный ошибкам, погрешимый). Свою теорию он, поэтому, называет «критическим рационализмом».

Томас Кун (1922 – 1996) создал учение о **научных революциях**. Развитие науки не есть процесс плавного постепенного накопления фактов и их осмысления. На деле, развитие науки представляет собой чередование двух стадий. Первая стадия – период **«нормальной науки»**. В этот период развитие идет вширь. Господствует определенная парадигма. **Парадигма** – это определенное видение мира и, связанный с этим видением, образец научного метода, образец того, как должно вестись исследование. Так, например, в физике, начиная с XVII века, господствовала механистическая парадигма, созданная И. Ньютоном. Она сменила средневековую парадигму, идущую от Аристотеля. По Аристотелю, мир – это космос, организм, имеющий различные степени совершенства. По Ньютону, мир – это бесконечное пустое пространство, где затеряны звезды и планеты. Он принципиально однороден, одинаков, бесструктурен. Ученые, следуя ньютоновской парадигме, исследовали различные области действительности, толкуя их механистически.

Однако постепенно накапливаются **аномалии** – факты, не укладывающиеся в парадигму. Когда их становится слишком много, происходит научная революция. **Научная революция** – второй период развития науки – это **смена парадигмы**. Появляется новое видение мира и его приверженцы. Какое-то время одновременно присутствуют две парадигмы, борющиеся друг с другом. Победа новой парадигмы происходит не только за счет рациональных оснований. Надо поверить в новую парадигму. Людям старшего поколения такое обращение оказывается не под силу. Поэтому «новые идеи пробивают себе дорогу по мере отмирания оппонентов». Так, эйнштейновская парадигма вытеснила ньютоновскую.

Литература

1. Голдстейн М. и Голдстейн Ф. Как мы познаем, исследование процесса научного познания. - М., 1984.
2. Полани М. Личностное знание. - М., 1985.
3. Кун Т. Структура научных революций. - М., 1975. Поппер К. Логика и рост научного знания. - М., 1983.
4. Кузнецов Б.Г. Идеалы современной науки. - М., 1983.

Контрольные вопросы

1. [В чем особенность науки как ступени познания по Аристотелю?](#)
2. [В чем отличие научного и обыденного познания?](#)
3. [Каков состав науки?](#)
4. [В чем разница между классической и неклассической наукой?](#)
5. [Каковы идеи позитивизма О. Конта?](#)
6. [Что говорит неопозитивизм о критериях научности?](#)
7. [Каковы основные идеи критического рационализма К.Поппера?](#)
8. [В чем сущность научной революции, согласно Т. Куну?](#)

Задания к семинару № 9 (РАЗДЕЛ 7 ГНОСЕОЛОГИЯ, Темы № 23 –
28)

РАЗДЕЛ 8. ФИЛОСОФСКАЯ ТЕОЛОГИЯ

Тема № 29. Философская теология о сущности Бога. Доказательства существования Бога.

Источники знания о Боге

Теология – учение о Боге. Теология опирается на **священные книги**, где, по мнению верующих, содержится священное Откровение Бога, его сообщение людям о самом себе, религиозную традицию толкования священных текстов, особый мистический или трансперсональный опыт и размышления о понятии Бога и устройстве мира. Описание мистического переживания содержится в одном из заданий соответствующего раздела учебного пособия.

Многие полагают, что чтобы правильно понять священные тексты, нужно их правильно истолковать. Уже в начале нашей эры зародилась **экзегеза** – толкование текстов священного писания. Общая наука и искусство толкования любых текстов называется **герменевтика**.

Сущность Бога

В мире мы наблюдаем различные степени совершенства, значит должно существовать **абсолютное совершенство – Бог**. Бог **трансцендентен** (запределен) миру, он есть нечто совсем иное, чем мир.

Апофатика и катафатика

В христианстве выделяются 2 вида теологии. **Апофатическая или отрицательная теология** говорит о том, чем Бог не является. Бог не материален, не страдателен, бесконечен и т. д. **Катафатическая, положительная теология** пытается утверждать что-либо положительное о Боге, по аналогии с тем, что наблюдается в мире. Бог есть само Бытие или, скорее, сверхбытие, так как Он выше всех противоположностей. Бог есть сама Истина, Добро и Красота, сама Жизнь. Бог всеблаг, всемудр и всемогущ. Он вечен и повсюден, не знает ограничений.

Согласно христианству, Бог есть абсолютная **личность**. Символ веры христианства: Бог един в трех лицах, Бог-Отец, Бог-Сын, Бог- Дух Святой.(Троица). Бог творит и управляет миром. Божественное провидение и Божественный промысел помогают спасению людей. С Богом можно установить личный контакт. Молитва – это предстояние человека перед Богом.

Доказательства существования Бога

Существует несколько доказательств существования Бога. Рассмотрим четыре из них.

Онтологическое доказательство. Мы мыслим Бога как совокупность всех совершенств. Однако, в число совершенств входит и существование. Значит, у Бога есть и существование. Следовательно, Бог как всесовершенное существо существует. Данное доказательство сформулировал средневековый философ Ансельм Кентерберийский (1033 – 1109).

Телеологическое доказательство. В мире мы наблюдаем разумный, целесообразный порядок. Значит, должно существовать вечное, разумное существо, упорядочивающее мир - Бог.

Космологическое доказательство. В мире мы наблюдаем цепь причин и следствий. Следовательно, должна существовать первая причина всего, все вселенной – Бог.

Историческое доказательство. Во все века. Во всех странах люди верили в Бога. Следовательно, или большинство людей безумны, или предмет веры действительно существует.

Литература

1. Св. Дионисий Ареопагит. О таинственном богословии// Историко-философский ежегодник 90. – М.,1991. – С.210 – 232.
2. Кузанский Н. О возможности-бытии; О неинном// Кузанский Н. Сочинения в двух томах. – М.,1980. – Т.2. – С.135 – 249.

Контрольные вопросы

1. Каковы источники знания о Боге?
2. В чем заключается сущность Бога? Что означает его трансцендентность?
3. В чем отличие апофатической (отрицательной) и положительной (катафатической) теологии?
4. Насколько убедительны основные доказательства существования Бога?

Тема № 30. Проблема связи Бога и мира

Важной проблемой для философской теологии является проблема связи Бога и мира.

ПРОБЛЕМА: КАК СООТНОСЯТСЯ, КАК СВЯЗАНЫ БОГ И МИР?

Здесь можно выделить несколько позиций:

Акосмизм

Акосмизм считает, что существует только Бог, а мир – нереален. Индийская философия **адвайта-веданты** утверждает, что подлинно есть только абсолют - Брахман. «Адвайта» означает «недвойственный». Мир – это майя – космическая иллюзия, рожденная тем же Брахманом. Даже Бог-творец есть часть майи. Человек – как дух – атман тождественен абсолюту, ничем от него не отличается. Атман есть Брахман. Для преодоления неведения, авидьи необходимо заниматься самосовершенствованием, йогой. Одним из самых известных представителей адвайты-веданты был Шакара (8 в.)

Пантеизм

Пантеизм считает, что мир и Бог совпадают. Все мы являемся частичками мира и Бога. Так считал Спиноза, немецкие идеалисты Гегель, Шеллинг. У Гегеля Бог развивается и познает сам себя через людей. В эпоху Возрождения пантеистами были Николай Кузанский и Джордано Бруно. Известно высказывание Джордано Бруно: «Бог в вещах».

Неоплатонизм

Неоплатонизм возник в поздней античности на основе синтеза идей Платона и Аристотеля. Наиболее известные его представители: Плотин (204 – 270) и Прокл (410 – 485). Неоплатонизм полагает, что между Богом и миром есть промежуточные ступени. Выше всего Бог или Абсолют. Это – абсолютное единства, в котором нет никакого множества, никакого разъединения. Абсолют – Сверхсущее Единое производит эманацию – истечение единства. Посредством эманации возникает мировой Ум – собрание эйдосов. Ум – уже не чистое единство, он уже связан с множеством, ведь эйдосов много. Вторая эманация создает мировую Душу. Душа охватывает все процессы во вселенной, все души. Все, что движет себя само. В мировой Душе еще больше множественности и меньше единства, чем в мировом Уме. Еще ниже находится материальный мир – космос. Как сказал Плотин, космос – изукрашенный труп. Ниже всего находится материя – начало зла и безобразия. Материя – это чистая множественность, разъединенность, лишенная всякого единства. Это – противоположность Единого. В древности и в более позднее время неоплатонизм являлся теоретической базой для астрологии и магии.

Христианский креационизм

Христианство считает, что Бог *творит* мир из ничего по своей свободной воле. Такая концепция есть **креационизм**. Поэтому между Творцом и тварью лежит **принципиальное различие**. В мире много зла, а Бог чист и добр. Бог, как субстанция, Бог по природе находится за пределами мира. Но в мире действуют **божественные энергии** – свет истины, добра, красоты, справедливости и т.д. Человек может **обожиться** – **стать богом по благодати**. Но это возможно только в том случае, если он будет следовать заповедям Бога по природе. Люди – сыны Божьи по благодати Христовой.

В православии еще в Византии сложилась духовная практика **исихазма**. Исихия – дословно означает молчание. Исихасты проводят жизнь в молчании и непрерывной Иисусовой молитве. Одним из самых известных исихастов был Григорий Палама (1296-1359). Христианство верит, что существующий мир, испорченный грехом исчезнет. Учение о конце света называется **эсхатологией**. Но христиане его не боятся. В конце времен будет второе пришествие И. Христа, Страшный суд над всеми людьми. Мир будет преображен. И в этот новый мир попадут праведники, добрые люди. А злые отправятся в ад на вечную муку.

Деизм

Деизм, сложившийся в эпоху Просвещения, **отдаляет Бога от мира**. Бог сотворил мир, дал ему законы, привел его в движение. В дальнейшем мир живет самостоятельно. Деисты призывали придерживаться естественной религии. Главное – почитание Высшего существа, соблюдение моральных обязанностей. Различие исторических религий заключается в различиях в культах. Часто это создает взаимную нетерпимость и приводит к религиозным войнам. Естественная религия призывает к веротерпимости. Приверженцем деизма был знаменитый французский мыслитель Вольтер (1694 – 1778).

В романе французского мыслителя Ж. Ж. Руссо «Эмиль или о воспитании» есть часть, которая называется «Исповедание веры савойского викария». В ней излагаются деистические представления о Боге и его роли в мире:

Атеизм

Атеизм считает, что существует только мир, а Бога не существует. Как правило. Атеизм связан с материализмом. Бог для материалистов «постороннее прибавление», продукт человеческого воображения.

Литература

1. Кураев А. Пантеизм и монотеизм// Вопросы философии. – 1996. - №6. – С.36 – 53.
2. Булгаков С. Н. Свет невечерний. – М.,1994. - С.3 – 165.

Контрольные вопросы

1. В чем заключается акосмизм адвайты-веданты?
2. Какова позиция пантеизма?
3. Как решает неоплатонизм проблему связи Бога и мира?
4. Каковы основные идеи христианского креационизма?
5. В чем особенность деистического мировоззрения?
6. В чем заключается позиция атеизма?

Тема № 31. Религиозная философия о проблеме зла в мире

С точки зрения религиозной средневековой философии, самой важной жизненной проблемой является проблема зла.

Опыт зла

Каждый из нас в своей жизни сталкивался со злом, и сам делал нечто злое, испытывал злые намерения. Как говорит христианство, *наш мир во зле лежит*.

Различие добра и зла

Добро и зло очень трудно определить в общем виде. Добро есть нечто положительное, и оно связано с бытием. Зло есть нечто по существу отрицательное, и оно связано с небытием. В самом деле, кража, например, - это лишение имущества для законного владельца, смерть – лишение, отнятие жизни и пр.

Виды зла

С точки зрения христианской средневековой философии существует три основных вида зла.

Первый вид – **метафизическое зло**. Это общее несовершенство творения, поскольку мир создан из ничего.

Второй вид – **физическое зло**. Это деформации тела, болезни, телесные страдания и смерть.

Третий вид – **моральное зло**. Это пороки человека, его злая воля, направленная ко греху. Грех – это действие против Бога. Главным видом зла является именно моральное зло.

Свобода воли и первородный грех

Согласно христианству, человек обладает свободой воли – способностью свободно выбирать между добром и злом. Человеческий род в лице перволюдей – Адама и Евы добровольно совершил грех, и, поэтому, подпал под власть зла. Вместе с человеком весь мир теперь подвержен злу.

Спаситель

Человечество уже не может спастись, освободиться от зла самостоятельно. Поэтому Бог воплощается в человека, чтобы просветлить человеческую природу изнутри. На Землю для спасения человечества является **Иисус Христос – Богочеловек**. В нем объединены две природы – бессмертная, божественная и смертная, человеческая. Иисус Христос – одновременно Бог, и совершенный человек.

Иисус Христос просветляет мир, лечит больных, оживляет умерших, изгоняет бесов, проповедует Благою весть о возможности спасения души и обретения жизни вечной. Иисус Христос добровольно пошел на крестные муки и смерть во имя человечества. Он умер, как и всякий другой человек, но воскрес – преодолел смерть. Тем самым он показал путь, по которому должны идти люди. Иисус Христос, по преданию, вознесся на небеса, но после себя оставил церковь.

Церковь

Церковь – это **тело Христово на Земле**, общность душ истинно верующих. Церковь строится не добродетелью человеческой, а благодатью божией. Это означает, что от Иисуса Христа идет благодать, божественная энергия, помогающая человеку выстоять в борьбе со злом внутри себя и, тем самым, спасти свою душу. Эту благодать И. Христос передал своим ученикам, а те, в свою очередь, передали следующим поколениям священников через обряд рукоположения. И верующий в церкви, участвуя в **таинствах**, приобщается к благодати, к божественной энергии. По мнению христиан, тот человек, который не ведет воцерковленную жизнь, и не получает благодати, не сможет побороть в себе зло и спасти свою душу. Его душа попадет в ад, а душа праведника – в рай.

Армагеддон и Страшный Суд

В Евангелии предсказано, что в конце времен произойдет последняя битва добра и зла – армагеддон. Добро победит, зло из мира исчезнет. Мир будет преображен, в нем будут жить праведники в просветленных телах. Не будет никакого зла: болезней, конфликтов, смерти и пр. Будет второе пришествие Иисуса Христа и Страшный суд над всеми людьми, которые будут оживлены, «восстанут из гроба». Грешникам суждены вечные муки в аду, а праведникам – вечное блаженство в раю. Некоторые богословы считают, что будет **апокатастасис** (дословно «восстановление всяческих»). Все грешники через страдания искупят свои грехи и тоже достигнут просветления. С их точки зрения любящий Бог не совместим с вечным адом.

Добро сильнее зла

Таким образом, **добро сильнее зла**, и, в конечном счете, добро победит. Средневековый философ Фома Аквинский сравнивал добро, и зло и пришел к выводу, что добро преобладает над злом. 1) В самом деле, абсолютное добро мыслимо и может существовать. А **абсолютное зло немыслимо** и не может существовать. Зло отрицательно. Абсолютное зло отрицательно по отношению ко всему, в том числе, и по отношению к себе. Абсолютное зло само себя

уничтожает. 2) Зло, по существу отрицательно, связано с небытием. Однако, чтобы проявить свое действие ему необходимо что-то положительное. Зло – это порча чего-то хорошего. Отсюда, **зло – это «паразит добра»**, и без добра не может существовать. А добро без зла – может. Таким образом, нет равновесия добра и зла, добро сильнее.

Теодицея

Очень серьезной проблемой в теологии является проблема **теодицеи** – богооправдания. Как совместить факт существования Бога как абсолютного добра и существования нашего мира, полного зла? Раз Бог создал наш мир, не лежит ли на нем вина, за все проявления зла, которые в нем происходят?

С точки зрения христианской средневековой философии, зло не создано Богом, оно – «не сеяная трава». Бог не творит зла, но допускает зло. Иначе у человека не было бы свободы воли. Подробнее о различных попытках решения проблемы теодицеи можно почитать в учебном пособии.

С точки зрения материалистов, причинами зла являются природные процессы и несовершенство социальной организации общества.

Литература

Лосский Н. О. Бог и мировое зло. – М., 1994.

Контрольные вопросы

1. [В чем заключается различие добра и зла?](#)
2. [Каковы виды зла, согласно религиозной философии?](#)
3. [В чем сущность первородного греха и миссия Иисуса Христа?](#)
4. [Что такое церковь, и каково ее назначение?](#)
5. [Каковы перспективы борьбы со злом, согласно религиозной философии?](#)
6. [Какие аргументы доказывают, что добро сильнее зла?](#)
7. [В чем заключается проблема теодицеи?](#)

[**Задания к семинару № 10 \(РАЗДЕЛ 8 ФИЛОСОФСКАЯ ТЕОЛОГИЯ, Темы № 29 – 31\)**](#)

РАЗДЕЛ 9. ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

Тема № 32. Человек и природа. Глобальные проблемы современности

Понятие «природа»

Человек, с одной стороны, есть часть природы. **Природа в широком смысле слова** объединяет все материально существующее. Человек подчинен природным законам, его тело имеет биологическую природу. Но, с другой стороны, человек отделяет себя от природы и противопоставляет себя ей как духовное и свободное существо, способное подняться над ее ограничениями. Когда **природа противопоставляется человеку, она понимается в более узком смысле слова** – как естественное в противоположность искусственному.

Отношение человека к природе

Отношение человека к природе менялось от эпохи к эпохе.

В древности человек рассматривал природу как огромное живое всеобъемлющее существо - космос, а себя как исчезающе малую частичку космоса.

В средние века человек начал рассматривать себя как сверхприродное, возвышающееся над природой благодаря своему духу и богоподобию существо.

Но особенно важные перемены произошли в Новое время, когда человек стал развивать науку и технику с целью достижения господства над природой и всемерного ее использования для удовлетворения человеческих потребностей. Человек стал стремиться к материальному могуществу, а природу начал рассматривать просто как полезный ресурс: «Природа – не храм, а мастерская».

Глобальные проблемы современности

К XX веку материальное могущество человека настолько возросло, что возникли **глобальные проблемы**. Эти проблемы ставят под вопрос само существование человечества, касаются всех людей и не могут быть решены отдельными странами по одиночке. К таким проблемам относятся:

Угроза ядерной войны. В настоящее время официально семь стран обладают ядерным оружием. Это – США, Россия, Китай, Великобритания, Франция, Индия, Пакистан. Возможно, что такое оружие есть и у некоторых других стран. Поскольку между ядерными странами существуют неразрешенные конфликты и противоречия, то угроза ядерной войны все еще сохраняется.

Демографическая проблема – демографический взрыв или бурный рост народонаселения в развивающихся странах и депопуляция – сокращение - в развитых.

Проблема «Север- Юг» - большой разрыв в уровне экономического развития и благосостоянии между развитыми и развивающимися странами.

Экологическая проблема - проблема катастрофического загрязнения окружающей среды. По некоторым прогнозам ученых, если существующие тенденции продолжатся, и не будет предпринято каких-то эффективных мер, то к середине 21 века глобальная экологическая катастрофа неизбежна.

Проблема истощения природных ресурсов и источников энергии. Например, нефти осталось на несколько десятилетий. С 1975 года по 2000 год человечество израсходовало столько же ресурсов, сколько за всю свою историю

до 2000 года. Мы видим, что наше вмешательство в окружающую среду растет. Природная среда разрушается нами для нашего производства и потребления. Растет и количество мусора, который, в свою очередь, тоже загрязняет среду.

Эти и другие проблемы угрожают всему человечеству. И если не будут найдены соответствующие решения, гибель человечества неизбежна. Решение предполагает также изменение мировоззрения, системы ценностей людей, их отношения к природе. В 1968 по инициативе Аурелио Печчеи была создана организация по исследованию глобальных проблем - **Римский клуб**. Он объединяет несколько сот видных политиков, ученых, бизнесменов. Доклады Римского клуба имеют большой общественный резонанс. Конечно, не все предложения бесспорны. Так одно из предложений – нулевой рост производства и населения. Может быть, такая мера и затормозит на некоторое время сползание человечества к глобальной катастрофе, но как же быть миллиардам людей и сейчас живущим в нищете? Ведь без роста производства они лишаются надежды на улучшение своего благосостояния.

Биосфера и ноосфера

Выдающийся русский ученый В. И. Вернадский считал, что человечество находится в процессе перехода от **биосферы** к **ноосфере**. В биосфере – планетарной оболочке жизни всеми процессами управляет живое вещество – совокупность всех организмов. Но все большую роль играет научно-техническое творчество человека. В будущем на первое место выйдет именно разум человека и биосфера превратится в ноосферу (ноос или нус по гречески – разум). Человек должен научиться разумно организовывать свое взаимодействие с окружающей средой. Сейчас популярна идея **коэволюции** природы и общества – такого развития общества, которое не нарушало бы гармонии с природой.

Антропогенез

ПРОБЛЕМА ПРОИСХОЖДЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА (АНТРОПОГЕНЕЗА): ЧТО ЯВЛЯЕТСЯ ГЛАВНЫМ ФАКТОРОМ В ПОЯВЛЕНИИ И ЭВОЛЮЦИИ ЧЕЛОВЕКА?

На этот вопрос есть три главных варианта ответа:

1. **Теологическая** теория считает, что человек чудесным образом сотворен Богом. Сторонники этой позиции отрицают эволюцию и ссылаются на авторитет Библии.

2. **Эволюционизм** основан на теории Ч. Дарвина. Согласно этой точке зрения, человек появился в ходе длительной, стихийной, ненаправленной эволюции от обезьяноподобного предка. В пользу этой концепции можно привести два факта. Во-первых, генетическое родство обезьян и людей. Например, у человека с шимпанзе 98% общих генов. Во-вторых, наличие многочисленных останков обезьянолюдей, находимых археологами.

3. **Теистический эволюционизм** признает существование эволюции, но считает, что она носит направленный характер и управляется Богом или высшим Разумом. Такой точки зрения придерживался русский философ Вл. Соловьев, французский мыслитель Тейяр де Шарден. Тейяр де Шарден (1881 – 1955) рассуждал следующим образом. Если мы – люди, обнаруживаем в себе сознание, особую внутреннюю нематериальную реальность, то она должна быть присутствовать в том или ином виде в любой частице материи. В неживой природе или стадии преджизни зачатки психического и жизни проявляют себя в статистических законах. На Земле появляются оболочки литосферы, гидросферы, атмосферы, стратосферы. На стадии жизни появляется оболочка жизни – биосфера. Для жизни характерны нащупывающее изобилие, созидательная изобретательность, безразличие к индивидам, тенденция всеохватывающего

единства. С возникновением человека появляется ноосфера, планетарная оболочка мысли. С точки зрения биологической человек не развивается. Но в культурном отношении произошел огромный прогресс по сравнению с животными. Развитие духовной культуры и науки все ускоряется и направляется к так называемой точке омега. Сознание каждого человека усложняется и развивается, также усложняются связи между людьми. В итоге планетарного развития человечество должно образовать единое целое, единоедушие мыслящих существ. Победит любовь как основной принцип отношения между личностями. Это будет как бы земное божество, апофеоз космической эволюции.

Литература

1. Хесле В. Философия и экология. - М., 1994. - 192 с.
2. Печчеи А. Человеческие качества. - М., 1977.

Контрольные вопросы

1. Каковы значения понятия «природа»?
2. Как менялось отношение человека к природе в различные эпохи?
3. Что такое глобальные проблемы, в чем они выражаются?
4. Что такое «биосфера» и «ноосфера»?
5. Каковы теоретические альтернативы, объясняющие происхождение человека?

Тема № 33. Проблема сущности человека (натуралистическая и биосоциальная концепции)

Антропология – это учение о человеке. Философская антропология рассматривает человека в онтологическом ракурсе, в связи с основными реальностями мира.

Опыт человека

Человек, с одной стороны, самое знакомое нам существо, ибо мы сами люди. С другой стороны, человек самое сложное и развитое существо, из всех нам известных. У него много, сторон и свойств, и не всегда понятно, какие из них наиболее главные, существенные. Существует немало разных определений человека.

Определения человека

Американский просветитель Бенджамин Франклин дал такое определение: человек есть существо, способное создавать орудия труда.

Немецкий мыслитель Арнольд Гелен (1904 – 1976) называл человека неспециализированным животным. Любые животные специализированы, то есть приспособлены к конкретным условиям окружающей среды. У человека нет такой специализации, но зато он может, используя свой ум и культуру, жить практически в любой земной среде.

Немецкий философ Эрнст Кассирер (1874 – 1945) считал, что человек – это символическое животное. В самом деле, жизнь человека во многом определяется его способностью понимать и использовать язык в широком смысле слова как

систему символов, знаков. Вл. Соловьев определял человека как существо, способное смеяться. Ф. М. Достоевский писал, что человек есть существо, ко всему привыкающее.

Биологическое несовершенство человека

Многие авторы отмечают **природное несовершенство человека**. Он лишен защиты – рогов, клыков копыт. У него нет шкуры, защищающей от холода. Детеныши человека долгое время должны находиться под присмотром взрослых. У человека мало инстинктов, его поведение не запрограммировано. Зато у человека есть способность к совершенствованию и свобода относительно своего поведения. Немецкий мыслитель Гердер называл человека «вольноотпущенником природы». Человек творит культуру – искусственную среду и тем компенсирует свою биологическую слабость.

Одной из важнейших проблем антропологии является проблема сущности человека.

ПРОБЛЕМА СУЩНОСТИ ЧЕЛОВЕКА: ЧТО ТАКОЕ ЧЕЛОВЕК? КАКОВЫ ГЛАВНЫЕ СУЩЕСТВЕННЫЕ ПРИЗНАКИ ЧЕЛОВЕКА?

От ответа на этот вопрос зависит представление об обществе, общественном идеале, о ценностях и смысле жизни, направлении личного и общественного развития.

Натуралистическая концепция

1. В настоящее время популярна **натуралистическая теория человека**. Человек, с точки зрения этой позиции **всецело материальное, природное существо**. В нем нет ничего сверхприродного. Многие представители материалистической философии придерживаются натуралистической теории человека. По их мнению, человек – в принципе такое же живое существо, как и другие животные, только более умное и агрессивное, чем другие. Высказывание «От амебы до Эйнштейна один шаг» подчеркивает ту мысль, что между человеком и животным – не качественное, а **количественное различие**. К натуралистическому пониманию человека можно отнести и такие высказывания: «человек есть то, что он ест», «человек есть голая обезьяна». Натуралистическая теория биологизирует человека. Психиатр З. Фрейд также относится к натуралистической концепции человека.

В 18 веке французский просветитель Гельвеций (1715 – 1771) создал популярную сегодня концепцию **разумного эгоизма**. Человек, с его точки зрения, природное существо, у которого доминируют биологические потребности. «Любовь и голод правят миром». Над естественными потребностями надстраиваются искусственные – в богатстве, власти, признании. Каждый человек по природе – эгоист. Он смотрит на мир с точки зрения своего корыстного интереса. Каждый стремится к удовольствиям и избегает страданий. Все – эгоисты, но эгоизм может быть разумным или не разумным. Неразумный эгоист «идет по головам» для достижения своих целей и тем самым создает себе врагов.

Разумный эгоист, в отличие от неразумного, понимает, что, если он не будет учитывать интересы других людей, то они будут мешать ему в достижении его собственных целей. Делать добро, в конечном счете, оказывается выгодно. Основным отношением эгоистов является взаимовыгодная сделка. Принцип разумного эгоизма лежит в основе рыночных отношений. Гельвеций мечтал о просвещенном монархе, который издавал бы такие умные законы, которые делали бы совершение добра выгодным. Если мы, например, хотим поощрить

благотворительность, то можно с благотворителя брать меньше налогов. Тогда благотворительность станет выгодной.

В XIX веке появляется и получает распространение теория **социального дарвинизма**. Основоположителем ее считается английский философ Герберт Спенсер (1820-1903). Сторонники этого взгляда полагают, что раз человек – чисто природное существо, то законы развития общества такие же, как и законы развития природы. Как и другие животные, люди подчинены закону естественного отбора и выживания наиболее приспособленных. Приспособленные – это те, кто победил в жизненной борьбе и смог ухватить себе кусок власти или богатства. Они богаты по справедливости, согласно естественному закону – они победили в жизненной борьбе. Бедные – это просто неприспособленные индивиды, они сами виноваты в своих бедствиях. Помогать бедным, с точки зрения социал-дарвинистов, – противоестественно.

Слабым местом в социал-дарвинизме является неспособность объяснить сам факт существования у людей высокой духовной культуры. Мораль, религия, философия, высокое искусство не нужны в борьбе за существование. И если бы человек был просто животным, духовная культура вообще не появилась бы. Социал-дарвинизм использовался сторонниками капитализма для оправдания классового господства буржуазии как класса наиболее приспособленных к жизни людей. Однако его можно использовать и для оправдания антикапиталистической революции. Если неприспособленные, бедные, «лузеры», которых в обществе большинство смогут объединиться и свергнуть приспособленных, «успешников», то тем самым они докажут, что они, на самом деле, более приспособлены.

Социал-дарвинизм использовали нацисты, применяя его к нациям и расам. Они оправдывали свою агрессивную политику тем, что немецкий народ вынужден бороться за свое существование.

Биосоциальная концепция

2. В 19 веке К. Маркс выдвинул социологическое понимание сущности человека. Он полагал, что сущность человека есть не что иное как ансамбль всех общественных отношений. В таком определении есть некоторые уязвимые места. В советской философии приняли точку зрения Маркса, но затем ее немного подкорректировали. Так появилась **теория биосоциальной природы человека**. Она является господствующей в нашей стране.

С точки зрения данной концепции, сущность человека двойственна. С одной стороны, человек есть биологическое существо. Ему присущи качества живого организма. Многие его качества обусловлены биологически и даже генетически. Но, с другой стороны, многие его свойства вырабатываются только обществе в процессе **социализации** – образования и воспитания. Прямохождение, язык, мышление, умение обращаться с предметами, навыки общения и другие свойства вырабатываются только в общении с другими людьми. Важность социальной среды для формирования человека доказывают случаи нахождения «маугли» – человеческих детей, которые воспитывались животными. Такие дети уже не могут освоить специфически человеческое поведение.

Взаимодействие биологической и социальной составляющей рождает ряд проблем. Одна из них – сложность приспособления организма человека к быстрым социальным переменам. Чрезмерно быстрый прогресс приводит к дезориентации человека, развитию стрессов, неврозов и т.п. Нерешенной является проблема, насколько поведенческие реакции обусловлены генетически, а насколько – социально.

Слабым местом этой теории является сложность объяснения специфики социальности именно человека. Есть примеры общественных, стадных животных.

Неясно, чем же человеческое общество принципиально отличается от животных сообществ.

Литература

1. Тейяр де Шарден П. Феномен человека. - М., 1987.
2. Проблема человека в западной философии. - 1988
3. Это человек: Антология. - М., 1995.
4. Бубер М. Проблема человека// Бубер М. Два образа веры. - М., 1995.

Контрольные вопросы

1. Какие существуют определения человека?
2. В чем заключается проблема сущности человека?
3. Как решает проблему сущности человека натуралистическая концепция?
4. Каковы представления биосоциальной концепции о природе человека?

Тема № 34. Проблема сущности человека (идеалистическая и религиозно-мистическая концепции)

Идеалистическая теория человека

3 Это различие между человеком и животным подчеркивает **идеалистическая теория человека**, выработанная представителями **объективного идеализма**. Платон и Аристотель, и их последователи считали, что человек – это двойственное существо, состоящее из материального тела и нематериального духа, души. **Человек – это воплощенный дух**. В духе же главное – разум. Отсюда знаменитое определение человека: человек есть смертное, разумное, живое существо. По Платону, **тело – темница**, или могила души. Душа заключена в теле, как в чуждой для себя оболочке.

Теория счастья Сократа

Сократ – учитель Платона выдвинул **идеалистическую теорию счастья**. Счастье – это обладание высшим благом, которое дает человеку высшее удовлетворение. В жизни есть три вида благ.

Это, во-первых, имущественные блага. Сюда относится богатство, деньги, недвижимость и пр.

Во-вторых, это физические блага. Это – здоровье, ловкость, сила, красота тела и пр.

В-третьих, это – душевные блага. Это – добродетели (хорошие качества) души: мудрость, мужество, целомудрие (чистота и цельность души), справедливость. Праведная душа подобна космосу – гармонична и уравновешена. Только она может быть счастлива, с точки зрения Сократа. Счастлив тот, кто поступает хорошо и достойно.

Отсюда вытекает несколько **следствий**. Как утверждал еще Сократ, лучше перенести несправедливость по отношению к себе, чем самому совершить ее. Ведь главное – сохранить чистоту души. А, если совершил, то лучше понести наказание, чем остаться безнаказанным. Самые же несчастные люди, по Сократу,

это те, кто обладает наибольшим богатством и властью. душа у них хаотична. Ее обуревают различные страсти, страхи, желание обладать все большим и большим. Их жизнь подобна дырявой бочке. Сколько в нее воды не лей, она никогда не заполнится. Также и такие люди никогда не будут удовлетворены жизнью.

В разуме идеалисты видят величие человека.

Религиозно-мистическая теория человека

4. **Религиозно-мистическая теория человека** ставит сущность человека в связь с Богом. Рассмотрим два варианта этой теории.

Философия йоги о сущности человека

А) **Философия йоги** рассматривает человека как продукт взаимодействия двух субстанций. Это – материя, пракрити и дух, пурушу. **Пракрити** – это материя, но вместе с психической стороной. Дух, **Пуруша** (или наше настоящее Я) сам по себе чист, несмешан, спокоен, он – чистое сознание, субъект – свидетель, «обозревающий поле». Наше сознание – **читта** есть проекция Пуруши на наше тело. Мы ложно думаем, что мы читта, и даже тело, а на самом деле каждый из нас есть вечный Пуруша. Бог – **Ишвара**, это изначально освобожденный дух.

Закон кармы

Человеческий дух связан с телом и потому подчинен закону кармы. **Карма** – закон воздаяния, космической справедливости, согласно которому человек в этой жизни пожинает плоды своих действий, совершенных в прошлых жизнях. Если человек в прошлых жизнях совершал добрые поступки, у него будет хорошая, белая карма в этой жизни. У него будут благоприятные условия для жизни и развития, ему будет способствовать удача в делах и пр. Если же он совершал плохие поступки, то у него в этой жизни будет плохая, черная карма со всеми вытекающими последствиями. Пока дух привязан к жизни, он перевоплощается из тело в тело. Поэтому человек страдает.

Виды йоги

Цель йоги – освободиться от пут кармы, добиться развоплощения, избавиться от связи с телом. Освобождение достигается посредством 8 ступеней йоги.

Есть разные виды йогических практик: раджа-йога, карма-йога, бхакти-йога, хатха-йога и др. Используются также изображения - мандалы, и сочетания звуков – мантры. Суть карма-йоги в том, чтобы трудиться много, бескорыстно и с радостью. Тогда человек сотрет свое мелкое эгоистическое Я и останется один чистый Пуруша, свободный от привязанностей.

Христианская концепция человека

Б) **Христианская концепция человека** считает, что человек создан Богом по его образу и подобию. Подобна Богу у человека душа. Образ Троицы – разум, воля, память. Тело – инструмент души. Отсюда определение человека у Августина Блаженного: **человек есть душа, пользующаяся телом**.

Заповеди любви

Цель жизни человека – **спасение души** через стяжание Духа Святого. Нужно очистить свою душу от страстей и грехов. основные грехи: гордость, сребролюбие(несытая душа), блуд, зависть, чревоугодие, гнев, лень. Жить нужно аскетически, отказывая себе в различных излишних радостях и удовольствиях. Основные добродетели христианина: вера, надежда, любовь. Вера должна проявлять себя в делах. В жизни необходимо соблюдать заповеди Христа, заповеди любви. Ведь Бог есть любовь. Но в любви должен быть порядок. Первая заповедь гласит: «возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всею крепостию твоею, и всем разумением твоим». Таким образом, нужно любить Бога больше самого себя. Вторая заповедь призывает: возлюби ближнего как самого себя.

Миссия И. Христа

Человек отпал от Бога, поддался под власть зла. Однако, чтобы спасти человеческий род на землю является Богочеловек Иисус Христос. Бог в образе человека принял на себя грехи человечества и понес страдание за нас. Бог любит человека и помогает ему. И человек должен уподобиться Богу, проникнуться божественным духом. В этой жизни, с точки зрения христианства. мы можем достичь святости или мирской праведности.

Литература

1. Тейяр де Шарден П. Феномен человека. - М.,1987.
2. Проблема человека в западной философии. - 1988
3. Это человек: Антология. - М.,1995.
4. Бубер М. Проблема человека// Бубер М. Два образа веры. - М.,1995.

Контрольные вопросы

1. Что такое человек с точки зрения идеализма?
2. Верна ли теория счастья Сократа?
3. Как решает проблему сущности человека философия йоги?
4. Какова цель йоги?
5. Какие существуют виды йог?
6. Что такое человек с точки зрения христианства?
7. Каковы цель и способы христианской жизни?

Задания к семинару № 11 (РАЗДЕЛ 9 ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ, Темы № 32 – 34)

Тема № 35. Ценность человека. Гуманизм и антигуманизм

Важной проблемой является также проблема ценности человека.

ПРОБЛЕМА: ЯВЛЯЕТСЯ ЛИ ЧЕЛОВЕК ВЫСШЕЙ ЦЕННОСТЬЮ? ВЫСКО ИЛИ НИЧТОЖЕН ЧЕЛОВЕК?

Этот вопрос стоит довольно остро в наше время. Также остро он стоял и несколько столетий назад. Так, например, папа Иннокентий III, организатор первого крестового похода написал известную книгу Иннокентий III «О презрении к миру, или о ничтожестве человеческого состояния». В ней он попытался подчеркнуть низкие и слабые стороны человеческого существа: «Сотворен человек из пыли, из грязи, из пепла, а также из отвратительного семени - что еще более ничтожно. Зачатый в зудящей похоти, в опьянении страсти, в разнузданном зловонии и - что еще хуже - в позоре греха, человек рожден для трудов, для скорбей, для страха и, наконец, что ужаснее всего, для смерти. Он делает дурное, чем оскорбляет бога, вредит ближнему, вредит самому себе; он делает позорное, чем пятнает славу, пятнает совесть, пятнает себя самого; он делает бесполезное, из-за чего пренебрегает важным, пренебрегает полезным, пренебрегает необходимым. Будет он добычей огня, который вечно горит и беспрестанно мучает: будет он пищей червей, которые беспрестанно гложут и вечно пожирают; будет он гниющей массой, всегда нечистой и зловонной».

В противовес ему итальянский **гуманист Джаноццо Манетти** (1396 – 1459) написал книгу «Речь о достоинстве человека», в которой он утверждал: «Итак, с самого начала Бог, видимо, посчитал это столь достойное и выдающееся свое творение настолько ценным, что сделал человека прекраснейшим, благороднейшим, мудрейшим, сильнейшим и, наконец, могущественнейшим».

Гуманизм о человеке

1. Гуманизм отвечает на проблему ценности человека утвердительно. С его точки зрения **каждый человек – это высшая ценность на Земле**. В силу этого каждый человек имеет право на свободу, счастье и развитие своих способностей. Человечность, гуманность должны стать нормой общественной жизни. Человечность означает взаимное уважение, доброжелательство, взаимопомощь.

Известный французский философ Ж. Ж. Руссо (1712 – 1778) считал, что человек по своей природе добр. зло, испорченность возникают из-за развития цивилизации. Гуманизм как мировоззрение возник в эпоху Возрождения, прежде всего в Италии. **Возрождение антропоцентрично** – в центре его размышлений стоит человек. Первым гуманистом считается итальянский поэт Франческо Петрарка (1304 – 1374). Человек, с точки зрения гуманистов рождается дважды. Первый раз – биологически. Второй раз – культурно, усваивая культуру своего народа, язык, понимание искусства, умение общаться, гуманитарные знания и пр.

Философы итальянского Возрождения размышляли над вопросом: почему человек достоин восхищения? Они считали, что человек – своего рода земной бог. Поэтому иногда гуманизм называют человекобожеством. В человек все прекрасно, и даже его тело тоже создано Богом. Поэтому человек имеет право и обязанность наслаждаться. Гуманисты выступали против христианского аскетизма.

Человек как микрокосм

Философы эпохи Возрождения пытались обосновать величие человека. Философ-неоплатоник **Марсилио Фичино** (1433 – 1499), считал, что человек – это **микрокосм**, вселенная в миниатюре. В человеке есть основные реальности, которые мы находим в мире. Поэтому человек как бы объединяет в себе весь мир, скрепляет его. Человек – универсальное существо. Поэтому у него великое предназначение, его ждут великие дела. Человек должен все познать и все преобразовать. Идеал развития – человек-титан, максимально, всесторонне, гармонически развитый человек.

Человек без места

Другой мыслитель **Пико делла Мирандола** (1463 – 1494) считал, что человек – высшее существо, потому что у него нет определенной, заданной природы. Бог не дал человеку определенного места в мироздании. Человек должен сам занять подобающее место в мире, благодаря собственным усилиям. Он может подняться до ангелов, или опуститься до животного. Человек обладает свободой, и сам строит свою жизнь. Каждый человек – сам кузнец своего счастья. Также как и Бог, человек способен к творчеству. Человек не должен смиряться перед неблагоприятными обстоятельствами. Доблесть человека побеждает фортуна. Достоинство человека – в его усилиях. Поэтому настоящий человек – это человек образованный, развитый, а не дикий.

Гуманизм и этика

Гуманизм тесно связан с этикой – учением о нравственности. Еще в древности было сформулировано золотое правило нравственности: Поступай с другими так, как хочешь, чтобы другие поступали с тобой. Гуманистический этикет(правила поведения) основывается на принципе: уважай личность другого человека, старайся не причинять ему неудобств.

В рамках гуманистической традиции развивались две этики. Это – этика счастья (эвдемонизм) и этика долга.

В эпоху Просвещения И. Кант в книге «Критика практического разума» обосновал **автономную** (самостоятельную по отношению к религии), гуманистическую этику долга.

Категорический императив Канта

И. Кант постарался обосновать моральные нормы с помощью разума, без опоры на божественный авторитет. Он сформулировал нравственный закон человеческого долга - **категорический императив**. Категорический – обязательный, императив - повеление

Его **первая формулировка** звучит так: **Поступай так, чтобы максима твоей воли могла иметь силу всеобщего законодательства**. Максима – это субъективное, личное правило человека. Если максима может стать общим законом, значит она нравственная. Бескорыстное следование категорическому императиву есть нравственный человеческий долг каждого человека. Например, если у меня максима быть «зайцем», не платить за проезд в общественном транспорте, то как определить насколько эта максима правильна? Для этого нужно сделать ее всеобщим законом, что будет, если все пассажиры станут зайцами, перестанут платить за проезд? Очевидно, что в таком случае общественный транспорт прекратит свое существование. Значит, максима «зайца» – безнравственна. «Заяц» – паразит. Он может пользоваться услугами общественного транспорта, только потому, что кто-то другой оплачивает проезд.

Вторая формулировка категорического императива: Поступай так, чтобы человек и человечество, как в твоём лице, так и в лице любого другого всегда рассматривались бы как самоцель и никогда только как средство. Только вещь мы рассматриваем как средство, человек же есть самоцель, самоценность. С ним нельзя обращаться как с вещью.

Легальные и моральные поступки

Для правильной оценки поступков человека важны их мотивы. Хороший с внешней точки зрения поступок может быть моральным или легальным. У **морального поступка** мотивом является бескорыстное добро. А у **легального** – какие-то посторонние мотивы выгоды, престижа и пр. Так, например, если студент спасает студентку из-под колес автомобиля, а потом требует платы за спасение, то такой поступок моральным назвать нельзя.

Антиномия практического разума

Высшее благо должно состоять из двух частей: **счастья и достоинства счастья**. Именно люди живущие по моральному закону, добрые люди наиболее достойны счастья. И. Кант обнаружил одно печальное обстоятельство. В реальной земной жизни между частями высшего блага существует расхождение. Те люди, которые достойны счастья часто, несчастливы. Жизнь у них неблагополучна. А те, кто счастливы, зачастую недостойны счастья. Такое противоречие есть **антиномия практического разума**. В этой жизни данное противоречие не может быть разрешено, значит, рассуждает Кант, душа должна жить после смерти и достичь гармонии между счастьем и существованием достойным счастья. Гарантом бессмертия души является Бог. Таким образом, для нравственности необходимо допустить бессмертие души и существование Бога. И. Кант сначала отверг роль религии в обосновании нравственности, но в итоге пришел к выводу, что без религиозных представлений это сделать нельзя.

Гуманизм нашел свое выражение в течениях либерализма и социализма. Либерализм делает акцент на индивидуальную свободу, социализм – на коллективизм, взаимопомощь людей.

Антигуманизм

2. **Антигуманизм** считает, что человек, по своей сути – низкое, злобное, лживое существо. Среди мыслителей антигуманистов можно назвать маркиза де Сада, Фр. Ницше, Жозефа де Местра (1723 – 1821) . Последний считал, что человек по природе раб и подчинен низким страстям. Поэтому необходимо держать его в страхе. Самая полезная фигура в обществе - фигура палача. Известный мыслитель эпохи Возрождения Николо Макиавелли (1469 – 1527) написал знаменитую книгу «Государь», в которой считал допустимым для захвата и удержания власти использовать ложь, убийство и другие аморальные методы. Он предложил принцип «Цель оправдывает средства». Аморальные способы ведения политики получили впоследствии название «макиавеллизма». **Антигуманизм проявляется также в отрицании за представителями некоторых расовых, этнических и социальных групп права называться людьми.** Это происходит в крайнем национализме и расизме. Расист не считает представителей другой расы полноценными людьми и позволяет себе по отношению к ним неблагоприятные действия. В XX веке антигуманизм ярко проявился в жизни тоталитарных режимов, в империализме развитых капиталистических стран, в террористических движениях.

Литература

1. Фромм Э. Человек для себя. - Минск, 1992.
2. Маритен Ж. Интегральный гуманизм// Маритен Ж. Философ в мире. - М., 1994

Контрольные вопросы

1. Какова ценность человека с точки зрения гуманизма?
2. Что означает понимание человека как микрокосма в философии М. Фичино?
3. В чем особенность трактовки сущности человека у Пико делла Мирандолы?
4. Каковы основные идеи этики долга И. Канта?
5. Правильно ли Кантом сформулирован моральный закон в виде категорического императива?
6. Как оценивает человека антигуманизм?

Тема № 36. Теория отчуждения К. Маркса

К. Маркс открыл феномен **отчуждения человека**. Он описал его в своей ранней работе «Экономическо-философские рукописи 1844 года». Эта книга не была известна до 30-х годов 20 века.

Сущность человека по Марксу

По К.Марксу сущность человека составляют несколько основных качеств. Человек – существо **универсальное**, потенциально безграничное в своем развитии. В принципе человек может сделать весь мир объектом своей деятельности.

Человек – существо **деятельное**, практически **преобразующее** мир. Животное приспосабливается к окружающей среде, а человек способен ее преобразовать.

Человек – **существо родовое**, сознающее себя как единый человеческий род. Каждый человек сознает себя частью человеческого рода. Человек развивается только в общении с себе подобными. В качестве связующего звена между народами и поколениями выступает **культура**, предметное тело, воплощающее способности человеческого рода.

Человек – **существо сознательное**. Животное слито со своей жизнедеятельностью. Человек делает же отличает себя от своей свою жизнедеятельности и делает ее предметом своей воли и сознания. Он способен противопоставлять себя своей жизнедеятельности, и поэтому может изменять и совершенствовать ее.

В силу этого человек - существо **свободное**. Свобода, по К. Марксу – это развитая способность преодолевать препятствия.

Противоречие между сущностью и существованием человека

Однако сущность человека еще не обладает подлинной реальностью. Человек еще не таков на действительности, как его сущность. Человек еще не

завершен. Поэтому, строго говоря, еще нет подлинной истории человека, есть лишь предыстория. Существует противоречие между развитием человеческого рода в целом и развитием отдельного человека. Над человечеством господствует нечеловеческая сила. Она называется отчуждением. Человек рассматривает реальность, особенно, социальную как нечто чуждое и враждебное себе.

Отчуждение – это превращение человеческих сил и отношений в самостоятельную силу, господствующую над людьми. Мы сами создаем общество. Но оно становится господином над нами, а мы – его игрушками.

Виды отчуждения

Можно выделить несколько видов отчуждения. К Маркс исследует положение наемного рабочего, который вынужден работать на капиталиста. Рабочий трудится, опредмечивает, воплощает свои человеческие сущностные силы в продукте труда. Но этот продукт ему не принадлежит. Это – собственность хозяина-капиталиста. Капиталист видит в рабочем не человека, а силу, создающую его капитал. Таким образом, от рабочего **отчужден продукт его труда**.

Далее, сам труд выступает для рабочего как **отчужденный труд** – труд принудительный, вынужденный. Принуждение к труду может быть прямым, как при рабовладении и феодализме, и экономическим, как при капитализме. Рабочий воспринимает труд как бремя, которого желательно избежать. А по сути дела труд есть положительная творческая деятельность, необходимая для полноценной человеческой жизни. Отчуждение труда отнимает у человека радость от трудовой деятельности.

Еще один вид отчуждения - **отчуждение человека от природы**, когда она либо подавляет человека, либо рассматривается как чисто утилитарный объект. А по сути дела природа. Общение с ней необходимо для человека. Природа, как писал К. Маркс, есть неорганическое тело человека, его продолжение.

Так как один человек работает на другого между ними возникают враждебные отношения. Появляется **отчуждение человека от человека**, когда другой рассматривается как враг или объект для использования, т. е. как вещь. Этому способствуют, по К. Марксу, рыночные отношения и деньги. В рыночных отношениях нам безразличен другой человек, нам нужна вещь, которая ему принадлежит. Поэтому другой человек рассматривается как средство, а не как самоцель (вспомните категорический императив И. Канта). Вещи ценятся больше людей. Отчуждение человека от человека выражается в факте частной собственности. А ведь по сути дела, для человека самым нужным существом является другой человек.

Происходит также **отчуждение индивида от общества**, когда индивидуальный и общественный интересы противоречат друг другу. Общественный интерес оформляется в форме государства и при помощи принуждения подчиняет себе индивидуальные интересы. А в сущности, ведь, индивидуальный интерес и общественный должны находиться в гармонии друг с другом. Общее дело в таком случае отдельный индивид рассматривает как свое личное.

Наконец, происходит **самоотчуждение** личности, отчуждение человека от самого себя, когда все чувства подчиняются эгоистическому расчету, а творческая деятельность становится лишь средством для заработка и выживания.

Коммунизм как преодоление отчуждения

Таким образом, общество, в котором господствует отчуждение есть извращенное, нечеловеческое общество. В нем человек **отчужден от своей родовой сущности**. Отчуждение мешает ему стать настоящим человеком.

Отчуждение некоторое время выступало неизбежной формой развития рода человек. Оно стимулировало развитие вещественного богатства и духовной культуры общества. Однако, при достижении определенного уровня развития культуры, оно становится излишним. По Марксу, высшая форма общества – это строй гуманизма или коммунизма, где люди берут под сознательный контроль общественные силы. Тогда целью общества станет развитие всех человеческих сил, свободное развитие всех индивидуальностей без заранее предустановленного масштаба.

Литература

1. Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844// Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т.42 – С. 41 – 174.

Контрольные вопросы

1. [Каковы составляющие сущность человека, согласно К. Марксу?](#)
2. [В чем заключается сущность отчуждения человека?](#)
3. [Каковы виды отчуждения?](#)
4. [При каком общественном строе отчуждение исчезнет?](#)

Тема № 37. Личность с точки зрения философии. Персонализм.

В реальности нет человека вообще, существует множество человеческих личностей.

Опыт Я

Человек имеет непосредственное сознание о своем я. Если он видит какой либо цвет, чувствует боль, ощущает тепло или холод, то он сразу осознает, что эти именно он видит, он чувствует боль, он испытывает холод или тепло. Мы интуитивно знаем о существовании своего я. Каждый убежден, что он существует, и никто не думает, что его нет. Никто не может доказать, что его нет. Состояние своей личности особенно остро ощущается в трагических обстоятельствах жизни, в различных экстремальных ситуациях.

Сомнение в Я

Сомнение в Я и отрицание Я. Некоторые философы отрицают существование Я. Например, английский философ Д. Юм утверждал, что если обратится к внутреннему опыту и заглянуть внутрь себя, то мы никогда не увидим это самое я. Он пишет, что как бы глубоко я не проник в то, что он называю моим «я», я всегда наталкиваюсь на то или иное частное ощущение – тепла или холода, света или тьмы, страдания или удовольствия. Но не ощущаю «я» как таковое. Слабое место в таких рассуждениях видно невооруженным взглядом.

Слово «Я»

Своеобразие слова «Я». Слово «Я» мы можем употреблять только в качестве подлежащего, но никогда в качестве сказуемого. То же самое касается

имен конкретных людей. Я может употребляться в самом общем смысле. Ведь каждый из нас «я». Но может относиться и к конкретной неповторимой личности. Так что выходит, что слово «я» самое общее и самое индивидуальное.

Границы Я

Границы Я. Я и не-Я. Под Я понимается иной раз тело (например, «я толстый»); иногда - чувство (например, «я слепой»), орган движения (например, «я хромой»), умственная способность (например, «я глупый») или же сознание (например, «я знаю»). Одновременно с сознанием своего «я» мы осознаем, что есть нечто отличное от него, то, что не является мною – не-Я. Это мир природы, общества, других людей, в который я вовлечен, и от которого я завишу. Этот мир выступает как нечто внешнее для меня.

Я и тело

Некоторые склонны трактовать «я», личность как вещь среди вещей, как один материальный объект среди других подобных материальных объектов. Для них личность человека тождественна человеческому телу. Но так ли это? Попробуем проанализировать сам факт познания. Если человек познает какой-то объект, то кроме самого объекта и его образа есть еще и умственный взор, направленный на объект. Кроме познаваемого объекта есть еще познающий субъект. Этот субъект есть уже не объективная, а внутренняя, субъективная реальность. Конечно, субъект не только познает, но и радуется и огорчается, стремится к чему-то и разочаровывается и пр. Вот это внутренне существо в нас и есть Я. Я – источник нашего самостоятельного действия, творчества. Таки образом я и мое тело – не одно и то же.

Личность и индивид

Индивид и личность – не одно и то же. **Индивид** может быть природным, биологическим, социальным. «Индивидуум» - это латинское слово, которое означает «неделимое». Это синоним греческому слову «атом». Индивидуум – это просто экземпляр какой-то общности, один из многих или часть какой-то системы. Например, отдельный человек среди многих людей. **Личность** же самостоятельна и своеобразна, она как бы равноможна всему миру. У личности есть внутренняя независимость по отношению к миру. Поэтому ее нельзя поставить в один ряд с другими индивидами, нельзя трактовать просто как часть целого. Поскольку человек воплощен в теле, то является и физическим объектом, и биологической особью, и социальным индивидом – набором социальных ролей.

Человек - и индивид, и личность одновременно. **Задача личности** – подчинить себе индивида в человеке. Сделать его выражением высоких личностных качеств. Индивид проявляется в человеке через распыление и алчность. У индивида много желаний, хотений. Хочется то одного, то другого, то третьего. Наши желания и страсти нас порабащают. Происходит растворение личности в материи. Чтобы стать настоящей личностью нужно уметь сосредоточиться в себе, основать твердый центр личности, которому должно быть подчинено все содержание нашего сознания и подсознания. Личность – это самообладание и выбор. Развитие личности – это движение к внутренней цельности. Если же индивид в человеке берет верх над личностью, то получается практический индивидуализм. Индивидуализм рассматривает человека как изолированную от мира и других людей реальность. Индивидуализм озабочен только индивидуальными проблемами, как бы отгородиться от мира и как бы получить с мира побольше выгоды.

Свойства личности

Интериорность. Это самостоятельная внутренняя жизнь каждого из нас. У нас есть неповторимый внутренний мир, неповторимая внутренняя интимная жизнь, которую мы скрываем от других. Да она и не может быть до конца выражена вовне.

Поскольку личность имеет неповторимый внутренний мир, интериорность, то она не сводится к телу, к физической реальности. Личность есть **единство внутреннего и внешнего**, души и тела. Личность воплощена в природном теле. Благодаря телу я связан со всем миром, с другими личностями. Благодаря телу мы зависим от мира, который вызывает в нас страдания и радости.

В каждой личности есть глубина, внутренняя бесконечность. Поэтому личность познать до конца нельзя. **Личность – это тайна.**

Личность индивидуальна и неповторима. Каждый из нас - единственный и неповторимый в мире. Никогда не было именно раньше такой личности и никогда потом не будет. Личность – то, что не может быть повторено дважды. Каждая личность своеобразна, индивидуальна, незаменима. Степень развития индивидуальности (своеобразия) личности может быть разной. Одни люди более оригинальны, другие – более банальны. А поскольку каждый из нас индивидуален и неповторим, то в глубине своей души каждый одинок.

Каждая личность неповторима, неповторимы и события ее жизни. У каждой личности есть сугубо своя индивидуальная **история** жизни, состоящая из уникальных жизненных событий.

Личность **выше всех своих проявлений**. Я больше самого себя – об этом говорит чувство. Застенчивость, стыд говорят о том, что я больше своего тела, робость – о том, что я больше, чем мои слова и жесты, ирония и юмор – о том, что я больше, чем мои мысли, великодушие – о том, что я пребываю за пределами того, чем обладаю, что я выше своего богатства. Личность способна поднять над собой, превзойти себя, посмотреть на себя со стороны. Личность способна не принимать себя такой, как она есть и задаваться вопросом о собственной ценности.

Личность обладает внутренней свободой, самостоятельностью, автономией. Она сама решает, как ей жить, какой системы ценностей придерживаться. Она сама ставит себе цели в жизни. Личность, как говорил Ж. П. Сартр, есть проект самой себя. Личность достигает зрелости, когда выбирает для себя верность каким-то ценностям, которая стоит больше, чем жизнь. Личность сама находит свое **призвание** и строит свою судьбу.

Личность **совершает поступки** - самобытные творческие акты и несет за них ответственность. По готовности брать ответственность за свои поступки можно судить о степени развитости личностного начала в человеке. Действовать — значит осуществлять выбор, принимать решение, занимать позицию и вместе с тем отказываться от чего-то, отклонять что-то. С действием связан риск. Ты можешь не достичь поставленной цели, а можешь и нет.

Быть личностью – тяжело. Личность есть **усилие** и борьба, овладение собой и миром, победа над рабством у безличного начала, освобождение себя. Личностное существование – нескончаемое **завоевание**. Поэтому личность никогда полностью не завершена. Если человек перестает развиваться, его личность начинает деградировать.

Я должно себя реализовать стать вполне самой собой. Личность это не просто данность, это – заданность. Личность должна расти, развиваться, делать усилие, созидать себя, двигаться вперед, превосходить себя. Личность сама себя творит, создает свою судьбу. И здесь получается **парадокс реализации личности**: Личность должна себя созидать, достигать цельности на протяжении

всей своей жизни. Но для этого она должна уже быть. Должен изначально быть тот субъект, который призван себя созидать. Личность присутствует в каждое мгновение своего развития. Личность должна сама себя завершить в творении. Она уже есть, и она только становится собой.

Личность стремится **самоутвердиться** в мире, проявить себя в нем. Свое внутренне воплотить в чем-то внешнем. Личность для этого должна выйти из себя, наладить отношения с другими личностями, служить каким-то сверхличным ценностям. Она должна наложить свою печать на происходящее в мире, как-то повлиять на окружающий мир. Самоутверждение может проявляться и в самых незначительных вещах. Многим людям, например, нравится бросать камушки в воду. Вроде бы такое занятие не приносит никакой пользы. Что же в нем привлекает человека? Привлекает именно возможность хоть немного изменить мир вокруг себя и осознать себя инициатором изменений, создать хоть на несколько секунд хотя бы круги на воде.

Необходимо и открываться миру, чтобы объединиться с ним, и закрываться от него, если возникла необходимость в защите, челночное движение выхода во вне и ухода в себя. Нужно и общение и уединение. Но нужно быть на некотором расстоянии от мира, беречь свой внутренний мир и свою независимость, иначе потеряешь себя. Личность должна органично сочетать в себе две тенденции – **сосредоточение в себе и самоотдачу**. Самоотдача – это служение каким-либо высоким ценностям. Без такого служения жизнь становится серой, пошлой, безличностной.

Самопознание личности. Еще в древности в качестве одной из главных задач познания личности было выставлено требование: «Познай самого себя!» Познание себя не означает только изучение своих физических и психологических особенностей. Оно означает познание своей жизни в целом, размышление над главными ценностями и целями своей жизни и решимость изменить ее в лучшую сторону. Иными словами, личность познает свое призвание в этом мире. Для чего я здесь? Что я должен сделать? Периодически необходимо выделять время для размышления над этими вопросами. Римский философ Мусоний Руф советовал время от времени оставлять свои обычные дела и делать отступления от жизни, во время которых человек может побыть наедине, вспомнить прошлое, взглянуть в картины минувшей жизни, почитать, познакомиться с наставлениями и примерами, которые окажут на личность благотворное влияние, обрести искомые принципы разумного поведения. Познание себя происходит в диалоге с другими личностями. Взгляд другого.

Интерсубъективность. Фундаментальным актом существования человеческой личности является общение с другими личностями. Первое, что видит грудной ребенок – это лицо его матери. Существовать для личности означает со-существовать с другими личностями. Первичное отношение человека к миру – это отношения «я» и «ты». Человек живет вместе с другими людьми. Подлинно личностное существование имеет место между двумя личностями. Это – встреча, диалог, соучастие в жизни другого. Интерсубъективность означает, что для жизни и развития личности необходима связь, общение с другими личностями. Многие моменты своей жизни человек не помнит и не может знать. Человек не знает ни своего рождения, ни своей смерти.

Персонализация и деперсонализация

Личность живет от задачи к задаче. Процесс становления самим собой называется **персонализацией**. Сначала мы должны научиться владеть собой, господствовать над собой. Человек есть то, что он из себя делает. Персонализация – это овладение безличным в себе и в мире, подчинение его

целям личности.. Персонализация также включает в себя развертывание своих способностей, обогащение себя достижениями культуры всего человечества. В то же время персонализация означает усиление внутреннего единства личности, ее интегрированности.

Но в нас есть действует и противоположная тенденция – к **деперсонализации**. Процесс деперсонализации ведет к постепенной утрате личностного начала, подчинению безличным силам своей животной природы, или общественным силам. Он выражается в пассивности, нежелании что-то менять в своей жизни, неспособности активно воздействовать на свою жизнь. Человек становится рабом комфорта, он забывает о своих самых задушевных стремлениях. Деперсонализация может происходить из-за воздействия общества. В обществе господствует безличное начало в виде социальных институтов, правил, стереотипов поведения. Потерять себя можно и через рабство у себя, отдавшись какой-либо из своих страстей. В одном рассказе А. П. Чехова человек представляет себе счастье в идее большой тарелки крыжовника. Он достигает своей цели, он счастлив. Но подобает ли человеку быть счастливым от такого ничтожного предмета?

Практики себя

Еще в древности греческий философ Сократ призывал людей прежде всего заботиться о себе, о своей личности. Большинство же людей заботится не о себе, не о своей душе, а о своем – о своих мускулах, фигуре, богатстве и пр. Необходимо работать над собой, совершенствовать себя – это называется искусством существования. Французский философ Мишель Фуко называл это практиками себя, а философ Пьер Адо духовными упражнениями.

Персонализм и имперсонализм

Важным философским вопросом является вопрос об отношении бытия и личности, бытия и «я». Многие философы принимают тезис, что **само бытие, мировая основа безличны**. Для материалистов это материя, для объективных идеалистов – идея, для части религиозных философов – безличное божество или абсолют. Такая позиция называется **«имперсонализм»** или «нонперсонализм». Если мировая основа безлична, а весь мир есть ее порождение, то и человеческая личность – просто случайное проявление мировой основы, не имеющее большой ценности. Марксисты сводят личность к индивидуальному проявлению общественных отношений.

Другие философы, считают, что основа мира, **бытие – личностно**. Это, в основном, мыслители, исходящие из христианской традиции. Бог в христианстве – это личность, вернее, триединство личностей. Философы – представители субъективного идеализма тоже отождествляют бытие и личность. Бытие для них – множество человеческих личностей или духов. Однако субъективные идеалисты все помещают внутрь человеческого сознания, поэтому им трудно объяснить существование не-я, момент воплощенности личности. Философы, которые считают, что бытие личностно, но не сводят весь мир только к существованию внутри сознания, называются **«персоналистами»** - от слова «персона», то есть личность. Как правило, они связаны с христианской традицией. Сюда относятся философы Э. Мунье (1905 -1950), Н.А. Бердяев (1874 – 1848), Н.О. Лосский (1870 – 1965) и др.

Персоналисты считают, что раз бытие личностно, то и человеческая личность как высшее проявление бытия, есть самая главная реальность в мире и самая высокая ценность в мире. Э. Мунье дал следующее определение личности: «Личность – это духовное существо, конституируемое, как таковое способом

существования и самостоятельностью в своем бытии; она поддерживает это существование посредством принятия некоторой иерархии свободно применяемых и внутренне переживаемых ценностей, посредством ответственного включения в деятельность и постоянно осуществляемого обращения; таким образом, она осуществляет свою деятельность в свободе и сверх того развивает посредством творческих актов свое призвание во всем его своеобразии».

Персоналисты считают, что в природе мы можем наблюдать эволюцию, которая создает возможность для появления существ, обладающих качествами личности. В истории мы видим процесс выработки материальных и культурных предпосылок для того, чтобы каждый человек в течении жизни мог максимально реализовать себя, самоактуализироваться.

Философия отчаяния С. Кьеркегора

Датский философ XIX века **Сёрен Кьеркегор** (1813 – 1855) одним из первых обратил внимание, что каждый человек – индивидуальная и неповторимая личность – экзистенция (существование). Личность не сводится только к общей человеческой сущности. Главное в ней – единичное, своеобразное.

У каждой личности есть задача становления самого себя, это – духовное предназначение каждого человека. С. Кьеркегор считал, что путь становления личности протекает через **отчаяние**. Отчаяние – самое тяжелое состояние, это – болезнь-к-смерти, это ощущение полной безнадежности. Оно субъективно переживается как нечто, что хуже самой смерти. Отчаяние означает, что человек не соответствует самому себе, такому, каким он должен быть. Именно отчаяние в самом себе заставляет человека меняться, совершенствоваться, идти к самому себе.

Развитие личности, согласно С. Кьеркегору, проходит три стадии. Первая – **эстетическая**. На этой стадии человек живет, не размышляя о своей жизни, отдаваясь непосредственным жизненным впечатлениям. Символ этой стадии – Дон-Жуан. Для эстетика значимы только удовольствия или не удовольствия. Он живет мгновением, «раб минуты». Его девиз» наслаждаться жизнью! Поводы для наслаждения дает внешний мир. Эстетик погружается в мир и забывает о самом существенном в своем я. Жизнь эстетика полна суетности, она – пуста, и рано или поздно он начинает это чувствовать. Он пресыщается удовольствиями, его охватывает меланхолия, разочарование в жизни. Иногда толчком к изменению личности служит какое-то несчастное стечение обстоятельств, какое-то несчастье. Он отчаивается в самом себе. Отчаяние выводит его из непосредственности, заставляет задуматься о себе и своей жизни, как-то изменить ее.

При этом человек может попасть в два тупиковых варианта отчаяния. Это, во-первых, **отчаяние-слабость**, когда человек разочаровывается в самом себе как личности. Он стремится походить на другую личность, или жить как все. Он старается забыть самое главное в себе. Во-вторых, это – **отчаяние-вызов** – демоническое желание быть самым несмотря ни на что. Человек отчаянно стремится распоряжаться собой, но он не хочет радикально изменяться, не хочет развиваться.

Если человек минует эти тупики, он может достичь второй стадии – **этической**. Символом этой стадии можно считать Сократа. Человек отчаявшись, стремится резко изменить свою жизнь. Он делает выбор самого себя личности, живущей по закону добра и зла. Он обретает внутреннюю устойчивость и ровность характера. Этик, с одной стороны, стремится выполнить свой долг перед самим собой, воплотить в себе свое идеальное я, которое присутствует в нем. С другой стороны, он стремится воплотить в себе общечеловеческое. Человек живет в этой стадии согласно нравственному закону, в координатах добра и зла.

Однако, нравственный закон одинаков для всех, а каждая личность уникальна и неповторима. Подлинное я, согласно С. Кьеркегору, на этом пути до конца не обретается

Поэтому нужна третья, высшая стадия становления личности – **религиозная**. Символом этой стадии можно считать Авраама – библейского героя. Авраам, по С. Кьеркегору, – гений веры. Он готов принести в жертву любимого сына, если этого хочет Бог. А ведь с точки зрения этики это – страшное преступление. Убийство невинного, убийство ребенка, вдобавок, убийство родного сына. Но Бог, по С. Кьеркегору выше всего, он выше этики, выше разума. Бог может даже бывшее сделать небывшим. Поэтому обрести себя человек может лишь в индивидуальном отношении с абсолютным, как Отдельный и Единичный перед Богом. Для этого нужно принести в жертву и разум и волю, все человеческое и абсолютно поверить в Бога. Так ты обретишь самого себя.

На своем надгробном памятнике С. Кьеркегор велел высечь надпись: «Этот, Единственный».

Литература

1. Карсавин Л. С. О личности // Карсавин Л.С. Религиозно- философские сочинения. - М., 1992,- Т. 1. - С.3-324.
2. Кьеркегор С. Страх и трепет. - М., 1993.
3. Мунье Э. Манифест персонализма. – М., 1999.

Контрольные вопросы

1. **В чем отличие индивида и личности?**
2. **Каковы свойства личности?**
3. **Что такое персонализация и деперсонализация?**
4. **В чем отличие персонализма и имперсонализма?**
5. **Что говорит С. Кьеркегор о становлении личности?**

Тема № 38. Свобода как философская проблема

Опыт свободы

Некоторые студенты считают, что никакой свободы не существует. Однако каждый человек в своем опыте имеет переживания свободы и несвободы. Каждый переживал какие-то моменты освобождения. В эти моменты контраст между свободой и несвободой, и, стало быть ощущение самой свободы обострены. Каждый интуитивно знает, что он является хозяином своих поступков, что именно он принимает решение поступать так или иначе, согласиться с чем-то или не согласиться. Мы поэтому отличаем себя от автоматов, роботов, которые действуют по заданной программе, и поэтому несвободны. Наша воля может быть в состоянии безразличия, когда она не устремляется в определенном направлении, но готова принимать решение относительно ей безразличных вещей. Свобода может усматриваться в действиях воли либо до их выполнения, либо в тот самый момент, когда они выполняются. Я могу передумать, приостановить свое решение.

Свобода и несвобода

Свобода часто понимается как синоним добровольного действия, особенно когда оно совершается охотно. Противоположность свободе – несвобода, рабство, принуждение, насилие. Действия животных тоже могут быть свободными или несвободными. Иногда мы используем слово «свобода» для характеристики и неживых объектов. Так мы можем сказать: «река освободилась от льда». Подобные выражения имеют место там, где есть какое-то препятствие для движения объекта, и это препятствие исчезает. Аналогично мы говорим, что тюрьма ограничивает свободу человека, а некоторые болезни, приковывающие человека к постели также делают его несвободным. Свободу понимают также в юридическом смысле и фактическом.

Определения свободы у Канта

Согласно И. Канту, свобода, в широком смысле слова, понимается двояко: отрицательно и положительно. **Свобода в отрицательном смысле – независимость. Свобода в положительном смысле – способность самостоятельно начинать ряд событий в мире.**

Свобода и небытие

Как возможна свобода? Как она связана с бытием? Русский философ Н. А. Бердяев в своей книге «Философия свободы» связывал свободу с творчеством. Свобода проявляется в творчестве нового бытия, того, чего не было раньше. Если бы мир был уже завершен и недоступен для изменений, то невозможно было бы творчество и не было бы свободы. Свобода есть там, где мир не завершен, где существуют разные **возможности** дальнейшего развития. Но наличие возможностей предполагает наличие небытия, так возможно то, чего еще нет. Поэтому, получается, что для свободы нужно, чтобы было не только бытие, но и **небытие**. Кроме того, свободе трудно сочетаться с абсолютным детерминизмом. Поэтому свобода предполагает некоторый **индетерминизм**.

Острой проблемой является проблема соотношения свободы и необходимости.

ПРОБЛЕМА: КАК СООТНОСЯТСЯ МЕЖДУ СОБОЙ СВОБОДА И НЕОБХОДИМОСТЬ?

Кажется, что одно прямо отрицает другое. Необходимо то, что не может не произойти, хотим мы этого или не хотим, выбираем это или нет. Получается, что необходимость подавляет свободу. Может быть, свободы вообще нет?

Чтобы решить эту проблему, надо провести различие двух видов свободы.

Свобода действия

Первый вид свободы – **свобода действия. Это способность достигать поставленных целей, способность делать то, что ты хочешь.** Сюда относится:

а) **свобода по отношению к внешней природе**, к окружающей человека среде. Например, иногда хочется немного полетать в аудитории, но законы физики не позволяют этого сделать. Объективные законы природы ограничивают человека.

б) **Свобода по отношению к социальной реальности** - к обществу, его объективным законам, явлениям, процессам. Например, экономические законы – это реальность, которую я должен как-то учитывать в своей жизни.

в) **Свобода по отношению к другим людям**, другим личностям. Такую свободу ограничивают юридические законы, моральные правила, нормы, предписания. За нарушения этих законов, норм, правил на людей налагаются определенные санкции, наказания.

г) **Свобода человека по отношению к самому себе** – к своему организму, телу и своей психике. Человек может быть внешне свободен, а внутренне поработен какой-нибудь страстью или идеей.

Как же можно быть свободным, если вокруг так много необходимости, ограничивающей свободу?

Свобода действия ограничена законами природы, общества, нравственными запретами, иными словами свобода ограничивается необходимостью. Некоторые ограничения разумны, а некоторые проистекают из слабости человеческих сил.

Свобода как познанная необходимость

Если мы возьмем ограничения свободы, проистекающие из наличия объективных законов природы и общества, то есть все-таки возможность быть свободными даже в мире подчиненном законам. Отменить закон действительности – природы или общества невозможно. Однако мы в состоянии изменить форму проявления закона. Возьмем для примера, кусочек мела. Я держу мел в руке и отпускаю его. Конечно, под действием силы тяготения мел упадет вниз. Но я могу положить его на стол. В этом случае я тоже его отпускаю, но изменяю условия. Поэтому мел не падает, а лежит на столе. Хотя закон тяготения никуда не делся. В третьем случае я отпускаю мел и еще подбрасываю его. Мел поднимается какое-то время вверх. Получается, что хотя во всех трех случаях действует один и тот же закон, но проявляться он может очень различно.

Чтобы увеличить степень свободы действия человек должен изучить законы мира и своей собственной природы, и заставить их действовать в нужном для себя направлении.

Поэтому человек, если он **познает** закон природы и научится его **использовать на практике** так, как это ему выгодно, становится свободным, поскольку достигает желаемого, добивается того, чего он хочет. Невозможно отменить закон, но можно его **использовать** для своих целей. Человек может практически создать такую форму проявления закона, которая позволит ему достичь желаемого. Если я изучу законы аэродинамики, то я могу построить летательный аппарат и реализовать свою мечту о полете. Мы же летаем на самолетах, воздушных шарах, дельтапланах. Все законы природы при этом действуют, но действуют таким образом, что помогают нам достичь желаемого. Но для этого, конечно, надо эти законы и пути их использования знать. Знание – путь свободе. Кто знает меньше – тот менее свободен. Отсюда формула решения проблемы соотношения свободы и необходимости по отношению к свободе действия звучит так: **«свобода есть познанная необходимость»** (Гегель), **«свобода есть способность поступать со знанием дела»** (К. Маркс).

Свобода и другие люди

Являются ли другие люди ограничителями нашей свободы, или же они помогают ее увеличивать? Некоторые люди убеждены, что чем меньше людей вокруг, тем более ты свободен. Самое лучшее, с этой точки зрения – жить на необитаемом острове. Однако давайте взвесим, сколько своих потребностей, желаний я могу удовлетворить на необитаемом острове только собственными усилиями, и сколько желаний я могу удовлетворить в обществе, где другие люди мне помогают, а я помогаю им. Очевидно, что в обществе можно удовлетворить

гораздо больше потребностей, достичь большего количества целей, удовлетворить больше желаний. Значит **в обществе свободы больше у всех**, поскольку каждый человек находит в нем содействие другого человека. Но ведь даже для простого существования общества нужно соблюдать определенные разумные общепринятые правила и нормы – правовые и нравственные. Поэтому **соблюдение общественных норм – путь к увеличению свободы для всех**. В данном случае некоторое ограничение свободы действия в одном отношении служит для еще большего увеличения свободы во многих других отношениях.

Свобода и самоуправление

Часто человек не может сам собой управлять. Он является игрушкой своих страстей, желаний, капризов. Это означает, что ему не хватает внутренней свободы. **Чтобы быть внутренне свободным нужно себя подчинить себе же**. Нужно чтобы страсти и желания подчинились разуму. Для этого нужно развивать силу воли и твердость духа. Нужно принять как закон нашего поведения обстоятельно размышлять о его принципах и неуклонно следовать им, несмотря на переменчивость настроений. Пред совершением какого-либо поступка нужно обстоятельно продумать все возможные его последствия. Мы можем и косвенно воздействовать на свою душу. Например, зная, что какой-то вид пищи соблазнителен для нас, но вреден, мы можем не ходить туда, где готовят такой вид пищи. Мы можем не общаться с теми людьми, которые могут довести нас до греха. Нужно развить в себе привычку уклоняться от плохого, и следовать тому, что разум считает наилучшим. Нужно также помнить, что одним разумом трудно справиться с желаниями, связанными с удовольствиями. Поэтому нужно развить в себе желания, связанные с высшими, уточненными удовольствиями – интеллектуальными, эстетическими и пр., чтобы они могли противостоять более низким желаниям. Стоики считали, что чем больше у человека желаний и привязанностей к вещам и людям, тем более они зависимы от них. Кто довольствуется малым, более свободен.

Свобода воли

Больше споров вызывает второй вид свободы – **свобода воли**. Это способность самостоятельно делать выбор, способность самоопределения воли независимо от внешнего воздействия. Здесь проблема соотношения свободы и необходимости выражается в виде проблемы свободы воли.

ПРОБЛЕМА СВОБОДЫ ВОЛИ: ЯВЛЯЕТСЯ ЛИ НАША ВОЛЯ СВОБОДНОЙ, САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ ПО ОТНОШЕНИЮ К ВНЕШНЕМУ ВОЗДЕЙСТВИЮ ИЛИ НЕТ?

По этой проблеме можно выделить три основные позиции:

Детерминизм

1. **Детерминизм** считает, что **свободы воли нет**, так как все подчинено законам природы и включено в цепь причин и следствий. Всякий акт воли, всякое желание имеют определенные причины, поэтому не являются свободными, независимыми. Такого взгляда, как правило, придерживаются сторонники материализма. Здесь признается только необходимость, а свобода воли отрицается. Б. Спиноза также считал, что нам кажется, что мы свободно что-то совершаем, на самом деле нами двигают определенные причины, которые называются мотивами. Если дан какой-то мотив, и его сила, то наше действие последует автоматически, обязательно. Получается, что мы как роботы, управляемые мотивами. Поэтому надо объективно смотреть на людей и их

действия всегда стараясь понять, какие мотивы движут людьми. Девиз Б. Спинозы: «не плакать, не смеяться, а понимать». Не следует сразу эмоционально реагировать на действия других людей, надо попытаться понять их причины. А если поймешь, то уже не будешь слишком строго их оценивать. Как говорится: все понять - все простить.

Детерминисты считают, что свобода воли, которую мы в себе ощущаем, всего **лишь иллюзия**, возникающая из-за того, что мы не знаем всей цепочки причин и следствий, всех мотивов, которые привели нас к тому или иному решению. А на само деле любое наше желание, любое решение и действие детерминированы какими-либо причинами.

Детерминисты также считают, что если бы на человека не действовали мотивы, то управление людьми и их воспитание стали бы невозможны. При помощи наказания и поощрения мы можем воспитать в человеке привычку к определенным действиям и привычку воздерживаться от каких-то действий. Если бы воля была свободной, мы этого не смогли бы сделать.

Но что было бы, если бы детерминизм оказался прав? Тогда получилось бы, что все наши мысли и желания, хотения предопределены цепью причин и следствий, а мы на самом деле, представляем из себя какие-то автоматы, управляемые извне. Такое положение К. Поппер назвал «кошмаром физического детерминизма».

Волюнтаризм

2. **Волюнтаризм** считает, что существует особая субстанция – душа или дух, которая, в конечном счете, не зависит от внешних причин. **Воля души обладает способностью самоопределения**, независимо от мотивов. В пользу этого взгляда приводятся следующие аргументы.

Первый аргумент. Каждый изнутри, интуитивно знает, что он в той или иной ситуации мог бы поступить иначе, чем поступил. То есть интуитивно дана свобода выбора.

Второй аргумент. Представим себе Буриданова осла (названного так по имени философа Буридана), который стоит перед двумя абсолютно одинаковыми охапками сена, причем обе охапки находятся на абсолютно одинаковом расстоянии от осла. В этом случае на осла действуют два мотива с совершенно одинаковой силой. Однако он, чтобы поесть, может сделать произвольный выбор. Получается, что свобода воли все-таки есть и не зависит от мотивов.

Третий аргумент. Если свободы воли нет, тогда нет ни вины, ни заслуги, и право и мораль лишаются смысла. Например, если кирпич упал на голову человеку и убил его, то бессмысленно судить кирпич. К нему неприменимо понятие вины, потому, что у него нет свободы воли, нет способности выбирать тот или иной способ действия. Если же этот кирпич сбросил на человека другой человек, то мы вправе судить сбросившего. Ведь он мог поступить так, а мог поступить иначе. Он сделал свой свободный выбор. Если же признавать значение права и морали, то надо признать и свободу воли.

Четвертый аргумент. Даже при наличии сильного мотива к действию, человек все же может его не совершить просто из-за желания проявить свою свободу, даже каприз. Значит, не все подчинено мотивам.

Теория русского философа Сергея Александровича Левицкого

3. **Теория русского философа Сергея Александровича Левицкого**(1908 – 1983). Она пытается синтезировать элементы первых двух концепций. Согласно, этой теории, наша душа детерминируется определенными причинами – мотивами, однако, окончательное решение склониться на сторону того или иного

мотива принимает наше Я. Каждый по своему опыту знает, что перед принятием решения мы взвешиваем мотивы. Таким образом, **несмотря на детерминацию, свобода воли существует**. Есть и то, и другое – и свобода воли, и внешняя детерминация.

Необходимость и свобода тесно связаны между собой. Это проявляется и **при реализации свободы на практике**, при действии в объективном мире. Чтобы достичь собственной цели, я должен считаться с независимыми от меня обстоятельствами, отчасти подчиняться им. Это элемент несвободы, подчинение необходимости. Однако такая несвобода служит достижению большей свободы. **Свобода достигается через несвободу**. «Только в самоограничении познается мастер» (Гете)

Бывает, что, наоборот, человек не хочет подчиняться необходимым ограничениям, хочет сохранить свою свободу и ничего не делает, чтобы ничему и никому не подчиняться. Но тогда он не может достичь большего, не сможет достичь цели. Таким образом, свобода, в данном случае, служит несвободе.

Для того, чтобы быть подлинно свободным человеком, считает С. А. Левицкий, надо знать возможные варианты действий. **Свобода связана с возможностью**. А поскольку этих вариантов еще фактически не существует, надо уметь их вообразить. Поэтому, если хочешь быть свободным - развивай свое воображение и фантазию.

И, конечно, надо различать настоящую разумную свободу и дурную свободу. **Дурная свобода** – это полный произвол без ограничений. Многие наши сограждане, к сожалению, понимают эту свободу именно так: что хочу, то и ворочу. Но подобный «беспредел» рано или поздно настигает и самого «беспредельщика». Все-таки для культурной цивилизованной жизни некоторые разумные ограничения свободы и даже запреты необходимы.

Литература

1. Левицкий С. трагедия свободы. - М., 1995.
2. Пристли Д. Философское учение о необходимости в кн.: Английские материалисты XVIII в. Собрание произведений в трех томах. – М., 1968. - Т. 3. – С. 379 – 444.

Контрольные вопросы

1. [Как определял свободу И. Кант?](#)
2. [Что усмотрел в сущности свободы Н. А. Бердяев?](#)
3. [В каких формах проявляет себя свобода действия?](#)
4. [Что означает формула «свобода есть познанная необходимость»?](#)
5. [Как решает проблему свободы воли детерминизм?](#)
6. [Каковы главные аргументы волюнтаризма?](#)
7. [В чем своеобразие позиции С.А. Левицкого по проблеме свободы воли?](#)

[Задания к семинару № 12 \(РАЗДЕЛ 9 ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ, Темы № 35 – 38\)](#)

РАЗДЕЛ 10. ФИЛОСОФИЯ ЖИЗНИ

Философия жизни рассматривает такие проблемы, как сущность человеческой жизни и смерти, смысл жизни, стоит ли жить и зачем?

ПРОБЛЕМА: В ЧЕМ СУЩНОСТЬ И СМЫСЛ ЖИЗНИ?

А. Камю считал главным философским вопросом вопрос о самоубийстве. Важным является также вопрос о том, какая позиция истинна – оптимизм или пессимизм. А. С Пушкин так выразил проблему смысла жизни:

*Дар напрасный, дар случайный,
Жизнь, зачем ты мне дана?
Иль зачем судьбою тайной
Ты на казнь осуждена?*

*Кто меня враждебной властью
Из ничтожества воззвал,
Душу мне наполнил страстью,
Ум сомнением взволновал?..*

*Цели нет передо мною:
Сердце пусто, празден ум,
И томит меня тоскою
Однозвучный жизни шум.*

Тема № 39. Философия «мировой скорби» А. Шопенгауэра

Наш мир - наихудший

Артур Шопенгауэр (1788 – 1860), – самый выдающийся пессимист в истории философии. По его мнению, **наш мир – наихудший** из всех возможных миров. Если он был бы еще хуже, то он просто бы не существовал. Он полон зла, лжи, безобразия. Страдания в мире преобладают над удовольствиями. Человек как самое развитое существо страдает больше всех. Если же он не страдает, то скучает. Немногие крупинки радости даны только для того, чтобы потом стало еще больнее. **Мир – это мировой приговор.**

Итальянский поэт Джакомо Леопарди выразил пессимистическое мировосприятие в стихах:

*К себе самому
Теперь ты умолкнешь навеки,
Усталое сердце. Исчез тот последний обман,
Что мнился мне вечным. Исчез. Я в раздумиях
ясных
Постиг, что погасла не только
Надежда, но даже желанье обманов прекрасных.
Умолкни навеки. Довольно
Ты билось. Порывы твои
Напрасны. Земля недостойна
И вздоха. Вся жизнь-
Лишь горечь и скука. Трясина - весь мир.
Отныне наступит покой. Пусть тебя наполняют
Мученья последние. Нашему роду
Судьба умереть лишь дает. Презираю отныне,*

*Природа, тебя - торжество
Таинственных сил, что лишь гибель всему
предлагают
И вечную тщетность всего.*

А.Шопенгауэр и И.Кант

А Шопенгауэр исходил из философии И. Канта. Согласно агностицизму Канта человеку доступны лишь его представления, вещи для нас, а сами вещи в себе, как они есть на самом деле, для нас непознаваемы. Но внутри нас кроме представлений, есть еще и воля – желания, стремления, влечения. А. Шопенгауэр приходит к выводу, что вещь в себе – это воля.

Мировая Воля

А раз весь мир состоит из вещей в себе, то во всем проявляется какая-то воля. И все множество воли в мире есть частички одной большой Мировой Воли.

Основа мира – Мировая Воля.

Это - бесконечное, бесцельное, ненасытимое стремление, неизвестно к чему. Воля едина, но в своих объективациях (порождениях) множественна. Это подобно тому, как солнце отражается в разных гранях стакана. Само солнце одно, а его образов – много. Эти порождения Мировой Воли – вещи, предметы, существа борются друг с другом и уничтожают друг друга. Они страдают из-за своего эгоизма, воли к жизни. Вместе с ними страдает сама Воля, ведь получается, что если одно существо пожирает другое, то это **Воля пожирает саму себя**.

Воля иррациональна

Понять мировую Волю рассудком невозможно. Лучше всего сущность Воли и нашей жизни передает трагическая музыка. Мировая Воля постоянно создает и уничтожает предметы и существа. Зачем? Она сама не знает. В жизни отдельного человека и в мировой истории **смысла нет**.

Самоубийство не дает освобождения из-под власти Воли, так как душа бессмертна и перевоплощается в новое тело, где она снова страдает.

В качестве основы морали А. Шопенгауэр выделял сострадание. И в самом деле, нужно сочувствовать другим людям. Они – наши товарищи по несчастью, поскольку проживают в таком мире.

Убийство Воли

Временный выход человека из-под власти Мировой Воли – в **эстетическом созерцании и творчестве**. При этом человек на время освобождается от жизненной борьбы, забывает о заботах и эгоизме. Но такой способ освобождения кратковременен. Кроме этого, по А. Шопенгауэру, следует культивировать **альтруизм** (самопожертвование), чтобы подавить эгоизм, эгоистическую жажду жизни. А также **квиетизм** – пассивность, безволие, отсутствие желаний. Если все человечество достигнет успехов на этом поприще, то Мировая Воля будет уничтожена и мир пропадет вместе с ней. Туда ему и дорога.

Литература

1. Шопенгауэр А. Избранные произведения. - М., 1992.

Контрольные вопросы

1. [Что является основой мира, по А. Шопенгауэру?](#)
2. [Каков характер мировой Воли?](#)
3. [Как можно уйти из-под власти Воли?](#)

Тема № 40. Философия жизни Ф. Ницше

Жизнь – высшая ценность

Согласно немецкому философу Фридриху Ницше (1844 - 1900), земная жизнь есть высшая ценность, она прекрасна как таковая и в любом виде. Нет ничего выше земной жизни. В своей книге «Так говорил Заратустра. Книга для всех и ни для кого» Ф. Ницше утверждает: надо сказать жизни великое «Да!», принять ее.

Аполлоновское и дионисийское начала жизни

В жизни есть два начала. Первое – **аполлоновское начало**, светлая поверхность жизни. Это начало света, гармонии, разума, индивидуальности. Второе – **дионисийское начало**. Это - темное начало буйства стихийных сил природы. Именно оно является главным.

Воля к власти

Все живое хочет расти, распространяться, подчинять себе окружающую среду. Значит, **жизнь – это воля к власти**. Ф. Ницше считал, что воля к власти есть основной мотив деятельности человека. Даже в отношениях любви речь идет о власти. А так как таких волей к жизни много, то между ними неизбежно возникает вражда. **Жизнь – это борьба**. Для счастья нужен смертельный враг. Именно он заставляет жить в наивысшем напряжении.

*Лучше враг
Из цельного куска,
Чем друг,
Приклеенный слегка.*

Бог мертв

С точки зрения Ф. Ницше надо принять жизнь, со всем, что она несет. Принять, что страдания неизбежны в жизни. И неизбежно причинение страданий другому человеку. Над человеком нет никакой высшей инстанции. Вера в Бога умерла: «**Бог мертв**». Ницше больше всего привлекает красота силы, могущества. «Мир имеет оправдание только как эстетический феномен». Например, тигр красив, потому что силен и опасен. Это красота зла.

Две расы людей

В борьбе обнаруживается неравенство людей. Есть две расы – **раса господ и раса рабов**. Господа – это сильные и красивые экземпляры человеческого рода. Рабы - слабые, неудачные экземпляры.

Мораль – выдумка слабых, чтобы их не уничтожили сильные. Жизненное правило, которое предлагает Ф. Ницше: «слабого подтолкни, чтобы упал».

Современный человек, по мнению Ницше, достоин презрения – настолько он мелок. Сегодня на земле живут последние люди. «Не грехи ваши, а ничтожество грехов ваших вопиет к небу». - Обращается к ним Ницше.

Сверхчеловек

Ф. Ницше считал, что «Человек есть нечто, что должно быть преодолено». На смену человеку должен придти сверхчеловек. **Сверхчеловек** обладает исполинской мощью, дионисийским началом. Он стоит по ту сторону добра и зла - для него нет обычной человеческой морали, никаких моральных ограничений. Он делает, что хочет, и с кем хочет.

Вечное возвращение

В потусторонний мир Ф. Ницше не верит. Но верит в **вечное возвращение**. То, что мы переживаем сейчас, снова повторится через какой-либо промежуток времени. Это своеобразная замена бессмертия.

Переоценка ценностей

Ф. Ницше призывал к переоценке ценностей. Вместо духовных ценностей он провозглашает жизнь как самоценность. Все должно служить жизни. Получается, что, если ложь помогает жить, то это истина. Некоторые идеи Ницше были использованы германским фашизмом.

Литература

1. Ницше Ф. Сочинения в двух томах. - М., 1993.

Контрольные вопросы

1. Какие два начала жизни выделял Ф. Ницше?
2. В чем сущность жизни, по Ницше?
3. Каково его отношение к Богу и религии?
4. По какому критерию выделяются расы людей у Ницше?
5. В чем обнаруживается имморализм Ницше?
6. Чем сверхчеловек отличается от обычного человека?
7. Какой смысл вкладывает Ф. Ницше в выражение «переоценка ценностей»?

Тема № 41 Экзистенциализм

Представители экзистенциализма

Самое известное направление западной философии XX века – **экзистенциализм**. Он возник после первой мировой войны как реакция на духовный кризис европейской культуры. Представители немецкого экзистенциализма – Мартин Хайдеггер (1889 – 1976) и Карл Ясперс (1883 – 1969). Представители французского экзистенциализма – Жан-Поль Сартр (1905 – 1983) и Альбер Камю (1913 – 1960). Ж. П. Сартр и А. Камю, прежде всего писатели и драматурги. Самый известный роман Ж. П. Сартра – «Тошнота».

Предшественником экзистенциализма является датский мыслитель С. Кьеркегор, который жил в первой половине 19 века.

Опыт экзистенции

Слово «**экзистенция**» (existential) дословно означает существование – единичное нечто, присутствующее в мире. Оно противоположно понятию сущность (essential), которая обозначает что есть данная вещь в общем смысле. Поэтому экзистенциализм иногда называют философией существования. Под существованием здесь имеется в виду существование именно человека.

Опыт. Каждый из нас находится во многообразных отношениях с окружающим миром, с людьми, вещами, процессами и пр. Соответственно, у каждого из нас есть немало качеств, которые возникают и существуют в этих отношениях. Я, например, студент, люблю чипсы, сдаю отлично сессию и пр. Но все эти характеристики личности могут измениться, а я останусь самим собой. Я могу бросить институт, начать есть здоровую пищу, и т. п. Но я останусь той же смой личностью. Вот то в нас, что составляет суть личности, глубинное ядро нашей личности и называется экзистенцией. **Экзистенция** – это уникальное, неповторимое, глубинное Я человека. Это то, что остается от личности, если отнять у нее ее профессию, социальные роли, несущественные качества. Всему этому я могу сказать: это – не Я.

Опыт говорит нам, что эта экзистенция существует не сама по себе. Человек живет в окружающем мире, в тесной связи с ним. Человек есть **бытие-в-мире**. Этот мир повсюду нам ставит границы, он зачастую препятствует нам в исполнении наших желаний, он ставит перед нами проблемы, которые мы вынуждены решать. Человек зависит от окружающего мира, питания, дыхания, погоды. Он подвержен болезням, страданиям, смерти. Он зависит от других людей, исторических обстоятельств, от власти и общественного мнения. Иными словами, мир стесняет человека. Он проблематичен, опасен и часто непонятен человеку. Человек заброшен в чуждый и непонятный ему мир. Это ограничение человека миром есть выражение **конечности экзистенции**.

Эту чуждость мира выразил в стихотворении «Великая ночь» немецкий поэт Эрих Мария Рильке.

*«Где хмурились башни,
меня обступал судьбы отвернувшийся город,
и горы, которых не разгадать,
лежали напротив,
и в ближней округе голодная чуждость
переряжала случайные проблески чувств».*

Ситуация

Бытие-в-мире выражается в том, что человек всегда пребывает в какой-либо жизненной ситуации, каком-то стечении обстоятельств, которые он вынужден претерпевать. Это стечение обстоятельств может быть дружественным или враждебным, может содействовать нашим стремлениям или препятствовать им. Но человек не может избежать заточения в какую-либо ситуацию. Невозможно жить вне ситуаций. Если ты выходишь из этой ситуации, то попадаешь в другую ситуацию.

Аутентичное и неаутентичное существование

Согласно экзистенциализму можно жить двояко. Если человек живет из своей экзистенции, из глубинного ядра своей личности, **осознавая бытие**, т. е. нечто подлинное, самое важное в жизни, то он ведет **подлинное, аутентичное**

существование. Но чаще люди забывают о своей экзистенции и живут поверхностно, мелочно, суетно. Это – **неподлинное, неаутентичное** существование – **забвение бытия.** Такая жизнь – не истинная, не настоящая. Это – обычная, серая, бытовая жизнь без высоких целей и стремлений.

Безличность против экзистенции

Человек живет прежде всего в человеческом мире, в мире человеческих взаимоотношений. Этот мир зачастую препятствует нам в достижении подлинности существования. В мире людей господствуют безличные отношения, массовое сознание. Немецкий философ М. Хайдеггер называл безличное общественное бытие словом *Ман*. Это слово в немецком языке служит основой безличного оборота. «Стоят», «носят», «смотрят» и пр. А дословно переводится: *ман* ходит, *ман* смотрит, *ман* носит. Человек часто живет как все. Носит то, что модно, говорит то, что принято говорить, интересуется тем, чем интересуется сейчас большинство и т. п. В массовом бытии, в бытии «мы все» господствуют молва, любопытство, двусмысленность. Личность такого человека, его экзистенция спит. Правда он не может так отнестись к смерти. Нельзя сказать: все умирают, и я умру. Своя смерть для человека нечто совсем иное, чем смерть других. Каждый умирает в одиночку.

Вовлеченность

Подлинную суть жизни нельзя постичь теоретически. Необходимо прочувствовать, *пережить* на себе кое-какие вещи, чтобы их постичь. Критерий жизненной истины – **вовлеченность, ангажированность** в нее человека. Настоящая истина должна задевать человека за живое, не оставлять его равнодушным.

Пограничные ситуации

Особенно в этом помогают так называемые **пограничные ситуации.** Это ситуации, которые неизбежно присутствуют в жизни любого человека. Это как бы стена, с которой мы обязательно сталкиваемся в жизни. Согласно К. Ясперсу, это ситуации случайности, борьбы, вины и смерти. Эти ситуации показывают радикальную ограниченность, конечность нашего бытия. Они вырывают человека из повседневной суеты и заставляют задуматься над **экзистенциальными вопросами**, которые касаются каждой личности. Это вопросы времени, судьбы, смысла и цели жизни и т.п. Каждый из нас предоставлен случайности, каждый из нас действуя, становится в чем-либо виновным, для поддержания жизни каждый вынужден бороться, и, наконец, каждый знает, что он рано или поздно умрет.

Особенно сильно воздействует на человека ситуация смерти. Смерть непонятна для человека. Именно как своя смерть. Никто не знает своей смерти как факта. Но смерть существует. Это мы знаем, наблюдая за окружающими нас людьми, читая литературу, смотря фильмы, слушая новости и пр. Мы знаем, что смерть угрожает нашей жизни. Это тягостное переживание, поэтому большинство людей гонит его от себя, стараясь не думать о смерти. Ужас перед смертью хорошо выразил французский поэт Ш. Бодлер в стихотворении «Падалъ»:

Вы помните ли то, что видели мы летом?

Мой ангел, помните ли вы

Ту лошадь дохлую под ярким белым светом,

Среди рыжеющей травы?

Полуистлевшая, она, раскинув ноги,

*Подобно девке площадной,
Бесстыдно, брюхом вверх лежала у дороги,
Зловонный выделяя гной.*

*И солнце эту гниль палило с небосвода,
Чтобы останки сжечь дотла,
Чтоб слитое в одном великая Природа
Разъединенным приняла.*

*И в небо щерились уже куски скелета,
Большим подобные цветам.
От смрада на лугу, в душистом зное лета,
Едва не стало дурно вам.*

*Спеша на пиршество, жужжащей тучей мухи
Над мерзкой грудой вились,
И черви ползали и копошились в брюхе,
Как черная густая слизь.*

*Все это двигалось, вздымалось и блестело,
Как будто, вдруг оживлено,
Росло и множилось чудовищное тело,
Дыханья смутного полно.*

*И этот мир струил таинственные звуки,
Как ветер, как бегущий вал,
Как будто сеятель, поднимая плавно руки,
Над нивой зерна развеивал.*

*То зыбкий хаос был, лишенный форм и линий,
Как первый очерк, как пятно,
Где взор художника провидит стан богини,
Готовый лечь на полотно.*

*Из-за куста на нас, худая, вся в коросте,
Косила сука злой зрачок,
И выжидала миг, чтоб отхватить от кости
И лакомый сожрать кусок.*

*Но вспомните: и вы, заразу источая,
Вы трупом ляжете гнилым,
Вы, солнце глаз моих, звезда моя живая,
Вы, лучезарный серафим.*

*И вас, красавица, и вас коснется тленье,
И вы сгниете до костей,
Одетая в цветы под скорбные моленья,
Добыча гробовых гостей.*

*Скажите же червям, когда начнут, целуя,
Вас пожирать во тьме сырой,
Что тленной красоты - навеки сберегу я*

И форму, и бессмертный строй.

Забегание в смерть

Однако экзистенциалисты считают, что хотя смерть физически уничтожает человека, но если брать ее в духовном отношении она придает жизни смысл. Мы должны помнить о смерти, **«забегать в смерть»**, ощущать хрупкость и шаткость нашего существования, конечность и безвозвратность времени.

Чтобы жить подлинно, надо помнить о том, что ты неизбежно умрешь. Если бы наша жизнь длилась бесконечное время, то многие люди расслабились бы, не стали предпринимать особых усилий, не стали бы стремиться к чему-то в жизни. Зачем стремиться, если впереди бесконечное время? Смерть ставит границы нашей жизни, и заставляет нас напрягаться, чтобы чего-то достичь за отмеренный нам отрезок времени.

Но наша трагедия еще и в том, что мы не знаем, когда именно мы умрем. Ты строишь планы на будущее, намечаешь достижение каких-то целей. А смерть в любой момент может это прервать, оставить недоделанным и незавершенным. Смерть, таким образом, ставит под угрозу смысл существования человека, поскольку препятствует в реализации в жизни каких-то целей и ценностей.

Возможность внезапной смерти означает, что **бессмысленно откладывать настоящую жизнь на потом**, надо жить **здесь и сейчас**. Значит, нужно интенсивно, на пределе возможностей проживать каждое мгновение своей жизни, помня о том, что оно может оказаться последним. Сознание смерти заставляет человека жить подлинно, ощущая непрочность и незащищенность своей жизни. Смерть удерживает человека в жизненности подлинного существования. Смерть спасет человека.

Коммуникация

Но, если посмотреть на отношения людей с другой стороны, то можно обнаружить, что человек открывает и постигает свою экзистенцию именно через общение с другим человеком. Я открывает себя через откровенное личностное общение с Другим человеком. Такой вид общения К. Ясперс называл **подлинной коммуникацией**. Но в жизни она редка. Преобладает **неподлинная коммуникация** – чисто бытовое, деловое, функциональное общение, в котором экзистенция не открывает себя другому человеку.

Заброшенность человека

Человек заброшен в непонятный и чуждый ему мир. Мир вызывает в нем различные экзистенциальные переживания. Это прежде всего страх. Страх не по какой-либо конкретной причине, а страх неопределенный и потому еще более тягостный. Человек нередко испытывает скуку – ощущение равнодушия и безразличия, в котором тонет весь мир. Страх и скука заставляют человека пересмотреть свою жизнь, отказаться от неподлинного существования и решиться жить подлинно. Еще более сильным чувством является тоска и отчаяние. Эти тягостные переживания влекут человека выйти из обычного бездумного существования.

А. С. Пушкин в романе «Евгений Онегин» так описал подобное состояние своего героя:

*Нет: рано чувства в нем остыли;
Ему наскучил света шум;
Красавицы не долго были
Предмет его привычных дум;
Измены утомить успели;*

Друзья и дружба надоели,
Затем, что не всегда же мог
Beef-steaks и страсбургский пирог
Шампанской обливать бутылкой
И сыпать острые слова,
Когда болела голова;
И хоть он был повеса пылкой,
Но разлюбил он наконец
И брань, и саблю, и свинец.
Недуг, которого причину
Давно бы отыскать пора,
Подобный английскому сплину,
Короче: русская хандра
Им овладела понемногу;
Он застрелиться, слава богу,
Попробовать не захотел,
Но к жизни вовсе охладил.
Как Child-Harold, угрюмый, томный
В гостиных появлялся он;
Ни сплетни света, ни бостон,
Ни милый взгляд, ни вздох нескромный,
Ничто не трогало его,
Не замечал он ничего.

А. Камю в книге «Миф о Сизифе. Эссе об абсурде» отмечает, что важной потребностью человека является поиск смысла жизни. Однако мир отвечает молчанием на эти поиски - в мире смысла нет. Бога и души, согласно Камю нет, а материальный мир глух к нашим вопросам. Неизбежно поэтому, возникает у человека **ощущение абсурдности** жизни. Неизбежно возникает вопрос о самоубийстве. А. Камю вообще считал вопрос о самоубийстве главным вопросом философии. Есть несколько способов обращения с абсурдом. О них вы можете прочитать в отрывке из указанной книги А. Камю, данном для конспектирования.

Существование предшествует сущности

Жан-Поль Сартр утверждал, что человек сначала существует, а потом приобретает сущность. Человек не предмет, не вещь, он – постоянная деятельность. Человек – это ряд его поступков. Человек обращен в будущее, он **проектирует** самого себя, создает самого себя такой или иной личностью.

Абсолютная свобода и ответственность

Поэтому человек **абсолютно свободен**. Всегда есть свобода выбора. В крайнем случае, можно предпочесть смерть бесчестию. Свобода нередко тягостна для человека, потому что сопряжена с ответственностью. Человек обречен на свободу. Но он не может от нее избавиться. Даже если человек отказывается от выбора, он все равно выбирает. А именно: он выбирает не выбирать.

Но раз свобода абсолютна, то и ответственность абсолютна. Каждый отвечает за все, что происходит в мире. Каждый выбирает не только себя и свой способ жить, но и способ жить для всего общества, для всех людей. Если, например, я прохожу мимо лежащего на земле человека, и даже не пытаюсь выяснить, что с ним произошло, то этим своим поступком утверждаю как норму безразличие людей друг к другу. И я отвечаю за все последствия, к которым приводит это безразличие. Как говорил Ж. П. Сартр: «**человек за все платит сам**».

Человек боится ответственности. Поэтому он нередко обманывает сам себя, живет в иллюзиях относительно самого себя. Поэтому для подлинного существования нужно преодолеть эту ложь о самом себе, честно сказать себе, кто ты есть на самом деле. Нужно быть, как пишет Ж. П. Сартр, честным перед самим собой.

Литература

1. Больнов О.Ф. Философия экзистенциализма. - СПб., 1999.
2. Камю А. Бунтующий человек. - М., 1990.

Контрольные вопросы

1. Что такое экзистенция?
2. В чем отличие аутентичного и неаутентичного существования?
3. Что такое пограничная ситуация?
4. Чем полезна смерть?
5. Что означает человек как проект самого себя у Ж-П Сартра?
6. Почему свобода и ответственность абсолютны?

Тема № 42. Софиология Владимира Соловьева

Всеединство

Самобытный взгляд на мир и на человека был выработан у классика русской философии Вл. Соловьева (1853 – 1900). Согласно Вл. Соловьеву подлинной реальностью, истиной является абсолют или **всеединое (единство всего)**. Поэтому часто его философию называют **философией всеединства**.

В абсолютe можно выделить **два центра**. Это сам абсолют как то, что выше всего, высшее единство. А также все, которое объединяется Богом. Этот второй центр есть мировая богиня – **София**, вечная Женственность. Мировая душа, идеальное человечество, собрание всех душ во Вселенной. Получается, что абсолют без Софии, без человечества неполон. София Премудрость Божья – это персонаж русской религиозной традиции. Некоторые старинные православные храмы на Руси были Софийскими. София – это также низшая богиня в системе гностицизма – соперника христианства в начале нашей эры.

Вл. Соловьев обладал мистическим даром. У него были видения Софии. Их он описал в поэме «Три свидания»:

*И долго я лежал в дремоте жуткой,
И вот повеяло: «Усни, мой бедный друг!»
И я уснул; когда ж проснулся чутко -
Дышали розами земля и неба круг.*

*И в пурпуре небесного блистанья
Очами, полными лазурного огня,
Глядела ты, как первое сиянье
Всемирного и творческого дня*

*Что есть, что было, что грядёт вовеки -
Всё обнял тут один недвижный взор...*

*Синеют подо мной моря и реки,
И дальний лес, и выси снежных гор.*

*Всё видел я, и всё одно лишь было -
Один лишь образ женской красоты...
Безмерное в его размер входило, -
Передо мной, во мне - одна лишь ты.*

Мир - ошибка

Наш материальный мир возник в результате ошибки Софии. София в гордыне, решив стать самостоятельной, отделяется от Бога. В результате она лишается внутреннего единства и превращается в материальный мир, хаотическую совокупность атомов. Наш материальный мир – это падшая мировая богиня. Атомы, вещество – полная противоположность идеи, в нем преобладает отделенность и разобщенность, своеобразный физический эгоизм.

Эволюция природы

София пытается вернуться к Богу, и начинается природная эволюция. Суть эволюции – собирание Вселенной. Появляются все более сложные и интегрированные предметы и существа. Неживое превращается в живое, живое становится разумными существами. Эволюционирует София, пытающаяся преодолеть разобщенность материального мира. Управляет же процессом Бог, задавая образ идеального мира. В эволюции происходит противостояние Бога как космического Художника, создающего все более сложные и прекрасные формы, и материального бунтующего хаоса, который их искажает и разрушает.

Общее развитие мира проходит пять основных ступеней – пять царств. Это – минеральное царство (неорганическая природа), растительное царство, животное царство, царство человеческое и Царство Божие. Камень просто существует, растение существует и живет, животное сверх того осознает свою жизнь в фактических состояниях, человек понимает смысл по идеям, сыны Божии осуществляют совершенный нравственный порядок во всем до конца. Каждое предыдущее царство служит материалом для последующего.

В отличие от эволюционистской теории Ч. Дарвина и теологической концепции сотворения мира Богом, Вл.Соловьев был представителем **теистического эволюционизма**. Эволюция признается, но она трактуется в мистическом духе. Само по себе высшее из низшего появиться не может. Это нелепость, по мнению Соловьева. Низшее может только создать условия для воплощения идеи высшего, которая существует от века. Условия явления происходят от естественной эволюции природы, являемое – от Бога.

Элементы человеческой природы

Природная эволюция приводит к возникновению человека. Человек есть высшее существо. Он, как говорит Вл. Соловьев, **второе всеединое**. В человеке объединяются три элемента. **Божественный** – разум человека, способный постигать идеальный мир. **Природный** – материальное тело. **Собственно человеческий** - воля человека и способность действовать.

Смысл истории

Человек мог бы соединиться с богом. Но он отрекся от Бога. Поэтому он должен пройти всемирную историю, развиваться до совершенства. Смысл истории в переходе от **зверочеловечества к Богочеловечеству**. Человек, все люди

должны развить потенции своей природы и добровольно объединиться с божественным началом. Тогда София объединится с Богом, вернется в божественный мир. Каждый человек как личность обладает возможностью совершенства, способностью все понимать своим разумом и все обнимать сердцем, то есть входить в живое единство со всем.

Христианская культура как синтез

Но человечество развивается неравномерно. В Европе больше развит собственно человеческий элемент, развитие которого выражается в достижениях цивилизации и светской культуры. В России же в народе сохранился божественный элемент, истинная православная вера. По мысли В. Соловьева Богочеловечество возникнет на основе **христианской культуры**. Она представляет собой **синтез гуманистической культуры Запада, и христианской православной религии, сохранившейся в России**. Таким образом, христианская Россия и гуманистический Запад объединенными усилиями будут способствовать онтологическому преображению мира. Исторический процесс совершается при все более возрастающем участии личных деятелей.

Смысл жизни

Смысл жизни человека – помогать Богу в общем совершенствовании мира на началах добра, в одухотворении вселенной, в подчинении материи ценностям истины, добра и красоты. В этом же направлении действуют искусство и любовь. И каждый человек должен заниматься собственным совершенствованием.

Корни добра

Каждый человек должен развить в себе начала добра, 3 корня нравственности. Это, прежде всего, - **стыд**, как чувство, показывающее духовное превосходство человека над чисто животной жизнью. Оно воплощается в правиле **аскетизма**: приобретай власть над сном, питанием, дыханием, сексуальной жизнью для торжества духовного начала.

Второй корень нравственности – **сострадание**, из которого вытекает правило **альтруизма**: никого не обижай и всем, кому только можешь помогай.

Третий корень добра – **благоговение** перед высшим началом. Это – **религиозное сознание**. Оно включает чувство собственного несовершенства, ощущение Бога и стремление совершенствоваться.

Полное, сознательное и окончательное соединение каждого человека с Божеством – это и есть безусловное добро. В своей работе «Оправдание добра Вл. Соловьев предлагает такую формулу безусловному началу нравственности:

«В совершенном внутреннем согласии с высшею волею, признавая за всеми другими, безусловное значение, или ценность, поскольку и в них есть образ и подобие Божие, принимай возможно полное участие в деле своего и общего совершенствования ради окончательного откровения Царства Божий в мире».

Литература

1. Соловьев В. Чтения о богочеловечестве// Соловьев В. Сочинения в двух томах. - Т.2. – М., 1989. – С.5 – 174.
2. Лосев А. Ф. Владимир Соловьев и его время. – М., 1990.

Контрольные вопросы

1. Что такое София как полюс абсолюта?
2. Как возник материальный мир, с точки зрения Вл. Соловьева?
3. В чем смысл эволюции природы?
4. Какие элементы входят в состав человеческой природы?
5. В чем смысл истории?
6. Что такое христианская культура?
7. В чем смысл человеческой жизни, по Вл. Соловьеву?
8. Какие корни добра есть в человеке и как их развивать?

Задания к семинару № 13 (РАЗДЕЛ 10. ФИЛОСОФИЯ ЖИЗНИ,
Темы № 39 – 42)

РАЗДЕЛ 11. ФИЛОСОФИЯ ИСТОРИИ

Тема № 43. Философия истории

История и историческое

История в широком смысле этого слова – это последовательная смена состояний любого объекта. Можно говорить о геологической истории Земли, истории ландшафта и пр. наиболее часто термин «история» используется для обозначения человеческой истории. В таком **понимании история есть прошедшая социальная действительность, события и свершения прошлой общественной жизни**. Историей могут называться поток социальных событий – войн, мирных договоров, географических экспедиций и пр, фазы экономического развития, например, история феодализма, история развития стилей в искусстве и пр.

История – это также и **наука** об объективном историческом процессе. Для адекватного понимания истории важен историзм. Это принцип подхода к явлениям прошлой истории, который ориентирует на ее особенность, неповторимость, непохожесть на ту историческую эпоху, в которой мы живем. Этот принцип необходим, чтобы мы не искажали историю, не приписывали бы современные понятия и представления людям прошлого.

Познание истории важно для понимания настоящего и будущего. Мы не можем правильно понять те, проблемы, с которыми мы сталкиваемся сегодня, если не знаем тех. событий и причин, которые привели к нынешнему состоянию. Опыт истории учит людей, но только в том случае, если люди способны внимать этим урокам.

Джордж Сантаяна считал, что тот, кто не помнит своего прошлого, осуждён на то, чтобы пережить его вновь.

Изучение истории связано с большими трудностями, поскольку объект изучения – прошлое. Одна из главных задач историка, по мысли немецкого историка Леопольда фон Ранке описать все так, «как оно было на самом деле». Искажающее влияние оказывают различные социальные, идеологические пристрастия самого историка.

Объектом философии истории является мировая, всемирная история. И здесь главными проблемами являются проблема движущих сил истории и проблема смысла всемирно-исторического процесса.

ПРОБЛЕМА: ЧТО ДВИЖЕТ МИРОВОЙ ИСТОРИЕЙ? КАКОВЫ ЕЕ ЦЕЛЬ И СМЫСЛ?

Можно выделить несколько основных точек зрения по данным проблемам.

Философия истории Гегеля

1. Философия истории Гегеля носит оригинальный характер.

Объективность истории

Гегель считает, что хотя в истории действуют люди, наделенные сознанием и волей, но в целом она носит **объективный, не зависящий от сознания людей характер**. В исторических событиях люди редко полностью достигают своих целей, а если и достигают, то наряду с ожидаемым результатом обязательно происходит что-то незапланированное. В качестве иллюстрации к этому Гегель приводит пример с человеком, который поджег дом соседа. Он

отомстил соседу – дом его сгорел. Но одновременно поднялся ветер, который перебросил огонь на другие здания. В итоге сгорела вся деревня, в том числе и дом поджигателя. Ясно, что поджигатель вовсе не имел намерения сжигать свой дом, но так получилось.

Движущая сила истории – Мировой Разум

Объективность истории означает, что в ней действует сверхчеловеческая сила, преследующая какие-то свои цели. Эта сила, по Гегелю есть мировой Разум, познающий сам себя.

Смысл истории

Смысл истории – в постижении мировым Разумом своей свободы через деятельность людей. Отдельные люди и народы выступают в этом процессе лишь средством, поскольку они есть лишь проявление Мирового Разума, его частички.

Хитрость Разума

Людям кажется, что они преследуют только свои интересы, реализуют только свои желания.

А на самом деле, их желания и интересы использует мировой Разум для достижения своих целей. В этом заключается **хитрость разума**.

Для истории особенно важны **всемирно-исторические личности** и **всемирно-исторические народы**. Остальные, по мнению Гегеля, не имеют большого значения.

Периодизация истории

В связи с основной идеей смысла истории Гегель дает свою периодизацию истории. Люди по своей природе всегда свободны – они свободны, как выражался Гегель «в себе». Но не всегда люди осознают свою свободу – не всегда они свободны «для себя».

В **предысторическом** состоянии все люди не свободны – не сознают своей свободы.

В период **восточной деспотии** свободен **один** – деспот. Остальные – его рабы.

В период **античности** свободны **некоторые**. Свободные граждане, которые не являются рабами.

Наконец в **христианско-германском мире свободны все**. Христианство сначала утверждает свободу всех людей теоретически. А затем германские народы осуществляют ее практически. Высшая форма общественного устройства, по Гегелю – **конституционная монархия**. Когда эта стадия будет окончательно достигнута, история прекратится. Не будет происходить ничего принципиально нового, никаких значительных событий.

Конец истории

Эта идея конца истории возродилась в конце 20 века. Известный американский футуролог Фрэнсис Фукуяма в своей шумевшей статье предсказал, что рано или поздно все страны построят демократический капитализм. А поскольку лучшего общественного строя быть не может, то на этом история закончится. Последующие события, однако, показали, что Ф. Фукуяма несколько поторопился.

Материалистическое понимание истории или исторический материализм.

Эта теория была выработана в **марксизме**. Основная идея: **Общественное бытие(материальная жизнь множества людей) определяет их общественное сознание**. Поэтому история, развитие общества носит **объективный, закономерный**, «естественноисторический» характер.

Человек может существовать только **благодаря своему труду**. Труд включает в себя субъекта труда (человека), предмет труда, средство труда, и собственно саму деятельность. **Основой человеческой истории** является, согласно марксизму, **экономика** – производство, распределение, обмен и потребление жизненных благ. Поэтому нередко исторический материализм называют **экономическим материализмом**.

Производительные силы

В самом деле, человеку, чтобы жить надо удовлетворять свои потребности, прежде всего материальные. Но для этого надо трудиться, изменять то, что дано природой. Надо производить необходимые жизненные блага. в каждый данный исторический период человек создает определенные производительные силы , включающие как средства труда, производства(технику), так и способности самого человека как производителя.

Общественные отношения

В производстве жизненных благ люди вступают друг с другом в определенные **экономические или производственные отношения**. Производственные отношения определяют **общественный строй** данного общества. Люди развивают производство, развивают производительные силы. Каждой ступени развития производительных сил соответствует определенный тип производственных отношений, соответственно, определенный общественный строй.

Связь производительных сил и производственных отношений

Есть закон, согласно которому производственные отношения должны соответствовать достигнутому уровню развития производительных сил. Единство производительных сил и производственных отношений образует **способ производства жизненных благ**. Это основа определенного типа общества – **общественной формации**.

Производительные силы развиваются быстрее производственных отношений, которые несколько запаздывают, «тормозят». Когда это несоответствие, противоречие между производительными силами и производственными отношениями достигает максимального напряжения, в обществе происходит **социальная революция**, которая разрешает это противоречие. В ходе социальной революции производственные отношения изменяются и приводятся в соответствие с уровнем развития производительных сил. Социальная революция – это самая острая классовая борьба между социальными группами. Одним выгодны старые производственные отношения, старый общественный строй – они выступают как консерваторы. Другие стремятся изменить общество и являются революционерами.

История как смена общественных формаций

История представляет собой постепенное развитие общества, где один общественный строй закономерно сменяется другим. Маркс называл это «естественноисторическим процессом».

Например, на заре человеческой истории люди занимались, в основном, охотой и собирательством. Выжить можно было только в коллективе. Поэтому и работали сообща и делили добычу сообща. Господствовала общественная собственность на продукт труда. Был своеобразный первобытный коммунизм, конечно, весьма примитивный. Это **первобытнообщинный строй** или формация общества.

С изобретением земледелия и скотоводства появился некоторый излишек, который можно было использовать для обогащения. Появилась частная собственность и возможность эксплуатировать другого человека – заставлять его работать вместо себя и забирать произведенный им продукт. Так возник **рабовладельческий строй** с другими, чем раньше производственными отношениями. Главные общественные классы этого общественного строя – рабы и рабовладельцы. Соответственно, борьба этих классов образует содержание истории рабовладельческого общества.

При **феодализме** главной ценностью становится земля, собственники земли – феодалы являются новым господствующим классом. Им противостоит класс зависимых крестьян. Такова классовая структура общества при феодальном строе.

С развитием промышленности появляется **капиталистическое общество**, капиталистический общественный строй. Собственники средств производства – «заводов, газет, пароходов» – капиталисты или буржуа. Им противостоят наемные работники, не имеющие своих средств производства и поэтому вынужденные продавать свою рабочую силу – наниматься на работу к капиталистам.

Наконец, представим себе, что производство будет полностью автоматизировано. Все будут делать роботы, без участия человека. В таком случае капиталистические, рыночные отношения станут бессмысленными. Тогда возникнет прогнозируемое К. Марксом **коммунистическое общество**. Это общество, где высшей ценностью является человек, где каждый имеет возможность самореализоваться, развить все свои способности без заранее предустановленного масштаба. Девиз коммунизма: свободное развитие каждого есть условие свободного развития всех. Такое подлинно человеческое общество может быть создано самим человеком в ходе длительного исторического процесса. Но, поскольку человек – высший цвет материи, он с необходимостью должен дойти до высшей стадии. В марксизме материализм совпадает с гуманизмом.

Концепция метаистории

Сторонники концепции **метаистории** считают, что историей движут **сверхчеловеческие – божественные и демонические силы**. В истории осуществляется замысел Божественного Провидения. Представители этой точки зрения – **Сергей Николаевич Булгаков** (1871 – 1944) и **Даниил Леонидович Андреев** (1906 – 1959).

Согласно Д. Андрееву агентами исторического процесса выступают эгрегоры и уицраоры – коллективные души народов и других общностей. Уицраоры с одной стороны, призваны охранять своеобразную национальную культуру, но, с другой стороны, являются демонами великодержавности и стремятся весь мир подчинить себе. Поэтому между ними возникают конфликты.

На агентов исторического процесса действуют как божественные (провиденциальные силы) , так и демонические силы. Цель исторического процесса – достижение всеобщего просветления как людей, так и всей земной природы, перехода планеты на более высокий уровень существования. Цель демонических сил – отемнение душ и приобретение над ними власти. Благоприятный исход мировой истории не гарантирован, но провиденциальные силы наращивают свои возможности.

Литература

1. Бердяев Н. А. Смысл истории. – М., 1990.
2. Гегель Г.Б.Ф. Философия истории. - СПб., 1993.
3. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология// Марке К., Энгельс Ф. Собр. соч. - Т.3.- М., 1955. - С.1-78.
4. Тойнби А. Дж. Постижение истории. - М., 1991.
5. Шпенглер О. Закат Европы. - Новосибирск, 1993.
6. Ясперс К. Смысл и назначение истории. - М., 1991. - С.28-287.

Контрольные вопросы

1. [В чем особенность исторической науки?](#)
2. [Каковы основные идеи философии истории Гегеля?](#)
3. [Каков взгляд мировую историю материалистического понимания истории?](#)
4. [В чем сущность метаисторического понимания истории?](#)

Задания к семинару № 14 (РАЗДЕЛ 11. ФИЛОСОФИЯ ИСТОРИИ, Тема № 43)

РАЗДЕЛ 12. СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

Тема № 44. Социальная философия о сущности общества.

Опыт общества

Человек живет среди других людей, живет в обществе. Человек, как говорил Аристотель, есть **существо политическое, общественное**. Люди объединяются в общество ради прекрасной жизни, ради общественной пользы.

Слово «общество» многозначно. Этим словом обозначают и страну, например, британское общество, и добровольное формальное общество, например общество рыболовов-любителей, и просто компанию, собравшуюся по случаю дня рождения одного из знакомых.

Общество как синоним социальной формы движения материи противопоставляется обычно природе. **Общество и природа** различаются между собой. В обществе мы наблюдаем людей как сознательных разумных существ, и их деятельность. Кроме людей как субъектов деятельности, в обществе есть социальные предметы, созданные деятельностью людей. Благодаря этой деятельности материальные объекты приобретают новые социальные качества. В социальные предметы можно включить вещи – предметы, средства, результаты человеческого труда. А также символы и знаки, необходимые для информационного взаимодействия между людьми. Например, государственный флаг с точки зрения физики и химии просто разноцветная тряпка на деревяшке. Но в рамках определенной системы общественных отношений он приобретает символическое значение – является символом определенного государства и требует к себе почтительного отношения. То же самое с деньгами. Это просто разрисованные бумажки. Но в обществе они приобретают свойство быть всеобщим средством обмена.

Таким образом, общество есть система, свойства которой не сводится к сумме свойств отдельных его элементов. Такие новые системные свойства называются интегральными. Поэтому законы его развития и жизни не совпадают с законами развития и жизни отдельных людей, и даже простого их множества.

В менее широком смысле, но более близком к обычному словоупотреблению, мы подразумеваем под обществами страны, государства, народы, племена, взятые как на протяжении всего времени своего существования, так и в какой-то период своего развития, например, Англия времен гражданской войны 17 века.

Определение общества

Общество предстает, на первый взгляд, как множество взаимодействующих друг с другом людей. Но не любое множество людей является обществом. Так Робинзон Крузо, даже вместе с Пятницей вряд ли образует общество в полном смысле слова. Чтобы быть обществом группа, множество взаимодействующих людей должно поддерживать свою жизнедеятельность, воспроизводить себя на протяжении поколений.

Общество – это самодостаточная, самовоспроизводящаяся социальная группа, общность людей. Оно способно собственной деятельностью создавать и воссоздавать необходимые условия собственного существования. Внутри общества есть меньшие социальные группы, которые входят в состав общества.

Костяк общества составляет **система общественных отношений**, в рамках которых осуществляется человеческая деятельность. Есть случайные

поверхностные связи между людьми, например, встреча незнакомых людей в одном автобусе, а есть постоянные устойчивые связи между людьми, обладающие определенной объективной логикой, например, начальник и подчиненный, рабочий и капиталист и пр. Устойчивые общественные отношения организационно оформляются в виде социальных институтов (*institutum* установление, учреждение (лат.) или, как еще говорят, институций. Поэтому общество иногда определяют как **систему социальных институтов**. Есть институт семьи, собственности, государства, религии, образования и пр. Сюда же можно отнести и устоявшиеся обычаи и традиции общества. Социальные институты включают в себя набор социальных ролей и статусов.

Чтобы общество существовало, оно должно поддерживать и воспроизводить свою жизнедеятельность. оно должно обеспечить удовлетворение потребностей людей.

Сферы общественной жизни

Выделяется 4 основных сферы общественной жизни:

Сфера производственно-экономической жизни общества. Это хозяйственная деятельность людей данного общества. Чтобы жить, необходимо производить блага, необходимые для жизни. Труд является необходимым условием для существования общества.

По К. Марксу, труд есть процесс, совершающийся между человеком и природой, процесс, в котором человек своей собственной деятельностью опосредствует, регулирует и контролирует обмен веществ между собой и природой. Простые моменты процесса труда: целесообразная деятельность, или самый труд, предмет труда и средства труда.

Эта деятельность протекает в рамках определенных производственных (экономических) отношений. Сюда относятся, прежде всего, собственность на средства производства, производство, распределение, обмен и потребление жизненных благ. Еще Аристотель различал экономию – науку о хозяйстве и хрематистику – науку о зарабатывании денег. Цели экономики, как видим, могут быть разными.

Сфера социального управления. В обществе необходимо поддерживать общий порядок, чтобы люди действовали по каким-то общим правилам поведения. Если в обществе есть **государство**, то управление носит политический характер. Соответственно сферу социального управления тогда называют **сферой политической жизни общества. Политика – это борьба за власть и использование власти в интересах какой-либо социальной группы.**

Государство – это особый орган общества, который призван защищать общие интересы общества – поддерживать в обществе порядок, защищать его от нападений извне. Государство имеет право на применение насилия внутри общества. Для нормального функционирования государственной власти необходима **легитимность** – оправданность, правомерность власти с точки зрения общества в целом, согласие народа с властью, когда он добровольно признаёт за ней право принимать обязательные решения.

Как правило, с государством связано **право** - совокупность правил (норм), определяющих обязательные взаимные отношения людей в обществе. Обычно такие правила принимаются в виде законов.

Как правило, государство защищает интересы экономически господствующего класса. Кроме того, у самого государственного аппарата есть собственные интересы. Формы правления разделяются согласно тому, кому в данном обществе принадлежит главная - **верховная власть**. Например,

монархия – власть одного лица, как правило, наследственная. Самодержавие в России яркий пример. Олигархия – власть нескольких, как правило, самых богатых или знатных. Например, Венецианская республика. Демократия – власть народа. Авторитаризм тоже означает власть одного или нескольких лиц (хунта), основывающаяся на насилии. Например, диктатура Пиночета в Чили. Тоталитарное государство подчиняет себе все сферы общественной и индивидуальной жизни общества, стремится поставить под свой тотальный (абсолютный) контроль всю жизнь отдельного человека. В качестве образца тоталитарных режимов можно привести гитлеровскую Германию и сталинский Советский союз.

Социальная сфера жизни общества обнимает всякую деятельность по «общественному производству человека». Она включает в себя здравоохранение, образование, воспитание, помощь слабым членам общества и пр. Врач, педагог, священник – люди, занятые в этой сфере.

Сфера духовной жизни общества включает в себя создание и освоение духовных ценностей, духовную деятельность в религии, философии, искусстве, морали и т.п.

Социальная структура

Для понимания общества важна его **социальная структура** – набор социальных групп, из которых состоит общество. Группы можно выделять по различным признакам, например, по половозрастным, демографическим. Тогда все люди общества будут разделены на женщин и мужчин, взрослых и детей и пр.

В западной социологии принята теория **стратификации**. Все население делится на страты по уровню дохода, престижу профессии, уровню образования.

Для нормального функционирования общества необходимо **общественное разделение труда**, разделении функций между людьми в обществе. Кто-то должен выращивать хлеб, кто-то лечить людей, кто-то управлять и т. п. В начале истории разделение труда развито слабо. Каждый человек практически владеет всеми основными навыками, необходимыми для поддержания жизни. С усложнением общественной жизни, развитием потребностей происходит специализация труда. Появляется набор определенных **профессий**, закрепляемых за определенной группой людей.

С появлением государства, публичной власти происходит дифференциация людей по отношению к государственной власти, деление на управляющих обществом и их подчиненных. Появляется **система статусов**, в которой выражается неравный набор прав и обязанностей.

Распределение собственности на средства производства и на долю общественного богатства создает **классовую структуру** общества. Согласно марксизму, **классы** – это большие группы людей, которые различаются по своему месту в системе общественного разделения труда, **по отношению к собственности на средства производства** и уровню дохода, по их роли в общественной организации труда.

Иногда классы закрепляются законодательно, каждому предписывается определенный социальный статус. Этот статус закреплялся за человеком пожизненно и переходил по наследству. Так в средневековой Европе были установлены **сословия** – аристократию, духовенство и третье сословие, включавшее в себя крестьян и бюргерство. В Индии до сих пор значимо разделение на **касты**. Главные касты – брахманы – священнослужители, кшатрии – воины, вайшьи – торговцы, скотоводы, земледельцы, шудры – слуги и разнорабочие.

В современной России выделяются несколько основных классов. Это – базовый слой – лица наемного труда, физического и умственного, средний слой – мелкие и средние предприниматели менеджеры, высший слой – крупные предприниматели и высшие чиновники и низший слой. Низший слой включает в себя низкооплачиваемых работников и люмпенов – деклассированные слои населения (бродяги, нищие, уголовные элементы и другие). В большинстве случаев люмпен – это человек, не имеющий собственности и живущее случайными заработками.

Идеология

Важный момент в общественной жизни представляет собой идеология. **Идеология** – это определённая система взглядов на мир, человека и общество, с позиций определённой социальной группы. Интерес группы приводит к тому, что картина мира искажается в пользу данной группы.

С точки зрения марксизма общественная жизнь представляет собой **борьбу классов**. Эта же борьба приводит к изменению общества, к социальной революции. Однако по большей части классы внутри общества сотрудничают. Каждый класс выполняет свою функцию, необходимую для существования целого.

Этнические общности людей

Кроме классов для жизни общества большое значение имеют этнические(национальные) общности людей. Этнос – совокупность людей, которые имеют общую культуру, говорят, как правило, на одном языке, обладают общим самоназванием (этнонимом) и осознают как свою общность, так и свое отличие от других этносов.

Обычно выделяются следующих формы этнических общностей. Это, прежде всего, **род и племя**. В них системообразующими являются кровнородственные связи, общность происхождения. **Народности** выделяются по признаку общности культуры и территории. **Нация** – это социально-политическая общность людей, имеющих общее отечество и общую историческую судьбу. В Швейцарии одна нация, но четыре государственных языка.

Есть **две основных концепции нации**, которые оказывают воздействие на политическую практику. Немецкая этнокультурная концепция нации считает, что нация – это сообщество тех, кого связывают общие язык, история и культурная идентичность. Французская гражданская концепция нации считает, что нация есть совокупность граждан одного государства с одинаковыми правами, независимо от этнического происхождения.

Для национальной психологии характерен **этноцентризм**, когда своя этническая группа рассматривается как центр мироздания. **Национализм** – это идеология, которая ставит превыше всего интересы своей этнической группы. Национализм – это эгоизм нации, народа. В какой-то мере национализм как забота о благе своего этноса правомерен и необходим. Умеренный национализм допустим. Но существует и **крайний национализм**, который проповедует вражду между национальностями и стремится угнетать и уничтожать другие народы. Такой **крайний национализм, безусловно, - зло**. Многие путают национализм и патриотизм. **Патриотизм** – любовь к своей Родине. В нашей стране национализм и патриотизм исключают друг друга, поскольку наша страна многонациональная, полиэтническая. Настоящий патриот России должен заботиться о благе всех этносов, живущих в нашей стране. Поддержание мира между народами – необходимое условие существования России.

Бывает и «квасной» патриотизм – ложный. За ним обычно прячется национализм. **Космополитизм** характеризуется отсутствием связи человека с его национальными корнями. У такого человека нет, в сущности, родной страны. девиз космополитизма: «Где хорошо – там и родина». **Интернационализм** считает, что доброжелательные отношения и дружба между народами должны стать нормой межнациональных отношений.

Литература

1. Социо-логос. - М., 1991
2. Данэм Г. Гигант в цепях. - М., 1984.-

Контрольные вопросы

1. Что такое общество?
2. Какие существуют сферы общественной жизни?
3. Что такое социальная структура общества?
4. Какова роль идеологии в обществе?
5. Какие существуют этнические общности людей?
6. Что такое национализм, космополитизм, патриотизм, интернационализм?

Тема № 45. Типология обществ. Формационный и цивилизационный подходы

Существуют различные типологии обществ выделения типов обществ. Можно выделить два основных подхода.

Формационный подход

Первый называется **формационным** и связан с марксистской традицией в философии. Согласно формационному подходу общества делятся на **общественные формации**. Основой формации является **способ производства жизненных благ**, то есть единство, сочетание определённого уровня развития производительных сил и определённых производственных отношений. Производительные силы включают в себя человека как работника, средства производства – орудия труда, помещения, транспорт, технику. По К. Марксу в обществе действует закон соответствия производственных отношений достигнутому уровню развития производительных сил. Если производственные отношения перестают соответствовать производительным силам, то в обществе происходит социальная революция, и устанавливаются новые производственные отношения, более подходящие для производительных сил.

Главное производственное отношение данной формации – отношение между собственником средств производства и работником. По этому критерию марксисты обычно выделяют **5 основных формаций** – первобытнообщинный строй, рабовладельческий, феодальный, капиталистический и коммунистический. Совокупность производственных отношений общества составляют **базис** этого общества, от которого зависит **надстройка**, включающая себя политический строй общества и формы общественного сознания. С точки зрения марксистов, производство является

определяющим фактором, фундаментом общества, общественное сознание и политический строй от него производны.

Цивилизационный подход

Другой подход называется **цивилизационным**. В XIX и XX веках появляются теории, отрицающие единство мировой истории. Первым среди них был русский мыслитель **Петр Яковлевич Чаадаев** (1822 – 1885) Он написал знаменитую книгу «Россия и Европа», в которой утверждал, что человечество делится на несколько культурно-исторических типов. Одним из них является славянский, у которого большое будущее. Английский историк **А. Тойнби** (1889 – 1975) написал книгу «Постижение истории», в которой утверждал существование нескольких разных цивилизаций на Земле.

Ярким примером такого подхода является теория локальных культур немецкого мыслителя **Освальда Шпенглера** (1880 – 1936). Она была изложена в книге «Закат Европы», которая вышла в свет в 1918 году.

Локальные культуры против человечества

Согласно этому немецкому мыслителю, не существует единого человечества, а есть несколько самостоятельных, самобытных **локальных культур**. Это – египетская, вавилонская, индийская, китайская, античная, магическая культура Ближнего Востока, европейская, майя, русско-сибирская. Каждая культура есть особый организм. У каждой своя душа, которая непостижима для представителя иной культуры. В основе культуры лежит прафеномен – ее духовное ядро. Оно проявляет себя во всех сторонах данной культуры, схватывается интуицией или художественным вчувствованием. Например, прафеномен античной культуры – аполлоновская душа – это статичность, телесность, наглядность. Прафеномен европейской культуры – фаустовская душа – устремленность в бесконечное пространство и воля к власти.

Стадии развития культуры

Каждая культура как целостность живет примерно тысячу лет и проходит три стадии в своем развитии. Это **детство культуры** – ранняя мифо-символическая культура, **зрелость** – развитая метафизико-религиозная культура, **старость – цивилизация**.

Для цивилизации характерно истощение творческих сил культуры. Культура уже не создает ничего нового, она только комбинирует старое. Подобное состояние изобразил писатель Г. Гессе в романе «Игра в бисер». Преобладает ориентация на материальный интерес и комфорт. Отсюда стремление к овладению ресурсами, войны и цезаризм. В XX веке европейская культура вступила в стадию цивилизации. Европа заканчивается. Через несколько десятилетий на месте Европы будет этнический хаос. А на востоке Европы дремавшая столетиями более молодая русско-сибирская культура проснулась и будет теперь теснить европейскую. О. Шпенглер пессимистически смотрит на будущее Европы. Ее конец можно оттянуть на несколько десятилетий, но он все равно неизбежен.

Литература

1. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология// Марке К., Энгельс Ф. Собр. соч. - Т.3.- М., 1955.
2. Тойнби А. Дж. Постижение истории. - М.,1991.
3. Шпенглер О. Закат Европы. - Новосибирск,1993.

Контрольные вопросы

1. По каким критериям выстраивается типология обществ в формационном подходе?
2. В чем сущность цивилизационного подхода?
3. Каковы основные идеи теории локальных культур О. Шпенглера?

Тема № 46. Общество и индивид. Индивидуализм, коллективизм, персонализм

Любое общество состоит из людей, их человеческих индивидов. И любое общество есть некое целое – организм. Возникает вопрос, что же в обществе важнее, главнее?

ПРОБЛЕМА СУЩНОСТИ ОБЩЕСТВА: ЧТО ПЕРВИЧНО – ИНДИВИДЫ ИЛИ ОБЩЕСТВЕННОЕ ЦЕЛОЕ?

Сингуляризм

1. Если мы обратимся к опыту, то нам сразу бросится в глаза тот факт, что если нет индивидов, то не будет ни общественных отношений, ни социальных институтов, ни общества как такового. Отсюда некоторые мыслители сделали вывод, что первичны именно индивиды.

Теоретический индивидуализм или сингуляризм считает, что **первичными являются индивиды**, а общество как целое – это сознательное или бессознательное создание людей. Общество – это совокупность отдельных людей, живущих совместной жизнью и находящихся во взаимодействии друг с другом.

Начиная с эпохи Просвещения, в европейской философии формулируются **теории общественного договора**. Они лежат в основе конституций западных государств. Например, английский философ **Томас Гоббс** (1588 – 1679) написал знаменитую книгу «Левиафан», посвященную проблеме генезиса, возникновения общества. Левиафан это название огромного чудовища, о котором говорится в «Библии». Общество или государство рисуется Т. Гоббсу в виде подобного чудовища, стоящего из множества людей.

Согласно Т. Гоббсу, первоначально люди жили в **естественном состоянии**. Каждый жил сам по себе и заботился лишь об удовлетворении своих потребностей. Каждый был абсолютно свободен. Никаких законов и правил морали не существовало. Не было никаких сдерживающих факторов. А по природе человек человеку – волк (homo homini lupus est). В результате получилась война всех против всех (bellum omnium contra omnes). И вместо свободы получается всеобщая несвобода. Никто не может делать то, что он хочет, так как другие люди препятствуют исполнению желаний. Возник **парадокс свободы**.

В состоянии всеобщей войны никто не может быть спокоен за свою жизнь и собственность. Люди живут в постоянном страхе. Но в страхе жить очень некомфортно. Чтобы избежать тягот естественного состояния, люди объединились в общество, заключили общественный договор, основали государство – особый орган общества, который призван поддерживать порядок в обществе. Государство забирает часть свободы людей, взамен гарантируя безопасность. Порядок поддерживается силой. Поэтому нужна сильная и

неограниченная власть. И лучше - единоличная. Или абсолютная монархия, или гражданская война – вот выбор человечества, по Т. Гоббсу.

Д. Локк против Т. Гоббса

Другой английский философ Д. Локк, теоретик правового государства возразил Т. Гоббсу. Если мы отдадим всю власть одному лицу, это лицо сможет сделать с нами все, что пожелает. В таком случае мы будем жить в постоянном страхе перед монархом и его слугами. Поэтому необходимо ограничить власть государства и гарантировать права личности.

Теория индивидуализма сталкивается с трудностью объяснения длительного существования надындивидуальных социальных институтов – семьи, государства и др. В самом деле, государства существуют сотни лет, многие поколения индивидов сменяют друг друга, а государство продолжает существовать.

Органическая теория общества

2. В противовес индивидуализму **теоретический коллективизм** или **органическая теория общества** считает, что общество, **общественное целое первично**, а индивиды вторичны, они – только части, детали общества. Общество в целом рассматривается при этом как особый субъект, особое существо со своими разумом и волей, особый организм. Например, Гегель считал, что государство есть земное воплощение божественной идеи. На таком взгляде на общество строится традиционное общество. Здесь человек изначально понимается как часть коллектива – семьи, рода, общины, сословия.

В системе общества каждый выполняет свойственную ему функцию. Сторонники органической теории общества считают, что в обществе должен быть примат общественных интересов над индивидуальными, социальная иерархия, ограничение свободы индивида. Общество скрепляют коллективные ценности, традиции и обычаи. Поэтому их необходимо поддерживать.

Социальная структура и отношения предшествуют каждому отдельному человеку. Каждый человек, рождаясь, застает общество уже вполне определенным. Однако если исчезнут индивиды, то и общества не будет. Кроме того, сомнительно представление об обществе как особом существе.

Персонализм

3. **Персоналистическая** концепция считает, что **общество – это союз личностей**. Согласно М. Буберу, отношения личностей – это отношение Я к Ты. Они принципиально отличаются от отношения личности к вещи, отношения Я и Оно. Другая личность воспринимается как подобное мне самосознающее существо. Личности требуют признания со стороны другой личности. Значит, личность существует и развивается только в связи с другими личностями. Личность – изначально общественное существо. Подлинное общество есть Мы. Поэтому **нельзя говорить о первичности индивида или общественного целого** – это две необходимые стороны общественной жизни.

Русский философ С. Л. Франк считал, что первичная основа общества – **всеединство**, многоединство личностей, их «соборность». Ведь «я» и «ты» всегда существуют внутри какого-нибудь «мы». Первичной и основной формой соборности является семья. Другая форма – это религиозная общность. Кроме того у каждого объединенного множества людей есть момент общности судьбы и жизни. Поэтому, например, одноклассников связывают особые отношения, представителей одного поколения и пр.

Межиндивидуальные личные отношения преобладают в начале истории. В дальнейшем развиваются безличные общественные отношения – рыночные, бюрократические и пр. и человек становится, с одной стороны, субъектом межличностных отношений, а с другой стороны, субъектом и объектом безличного общественного механизма. Каждый выполняет в обществе какую-то функцию, является носителем социальной роли. Каждый может быть отцом или матерью, покупателем или продавцом, начальником и или подчиненным и пр. нередко социальная реальность обособляется от индивидов и начинает командовать ими. Этот феномен К. Маркс называл **отчуждением**. Таким образом, сущность общества как союза личностей еще не стала подлинной реальностью. Наличное бытие общества часто противоречит его сущности. **Союз личностей вырождается в безличное объединение. Мы превращается в Оно.** Мы имеем или подчинение индивидов какому-либо социальному объединению, либо их разобщенность, разъединенность, социальный атомизм, когда каждый человек живет сам по себе. Очевидно, необходимо какое-то гармоническое сочетание индивидуализма и коллективизма.

Можно ли полностью преодолеть социальное отчуждение – вопрос дискуссионный.

Литература

1. Бердяев Н.А. Я и мир объектов. Опыт философии одиночества и общения // Бердяев Н.А. Философия свободного духа. - М., 1994.
2. Франк С.Л. Духовные основы общества. - М., 1992. - С. 13-146, 405-470.
3. Фромм Э. Иметь или быть. - М., 1990.

Контрольные вопросы

1. Как решает проблему индивида и общества концепция сингуляризма?
2. Каковы основные идеи органической теории общества?
3. В чем своеобразие персоналистического решения этой проблемы?

Тема № 47. Проблема общественного идеала. Реализация идеала. Теория идеального государства Платона

Совершенное общество

Общественный идеал – это совершенное общество. Следует различать сам идеал и то, что думают о нем люди. Русский философ П. Новгородцев предложил такую формулу идеального общества. Это такое общество, где обеспечены максимальные свобода, равенство и общечеловеческая солидарность.

Осуществимость общественного идеала

Важным вопросом является вопрос об осуществимости общественного идеала.

ПРОБЛЕМА: ОСУЩЕСТВИМ ЛИ ОБЩЕСТВЕННЫЙ ИДЕАЛ?

На этот вопрос есть основных три ответа.

1. **Социальный утопизм** считает, что идеал осуществим в любых условиях, достаточно убедить в нем большинство населения. На практике утопические действия ведут к насилию над реальностью. Утопия нередко превращается в антиутопию. Слово «утопизм» происходит от названия романа Томаса Мора (1478 – 1535) «Утопия», которое дословно означает «место, которого нет».

2. **Социальный пессимизм** считает, что идеал непостижим и недостижим, поэтому не стоит даже пытаться его реализовать. Пусть все идет само собой.

3. **Практический идеализм** считает, что, хотя полностью осуществить общественный идеал невозможно все же следует стараться его познать и по мере созревания условий частично воплощать в реальность. Ярким представителем практического идеализма был индийский деятель Махатма Ганди, который смог организовать индийцев на борьбу за независимость, причем использовал только ненасильственные средства.

Идеальное государство Платона

Важен вопрос: каков общественный идеал по содержанию?

ПРОБЛЕМА: КАКОВ ОБЩЕСТВЕННЫЙ ИДЕАЛ ПО СОДЕРЖАНИЮ?

Можно выделить несколько основных вариантов ответа на эту проблему.

1. **Теория идеального государства Платона.** По Платону, идеальное государство должно отличаться единством, быть единым организмом. Главная ценность идеального государства **справедливость и единство(сплоченность)**. Высшая справедливость состоит в том, что каждый занимается своим делом и получает по заслугам.

Государство подобно душе. В Душе Платон выделял три элемента. Это разумная часть души, яростное начало (волевое), и вождетельное начало.

В идеальном государстве должно быть **три класса** населения.

Правят самые мудрые – **философы**.

Второй класс общества – **воины**. Чтобы воины думали только о пользе государства, а не о своих личных интересах у них не должно быть частной собственности и постоянных жен.

Третий класс – ремесленники, крестьяне, торговцы, которые занимаются материальным производством и обменом. Они занимаются физическим трудом, имеют частную собственность, но примерно равную. Такое общество, по мысли Платона, является самым сплоченным и справедливым.

Советское общество тоже ориентировалось на коллективистский идеал. Главной провозглашаемой ценностью было социальное равенство. Большие усилия предпринимались для предотвращения страданий людей. Важное внимание уделялось социальным правам человека. Однако государство носило идеократический характер, поэтому отрицался плюрализм, политические свободы.

Литература

1. Новгородцев П.И. Об общественном идеале. - М., 1991.

Контрольные вопросы

1. [Что такое общественный идеал?](#)
2. [Какие есть мнения по поводу реализации общественного идеала?](#)

3. Как должно быть устроено идеальное государство, с точки зрения Платона?

Тема № 48. Либеральный и социалистический общественный идеал

Общественный идеал в либерализме

2. **Либеральный** общественный идеал, разработан в рамках европейской культуры. **Главная ценность – индивидуальная свобода**, естественные права человека на свободу, счастье, собственность и т.д. Либералы так решают парадокс свободы: свобода одного не должна нарушать свободу другого человека. «Моя свобода кончается возле кончика твоего носа». Не должно быть насилия над людьми. Главное отношение людей – договор, сделка.

Либеральная экономика

В экономике должны господствовать частная собственность, свободный рынок и конкуренция. Каждый человек имеет утилитарную автономию. Он вправе, в рамках закона, преследовать свой частный интерес. Однако, никто не обязан ему помогать. Либералы принимают догму Смита, согласно которой, если каждый будет эгоистом, будет стремиться к удовлетворению своих интересов, тогда наилучшим образом будет достигнут общественный интерес. Разумный эгоизм работает на общее благо. Либералы верят в совершенную саморегуляцию свободного рынка, который сам себя настраивает как совершенный компьютер. Английский экономист Адам Смит называл это «невидимой рукой рынка». Поэтому либералы считают, что государство не должно вмешиваться в экономику. Оно только должно охранять порядок и собственность граждан. Девиз либералов: *Laissez faire* – «позволяйте делать, кто что хочет», «не мешайте». Государство должно быть минимальным, его полномочия должны быть ограничены самым необходимым.

Либерализм в политике

Государство должно быть правовым, главной целью его существования должна быть защита прав и свобод человека. Чтобы сама государственная власть не могла нарушить свободу человека, она должна быть демократически избираемой, подконтрольной обществу. Законы должны издаваться лишь те, которые соответствуют свободной воле граждан. Власть должна быть разделена на законодательную, исполнительную и судебную. Если же один и тот же человек является законодателем, исполнителем и судьей, то это ведет к диктатуре и подавлению свободы граждан. Перед законом все равны. Либералы считают, что в том обществе, где властвует закон свободы больше, чем в том, где властвует человек над человеком. Закон ограничивает мои действия, но он же ограничивает действия других по отношению ко мне. У меня есть пространство свободы. В духовной сфере должен быть разрешен плюрализм мнений, религий, мировоззрений. Такой идеал отчасти реализован на Западе.

Либеральный идеал имеет привлекательные черты, но у него есть и недостатки.

Критика либерализма

1) Свободный рынок не обладает совершенной саморегуляцией. Поэтому периодически возникают кризисы перепроизводства.

2) При стихийном развитии демократического капитализма происходит резкое расслоение на богатое меньшинство и бедное большинство, следствием чего является классовая борьба, ведущая к социальному взрыву.

3) Права человека для человека, не имеющего денег, носят формальный, теоретический характер. Как писал Ф. М. Достоевский, если у меня нет денег, то я - не человек, который делает, что хочет, а человек, с которым делают, что хотят.

4) Буржуазная демократия носит во многом фальшивый характер, ибо реально властью обладает экономически господствующий класс. Чтобы участвовать, например, выборах в парламент нужно иметь немалую сумму денег, которая у большинства отсутствует. Средства массовой информации тоже принадлежат богатым людям.

5) При рыночной экономике начинают преобладать материальные ценности, прагматизм, происходит упадок духовной культуры.

6) Оппоненты либералов – социалисты считают, что капитализм (рыночная экономика) основан на эксплуатации наемных рабочих, присвоении чужого труда.

Эволюция либерализма

Эволюция либерализма – в XVIII – XIX вв. – классический либерализм. В XX веке сложился социальный либерализм, который в некоторых отношениях сближается с социализмом. Социальные либералы считают, что реальная свобода становится больше, если государство вмешивается в экономику и защищает более слабых граждан путем государственного регулирования производства и перераспределения средств от богатых к бедным. В 1929 году начался самый острый кризис капитализма за всю историю – Великая Депрессия. Американский президент Франклин Рузвельт провел реформы и начал государственное регулирование экономики. После второй мировой войны подобные мероприятия были проведены и в других странах.

В конце XX века наблюдается возврат к классическому либерализму – неолиберализм, который во многих отношениях порывает с гуманизмом. Неолибералы проводят дерегулирование экономики и демонтаж социального государства.

Социалистический идеал

3. **Социалистический общественный идеал.** Социалисты считают, что надо сделать обстоятельства человеческими. Главные ценности для социалистов – это социальная справедливость (понимаемая как равенство) и солидарность между людьми. Общество должно помогать каждому его члену, но и каждый индивид должен сознательно заботиться об общественном благе.

Социализм утверждает необходимость **социальных прав** человека – на труд, отдых, охрану здоровья, жилье, образование и др. Это невозможно сделать без вмешательства государства в экономику и перераспределения средств от обеспеченных слоев к необеспеченным.

Критика капитализма

Социалисты исходят из критики капитализма. Основное противоречие капитализма, согласно марксизму – противоречие между общественным характером производства и частной формой присвоения его результатов. Такое противоречие может быть разрешено путем установления общественной

собственности на средства производства и личной собственности на предметы потребления. Производство, обмен и потребление должно сознательно регулироваться всеми членами общества.

Вместо стихийной регуляции рынка должна быть плановая экономика. Тогда исчезнет противоречие между общим и частным интересом. Исчезнет необходимость в государстве как принудительной силе. На его место придет общественное самоуправление населения. Исчезнут противоречия между народами, поэтому исчезнут войны.

Со времени возрастет производительность труда, сократится рабочее время. Увеличится свободное время, которое можно использовать для развития своей личности в любом направлении. Но подлинное царство свободы будет тогда, когда человек перестанет быть агентом материального производства, при полной автоматизации.

Настоящая свобода – это свобода от отчуждения, реальная возможность развивать свои способности. По вопросам распределения между социалистами шли споры. Одни защищали уравнилельный принцип распределения, другие выступали за принцип оплаты по труду. При развитом социализме – коммунизме материальные стимулы потеряют свою силу, на первый план выйдут духовные потребности – в творчестве, самореализации, служении обществу. Сам труд станет наградой. **Цель общества – максимальное развитие всех человеческих способностей без заранее установленного масштаба.**

В истории мы видим две основные формы реализации на практике социалистического идеала.

Советский коммунизм

Это, прежде всего, **советский коммунизм**. Советская модель общества включала в себя общественную (государственную) собственность на средства производства, плановую экономику, однопартийную систему с отсутствием демократических свобод, коммунистическая идеология выступала как некая квазирелигия – вера в построение бесклассового общества, в отношениях между народами провозглашался пролетарский интернационализм.

Социал-демократия

Вторая форма реализации социалистического идеала – социал-демократия в Европе. Социал-демократы признают рыночную экономику и частную собственность, но в отличие от либералов, признают и **необходимость вмешательства государства в экономику во имя общего блага**. Такие взгляды и действия называются «**дирижизм**» и «**интервенционизм**». Вместо свободной рыночной экономики социал-демократы больше ориентируются на **смешанную экономику**, где присутствует государственный сектор, наряду с частным. В области распределения социал-демократы ориентируются на **государство всеобщего благосостояния или социальное государство**, которое обеспечило бы всем гражданам высокий уровень жизни. Для этого через налоги государство перераспределяет часть доходов от обеспеченных людей к необеспеченным. В странах, где правят социал-демократы высокие налоги на богатых. Они к тому же носят прогрессивный характер. Чтобы избежать классовый борьбы социал-демократы стараются найти классовый компромисс между работодателями и работополучателями и наладить **социальное партнерство** между ними.

Критика социализма.

- 1) Критики социализма считают, что плановая экономика менее эффективна, чем рыночная. Общее – значит ничье.
- 2) Если собственником всех средств производства становится государство, то все члены общества становятся его рабами, вместо демократии устанавливается диктатура.
- 3) Растет бюрократизация общества, власть чиновничества.
- 4) Забота о человеке со стороны общества – патернализм - подрывает мотивацию к труду. Поэтому экономика становится неэффективной, и ее рост тормозится.
- 5) Социализм уравнивает людей и подавляет своеобразие каждой личности.

Основной конфликт нашей эпохи

Основной конфликт нашей эпохи происходит между находящимися сегодня у власти во многих странах неолибералами, которые стремятся вернуться к классическому капитализму образца 19 века и сторонниками сохранения социального государства. Неолибералы проводят глобализацию – становление свободного глобального рынка товаров, капиталов и рабочей силы. Инструментом глобализации является Всемирная Торговая Организация (ВТО).

Литература

1. Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. - Т. 42.- М., 1974. - С.41-174.
2. Поппер К. Открытое общество и его враги. - М., 1992. - Т.1-2.

Контрольные вопросы

1. [Каковы основные ценности и идеи либерализма?](#)
2. [Насколько состоятельны аргументы против либерализма?](#)
3. [Каковы основные ценности и идеи социалистов?](#)
4. [Каковы составляющие советской модели общества?](#)
5. [В чем заключаются идеи социал-демократов?](#)
6. [Каковы аргументы против социализма?](#)

Тема № 49. Философия техники. Человек в информационно-техническом мире

Философия техники как дисциплина

Техника как явление общечеловеческое столь же стара, как и человек. Однако философское размышление о технике началось сравнительно недавно – в 19 веке. В полном смысле о философии техники как сложившейся философской дисциплине можно говорить, начиная с середины 20 века. Называется несколько причин столь позднего формирования философии техники. Первая заключается в том, что сам предмет этой науки до 19 века был недостаточно развит. Лишь в 19 веке стало очевидно огромное влияние техники на общество, вследствие быстрого научно-технического прогресса. Вторая причина заключается в том, что философия во многом носила идеалистический характер, и поэтому уделяла

основное внимание духовной стороне жизни человека, оставляя вне достаточного рассмотрения материальную жизнь. Техника связывалась только с ремеслом, считалась простым применением научных открытий, то есть деятельностью низшего порядка.

Философия техники состоит в исследовании философских проблем, которое раскрывает развитие техники в историческом и систематическом аспектах. Основную проблематику философии техники можно выразить в следующих группах вопросов. Это вопросы, касающиеся сущности техники: Что такое техника? Каковы её истоки? Какова её природа? Важна также проблема человека, создающего и использующего технику: Что она может дать человеку, и что может отнять? Почему человек - техник? Откуда у него взялся этот дар? Что, собственно, человек творит? Какова цель технической деятельности? Как связана техника с фундаментальными чертами человеческого существа? Важное значение имеют вопросы о взаимосвязи техники и природы, техники и культуры, техники и общества. Особенно остры этические проблемы, связанные с использованием техники, проблемы технократии и инструментального разума. С точки зрения учения о познании важны проблемы специфики технического знания и соотношения научного и технического знания.

Этимология «техники»

Этимология слова «техника» весьма поучительна. В греческом языке слово «технэ» обозначало искусство в широком смысле слова как умение что-либо мастерски делать. В гомеровскую эпоху «мехос» означало уловку или средство в сложной ситуации. Позже слово «механе» означало лекарство, ухищрение, умно придуманное средство, с помощью которого некто добывает себе нечто. Римляне использовали слово «машина» первоначально для обозначения театральных и военных машин. В средние века к механическим искусствам относились земледелие, охота, мореходство, ткацкое дело, оружейное дело, врачевание, театральное искусство. Слово «инженер» связано с латинскими словами *ingenium* – хитроумный, остроумный, изобретательный, измышленный, искусно выполненный и *ingeniare* – творить.

Сфера техники и сущность техники

Сфера технических явлений обширна и фактически охватывает весь человеческий мир. Техника имеет дело с неорганической материей. Сюда относятся, например, строительная техника, электротехника - и теплотехника, техника материалов. Здесь на первом месте превращение сил и энергий, преобразования вещества. Кроме этого существует техника овощеводства, животноводства, биотехнология. То есть имеется техника, связанная с преобразованием органической жизни. Но кроме этого есть техника мышления и дискутирования, изучения и памяти (мнемотехника), психотехника. В обществе важна техника руководства людьми и государствами, техника политики, социотехника. В области искусства есть техника живописи, рисунка, игры на инструментах. Таким образом, можно сделать вывод, что техника охватывает весь универсум.

Определения техники

Техника обычно понимается в широком и узком смысле. С точки зрения первого определения ***техника охватывает всякий систематический целенаправленный образ действия, который выходит за пределы неструктурированного элементарного исполнения.*** Это технический образ действий, существовавший во все эпохи (техника игры в футбол и т. п.) Более

узкое определение техники связывает её с естественными и техническими науками. Техника включает в себя достигнутые результаты, технические устройства, посредством которых человек заставляет силы природы служить собственным целям. Инструментальная функция техники в том, что она служит достижению цели с возможно меньшими затратами. Критерий успешности – наиболее совершенное исполнение функции.

Техника – это, физический мир, намеренно преобразованный человеком, и тем самым, одновременно представляет и природу и культуру.

Человек существует благодаря целенаправленному изменению окружающей среды. Господствовать над природой человеку помогает техника.

Техника – это система средств, используемых человеком в его деятельности. Техническим является вопрос «Как что-то сделать?», «Как достичь поставленной цели?» Самое общее определение техники дал французский философ Ж. Эллюль: **Техника как совокупность рационально выработанных методов, обладающих высокой эффективностью.**

Внешняя и внутренняя техника

Можно выделить **внешнюю технику**. Техника как выражение господства человека над внешней природой проявляется в совокупности технических устройств и сооружений.

Существует также **внутренняя техника**, позволяющая управлять собственным организмом и психикой. Такая техника получила развитие в странах Востока. Йога и цигун и т.п.

Этапы развития техники

Развитие внешней техники прошло несколько этапов.

Этап ручных орудий и инструментов.

Этап механизированного труда, где основные операции делают машины

В настоящее время происходит автоматизация производства.

ПРОБЛЕМА: КАКОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ ОКАЗЫВАЕТ РАЗВИТИЕ ТЕХНИКИ НА ЧЕЛОВЕКА И ОБЩЕСТВО?

Здесь можно выделить две основные позиции.

Антитехницизм

1. Сторонники **антитехницизма. технологического пессимизма** считают, что **техника несет вред обществу**. Она разрушает и загрязняет окружающую среду, создает опасность технологических катастроф и разрушительных войн. Техника ведет к духовному опустошению человека, одностороннему его развитию, отрыву от культурных традиций. Такие взгляды еще называют **«технофобией»** - страхом перед техникой. Технофобия нередко связана с антисциентизмом – недоверием к технике.

Ярким представителем антитехницизма был французский мыслитель Ж. Эллюль (1912 – 1994). Его перу принадлежит книга «Технологический блеф». В ней он констатирует, что технический прогресс достиг таких масштабов, что люди уже не могут контролировать его ход. **Техника стала автономной по отношению к человеку**. Технический взгляд на мир, по мнению Ж. Эллюля, противоречит религиозному. Религиозный человек надеется на помощь Бога, а человек техники придумывает для решения проблемы техническое устройство. Ж. Эллюль считает, что многие люди слишком сильно верят в технический прогресс, в технику и думают, что техника решит все проблемы. На самом деле самые главные проблемы человеческого существования техника решить не в силах.

Техницизм

2. **Техницизм считает, что техника является определяющим фактором развития общества и способна решить большинство социальных и человеческих проблем.** Некоторые техницисты предлагают отдать всю власть в обществе ученым и техническим специалистам. Такое политическое устройство называется **технократией**. Американский мыслитель Т. Веблен даже призывал к революции инженеров в США.

Техницисты опираются на **технологический детерминизм**. Это – учение, которое считает технику определяющим фактором развития общества. Какова техника – таково и общество.

Этапы развития общества

Американский мыслитель Алвин Тоффлер (р. 1928) предложил такой взгляд на историю. Во всемирной истории можно выделить **три волны технологических изменений**. Аграрная революция – изобретение земледелия привела к возникновению **аграрного, традиционного общества**. Сторонники этого взгляда разделяют традиционное и индустриальное общество. В традиционном обществе господствует ручной труд, земледелие, консерватизм, коллективизм, религия и мифология.

Вторая волна – индустриализация привела к возникновению крупной промышленности и **индустриального общества**. В индустриальном или современном обществе преобладает крупная промышленность, индивидуализм, стремление к переменам, высокое развитие науки и техники. Происходит сайентификация («онаучивание» техники). Наука становится непосредственной производительной силой общества. В нем уменьшается коллективная солидарность, общество разделяется на антагонистические классы. Такое общество еще называется обществом модерна.

В настоящее время на Западе происходит **переход к постиндустриальному обществу**. Американский мыслитель Дэниэл Белл (1919 - 2011) так характеризует его. **Главной деятельностью станет добытие, обработка, хранение и передача информации**. Поэтому такое общество также можно назвать информационным. Главными экономическими агентами станут не корпорации, а мультиуниверситеты. Население будет заниматься в основном интеллектуальным трудом. Труд станет более свободным, творческим, потеряет отчужденный характер. Произойдет переход от экономики товаров к экономике услуг. Главным классом в постиндустриальном обществе станет класс профессионалов и технических специалистов. Изменится расселение людей. Благодаря компьютерным сетям станет возможным работать дома, и жить на природе. «Глобальная деревня». Будут цениться межличностные отношения и вещи, сделанные собственными руками. Самые важные технологии будущего – информационные технологии, биотехнологии и нанотехнологии.

Литература

1. Новая технократическая волна на Западе. - М.1986.
2. Философия техники в ФРГ.- М.,1989.

Контрольные вопросы

1. [Какова сфера техники и в чем ее сущность?](#)
2. [Каковы определения техники?](#)

3. Основные этапы развития техники?
4. Какова позиция антитехнизма по отношению к технике?
5. В чем суть взглядов приверженцев техницизма?
6. Какие стадии развития общества выделяют сторонники технологического детерминизма?

Задания к семинару № 15 (РАЗДЕЛ 12. СОЦИАЛЬНАЯ
ФИЛОСОФИЯ, Темы № 44 - 49)

РАЗДЕЛ 13. АКСИОЛОГИЯ

Тема № 50. Аксиология

Опыт ценностей

Аксиология – наука о ценностях.

Опыт. Мы знаем, что одни предметы нас привлекают, другие отталкивают, к одним мы стремимся, других избегаем. **Ценность – это то, что достойно существования, то, что значимо, важно для человека.** Ценности постигаются человеком в особом ценностном опыте – в чувстве, предпочтении, пренебрежении, любви и ненависти. Ценности выступают объектом наших стремлений, желаний. Они связаны с должным. Они определяют наше поведение.

Знание оформляется в оценочных суждениях. Есть абсолютные оценки. Это – полезно или хорошо или красиво и т.д. Например, «быть знаменитым – некрасиво». Есть оценки сравнительные, выражающие предпочтение одних ценностей другим. Например: «лучше понять немного, чем понять неверно», «причиняющий обиду всегда хуже того, кому она причиняется».

Ценности **полярны** – есть позитивные положительные ценности и негативные, отрицательные (антиценности). Есть добро – есть зло, есть приятное и неприятное, польза и вред, верность и предательство и т. д.

Австрийский философ Франц Brentano сформулировал четыре аксиомы, касающиеся отношений между позитивными и негативными ценностями.

1. Существование некоторой позитивной ценности само есть позитивная ценность. Например, еда – позитивная ценность, значит, ее существование тоже есть позитивная ценность.

2. Существование некоторой негативной ценности само есть негативная ценность. Например, убийство – негативная ценность, его существование – тоже негативная ценность.

3. Несуществование некоторой позитивной ценности само есть негативная ценность.

4. Несуществование некоторой негативной ценности само есть позитивная ценность.

Человеческая личность сама по себе есть ценность. Человек есть наиболее ценное из всех живых существ. К личностным ценностям также относятся ее добродетели (хорошие качества). Есть также предметные ценности (блага). Блага могут быть материальными, а могут быть духовными, например, наука, искусство.

Есть также ценности актов, функций, реакций. Например, акты любви и ненависти, ответные реакции радости по поводу чего-либо, сочувствие, месть и пр.

Выделяются также ценности убеждения, действия, успеха. Ценности интенции (направленности, стремления) и ценности состояния – например, ценности переживаний. Ценности отношения, например, ценность дружбы.

Есть ценности индивидуальные – для одного человека, а есть коллективные – значимые для какой-то общности людей.

В аксиологии важной проблемой является **проблема** реальности ценностей.

ПРОБЛЕМА: С КАКОЙ РЕАЛЬНОСТЬЮ СВЯЗАНЫ ЦЕННОСТИ? КАКОВА ИХ ОНТОЛОГИЯ?

Есть несколько точек зрения на данную проблему.

Аксиологический субъективизм

1. **Аксиологический субъективизм** считает, что ценности существуют **только в сознании людей**. Ценности чисто **субъективны**. Например, красота чисто субъективна и зависит от взглядов субъекта. В качестве доказательства можно привести массу примеров различных обычаев и традиций разных народов. Часто они прямо противоречат друг другу.

Однако при последовательном проведении данный взгляд приводит к разрушению духовной культуры. Теряется, например, различие между подлинной культурой и подделкой под нее. Все, что угодно можно сотворить и объявить высокой ценностью.

Социологическая теория ценностей

2. В противовес субъективизму **социологическая теория ценностей** считает, что **ценности имеют общественную природу**. Ценно то, что ценится обществом. Индивид же должен присоединяться к обществу. **Ценность и индивидуальная оценка не совпадают**. Таким образом, утверждается надындивидуальный, общезначимый характер ценностей. Однако ценностные представления одного общества или одного этапа развития общества нередко противоречат ценностным представлениям другого общества или другого этапа развития общества. То же самое мы можем наблюдать у разных народов. Элемент произвола и субъективизма сохраняется в этой теории сохраняется.

Идеалистическая теория ценностей

3. **Идеалистическая теория ценностей** считает, что **ценности – это идеи**. Она базируется на объективном идеализме. В материальном мире мы видим не сами ценности, а их проявления в предметах, действиях, состояниях сознания. Например, красота может проявляться в виде красивых вещей, красивых поступков, прекрасных чувств. Ценности призывают человека воплотить их в реальность. Тот, кто слышит зов этих ценностей и повинуется ему, обретает смысл жизни. Они вечны, одни и те же в различные эпохи. Меняется только проявление ценностей. Тем самым утверждается объективность ценностей. Люди могут правильно воспринимать и понимать вечные ценности или неправильно. Бывают аксиологические заблуждения.

Классификация ценностей по М. Шелеру

Немецкий философ Макс Шелер(1874 – 1928) предложил следующую классификацию ценностей.

1. **Ценности приятного и неприятного**. Они постигаются при помощи чувств удовольствия и боли, наслаждения и страдания. Приятными и неприятными могут предметы, функции, состояния. Обычно приятное предпочитается неприятному.

Еще в древности возникла теория, которая считает, что высшее благо, высшая ценность – это максимум телесных, чувственных наслаждений. Эта теория называется – **гедонизм**. Если цель жизни – наслаждение, то девизом жизни должно быть: «Ешь, пей, веселись!»

2. **Ценности витального чувства**. Витальное чувство – это чувство жизни. Ценности витального чувства – это благородное и низкое, польза и вред, благосостояние и благополучие, здоровье и болезнь, сила и слабость. Мы ощущаем эти ценности, когда, например, чувствуем подъем и спад жизненных сил, жизнерадостность и уныние, чувствуем угрозы старости и смерти, мужество, страх, гнев и др.

Важным в этом ряду является **польза** или **утилитарная ценность**. В европейской философии в Новое время сформировался **утилитаризм**, который ставит полезность на первое место и рассматривает пользу как мерило любой ценности. Пользу можно измерить количественно – в деньгах.

3. **Духовные ценности** – это **истина, добро и красота**. Истина – это главная познавательная ценность, добро (справедливость) – главная нравственная ценность, красота или подлинно прекрасное – главная эстетическая ценность. Духовные ценности носят характер **самоценности** в отличие от пользы как ценности для чего-то другого. Они хороши сами по себе, независимо от той пользы, которую они приносят. Например, если человек получает образование, чтобы больше знать, быть образованным человеком, то им движет духовная потребность. Если же для него образование – только путь к карьере, то это утилитарное отношение к образованию. Есть особые чувства – духовная радость и печаль, при помощи которых мы ощущаем эти ценности. Производными от духовных ценностей являются ценности науки, искусства, культуры. Теория, которая ставит духовные ценности на первое место в жизни, называется **идеализм**.

4. **Ценности святого и несвятого** – это ценности личности человека и Бога. Постигаются они через блаженство и отчаяние. Когда нас принимают, любят, ценят мы испытываем блаженство. Когда отвергают – отчаяние. Кроме того с данным типом ценностей связаны такие человеческие реакции как вера и неверие, благоговение, поклонение, любовь. Теория, утверждающая примат личностных ценностей называется персонализмом. В качестве выдающихся образцов человеческой личности можно рассматривать святого, героя, художника и т.п.

Иерархия ценностей

У каждого человека есть своя система ценностей, их **иерархия** – расположение одной выше другой. Она связана с личным душевным складом человека – его ORDO AMORIS «порядком любви». У каждого человека есть то, что он любит, предпочитает и то, что ненавидит, что отвергает. Есть закон примата любви (эмоционального утверждения ценности) над ненавистью (эмоциональным отрицанием ценности): основой каждого акта ненависти является акт любви. Мы ненавидим что-то, потому что любим что-то другое. Иногда ненависть возникает из-за разочарования в предмете любви.

Но существует ли объективная, правильная, значимая для всех система или иерархия ценностей?

Следует различать силу ценности и ее ранг. **Сила** – это степень страдания человека при отсутствии ценности. **Ранг** – это высота ценности. Так, еда как ценность сильнее дружбы, но ниже по рангу.

По мнению М. Шелера, существует объективная иерархия рангов ценностей и определенные **критерии высоты(ранга) ценности**:

Внутренняя долговечность ценности как ощущение. Настоящая любовь ощущается как вечная. Когда любит, человек чувствует, что будет любить всегда. Поэтому он и не говорит: «я люблю тебя сегодня».

Делимость ценностей. Ценности тем выше, чем менее они делимы, чем в меньшей степени они должны делиться, если к ним будут причастны многие индивиды. Материальные ценности делимы. Поэтому они – низшие ценности. Духовные ценности неделимы. Поэтому они высшие. Если я поделился хлебом, то у меня хлеба убавилось. Но если я поделился мыслями, чувствами и т. д., то у другого человека прибавилось и у меня сохранилось.

Глубина удовлетворения от ценности. Переживание духовных, личностных ценностей сильнее всего затрагивает душу человека.

Степень близости данной ценности к абсолютной, наивысшей ценности.

Руководствуясь этими критериями можно определять высоту ценности и делать правильный выбор, предпочитать действительно более высокие ценности более низким. Тот, кто делает неправильный выбор, совершает ценностное заблуждение.

Литература

1. Ильин И.А. Путь к очевидности. - М., 1993.
2. Маркузе Г. Одномерный человек. - М., 1994.
3. Лосский Н.О. Ценность и бытие// Лосский Н.О. Бог и мировое зло. - М., 1994.
4. Шелер М. Формализм в этике и материальная этика ценностей// Шелер М. Избранные произведения. - М., 1994.

Контрольные вопросы

1. [Что такое ценности, и каковы их свойства?](#)
2. [Каковы основные решения проблемы реальности ценностей?](#)
3. [Какие виды ценностей присутствуют в классификации М. Шелера?](#)
4. [Каковы критерии высоты ценности?](#)

[Задания к семинару № 16 \(РАЗДЕЛ 13. АКСИОЛОГИЯ, Тема № 50\)](#)

РАЗДЕЛ 14. ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ

Тема № 51. Философия культуры

Сущность культуры

Ценности опредмечиваются, выражаются как в людях – субъектах культуры, так и в предметах культуры, артефактах – вещах, искусственно созданных людьми. Человек и общество не могут существовать без культуры.

Слово «культура» латинского происхождения, оно первоначально означало «возделывание, культ, образование, воспитание, развитие, почитание».

Сущность культуры раскрывается через ряд противопоставлений. В самом широком смысле **культура – это то, что создано деятельностью человека**. В этом отношении культура, как искусственная среда, **противоположна природе** как естественной среде.

Однако, не все, что делает человек можно назвать культурой. Культуре противоположно варварство или дикость. **Культура – это создание и сохранение позитивных ценностей**, накопление достижений, умений человека. Варварство проявляется либо в неумении обращаться с ценностью, либо в разрушении позитивных ценностей, накопленных ранее.

Культуру иногда противопоставляют цивилизации. В этом смысле культура охватывает духовные ценности, а цивилизация – материальные.

Культура данной страны, данного народа или определенной исторической эпохи образует некоторую целостность. У каждой культуры свой культурный код.

Формы существования культуры

По **формам существования** выделяется **субъективная культура и объективная**. **Объективная культура** – это совокупность тех вещей, которые способствуют развитию личности. В этих вещах воплощены, опредмечены определенные способности и умения человека. Они уже преобразованы человеческой деятельностью. Табурет, автомобиль, картина – все эти вещи не существуют в природе самой по себе. Их нужно было придумать, замыслить, воплотить замысел в материале. **Субъективная культура** – это достигнутая мера развития человеческой личности, те способности, потребности и умения, которые представлены в человеке. Также и многие качества человека не даны от природы. Они усваиваются и развиваются только в процессе освоения культурного наследия. Даже прямохождение человека генетически не запрограммировано. Ему нужно учиться.

Состав культуры

По **составу** культура делится на **материальную и духовную**. Их различие коренится в характере тех потребностей, которые они удовлетворяют. Техника, экономика, политика обслуживают в большей степени материальные потребности. Религия, философия, искусство и т. д. – духовные потребности. Духовная культура существует прежде всего, в идее системы знаков, символов.

Функции культуры

Функции культуры в обществе многообразны.

1. **Аксиологическая** функция. Культура – **система ценностей**, норм и правил поведения, представленных в символической форме.

2. **Коммуникативная** функция. Культура обеспечивает **коммуникацию (общение)** между людьми и социальное наследование – передачу опыта от одного поколения к другому.

3. **Человекотворческая (гуманистическая)** функция культуры выражается в том, что культура выступает как необходимое средство **воспитания и образования личности**.

4. **Инструментальная** функция. Культура – это совокупность **приемов и способов** человеческой деятельности.

Жизнь культуры представляет собой диалектическое единство традиций и новаторства, творчества нового.

Цивилизация

Культура тесно связана **с цивилизацией**. Понятие «цивилизация» многозначно, поэтому необходимо всегда отдавать отчет в том, какой смысл слова используется в данном случае. Есть 6 смыслов этого слова:

1. Цивилизация как материальная часть культуры.
2. Цивилизация как этап развития общества, наступающий после дикости. Обычно связан с наличием письменности и государства.
3. Иногда цивилизация и культура используются как тождественные, взаимозаменяемые понятия.
4. Цивилизация как обозначение типа культуры, сложившегося в определенном регионе или в определенную эпоху. Например, египетская цивилизация, средневековая цивилизация и т. п.
5. Цивилизация как последний этап в развитии культуры, по теории О. Шпенглера.
6. Цивилизация в глобальном смысле. Например, земная цивилизация, инопланетная цивилизация.

Согласно Н. А. Бердяеву между культурой и цивилизацией могут возникать противоречия. Культура, как поиск, создание и сохранение духовных ценностей, нуждается в цивилизации как материальной основе для своей деятельности. Однако бывает так, что цивилизация вместо того, чтобы быть средством для культуры, стремится стать самоцелью. Тогда материальные ценности выдвигаются на первый план, а духовные остаются в тени.

Литература

1. Библер В. С. Культура. Диалог культур (Опыт определения)// Вопросы философии. – 1989. - №6. – С.31 – 42.
2. Ильин И. А. Путь к очевидности. – М., 1993.

Контрольные вопросы

1. Что такое культура? Каковы определения культуры?
2. Что входит в культуру (каков ее состав и формы существования)?
3. Каковы функции культуры?
4. Каковы взаимоотношения культуры и цивилизации?

Тема № 52. Запад, Восток, Россия в диалоге культур

Запад и Восток

В настоящее время актуальным является вопрос о взаимодействии различных культур. Прежде всего, остро стоит **проблема взаимопонимания и взаимоотношений между Востоком и Западом**.

Английский поэт и писатель Редьярд Киплинг выразил проблематичность этих отношений в строчках своей поэмы «Баллада о Востоке и Западе»:

*О, Запад есть Запад, Восток есть Восток, и с мест они не сойдут,
Пока не предстанет Небо с Землей на Страшный господень суд.
Но нет Востока, и Запада нет, что племя, родина, род,
Если сильный с сильным лицом к лицу у края земли встает?*

Обычно культуры Востока и Запад противопоставляются по следующим основаниям: Для Востока характерны мистицизм, коллективизм, созерцательность, аграрное общество. Для Запада характерны рационализм, индивидуализм, активизм, индустриальное общество.

Критика западной культуры в философии 20 века

В 20 веке произошли две мировые войны, великие социальные революции, возникли тоталитарные режимы, проводившие акции по уничтожению миллионов людей. Все это в основном возникло в рамках западной культуры или под влиянием западных идей. Отсюда закономерно возникает вопрос: не связаны ли эти явления каким-либо образом с сущностными чертами западной культуры? Нет ли в ней какой-то «червоточины»?

Испанский философ **Хосе Ортега-и-Гассет** (1883 – 1955) написал знаменитую книгу «Восстание масс». В ней он констатировал новое состояние европейской культуры, возникшее после первой мировой войны. **В обществе начинает преобладать масса, подавляющая аристократов**. Аристократы, в смысле Х. Ортеги-и-Гассета, это люди добровольно служащие каким-либо высоким ценностям. Это ученые, художники, борцы за справедливость и т. д. Такие люди встречаются во всех слоях общества. В отличие от аристократа человек-масса – это средний человек, у которого нет высоких целей в жизни. Он плывет по течению, стремится быть как все. Это – посредственность, но довольная собой. Если раньше масса знала свое место, уважала аристократов, то в 20 веке масса почувствовала свою силу и стала навязывать свои представления всему обществу. Сами достижения цивилизации способствовали этому обстоятельству. Во-первых, это технический прогресс и рост благосостояния широких слоев общества. Во-вторых, это демократия, которая ставит на одну доску среднего и выдающегося человека. Человек-масса не хочет быть культурным, он – новый варвар, появляющийся из развития самой цивилизации.

Интересные соображения о сущности и судьбе западной культуры принадлежат представителям **Франкфуртской школы социальных исследований**. Это, прежде всего, Теодор Адорно (1903 – 1969) и Макс Хоркхаймер (1895 – 1973). В своей книге «Диалектика Просвещения» они утверждают, что **Запад – неудавшаяся цивилизация**. В качестве свидетельства этому они указывают на Освенцим, где фашисты, промышленным способом уничтожили миллионы людей. Причем все шло в дело, волосами набивали матрацы, из человеческой кожи делали абажуры для ламп, пеплом от сожженных тел удобряли поля и т. п. Если запад на высшей ступени своего развития пришел к таким бесчеловечным вещам, то, очевидно, есть какая-то порочность в основе западной культуры. Этот порок, по мысли представителей франкфуртской школы,

заключается в стремлении господствовать над природой. Идея господства начинает применяться и к человеку.

Западный капитализм на высшей ступени своего развития начинает развивать индустрию массовой культуры, которая начинает подминать настоящую высокую культуру. Массовая культура призвана скрыть от человека язвы современного общества, отучить его самостоятельно думать. Для борьбы с массовой культурой Т. Адорно предлагал развивать искусство модерна, которое во многом противоположно классическому искусству. Если классическое искусство стремилось воплотить в своих произведениях ценности прекрасного и возвышенного, то искусство модерна должно выпячивать безобразное. Оно должно создавать антипроизведения искусства, которые разрушают себя, вследствие дисгармонии между формой и содержанием.

Еще один представитель франкфуртской школы **Герберт Маркузе** (1898 – 1979) в своих книгах «Эрос и цивилизация» и «Одномерный человек» продолжил критику современного западного общества. Он выделяет три основных принципа жизни, основываясь на идеях З. Фрейда. Это **принцип нирваны** – бездеятельности, покоя. **Принцип реальности**, символом которого является Прометей. Это принцип работы, обязанности. И третий принцип – **принцип удовольствия**. Символом его является легендарный греческий певец Орфей. На Западе, по мысли Г. Маркузе, особенно в протестантских странах, сложилась репрессивная культура, которая подавляет в человеке внутренне стремление к удовольствию, любви, творчеству.

В 20 веке поздний капитализм поднял благосостояние многих людей. Поэтому рабочий класс перестал быть революционным. Он теперь доволен своим положением, интегрирован в систему. На самом деле на Западе нет подлинной демократии, там господствует тоталитаризм. Настолько хорошо развита система манипулирования людьми, что сами люди этого не замечают. Поэтому, что изменить общество надо создать **контркультуру**, противоположную официальной. Нужен «Великий отказ» от ценностей потребления. И нужно делать ставку не на рабочий класс, а на аутсайдеров – социальные группы, которые оказались в униженном положении. Это, по мнению Г. Маркузе – молодежь, студенты, женщины, народы развивающихся стран. Многие идеи Г. Маркузе нашли свое воплощение в ходе молодежного бунта 1960-х годов на Западе. Особенно в событиях студенческой революции в мае 1968 года в Париже.

Русская идея

В этом отношении особый интерес вызывает специфика русской культуры. Это проблематика русской идеи. Куда отнести Россию – к Востоку или к Западу? В чем особенность России и ее культуры? В чем ее предназначение, миссия в мире?

Остро стоит этот вопрос в стихотворении А. Блока «Скифы», написанном в 1918 году:

*Панмонголизм! Хоть имя дико,
Но мне ласкает слух оно.
Владимир Соловьев
Мильоны - вас. Нас - тьмы, и тьмы, и тьмы.
Попробуйте, сразитесь с нами!
Да, скифы - мы! Да, азиаты - мы,
С раскосыми и жадными очами!*

Для вас - века, для нас - единый час.

Мы, как послушные холопы,
Держали щит меж двух враждебных рас
Монголов и Европы!

Века, века ваш старый горн ковал
И заглушал грома' лавины,
И дикой сказкой был для вас провал
И Лиссабона, и Мессины!

Вы сотни лет глядели на Восток,
Копя и плавя наши перлы,
И вы, глумясь, считали только срок,
Когда наставить пушек жерла!

Вот - срок настал. Крылами бьет беда,
И каждый день обиды множит,
И день придет - не будет и следа
От ваших Пестумов, быть может!

О старый мир! Пока ты не погиб,
Пока томишься мукой сладкой,
Остановись, премудрый, как Эдип,
Пред Сфинксом с древнею загадкой!

Россия - Сфинкс! Ликуя и скорбя,
И обливаясь черной кровью,
Она глядит, глядит, глядит в тебя
И с ненавистью, и с любовью!..

Да, так любить, как любит наша кровь,
Никто из вас давно не любит!
Забыли вы, что в мире есть любовь,
Которая и жжет, и губит!

Мы любим всё - и жар холодных числ,
И дар божественных видений,
Нам внятно всё - и острый галльский смысл,
И сумрачный германский гений...

Мы помним всё - парижских улиц ад,
И венецьянские прохлады,
Лимонных роц далекий аромат,
И Кельна дымные громады...

Мы любим плоть - и вкус ее, и цвет,
И душный, смертный плоти запах...
Виновны ль мы, коль хрустнет ваш скелет
В тяжелых, нежных наших лапах?

Привыкли мы, хватая под уздцы
Играющих коней ретивых,
Ломать коням тяжелые крестцы

И усмирять рабынь строптивых...

*Придите к нам! От ужасов войны
Придите в мирные объятия!
Пока не поздно - старый меч в ножны,
Товарищи! Мы станем - братья!*

*А если нет - нам нечего терять,
И нам доступно вероломство!
Века, века - вас будет проклинять
Больное позднее потомство!*

*Мы широко по дебрям и лесам
Перед Европою пригожей
Расступимся! Мы обернемся к вам
Своею азиатской рожей!*

*Идите все, идите на Урал!
Мы очищаем место бою
Стальных машин, где дышит интеграл,
С монгольской дикою ордою!*

*Но сами мы - отныне вам не щит,
Отныне в бой не вступим сами,
Мы поглядим, как смертный бой кипит,
Своими узкими глазами.*

*Не сдвинемся, когда свирепый гунн
В карманах трупов будет шарить,
Жечь города, и в церковь гнать табун,
И мясо белых братьев жарить!..*

*В последний раз - опомнись, старый мир!
На братский пир труда и мира,
В последний раз на светлый братский пир
Сзывает варварская лира!*

Западники

По этой проблеме русские мыслители разделились на две партии, борьба между которыми и в настоящее время весьма остра. Западники считают, что Россия – это часть Европы, а русская культура – часть европейской культуры. Поэтому Россия не должна пытаться искать свой путь в истории. Она должна взять за образец страны Запада. Представители западничества: Петр Яковлевич Чаадаев(1794 – 1856), который написал знаменитое «Философическое письмо», за что был объявлен сумасшедшим. Николай Владимирович Станкевич (1813 – 1840). Александр Иванович Герцен(1812 – 1870). Виссарион Григорьевич Белинский (1811 – 1848)

Славянофилы

Западникам противостояли славянофилы. Они считали, что у России свой путь в истории, свое предназначение, связанное с православием. Они не

отрицали важность освоения культуры Запада, но вместе с тем считали, что с Запада могут идти и вредные для России влияния. Отсюда выражение «гнилой Запад». Представители славянофильства Алексей Степанович Хомяков (1804 – 1860), Иван Васильевич Киреевский (1806 – 1856), Константин Сергеевич Аксаков (1817 – 1860), Юрий Федорович Самарин (1819 – 1976).

Славянофилы считали, что **достоинство русского ума и характера – в стремлении к цельному знанию**. Для русского в отличие от западного человека недостаточно отвлеченной, абстрактной рассудочной истины. Он хочет познавать истину всем своим существом – и умом, и сердцем, и чувствами и интуицией. Русскому человеку нужна конкретная живая истина-правда, по которой можно жить.

В качестве общественного идеала А. С. Хомяков выдвинул идею соборности. **Соборность** – это свободное объединение людей на основе любви, христианской веры.

В России присутствовали также представители и других идейных течений. Видными анархистами (сторонниками уничтожения государства как главного социального зла) были Петр Алексеевич Кропоткин (1842 – 1921), Михаил Александрович Бакунин (1814 – 1876).

Революционные демократы выступали за революционное свержение самодержавия, а некоторые – за особый путь России к социализму на основе крестьянской общины: Александр Иванович Герцен (1812 – 1870), Николай Александрович Добролюбов (1836 – 1861), Александр Иванович Писарев (1849 – 1916). Русские либералы в основном выступали с западнических позиций: Тимофей Николаевич Грановский (1813 -1855), Петр Бернгардович Струве (1870 – 1944).

Евразийство – течение, возникшее в XX веке, считало, что Россия должна стать синтезом русской и туранской культур и противопоставить себя Европе. Евразийцы: Николай Сергеевич Трубецкой (1890 – 1938), Петр Николаевич Савицкий (1895 - 1968), Георгий Васильевич Флоровский (1893 – 1979).

Столкновение цивилизаций

Важным вопросом является вопрос о будущем человеческой цивилизации. Этим занимается дисциплина под названием футурология (наука о будущем). Существует не несколько сценариев развития человечества. Американский мыслитель Самюэль Хантингтон (1927 - 2008) предсказывал столкновение цивилизаций. Прежде всего, оно может произойти между западной, православной, мусульманской и китайской цивилизациями.

В настоящее время на планете доминирует западная цивилизация. Страны с другой культурой испытывают на себе воздействие Запада. Следует различать процессы модернизации и вестернизации. Модернизация означает освоение какой-либо страной лучших достижений науки и техники, цивилизации в широком смысле слова. Вестернизация – это процесс уподобления Западу. Многие страны принимают модернизацию, но отвергают вестернизацию. Например, Иран.

Объединение человечества в братство

Наш русский мыслитель, мистик, поэт Даниил Леонидович Андреев (1906 – 1959) выдвинул другой прогноз на будущее человечества. В своей книге «Роза мира» он утверждает, что цель **всемирной истории – объединение человечества на духовной основе**. Развитие каждой культуры на Земле необходимо для будущей общей культуры объединенного человечества. Каждая культура выполняет в истории какую-то функцию. Так, задачей западной культуры является создание уровня цивилизации, при котором

возможно объединение человечества, а также выработка для этого необходимых морально-правовых норм. ***Миссия русского сверхнарода (всех народов, населяющих Россию) сплочение человечества в братство, преодоление вражды между народами.***

Литература

1. Лосский Н.О. Условия абсолютного добра: Основы этики; Характер русского народа. - М., 1991.
2. Иванов В. Родное и вселенское. - М., 1994.
3. Шубарт В. Европа и душа востока. – М., 2000.

Контрольные вопросы

1. В чем отличие культур Запада и Востока?
2. Что утверждают критики западной культуры?
3. Как решают проблему русской идеи западники?
4. Каковы основные идеи славянофилов?
5. Что утверждает теория С. Хантингтона о будущем человечества?
6. Каковы функции западной и российской культур, по мнению, Д. Андреева?

Задания к семинару № 17 (РАЗДЕЛ 14. ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ, Темы № 51 - 52)

ЗАДАНИЯ К СЕМИНАРСКИМ ЗАНЯТИЯМ

Задания к семинару № 1 (РАЗДЕЛ 1 ПРЕДМЕТ И СПЕЦИФИКА ФИЛОСОФИИ, [Тема № 1](#))

№1. Здесь помещены 4 текста из четырех произведений. Определите, к какому произведению из нижеперечисленных относится каждый текст:

- 1. Вл. Соловьев Критика отвлеченных начал**
- 2. Чжуан-цзы**
- 3. Ветхий Завет. Первая книга Моисеева. Бытие. Глава 1.**
- 4. Гесиод. О происхождении богов. Теогония**

Определите, какой форме мировоззрения – мифологической, религиозной или философской соответствует каждый из этих текстов.

- I
- 1 Сотворение неба и земли, сотворение человека.
 - 1 В начале сотворил Бог небо и землю.
 - 2 Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною; и Дух Божий носился над водою.
 - 3 И сказал Бог: да будет свет. И стал свет.
 - 4 И увидел Бог свет, что он хорош; и отделил Бог свет от тьмы.
 - 5 И назвал Бог свет днем, а тьму ночью. И был вечер, и было утро: день один.
 - 6 И сказал Бог: да будет твердь посреди воды, и да отделяет она воду от воды.
 - 7 И создал Бог твердь; и отделил воду, которая под твердью, от воды, которая над твердью. И стало так. И назвал Бог твердь небом. И был вечер, и было утро: день второй.
 - 9 И сказал Бог: да соберется вода, которая под небом, в одно место, и да явится суша. И стало так.
 - 10 И назвал Бог сушу землею, а собрание вод назвал морями. И увидел Бог, что это хорошо.
 - 11 И сказал Бог: да произрастит земля зелень, траву сеющую семя, дерево плодовитое, приносящее по роду своему плод, в котором семя его на земле. И стало так.
 - 12 И произвела земля зелень, траву, сеющую семя по роду ее, и дерево, приносящее плод, в котором семя его по роду его. И увидел Бог, что это хорошо.
 - 13 И был вечер, и было утро: день третий.
 - 14 И сказал Бог: да будут светила на тверди небесной, для отделения дня от ночи, и для знамений, и времен, и дней, и годов;
 - 15 И да будут они светильниками на тверди небесной, чтобы светить на землю. И стало так.
 - 16 И создал Бог два светила великие: светило большее, для управления днем, и светило меньшее, для управления ночью, и звезды;
 - 17 И поставил их Бог на тверди небесной, чтобы светить на землю,

18 И управлять днем и ночью, и отделять свет от тьмы. И увидел Бог, что это хорошо.

19 И был вечер, и было утро: день четвертый.

20 И сказал Бог: да произведет вода пресмыкающихся, душу живую; и птицы да полетят над землею, по тверди небесной.

21 И сотворил Бог рыб больших и всякую душу животных пресмыкающихся, которых произвела вода, по роду их, и всякую птицу пернатую по роду ее. И увидел Бог, что это хорошо.

22 И благословил их Бог, говоря: плодитесь и размножайтесь, и наполняйте воды в морях, и птицы да размножаются на земле.

23 И был вечер, и было утро: день пятый.

24 И сказал Бог: да произведет земля душу живую по роду ее, скотов, и гадов, и зверей земных по роду их. И стало так.

25 И создал Бог зверей земных по роду их, и скот по роду его, и всех гадов земных по роду их. И увидел Бог, что это хорошо.

26 И сказал Бог: сотворим человека по образу Нашему, по подобию Нашему; и да владычествуют они над рыбами морскими, и над птицами небесными, и над скотом, и над всею землею, и над всеми гадами, пресмыкающимися по земле.

27 И сотворил Бог человека по образу Своему, по образу Божию сотворил его; мужчину и женщину сотворил их.

28 И благословил их Бог, и сказал им Бог: плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю, и обладайте ею, и владычествуйте над рыбами морскими, и над птицами небесными, и над всяким животным, пресмыкающимся по земле.

29 И сказал Бог: вот, Я дал вам всякую траву сеющую семя, какая есть на всей земле, и всякое дерево, у которого плод древесный, сеющий семя: вам сие будет в пищу;

30 А всем зверям земным, и всем птицам небесным, и всякому пресмыкающемуся по земле, в котором душа живая, дал Я всю зелень травную в пищу. И стало так.

31 И увидел Бог все, что Он создал, и вот, хорошо весьма, И был вечер, и было утро: день шестый.

II

Прежде всего во вселенной Хаос зародился, а следом

Широкогрудая Гея, всеобщий приют безопасный,

Сумрачный Тартар, в земных залегающий недрах глубоких,

И, между вечными всеми богами прекраснейший, - Эрос.

Сладкоистомный, - у всех он богов и людей земнородных

Душу в груди покоряет и всех рассужденья лишает.

Черная Ночь и угрюмый Эреб родились из Хаоса.

Ночь же Эфир родила и сияющий День иль Гемеру:

Их зачала она в чреве, с Эребом в любви сочетавшись.

Гея же прежде всего родила себе равное ширью Звездное Небо,

Урана, чтоб точно покрывал ее всюду

И чтобы прочным жилищем служил для богов

всеблаженных;

Горы потом народила, - приятный приют для бессмертных

Нимф, обитающих в чащах нагорных лесов многотенных;

Также еще родила, ни к кому не всходивши на ложе,

Шумное море бесплодное Понт.

А потом, разделивши Ложе с Ураном, на свет Океан породила глубокий,

Коя и Крия, еще - Гипериона и Напета, Фею и Рею, Фемиду великую и Мнемосину,
Златовенчанную Фебу и милую видом Тефию.
После их всех родился, меж детей наиболее ужасный, Крон хитроумный.
Отца многомогущего он ненавидел.

III

Итак, абсолютное есть ничто и все - ничто, поскольку оно не есть что-нибудь, и все, поскольку оно не может быть лишено чего-нибудь. Это сводится к одному и тому же, ибо все, не будучи чем-нибудь, есть ничто, и, с другой стороны, ничто, которое есть (положительное ничто), может быть только всем. Если оно есть ничто, то бытие для него есть другое, и если вместе с тем оно есть начало бытия (как обладающее его положительную силой), то оно есть начало своего другого. Если б абсолютное оставалось только самим собою, исключая свое другое, то это другое было бы его отрицанием, и, следовательно, оно само не было бы уже абсолютным. Другими словами, если б оно утверждало себя только как абсолютное, то именно поэтому и не могло бы им быть, ибо тогда его другое, неабсолютное, было бы вне его как его отрицание или граница, следовательно, оно было бы ограниченным, исключительным и несвободным. Таким образом, для того чтобы быть чем оно есть, оно должно быть противоположным себя самого или единством себя и своего противоположного,

denn Alles muss in Nichts zerfallen

Wenn es im Seyn beharren will.

И все к небытию стремиться,

Чтоб к бытию причастным быть.

Иоганн Вольфганг Гете

Этот верховный логический закон есть только отвлеченное выражение для великого физического и морального факта любви. Любовь есть самоотрицание существа, утверждение им другого, и между тем этим самоотрицанием осуществляется его высшее самоутверждение. Отсутствие самоотрицания, или любви, то есть эгоизм, не есть действительное самоутверждение существа,— это есть только бесплодное, неудовлетворимое стремление или усилие к самоутверждению, вследствие чего эгоизм и есть источник всех страданий; действительное же самоутверждение достигается только в самоотрицании, так что оба эти определения суть необходимо противоположные себя самих. Итак, когда мы говорим, что абсолютное первоначало, по самому определению своему, есть единство себя и своего отрицания, то мы повторяем только в более отвлечённой форме слово великого апостола: Бог есть любовь.

IV

В начале начал было Отсутствие, и не было у него ни свойств, ни имени. Из него появилось Единое. Появилось Единое, но еще не было форм. А то, благодаря чему живут все вещи, называется жизненными свойствами. Когда еще нет форм, уже есть различие. Неизбежное, не допускающее разрывов, зовется Судьбой. Благодаря остановке в движении рождаются вещи. Вещь, осуществившая в себе свой жизненный принцип, зовется Формой. Форма хранит в себе Дух. Каждая форма имеет свои правила, и вместе они зовутся Природой. Кто печется о своей природе, возвращается к жизненной Силе. А кто достиг предела Силы, становится единым с Началом. Становясь едиными, мы опустошаем себя, будучи пустыми, мы становимся великими, а будучи великими, приводим к согласию щебет всех птиц. Согласие всех голосов согласуется с Небом и Землей.

Это согласие столь безыскусно!

Ты кажешься глупцом, ты кажешься помраченным.

Вот что зовется Глубочайшею Силою,

И в ней мы едины с Великим Движением!

Небесный Путь влечет по кругу, не воздвигая преград, и потому все сущее свершает в нем свою судьбу. Путь предков влечет по кругу, не воздвигая преград, и потому весь мир ему покорен. Путь мудрецов влечет по кругу, не воздвигая преград, и потому все живое в пределах морей ему послушно.

Кто прозрел Небо, стяжал мудрость и познал тайну царственных предков, тот в своих действиях неизменно покоен, даже сам того не замечая. Мудрец покоен не потому, что считает покой добродетелью. Он покоен потому, что ничто на свете не заронит тревогу в его сердце. Стоячая вода так покойна, что в ней отразится каждый волосок на нашем лице, и она так ровна, что послужит образцом даже для лучшего плотника. Если вода, будучи покойной, способна так раскрывать природу вещей, то что же говорить о человеческом духе? О, как покойно сердце мудрого! Оно есть ясный образ Неба и Земли, зеркало всех вещей.

№2. I раздел отражает античное мировоззрение, II – средневековый взгляд на мир, III – выражает воззрение философии Нового времени. Попробуйте определить, что наиболее характерно для античной, средневековой и новоевропейской философии? Что лежит в центре их размышлений, на чем они сосредоточены?

I Раздел

1. Все видимое – не для человека, но ради блага целого все возникает и погибнет в (процессе) перехода одного в другое... ни добро, ни зло в смертном не может увеличиться или уменьшиться, и богу нет надобности вносить новые исправления; бог не вносит поправок во вселенную, очищая ее посредством потопа или пожара, он не похож на человека, неудачно построившего или неумело смастерившего что-либо. Помимо того, если тебе что-либо кажется злом, то еще неизвестно, зло ли это; ибо тебе неизвестно, что полезно тебе, или другому, или космосу. Цельс

2. КОСМОС (греч. украшение, порядок), в греческой мифологии и философии начиная с Анаксимандра, Пифагора и Эмпедокла – мировой порядок, мировое целое, которое в отличие от хаоса не только упорядочено, но и прекрасно в силу царящей в нем гармонии.

3. Ибо, восприняв в себя смертные и бессмертные живые существа и пополнившись ими, наш космос стал видимым живым существом, объемлющим все видимое, чувственным богом, образом бога умопостигаемого, величайшим и наилучшим, прекраснейшим и совершеннейшим, однородным небом. Платон

4. Сократ. Не скажем ли мы, что в нашем теле есть душа?

Протарх. Ясно, что скажем.

Сократ. Откуда же, дорогой Протарх, оно взяло бы ее, если бы тело Вселенной не было одушевлено, заключая в себе то же самое, что содержится в нашем теле, но, сверх того, во всех отношениях более прекрасное?

Протарх. Ясно, что больше взять ее неоткуда, Сократ. Платон

5. Так, через распрю управляется все всегда,

Из Всего – все вещи, и из всех вещей – Все,

Все вещи – одно, каждая – часть Целого, все в одном:

Ибо все эти-вот вещи возникли из некогда единого Целого,

А из всех вещей некогда, в predetermined время, снова будет одно,

Вечно сущее одним и многим, причем их невозможно увидеть одновременно.

Много раз будет повторяться одно и тоже, и никогда не наступит конец.
Жизнь сопряжена с мучительными страданиями и сонмом смертельных напастей.

Так бессмертная смерть осеняет все окрест.

Человек и все тленное умирает, а бытие

Будет неуничтожимым и сущим всегда, поскольку оно таково.

Оно будет изменяться лишь всевозможными кажущимися обличьями и очертаниями формы,

Скрываясь от взора всех смертных. Лин

II Раздел

1. Так как благой и преблагой Бог не удовольствовался созерцанием Себя Самого, но по преизбытку благодати Своей благоволил, чтобы произошло нечто, пользующееся Его благодеяниями и причастное Его благодати, - то Он приводит из несущего в бытие, и созидает все как видимое, так и невидимое, также и человека, состоящего из видимого и невидимого. Он творит мыслью, и эта мысль, приводимая в исполнение словом и совершаемая духом, становится делом. Св. Иоанн Дамаскин

2. Да! Меня не было бы, Боже мой; я вовсе не существовал бы, если бы ты не был во мне или, точнее, я не существовал бы, если бы не был в тебе, из которого все, в котором все. Августин Блаженный

3. В любознательности нам нет нужды после Иисуса Христа, а в поисках истины после Евангелия. Раз мы верим (во что-то), то не желаем верить ничему сверх этого: ибо в это мы верим прежде всего. И нет ничего более, во что мы должны были поверить. Тертуллиан

4. Я желаю знать Бога и душу... более ничего? – Решительно ничего. Августин Блаженный

III Раздел

1. Итак, какое соединение членов, какое расположение линий, какой облик могут быть в действительности или в помыслах более прекрасными, чем человеческие!...о том, сколь велика и блестяща его сила, свидетельствуют многие великие и блестящие деяния человека и орудия, чудесным образом изобретенные и освоенные...бог сделал человека прекраснейшим, благороднейшим, мудрейшим, сильнейшим, и, наконец, могущественнейшим. Джанноцци Манетти

2. Последним пределом, высшей целью всего человеческого развития, является свобода... Таким образом, то, что мы называем человеческим миром, не имеет другого непосредственного творца, кроме человека, который создает его, отвоевывая шаг за шагом от внешнего мира и от своей собственной животности свою свободу и человеческое достоинство. Михаил Александрович Бакунин

3. Итак, отбросив все то, относительно чего мы можем каким-то образом сомневаться, и, более того, воображая все эти вещи ложными, мы с легкостью предполагаем, что никакого Бога нет и нет ни неба, ни каких-либо тел, что сами мы не имеем ни рук, ни ног, ни какого бы то ни было тела; однако не может быть, чтобы в силу всего этого мы, думающие таким образом, были ничем: ведь полагать, что мыслящая вещь в то самое время, как она мыслит, не существует, будет явным противоречием. А посему положение Я мыслю, следовательно, я существую – первичное и достовернейшее из всех, какие могут представиться кому-либо в ходе философствования. Рене Декарт

4. Я ничто не в смысле пустоты: я творческое ничто, из которого я сам как творец все создам...

Мое же дело не божественное и не человеческое, не дело истины и добра, справедливости, свободы и т. д., это исключительно мое, и это дело, не общее, а единственное – так же как и я – единственный.

Для Меня нет ничего выше Меня. Макс Штирнер

№3. В чем заключается сходство и различие между философией и наукой?

Матвей Моисеевич Рубинштейн «Основная задача философии». Расширив понятие науки, мы можем, таким образом, определить науку как самодовлеющее искание истинных знаний, устанавливаемых в систематической общеобязательной доказательной форме в исследованиях, проводимых с определенной точки зрения и по определенному, логически оправданному методу. Бескорыстное стремление к истине, объективности, определенный основной принцип рассмотрения предмета, метод и система - вот те признаки, которыми наиболее общо определяется наука, хотя уже признак бескорыстия вызвал и вызывает целый ряд возражений, так как он угрожает лишить достоинства науки целый ряд прикладных ветвей знания.

Если мы остановимся на приведенных нами чисто формальных признаках, то философия обладает всеми бесспорными правами на достоинство науки. Она, пожалуй, даже более, чем какая-либо иная наука, живет идеей истины, принципиальности, объективности, метода и системы, и этим она резко отделена от непосредственной жизни и от художественного творчества, с которыми были попытки сроднить ее. Вся ее в особенности позднейшая история указывает не только на тяготение философии к науке, но в наш век она питалась наукой и ее задачами в их основоположениях, расплачиваясь за это утратой интереса ко многим своим кровным задачам. Но у нее есть целый ряд свойств, и притом таких свойств, которые далеки от второстепенного значения и которые заставляют подчеркнуть, что философия вовсе не исчерпывается предикатом [признаком] науки в обычном смысле этого слова...

В то время как науки дробят действительность, отвлекаются от целого и берут часть, они, без сомнения, становятся отвлеченными; известный, хотя бы условный, род фикции, в виде ли мнимой неподвижности, или изоляции, или фиктивного объединения и т. д., заключается в самой их сущности, разрознивающей действительность, разделяя ее на части или изолируя одну точку зрения: философия же жизненно заинтересована в цельности, полноте и потому должна быть противопоставлена науке как учение о живой полноте, как учение в этом смысле по преимуществу конкретное.

Именно потому философия не мирится с положением специальной науки среди других, а, несмотря на тягостные недоразумения, может смело претендовать на трон, принадлежащий ей по традиции. Она именно потому может дать больше науки в обычном смысле, что она в глубине своей вырывает нас из пучины житейских и научных частных и мелочей и из скованности отдельными областями. Великое «удивление» обозначает пробуждение духа философа перед миром, это падение власти частных и отвлеченности, когда человеческому духу впервые открывается перспектива бесконечности целого, возможность устремиться к пониманию его, а это значит не только познать его умом, но открыть многое и чувству и воле. Особое положение философии подчеркивается и ее взаимоотношением со всеми отдельными науками. Входя в них своими отдельными ветвями и находясь с ними в кровном родстве в целом ряде направлений, она вместе с тем не уместается в их рядах уже потому, что она должна обосновать те принципиальные основы, которые предполагаются

отдельными науками; она должна стоять над ними как теория основоположений, как наукоучение, но она не только наукоучение...

И вот именно потому философия не есть только учет действительности, как бы мы широко ни истолковывали это понятие; в противоположность науке она не только психологически - в жизни автора и читателя, - но и сама по себе является, как нечто конкретное, особой сферой жизни, культурного созидания. Она не исчерпывается и не удовлетворяется тем, что есть и что действительно: она сама стремится творить действительность и обогащать фактический мир. Было бы несправедливо и нежизненно изолировать одну сторону ее жизни от другой, как это нередко делается теперь некоторыми писателями. В горделиво самоуверенном заявлении метафизика в ответ на речи о противоречащих его теории фактах «тем хуже для фактов» не все анекдотично и курьезно; в нем кроется глубокая черточка правды, голос сознания, что философия не исчерпывается одними фактами и не должна становиться их рабой. Об этом царственном положении философии и говорит то, что в ее ведении оказываются все сферы должного, все сферы абсолютных ценностей человеческой мысли.

Философия должна вспомнить о смысле своего многообязательного названия: она должна выявить мудрость, она не исчерпывается основоположениями наук, она должна быть конкретна, в то время как все науки в узком смысле отвлеченны; она есть учение о мирозерцании - не только о формальных основах его, но она есть одетое в плоть и кровь мысли и чувства мирозерцание **само**, созерцание мира во всей его полноте фактического, и творимого и должного-идеального. Этим и объясняется та роль, какую играло и играет понятие Бога и веры в философских учениях прошлого и настоящего и, без сомнения, будет всегда играть в построениях будущего...

Все это приводит нас к пониманию философии как учения о мире в широком смысле этого слова; она есть само мирозерцание, проводимое теоретически по определенному методу в направлении на единую, цельную, общеобязательную систему. В центре этого учения должно стоять жизнепонимание... Вопросы о мире и жизни людей и те же вопросы специалистов-философов - философствование простого человека и творца системы различны не в сути, а в том, каким путем мысль обоих идет к одной и той же великой цели: первый идет ощупью, бездоказательно и бессистемно, путаясь без определенного метода; второй не исключает индивидуальности, чутья и прозрения, но он приходит к ним на помощь во всеоружии метода и системы...

Таким образом, для философии есть только один жизненный путь: это - мудрость, учение о мире и жизни во всей их широте. Именно потому в философии так велика роль и ценность убеждения, потому что она обращается ко всем сторонам человека и говорит о всей мировой и жизненной полноте: шаблонное понятие правильности и истинности уже не может вместить всей ее глубины...

Философия поэтому всегда захватывает нас с непосредственно жизненной стороны и насыщает теплом или отталкивает своей личной и жизненной неприемлемостью для нас. Именно потому и оказывается возможным аргументировать в ней «за» и «против» указанием на удовлетворение или неудовлетворение интимнейших запросов человеческой души, - не только теоретического духа, но и воли и чувства и всей полноты личности. Философская правда есть всегда не просто объективная истина, но и субъективно приемлемое положение.

№4. Определите, о каких функциях философии идет речь в данных высказываниях:

1. Мирза Галиб.

Весь мир проверь своею мыслью строгою –
Проверь свои поступки и дела.
Смотри, чтоб жизнь, как нищенка убогая,
Бесцельно и никчемно не прошла.

2. Иван Ильин. Философия рождается в жизни и от жизни, как ее необходимое и зрелое проявление; не от быта и не от животного существования, но от жизни духа, от его страдания, созерцания и жажды. И, рожденная духом, ищущая знания, она восходит к его зрелой и совершенной форме - к сознательной мысли, с ее ясностью, систематичностью и доказательностью. Философствовать значит воистину жить и мыслью освещать и преображать сущность подлинной жизни. Естественно, что философия чужда и недоступна тем, кто не знает или не чувствует различия между бытом и духом, кто исчерпывает свою жизнь бытовыми содержаниями или отдает ее на служение технике быта. Для таких людей «не существует» ни того задания, которое движет философию, ни того предмета, который она созерцает, ни того измерения, в котором она движется и раскрывается...

3. Хосе Ортега-и-Гассет. Философствованию больше соответствует не тягостная серьезность жизни, а алкионическая жизнерадостность спорта, игры.

4. Мориц Шлик. Наконец, если внутри уже установившейся науки в какой-то момент возникает вдруг необходимость заново поразмыслить над истинным смыслом фундаментальных понятий и в результате достигается более глубокое понимание их смысла, это сразу же считается выдающимся философским достижением. Все согласны, например, что работа Эйнштейна, направленная на анализ смысла утверждений о времени и пространстве, была философским достижением. Здесь мы должны добавить, что решающие и эпохальные шаги в науке всегда имеют такой характер; они предполагают прояснение смысла фундаментальных утверждений, и только те достигают в них успеха, кто способен к философской деятельности. Великий исследователь - всегда философ.

5. Александр Койре. Итак, история научной мысли учит нас (по крайней мере я попытаюсь это показать), что:

а) научная мысль никогда не была полностью отделена от философской мысли;

б) великие научные революции всегда определялись катастрофой или изменением философских концепций;

в) научная мысль - речь идет о физических науках - развивалась не в вакууме; это развитие всегда происходило в рамках определенных идей, фундаментальных принципов, наделенных аксиоматической очевидностью, которые, как правило, считались принадлежащими собственно философии.

6. Хосе Ортега-и-Гассет. Философия не должна доказывать истину на примере жизни, напротив, она должна доказывать истину для того, чтобы наша жизнь обрела подлинность.

7. Борис Валентинович Яковенко. Обе великих революции новейшей исторической эпохи, французская и русская, были несомненно и очевидно движимы и озарены определенными концепциями мира и жизни, на почве которых только и могла возникнуть и разлиться широким морем беспощадная, духовно-политико-социальная критика, приведшая к перевороту, и вырасти те запросы и требования, которые воплотились в пришедших на смену старого устройствах.

8. Мераб Мамардашвили. Но при этом не должен исчезать изначальный жизненный смысл философии как таковой, с ее отвлеченным языком, создающим пространство, в котором воссоздается мыслящий. Воссоздается личность, способная самостоятельно думать, принимать решения и т.д. То есть, другими словами, воссоздается классическая мужественная душа, способная держать

невозможную, над необратимой реальностью невластную, но тем не менее мыслимую мысль.

9. Борис Валентинович Яковенко. Государство тоже совершенно чужеродно философии, являясь определением волевым и практическим; но и оно насквозь пронизано и пропитано философской мыслью; особенно явственно в крупных, глубоких, радикальных самопроявлениях своих, захватывающих и определяющих собою целые эпохи и целые народы, даже общества народов. Любой исторический пример может продемонстрировать это с исчерпывающей очевидностью. Афины и Спарта в Древней Греции, великая Римская империя, теократическое государство средних веков, абсолютная монархия нового времени, буржуазно-демократическая республика XIX столетия - все они были не чем иным, как политико-социальным, междучеловеческим выражением и воплощением каждый раз особого мировоззрения, проведением в конкретную жизнь каждый раз особого «смысла». Совершенно ясна, наглядна идеологическая, миросозерцательная природа нынешнего российского государственного строя, проходящая красной нитью через все акты Советского правительства, как ясна и наглядна была миросозерцательная же подоплека недавнего российского самодержавия, которою оно только и держалось на протяжении столь долгого времени в умах, сердцах и душах русских людей..

10. Эпикур. Во всех занятиях плод с трудом приходит по окончании их, а в философии рядом с познанием бежит удовольствие: не после изучения бывает наслаждение, а одновременно бывает изучение и наслаждение.

Задания к семинару № 2 (РАЗДЕЛ « ОБЩАЯ ОНТОЛОГИЯ, [Тема № 2](#) Проблема бытия в философии)

№1. Какая общая мысль содержится в этих текстах? Как она обосновывается, доказывается разными авторами? Правильна ли их аргументация? Попробуйте ее опровергнуть.

Иоганн Готлиб Фихте. Я говорю: подлинное и истинное бытие не становится, не возникает, не происходит из небытия. Ибо всему становящемуся вы принуждены предпослать нечто существующее, силою которого это первое становится. Если же теперь это второе сущее вы захотели бы представить себе в свою очередь возникшим в некий прежде бывший момент времени, то должны и для него предположить третье сущее, силою которого оно стало: а если и это третье вы представите себе возникшим, то – предпослать ему некое четвертое сущее и так далее до бесконечности. В конечном счете, вы всегда вынуждены будете допустить бытие, которое не возникло и которое именно поэтому не нуждается для своего бытия ни в чем другом, но существует абсолютно через себя самого, по себе и из себя самого. В этом бытии, к которому ведь вы должны будете взойти однажды от всего ставшего, вам надо теперь, согласно моему требованию, установиться уже с самого начала; а тогда-то, если только вы совершили вместе со мною требуемую мысль, вам и станет очевидно, что подлинное бытие вы можете мыслить лишь как бытие по себе самому, из себя самого, через себя самого.

Василий Васильевич Розанов. Вещи существуют, когда соединяются с существованием... Так, если существование не первоначально, то была какая-то причина, некогда породившая его; но для того, чтобы породить следствие, действительно существующее (каково пребывание), эта причина должна была сама существовать, т.е. уже заключать себе существование; откуда следует, что существование не могло быть позднее своей причины...

Это чистое существование, изучение которого мы выделяем в особую форму науки, общее, первоначальное и неуничтожимое Космоса; потому что и тогда, когда он не появился еще, уже было существование того, что потом вызвало его к бытию; и тогда, когда исчезнет он в наблюдаемых формах своих, останется еще существование того, что уничтожило его; только тогда, когда исчезнет самое существование, не останется уже ничего, – не будет даже пустоты, не будет этого самого ничего. Правда, существует всегда что-нибудь; но это существующее изменяется, тогда как само существование остается неизменно. Следовательно, существование не нужно смешивать с существующим; оно не то же, что это последнее отлично и отдельно от него, хотя и является всегда вместе с ним. Вещи существуют, когда соединяются с существованием но, чтобы понять, что это такое, что они существуют, – необходимо понять предварительно, что такое самое существование рассматриваемое вне соединения с вещами, которым оно придает действительность...

Существование нам представляется более общим и более неподвижным, чем существующие вещи; представляется неизменным, когда они изменяются, – и потому отдельным от них. Рассмотрим их соотношение и кажущуюся неразрывную связь: есть существование и есть существующая вещь; находится ли первое во второй, как только свойство присущее ей? Пусть вещь изменилась во всем, даже, в сущности, – существование ее осталось неизменным; пусть она разложилась на невидимые элементы – осталось неизменно существование этих элементов и промежутков между ними; пусть исчезнут самые элементы – остается существование пустоты, образовавшейся из слитых в одно промежутков; пусть в пустоте появится что-либо вновь – будет существование появившегося. Словом, невозможно уничтожение существования – оно вечно, хотя вещи появляются и уничтожаются; следовательно, не оно в вещах, но вещи в нем; они то погружаются в него, то выходят из него, то изменяются в нем; само же оно стоит неподвижно. Вот почему... есть вне существующих вещей существование, независимое от этих вещей, как другое высшее условие их бытия, как вечная возможность их временного пребывания.

Иосиф Левин. Необходимость бытия как раз и заключается в том, что мысленное отрицание его приводит к противоречию. Ибо если я утверждаю: «бытия нет», – я тем самым утверждаю что-то, т.е. какое-то обстоятельство, т.е. опять-таки нечто, что есть, т.е. бытие как обстояние какого-то обстоятельства...

Но что такое бытие? Это не сущее, ни одна существующая вещь, ни одно существующее существо и не совокупность вещей и существ. Ибо нет ни одной вещи, ни одного существа, которые были бы необходимы – в том смысле, в каком необходимым – как мы видели – является бытие. Бытие – отглагольное существительное от «быть». Оно так же относится к «быть» как шитье (т.е. процесс шитья) к «шить», стучание к «стучать», лежание к «лежать». Другими словами, это не вещь, а скорее процесс, или, лучше, состояние: состояние вещи, в силу которого она есть, состояние факта, в силу которого он «обстоит». То, в силу чего все, что есть – есть... Если бытие есть, но тоже относится к сущему, но оно такое сущее, которому причастно все что есть, но которое как бытие отлично от всего, что есть. К тому же оно единственное сущее, являющееся необходимым. Далее, поскольку мы берем бытие в аспекте сущего, т.е. поскольку оно само есть, то это уже само Бытие как таковое, а не бытие того или иного предмета. В то же время это есть бытие во всех его модусах – необходимости для разума, целесообразности или жизни, и, наконец, сознания, духа, личности...

Существенным свойством бытия является рефлексивность [обращенность на себя, самоприменимость]. Само бытие - есть, причем бытие бытия – это тоже

бытие и т.д. до бесконечности. Сколько бы мы ни сделали шагов в этом направлении, мы все же остаемся на том же самом месте, не двинувшись ни на шаг в глубь бытия. В понятии бытия мы достигли бытия и дальше двигаться некуда...

Если бытие как таковое необходимо, то бытие каждой отдельной вещи или даже совокупности всех вещей и всей вселенной не необходимо и, более того, содержит значительный элемент случайности. Ибо нет такой вещи, которую мы не могли бы, без всякого противоречия, помыслить несуществующей. Бытие – есть бытие чего-либо, но не существует никакого необходимого «чего-либо», кроме самого Бытия...

Даже если считать, что бытие - это необходимо бытие чего-либо, – то, что это – бытие именно того, а не иного, уже не необходимо, а в некотором смысле случайно.

№2. Определите, приверженцу какого направления (материализм, объективный идеализм, субъективный идеализм, религиозно-мистическая философия) принадлежат следующие высказывания:

1. Поль Анри Гольбах. Вселенная, это колоссальное соединение всего существующего, повсюду являет нам лишь материю и движение. Ее совокупность раскрывает перед нами лишь необъятную и непрерывную цепь причин и следствий. Некоторые из этих причин нам известны, ибо они непосредственно воздействуют на наши чувства. Другие нам не известны, потому что действуют на нас лишь посредством следствий, часто очень удаленных от своих первопричин. Разнообразнейшие вещества, сочетаясь на тысячи ладов, непрерывно получают и сообщают друг другу различные движения. Различные свойства веществ, их различные сочетания и разнообразные способы действия, являющиеся необходимыми следствиями этих свойств и сочетаний, составляют для нас сущность всех явлений бытия, и от различия этих сущностей зависят различные порядки, ряды или системы, в которые входят эти явления, в совокупности составляющие то, что мы называем природой.

2. Джордж Беркли. Некоторые истины столь близки и очевидны для ума, что стоит лишь открыть глаза, чтобы их увидеть. Такой я считаю ту важную истину, что весь небесный хор и все убранство земли, одним словом, все вещи, составляющие Вселенную, не имеют существования вне духа; что их бытие состоит в том, чтобы быть воспринимаемыми или познаваемыми; что, следовательно, поскольку они в действительности не восприняты мной или не существуют в моем уме или уме какого-либо другого сотворенного духа, они либо вовсе не имеют существования, либо существуют в уме какого-либо вечного духа и что совершенно немислимо и включает в себе все нелепости абстрагирования приписывать хоть малейшей части их существование независимо от духа.

3. Владимир Соловьев. Сверхчувственная сторона бытия раскрыла ему [греческому гению] свое мысленное содержание, и вместо нирваны выступил Космос вечных умопостигаемых сущностей – идей (у платоников) или организм всеобщего разума (у стоиков)... – то, что есть обманчивое явление для чувств и для чувственности, содержит в себе для ума «отпечаток идеи», по Платону, или «семя разума», по стоическому учению («семенные понятия»). Отсюда в человеческой жизни противоположение между тем, что сообразно идее и согласно с разумом, и тем, что противоречит идеальной норме.

4. Николай Кузанский. Бог есть абсолютная максимальность и, значит, единство, которое абсолютно предваряет и единит любые различия и противоположности, скажем, неопосредуемые противоречия. Он есть абсолютно

во всех вещах все то, что они суть: абсолютное первоначало, конечная цель и бытие.

5. Артур Шопенгауэр. Удел львов требует львиности, которая во времени предстает как некий бессмертный лев, живущий за счет непрестанно воспроизводящихся индивидов, их рождение и смерть не что иное, как биение пульса этого непреходящего льва».

6. Александр Скрябин. Я есмь, и ничего вне меня. Я ничто, я все, я единое и в нем единообразное множество. Я жить хочу. Я трепет жизни, я желанье, я мечта. Я создаю мир игрою своего настроения, своей улыбкой, своим вздохом, лаской, гневом, надеждой, сомнением... Я – это играющий Хаос, танцующая Бездна.

7. Плотин. Пусть люди, зачарованные здешним миром, его мощью, красотой, упорядоченностью непрерывного движения, богами видимыми и невидимыми, в нем обитающими, демонами, деревьями и животными, вознесутся мыслью к Реальности, ибо все это лишь ее отражение. И увидят они там умопостигаемые формы, не заемные у вечности, но истинно вечные, и узрят ее предводителя, чистый Ум, и недостижимую Мудрость, и истинный век Хроноса, чье имя Полнота. Все бессмертные вещи в нем. Всякий ум, всякий бог и всякая душа. Он везде, зачем ему куда-то идти? Он счастлив, для чего ему перемены, превратности? И то, что потом он обрел, было у него вначале. Все ему принадлежит в единой вечности - той вечности, которой вторит время, кружа вокруг души, всегда бегущей от прошлого, всегда стремящейся в будущее.

8. Марк Твен «Таинственный незнакомец». Нет тела твоего, нет крови твоей, нет костей твоих - есть только мысль. И меня тоже нет. Я всего только сон, я рожден твоим воображением. Стоит тебе понять это до конца и изгнать меня из твоих видений - я тотчас растворюсь в пустоте, из которой ты вызвал меня... Вот я уже гибну, я кончаюсь, я ухожу прочь. Сейчас ты останешься один навек в необъятном пространстве и будешь бродить по его бескрайним пустыням без товарища, без друга, потому что ты - только мысль, единственная мысль на свете, и никому не дано ни разрушить эту одинокую мысль, ни истребить ее. А я лишь покорный слуга твой, я дал тебе познать себя, дал обрести свободу. Пусть тебе снятся теперь иные, лучшие сны. Странно! Как странно, что ты не понял этого уже давным-давно, сто лет назад, тысячи лет назад, не понимал все время, что существуешь один-единственный в вечности.

9. Поль Анри Гольбах. Итак, если нас спросят, откуда явилась материя, мы ответим, что она существовала всегда. Если спросят, откуда у материи появилось движение, мы ответим, что по тем же основаниям она должна была двигаться вечно, так как движение – необходимый результат ее существования, сущности и таких первоначальных свойств, как протяжение, вес, непроницаемость, фигура и т.д.

10. Николай Кузанский. Бог выше ничто и нечто, потому что ничто повинуетя ему, превращаясь в нечто. Таково его всемогущество; этим всемогуществом он превосходит все существующее и несуществующее, и то, чего нет, повинуетя ему так же, как то, что есть. По его велению небытие переходит в бытие, а бытие переходит в небытие, и ничто – в числе подчиненных вещей, которым предшествует его всемогущество. По этой причине нельзя говорить, что бог есть скорее это, чем то: все от него.

№3. Какова основная мысль Парменида? Что он утверждает о бытии и небытии? Что общего между взглядами Парменида и Нагарджуны?

Парменид О природе. Должно тебе все узнать: и недрожашее сердце хорошо закругленной Истины, и мнения смертных, в коих не заключается подлинной достоверности. Но, во всяком случае, узнаешь ты и то, в каком виде должны предстать кажущиеся явления при всестороннем проведении единой гипотезы. Не вращай бесцельно глазами, не слушай, ушами, в которых раздается (только) шум, и не болтай (праздно) языком, но разумом исследуй высказанное мною доказательство. Остается лишь отважиться (вступить на новый) путь...

Итак, если угодно, я скажу (ты же внимательно выслушай мою речь), какие пути исследования единственно мыслимы. Первый (путь исследования заключается в том), что (бытие) есть и не может не существовать. Это - путь (богини) Убеждения, ибо он следует за Истиной. Другой путь: есть небытие и (это) небытие необходимо существует. Последний путь (объявляю я тебе) совершенно непригоден для познания. Ибо небытие невозможно ни познать (ведь оно непостижимо), ни высказать. Должно говорить и мыслить, что (только) бытие существует. Ибо бытие есть, небытия же нет. Я повелеваю тебе (хорошенько) обдумать это.

Остается еще только сказать о пути (исследования, признающем), что (только бытие) есть. На этом пути находится весьма много признаков, указывающих, что сущее не возникло и не подвержено гибели, что оно закончено в себе, однородно, неподвижно и не имеет конца. Оно никогда не существовало и не будет существовать, так как оно (всегда) находится в настоящем целиком во всей своей совокупности, единое и непрерывное, ибо какое начало станешь искать для него? Как и откуда ему вырасти? Я не позволю тебе ни говорить, ни мыслить, чтобы (оно могло возникнуть) из небытия. Ибо несуществование бытия невыразимо (в словах) и непредставимо в мысли. Да и какая нужда могла бы его заставить раньше или позже родиться, если вначале оно было ничем (его вовсе не было)? Таким образом оно должно или подлинно существовать или вовсе не существовать.

Равным образом (логическая) сила доказательства никогда не позволит (признать), чтобы из небытия возникало что-нибудь иное по сравнению с ним самим. Поэтому Правда не выпустила из своих оков рождения и смерти, но (крепко) держит их. Решение же нашего вопроса сводится к следующей (альтернативе): бытие или небытие? Но, разумеется, (нами уже) решено, как (диктует) необходимость... (вступить) на... путь, который существует и (притом) истинно существует. Каким же образом сущее могло бы существовать в будущем и каким образом оно могло бы (когда-либо) возникнуть? Ведь оно не обладает (истинным) бытием, если оно возникло или если ему некогда предстоит существовать. Таким образом, возникновение погасло, и гибель пропала без вести.

Равным образом (бытие) неделимо, так как оно все однородно; и нигде (не оказывается бытие) ни чуточку больше, ни чуточку меньше, (чем в другом месте), что могло бы препятствовать его связности, но все (в одинаковой мере) наполнено бытием. Поэтому все оно непрерывно. Ведь бытие плотно примыкает к бытию. А лежит оно неподвижно в пределах великих оков, не имея ни начала, ни конца, так как возникновение и гибель откинута от него весьма далеко истиной (логического) доказательства. И пребывая само по себе (неизменно) одним и тем же, оно покоится в одном и том же положении и таким образом остается неизменно на том же самом месте. Ибо могучая Необходимость держит его в оковах границы, охватывающей его со всех сторон. Поэтому бытие не может быть бесконечным. Ведь оно не имеет (ни в чем) недостатка. А если бы у него не было (конца), то ему недоставало бы всего.

Одно и то же мысль и то, на что мысль устремляется. Ибо нельзя отыскать мысли без бытия, в котором осуществлена (эта мысль). Ведь не существует и не будет существовать ничего другого, кроме бытия, так как Судьба связала бытие с законченностью в себе и неподвижностью. Поэтому пустым звуком будет все то, существование чего согласно своему убеждению сочли истинным смертные, (а именно): возникновение и гибель, бытие совместно с небытием, перемена места и меняющийся, бросающийся в глаза цвет.

Но так как есть последний предел, то (бытие) ограничено со всех сторон; оно - подобно массе совершенно правильного шара, повсюду равноотстоящей от центра. И, в самом деле, бытия не может быть ни чуточку больше, ни чуточку меньше в одном месте, нежели в другом. Ибо нет ничего, что преграждало бы ему доступ к такому же (бытию), и невозможно, чтобы бытие было то больше, то меньше бытия, так как оно все ненаруσιμο. Ведь (центр), равно отстоящий отовсюду, находится в одинаковом отношении ко (всем своим) границам.

Нагарджуна «Драгоценные строфы наставления царю».

Учение о бессмертии, провозглашенное буддами,

Состоит в том, что мир подобен мареву [миражу].

К примеру, в мареве вполне могут привидеться

Рождение и смерть слона,

Хотя с точки зрения высшей реальности

Никакого такого рождения и смерти нет.

Точно так же могут привидеться возникновение

И гибель мира, подобного мареву,

Хотя с точки зрения наивысшей истины

Нет ни рождения, ни смерти.

Как слон из марева не приходит откуда-то и не идет куда-то

И нигде не пребывает в качестве существующего,

Ибо [видение объясняется]

Всего лишь помрачением сознания,

Точно так же подобный мареву мир

Ниоткуда не возникает, никуда не исчезает

И нигде не пребывает в качестве существующего,

Ибо [видение объясняется] всего лишь помрачением сознания.

№4. Определите, какие тексты соответствуют монистическому, какие – дуалистическому, какие – плюралистическому взгляду на мир:

1. Жан Поль Сартр «Тошнота». И вдруг «я» начинает тускнеть, все больше и больше — кончено: оно угасло совсем. Среди стен домов остается сознание, трезвое, неподвижное, опустошенное, оно само себя воспроизводит. Оно стало необитаемым. Еще недавно кто-то говорил: «я», кто-то говорил: «мое сознание». Кто же это? Раньше во вне находились говорящие улицы со знакомыми запахами и красками. Теперь остались безымянные стены, безымянное сознание. Итак, в наличии: стены домов и между ними малюсенькая, живая и безликая прозрачность. Сознание существует как дерево, как былинка. Оно дремлет, ему скучно. Маленькие мимолетные существования поселяются в нем, как птицы на ветках. Поселятся, а потом исчезнут. Забытое, заброшенное - среди домов под серым, пасмурным небом сознание. А смысл его существования вот в чем: оно сознает, что оно лишнее. Оно разжижается, распыляется, тщится затеряться на темной стене, возле фонаря или там, дальше, в вечерней дымке. Но забыться ему

не удастся НИКОГДА; оно сознает, что оно сознание, которое пытается забыться. Такова его участь.

2. Лейбниц «Монадология» И как один и тот же город, если смотреть на него с разных сторон, кажется совершенно иным и как бы перспективно умноженным, таким точно образом вследствие бесконечного множества простых субстанций существует как бы столько же различных универсумов, которые, однако, суть только перспективы одного и того же соответственно различным точкам зрения каждой монады[души].

3. Фридрих Энгельс «Анти-Дюринг». Единство мира состоит не в его бытии, хотя его бытие есть предпосылка его единства, ибо сначала мир должен существовать, прежде чем он может быть единым. Бытие есть вообще открытый вопрос, начиная с той границы, где прекращается наше поле зрения. Действительное единство мира состоит в его материальности, а эта последняя доказывается не парой фокуснических фраз, а длинным и трудным развитием философии и естествознания...

Уверенность, что кроме материального мира не существует еще особого духовного мира, есть результат длительного и трудного исследования реального мира, у compris [включая сюда] также и исследование продуктов и процессов человеческого мозга.

4. Свами Вивекананда «Жнана – йога». Идея об отдельности, как между одним атомом и другим, – истинная причина всех несчастий в мире и, согласно веданте, неверна, не имеет под собой почвы. Эта отдельность только кажущаяся, только поверхностная. В сущности вещей есть только единство. Если вы направите ваше исследование внутрь, то найдете единство между человеком и человеком, женщиной и ребенком, племенем и племенем, между высоким и низким, бедным и богатым. Богом и человеком. Заглянув достаточно глубоко, вы увидите, что все это, и даже животные, – Одно. Тот, кто достиг способности так видеть, больше недоступен заблуждению. Он постиг бесконечное Единство, которое в теологии называется Богом. Какое может быть для него заблуждение? Что может его обмануть? Он знает истинную природу всех вещей. Он проник в самую сокровенную тайну бытия. Какие могут быть для него страдания? Чего он может желать? Он проследил все до Бога, до центра, до единства, из которого все происходит, и нашел, что Господь должен быть вечным Существованием. Для него нет более ни смерти, ни болезни, ни печали, ни страдания, ни недовольства, но все – совершенное единство и полное блаженство. На что он может сетовать? В действительности, нет смерти, нет страданий. В центре, в сущности вещей нет ничего, о чем бы кто-нибудь мог печалиться и плакать. Потому что все вещи проникает Он – Единый Чистый, Бесформенный, Бестелесный, Беспорочный, Он – Всезнающий, Он – Великий Источник, Само-Существование, Воздающий каждому по его заслугам. Те воистину бродят ощупью в темноте, кто поклоняется неразумному миру, созданному нашим невежеством. Те, кто поклоняется этому миру, думая, что он так же действителен, как и То Существование, бродят в темноте; те же, что всю свою жизнь живут, не находя ничего лучше и выше, чем этот мир, бродят в еще большей тьме.

5. Рене Декарт «Первоначала философии». Каждой субстанции присущ один главный атрибут, как мышление – уму, а протяженность – телу. И хотя субстанция познается на основании любого атрибута, однако каждой субстанции присуще какое-то одно главное свойство, образующее ее природу и сущность, причем с этим свойством связаны все остальные. А именно, протяженность в длину, ширину и глубину образует природу телесной субстанции, мышление же образует природу субстанции мыслящей... Итак, мы способны иметь два ясных и отчетливых понятия, или две идеи: одну – сотворенной мыслящей субстанции,

другую – субстанции телесной, а именно если мы будем строго отличать все атрибуты мышления от атрибутов протяженности.

6. Уильям Джеймс «Прагматизм». Мир, в котором мы живем, существует как нечто рассеянное, разбросанное: он представляется нам в виде бесчисленного множества отдельных вещей, связанных между собой различным образом и в различных степенях.

7. Жак Моно. Человек должен наконец пробудиться от тысячелетнего сна, и, пробудившись, он окажется в полном одиночестве, в абсолютной изоляции. Лишь тогда он наконец осознает, что подобно цыгану, живет на краю чуждого ему мира. Мира, глухого к его музыке, безразличного к его чаяниям, равно как и к его страданиям или преступлениям.

Задания к семинару № 3 (РАЗДЕЛ 3 ОНТОЛОГИЯ МАТЕРИАЛЬНОГО МИРА, [Тема № 3](#) Философский материализм)

№1. На основании текста Аристотеля определите, какие высказывания принадлежат Фалесу, какие – Диогену Аполлонийскому (последователю Анаксимена), какие – Эмпедоклу, Гераклиту, Анаксагору. Обоснуйте ваш выбор.

Аристотель «Метафизика». Так вот, большинство первых философов считало началом всего одни лишь материальные начала, а именно то, из чего состоят все вещи, из чего как первого они возникают и во что как в последнее они, погибая, превращаются, причем сущность хотя и остается, но изменяется в своих проявлениях, - это они считают элементом и началом вещей. И потому они полагают, что ничто не возникает и не исчезает, ибо такое естество всегда сохраняется; подобно тому как и про Сократа мы не говорим, что он вообще становится, когда становится прекрасным или образованным, или что он погибает, когда утрачивает эти свойства, так как остается субстрат - сам Сократ, точно так же, говорят они, не возникает и не исчезает все остальное, ибо должно быть некоторое естество - или одно, или больше одного, откуда возникает все остальное, в то время как само это естество сохраняется.

Относительно количества и вида такого начала не все учили одинаково. Фалес - основатель такого рода философии - утверждал, что начало - вода...

Анаксимен же и Диоген считают, что воздух первее (proteron) воды, и из простых тел преимущественно его принимают за начало: а Гиппас из Метапонта и Гераклит из Эфеса - огонь, Эмпедокл же - четыре элемента, прибавляя к названным землю как четвертое. Эти элементы, по его мнению, всегда сохраняются и не возникают, а в большом или малом количестве соединяются в одно или разъединяются из одного.

А Анаксагор из Клазомен, будучи старше Эмпедокла, но написавший свои сочинения позже его, утверждает, что начал бесконечно много: по его словам, почти все гомеомерии так же как вода или огонь, возникают и уничтожаются именно таким путем - только через соединение и разъединение, а иначе не возникают и не уничтожаются, а пребывают вечно.

1) Двойное скажу: то Одно вырастает, чтобы быть единственным,
Из многого, то снова распадается, чтобы быть многим из Одного,
Огнем, Водой, Землей и несметной высью Эфира,
Проклятая Ненависть порознь от них [=элементов], совершенно
уравновешенная,

И Любовь в них, равная в длину и в ширину.

2) «Этот космос, один и тот же для всех, не создал никто из богов, никто из людей, но он всегда был, есть и будет вечно живой огонь, мерно возгорающийся, мерно угасающий».

3) «Мне же думается, говоря в двух словах, что все сущие [вещи возникают] путем превращения из одного и того же и суть одно и то же. И это очевидно: если бы [вещи], наличие сущие в этом-вот космосе теперь, – земля, вода, воздух, огонь и все прочее, что мы видим наличным в этом-вот космосе, – если бы хоть одна из них была отличной от другой, будучи другой по своей природе, а не оставалась бы тем же самым в своих многообразных изменениях и превращениях, то они никоим образом не могли бы ни смешиваться друг с другом, ни причинять друг другу пользу или вред, равно как ни растение не могло бы произрасти из земли, ни животное родиться, ни что-либо иное, если бы они не образовывались таким образом, что при этом они суть одно и то же. На самом же деле все эти [вещи] рождаются то такими, то иными путем превращения из одного и того же и в одно и то же возвращаются».

«И думается мне, что то, что обладает сознанием, – это воздух, как называют его люди, и что он всеми правит и надо всеми господствует: именно это, думается мне, и есть бог, и везде присутствует, и все устраивает, и во всем содержится. И нет ничего, что ему непричастно; причастно же [всякое на свой лад], и нет ни одной вещи, которая была бы причастна ему так же, как другая, но есть много видоизменений и самого воздуха, и сознания.

4) Он говорил, что начало и конец Вселенной – вода. Ибо все образуется из воды путем ее затвердевания [~ замерзания], а также испарения. Все плавает по воде, от чего происходят землетрясения...

5) При этом телесных начал он принял бесконечно много: по его мнению, все подобочастные, как-то: вода, огонь или золото, безначальны и неуничтожимы, а их видимое (феноменальное) возникновение и уничтожение всецело обусловлены соединением и разделением [частиц], причем все [подобочастные, гомеомерии] содержатся во всех, но каждое характеризуется по тому, что в нем преобладает. Так, золотом феноменально является то, в чем много золота, хотя при этом в нем содержится все. Действительно Анаксагор говорит, что «во всем содержится доля всего» и «чего в каждой отдельной вещи больше всего содержится, тем она с наибольшей ясноразличимостью была и есть»... «Каким образом, – спрашивает он, – из не-волоса может возникнуть волос и из не-плоти – плоть»? Он утверждал это не только о телах, но и о цветах: в белом, по его словам, содержится черное, а в черном – белое. Так он полагал и о весе, считая, что к тяжелому примешано легкое, а к легкому – тяжелое...

6) Понятие у *син* обычно переводится как «пять элементов». Мы должны представлять их не статическими, но динамическими и взаимодействующими силами. Иероглиф син означает «действовать», «делать», поэтому термин у син, если его передать буквально, означал бы «пять действий» или «пять действующих сил». Также их называют у дэ – «пять добродетелей»... Первый из них – Вода, второй – Огонь, третий – Дерево, четвертый – Металл, пятый – Земля. [Природа] Воды в том, чтобы смачивать и падать; Огня – чтобы гореть и подниматься; Деревя – чтобы изгибаться и выпрямлять Металла – чтобы уступать и видоизменяться; Земли – чтобы давать сеять и жать».

Теория «пяти элементов» говорила лишь о структуре космоса, но не объясняла происхождение мира. Этим занималась теория «инь и ян». Иероглиф ян изначально означал «свет солнца», относящееся к солнцу и свету, а иероглиф инь – отсутствие солнца, тень или темноту. Позднее ян и инь стали считаться космическими принципами, или силами, представляющими соответственно мужское начало, активность, жару, свет, сухость, твердость и женское начало, пассивность, холод, темноту, влагу, мягкость и т.д. Взаимодействие этих двух первопринципов порождает все космические феномены. Эта концепция доминировала в китайских космологических спекуляциях.

№2. Определите, какие высказывания не мог бы произнести последовательный материалист? Обоснуйте выбор.

1. Иоганн Готфрид Гердер «Бог. Несколько диалогов». Высшее бытие дало своим творениям высшее – действительность, бытие... Чем отличаются ... различные ступени бытия? Не чем иным как силами... Высшая мощь не могла быть не чем иным, как высшей мудростью и добром, вечно живым. вечно действующим... На сколь же высокой ступени стоим, следовательно, мы, человеческие существа, в которых при всей нашей ничтожности все же обитает с внутренней уверенностью живое выражение трех высших божественных и мировых сил – мощи, разума и добра!

2. Людвиг Фейербах «Сущность христианства». Потусторонний мир есть не что иное, как чувственный действительный мир, но мир в фантазии.

3. Людвиг Бюхнер «Сила и материя». Кому не надоело слышать пресловутую фразу о «смертном теле» и бессмертной душе», фразу, которой не раз злоупотребляли. При более точном исследовании мы, пожалуй, станем утверждать обратное и будем ближе к истине. Конечно, в своей индивидуальной форме тело смертно, но бессмертны его составные части... Оно меняется не только после смерти, но и при жизни, и притом постоянно. Но в высшем смысле этого слова тело бессмертно, так как ни одна частичка его не может быть уничтожена. Напротив, то, что мы называем духом, душой, сознанием, исчезает с уничтожением данного соединения материи, образующего индивид.

4. Лев Толстой «Дневники». Мы, крошечные отделенные существа с нашими случайными внешними чувствами (таких чувств может быть миллионы разных. Мы и видим разные у животных), мы этими чувствами творим мир, нами познаваемый, с микроскопическими животными и небесными телами, и живем в полной уверенности, что мир действительно такой, и такой только и есть. Какая глупость! Не говоря уже о том что мир-то этот нелепый в бесконечном времени вперед и назад и в бесконечном пространстве, с бесконечно великими частями материи и такими же бесконечно малыми частицами материи, т. е. совершенная чепуха, не говоря уже об этом, разве не очевидно, что то, что мы называем действительно существующим миром, есть произведение чувств одного, случайно одаренного известными, исключительными чувствами существа - человека. Так что тот мир который мы воображаем, что существует один, есть только одна из бесчисленных возможных случайностей. Знаем же мы, что это так, потому что знаем по участию в нем, что есть другой мир, не зависимый от тех или иных чувств, мир духовный, - один, только один. Этот другой мир мы не можем сказать, что знаем, но можем и должны сказать, что он есть. И знать то, что он есть, - великое благо.

5. Герберт Спенсер «Основные начала». Глубочайшие истины, каких мы только можем достичь, состоят лишь в простой констатации широчайших единообразий в нашем опыте, касающихся отношений материи, движения и силы,

и что материя, движение и сила являются лишь символами Неведомой Реальности. Могущество (Power), природа которого остается навсегда непостижимой и пределов которому во времени и пространстве нельзя вообразить, производит в нас определенные действия.

6. Готхольд Эфраим Лессинг «О происхождении языка». Любая мельчайшая частица материи может быть использована душой в качестве объекта одного из чувств. Следовательно, весь материальный мир вплоть до мельчайших частиц одушевлен.

7. Свами Вивекананда «Жнана-йога». Этот мир – не наше настоящее место жительства; это только один из этапов, через которые мы должны пройти. Помните великое изречение философии санкхья: «Вся природа для души, а не душа для природы». Природа и существует только для воспитания души, иного смысла в ней нет; она существует, потому что душа должна обладать знанием и через знание освободиться. Если мы всегда будем это помнить, мы никогда не будем «привязаны» к природе; мы будем знать, что природа – это книга, которую мы должны прочесть, и что, когда мы приобретем настоящее знание, книга потеряет для нас свое значение.

8. Иван Александрович Ильин «Путь духовного обновления». Родина нуждается в территории; но территория не есть родина. Родине необходима географическая и климатическая обстановка; но похожие условия климата и географической обстановки можно найти и в другой стране и т. д. Ни одно из этих условий жизни, взятое само по себе, не может указать человеку его родину: ибо родина есть нечто *от духа и для духа*... И вот, чтобы постигнуть сущность родины, необходимо уйти в глубь своего сердца, проверяя и удостоверяясь, и обнять взором весь объем человеческого духовного опыта.

9. Памфил Данилович Юркевич «Сердце и его значение в духовной жизни человека». Нравственные поступки возможны для человека, потому что он свободен. Эта свобода обнаруживается в явлениях души самоопределением ее к деятельности. Например, дела правды может человек совершать и по необходимости; в таком случае они имеют значение только юридическое, а не нравственное. Представьте теперь, что те же самые дела правды этот человек совершает свободно, *охотно*, из любви или от сердца, по *усердию*, тогда эти дела получают высокую нравственную цену.

10. Жюльен Офре де Ламетри «Человек-машина». Человеческое тело – это заводящая сама себя машина, живое олицетворение непрерывного движения. Пища восстанавливает в нем то, что пожирается лихорадкой. Без пищи душа изнемогает, впадает в неистовство и, наконец, изнуренная, умирает. Она напоминает тогда свечу, которая на минуту вспыхивает, прежде чем окончательно потухнуть. Но если питать тело и наполнять его сосуды живительными соками и подкрепляющими напитками, то душа становится бодрой, наполняется гордой отвагой и уподобляется солдату, которого ранее обращала в бегство вода, но который вдруг, оживая под звуки барабанного боя, бодро идет навстречу смерти. Точно таким же образом горячая вода волнует кровь, а холодная – успокаивает. Как велика власть пищи! Она рождает радость в опечаленном сердце; эта радость проникает в душу собеседников, выражающих ее веселыми песнями, на которые особенные мастера французы.

№3. Какое определение материи предлагает В. И. Ленин и с какой целью? В чем суть разногласий между В. И. Лениным и А. Ф. Лосевым? Кто из них прав?

Владимир Ильич Ленин «Материализм и эмпириокритицизм». Материализм и идеализм различаются тем или иным решением вопроса об

источнике нашего познания, об отношении познания (и «психического» вообще) к *физическому* миру, а вопрос о строении материи, об атомах и электронах есть вопрос, касающийся только этого «физического мира». Когда физики говорят: «материя исчезает», они хотят этим сказать, что до сих пор естествознание приводило все свои исследования физического мира к трем последним понятиям – материя, электричество, эфир; теперь же остаются только два последние, ибо материю удастся свести к электричеству, атом удастся объяснить как подобие бесконечно малой солнечной системы, внутри которой вокруг положительного электрона двигаются с определенной (и необъятно громадной, как мы видели) быстротой отрицательные электроны. Вместо десятков элементов удастся, следовательно, свести физический мир к двум или трем (поскольку положительный и отрицательный электроны составляют «две материи существенно различные», как говорит физик Пелла). Естествознание ведет, следовательно, к «*единству материи*» – вот действительное содержание той фразы об исчезновении материи, о замене материи электричеством и т.д., которая сбивает с толку столь многих. «Материя исчезает» – это значит исчезает тот предел, до которого мы знали материю до сих пор, наше знание идет глубже; исчезают такие свойства материи, которые казались раньше абсолютными, неизменными, первоначальными (непроницаемость, инерция, масса и т. п.) и которые теперь обнаруживаются, как относительные, присущие только некоторым состояниям материи. Ибо *единственное* «свойство» материи, с признанием которого связан философский материализм, есть свойство *быть объективной реальностью*, существовать вне нашего сознания...

Признание каких-либо неизменных элементов, «неизменной сущности вещей» и т. п. не есть материализм, а есть метафизический, т. е. антидиалектический материализм. Поэтому И Дицген подчеркивал, что «объект науки бесконечен», что неизмеримым, непознаваемым до конца, неисчерпаемым является не только бесконечное, но и «самый маленький атом», ибо природа во всех своих частях без начала и конца»...

Чтобы поставить вопрос с единственно правильной, т.е. диалектически-материалистической, точки зрения, надо спросить: существуют ли электроны, эфир *и так далее* вне человеческого сознания, как объективная реальность или нет? На этот вопрос естествоиспытатели так же без колебания должны будут ответить и отвечают постоянно да, как они без колебаний признают существование природы до человека и до органической материи. И этим решается вопрос в пользу материализма, ибо понятие материи, как мы уже говорили, не означает гносеологически *ничего иного*, кроме как: объективная реальность, существующая независимо от человеческого сознания и отображаемая им.

Но диалектический материализм настаивает на приблизительном, относительном характере всякого научного положения о строении материи и свойствах ее, на отсутствии абсолютных граней в природе, на превращении движущейся материи из одного состояния в другое, по-видимому, с нашей точки зрения, непримиримое с ним и т. д.

Лосев Алексей Федорович «Диалектика мифа». Материализм основывается как раз на сверх-чувственной и притом чисто интеллектуальной интуиции, так что и с этой стороны моя аргументация вполне обнаруживает его мифолого-догматическую природу. В самом деле, что такое материализм? Как показывает самое слово, тут должна играть какую-то особенную роль материя. Какую же? Она должна лежать в основе всякого и всяческого бытия, и к ней должны сводиться все причины и первопричины жизни и мира. Хорошо. Но что такое материя? То ли самое, что и материальные вещи? Конечно, не то же самое.

Как деревянный шкаф не есть дерево и как печатная книга не есть просто бумага, так и материальная вещь не есть материя просто. Но, может быть, материя есть все вещи, взятые вместе? Однако 1. нам неизвестны все вещи, взятые вместе; и не зная ни их количества, ни качества этой суммы, мы не можем материю определять при помощи столь неясных признаков. 2. Кроме того, если одна материальная вещь не есть материя просто, то тем более все вещи, взятые вместе (даже если бы мы и точно представляли себе это все) не могут быть материей. Если это стальное перо не есть просто сталь, то, взявши все перья на свете, какие существуют, были или будут существовать, мы получим такую массу противоречивых признаков, что определение стали при их помощи станет просто нелепым. 3. Материя не есть и вещи, образующие внешний мир, ибо это было бы определением одного неизвестного через другое. Что такое внешний мир? Я вижу пред собою дерево. Это мир или нет? Явно, что это - дерево, а не мир (допустим, что это часть мира). Я вижу луну. Мир ли это? Это - луна, а не мир, т.е., в крайнем случае, часть мира, а не мир. Далее, я вижу солнце, горы, реки, людей, животных и т. д. и т. д. Где же тут мир и как собственно я должен представлять себе мир? Отдельные вещи не суть мир: где же самый-то мир? Передо мною необозримое количество частей мира: где же самый мир как целое? Я его не вижу, и материалист мне его не указывает. Но пусть даже я увидел бы мир как целое, как ограниченное и определенное тело, подобно тому как видели его антично-средневековые мыслители. Но тогда уже и младенцу ясно, что мир как целое отнюдь не есть простая сумма своих частей и увидеть дерево, луну, солнце и т. д. не значит еще увидеть мир. А кроме того, вопрос с материей тогда уже и совсем запутается, ибо не только о материи, но даже о материальных вещах и даже о всей их сумме, оказывается, недостаточно говорить, если зашел вопрос о мире как целом.

Итак, материя не есть 1) ни материальная вещь, 2) ни их сумма, механическая или органическая, 3) ни внешний мир как целое. Что же еще остается говорить материалистам? Они еще говорят вот что. Материя есть 4) то, что мы воспринимаем внешними чувствами. Вот это определение очень интересно. Оно с головой выдает мифологически-догматическую природу материализма.

1. Во-первых, это есть беспомощный призыв к спасению при помощи субъективизма. Что такое «мы» и что такое «внешние чувства»? Всякому школьнику известно, что существовала бесконечная цепь восхождения живых существ и бесконечно разнообразная эволюция их органов чувств. Где вы, дарвинисты? Каждому животному и каждому органу на каждой ступени его развития соответствует определенное восприятие и определенная картина внешнего мира. Где же тут материя, которую к тому же материалисты понимают как нечто вечное и постоянное? Одна картина восприятия у паука, другая у рака, третья - у рыб, четвертая у различных млекопитающих, пятая у человека (у одного человека можно насчитать сотни и тысячи различных типов восприятия), шестая у тех более совершенных существ, до которых, вероятно, разовьется человек и которые, быть может, уже существуют на других планетах. Ясно, что вышеприведенное определение материи страдает субъективизмом, а следовательно, и релятивизмом, упованием на случайность и барахтаньем в ползучем и слепом эмпиризме.

2. Кроме того, и по существу совершенно не верно, что материя есть то, что мы воспринимаем внешними чувствами. Внешними чувствами мы воспринимаем не материю, но материальные вещи. «Материю» же мы совершенно абстрактно отвлекаем от вещей, как «красноту» от красных вещей, «круглоту» от круглых вещей и т. д. Нельзя видеть «красноту» как таковую, но - лишь красные вещи;

«красноту» же можно лишь отвлеченно мыслить; она есть абстрактное понятие. Точно так же невозможно видеть, слышать, осязать материю как таковую. Это - абстрактное понятие. Материю можно только мыслить.

3. Однако что же мы мыслим в понятии материи? Быть может, хоть здесь заключено нечто связанное с внешними чувствами? Другими словами, быть может, материя есть абстрактное понятие связанности вещей с нашими внешними чувствами? И с этим согласиться невозможно. В понятии материи ровно не мыслится ничего субъективного, да и сами материалисты утверждают, что материя - вечна и что она существовала раньше жизни и живых существ со всеми их восприятиями и самыми органами. Значит, указание на связь с внешними чувствами ни в каком смысле ничему не помогает.

В последнее время материалисты прибегли просто к подлогу. Они объявили материю не чем иным, как 5) принципом реальности, а материализм просто учением об объективности вещей и мира. Но тут остается только развести руками.

1. Если материя вещи есть реальность вещи и больше ничего, то материалисты - Платон, Аристотель и Плотин, ибо они признавали реальность космоса и даже давали его великолепную диалектику; материалисты - все отцы Церкви, ибо они признавали реальность Бога, реальность творения мира, реальность творения и грехопадения человека, реальность Христа и всей евангельской истории, реальность гибели и спасения людей и т. д. Таким образом, подлог явно обнаруживается: материя вовсе не есть просто реальность, но это - специфическая реальность. Какая же? Чувственных вещей? Но тогда опять опора на эмпирический сенсуализм и, стало быть, релятивизм. Всего мира? Но тогда неясно, что такое для материалиста мир. И т. д. И т. д. Словом, все предыдущие затруднения тут только повторяются.

2. Допустим, что известно, каких именно вещей и чего именно реальностью является материя. Но тогда опять-таки мы скажем, что реальности как таковой мы не видим, не слышим и не осязаем и что она, взятая самостоятельно, есть не материальная вещь, но абстрактное понятие. В таком случае при чем же тут «материализм»?

Наконец, в 6) физические теории материи я уже и не заглядываю. Если бы я здесь привел хотя бы только один список всех теорий материи, которые только существовали в физике, начиная от теории особой жидкости до теории полного и абсолютного уничтожения материи, то от этого у читателя только закружилась бы голова. Изучение истории физики как раз и показывает, что в материализме дело вовсе не в научной теории материи, ибо таких теорий - целые десятки и они летят одна за другой, как однодневные мотыльки. На этом хаосе совсем нельзя обосновать тот упор и напор, который обнаруживают материалисты в своем нападении на людей.

Из всего этого вывод вытекает сам собою. Материя, взятая сама по себе, есть абстрактное понятие, и материализм есть абсолютизация абстрактного понятия, т.е. типичная абстрактная метафизика. В самом деле, у человека очень много абстрактных понятий, без которых он не может мыслить мира и жизни. «Материя» - одно из таких законнейших и необходимейших понятий человеческого разума. Почему я должен вырывать одно понятие из цельной диалектической системы всех понятий вообще, ставить его в центр всего и по его имени называть всю свою философскую систему? Все абстрактные понятия в одинаковой мере абсолютны, и нет никаких логических оснований одно из них абсолютизировать в ущерб другому. С какой стати обязан я также именовать себя идеалистом? Если материалисты утверждают очевидность того «простого» факта, что все основано на материи, и если материя на самом деле есть не больше, чем

абстрактное понятие, то ясно, что материализм основывается на особом рода интеллектуальной интуиции и что исходным пунктом его является особое откровение материи, подобно тому как бывает явление ангелов, светящегося креста на небе и т. д. Я вполне согласен, что материалистам это их откровение «материального» абсолюта вполне очевидно и убедительно; и я признаю за ними их логическое право осознавать этот опыт и строить его научную систему. Но зато и материалисты должны признать, что:

1. в основе их учения лежат не логика и знание, но непосредственное и притом сверх-чувственное откровение (ибо материя, как мы согласились, не есть нечто чувственное);

2. что это откровение дает опыт, который претендует на абсолютную исключительность, т.е. что этот опыт зацветает религиозным мифом;

3. и что этот миф получает абсолютную утвержденность в мысли, т.е. становится догматом...

Почему миф о всемогуществе знания или о примате материи не кажется мифом и обычно никем и не трактуется как миф? Миф, сказали мы, есть личностное бытие. А как понимается личностное бытие в новоевропейскую эпоху индивидуализма и буржуазного субъективизма? Исключительно - как чисто субъективное бытие. Личности нет в объективном - напр., в природном - бытии. Материализм и атеизм, как детище буржуазной культуры, понимает, в силу этого, природу как безличностный механизм; и потому он не в силах отнестись к природе лично. Механизм просто и есть механизм, и - больше ничего. Разумеется, если механизм понимать как механизм, как чистый механизм, это опять-таки не будет мифологией, как не есть мифология ни Евклидова геометрия, ни чистая диалектика или силлогистика. Но только ли о чистом механизме говорит материалистическое мировоззрение? Только ли о некоей логической категории, строящейся исключительно средствами чистого разума? Конечно, нет. Оно гипостазировало, овеществляет, абсолютизирует механизм, обожествляет его, ставит его на место всего. В таком случае он должен, если только хочет быть логически последовательным, понимать механистический мир лично...

Однако же материалист ни в коем случае не может и даже не имеет права говорить о материи только как о таковой, т.е. только как об отвлеченном понятии. Он должен его абсолютизировать, т.е. представить в виде единственно возможного абсолютного бытия. Но как только мы допустим это, так тотчас же материя обращается во вселенское мертвое чудовище, которое, будучи смертью, тем не менее всем управляет. Позвольте, да почему же «мертвое», почему «чудовище», - спросит материалист. А потому, что мне некуда деть категорию личности и категорию жизни. Ведь эти же две категории есть совершенно неизбежное, совершенно естественное и, я бы сказал, совершенно банальное достояние и всякого живого опыта, и всякой диалектической мысли. Куда же мне деть эти категории? Если бы верование материализма допускало положить в основу бытия «жизнь» и «личность», тогда я не мог бы говорить ни о смерти, ни о чудовище, но тогда и материализм перестал бы быть материализмом. Материализм же утверждает, что все в конечном счете управляется материей и сводится на материю. В таком случае все управляется мертвым трупом и сводится на него. Тут, таким образом, центральный и основной объект материалистического верования и чисто логическая необходимость мыслить категорию «личности» и «жизни», ибо если я сказал «чудовище» и «смерть», то этим я уже использовал категории «личности» и «жизни»...

Мертвое и слепое вселенское чудовище - вот вся личность, вот все живое и вот вся история живой личности, на которую только и способен материализм. В этом его полная оригинальность и полная несводимость на прочие

мировоззрения. Наука и научность не есть признак материализма. Идеалисты тоже разрабатывают и создают науку; и научность построений прельщает их не менее, чем материалистов. «Реализм», «жизненность», «практика» и прочие принципы также не характерны для материализма. Это - чисто религиозные категории; и всякий религиозный человек также хочет утверждаться только на подлинно-реальном бытии, только на жизненном опыте, и также запрещено ему быть простым теоретиком и оставлять в небрежении практику, жизненное осуществление его идеалов. Даже и призыв к земной жизни не характерен для материализма, так как все язычество есть также не что иное, как славословие земле, плоти, земным радостям и утешениям, а язычество есть мистика. Единственное и исключительное оригинальное творчество новоевропейского материализма заключается именно в мифе о вселенском мертвом Левиафане, - который - и в этом заключается материалистическое исповедание чуда - воплощается в реальные вещи мира, умирает в них, чтобы потом опять воскреснуть и вознестись на черное небо мертвого и тупого сна без сновидений и без всяких признаков жизни. Ведь это же подлинное чудо - появление вещей из материи. Возьмите несколько деревянных досок: ни на одной из них нет ровно никакого признака стола. Как же вдруг появляется стол или шкаф? Говорят, - из соединения досок и палок. Но ведь «шкафности» не было ни в одной доске и ни в одной палке. Как же она появилась из соединения досок или палок? У вас в кармане нет ни гроша, и у меня в кармане нет ни гроша: как же появится вдруг грош, если мы соединим наши с вами карманы? Ясно, что должно совершиться чудо. Материалисты верят в чудесное, сверхъестественное воплощение - чуть-чуть только что не отца, а пока только какой-то глухой и слепой лагери-материи - воплощение в некое ясное и осмысленное слово, в реальные вещи, причем материалистический догмат требует, чтобы была «сила и материя», чтобы было движение, а не просто мертвые вещи (некоторые даже и материалистическую диалектику определяют как науку об общих законах движения), подобно тому как и в христианской религии воплотившееся Слово Божие обещает ниспослать и ниспосылает «иного утешителя, Духа Истины, который от Отца исходит», чтобы он сообщил благодатные силы для жизни, проповеди, творчества и «движения». Так материалистическое учение о материи, законах природы (действующих в вещах) и движении есть вырождение христианского учения о троичности Лиц Божества и о воплощении Сына Божия, - вырождение, которое, тем не менее, в такой же мере мифологично и догматично, как и любая религиозная догма.

Я думаю, едва ли также стоит тут обнаруживать буржуазную природу материализма. Материализм основан на господстве отвлеченных функций человеческого рассудка, продукты которого проецируются вовне и в таком абстрактном виде абсолютизируются. В особенности отвратителен, и сам по себе и как обезьяна христианства, тот популярный, очень распространенный в бездарной толпе физиков, химиков, всяких естественников и медиков «научный» материализм, на котором хотят базировать все мировоззрение. Это даже не буржуазная, а мелко-буржуазная идеология, философия мелких, серых, черствых, скупых, бездарных душонок, всего этого тошнотворного марева мелких и холодных эгоистов, относительно которых поневоле признаешь русскую революцию не только справедливой, но еще и мало достаточной. Научный позитивизм и эмпиризм, как и все это глупое превознесение науки в качестве абсолютно свободного и ни от чего не зависящего знания, есть не что иное, как последнее мещанское растление и обалдение духа, как подлинная, в точном социологическом смысле, мелко-буржуазная идеология. Это паршивый мелкий скряга хочет покорить мир своему ничтожному собственническому капризу. Для этого он и мыслит себе мир как некую бездушную, механически движущуюся

скотину (иной мир он и не посмел бы себе присвоивать); и для этого он и мыслит себя как хорошего банкира, который путем одних математических вычислений овладевает живыми людьми и живым трудом (иное представление о себе самом не позволило бы быть человеку материалистом). Впрочем, предоставлю слово лицу, которое тоже очень хорошо пережило это мещанское, мещански-научное «все кругом»:

*Страшное, грубое, липкое, грязное,
Жестко-тупое, всегда безобразное,
Медленно-рвущее, мелко-нечестное,
Скользкое, стыдное, низкое, тесное,
Явно-довольное, тайно-блудливое,
Плоско-смешное и тошно-трусливое,
Вязко, болотно и тинно застойное,
Жизни и смерти равно недостойное,
Рабское, хамское, гнойное, черное,
Изредка серое, в сером упорное,
Вечно лежачее, дьявольски-косное,
Глупое, сохлое, сонное, злостное,
Трупно-холодное, жалко-ничтожное,
Непереносное, ложное, ложное.
Но жалоб не надо; что радости в плаче?
Мы знаем, мы знаем: все будет иначе.
(З. Гиппиус)*

№4. Какие ступени бытия выделяет Б. П. Вышеславцев. Каковы закономерности соотношения между ними? Как может материализм объяснить существование данных ступеней бытия и связи между ними?

Борис Петрович Вышеславцев «Этика преображенного Эроса». Подлинная философия разворачивает систему категорий бытия, систему ступеней бытия. Причем каждая ступень раскрывает новое качество бытия. Упрощая и схематизируя, мы можем наметить такие ступени:

1. Категории физико-математического бытия (материально пространственные процессы). 2. Категории органического бытия (растительно-животные процессы). 3. Категория бытия психического (сознание и подсознание). Это царство природы; над ним возвышается царство духа и свободы. Дух и свобода – одно. 4. Категория бытия духовного, тоже имеющего несколько ступеней: наука, техника, экономика, право, мораль, искусство религия...

Вся эта лестница ступеней может быть оцениваема; причем здесь мы получаем соотношение высших и низших ступеней бытия: организм богаче и сложнее, чем простой механизм, – и потому ценнее; психическое бытие богаче и ценнее, чем только физическое; духовное богаче и ценнее психического.

Рассматривая эту иерархию в духовном бытии, нетрудно заметить один удивительный закон; он был сформулирован еще Аристотелем, а затем Гегелем: всякая высшая ступень бытия и ценности предполагает и содержит в себе все процессы механические и химические; психическая жизнь предполагает и содержит в себе процессы органической жизни. Духовная жизнь предполагает и содержит в себе психические процессы подсознания и сознания. В этом смысле человек во всей полноте своей есть механизм, химизм (обмен веществ), организм: есть неодушевленное растение, одушевленное животное и, наконец, творчески-свободный дух. Аристотель выражает этот закон соотношения ступеней в

понятиях формы и материи: всякая низшая ступень бытия есть материя для высшей, которая есть ее новая форма; так, организм есть особая форма физико-химических процессов; душа есть особая форма органической жизни. Дух и свобода – особая форма психических процессов. Ясно, что всякая новая и высшая форма предполагает и содержит в себе предшествующую и низшую, как свою материю. Она формирует ее по-новому...

Некоторая естественная косность человека, постоянное стремление «опускаться», постоянное предпочтение, оказываемое низшим ценностям мамоны, имеют глубокое основание в особом законе соотношения категорий бытия и ступеней ценности. Закон этот со всей философской строгостью и неумолимостью формулирован Н. Гартманом в его «Категориальных законах». Он гласит следующее: высота категории обратно пропорциональна ее силе. Высшие формы бытия суть наиболее сложные, обусловленные, зависимые и потому наиболее слабые и хрупкие; тогда как низшие формы наименее обусловлены и потому наиболее безусловны и крепки.

Жизнь человека на земле требует бесконечно сложной суммы условий в космическом смысле: особой температуры солнца, особой конструкции земли, наличности воды и воздуха, иначе говоря – сложнейшей суммы условий представляющих, как думают некоторые астрономы, редчайшее, а может быть, и единственное исключение во вселенной. Если хоть одно из этих условий пошатнется, то немедленно рухнут все высшие ступени и формы жизни: прекратится культура, исчезнет человек, исчезнет органическая жизнь; однако камни и скалы на земле, как на луне, еще останутся, ибо они гораздо прочнее требуют гораздо меньшего количества условий для своего существования. Что же касается механики атомов и химических процессов, то она вообще останется незыблемой при всякой мировой катастрофе, при всякой гибели земли, ибо низшая ступень физико-химического бытия есть самая прочная ступень.

Другой пример: человек умирает и превращается в труп, который разлагается; исчезают высшие формы психической и органической жизни, но физико-химические процессы, происходящие в трупе, сохраняются незыблемыми. Они индифферентны к жизни и смерти. Им ничего не страшно, они продолжают свое ненарушимое действие. Скелет бесконечно более прочен в своей ужасающей простоте, чем хрупкий и гениально построенный живой организм. Бытие пирамиды крепче и устойчивее, нежели жизнь фараона. Это очень грустный закон, нечто вроде всеобщей энтропии. Если серьезно вдуматься в него, то нам откроется закон всеобщего трагизма бытия, которому грозит всеобщее снижение, обратный спуск к самым низшим ступеням, к первобытной туманности. Надо спасать полноту высших ступеней жизни, их блестящий расцвет, а для этого нужно чудо, нужен Спаситель!

Здесь открывается поразительное прозрение космического трагизма, хорошо известное великим религиям человечества, как индуизму, так и христианству. Все возвышенное, благородное, драгоценное есть вместе с тем самое хрупкое и уязвимое. Человек более уязвим, нежели растение; растение – более уязвимо, нежели камень; благородное растение, как роза и виноград, гораздо менее живучи, чем бурьян и плющ; низшие и смертоносные бактерии обладают невероятной устойчивостью и силой сопротивления. Как раз самое высшее может страдать и умирать, а не самое низшее. Притом Сократа легче убить, нежели сиракузского тирана, Христа легче убить, нежели Пилата, а потому не поклониться ли префекту и тирану, которых нельзя убить и которые сами могут всех убить? Так всегда рассуждает толпа, ей всегда импонирует факт силы, власти, величины. Она всегда делает ставку на низшее, но более крепкое...

История героев, мучеников, пророков и святых есть великое подтверждение закона трагизма, закона слабости и хрупкости высших форм жизни. Но вот что особенно удивительно: как раз когда они гибнут, они выше всего. Таково свойство возвышенного – оно легко гибнет, оно не защищается, даже как бы ищет гибели, жертвуя собой. Притом если бы этой гибели не было, то и жертвы бы не было, не было бы, поэтому и величия святости. Так что в самой слабости высших ступеней как бы удостоверена их подлинная высота. Нужно известное величие души, чтобы понять красоту риска, жертвы, гибели. Только для благородного человека риск есть «благородное дело». Одни это понимают сразу, другие – никогда. Таков вечный и всемирный Чичиков. Для него прочность низших форм бытия всегда ценнее эфемерности и хрупкости высших, синица в руке всегда ценнее журавля в небе.

Он всегда отклонит героизм тем неотразимым доводом, какой применил анекдотический солдат: «Лучше полчаса быть трусом, чем потом всю жизнь быть покойником». Огромное большинство всегда признает безопасность, силу, власть и богатство надежнее и ценнее святости, героизма, красоты и величия.

Задания к семинару № 4 (РАЗДЕЛ 3 ОНТОЛОГИЯ МАТЕРИАЛЬНОГО МИРА, [Темы № 4, 5, 6](#))

№1. Определите, какая общая идея относительно связи изменчивости и устойчивости содержится в данных текстах. Есть ли различие в ее трактовке?

1. *Иоганн Скотт Эриугена.* Познавая бытие вещей, теологи заключают, что и Бог существует, из того обстоятельства, что вещи правильно распределены по родам и видам, они делают вывод, что Бог мудр, а, наблюдая повсюду покоящееся движение и движущийся покой, они приходят к заключению, что Бог живет.

2. *Алексей Федорович Лосев «Диалектика и здравый смысл».* Движение. Первая такая аксиома гласит: все движется.

Неужели тут надо что-нибудь доказывать? И не сочтем ли мы душевнобольным человека, который будет утверждать, что все на свете абсолютно неподвижно, что ничего на свете нельзя сдвинуть с места и что мертвый покой раз и навсегда объял всю действительность

Покой. А вот и вторая аксиома: все покоится. Тут читатель, правда, может махнуть руками в знак протеста и отрицать, что все покоится. Но с моей стороны, как мне кажется, требуется только одно небольшое разъяснение, чтобы эта аксиома стала понятной.

«Скажи мне, пожалуйста, ты родился в таком-то году?» – «Да, я родился в таком-то году». – «А скажи, пожалуйста, когда ты поступал в школу, тебе сколько было лет?» – «Мне было тогда 7 лет». – «А поступая в школу, ты был как раз тем самым Иваном, который родился 7 лет назад, или в момент поступления в школу ты был уже не Иван, а, допустим, Петр или Семен?» – «Конечно, я был тот же самый Иван». – «А когда ты станешь взрослым человеком, ты тоже будешь продолжать быть Иваном или станешь каким-нибудь Генрихом или Ричардом?» Конечно, ты опять-таки останешься все тем же Иваном... Ясно, что человек, с одной стороны, непрерывно движется и меняется с возрастом, а с другой стороны, вовсе никак не движется и не становится каким-то иным человеком, и это вовсе не только теория.

Посмеешь ли ты подумать хоть одно мгновение, что вчера ты был Иван, а сегодня ты не Иван, а Людовик? Другими словами, можно ли двигаться, не

пребывая в покое? И можно ли пребывать в покое ровно без всякого движения? И тут вполне ясно, что такое отождествление движения и покоя вовсе не относится только к человеку или только к живому существу. А камень? А поверхность Земли? Ведь всякая вещь вообще, о которой можно сказать хотя бы одно слово, является и все время разной, и все время одной и той же, пока она реально существует. И это не просто моя теория, да та не теория вообще, это очевиднейший факт, самоочевидная действительность. Разве это теория, если старик умирает, будучи тем же самым, кем он родился в свое время? Доказывать, что в свои 20 лет ты не тот же самый человек, которым ты был в свои 10 лет, значит заниматься софистикой. Поэтому софист не тот, кто утверждает необходимую совместность движения и покоя, а тот, кто эту совместность отрицает...

Подвижной покой. Но тут я подошел к той третьей и к той четвертой аксиомам, которые тоже составляют самое ядро диалектики. Ясно, что Иван одновременно и меняется и не меняется, или, говоря вообще, и движется и не движется. И если я теперь скажу, что всему, что только существует и мыслится, обязательно свойствен подвижной покой, можешь ли ты что-нибудь возразить? Нет. А между тем звучит-то этот подвижной покой как будто бы чересчур непонятно и абстрактно. Непонятно это бывает только в том случае, если люди отказываются от здравого смысла. На самом же деле это самый обыкновенный факт, что ты в течение всей своей жизни остаешься Иваном, а не перестаешь быть Иваном и становишься вдруг испанским королем Фердинандом VII. Но если бы ты и стал фактически этим королем, все равно это был бы тот же самый ты. Уже само слово «превратился» свидетельствовало бы в данном случае о том, что ты при всех своих превращениях в основе своей остаешься тем же. А иначе и само слово «превратился» потеряло бы всякий смысл.

3. *Ли Дао-Чунь «Свод сочинений о срединности и гармонии».* Столкновение в вибрации упругости и податливости — это движение и покой Перемен. Поднятие и спуск Инь и Ян - то движение и покой дыхания... Если во время фазы покоя есть стабильность, то разве во время фазы движения не будет удачи? Покой является основой для движения. Движение является основной пружиной в механизме покоя. Если не теряется постоянство движения и покоя, тогда Путь сохраняет ясность сияния.

4. *Иоганн Вольфганг Гете.*

Когда в бескрайности природы,
Где, повторяясь, все течет,
Растут бесчисленные своды
И каждый свод вращается в свод,
Тогда звезда и червь убогий
Равны пред мощью бытия,
И мнится нам покоем в божестве
Вся мировая толчея.

5. *Пак Чже Ву «Энергии пространства».* Гомо, Гетеро и Нейтро - три фундаментальные силы, лежащие в основе существования и продолжающие оказывать свое влияние на все объекты и явления в мире посредством строго упорядоченных принципов. Гомо — это сила, сохраняющая неизменность, Гетеро - ила, стремящаяся изменить и обновить все сущее, а Нейтро представляет собой первичную силу, которая порождает их, инициирует процесс возникновения явлений из нулевого состояния и поддерживает существование. К тому же, эта сила играет ведущую роль в эволюционном процессе, одновременно контролируя силы Гомо и Гетеро и сохраняя гармонию окружающего мира. Стремясь остановить любые изменения, Гомо сила предотвращает нарастание беспорядка,

порождаемого Гетеро силой, и поддерживает подобие существующих явлений, заставляя их следовать единым законам. Гомо силе свойственен дух неизменности и восстановления нарушенных Гетеро силой принципов, дана способность упрощать сложные разнообразные формы существования путем возврата их к исходному элементарному состоянию. Гетеро сила старается предотвратить действие силы Гомо, при любой возможности создавая новые объекты и явления. Она расширяет сферы влияния, наращивает численность, способствует созданию нового, ускоряя темпы изменений и насаждая разнообразие. При отсутствии ограничений со стороны Гомо силы и контроля со стороны Нейтро Гетеро сила, обладающая достаточно большими возможностями, способна привести к дезорганизации и хаосу... Нейтро сила всегда находится вместе с Гомо и Гетеро, гарантируя их совместное влияние на поддержание упорядоченности существующих явлений.

№2. Найдите общий подход к случайности и необходимости, который прослеживается в этих текстах:

Фридрих Энгельс. Люди сами делают свою историю, но до сих пор они делали ее, не руководствуясь общей волей, по единому общему плану, и даже не в рамках определенным образом ограниченного, данного общества. Их стремления перекрещиваются, и во всех таких обществах господствует поэтому необходимость, дополнением и формой проявления которой является случайность. Необходимость, пробивающаяся здесь сквозь все случайности, – опять-таки, в конечном счете, экономическая. Здесь мы подходим к вопросу о так называемых великих людях. То обстоятельство, что такой и именно вот этот великий человек появляется в определенное время в данной стране, конечно, есть чистая случайность. Но если этого человека устранить, то появляется спрос на его замену, и такая замена находится – более или менее удачная, но с течением времени находится. Что Наполеон, именно этот корсиканец, был тем военным диктатором, который стал необходим Французской республике, истощенной войной, – это было случайностью. Но если бы Наполеона не было, то роль его выполнил бы другой. Это доказывается тем, что всегда, когда такой человек был нужен, он находился: Цезарь, Август, Кромвель и т.д. Если материалистическое понимание истории открыл Маркс, то Тьерри, Минье, Гизо, все английские историки до 1850 г. служат доказательством того, что дело шло к этому, а открытие того же самого понимания Морганом показывает, что время для этого созрело, и это открытие должно было быть сделано.

Точно так же обстоит дело со всеми другими случайностями и кажущимися случайностями в истории. Чем дальше удаляется от экономической та область, которую мы исследуем, чем больше она приближается к чисто абстрактно-идеологической, тем больше будем мы находить в ее развитии случайностей, тем более зигзагообразной является ее кривая. Если Вы начертите среднюю ось кривой, то найдете, что чем длиннее изучаемый период, чем шире изучаемая область, тем более приближается эта ось к оси экономического развития, тем более параллельно ей она идет.

Олвин Тоффлер. Показывая, что при неравновесных условиях энтропия может производить не деградацию, а порядок, организацию и, в конечном счете, жизнь, Пригожин и Стенгерс подрывают и традиционные представления классической термодинамики...Наконец, нельзя не упомянуть еще об одном синтезе, достигнутом в работе Пригожина и Стенгерс, – установлении ими нового отношения между случайностью и необходимостью...Они не только доказывают, что в окружающем нас мире действуют и детерминизм, и случайность, но и

прослеживают, каким образом необходимость и случайность великолепно согласуются, дополняя одна другую.

Согласно теории изменения, проистекающей из понятия диссипативной структуры, когда на систему, находящуюся в сильно неравновесном состоянии, действуют, угрожая ее структуре, флуктуации, наступает критический момент – система достигает точки бифуркации. Пригожин и Стенгерс считают, что в точке бифуркации принципиально невозможно предсказать, в какое состояние перейдет система. Случайность подталкивает то, что остается от системы, на новый путь развития, а после того как путь (один из многих возможных) выбран, вновь вступает в силу детерминизм – и так до следующей точки бифуркации. Таким образом, в теории Пригожина и Стенгерс случайность и необходимость выступают не как несовместимые противоположности: в судьбе системы случайность и необходимость играют важные роли, взаимно дополняя одна другую.

№3. Что управляет миром, согласно данным текстам? Установите соответствие между названиями – провиденциализм, детерминизм, фатализм и содержанием текстов.

Поль Анри Гольбах «Система природы, или о законах мира физического и мира духовного». Пусть же человек перестанет искать вне обитаемого им мира существа, способные дать ему то счастье, в котором ему отказывает природа. Пусть он изучает эту природу и ее законы, пусть созерцает ее энергию и неизменный образ действий. Пусть он применит свои открытия для достижения собственного счастья и молча подчинится законам, от действия которых ничто не может его избавить. Пусть он согласится с тем, что не знает причин, окруженных для него непроницаемой завесой; пусть безропотно покорится велениям универсальной силы, которая никогда не возвращается вспять и никогда не может нарушить законы, предписанные ей ее собственной сущностью...

Следовательно, во всех своих исканиях человек должен прибегать к опыту и физике: их советами он должен пользоваться в своей религии и морали, в своем законодательстве, в своей политике, в науках и искусствах, в своих удовольствиях и страданиях. Природа действует по простым, единообразным, неизменным законам, познать которые позволяет нам опыт. Посредством наших чувств мы связаны со всеобъемлющей природой, с их помощью мы можем изучать ее опытным путем и раскрывать ее тайны. Но лишь только мы покидаем опыт, как низвергаемся в пустоту, где нас сбивает с пути наше воображение. Все заблуждения людей – это заблуждения в области физики; люди обманываются лишь тогда, когда пренебрегают природой, не желают считаться с ее законами и призывать к себе на помощь опыт.

Святой Иоанн Дамаскин «Точное изложение православной веры». Промышление есть Божие попечение о существующем. Другими словами: Промышление есть воля Божия, которой все существующее надлежащим образом управляется. Так как Промышление есть воля Божия, то совершенно необходимо, чтобы все, происходящее по Промышлению, было несомненно самым прекрасным и самым достойным Божества, таким, что не могло бы быть лучше...

То, что зависит от Промышления, происходит или по благоизволению Божию, или по попущению. По благоизволению Божию происходит то, что бесспорно – добро. По попущению же – то, что не является бесспорно добром. Так Бог часто попускает и праведнику впасть в несчастья, дабы показать другим сокрытую в нем добродетель; так было, например, с Иовом. Иногда Бог попускает нечто странное, чтобы видимо несообразным действием совершить что-либо великое и дивное; так, крестом было совершено спасение людей. В некоторых

случаях Бог попускает святому человеку тяжело страдать, дабы не отпал святой от правой совести или не впал он в гордость по причине данных ему силы и благодати; так было с Павлом. На время Бог оставляет человека для исправления другого, дабы другие, смотря на него, исправлялись, так было с Лазарем и богатым.

Иосиф Левин «Сочинения». Хаос предстает перед нами и в облике судьбы. Ибо судьба, рок, μοῖρα [случай, судьба] - это нечто оголенное от всего того, что мы связываем с эманациями [истечениями Абсолюта]. Здесь нет ни логической или даже причинной закономерности, ни целесообразности, ни сознательного решения кого бы то ни было, - остается слепой случай. И недаром рок отождествляется с жребием (уже в кумранских рукописях). И у греков судьба - она же τύχη. Судьба - это олицетворение власти слепой силы... Сознательные действия Лайя, направленные на то, чтобы избежать судьбы, неукоснительно ведут к роковому концу. Поскольку случаю приписывается власть над разумным и целесообразным - он превращается в слепую необходимость. Моῖρα вместе с тем и ἀναγκή [необходимость, рок, судьба], destino invitto e ferrata necessita [непобедимая судьба и железная необходимость] (Леопарди), властвующие не только над людьми, но и над богами.

Итак, не чистая случайность, а случайность, вторгшаяся в мир сознательного и разумного; как власть, она издает свои предписания; это случайность, приспособляющаяся к своему новому окружению, воспринимающая некоторые его формы и, так сказать, использующая заимствованные у него средства. Но эта необходимость - прямая противоположность логической, причинной, разумной. Это необходимость или неизбежность, которая ничем не может быть обоснована (судьба! не судьба!). Это хаос, возведенный в закон, абсурд, прикидывающийся смыслом. Понятие судьбы содержит, таким образом, два момента: непререкаемость предначертанного - и его абсолютную необоснованность законами логики, природы, жизни, этики. Человеку трудно сохранить «чистую» идею судьбы. У греков в нее привносится этический элемент. Роковой финал в какой-то мере предопределен наследственным грехом. В христианстве и исламе (кисмет) судьба отчасти совпадает с решением Бога, с тем, что «в высшем суждено совете». Но по существу мир, в котором царит Рок - это мир без Бога.

Но в чем реальное зерно этой идеи?

Говорят, что человек творец своей судьбы. Во всяком случае, человек может дать немало в выработке своего характера, изменении среды как географической, так и социальной, может переменить окружающую его обстановку и т.д. и т.п. Но исходная точка этого развития от него не зависит, и это ограничивает и все его дальнейшие возможности. Я имею в виду те данные, с которыми он появляется на свет, эпоху, место в пространстве, страну, национальность и т.д. Конечно, наука доказывает, что все это обусловлено, что данный субъект является продуктом определенных хромосом, генов, и что законы наследственности, обстоятельства, среда предопределяют рождение именно данной собаки, именно овчарки, а не пуделя, кобеля, а не суки. Все это так, собаку бы эти научные данные вполне удовлетворили. А вот для меня все же остается непостижимым, что этот предопределенный субъект - это я, именно Я. И я понимаю, что это справедливо в отношении всякого другого я. Встречу этого детерминированного прошлым субъекта именно со мной - а я чувствую с самого начала, что я этим субъектом не исчерпываюсь, - я и воспринимаю как свою судьбу, как роковую власть случая, τύχη, как нечто несводимое ни к логической или физической необходимости, ни к целесообразности, ни к сознательному решению. Судьба - это месть хаоса, ибо щупальцы его достигают меня сквозь все

эманации в виде моей прирожденной единичности. Но мое развитие - это уже не судьба, это уже результат моего единоборства с судьбой.

№4. Что такое судьба, согласно В. Франклу? В каких формах она выражается? Как связаны судьба и свобода личности?

Виктор Франкл «Свобода и ответственность».

Ответственность человека, осознание которой столь важно для экзистенциального анализа - это ответственность перед неповторимостью и уникальностью каждого человеческого существования; существования ответственного перед лицом своей конечности. Эта конечность жизни не делает ее бессмысленной; напротив, смерть делает жизнь осмысленной. Мы сказали, что неповторимость жизни включает в себя неповторимость каждой ситуации; единственность жизни включает единственность каждой судьбы. Судьба вообще является, по аналогии со смертью, частью жизни. Человек не может выйти из рамок своей конкретной, единственной и неповторимой судьбы. Если он борется против своей судьбы, против того, за что он не несет никакой ответственности или вины, тогда он игнорирует смысл судьбы, а смысл судьбы существует - именно судьба дает жизни смысл, как и смерть. В границах своего исключительного пространства - судьбы - каждый человек незаменим. Каждый отдельный человек со своей единственной судьбой - один во всем космосе. Его судьба не повторится. Ни у кого нет тех же самых возможностей, какие есть у него, и он сам никогда больше не будет иметь их вновь. Все те возможности реализовать ценности творчества или переживания, которые ему выпадают, т. е. все, что ему преподнесет судьба и чего он, следовательно, не сможет изменить, а должен будет нести, реализуя ценности отношения, - все это уникально и неповторимо.

Парадоксальность отказа от судьбы становится ясной, когда кто-нибудь спрашивает, кем бы он стал, если бы его зачал не его фактический отец, а какой-нибудь другой человек. Но при этом он забывает, что в этом случае «он» был бы не он, что носителем судьбы был бы совсем другой, так что он больше не мог говорить уже о своей судьбе. Следовательно, вопрос о возможности другой судьбы сам по себе невозможен, противоречив и бессмыслен.

Судьба относится к человеку так же, как земля, к которой его приковывает сила тяжести, но без которой, однако, ходьба была бы невозможной. Мы должны принять свою судьбу, как и землю, на которой мы стоим, - землю, служащую нам трамплином для нашей свободы. Свобода без судьбы невозможна; свобода может означать лишь свободу по отношению к своей собственной судьбе. Каждый человек свободен. Но он не свободно парит в безвоздушном пространстве, а окружен множеством взаимосвязей. Эти взаимосвязи являются, однако, точками посягательства на его свободу. Свобода предполагает связанность, не может обойтись без нее. Но эта невозможность не означает зависимости. Земля, по которой идет человек, трансцендируется каждый раз уже в ходьбе и является для него стартовой площадкой. Если бы мы захотели дать определение человеку, то следовало было бы определить его как существо, которое каждый раз освобождается от того, чем оно определяется (определяется как биологический, социологический и психологический тип); то есть существо, которое трансцендирует все эти определения, преодолевая или преобразуя их, и в то же время продолжая подчиняться им.

Эта парадоксальность характеризует диалектический характер человека, к существенным чертам которого относятся его вечная незаконченность и отказ от самого себя; его реальностью является возможность, а его бытие определяется тем, чем он может быть.

Человеческое бытие - это ответственное бытие, потому что это свободное бытие. Это бытие, которое каждый раз решает, чем ему быть: это «решающее бытие» (Ясперс). Это именно бытие, а не просто наличествование (Хайдеггер). Стол, который стоит передо мной, есть и останется таким, какой он есть, если он не будет изменен человеком; человек же, который сидит за этим столом напротив меня, каждый раз решает, кем он будет в следующую секунду, что он скажет мне или, может быть, не скажет. Многообразие различных возможностей, из которых он в своем существовании реализует всегда лишь единственную, отличает его бытие как таковое (отличительное бытие человека, названное экзистенцией, может быть также обозначено как «бытие, которым являюсь я»). От выбора среди огромного количества возможностей человеку не уйти ни на один миг своей жизни. Он может только делать вид, будто не имеет свободы выбора и принятия решений...

Комизм человека, который не осознает свою свободу принятия решений, становится очевидным в некоторых забавных историях. Так, одна из них рассказывает о человеке, который объясняет своей жене, сколь аморально современное человечество, и в качестве доказательства добавляет: «Сегодня, например, я нашел сумку. Ты думаешь, мне пришло в голову отдать ее в бюро находок?». Что смешного в этом человеке? Да то, что он говорит о собственной аморальности так, как будто за нее не отвечает. Этот человек делает вид, что он должен принимать свою собственную аморальность как данность, так же как следует принимать аморальность других людей как факт. Он делает вид, будто он несвободен и не может решать, оставит ли он сумку у себя или отнесет ее в бюро находок.

Мы уже упоминали о человеке, который представил «сущность» жизни как процесс сгорания. Свеча, которая наличествует (пользуясь экзистенциалистской терминологией), сгорает до конца, не будучи в состоянии каким-либо образом управлять этим процессом; человек же - напротив, каждый раз имеет возможность свободно решать, как распорядиться своим бытием. Его возможность решать настолько всеобъемлюща, что он может воспользоваться еще и возможностью самоуничтожения: человек может «погасить самого себя». Свобода любого решения, так называемая свобода воли, является для непредубежденного человека вещью само собой разумеющейся; он воспринимает себя свободным. Серьезно сомневаться в свободе воли может лишь тот, кто находится в плену детерминистской философской теории или страдает параноидной шизофренией и воспринимает свою волю как несвободную, «навязанную». Однако в невротическом фатализме скрыта свобода воли: невротик сам себе закрывает путь к действительным возможностям, он сам преграждает себе путь к тому, чем он мог бы быть. Так он деформирует свою жизнь и уходит от действительности становления вместо того, чтобы ее совершать (так как человеческое бытие как целое может быть охарактеризовано как «действительность свершения»). Свободе воли противостоит судьба, так как судьбой мы называем именно то, что принципиально ускользает от свободы человека, то, что не находится ни во власти, ни в ответственности человека. Причем мы ни на один миг не забываем, что человеческая свобода как таковая накрепко связана с судьбой, поскольку она вообще может раскрыться лишь в ней и благодаря ей.

К судьбе относится, прежде всего, все прошлое (в силу своей необратимости). Фактическое (сделанное, ставшее, прошедшее) и есть подлинный фатум. И тем не менее, человек свободен и по отношению к прошлому, а следовательно, и по отношению к судьбе. Хотя прошлое и делает понятным настоящее, было бы несправедливым, если бы будущее определялось исключительно прошлым, - характерное заблуждение типично невротического

фатализма, который одновременно с пониманием ошибок, сделанных в прошлом, соглашается на прощение тех же самых ошибок в будущем, тогда как ошибки прошлого могли бы служить благодатным материалом для «лучшего» будущего, если бы из них извлекали уроки. Следовательно, человеку предоставляется свобода: или фаталистически относиться к своему прошлому, или извлекать из него уроки. Но учиться никогда не бывает слишком поздно – как, впрочем, и никогда не бывает слишком рано. Кто игнорирует это, подобен тому пьянице, которому однажды сказали, что он должен бросить пить, на что он ответил, что уже слишком поздно; когда же ему возразили, что это-де никогда не поздно сделать, он ответил: «Тогда у меня тем более еще есть время!».

Благодаря необратимости прошлого, которое стало судьбой, как раз и провозглашается человеческая свобода: судьбе следует каждый раз быть стимулом для ответственного деяния. Человеку приходится в жизни каждый раз из всего множества возможностей выбрать одну-единственную и, реализуя ее, помещать в царство прошлого, укрывая, так сказать, в надежное место. Прошедшее «остается» в царстве прошлого, как бы парадоксально это ни звучало, и «остается» не вопреки, а именно благодаря тому, что оно прошло! Ведь мы уже говорили, что реальность прошлого сохраняется в двойном смысле «уничтожения» и «сохранения», и утверждали: происшедшее – это самая «надежная» форма бытия. Преходящи лишь возможности (вспомните о неповторимых ситуационных ценностях и о необратимо преходящей возможности их реализации); то, что сохранено от преходящести, – это сохраненная в прошлом реальность. Мгновение становится вечностью, если удастся превратить возможности, которые таит в себе настоящее, в те реальности, которые в прошлом надежно укрыты «навечно». В этом смысл любой реализации. В этом смысле человек реализует возможности не только тогда, когда он совершает какое-то деяние или создает произведение, но и тогда, когда речь идет лишь о переживании. В этом смысле, и в соответствии с логикой объективизма этого рода, можно утверждать, что реализованное путем переживания не может быть действительно уничтожено тем, что оно попадает в забвение, даже путем полного устранения возможности ожить в воспоминаниях, например, из-за смерти субъекта переживаний. Обычно человек видит лишь скошенное поле преходящего; но он упускает из виду полные сараи прошлого. В прошлом же, однако, нет ничего безвозвратно потерянного, скорее все сохранено без потерь. Нельзя устранить из мира ничего, что однажды произошло: ведь однажды оно было привнесено в мир!...

Если мы обратимся к тем случаям или ситуациям, в которых человек сталкивается с биологической судьбой, то перед нами возникнет вопрос, как далеко простирается свобода человека по отношению к органическому или как глубоко в физиологическое проникает власть его свободной воли... Должны ли мы подчиниться власти биологической судьбы? ... тот, кто считает свою судьбу решенной окончательно и бесповоротно, не в состоянии победить ее...

На мой взгляд, не нужно постоянно противопоставлять силу человеческого духа силе природы. И та и другая свойственны человеку, в нем все взаимосвязано. Ведь человек – гражданин нескольких государств, в жизни он постоянно находится в напряжении, в биполярном силовом поле. Если бы мы захотели сопоставить действие этих сил, то это привело бы к ничейному результату. Вечная борьба свободы человека в нем с его внутренней и внешней судьбой и составляет, собственно, его жизнь. Не желая ни в малейшей степени недооценить фактор судьбы, мы, врачи-психотерапевты, видим в ней все же, в конечном счете, лишь испытание для человеческой свободы. По эвристическим соображениям нам следовало бы делать вид, как будто граница свободного

«могу» по отношению к продиктованному судьбой «должен» бесконечно удалена, - тогда мы, по крайней мере, сможем пойти так далеко, как это только возможно (Рудольф Адлерс)...

Биологическая судьба является для человеческой свободы лишь материалом, который надо еще преобразовать. В этом, с позиции человека, заключается ее последний смысл. Действительно, мы постоянно видим, как человек успешно встраивает ее в свое историческое или биографическое здание жизни. Мы постоянно встречаем людей, которым образцовым образом удалось преодолеть первоначальные ограничения их свободы, обусловленные биологически; преодолеть трудности, стоявшие вначале на пути их духовного развития. Способ организации их жизни сравним с художественным или спортивным достижением...

Нам известен мужчина, у которого вследствие заболевания головного мозга, перенесенного еще в чреве матери, были частично парализованы руки и ноги; его ноги были такими хилыми, что он мог передвигаться только в коляске. До самой поздней юности он считался умственно отсталым и оставался безграмотным, пока наконец в нем не принял участие один ученый и не организовал для него занятия; в необычайно короткое время наш пациент изучил не только письмо, чтение, но и вузовские дисциплины - в тех областях, которые его особенно интересовали. Целый ряд выдающихся ученых и университетских профессоров соревновались за честь быть его личным учителем. У себя дома он несколько раз в неделю устраивал приемы, где вызывающим восхищение центром был он сам. Прекрасные женщины жаждали его благосклонности; из-за него между ними возникали сцены, скандалы, были даже попытки самоубийств. При всем этом мужчина был даже не в состоянии нормально говорить: его артикуляция также была вовлечена в болезненный процесс; потя от напряжения, с судорожным лицом, он вынужден был энергично бороться за техническое воспроизведение каждого отдельного слова. Какое же достижение представляет собой организация жизни этого человека, какой силой убедительности обладает она в качестве образца для наших больных, имеющих в среднем значительно более легкий старт, чем этот пациент, который, если бы все пошло лишь в соответствии с его «судьбой», с таким же успехом еще и сегодня мог бы владеть жалкое существование в известном заведении, чтобы однажды там умереть.

Теперь перейдем к обсуждению того, что мы назвали психологической судьбой человека и под чем мы понимаем то душевное, что противостоит человеческой свободе. Невротические больные склонны к слепой вере в судьбу в психологическом смысле и постоянно ссылаются на то, что направление, сила их влечений или слабость воли и характера предопределены судьбой. Невротик со свойственным ему фатализмом следует формуле: «Так есть - и таким это и останется»; и как раз в последней части этой формулы он оказывается не прав.

Я «хочу». Оно «вынуждает». Но человеческое Я никогда не бывает просто «вынуждаемо». Хождение под парусом заключается не в том, что лодку просто гонит ветром; искусство хождения под парусом начинается с того, что человек использует силу ветра в нужном ему направлении, так что он может даже направить свою лодку и против ветра. Первоначальной слабости воли, вероятно, не существует; сила воли хотя и гипостазирована невротиком, но не является чем-то статическим, чем-то раз и навсегда данным, а является функцией: ясного осознания цели, честного решения и известной тренировки. Если человек, еще до того, как он попытается что-то сделать, будет постоянно думать о том, что попытка не удастся, она и не сможет удалиться; уже потому не сможет, что свою неправоту признают неохотно даже перед самим собой...

К тому же под влиянием положений индивидуальной психологии - неверно понимая их и неверно используя - невротические фаталисты ссылаются иногда и на то, что «сделали» из него воспитание и среда, на то, что они определили его судьбу и тому подобное. Такие люди хотят освободить себя от ответственности за слабость своего характера. Они принимают эту слабость как данность, вместо того чтобы поставить перед собой задачу самовоспитания. Одна больная, которая однажды после попытки самоубийства была доставлена в клинику нервных болезней, сказала психотерапевту, отклоняя его помощь: «Чего вы хотите от меня? Я – типичный «единственный ребенок» по Альфреду Адлеру». Как будто речь не идет как раз о том, чтобы освободиться от дурного типического, что есть в человеке...

Во многих случаях душевных заболеваний возможное свободное духовное отношение больного к ним может быть реализовано лучше всего в форме примирения с судьбой. Ведь именно тщетная длительная борьба со свойственными живым существам состояниями ведет к дополнительной депрессии; тогда как тот, кто эти состояния без сопротивления просто принимает, скорее избавляется от них...

Всякому психиатру известно, каким различным - в зависимости от разных установок духа - может быть поведение психически больных людей при одном и том же психозе. Один паралитик раздражен и настроен враждебно по отношению к людям, тогда как другой - добродушен, любезен и даже очарователен...

Мы считаем, что отдельный человек во всех отношениях включен в социальный контекст. Он определен сообществом в двояком смысле: с одной стороны, он обусловлен всем социальным организмом, а с другой стороны, одновременно целенаправлен на этот совокупный организм. Таким образом, существует как социальная обусловленность индивидуума, так и его социальная целенаправленность. Что касается социальной обусловленности, следует подчеркнуть, что так называемые социологические законы никогда не детерминируют индивидуум полностью; следовательно, ни в коей мере не лишают его свободы воли. По отношению к социальной судьбе человек так же сохраняет поле свободных возможностей принятия решений, как и по отношению к своей биологической или психологической судьбе. Что же касается социальной направленности, то следует указать на то заблуждение, которые в области психотерапии свойственно прежде всего индивидуальной психологии: я имею в виду ту ошибочную точку зрения, согласно которой все ценностное поведение человека в конечном счете есть не что иное, как социально правильное поведение. Точка зрения, что ценностным может быть только то, что полезно обществу, не выдерживает никакой критики. Она привела бы к ценностному обеднению человеческого бытия. Можно легко доказать, что в мире ценностей существуют индивидуальные области ценностей, реализация которых может быть и даже должна быть осуществлена помимо и независимо от любого человеческого сообщества. Именно там, где речь идет о ценностях переживания, нет места пользе для сообщества. Ценностная полнота, которая открывается отдельному человеку в процессе художественных переживаний или созерцания природы, совершенно не зависит от того, получит ли когда-нибудь сообщество от этого пользу. При этом мы не упускаем из виду, что имеется еще ряд ценностей переживания, которые по своей сути остаются в области ценностей общественного переживания — происходит ли это на более широкой основе (товарищество, солидарность) или же на основе эротического партнерства, в форме сообщества двух людей...

Задания к семинару № 5 (Раздел 4 ОНТОЛОГИЯ ИДЕАЛЬНОГО МИРА, [Темы № 7, 8, 9, 10](#))

№1. Каков смысл образа пещеры и света за ее пределами?

Платон «Государство». Представь, что люди как бы находятся в подземном жилище наподобие пещеры, где во всю ее длину тянется широкий просвет. С малых лет у них на ногах и на шее оковы, так что людям не двинуться с места, и видят они только то, что у них прямо перед глазами, ибо повернуть голову они не могут из-за этих оков. Люди обращены спиной к свету, исходящему от огня, который горит далеко в вышине, а между огнем и узниками проходит верхняя дорога, огражденная, представь, невысокой стеной вроде той ширмы, за которой фокусники помещают своих помощников, когда поверх ширмы показывают кукол.

– Это я себе представляю,— сказал Главкон.

– Так представь же себе и то, что за этой стеной другие люди несут различную утварь, держа ее так, что она видна поверх стены; проносят они и статуи, и всяческие изображения живых существ, сделанные из камня и дерева. При этом, как водится, одни из несущих разговаривают, другие молчат.

– Странный ты рисуешь образ и странных узников!

– Подобных нам. Прежде всего, разве ты думаешь, что, находясь в таком положении, люди что-нибудь видят, свое ли или чужое, кроме теней, отбрасываемых огнем на расположенную перед ними стену пещеры?

– Как же им видеть что-то иное, раз всю свою жизнь они вынуждены держать голову неподвижно?

– А предметы, которые проносят там, за стеной? Не то же ли самое происходит и с ними?

– То есть?

– Если бы узники были в состоянии друг с другом беседовать, разве, думаешь ты, не считали бы они, что дают названия именно тому, что видят?

– Непременно так.

– Далее. Если бы в их темнице отдавалось эхом все, что бы ни произнес любой из проходящих мимо, думаешь ты, они приписали бы эти звуки чему-нибудь иному, а не проходящей тени?

– Клянусь Зевсом, я этого не думаю. – Такие узники целиком и полностью принимали бы за истину тени проносимых мимо предметов.

– Это совершенно неизбежно.

– Понаблюдай же их освобождение от оков неразумия и исцеление от него, иначе говоря, как бы это все у них происходило, если бы с ними естественным путем случилось нечто подобное. Когда с кого-нибудь из них снимут оковы, заставят его вдруг встать, повернуть шею, пройти, взглянуть вверх – в сторону света, ему будет мучительно выполнять все это, он не в силах будет смотреть при ярком сиянии на те вещи, тень от которых он видел раньше. И как ты думаешь, что он скажет, когда ему начнут говорить, что раньше он видел пустяки, а теперь, приблизившись к бытию и обратившись к более подлинному, он мог бы обрести правильный взгляд? Да еще если станут указывать на ту или иную проходящую перед ним вещь и заставят отвечать на вопрос, что это такое? Не считаешь ли ты, что это крайне его затруднит и он подумает, будто гораздо больше правды в том, что он видел раньше, чем в том, что ему показывают теперь?

– Конечно, он так подумает. – А если заставить его смотреть прямо на самый свет, разве не заболят у него глаза и не отвернется он поспешно к тому, что он в силах видеть, считая, что это действительно достовернее тех вещей, которые ему показывают?...

– Тут нужна привычка, раз ему предстоит увидеть все то, что там, наверху. Начинать надо с самого легкого: сперва смотреть на тени, затем – на отражения в воде людей и различных предметов, а уж потом – на самые вещи; при этом то, что на небе, и самое небо ему легче было бы видеть не днем, а ночью, то есть смотреть на звездный свет и Луну, а не на Солнце и его свет.

– Несомненно.

– И, наконец, думаю я, этот человек был бы в состоянии смотреть уже на самое Солнце, находящееся в его собственной области, и усматривать его свойства, не ограничиваясь наблюдением его обманчивого отражения в воде или в других ему чуждых средах...

– Так как же? Вспомнив свое прежнее жилище, тамошнюю премудрость и сотоварищей по заключению, разве не сочтет он блаженством перемену своего положения и разве не пожалеет своих друзей?

– И даже очень.

– А если они воздавали там какие-нибудь почести и хвалу друг другу, награждая того, кто отличался наиболее острым зрением при наблюдении текущих мимо предметов и лучше других запоминал, что обычно появлялось сперва, что после, а что и одновременно, и на этом основании предсказывал грядущее, то, как ты думаешь, жаждал бы всего этого тот, кто уже освободился от уз, и разве завидовал бы он тем, кого почитают узники и кто среди них влиятелен? Или он испытывал бы то, о чем говорит Гомер, то есть сильнеешим образом желал бы

...как поденщик, работая в поле,

Службой у бедного пахаря хлеб добывать свой насущный

и скорее терпеть что угодно, только бы не разделять представлений узников и не жить так, как они?

– Я-то думаю, он предпочтет вытерпеть все, что угодно, чем жить так.

– А если бы ему снова пришлось состязаться с этими вечными узниками, разбирая значение тех теней? Пока его зрение не притупится и глаза не привыкнут – а на это потребовалось бы немалое время, – разве не казался бы он смешон? О нем стали бы говорить, что из своего восхождения он вернулся с испорченным зрением, а значит, не стоит даже и пытаться идти ввысь. А кто принялся бы освобождать узников, чтобы повести их ввысь, того разве они не убили бы, попадись он им в руки?

– Непременно убили бы.

№2. Какова связь между тем, что говорится в тексте Н. О. Лосского и в стихотворении Ш. Бодлера?

Николай Онуфриевич Лосский «Чувственная, интеллектуальная и мистическая интуиция». Положим, я слышу четыре удара башенных часов, отмечающих время. Слышимые мною звуки суть события во времени, но что такое «четыре»? Когда я мыслю число «четыре», смысл этого слова явным образом не есть событие, возникающее и исчезающее во времени. Мое думание об этом смысле возникает и исчезает во времени, но сам думаемый мною смысл не течет во времени: форма «четверичности» слышимых мною четырех звуков есть нечто невременное... Будучи невременною и непространственною, она не обладает характером «непрерывной исчезаемости» и не приурочена к одному определенному отрезку времени или месту пространства: четыре звука, слышимые мною, четыре колебания маятника, всякий четырехстопный ямб в «Евгении Онегине» Пушкина, четыре чувства какого-либо человека, четыре звезды на небе и т. п. имеют одну и ту же, *тождественную* для всех перечисленных случаев форму «четверичности»; каждая *четверка* (звуков,

стихов, чувств и т. п.) есть новый экземпляр группы предметов, но форма *четверичности* в них буквально одна и та же, численно *одна*, *тождественная* для всех четверок, в каком бы времени и в каком бы месте пространства они ни находились. Учение о таких невременных и непространственных основах мира разработал Платон и назвал их словом *идея* или *эйдос* (idea, eidos). Изучаемые математикой числа, величины, отношения их суть невременные и непространственные идеи, тождественные для всех предметов всего мира. Даже основные свойства времени и пространства, например то, что в них есть отношения «прежде», «после», «сзади», «спереди» и т. п., тоже суть идеи, не текущие во времени и не сидящие в определенном месте пространства, а тождественные элементы всякого времени и пространства. Идеи не суть мысли; они суть своеобразный вид бытия...

Кроме перечисленных, и все другие отношения, благодаря которым мир есть систематическое целое, например отношение схождения, противоречия, противоположности, единства и т. п., – суть идеи. Их можно назвать *формальными* идеями, так как они образуют форму мира. Но, кроме формальных, есть еще и *материальные* идеи. Таковы все содержания мира, мыслимые нами в *общих* понятиях, например в понятии лошадь, человек и т.п. В понятии лошадь мы мыслим природу всякой лошади, ее лошадность; в понятии человек – природу всякого человека, нашу человечность.

Материальные идеи, как и формальные, невременны и непространственны; поэтому они могут быть *тождественною* основой единичных предметов, находящихся в различных местах пространства и в различные времена. Следующий пример может дать представление об этом виде связи предметов. Философ Сократ жил в Афинах в V веке до Р. Хр., французский философ Декарт жил в Западной Европе в XVII веке, немецкий философ Кант жил в Кенигсберге в XVIII веке. Время и место жизни этих лиц находится сполна вне друг друга, но в составе их бытия находится одна и та же, буквально тождественная, идея человечности, т. е. человеческой природы. Индивидуальное сверхвременное и сверхпространственное я Сократа, Декарта и Канта организовало свое тело и творило события своей жизни, руководясь одною и тою же идеею человечности.

Всякое событие и всякий процесс имеет в своей основе много различных идей, формальных и материальных. Следовательно, в мировом бытии, кроме ежемгновенно исчезающей стороны, есть очень много устойчивого, невременного бытия, и потому понятно, что нам кажется, будто многие окружающие нас предметы подолгу совсем не меняются. Когда мы смотрим на белый потолок своей комнаты, на черную поверхность своего стола, нам кажется, что цвет этих предметов не есть событие, что он в течение часа не меняется; на самом деле, эти цвета вместе с лучами света, идущими от потолка и стола к нашему глазу, ежемгновенно отпадали в прошлое и вновь нарождались в очень *сходной* форме, и притом сообразно одной и той же *идее* белизны, одной и той же идее черноты...

Английский философ XVIII века Беркли совершил ошибку такую же, как Антисфен. Он говорил, что, например, треугольник как общая идея не может существовать в нашем уме, потому что он был бы «не остроугольный, не равносторонний, не равнобедренный, но и не разносторонний, а обладающий всеми этими и ни одним из этих свойств», что очевидно нелепо. Явным образом Беркли требует *наглядности*: он воображает, будто общая идея треугольника должна была бы предстать перед умом как *треугольник*; между тем она есть не треугольник, а *треугольность*. Совершенно очевидно, что тождественная треугольность присуща и тупоугольному, и прямоугольному, и остроугольному треугольнику, потому что она не видоизменена ни первым, ни вторым, ни третьим способом, но представляет собою основу для спецификации и первым, и вторым,

и третьим способом. *Увидеть* треугольность так, как мы видим единичный равнобедренный прямоугольный треугольник с катетами, равными сантиметру, *символизируемый* линиями на чертеже, невозможно: треугольность абсолютно ненаглядна. Тем не менее идея треугольности предстает нашему умозрению, подобно идее четверичности, как нечто в высшей степени содержательное по своим связям и законосообразностям: из идеи треугольности (на плоскости в евклидовом пространстве) следует с абсолютной достоверностью, что у всякого евклидовского треугольника сумма углов равна двум прямым углам, сумма двух сторон больше третьей и т. д. до бесконечности.

Те же соображения применимы и к материальным общим идеям: идея человека, лошади и т. п. – это не человек, у которого, конечно, волосы были бы черные или русые, и не лошадь, которая должна была бы пастись в определенном месте пространства: это – отвлеченная человечность, лошадность и т. п.

Шарль Бодлер «Красота».

О смертный! Как мечта из камня, я прекрасна!
И грудь моя, что всех погубит чередой,
Сердца художников томит любовью властно,
Подобной веществу, предвечной и немой.
В лазури царствую я сфинксом непостижным;
Как лебедь, я бела, и холодна, как снег;
Презрев движение, люблюсь неподвижным;
Вовек я не смеюсь, не плачу я вовек.
Я – строгий образец для гордых изваяний,
И, с тщетной жаждою насытить глад мечтаний,
Поэты предо мной склоняются во прах.
Но их ко мне влечет, покорных и влюбленных,
Сиянье вечности в моих глазах бессонных,
Где все прекраснее, как в чистых зеркалах.

№3. Какая общая мысль содержится в обоих текстах? Соответствует ли она реальности, и почему?

Альфред Уайтхед «Очерки науки и философии Математика и добро».

Какое фундаментальное понятие лежит в основании алгебры? Это понятие «любого примера данного вида в абстракции от некоторой конкретной экзemplификации этого примера или этого вида».

Первое животное на Земле, которое хотя бы на мгновение обладало данным понятием, и оказалось первым рациональным существом. Конечно, можно наблюдать, как животные выбирают между *этой* вещью и *той* вещью. Но интеллект животных требует конкретных примеров. Человеческий же интеллект способен представить тип вещей в абстракции от таких примеров. Самым очевидным проявлением этой человеческой черты оказываются математические понятия и идеалы добра, т. е. идеалы, которые находятся за пределами возможности их непосредственной реализации.

Человечеству не дано практически воспринимать точность реализации, в то время как математика и идеалы совершенства заинтересованы именно в такой точности. В этом различие между практикой и теорией. Любая теория так или иначе требует точных понятий, как бы она это ни скрывала. На практике точность исчезает, а единственной проблемой остается: «Работает ли это?» Но цель практики может быть определена только при использовании теории, так что

вопрос «работает ли это?» есть попросту отсылка к теории. Смутная практика стимулируется ясностью идеального опыта.

Никто еще на практике не наблюдал точного математического понятия. Обратите внимание на ребенка, обучавшегося геометрии. Он ведь никогда не наблюдал точку как таковую или строгую линию, строгую прямизну или строгий круг. В сознании ребенка подобные вещи были нереализованными идеалами. Со всем этим согласится практически любой здравомыслящий человек. Но когда мы перейдем к арифметике, он начнет увиливать. Вы можете услышать, как он говорит (вероятно, вы и сами так говорите): «Я вижу 1 стул, 2, 3, 4, 5 стульев, и я способен наблюдать, что 2 и 3 стула, будучи соединенными вместе, формируют группу в 5 стульев». Таким путем наш здравомыслящий друг якобы мог наблюдать точные примеры арифметических понятий и арифметическую теорему.

Итак, наш вопрос следующий: «Точно ли он наблюдал, т. е. обладал ли он точными понятиями, установленными в его концептуальном опыте?» В каком смысле он наблюдал именно один стул? Он наблюдал смутную дифференциацию в общем контексте своего визуального опыта. Но представьте, что мы поймаем его на одной миллиардной доле дюйма. Где же заканчивается стул и начинаются остальные вещи? Который атом относится к стулу, а который - к окружающему пространству? Стул постоянно получает и теряет атомы. Он не является строго дифференцированным от своего окружения, не является он также самотождественным в течение времени. Опять же, рассмотрим стул в течение долгих периодов. Он постоянно изменяется - изменяются даже все его твердые деревянные части. Например, за миллион лет нахождения в пещере он становится хрупким и распадается от соприкосновения. Медленное, невоспринимаемое изменение происходит постоянно.

Вспомните, что человеческие понятия одного дюйма длины или одной секунды времени, будучи небольшими базисными количествами, полностью соответствуют человеческой жизни. Более того, современные открытия физиков и астрономов показали нам важность как ничтожнейших, так и огромных событий. Наш точный концептуальный опыт есть разновидность выделения важного. Он оживляет идеалы, которые придают силу реальным событиям. Он добавляет восприятие ценности и красоты к простому протеканию чувственного опыта. Именно благодаря концептуальному стимулу заход солнца демонстрирует все великолепие неба. При этом мы, конечно, не имеем в виду, что простое течение наших осознаваемых мыслей создает такое чудо. Это - трансформация реального опыта в его идеальный предел.

Фридрих Энгельс «Письмо К. Шмидту 12.03.1895». То и другое, понятие о вещи и ее действительность движутся вместе, подобно двум асимптотам, постоянно приближаясь друг к другу, однако никогда не совпадая. Это различие между обоими именно и есть то различие, в силу которого понятие не есть прямо и непосредственно действительность, а действительность не есть непосредственно понятие этой самой действительности. По той причине, что понятие имеет свою сущностную природу, что оно, следовательно, не совпадает прямо и *prime facie* [явно] с действительностью, из которой только оно и может быть выведено, по этой причине оно всегда все же больше, чем фикция; разве что Вы объявите все результаты мышления фикциями, потому что действительность соответствует им лишь весьма косвенно, да и то лишь в асимптотическом приближении...

Все они [экономические законы] не имеют иной реальности, кроме как в приближении, в тенденции, в среднем, но не в *непосредственной* действительности. Это происходит отчасти потому, что их действие перекрещивается с одновременным действием других законов, отчасти же и

вследствие их природы как понятий...Единство понятия и явления выступает как процесс по существу бесконечный...

Разве феодализм когда-либо соответствовал своему понятию? Возникший в западнофранкском королевстве, развитый дальше в Нормандии норвежскими завоевателями, усовершенствованный французскими норманнами в Англии и Южной Италии, он больше всего приблизился к своему понятию в эфемерном Иерусалимском королевстве, которое оставило после себя в «Иерусалимских ассизах» наиболее классическое выражение феодального порядка. Неужели этот порядок был фикцией, оттого что лишь в Палестине он достиг на короткое время вполне классического выражения, да и то в значительной мере лишь на бумаге?

Разве понятия, господствующие в естествознании, становятся фикциями, оттого что они отнюдь не всегда совпадают с действительностью? С того момента, как мы приняли теорию эволюции, все наши понятия об органической жизни только приближенно соответствуют действительности. В противном случае не было бы вообще никаких изменений: в тот день, когда понятия и действительность в органическом мире абсолютно совпадут, наступит конец развитию. Понятие рыбы подразумевает жизнь в воде и дыхание жабрами; как же Вы хотите перейти от рыбы к земноводному, не отражая этот переход в понятии? И это было сделано; ведь мы знаем целый ряд рыб, у которых воздушный пузырь развился далее в легкие и которые могут дышать воздухом.

№4. Определите, какие тексты отражают телеологические взгляды, а в каких выражена критика телеологии. Какие аргументы Вам кажутся основательными, а какие – нет?

1. Аристотель. Трудность состоит в следующем: что препятствует природе производить не «ради чего» и не потому, что так лучше, а как Зевс, который посылает дождь не для роста хлебов, а в силу необходимости; ведь поднявшееся вверх [испарение] должно охладиться и после охлаждения, сделавшись водой, спуститься вниз, а когда это произошло, хлебу приходится расти. Подобным же образом, если хлеб погибает на гумне, дождь идет не для того, чтобы погубить его, а это произошло по [случайному] совпадению. Так что же препятствует, чтобы таким же образом обстояло в природе дело и с частями [животных], чтобы, например, по необходимости передние зубы вырастали острыми, приспособленными для разрывания, а коренные – широкими, годными для перемалывания пищи, так как не ради этого они возникли, но это совпало [случайно]? Так же и относительно прочих частей, в которых, по-видимому, наличествует «ради чего». Где все [части] сошлись так, как если бы это произошло ради определенной, цели, то эти сами собой выгодно составившиеся [существа] сохранились, те же, у которых получилось иначе, погибли и погибают, как те «быкорожденные мужелики», о которых говорит Эмпедокл.

Рассуждения, которыми пытаются преодолеть затруднения, таковы, а если какие-либо другие, то в том же роде; однако невозможно, чтобы дело обстояло таким образом. Все упомянутое, так же как все природные [образования], возникает или всегда одинаково, или по большей части, но это никак [не может быть] с теми, которые образуются случайно или самопроизвольно. Ведь считается, что не случайно и не вследствие простого совпадения идут частые дожди зимой, но [это будет иметь место] если [они пойдут] под знаком Пса; так же [не случайна] жара под знаком Пса, но [она будет случайна] зимой. Если, таким образом, что-нибудь существует, как нам кажется, или вследствие: [случайного] совпадения, или ради чего-нибудь, но ни по совпадению, ни самопроизвольно ему быть невозможно, то оно будет ради чего-нибудь. Но ведь все такие [явления]

существуют по природе, как признают это и сами рассуждающие о них; следовательно, имеется [причина] «ради чего» в том, что возникает и существует по природе.

2. Фрэнсис Бэкон. Дело в том, что рассмотрение вопроса о конечных причинах в физике совершенно изгнало из нее изучение физических причин, так что люди к огромному ущербу для науки успокоились на этих эффектных и неясных причинах, перестав настойчиво стремиться к исследованию реальных и подлинных физических причин. Впрочем, я считаю, что так поступал не только Платон, который всегда бросал якорь на этом берегу, но и Аристотель, Гален и другие, которые тоже частенько садятся на эту мель. Ведь тот, кто стал бы приводить объяснения такого рода, как «веки и ресницы – это вал и забор для защиты глаз», или «плотная кожа у животных существует для защиты от жары и холода», или «кости созданы природой как своего рода колонны и балки, чтобы на них держалось все здание тела», или «листья появляются на деревьях для того, чтобы предохранить плоды от солнца и ветра», или «облака несутся по небу для того, чтобы орошать дождями землю», или «земля уплотнена и тверда для того, чтобы живые существа имели возможность ходить по ней и стоять на ней» и т. п., – тот в области метафизики с успехом мог бы изучать их, в области же физики ему бы ничего не удалось сделать.

3. Алексей Федорович Лосев. Разве мы не представляем себе мира как бесконечной совокупности разнообразных закономерностей? И вообще, что такое любая вещь, лишенная всякой закономерности? Что такое цветок, который закономерно не появился на определенной почве? Что такое дерево, которое по определенному закону не выросло из-под земли, расцветает когда надо, увядает когда надо, а зимой даже и совсем как будто превращается в мертвое бревно? Словом, весь мир: и неодушевленный, и одушевленный, и человеческий, и вселенский – все это полно, полно и полно неисчислимого количества всяких закономерностей, из которых мы, теперешние, знаем пока еще только незначительную часть и далеко еще не овладели всеми космическими безднами, да еще большой вопрос, овладеем ли когда-нибудь. Теперь возьмите все эти бесконечные закономерности мировой истории и объедините их в одно целое. Возьмите все смысловое, что имеется в бессмысленном хаосе явлений, и объедините его тоже в одно целое, в один смысл. Тут уж сама рука пишущего напишет такой смысл с большой буквы. Да так оно и есть. Это же ведь и есть аристотелевский «Ум», в котором дано решительно все, но только дано не частично, не разорванно и даже не различимо, а сжато в одной неделимой точке, в которой уже, действительно, ничего ничему нельзя противопоставить. Правда, этот Ум не лишен у Аристотеля мистического налета. Он у него божественный, да, вероятно, и является самими этими богами как предельными обобщениями разных сторон космической действительности, но существующими в Уме абсолютно нераздельно. На основании этих наших наблюдений, нам кажется, всякий современный любитель Аристотеля и его эстетики не станет считать Ум Аристотеля такой уж безнадежной чепухой. Тут что-то есть такое, современное нам, а именно, здесь есть закономерность всей мировой истории или, вернее, принцип этой закономерности. Поэтому и все материальное тоже существует в этом же самом Уме, но только материальное, конечно, не в грубом смысле слова, а в смысле своего конечного предела. В Уме Аристотеля содержится и все смысловое, что есть в мире, и все материальное, заключенное в нем, да еще и все причины и цели реально существующего космоса..

4. Иммануил Кант. Но считать, что вещи природы служат друг другу средствами к достижению целей и что сама их возможность достаточно понятна лишь при допущении каузальности такого рода, – для этого мы не находим

основания в общей идее природы как совокупности предметов чувств. Ибо в приведенном выше случае представление о вещах, поскольку оно есть нечто в нас, вполне можно было бы априорно мыслить как пригодное и приспособленное к созданию внутренне целесообразной настроенности наших познавательных способностей; однако каким образом цели, которые не суть наши и не присущи природе (ее мы не считаем мыслящей сущностью), тем не менее могут или должны составлять особый вид каузальности или по крайней мере совершенно особую ее закономерность, утверждать априорно у нас нет достаточного основания. Более того, даже опыт не может доказать нам ее действительность; разве что ему должно предшествовать некое умствование, которое привносит понятие цели в природу вещей, но берет его не из объектов и их познания в опыте, следовательно, пользуется этим понятием скорее для того, чтобы сделать природу понятной по аналогии с субъективным основанием связи представлений в нас, чем для того, чтобы познать ее из объективных оснований.

5. Финализм Ганса Дриша. Укреплению позиций финализма в начале XX века способствовала виталистическая концепция целостности немецкого эмбриолога Г. Дриша. В экспериментальных наблюдениях над развитием яиц морских ежей Дришу удалось установить интересный факт. Искусственно отделяя друг от друга бластомеры, образовавшиеся после первого деления дробления, он отмечал, что, несмотря на эту операцию, из каждого изолированного бластомера развивались не половинчатые, а полноценные личинки. Тот же результат наблюдался и в случае четырех и восьми бластомеров, возникших при последующем дроблении. Из этих экспериментов Дриш сделал в целом правильное заключение, что зародыш представляет собой «гармонично-эквипотенциальную систему», все части которой обладают одинаковой потенцией и способны к восстановлению целого. Тем самым была открыта новая форма целесообразности – способность к достижению конечного результата различными путями и при любых начальных условиях, названная «эквивинальностью»...

В поисках объяснения этого замечательного явления Дриш сразу осознал непригодность обычных механистических каузальных моделей, но ошибочно связал их с пределами возможностей причинного подхода вообще и прибег к нематериальному фактору «целостности» – энтелехии, которая, будучи якобы врожденным идеальным свойством, незримо присутствует во всяком организме. В отличие от «жизненной силы» ранних виталистов Дриш наделил энтелехию сврхчувственной и несубстанциональной природой. Он сам называл ее «непознаваемым психическим» началом и отмечал, что «энтелехия всецело отлична от материи и полностью противоположна материальной каузальности». В понимании Дриша, энтелехия – это сама сущность жизни, основа наследственности и всех прочих свойств живого. Будучи носителем идеи «целое больше суммы частей», энтелехия представляет собой внутреннюю целестремительность, ориентирующую индивидуальное развитие на достижение целостного и гармоничного состояния и целесообразного реагирования на внешние условия.

6. «Финализм в современной биологии» Неизменность конечного результата, достигаемого разными путями, Риньяно считает единственным и совершенно объективным критерием финальности, свободным от всякого антропоморфизма. Если принять этот критерий, то финальность биологических процессов избавляется от таких субъективных атрибутов, как сознание и благо. В связи с этим Риньяно расширяет трактовку категории цели, предложенную Аристотелем и дает ей следующее определение: «цель есть конечный результат ряда данных биологических, физиологических или психических процессов,

который всегда остается одним и тем же, даже когда изменившиеся внешние условия изменяют реакцию организма, составленную этими процессами»...

Западногерманский биохимик Г. Шрамм, открывший химическим способом объединения нуклеотидов в нуклеиновые кислоты, считает, что природа «упорядочивающего» фактора в биологических процессах носит духовный характер. Подобный вывод следует из идеалистического понимания генетической информации, которая, по мнению Шрамма, передает от поколения к поколению лишь общий «план», согласно которому должен быть сформирован живой организм. Открытие генетического кода, т. е. записи в форме шифра «строительных планов» в гигантских молекулах ДНК, по Шрамму, «поразительно» особенно в том отношении, что «до сих пор полагали, что изобретение и чтение шифра свойственны лишь человеку». И далее Шрамм указывает, что молекулярная биология «показала также, как этот шифр может прочитываться другими молекулами и каким образом его *духовное содержание* воплощается в действительность».

7. Иосиф Левин. Слово «цель» стало одиозным, так как предполагает какую-то задачу, постановка которой предшествовала во времени ее осуществлению, а это уже теология, или в лучшем случае мифология. Но разве мы не наблюдаем эти «мифы» каждый день - вначале в себе, а потом и вокруг? Зачем ребенку те зачатки, которые должны ждать тринадцать-четырнадцать лет - до полового созревания? Зачем женской особи человека аппарат для кормления, который дожидается своего использования двадцать, тридцать и более лет, если вообще понадобится когда-либо? Зачем новорожденному сложный аппарат глаз, которыми он увидит лишь через некоторое время? И разве вся система пищеварения не рассчитана на будущие зубы? Причем ненужные в течение длительного времени органы и элементы не атрофируются, а наоборот, созревают. А врожденная склонность к упражнению мышц, голосовых связок и т.п.? А coitus или высиживание яиц птицами - объяснимы ли они без перспективы на будущее? А мозг, в котором все уже предусмотрено для будущей речи и мышления? А семя и эмбрион, а раскрытый недавно механизм передачи наследственной информации - разве все это не рассчитано пресловутой «природой» на будущее существо, или на будущие стадии его роста? А превращения всех этих личинок, куколок, головастиков и кто там их еще помнит - разве все эти процессы не снабжены стрелкой, указывающей на будущее? Наконец, не рассчитана ли вся система органов на длительное функционирование, на длительную жизнь организма, т.е. на его сохранение во времени? Отрицать все это - значит игнорировать различие между ростом организма и образованием вещи. Отрицание целесообразности в устройстве организма во всяком случае представляет собой отрицание эмпирической очевидности в угоду предубеждению... Считать «случайностью» повторяющееся миллиарды раз образование в двух различных организмах двух совершенно различных и в то же время так поразительно соответствующих друг другу и подчиненных одной задаче - размножению, - и к тому же самому организму ненужных устройств - значит заведомо отказываться смотреть правде в глаза. А ведь современная генетика показала, что тонкость и целесообразность этого устройства неизмеримо превышает все то, что можно было раньше представить и даже предположить. Можно смело сказать, что подобно тому как микрофизика разрушила старый механицизм, так и современная микробиология (точнее, молекулярная биология, включая генетику) разрушила дарвинизм, превратила естественный отбор лишь в частный случай. Дарвинизм как раз и представляет собой попытку свести целесообразность к случайности - попытку столь же бессмысленную, как сведение математического порядка к случайности, живого к

мертвому или сознательного к лишенному сознания. Смысл целесообразности как раз в том, что это одна из основных форм противослучайности, и поэтому эта задача если не логически, то философски внутренне противоречива.

Задания к семинару № 6 (РАЗДЕЛ 5 ДИАЛЕКТИКА, [Темы № 11, 12](#))

№1. Определите какие из данных текстов и высказываний близки к метафизике, какие – к релятивизму, какие – к диалектике. Обоснуйте ваш выбор.

1. Двух станов не боец, но только гость случайный,
За правду я бы рад поднять мой добрый меч,
Но спор с обоими – досель мой жребий тайный,
И к клятве ни один не мог меня привлечь;
Союза полного не будет между нами –
Не купленный никем, под чье б ни стал я знамя,
Пристрастной ревности друзей не в силах снести,

Я знамени врага отстаивал бы честь! *Алексей Константинович Толстой*

2. Он мыслит сплошными непосредственными противоположностями; речь его состоит из: «да: - да, нет - нет; что сверх того, то от лукавого». Для него вещь или существует, или не существует, и точно так же вещь не может быть самой собой и в то же время иной. Положительное и отрицательное абсолютно исключают друг друга; причина и следствие по отношению друг к другу тоже находятся в застывшей противоположности. Этот способ мышления кажется нам на первый взгляд вполне приемлемым потому, что он присущ так называемому здравому человеческому рассудку. *Фридрих Энгельс*

3. Для двух аспектов представлений - корпускулярного и волнового - Бор ввел выражение «дополнительность». Так же как все видимые цвета могут быть расположены в пары дополнительных цветов, дающих при смешивании белый цвет, так и все физические процессы могут рассматриваться с двух точек зрения: одна из них соответствует корпускулярному аспекту, а другая - волновому; оба они никогда не ведут к противоречиям, но оба необходимы, чтобы дать полное понимание процессов природы. Такое краткое выражение для сложной и трудной ситуации оказывается очень полезным, например при ответе на наивный вопрос: что «реально» представляет собой луч света, или вещество - поток частиц или волну? Всякий, кто однажды понял смысл «дополнительности», ответит этот вопрос как слишком упрощенный и бьющий мимо цели. *Макс Борн*

4. Враг помогает, друг вредит;

Вкус мы находим только в сене;

Бесстыдник тот, кто терпит стыд;

Без равнодушия нет влечения;

Порука силы – ослабление... *Франсуа Вийон «Баллада истин наизнанку».*

5. В книге Куллера мы находим следующие примеры знания и усвоения: речь есть форма письма (rassim), присутствие есть определенный тип отсутствия, маргинальное есть на самом деле центральное, буквальное есть метафорическое, истина есть род вымысла, чтение есть форма неправильного прочтения, понимание есть форма недоразумения, психическое здоровье есть своего рода невроз, а мужчина есть разновидность женщины. *Серль Дж. Р.*

6. Но метафизик подтвердит,

Что тот не мерзнет, кто горит,

Что тьма враждебна свету,

Что сушь – где влаги нету. *Фридрих Шиллер*

7. Так, например, говорят: «человек смертен» - и рассматривают смерть как нечто, имеющее свою причину лишь во внешних обстоятельствах; согласно этому способу рассмотрения, существуют два отделенных друг от друга свойства человека: быть живым, а также быть смертным. Но истинное понимание состоит в том, что жизнь как таковая носит в себе зародыш смерти и что вообще конечное в себе противоречиво и вследствие этого снимает себя. *Гегель*

8. Летишь в экспрессе – жди крушенья!

Ткань доткана – что ж, в клочья рви!

Нет творчества без разрушенья – Без ненависти нет любви.

Познал восторг – познай страданье.

Раз я меняюсь – я живу.

Застыть пристойно изваянью,

А не живому существу! *Игорь Северянин «Гармония контрастов».*

9. Так, например, одна пословица гласит: *summum jus summa injuria* [высшее право - высшее бесправие (несправедливость) (лат.)]. Это означает, что абстрактное право, доведенное до крайности, переходит в несправедливость. Точно так же известно, что в политике две крайности - анархия и деспотизм - взаимно приводят друг к другу. Осознание диалектики в области нравственности мы находим в известных пословицах: гордыня предшествует падению; что слишком остро, то скоро притупляется и т. д. ... Известно, что крайняя печаль и крайняя радость переходят друг в друга; сердце, переполненное радостью, облегчает себя слезами, а глубочайшая скорбь иногда проявляется улыбкой. *Гегель*

10. Мы словно облака вокруг луны, –

Летим сквозь ночь, трепещем и блистаем.

Сомкнется тьма – и вмиг поглощены,

Мы навсегда бесследно исчезаем.

Мы точно звуки несогласных лир –

Ответ наш разный разным дуновеньям.

Не повторит на хрупких струнах мир

То, что с прошедшим отошло мгновеньем.

Мы спим – расстроен сновиденьем сон.

Встаем – мелькнувшей мыслью день отравлен.

Веселье, плач, надежда, смех и стон –

Что постоянно в мире? Кто избавлен

От вечных смен? – Для них свободен путь.

Ни радость, ни печаль не знают плена.

И день вчерашний завтра не вернуть.

Изменчивость – одна лишь неизменна.

Перси Шелли «Изменчивость».

№2. Что такое развитие, по К. Н. Леонтьеву? От какого процесса оно отлично? Каковы фазы процесса изменения предмета? Идеализм или материализм лучше объясняет процесс развития?

Константин Николаевич Леонтьев «Византизм и славянство». Я спрошу себя прежде всего: что значит слово «развитие» вообще? Его недаром употребляют беспрестанно в наше время... Говорят беспрестанно: «Развитие ума, науки, развивающийся народ, развитый человек, развитие грамотности, законы развития исторического, дальнейшее развитие наших учреждений» я т. д. Все это хорошо. Однако есть при этом и ошибки, именно, при внимательном разборе, видим, что слово развитие иногда употребляется для обозначения вовсе

разнородных процессов, или состояний. Так, напр., развитый человек часто употребляется в смысле ученый, начитанный или образованный человек. Но это совсем не одно и то же. Образованный, сформированный, выработанный разнообразно человек и человек ученый - понятия разные. Фауст - вот развитый человек, а Вагнер у Гёте - ученый, но вовсе не развитый.

Еще пример. Развитие грамотности в народе - мне кажется вовсе неподходящее выражение. Распространение, разлитие грамотности - дело другое. Распространение грамотности, распространение пьянства, распространение холеры, распространение благонравия, трезвости, бережливости, распространение железных путей и т. д. Все эти явления представляют нам разлитие чего-то однородного, общего, простого.

Идея же развития собственно соответствует в тех реальных, точных науках, из которых она перенесена в историческую область, некоему сложному процессу и, заметим, нередко вовсе противоположному с процессом распространения, разлития, процессу как бы враждебному этому последнему процессу.

Присматриваясь ближе к явлениям органической жизни, из наблюдений которой именно и взялась эта идея развития, мы видим, что процесс развития в этой органической жизни значит вот что: Постепенное восхождение от простейшего к сложнейшему, постепенная индивидуализация, обособление, с одной стороны, от окружающего мира, а с другой - от сходных и родственных организмов, от всех сходных и родственных явлений. Постепенный ход от бесцветности, от простоты к оригинальности и сложности. Постепенное осложнение элементов составных, увеличение богатства внутреннего и в то же время постепенное укрепление единства. Так что высшая точка развития не только в органических телах, но и вообще в органических явлениях, есть высшая степень сложности, объединенная неким внутренним деспотическим единством.

Самый рост травы, дерева, животного и т. д. есть уже осложнение; только, говоря «рост», мы имеем в виду преимущественно количественную сторону, а не качественную, не столько изменение формы, сколько изменение размеров. Содержание при росте количественно осложняется. Трава, положим, еще не дала ни цветов, ни плода, но она поднялась, выросла; значит, если нам незаметно было никакого в ней ни внутреннего (микроскопического), ни внешнего, видимого глазу, морфологического изменения, обогащения, то мы имеем все-таки право сказать, что трава стала сложнее, ибо количество ячеек и волокон у нее умножилось. К тому же, ближайшее наблюдение показывает, что всегда при процессе развития есть непрерывное, хоть какое-нибудь, изменение и формы, как в частностях (напр., в величине, виде самих ячеек и волокон), так и в общем (т. е. - что появляются новые вовсе черты, дотоле небывалые в картине всецелого организма). - То же и в развитии животного тела, и в развитии человеческого организма, и даже в развитии духа человеческого, характера. Я сказал: не только целые организмы, но и все органические процессы, и все части организмов, - одним словом, все органические явления подчинены тому же закону...

Возьмем, напр., картину какой-нибудь болезни. Положим, - воспаление легких (Pneumonia). Начинается оно большею частью просто, так просто, что его нельзя строго отличить в начале от простой простуды, от Bronchitis, от Pleuritis и от множества других опасных и ничтожных болезней. Недомогание, жар, боль в груди или в боку, кашель. Если бы в эту минуту человек умер от чего-нибудь другого (напр., если бы его застрелили), то и в легких нашли бы мы очень мало изменений, очень мало отличий от других легких. Болезнь не развита, не сложна еще и потому и не индивидуализирована и не сильна (еще не опасна, не смертоносна, еще мало влиятельна). Чем сложнее становится картина, тем в ней больше разнообразных отличительных признаков, тем она легче

индивидуализируется, классифицируется, отделяется и, с другой стороны, тем она все сильнее, все влиятельнее. Прежние признаки еще остаются, жар, боль, горячка, слабость, кашель, удушье и т. д., но есть еще новые, мокрота, окрашенная, смотря по случаю, от кирпичного до лимонного цвета. Выслушивание дает наконец, специфический *bronchus crepitans*. Потом приходит минута, когда картина наиболее сложна: в одной части легких простой *bronchus subcrepitans*, свойственный и другим процессам, в другой - *bronchus crenitans* (подобный нежному треску волос, которые мы будем растирать медленно около уха), в третьем месте выслушивание груди дает бронхиальное дыхание - *souffle tubaire*, наподобие дуновения в какую-нибудь трубку; это - опеченение легких, воздух не проходит вовсе. Наконец, может случиться, что рядом с этим будет и нарыв, пещера, и тогда мы услышим и увидим еще новые явления, встретим еще более сложную картину. То же самое нам дадут и вскрытия: 1) силу, 2) сложность, 3) индивидуализацию.

Далее, если дело идет к выздоровлению организма, то картина болезни упрощается. Если же дело к победе болезни, то, напротив, упрощается, или вдруг, или постепенно, картина самого организма. Если дело идет к выздоровлению, то сложность и разнообразие признаков, составляющих картину болезни, мало-помалу уменьшаются. Мокрота становится обыкновеннее (менее индивидуализирована); хрипы переходят в более обыкновенные, схожие с хрипами других кашлей; жар спадает, опеченение разрешается, то есть легкие становятся опять однороднее, однообразнее.

Если дело идет к смерти, начинается упрощение организма. Предсмертные, последние часы у всех умирающих сходнее, проще, чем середина болезни. Потом следует смерть, которая, сказано давно, всех равняет...

Итак, что бы развитое мы ни взяли, болезнь ли (органический сложный и единый процесс), или живое, цветущее тело (сложный и единый организм), мы увидим одно - что разложению и смерти второго (организма) и уничтожению первой (процесса) предшествуют явления: упрощение составных, частей, уменьшение числа признаков, ослабление единства, силы и, вместе с тем, смешение. Всё постепенно понижается, мешается, сливается. а потом уже распадается и гибнет, переходя в нечто общее, не собой уже и не для себя существующее. Перед окончательной гибелью индивидуализация как частей, так и целого, слабеет. Гибнущее становится и однообразнее внутренне, и ближе к окружающему миру, и сходнее с родственными, близкими ему явлениями (т. е. свободнее)...

Все вначале просто, потом сложно, потом вторично упрощается, сперва уравниваясь и смешиваясь внутренне, а потом еще более упрощаясь отпадением частей и общим разложением, до перехода в неорганическую «нирвану».

При дальнейшем размышлении мы видим, что этот триединый процесс свойствен не только тому миру, который зовется собственно органическим, но, может быть, и всему, существующему в пространстве и времени. Может быть, он свойствен и небесным телам, и истории развития их минеральной коры, и характерам человеческим; он ясен в ходе развития искусств, школ живописи, музыкальных и архитектурных стилей, в философских системах, в истории религий и, наконец, в жизни племен, государственных организмов и целых культурных миров. Я не могу распространяться здесь долго и развивать подробно мою мысль. Я ограничусь только несколькими краткими примерами и объяснениями. Например, для небесного тела: а) период первоначальной простоты; расплавленное небесное тело, однообразное, жидкое; б) период срединный, то состояние, которое можно назвать вообще цветущей сложностью: планета, покрытая корою, водою, материками, растительностью, обитаемая,

пестрая; г) период вторичной простоты: остывшее или вновь, вследствие катастрофы, расплавленное тело и т. д.

Мы заметим то же и в истории искусств: а) период первоначальной простоты: циклопические постройки, конусообразные могилы этрусков (послужившие, вероятно, исходным образцом для куполов и вообще для круглых линий развитой римской архитектуры), избы русских крестьян, дорический ордер и т. д., эпические песни первобытных племен, музыка диких, первоначальная иконопись, лубочные картины и т. д.; б) период цветущей сложности: Парфенон, храм Эфесской Дианы (в котором даже на колоннах были изваяния), страсбургский, реймский, миланский соборы, Св. Петра, Св. Марка, римские великие здания, Софокл, Шекспир, Дант, Байрон, Рафаэль, Микельанджело и т. д.; в) период смешения, перехода во вторичное упрощение упадка заметны другим: все здания переходных эпох, романский стиль (до начала готического и от падения римского), все нынешние утилитарные постройки, казармы, больницы, училища, станции железных дорог и т. д. В архитектуре единство есть то, что зовут стилем. В цветущие эпохи постройки разнообразны в пределах стиля; нет ни эклектического смешения, ни бездарной старческой простоты. В поэзии то же: Софокл, Эсхил и Еврипид - все одного стиля; впоследствии всё, с одной стороны, смешивается эклектически и холодно, понижается и падает.

№3. Насколько состоятельны аргументы В. Ф. Эрн против прогресса? В чем различие между позитивным и христианским пониманием прогресса?

Владимир Францевич Эрн «Борьба за Логос. Идея катастрофического прогресса». По обычным представлениям о прогрессе - в истории человечества прогрессивно развиваются знания, смягчаются нравы, создается «все более и более высокая и моральная культура и уменьшаются человеческие страдания. Если б этого не было, то не было бы и прогресса...

Можно ли морально успокоиться на частичном познании? Положим, я познал объективно, что на какой-нибудь удаленной звезде имеются элементы натрия. Это я знаю наверное, безусловно, а на все вопросы, о которых болит моя совесть, без разрешения которых бессмысленной, ненужной и бесцельной мне представляется вся жизнь Вселенной, я не имею никакого ответа. И вот совершается «прогресс» в знании о звездах, удаленных от нас на миллиарды верст, а о себе, о душе нашей и о запросах совести нашей - знания не растут и не становятся достовернее. О том, без чего бессмысленна наша жизнь, - мы не узнаем ничего, о том же, что имеет значение только как подчиненная часть при условии, что главный вопрос разрешен, мы кое-что узнаем. О каком же прогрессе в знаниях может быть тогда речь?...

А между тем говорить о прогрессе знаний в то время, когда в главных вопросах жизни и совести мы остаемся такими же слепыми и незнающими, какими были люди три тысячи лет назад, и никакие самые крупнейшие открытия в области частных наук нисколько не увеличивают нашего знания об этом главном, - это значит называть заживление царапинки прогрессом, в то время как рак остается неизлечимым. Очевидно, морально успокоиться на частичном познании мы не можем.

Теперь скажу несколько слов о прогрессе в области моральной и прогрессе в смысле уменьшения страданий. Здесь обычные представления о прогрессе всего более поверхностны и часто возмутительны по своему беззастенчивому игнорированию вопиюще действительных фактов. Впрочем, эта сторона более других ясна для общего сознания, и я остановлюсь на одном. Во-первых, можно считать несомненным, что если прогрессивно растут только внешняя культура и

техника, а человечество в моральном отношении не прогрессирует, а падает все ниже и ниже, и страдания его не уменьшаются, а только принимают новые, более острые формы, - тогда прогресс есть иллюзия. Во-вторых, можно считать несомненным, что жизнь, если ее брать только в эмпирических ее проявлениях, не дает никаких оснований считать, что прогресс в этих отношениях действительно совершается. Я не привожу уже оснований «против», я говорю, что оснований «за» нет никаких...

[Если нет Абсолютного] Прогресс знаний есть простое верчение в беличьем колесе. Из знаний не вырастает познания. Приближения к Истине быть не может, ибо истины нет; значит, в развитии знаний развивается только самообман. Прогрессивный рост знаний есть прогрессивный рост заблуждения.

Прогресс морали есть самая - жестокая клевета на действительность. Эмпирия вся, во всех частях своих громко свидетельствует, что только самодовольство и сытость, только безжизненный отвлеченный ум могут говорить о каком-то мнимом уменьшении страданий на земном шаре.

Наконец, субъект прогресса - человечество обращается в жалкий рассыпающийся комочек преющих личинок. Личинка сегодня ест, живет, «преет», копошится вместе с другими личинками в общем комочке, а завтра оторвется от него, исчезнет, и всякие связи с комочком прекращаются, а комочек в целом будет копошиться и преть немного больше, чем отдельная личинка, не 5 - 6 десятков, а 5 - 6 тысяч лет. Но пред лицом Вечности и этот срок - ничтожность. И тысячи лет пробегут в свое время, и все человечество так же бессильно должно будет исчезнуть с лица земли, как бессильно исчезает отдельная человеческая особь. А если субъект прогресса так неустойчив, так тленен, так бессильен и только феноменален, то о каком же прогрессе может быть речь? Прогресс если бы и был реальным, то при отсутствии устойчивости в субъекте становится совершенно безрезультатным. Можно ли даже самую драгоценную влагу наполнить сосуды, в которых нет дна?...

Нет Абсолютного, так нет и прогресса. Без объективной основы вера в прогресс есть самая плоская и мерзкая вера, ибо игнорирует трагедию мира, и в то же время самая некритичная, самая наивная и самая фантастическая вера, ибо не принимает во внимание действительности. Нужно или отказаться от этих идей, или посмотреть Абсолютному прямо в глаза. Христианское представление о прогрессе тем больше всего отличается от обычного, что христианство дышит и живет Абсолютным...

В позитивном понимании прогресса нарастание каких бы то ни было ценностей - есть процесс отрицательной, дурной, по выражению Гегеля, бесконечности. Увеличивается без конца то, что имеется в наличности. Но это увеличение никогда не может привести к состоянию завершённому. Всегда движение вперед обуславливается недостатком, отсутствием в достаточном количестве того, что является содержанием прогресса. Революция политическая или социальная - вследствие гнета, вследствие невозможности жить при старом строе. Революция в искусстве - вследствие того, что старые формы искусства исчерпались, потеряли свою силу и жизненность и уже не питают. Революция в области мысли - вследствие того, что старые формы представлений омертвели, обратились в схемы, жизнь не покрывающие, стали давить. Таким образом, движение вперед происходит вследствие отталкивания от старого, а не под воздействием ясно сознанного идеала будущего. Ибо идеала будущего быть не может, если будущее по существу идеальным быть не может.

При христианском же понимании прогресса нарастание ценностей есть процесс усвоения положительной бесконечности. Абсолютная полнота бытия, Божество, сходит на землю, принимает зрак рабий, вочеловечивается, и этим

человечество возводится на новую, высшую и абсолютную ступень бытия. Феноменальное ноуменализируется, тленное пронизывается Вечностью, человеческое - обожествляется. Законы мира сего, весь природный строй побеждаются, и в освобождении от них, в новой земле Царствия Божия человек обретает истинную свободу свою. Всему, что здесь совершается, ставится абсолютная и достижимая цель. В области нарастания знаний - познание истины лицом к лицу, существенное ее усвоение; в области искусства - проникновение в реально существующие миры иные и воплощение их в нашей земной действительности: реальное преобразование безобразного настоящего в абсолютную Красоту грядущего. Наконец, в области морали - не неопределенное самосовершенствование, а становление святыми, существенное усвоение святости Бога.

В сравнении с этими бесконечными горизонтами христианского понимания прогресса горизонты позитивного понимания становятся узкими, серыми, тесными и мещанскими. Кто раз отведал опьянение христианской надеждой на будущее, для того пошlostью веет от планов всех безумных строителей Вавилонской башни! Кто раз восчувствовал грядущую свою свободу на новой земле, тот ни на какие самые утонченные клетки этой земли уж не согласится. Душно сидеть в комнатах, когда «выставляются первые оконные рамы». Хочется на простор, на свободу весеннего дня! Так и христианам душно под темными сводами настоящего, вся душа их в грядущем; и это грядущее в тайниках сердца для них уже настоящее. Только соприкасаясь в глубинах своего духа с тем, что космически будет, а онтологически вечно есть, - можно заполнить истинным содержанием христианскую идею прогресса...

№4. Каково различие между метафизическим и диалектическим отрицанием? В чем суть закона отрицания отрицания? Можно ли сказать, что, согласно этому закону, развитие идет по кругу?

Фридрих Энгельс «Анти-Дюринг». Но что же такое все-таки это ужасное отрицание отрицания...? - В сущности, это очень простая, повсюду и ежедневно совершающаяся процедура, которую может понять любой ребенок, если только очистить ее от того мистического хлама, в который ее закутывала старая идеалистическая философия и в который хотели бы и дальше закутывать ее в своих интересах беспомощные метафизики вроде г-на Дюринга. Возьмем, например, ячменное зерно. Биллионы таких зерен размалываются, развариваются, идут на приготовление пива, а затем потребляются. Но если такое ячменное зерно найдет нормальные для себя условия, если оно попадет на благоприятную почву, то, под влиянием теплоты и влажности, с ним произойдет своеобразное изменение: оно прорастет; зерно, как таковое, перестает существовать, подвергается отрицанию; на его место появляется выросшее из него растение - отрицание зерна. Каков же нормальный жизненный путь этого растения? Оно растет, цветет, оплодотворяется и, наконец, производит вновь ячменные зерна, а как только последние созреют, стебель отмирает, подвергается в свою очередь отрицанию. Как результат этого отрицания отрицания мы здесь имеем снова первоначальное ячменное зерно, но не просто одно зерно, а в десять, двадцать, тридцать раз большее количество зерен. Виды хлебных злаков изменяются крайне медленно, так что современный ячмень остается приблизительно таким же, каким он был сто лет тому назад. Но возьмем какое-нибудь пластическое декоративное растение, например далию или орхидею; если мы, применяя искусство садовода, будем соответствующим образом воздействовать на семя и развивающееся из него растение, то в

результате этого отрицания отрицания мы получим не только больше семян, но и качественно улучшенное семя, дающее более красивые цветы, и каждое повторение этого процесса, каждое новое отрицание отрицания усиливает эти качественные улучшения. - Подобно тому, как мы это видим в отношении ячменного зерна, процесс этот совершается у большинства насекомых, например у бабочек. Они развиваются из яичка путем отрицания его, проходят через различные фазы превращения до половой зрелости, спариваются и вновь отрицаются, т. е. умирают, как только завершился процесс воспроизведения и самка отложила множество яиц. Что у других растений и животных процесс завершается не в такой простой форме, что они не однажды, а много раз производят семена, яйца или детенышей, прежде чем умрут, - все это нас здесь не касается; здесь нам нужно пока только показать, что отрицание отрицания действительно происходит в обоих царствах органического мира. Далее, вся геология представляет собой ряд отрицаний, подвергшихся в свою очередь отрицанию, ряд последовательных разрушений старых и отложений новых горных формаций. Сначала первичная, возникшая от охлаждения жидкой массы земная кора размельчается океаническими, метеорологическими и атмосферно-химическими воздействиями, и эти измельченные массы отлагаются слоями на дне моря. Местные поднятия морского дна над уровнем моря вновь подвергают определенные части этого первого отложения воздействиям дождя, меняющейся в зависимости от времени года температуры, атмосферного кислорода и атмосферной углекислоты; под теми же воздействиями находятся прорывающиеся через напластования из недр земли расплавленные и впоследствии охладившиеся каменные массы. Так в течение миллионов столетий образуются всё новые и новые слои, - они по большей части вновь и вновь разрушаются и снова служат материалом для образования новых слоев. Но результат этого процесса весьма положителен: это - образование почвы, состоящей из разнообразнейших химических элементов и находящейся в состоянии механической измельченности, которое делает возможной в высшей степени массовую и разнообразнейшую растительность.

То же самое мы видим в математике. Возьмем любую алгебраическую величину, обозначим ее a . Если мы подвергнем ее отрицанию, то получим $-a$ (минус a). Если же мы подвергнем отрицанию это отрицание, помножив $-a$ на $-a$, то получим $+a^2$, т. е. первоначальную положительную величину, но на более высокой ступени, а именно во второй степени. Здесь тоже не имеет значения, что к тому же самому a^2 мы можем прийти и тем путем, что умножим положительное a на само, себя и таким образом также получим a^2 . Ибо отрицание, уже подвергшееся отрицанию, так крепко пребывает в a^2 , что последнее при всех обстоятельствах имеет два квадратных корня, а именно $+a$ и $-a$. И эта невозможность отделаться от отрицания, уже подвергшегося отрицанию, от отрицательного корня, содержащегося в квадрате, получает весьма осязательное значение уже в квадратных уравнениях. - Еще разительнее отрицание отрицания выступает в высшем анализе, в тех «суммированиях неограниченно малых величин», которые сам г-н Дюринг объявляет наивысшими математическими операциями и которые на обычном языке называются дифференциальным и интегральным исчислениями. Как производятся эти исчисления? Я имею, например, в какой-нибудь определенной задаче две переменные величины x и y , из которых одна не может изменяться без того, чтобы и другая не изменялась вместе с ней в отношении, определяемом обстоятельствами дела. Я дифференцирую x и y , т. е. принимаю их столь бесконечно малыми, что они исчезают по сравнению со всякой, сколь угодно малой действительной величиной и что от x и y не остается ничего, кроме их взаимного отношения, но без всякой,

так сказать, материальной основы, - остается количественное отношение без всякого количества.

Следовательно, dy/dx , т. е. отношение обоих дифференциалов - от x и от y , - равно $0/0$, но $0/0$, которое берется как выражение отношения y/x ... Итак, вместо x и y я имею в используемых мной формулах или уравнениях их отрицание, dx и dy . Затем я произвожу дальнейшие действия с этими формулами, обращаюсь с dx и dy как с величинами действительными, хотя и подчиненными некоторым особым законам, и в известном пункте я отрицаю отрицание, т. е. интегрирую дифференциальную формулу, вместо dx и dy получаю вновь действительные величины x и y ; на таком пути я не просто вернулся к тому, с чего я начал, но разрешил задачу, на которой обыкновенная геометрия и алгебра, быть может, понапрасну обломали бы себе зубы.

Не иначе обстоит дело и в истории. Все культурные народы начинают с общей собственности на землю. У всех народов, перешагнувших уже через известную ступень первобытного состояния, эта общая собственность становится в ходе развития земледелия оковами для производства. Она уничтожается, подвергается отрицанию и, после более или менее долгих промежуточных стадий, превращается в частную собственность. Но на более высокой ступени развития земледелия, достигаемой благодаря самой же частной собственности на землю, частная собственность, наоборот, становится оковами для производства, как это наблюдается теперь и в мелком и в крупном землевладении. Отсюда с необходимостью возникает требование - подвергнуть отрицанию теперь уже частную земельную собственность, превратить ее снова в общую собственность. Но это требование означает не восстановление первобытной общей собственности, а установление гораздо более высокой, более развитой формы общего владения, которая не только не станет помехой для производства, а, напротив, впервые освободит последнее от стесняющих его оков и даст ему возможность полностью использовать современные химические открытия и механические изобретения.

Или другой пример. Античная философия была первоначальным, стихийным материализмом. В качестве материализма стихийного, она не была способна выяснить отношение мышления к материи. Но необходимость добиться в этом вопросе ясности привела к учению об отделимой от тела душе, затем - к утверждению, что эта душа бессмертна, наконец - к монотеизму. Старый материализм подвергся, таким образом, отрицанию со стороны идеализма. Но в дальнейшем развитии философии идеализм тоже оказался несостоятельным и подвергся отрицанию со стороны современного материализма. Современный материализм - отрицание отрицания - представляет собой не простое восстановление старого материализма, ибо к непреходящим основам последнего он присоединяет еще все идейное содержание двухтысячелетнего развития философии и естествознания, как и самой этой двухтысячелетней истории. Это вообще уже больше не философия, а просто мировоззрение, которое должно найти себе подтверждение и проявить себя не в некоей особой науке наук, а в реальных науках. Философия, таким образом, здесь «снята», т. е. «одновременно преодолена и сохранена», преодолена по форме, сохранена по своему действительному содержанию. Таким образом, там, где г-н Дюринг видит только «игру слов», при более внимательном рассмотрении обнаруживается реальное содержание.

Наконец, даже учение Руссо о равенстве, бледную, фальсифицированную копию которого представляет учение г-на Дюринга, даже оно не могло быть построено без того, чтобы гегелевское отрицание отрицания не сыграло роль повивальной бабки, и притом - почти за двадцать лет до рождения Гегеля. И

весьма далекое от того, чтобы стыдиться этого обстоятельства, учение Руссо в первом своем изложении почти нарочито выставляет напоказ печать своего диалектического происхождения. В естественном и диком состоянии, говорит Руссо, люди были равны; а так как Руссо рассматривает уже само возникновение речи как искажение естественного состояния, то он имел полное право приписывать равенство животных, в пределах одного и того же вида, также и этим людям-животным, которых Геккель в новейшее время гипотетически классифицировал как *Alali* - бессловесных. Но эти равные между собой люди-животные имели одно преимущество перед прочими животными: способность к совершенствованию, к дальнейшему развитию, а эта способность и стала причиной неравенства. Итак, Руссо видит в возникновении неравенства прогресс. Но этот прогресс был антагонистичен, он в то же время был и регрессом.

«Все дальнейшие успехи» (в сравнении с первобытным состоянием) «представляли собой только кажущийся прогресс в направлении усовершенствования индивида, на самом же деле они вели к упадку рода. Обработка металлов и земледелие были теми двумя искусствами, открытие которых вызвало эту громадную революцию» (превращение первобытных лесов в возделанную землю, но вместе с тем и возникновение нищеты и рабства вследствие установления собственности). «С точки зрения поэта, золото и серебро, а с точки зрения философа - железо и хлеб сделали цивилизованными людей и погубили человеческий род».

С каждым новым шагом вперед, который делает цивилизация, делает шаг вперед и неравенство. Все учреждения, которые создает для себя общество, возникшее вместе с цивилизацией, превращаются в учреждения, прямо противоположные своему первоначальному назначению.

«Бесспорно - и это составляет основной закон всего государственного права, - что народы поставили государей для охраны своей свободы, а не для ее уничтожения».

И тем не менее эти государи неизбежно становятся угнетателями народов, и они доводят этот гнет до той точки, где неравенство, достигшее крайней степени, вновь превращается в свою противоположность, становясь причиной равенства: перед деспотом все равны, а именно - равны нулю.

«Здесь - предельная степень неравенства, та конечная точка, которая замыкает круг и соприкасается с начальной точкой, из которой мы исходили: здесь все частные люди становятся равными именно потому, что они представляют собой ничто, и подданные не имеют уже никакого другого закона, кроме воли господина». Но деспот является господином только до тех пор, пока он в состоянии применять насилие, а потому, «когда его изгоняют, он не может жаловаться на насилие... Насилие его поддерживало, насилие его и свергает, все идет своим правильным естественным путем».

Таким образом, неравенство вновь превращается в равенство, но не в старое, стихийно сложившееся равенство бессловесных первобытных людей, а в более высокое равенство общественного договора. Угнетатели подвергаются угнетению. Это - отрицание отрицания.

Таким образом, уже у Руссо имеется не только рассуждение, как две капли воды схожее с рассуждением Маркса в «Капитале», но мы видим у Руссо и в подробностях целый ряд тех же самых диалектических оборотов, которыми пользуется Маркс: процессы, антагонистические по своей природе, содержащие в себе противоречие; превращение определенной крайности в свою противоположность и, наконец, как ядро всего - отрицание отрицания... Итак, что такое отрицание отрицания? Весьма общий и именно потому весьма широко действующий и важный закон развития природы, истории и мышления; закон,

который, как мы видели, проявляется в животном и растительном царствах, в геологии, математике, истории, философии...

Однако нам могут возразить: осуществленное здесь отрицание не есть настоящее отрицание; я отрицаю ячменное зерно и в том случае, если я его размалываю, насекомое - если я его растапываю, положительную величину a - если я ее вычеркиваю, и т. д. Или я отрицаю положение «роза есть роза», сказав: «роза не есть роза»; и что подучится из того, что я вновь стану отрицать это отрицание, говоря: «роза все-таки есть роза»? - Таковы, действительно, главные аргументы метафизиков против диалектики, вполне достойные ограниченности метафизического мышления. В диалектике отрицать не значит просто сказать «нет», или объявить вещь несуществующей, или разрушить ее любым способом. Уже Спиноза говорит: *Omnis determinatio est negatio*, всякое ограничение или определение есть в то же время отрицание. И затем способ отрицания определяется здесь, во-первых, общей, а во-вторых, особой природой процесса. Я должен не только что-либо подвергнуть отрицанию, но и снова снять это отрицание. Следовательно, первое отрицание необходимо произвести таким образом, чтобы второе оставалось или стало возможным. Но как этого достигнуть? Это зависит от особой природы каждого отдельного случая. Если я размолот ячменное зерно или раздавил насекомое, то хотя я и совершил первый акт отрицания, но сделал невозможным второй. Для каждого вида предметов, как и для каждого вида представлений и понятий, существует, следовательно, свой особый вид отрицания, такого именно отрицания, что при этом получается развитие. В исчислении бесконечно малых отрицание происходит иначе, чем при получении положительных степеней из отрицательных корней. Этому приходится учиться, как и всему прочему. С одним знанием того, что ячменный стебель и исчисление бесконечно малых охватываются понятием «отрицание отрицания», я не смогу ни успешно выращивать ячмень, ни дифференцировать и интегрировать, точно так же, как знание одних только законов зависимости тонов от размеров струн не дает еще мне умения играть на скрипке. - Однако ясно, что при отрицании отрицания, сводящемся к ребяческому занятию - попеременно ставить a и затем вычеркивать его, или попеременно утверждать о розе, что она есть роза и что она не есть роза, - не получится и не обнаружится ничего, кроме глупости того, кто предпринимает подобную скучную процедуру. И тем не менее метафизики хотели бы нас уверить в том, что раз мы желаем производить отрицание отрицания, то это надо делать именно в такой форме...

Конечно, существует и плохое, бесплодное отрицание. - Истинное - естественное, историческое и диалектическое - отрицание как раз и есть (рассматриваемое со стороны формы) - движущее начало всякого развития: разделение на противоположности, их борьба и разрешение, причем (в истории отчасти в мышлении вполне) на основе приобретенного опыта вновь достигается первоначальный исходный пункт, но на более высокой ступени. - Бесплодным же отрицанием является отрицание чисто субъективное, индивидуальное, представляющее собой не стадию развития самого предмета, а привнесенное извне мнение. А так как при таком отрицании не может получиться ничего, то отрицающий таким образом должен быть не в ладу с миром, должен ворчливо порицать все существующее и все совершившееся, все историческое развитие. Хотя древние греки и добились кое-каких результатов, но они не знали ни спектрального анализа, ни химии, ни дифференциального исчисления, ни паровой машины, ни шоссейных дорог, ни электрического телеграфа, ни железных дорог. Стоит ли долго останавливаться на произведениях таких отсталых людей? Все дурно - постольку этого рода отрицатели являются пессимистами, - за исключением нашей собственной высочайшей персоны, которая оказывается

совершенной, а таким путем наш пессимизм переходит в наш оптимизм. Итак, мы сами произвели отрицание отрицания!

Задания к семинару № 7 (РАЗДЕЛ 6 УЧЕНИЕ О ДУШЕ И СОЗНАНИИ, [Темы № 13](#), [14](#), [15](#), [16](#), [17](#), [18](#), [19](#))

№1. Как можно объяснить данные свидетельства людей? Доказывают ли эти факты, что существует бессмертная душа?

Опыт смерти в книге «Раймонд Моуди Жизнь после жизни». За последние несколько лет я встретился с большим количеством людей, которые претерпели то, что я буду называть «предсмертным опытом»... Обратимся к рассмотрению тех событий, которые, насколько мне удалось установить, могут происходить, когда человек умирает.

Невыразимость. Многие подчеркивают это. «Просто нет слов, чтобы выразить то, что я хочу сказать» или «Да, конечно, наш мир тот совершенно определенно, в котором мы живем сейчас, - трехмерный, но мир иной не трехмерен. И именно поэтому так трудно рассказать вам об этом».

Способность слышать происходящее. Молодой человек, которого сочли мертвым после автомобильной катастрофы, рассказывает: «Я слышал, как одна женщина, находившаяся там, говорила: «Он мертв», и кто-то еще ответил: «Да, он мертв».

Ощущение мира и покоя. Женщина, которую вернули к жизни после сердечного приступа отмечает: «Я начала испытывать совершенно необычные ощущения. Я не чувствовала ничего, кроме мира, облегчения, именно покоя. Я обнаружила, что все мои тревоги исчезли, и я подумала про себя: «Как покойно и хорошо и нет никакой боли».

Шум. Во многих сообщениях упоминается о разного рода необычных слуховых ощущениях в момент смерти или перед этим. Иногда они крайне неприятны. Вот описание, данное человеком, который 20 минут был «мертв» во время полостной операции. «Очень неприятный жужжащий звук, шедший изнутри моей головы, он очень раздражал меня...Я никогда не забуду этого шума».

Темный тоннель. Часто, одновременно с шумовым эффектом, у людей возникает ощущение движения с очень большой скоростью через какое-то темное пространство. Это пространство описывается по-разному. Женщина, болевшая перитонитом сообщила: «Медсестра сделала мне укол, чтобы облегчить мою смерть. Предметы в больничной палате стали все больше и больше отдаляться от меня. Когда они исчезли, я вошла вперед головой в узкий и очень, очень темный коридор. Казалось, он был как раз по мне. Я начала скользить вниз, вниз, вниз». Еще один человек, находившийся на грани смерти, воспользовался другим сравнением, основанным на его религиозных представлениях. Он говорит: «Внезапно я очутился в очень темной, очень глубокой долине. Было похоже, что там была тропа, можно сказать, дорога, и я шел по этой тропе... Позднее, когда я выздоровел, у меня возникла мысль, что имеется в виду в Библии под выражением «долина тени смертной», потому что я был там».

Вне тела. Умиравший бывает изумлен после того, как пройдет темный тоннель, потому что в этот момент он обнаруживает, что смотрит на свое физическое тело извне, будто он посторонний наблюдатель, «третье лицо», потому что видит людей и события, происходящими как бы на сцене или в кино. У

меня прекратилось дыхание и перестало биться сердце... Я сразу услышала, что сестры что-то закричали. И в этот момент я почувствовала, что я отделилась от своего тела, проскользнула между матрасом и перилами с одной стороны кровати – в действительности было даже похоже, что я прошла сквозь перила – вниз, на пол. Затем я стала подниматься вверх... Мой врач как раз в это время делал обход, и сестры позвали его, и я видела также, как он входил. Я подумала: «Интересно, что он здесь делает?» Я переместилась за осветитель, и там остановилась, паря под самым потолком и глядя вниз. Мне казалось, что я листок бумаги, взлетевший к потолку от чьего-то дуновения. Я видела как меня старались врачи вернуть к жизни. Мое тело было распростерто на кровати прямо перед моим взором, и все стояли вокруг него. Я слышала, как одна из сестер воскликнула: «О боже! Она скончалась!», в то время как друга склонилась надо мной и делала мне искусственное дыхание в рот в рот. Я смотрела на ее затылок в то время, как она это делала. Я никогда не забуду, как выглядели ее волосы, они были коротко пострижены... я смотрела, как они массируют мне грудь, трут мои руки и ноги, и думала: «Почему они волнуются? Ведь мне сейчас очень хорошо».

Встреча с другими. Несколько человек рассказали мне, что в тот момент, когда они умирали...они начинали осознавать близкое присутствие других духовных существ. Эти существа, очевидно, присутствовали рядом с ними с тем, чтобы помочь совершить умирающим переход в новое состояние. В двух случаях их присутствие имело цель сообщить умирающему, что время его смерти еще не наступило и что он должен вернуться в свое физическое тело... Одному человеку такой дух сказал: «Я должен помочь тебе пройти эту стадию твоего бытия, но сейчас я собираюсь вернуть тебя обратно к другим».

Светящееся существо. Наиболее невероятным и в то же время наиболее обычным элементом во всех изученных мною случаях и вместе с тем оказывавшим наиболее глубокое впечатление на людей, была встреча с очень ярким светом... люди, неверующие и прежде далекие от религиозной жизни, просто говорили, что видели «светящееся существо»... Светящееся существо почти тотчас же передает некоторую определенную мысль...Обычно люди, с которыми я говорил, пытаются сформулировать эту мысль в форме вопроса. Я слышал такие варианты его интерпретации, например: «Готов ли к смерти?», «Готов ли ты умереть?», «Что ты сделал в этой жизни, что можешь показать мне?», «Что доброго и хорошего сделано в твоей жизни?» Сначала, когда возник свет, я не совсем понимал, что происходит. Но потом он спросил меня, как бы задал мне вопрос: «Готов ли ты умереть?»...Теперь я думаю, что голос, говоривший со мной, действительно понимал, что я не готов умереть. Видите ли, для меня это была своего рода проверка, самая замечательная за всю мою жизнь. Я чувствовал себя по-настоящему хорошо, в безопасности и окруженным любовью. Любовь исходила от него, эта любовь – что-то невообразимое, неопишемое.

Картины прошлого. Все, передающие этот предсмертный опыт, показывают, что этот обзор прошлого совершился лишь за одно мгновение земного времени...Молодой ветеран так описывает то, что он пережил: «С момента ранения передо мной стали проноситься картины моей жизни. Мне показалось, что я вернулся обратно в то время, когда я был ребенком, и картины сменяли одна другую, показывая всю мою жизнь...Больше всего это было похоже на серию картин, наподобие слайдов»..

№2 Как связано, по мысли авторов текстов, признание бессмертия души с вопросами ценности человека и смысла его жизни? Насколько мнение авторов соответствует истине?

Александр Иванович Введенский «Судьба веры в Бога в борьбе с атеизмом». Атеист всегда отрицает бессмертие души. Но если в человеке нет бессмертной души, то чем же он отличается от животных? Ровно ничем. Он только самое умное животное, обращаться с которым надо с особой осторожностью и с особым тактом. Но по существу, в нем нет ничего священного сравнительно с животными. А если так, то нет ни малейших нравственных оснований относиться к людям иначе, чем к животным; нужно только быть с ними осмотрительнее, чем с животными. Но с нравственной точки зрения тогда все позволено относительно людей. Позволительно всякого человека эксплуатировать с такой же бесцеремонностью, как и любое животное; позволительно усыпить его насмерть, когда он слишком стар или безнадежно болен, как это часто делают для своего удобства с собаками; позволительно даже употреблять в пищу его мясо; поэтому позволительно издать декрет, который предоставил бы право населению голодающих мест - впредь до подвоза хлеба - безнаказанно питаться мясом маленьких детей и всех тех, кто по своему возрасту или состоянию здоровья уже бесполезен для государства. Но чуткая совесть бунтуется против такого приравнивания человека к животному. Поэтому она бунтуется и против атеизма с его отрицанием бессмертия души.

Конечно, сказанное еще не означает, чтобы всякий атеист непременно относился к людям, как к животным. Напротив, либо по врожденной ему доброте и жалостливости, либо по привычке, с детства внушенной ему его воспитанием и поддерживаемой примером окружающих людей, он может считать человека как будто чем-то священным сравнительно с животным и даже уважать всякую человеческую личность как будто что-то ценное само по себе, независимо от наших выгод и удобств. Но это будет столь грубой непоследовательностью в его мирозерцании, что у человека с чуткой совестью атеизм может быть всего лишь временным явлением. Ведь чуткая совесть не только дает нам возможность правильно распознать добро и зло в наших поступках, но еще помогает нам чувствовать всякую непоследовательность в наших мыслях. Поэтому люди с чуткой совестью на некоторое время могут увлечься атеизмом; впоследствии же они обязательно возвращаются к вере в Бога. Атеистами же на всю жизнь могут оставаться только либо те, кто легко переносит в своем мирозерцании всякую непоследовательность и всякую нелогичность, либо те, кто в человеке не ценит человека, а относится к людям с таким же презрением, как к животным.

Лев Михайлович Лопатин «Теоретические основы сознательной нравственной жизни». Свобода человеческой воли и нравственная разумность мировой жизни - таковы два коренные предположения этики, насколько она должна быть объективным знанием о действительном назначении человека. Только при них нравственный идеал становится подлинным долгом, т.е. неотменной целью деятельности всякого разумного существа. И мы знаем уже, какое содержание получит этот идеал, если мы поверим, что вся вселенная есть реальное воплощение свободного творчества духа. Оно может заключаться лишь в признании бесконечного достоинства *всего духовного* как верховного источника и последней задачи всего, что существует. Мир, если он создание свободы и разума, должен носить в себе цель, и этой цели ни в чем другом без противоречия положить нельзя, как в согласном осуществлении и бесконечном совершенствовании того, что имеет в себе настоящую, исполненную действительного творчества жизнь. *Человеческая душа* есть то *бесконечно ценное* в себе, пред чем бледнеет значение всех других вещей. Христос

спрашивал: «Какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит?» Если мы хотим, чтобы наша деятельность отвечала внутреннему, независимому от нас смыслу жизни, мы должны всегда помнить о несравнимом превосходстве человеческой личности над всею остальной природою. Истинная нравственность начинается лишь там, где человек на человека всегда смотрит как на цель и никогда только как на средство для иных посторонних, признанных высшими целей...

Если определяющий принцип нашей жизни в бесконечной цене человека и если нравственный миропорядок не пустая иллюзия (а без него нет объективной этики), тогда и вселенная так устроена, чтобы человек мог в ней выполнить свое высшее назначение. Но едва мы выскажем этот вывод, подымается неустрашимое недоумение: отчего же законы добра так бессильны над реальною жизнью человечества, отчего их действительное торжество встречает такие неодолимые препятствия и внутри и вне человека? В самом деле, рядом с бесконечными задатками добра в каждом из нас заключены бесконечные возможности зла. Человек носит в себе глубокое, неистребимое противоречие, он как будто разрывается противоположными силами... Поэтому для идеала не может быть *всецелого*, иначе сказать - настоящего, осуществления в человеческих действиях. Самая праведная жизнь есть только неутомимое приближение к тому, что навсегда остается бесконечно далеким. Получается разительная несообразность: смысл человеческого бытия состоит в выполнении того, чего нельзя выполнить.

Еще более явное противоречие замечается между безусловною постановкою законов добра в нашем сознании и их несомненным безвластием над внешнею судьбою людей. Нет наблюдения более очевидного, как совершенное равнодушие процессов природы к нравственному достоинству человека.... Если еще можно с некоторым правдоподобием доказывать, что всякое зло *казнится* на земле (хотя и такое обобщение будет иметь смысл весьма относительный), - едва ли кто решится настаивать, что всякое добро на земле вознаграждается...

Один из величайших диалектиков во всей человеческой истории Кант - внимательно остановился на этих противоречиях, и единственное их примирение он видел в постулате *бессмертия души*... Если человек есть цель в себе, если его внутреннее существо имеет бесконечную цену, это должно отражаться на его бытии. Тогда его нельзя уже рассматривать лишь как преходящее звено явлений нравственно безразличных: вечное достоинство человеческой личности подразумевает ее вечную реальность. Мы вынуждены думать, что человек лишь одною стороною своего существования принадлежит к чувственному феноменальному миру, другою стороною (и тою именно, в которой заключена его подлинная сущность) он связан с миром сверхчувственным, вечным, в котором требования добра совпадают с законами участи всякой индивидуальной души.

№3. Определите, какому решению психофизической проблемы (гилозоизм, дуализм Р. Декарта, монадология Лейбница, пантеизм Спинозы, материализм, субъективный идеализм) соответствуют данные высказывания и стихи:

1. Раз лишь что-нибудь есть, то есть и всеобщая сущность –
Вещь всякой вещи, где все вместе плаваем мы. Фридрих Шиллер
2. Прямо обратное я говорю: вещей не бывает
Вне меня, и весь мир вплыл во мне, как пузырь. Фридрих Шиллер
3. Я ж на два бытия согласен – на мир и на душу:

Друг до друга им нет дела, но смысл их один. Фридрих Шиллер

4. Серж К. Кинг «Городской шаман». Жизнь есть лишь сон. Это значит, что все, что мы видим на протяжении всей нашей жизни, - не более чем сновидения. Но это не подразумевает, что жизнь есть лишь иллюзия. Имеется в виду, что сны реальны, а реальность есть сон. Таким образом, реальность, в которой вы пребываете прямо сейчас, есть лишь один из многих снов... Если вы не являетесь сторонником какой-либо разделяемой всеми точки зрения или она вас раздражает, то вы говорите, что это «массовая галлюцинация». И вы правы. Для шаманов то, что мы привыкли считать повседневной реальностью, есть лишь массовая галлюцинация или, выражаясь более вежливо, *совместное сновидение*... Если уж жизнь есть лишь сон и мы можем проснуться в нем, значит, мы можем изменять наши сны, изменяя само сновидение.

5. Людвиг Бюхнер «Сила и материя». Материя существовала *гораздо раньше духа*, и в той первоначальной туманности, из которой образовалась пли возникла наша Солнечная система со всеми ее чудесными явлениями и обитателями, уже должны были содержаться в виде возможности пли способности все будущие образования, включая разумные существа...

Дух может существовать лишь на основе организованной материи, и ... нет ни малейшего доказательства в пользу возможности самостоятельного существования духа вне материи...

6. Жан-Батист Робинз «О природе». Я осмеливаюсь утверждать, что наша земля есть ... животное. Если по своей форме и по своему строению она не похожа в, точности ни на какое другое животное, то это свидетельствует лишь о новом варианте плана животности. Но во всяком случае она представляет собой, подобно другим животным, систему жидких и твердых элементов. Твердые элементы ее непрерывно орошаются, питаются и оживляются жидкими элементами, которые, исходя из океана как своего наибольшего вместилища, распределяются благодаря бесконечному множеству более или менее крупных каналов по всем членам этого огромного тела, а благодаря более тонким сосудам – по самым нежным тканям.

7. Однако существуют, несомненно, различные акциденции, которые мы называем материальными, как величина, форма, движение и все другое, чего нельзя себе мыслить без пространственной протяженности. Субстанцию, которой эти акциденция присущи, мы называем телом. Нельзя предположить, что субъекты формы, пространственного движения и т.д. являются различными субстанциями, так как все эти акциденции сходятся в общем понятии протяжения. Но существуют другие акциденции, которые мы называем духовными, как познание, хотение, фантазирование, ощущение и т.д., которые все сходятся в общем понятии мышления, или представления, или сознания, а субстанцию, которой они присущи, мы называем мыслящей вещью, или духом, или как-нибудь иначе, если только не смешиваем ее с материальной субстанцией. Ведь духовные акциденции не имеют никакого сходства с материальными, а мышление, являющееся понятием первых, отличается радикально от протяжения, являющегося понятием последних.

8. Франсуа Мари Вольтер. Если бы в нашем теле пребывал божок, именуемый свободной душой, который столь часто оборачивается дьяволенком, то либо этот божок должен быть создан от века, либо в момент вашего зачатия, либо в вашем зародышевом состоянии, либо в миг рождения, либо, наконец, когда вы начинаете чувствовать. Однако все члены этой альтернативы одинаково смехотворны.

9. Лев Михайлович Лопатин. критерий, которому мы должны с неизбежностью следовать при оценке метафизических теорий: он прежде всего заключается в *объяснимости нашего сознания*... беда материализма заключается в том, что при всей наглядности свойств, которые он приписывает материи. Эти свойства все же представляют явное отрицание свойств и переживаний нашей психической жизни. Свойства духа и свойства в себе абсолютной материи совершенно инородны друг другу, и исходя из одних ничего нельзя объяснить в других... если единственная реальность принадлежит безусловно и в себе внешнему и абсолютно бессознательному бытию, свойства которого сводятся к протяженности, непроницаемости, инерции, подвижности и другим чисто геометрическим и механическим определениям, тогда в природе очевидным образом никаких других явлений происходить не может, кроме движения в пространстве разных масс различной скорости и в разных направлениях. А это значит, что в ней присутствие внутренних, субъективных переживаний, с точки зрения материализма не только непонятно, оно просто невозможно.

10. Поль Анри Гольбах. Если существо, именуемое духом, может получать или сообщать движение, если оно действует и приводит в движение органы тела, то это существо должно последовательно изменять свои отношения, свое устремление, свое соответствие, положение своих частей по отношению к различным точкам пространства или различным органам приводимого им в движение тела. Но, для того чтобы изменять свои отношения к пространству и к приводимым им в движение органам, этот дух должен обладать протяжением, твердостью и, следовательно, различными частями; если же субстанция обладает такими качествами, она является тем, что мы называем *материей*, и не может считаться простым существом, как его понимают современные философы.

№4. Какие свойства присущи духу, согласно автору? Доказывают ли приводимые факты существование духа?

Николай Николаевич Фиолетов «Очерки христианской апологетики». Таким внутренним центром, собирающим воедино силы души и направляющим их к единой высшей цели, является дух, духовная сторона души. Он выходит за пределы не только пространства, но и времени и обращен к вечности. Дух связывает человека с высшим миром, временное с вечным в самом человеке, поднимает его над ограниченностью внешних условий земного, временно-пространственного существования и направляет самое это земное существование к высшей цели.

По библейскому учению, дух — это «та сила, которую вдохнул Бог в лицо человека, завершая его сотворение» (еп. Феофан). И создал Господь Бог человека из праха земного, и вдунул в лице его дыхание жизни, и стал человек душою живою (Быт 2, 7). Именно в этой стороне заключается «образ Божий», по которому создан человек. И сотворил Бог человека по образу Своему, по образу Божию (Быт 1, 27). Только с появлением духовной жизни, с принятием «дыхания жизни» человек поднялся от «праха земного» до человека в собственном смысле слова, выделенного из всех других тварей. «Образ Божий» по христианскому пониманию заключается в наклонности и способности к истине, добру и красоте абсолютной, источник которой есть Бог, а «подобие Божие» - в стремлении к развитию в себе этих способностей, в богоуподоблении, в стремлении к бесконечному совершенствованию. В стремлении к совершенству и заключается жизнь духа. Духовная жизнь делает человека причастным жизни божественной, вечной...

Есть, однако, такие простейшие проявления жизни духа, которые переживаются в непосредственном опыте даже людьми, не сознающими этого ясно или не желающими сознавать. Запросы духа сказываются, например, в стремлении к цельному, знанию - знанию не только нужному для удовлетворения текущих внешних потребностей, но и к знанию, дающему полную картину мира, открывающему смысл существующего и его значение. Знания, помогающие ориентироваться практически во внешнем мире, достигаются при помощи душевных сил и способностей, искание цельного знания, искание истины есть проявление жизни духовной. Мыслительная деятельность опирается на внешний опыт и наблюдения и ограничивается ответом на вопрос: как происходят те или иные окружающие нас явления. Но этим не ограничиваются наши познавательные потребности, не удовлетворяется наш разум: он ищет ответа на вопрос о «значении каждого круга вещей и общей совокупности творений», о смысле всего существующего и самой нашей жизни. Ответ на данные вопросы не дается внешним опытом и открывается лишь духовному опыту, духовному познанию.

Проявлением духовной стороны нашей природы является «совесть». Совесть (по-русски «со-знание») есть способность оценивать свои собственные поступки и свою жизнь. Сознание хорошего поступка создает при этом чувство удовлетворения, дурного - неудовлетворенности собой, раскаяния, того, что называется «муками совести».. В совести проявляется действие «естественного нравственного закона», заложенного в природе человека и свойственного, по ап. Павлу, и язычникам... Совесть определяется в христианском богословии как «законодатель», блюститель закона, «судия и воздаятель», так как через нее проявляется и сознание «естественного закона», и собственное внутреннее воздаяние за свои поступки...

Совесть дает оценку нашим поступкам, мыслям и чувствам независимо от мнений окружающих: по суду совести человек может сознавать себя правым и в тех поступках, которые осуждаются «общественным мнением», и наоборот. Стремление непременно следовать моде и постоянно колеблющимся мнениям и настроениям толпы, «плыть по течению» есть признак душевной слабости, бесхарактерности и слабо развитого сознания и противоположно требованию совести. Наконец, «общественное мнение» человек во многих случаях может обмануть, скрыть от него подлинный характер своего поступка, но нельзя обмануть подлинный голос совести или уйти от него. Совесть оценивает поступки не по их внешним последствиям, а по их внутреннему достоинству. Сознательно или бессознательно она свидетельствует о соответствии или несоответствии нашей жизни, ее высшим целям, достоинству и назначению человека. Она свидетельствует о наличии «образа и подобия Божия» в человеке, его стремлении к Богу, хотя часто и неосознанном. В этом смысле она есть голос Божий в человеке...

К проявлениям духа относится и стремление к красоте. Красивым, прекрасным кажется не только то, что услаждает взор и слух человека или приносит внешнюю пользу человеку с точки зрения каких-либо выгод (например, материально-бытовых), ибо для грубого сознания невежественной черни, по словам Пушкина, печной горшок дороже Аполлона Бельведерского. Эстетическое чувство содержит элементы бескорыстия, искание идеи, идеала во внешнем образе (воплощение идеи в образе составляет сущность искусства). Стремление к красоте, даже в элементарных его проявлениях, есть поэтому действие духовной стороны в человеке. Она дает себя знать и во внутренней неудовлетворенности человека внешними благами и достижениями, в постоянном искании нового и лучшего. Внешние блага (материальные, власть, слава и пр.) кажутся ценными только до тех пор, пока не будут достигнуты. После их достижения живой человек

обычно перестает удовлетворяться ими и ищет иного. Эта неутолимость исканий и потребностей свидетельствует о высшей духовной природе, для которой никакое временное, внешнее благо не может быть последней целью. Ничто временное и тварное вполне и до конца удовлетворить человеческий дух не может. Он ищет, хотя часто и бессознательно, бесконечного совершенства, которое может быть дано только в Боге...

Более углубленные проявления духовной жизни обнаруживаются у людей, обладающих непосредственным духовным и религиозным опытом. Одним из таких обнаружений силы духа является действие молитвы. Молитва есть непосредственное обращение мысли и чувства к Богу и на высших ступенях переживание живого общения с Ним. Люди, имеющие опыт молитвы, свидетельствуют о переживании ими особого состояния мира души, при котором утихают все страсти и противоречия, возникает состояние легкости, спокойствия и радости...

Высшие проявления духовной жизни обнаруживаются в особых духовных дарах... Дары эти проявлялись в высшем художественном вдохновении, при котором художник созерцает образы, воплощаемые им в его произведениях, и в озарениях мысли («творческая интуиция»), создающей творческие идеи в области познания (у великих ученых и философов), и в подвигах любви и самоотвержения, и в даре «прозорливости», основанном на проникновении в самые глубины чужой души человеческой, при котором видны ее сокрытые мысли и намерения, и в даре пророческом - даре вдохновенного предвидения духовных судеб, и в подвигах веры и благочестия. Жизнь и подвиги святых подвижников (явление которых никогда не прекращалось в течение всей истории христианства, хотя не всегда замечалось в мирских кругах общества) свидетельствуют об этих чрезвычайных действиях духа...

Характерной чертой духовной жизни является ее вневременность, несвязанность ни пространством, ни временем. **Дух дышит, где хочет, и голос его слышишь, а не знаешь, откуда приходит и куда уходит** (Ин 3, 8). Если бы жизнь человеческая ограничивалась только душевно-телесной природой - душевными переживаниями, связанными с преходящими впечатлениями внешнего мира, с повседневными заботами о материальных благах и условиях существования, то она не имела бы никакой цельности, вся растворилась бы в отдельных моментах времени и поглощалась бы ими. Наше «я», наша личность распалась бы в отдельных переживаниях и оставалась бы только простой формой без содержания. Только наличность высших духовных целей, выходящих за пределы отдельных моментов и обнимающих всю Жизнь, может образовать действительное содержание человека от «вещей» и внешних условий и получает внутреннюю свободу. **Свобода - характерная черта духовной жизни. Где Дух Господень, там свобода** (2 Кор 3, 17).

Только наличность духовной жизни существенно отличает человека от животного. В своей телесной природе человек близок к животному миру. Также и душевная жизнь в ее элементарных проявлениях свойственна и животным. Если бы человек не обладал, кроме того, и духовной жизнью, то различие его от животного было бы только различием в степени. Лишь с появлением духовной жизни сознание появляется в человеке в настоящем смысле. Только духовность, или «умность» (под умом в святоотеческих творениях понимается не рассудок, исходящий из внешнего опыта, а высшие духовные способности) «делает нас, - по словам Антония Великого, - достойными называться людьми; не имея же такой умности, мы разнимся от бессловесных одним расположением членов и даром слова.

В духовной стороне, по существу вневременной, содержится и бессмертное начало в человеке. Выше уже говорилось, что при постоянной смене всех наших переживаний остается все время сознание одного и того же «я», одной и той же личности. Душевные переживания наши связаны с внешним миром временно, но самый центр личности, самое «я» вне этого временного потока, В отличие от мира физического и даже от мира животного (который живет по преимуществу родовой жизнью, родовыми «инстинктами»), человек обладает личностью и личным сознанием. Центр этой личности составляет дух, духовная жизнь: чем слабее она, тем слабее проявляется и личность (тем более в жизни по «инерции», жизни «стадной»); чем она глубже, тем содержательнее жизнь личности, тем сильнее в ней непреходящий центр. Здесь основание для личного бессмертия: В сущности все существование, в известной мере, причастно бессмертию, как это признает и естественная наука. С точки зрения физики - физическое бытие не уничтожается совершенно, но меняет свою форму и после этого продолжает появляться в круговороте вещей (сохранение материи и энергии). В животном мире, который живет преимущественно родовой жизнью, - это бессмертие проявляется в сохранении рода. Но жизнь человека носит личный характер, связанный с его духовностью, и потому нет оснований ограничивать его бессмертие только родовым бессмертием. Если духовное: бытие неуничтожимо (как неуничтожимо и физико-биологическое бытие), то оно неуничтожимо именно как личное, ибо духовное начало не есть начало безличное, но начало свободное, активное, самосознающее, а потому личное. Чем глубже духовная жизнь, тем больше она во время жизни в теле связана с вневременным и вечным, тем глубже и жизнь последующая, после разделения с телом.

По христианскому учению, источник духовной жизни заключается в Боге и в Нем же и источник вечной жизни. Вера в Бога и в образ Божий в человеке непременно связаны поэтому и с верой в бессмертие человеческого духа. **Жив Бог - жива** душа моя, - выражают эту мысль псалмы Давида.

Духовное начало по самому своему существу должно было господствовать в человеке и направлять другие стороны его природы, так как только оно, как указывалось, может дать цельность и осмысленность жизни человека, только оно делает человека действительно человеком, существом разумно-свободным. Но в силу извращений, связанных с грехом, это нормальное состояние духа, души и тела часто утрачивается, и; вместо духа получает преобладание или чисто душевная сторона человека, или даже просто телесная, или «плотская».

По преобладанию той или другой стороны в человеке в апостольских и святоотеческих творениях различаются три типа людей: плотский, душевный и духовный человек. «Плотский» человек ставит выше всего в своей жизни влечения своей плоти, которым отдается всецело, без какого-либо направления их со стороны высших сил своей природы. Самые эти потребности и влечения, превращаясь из средства в самоцель, получают неизбежно преувеличенный, неестественный характер, становясь извращениями природы. Такие извращенные влечения, овладевающие человеком и порабащающие его душу, в святоотеческих творениях носят названия «страстей»...

«Душевный» человек не находится в порабощении страстям (его поступки управляются его рассудком и волей). Но в нем преобладающей является та сторона души, которая направлена на устройство его положения во внешнем мире, которая живет временными интересами каждого дня. «Душевный» человек ставит себе отдельные временные цели, направленные к достижению временных благ, но не сознает вневременного смысла всей своей жизни, той высшей цели, которой он должен служить. Он живет на поверхности жизни и не проникает в ее глубину, чувствует и сознает лишь поверхность явлений и о всем судит поверхностно,

кругозор его ограничен: он живет интересами места и времени и обо всем судит с этой точки зрения. В этом смысле к «душевности» нужно отнести то, что называется «мещанством», «обывательщиной». Такой человек может соблюдать правила общежития и обычной житейской морали, может иметь добрые расположения и чувства, может быть «хорошим человеком» в обывательском смысле, но он не может дать осмысленного направления своей жизни и принести настоящие плоды добра (по слову Евангелия: без Меня не можете творить ничего).

Добро для него не путь жизни, а проявление отдельных настроений, и большей частью делается постольку, поскольку «хорошие» дела не сталкиваются серьезно с житейскими интересами. Эти «хорошие» настроения у «душевного» человека, не имея твердой основы, неустойчивы и непостоянны, в особенности в трудные моменты испытаний...

Цельным и подлинным человеком, воплощающим свое назначение и осуществляющим смысл своей жизни, является, по христианским понятиям, лишь «духовный» человек, в котором духовная сторона его природы (образ Божий) направляет всю его жизнь и руководит другими сторонами его природы (душевной и телесной). В чистом виде каждый из этих типов не встречается в действительности. О «плотском», «душевном» и «духовном» человеке говорят лишь по преобладанию в нем той или другой стороны (и в «плотском» человеке действуют и душевные силы и иногда сохраняются проблески духовных начал; в «душевном» человеке также проявляются, в известной мере, следы его духовной природы).

В нормальном человеке духовная сторона его является направляющей, но не исключает действий и других сторон, а только «одухотворяет» их. Эти стороны в нем гармонически объединены и направлены к высшей цели. Поэтому, только через человека и может произойти преображение и одухотворение всей твари.

Отсюда особое значение, которое придает христианское учение человеку среди всех тварей, в отличие от язычества.

Задания к семинару № 8 (РАЗДЕЛ 7 ГНОСЕОЛОГИЯ, [Темы № 20, 21, 22](#))

№1. Как можно назвать Дионисодора и Евтидема? Насколько правильны их рассуждения?

Платон «Евтидем».

Начал же Евтидем, как мне помнится, следующим образом:

— Скажи мне, Клиний, те из людей, кто идет в обучение, - они мудрецы или невежды? ...

В это мгновение Дионисодор, наклонившись чуть-чуть к моему уху и улыбаясь во весь рот, молвил:

— Предсказываю тебе, Сократ, что бы ни ответил мальчик, он будет все равно опровергнут.

А пока он это говорил, Клиний уже отвечал, так что мне не удалось предупредить мальчика, чтобы он был осторожен, и он сказал, что учатся люди мудрые. А Евтидем:

— Называешь ли ты кого-либо учителями или же нет? Мальчик ответил утвердительно.

— Значит, учителя - это учителя учеников, как, например, кифарист и грамматик были учителями твоими и других мальчиков, вы же были учениками? Клиний согласился.

— А разве не обстояло дело таким образом, что, когда вы учились, вы не знали того, чему обучались?

— Именно так, - сказал Клиний.

— Но были ли вы мудрыми, коль скоро не знали этого?

— Конечно, нет, - ответил тот.

— Значит, вы были не мудрыми, но невеждами?

— Разумеется.

— Следовательно, учась тому, чего вы не знали, вы учились, будучи невеждами?

Мальчик кивнул в знак согласия.

— Вот и получается, что учатся невежды, а не мудрецы, как ты это думаешь.

Когда он это сказал, все спутники Дионисодора и Евтидема, подобно хору, послушному команде своего наставника, зашумели и засмеялись, и раньше, чем мальчик как следует успел перевести дух, Дионисодор вмешался и сказал:

— Послушай, Клиний, когда учитель грамматики читает вам что-нибудь, кто из мальчиков запоминает прочитанное - тот, кто мудр, или же тот, кто невежествен?

— Тот, кто мудр, - отвечал Клиний.

— Следовательно, учатся мудрые, а вовсе не невежды и ты только что неверно ответил Евтидему. Тут уже всю засмеялись и зашумели поклонники этих мужей, восхищенные их премудростью; мы же, остальные, молчали, пораженные. Евтидем, поняв, что мы поражены, дабы мы еще более выказали ему свое восхищение, не отпускает мальчика, но снова принимается его спрашивать и, подобно искусным плясунам, обращает к нему один и тот же вопрос то одной его, то другой стороной. Итак, он спросил:

— А учащиеся обучаются тому, что они знают, или же тому, чего не знают?

И снова Дионисодор зашептал мне:

— И здесь, Сократ, речь идет все о том же.

— О Зевс, - отвечал я, - уже и в первый раз нам это показалось великолепным.

— Все наши вопросы, - сказал он, - столь же настоятельны: от них не убежишь.

— Вот поэтому-то, - говорю я, - вас так и почитают ваши ученики.

Как раз в это время Клиний отвечал Евтидему, что ученики обучаются тому, чего они не знают. Тот же стал спрашивать его на прежний лад:

— Как же так? Разве ты не знаком с буквами?

— Знаком, - ответил Клиний.

— То есть со всеми?

Клиний ответил утвердительно.

— А когда кто-нибудь что-то произносит, разве он произносит не буквы?

Клиний согласился.

— Значит, он произносит нечто из того, что тебе известно, коль скоро ты знаешь все буквы?

И с этим он согласился.

— Что же, - возразил тот, - значит, ты не учишься тому, что тебе читают, а тот, кто не знаком с буквами, учится?

— Нет, - отвечал мальчик, - именно я учусь.

— Значит, - сказал Евтидем, - ты учишься тому, что знаешь, коль скоро ты знаешь все буквы.

Клиний согласился.

— А, следовательно, ты неправильно мне ответил.

И не успел Евтидем это промолвить, как Дионисодор, перехватив слово, как мяч, перебросил его обратно мальчику, говоря:

— Евтидем тебя обманывает, Клиний. Скажи мне: разве учиться не значит получать знание о том, чему ты учишься?

Клиний ответил утвердительно.

— А знать - разве это не то же самое, что уже обладать знанием?

Клиний подтвердил это.

— Следовательно, не знать - это значит не иметь знания?

Клиний снова с ним согласился.

— А получающие что-либо уже имеют что-то или не имеют?

— Нет, не имеют.

— А ведь ты признал, что к неимеющим относятся и незнающие?

Клиний кивнул в знак согласия.

— Значит, учащиеся относятся к получающим знание, а не к имеющим его?

Клиний согласился.

— Следовательно, обучаются незнающие, Клиний, а вовсе не те, кто знает.

№2. Определите, в каких текстах излагается позиция объективизма, а в каких - субъективизма. Обоснуйте ваш ответ.

1. Карл Поппер «Логика и рост научного знания». Статус истины в объективном смысле - как соответствия фактам - и ее роль в качестве регулятивного принципа можно сравнить с горной вершиной, которая почти постоянно закрыта облаками. Альпинист, восходящий на эту вершину, не только сталкивается с трудностями на своем пути, он может даже не знать, достиг он вершины или нет, так как в густой пелене облаков ему трудно отличить главную вершину от второстепенных. Однако это не влияет на объективное существование главной вершины, и если альпинист говорит нам: «У меня есть некоторые сомнения относительно того, поднялся ли я на главную вершину», - то тем самым он признает объективное существование этой вершины. Сама идея ошибки или сомнения (в своем обычном, прямом смысле) содержит идею объективной истины - истины, которой мы можем не получить. Хотя для альпиниста может оказаться невозможным с уверенностью установить, достиг ли он вершины, ему часто легко понять, что он не достиг ее (или еще не достиг), например когда, натолкнувшись на отвесную стену, он вынужден повернуть назад. Аналогично этому существуют случаи, когда мы с уверенностью знаем, что не получили истины. Так, хотя когерентность, или непротиворечивость, не является критерием истины - просто потому, что даже системы, непротиворечивость которых доказана, в действительности могут быть ложными, - некогерентность, или противоречивость, системы говорит о ее ложности. Поэтому, если нам повезет, мы можем обнаружить противоречия и использовать их для обоснования ложности некоторых наших теорий... Действительно, только в отношении этой цели - обнаружения истины - можно говорить, что, хотя мы способны ошибаться, мы все-таки надеемся научиться на наших ошибках. Именно идея истины позволяет нам разумно говорить об ошибках и рациональной критике и делает возможной рациональную дискуссию, то есть критическую дискуссию, направленную на поиски ошибок, самым серьезным образом стремясь по возможности устранить большинство из них, чтобы приблизиться к истине. Таким образом, сама идея ошибки и способности ошибаться включает в себя идею объективной истины как стандарта, которого мы, возможно, не достигаем. (Именно в этом смысле идея истины является регулятивной идеей.)

2. Николай Яковлевич Данилевский «Россия и Европа».

Что такое истина?... *истина есть знание существующего – именно таким, каким оно существует.* В этом понятии заключаются, следовательно, два элемента: элемент внешний – не истина, а действительность, которая, конечно, независима не только от национального, но и вообще от человеческого; и элемент внутренний – отражение этой действительности в нашем сознании. Если это отражение совершенно точно и совершенно полно, т. е. если при нем не затерялось ни одной черты не искажилось, ни одной черты не прибавилось, то такая совершенная истина, конечно, также не будет носить на себе никакой печати национальности или личности. Но такое отражение действительности в человеческом сознании невозможно, или, по крайней мере, в большинстве случаев невозможно; точно так же, как невозможно такое изображение предмета в зеркале, к которому бы не присоединилось каких-либо качеств, свойственных не отражаемому предмету, а отражающему зеркалу. Поэтому все (или почти все) наши истины или односторонни, или содержат большую или меньшую примесь лжи, - или то и другое вместе. Если бы этого не было, то понятия всех людей о том, что им хорошо известно, должны бы быть тождественны.

3. Карл Ясперс *Философская вера*

Вера отличается от знания. Джордано Бруно верил, Галилей знал. Оба они были в одинаковом положении. Суд инквизиции требовал от них под угрозой смерти отречения от своих убеждений. Бруно был готов отречься от нескольких, не имевших для него решающего значения положений своего учения; он умер смертью мученика. Галилей отрекся от утверждения, что Земля вращается вокруг Солнца, и возникла меткая острота, будто он впоследствии сказал — и все-таки она движется. В этом отличие: истина, страдающая от отречения, и истина, которую отречение не затрагивает. Оба совершили нечто, соответствующее провозглашаемой ими истине. Истина, которой я живу, существует лишь благодаря тому, что я становлюсь тождественным ей; в своем явлении она исторична, в своем объективном высказывании она не общезначима, но безусловна. Истина, верность которой я могу доказать, существует без меня; она общезначима, вне истории и вне времени, но не безусловна, напротив, соотнесена с предпосылками и методами познания в рамках конечного. Умереть за правильность, которая может быть доказана, неоправданно. Но если мыслитель, полагающий, что он проник в основу вещей, неспособен отказаться от своего учения, не нанося этим вред истине,— это его тайна. Не существует общего мнения, которое могло бы потребовать от него, чтобы он принял мученический венец. Только то, что он его принимает, причем, как Бруно, не из мечтательного энтузиазма, не из упорства, порожденного моментом, а после длительного преодоления своего сопротивления, - признак подлинной веры, уверенности в истине, которую я не могу доказать так, как при научном познании конечных вещей.

4. Бенедикт Спиноза «Трактат об усовершенствовании разума».

Наиболее ясные вещи так обнаруживают как самих себя, так и ложь, что было бы большой глупостью спрашивать, как можно узнать их. Ибо когда сказано, что они наиболее ясны, то ведь не может быть иной ясности, посредством которой они могли бы быть объяснены; откуда следует, что истина обнаруживает как самое себя, так и ложь. Ибо истина ясна через свою истину, т. е. через самое себя, подобно тому как ложь ясна через нее же; ложь же никогда не проявляется и не доказывается через самое себя. Поэтому тот, кто обладает истиной, не может сомневаться в том, что имеет ее, но тот, кто опутан ложью или заблуждением, может воображать, что обладает истиной, подобно тому как видящий сон может думать, что бодрствует; но кто бодрствует, никогда не может думать, что видит сон.

5. Петр Яковлевич Чаадаев «Апология сумасшедшего».

Я не научился любить свою родину с закрытыми глазами, с преклоненной головой, с запертыми устами. Я нахожу, что человек может быть полезен своей стране только в том случае, если ясно видит ее; я думаю, что время слепых влюбленностей прошло, что теперь мы прежде всего обязаны родине истиной. Я люблю мое отечество, как Петр Великий научил меня любить его. Мне чужд, признаюсь, этот блаженный патриотизм лени, который приспособляется все видеть в розовом свете и носитя со своими иллюзиями и которым, к сожалению, страдают теперь у нас многие дельные умы.

№3. Какие виды идолов выделяет Ф. Бэкон? Каково действие идолов на умы людей? В чем проявляется действие каждого идола? Как противодействовать идолам? Насколько советы Ф. Бэкона правильны?

Фрэнсис Бэкон «Афоризмы об истолковании природы и царстве человека».

XXXVIII Идолы и ложные понятия, которые уже пленили человеческий разум и глубоко в нем укрепились, так владеют умом людей, что затрудняют вход истине, но, если даже вход ей будет дозволен и предоставлен, они снова преградят путь при самом обновлении наук и будут ему препятствовать, если только люди, предостереженные, не вооружатся против них, насколько возможно.

XXXIX Есть четыре вида идолов, которые осаждают умы людей. Для того чтобы изучать их, дадим им имена. Назовем первый вид *идолами рода*, второй - *идолами пещеры*, третий - *идолами площади* и четвертый - *идолами театра*.

XLI *Идолы рода* находят основание в самой природе человека, в племени или самом роде людей, ибо ложно утверждать, что чувства человека есть мера вещей. Наоборот, все восприятия как чувства, так и ума покоятся на аналогии человека, а не на аналогии мира. Ум человека уподобляется неровному зеркалу, которое, примешивая к природе вещей свою природу, отражает вещи в искривленном и обезображенном виде.

XLII *Идолы пещеры* суть заблуждения отдельного человека. Ведь у каждого помимо ошибок, свойственных роду человеческому, есть своя особая пещера, которая ослабляет и искажает свет природы. Происходит это или от особых прирожденных свойств каждого, или от воспитания и бесед с другими, или от чтения книг и от авторитетов, перед какими кто преклоняется, или вследствие разницы во впечатлениях, зависящей от того, получают ли их души предвзятые и предрасположенные или же души хладнокровные и спокойные, или по другим причинам. Так что дух человека, смотря по тому, как он расположен у отдельных людей, есть вещь переменчивая, неустойчивая и как бы случайная. Вот почему Гераклит правильно сказал, что люди ищут знаний в малых мирах, а не в большом, или общем, мире.

XLIII Существуют еще идолы, которые происходят как бы в силу взаимной связанности и сообщества людей. Эти идолы мы называем, имея в виду порождающее их общение и сотоварищество людей, *идолами площади*. Люди объединяются речью. Слова же устанавливаются сообразно разумению толпы. Поэтому плохое и нелепое установление слов удивительным образом осаждают разум. Определения и разъяснения, которыми привыкли вооружаться и охранять себя ученые люди, никоим образом не помогают делу. Слова прямо насилуют разум, смешивают все и ведут людей к пустым и бесчисленным спорам и толкованиям.

XLIV Существуют, наконец, идолы, которые вселились в души людей из разных догматов философии, а также из превратных законов доказательств. Их

мы называем *идолами театра*, ибо мы считаем, что, сколько есть принятых или изобретенных философских систем, столько поставлено и сыграно комедий, представляющих вымышленные и искусственные миры. Мы говорим это не только о философских системах, которые существуют сейчас или существовали некогда, так как сказки такого рода могли бы быть сложены и составлены во множестве; ведь вообще у весьма различных ошибок бывают почти одни и те же причины. При этом мы разумеем здесь не только общие философские учения, но и многочисленные начала и аксиомы наук, которые получили силу вследствие предания, веры и беззаботности...

XLV Человеческий разум в силу своей склонности легко предполагает в вещах больше порядка и единообразия, чем их находит. И в то время как многое в природе единично и совершенно не имеет себе подобия, он придумывает параллели, соответствия и отношения, которых нет. Отсюда толки о том, что в небесах все движется по совершенным кругам. Спирали же и драконы совершенно отвергнуты, если не считать названий. Отсюда вводится элемент огня со своим кругом для того, чтобы составить четырехугольник вместе с остальными тремя элементами, которые доступны чувству. Произвольно вкладывается в то, что зовется элементами, мера пропорции один к десяти для определения степени разреженности и тому подобные бредни. Эти бесполезные утверждения имеют место не только в философских учениях, но и в простых понятиях.

XLVI Разум человека все привлекает для поддержки и согласия с тем, что он однажды принял, - потому ли, что это предмет общей веры, или потому, что это ему нравится. Каковы бы ни были сила и число фактов, свидетельствующих о противном, разум или не замечает их, или пренебрегает ими, или отводит и отвергает их посредством различений с большим и пагубным предубеждением, чтобы достоверность тех прежних заключений осталась ненарушенной. И потому правильно ответил тот, который, когда ему показали выставленные в храме изображения спасшихся от кораблекрушения принесением обета и при этом добивались ответа, признает ли теперь он могущество богов, спросил в свою очередь: «А где изображения тех, кто погиб, после того как принес обет?» Таково основание почти всех суеверий - в астрологии, в сновидениях, в повериях, в предсказаниях и тому подобном. Люди, услаждающие себя подобного рода суеютой, отмечают то событие, которое исполнилось, и без внимания проходят мимо того, которое обмануло, хотя последнее бывает гораздо чаще. Еще глубже проникает это зло в философию и в науки. В них то, что раз признано, заражает и подчиняет себе остальное, хотя бы последнее было значительно лучше и тверже. Помимо того, если бы даже и не имели места эти указанные нами пристрастность и суетность, все же уму человеческому постоянно свойственно заблуждение, что он более поддается положительным доводам, чем отрицательным, тогда как по справедливости он должен был бы одинаково относиться к тем и другим; даже более того, в построении всех истинных аксиом большая сила у отрицательного довода.

XLVII На разум человеческий больше всего действует то, что сразу и внезапно может его поразить; именно это обыкновенно возбуждает и заполняет воображение. Остальное же он незаметным образом преобразует, представляя его себе таким же, как и то небольшое, что владеет его умом. Обращаться же к далеким и разнородным доводам, посредством которых аксиомы испытываются, как бы на огне, ум вообще не склонен и не способен, пока этого не предпишут ему суровые законы и сильная власть.

XLVIII Жаден разум человеческий. Он не может ни остановиться, ни пребывать в покое, а порывается все дальше. Но тщетно! Поэтому мысль не в

состоянии охватить предел и конец мира, но всегда как бы по необходимости представляет что-либо существующим еще далее. Невозможно также мыслить, как вечность дошла до сегодняшнего дня. Ибо обычное мнение, различающее бесконечность в прошлом и бесконечность в будущем, никоим образом несостоятельно, так как отсюда следовало бы, что одна бесконечность больше другой и что бесконечность сокращается и склоняется к конечному. Из того же бессилия мысли проистекает ухищрение о постоянно делимых линиях. Это бессилие ума ведет к гораздо более вредным результатам в раскрытии причин, ибо, хотя наиболее общие начала в природе должны существовать так, как они были найдены, и в действительности не имеют причин, все же ум человеческий, не зная покоя, и здесь ищет более известного. И вот, стремясь к тому, что дальше, он возвращается к тому, что ближе к нему, а именно к конечным причинам, которые имеют своим источником скорее природу человека, нежели природу Вселенной, и, исходя из этого источника, удивительным образом исказили философию. Но легковесно и невежественно философствует тот, кто ищет причины для всеобщего, равно как и тот, кто не ищет причин низших и подчиненных.

XLIX Человеческий разум не сухой свет, его окропляют воля и страсти, а это порождает в науке желательное каждому. Человек скорее верит в истинность того, что предпочитает. Он отвергает трудное - потому что нет терпения продолжать исследование; трезвое - ибо оно неволит надежду; высшее в природе - из-за суеверия; свет опыта - из-за надменности и презрения к нему, чтобы не оказалось, что ум погружается в низменное и непрочное; парадоксы - из-за общепринятого мнения. Бесконечным числом способов, иногда незаметных, страсти пятнают и портят разум.

Но в наибольшей степени запутанность и заблуждения человеческого ума происходят от косности, несоответствия и обмана чувств, ибо то, что возбуждает чувства, предпочитается тому, что сразу чувств не возбуждает, хотя бы это последнее и было лучше. Поэтому созерцание прекращается, когда прекращается взгляд, так что наблюдение невидимых вещей оказывается недостаточным или отсутствует вовсе...

Чувство само по себе слабо и заблуждается, и немногого стоят орудия, предназначенные для усиления и обострения чувств. Всего вернее истолкование природы достигается посредством наблюдений в соответствующих, целесообразно поставленных опытах. Здесь чувство судит только об опыте, опыт же - о природе и о самой вещи.

LI Человеческий ум по природе своей устремлен на абстрактное и текучее мыслит как постоянное. Но лучше рассекать природу на части, чем абстрагироваться. Это и делала школа Демокрита, которая глубже, чем другие, проникла в природу. Следует больше изучать материю, ее внутреннее состояние и изменение состояния, чистое действие и закон действия или движения, ибо формы суть выдумки человеческой души, если только не называть формами эти законы действия.

LII Таковы те идолы, которых мы называем идолами рода. Они происходят или из единообразия субстанции человеческого духа, или из его предвзятости, или из его ограниченности, или из неустанного его движения, или из внушения страстей, или из неспособности чувств, или из способа восприятия.

LIII Идолы пещеры происходят из присущих каждому свойств как души, так и тела, а также из воспитания, из привычек и случайностей. Хотя этот род идолов разнообразен и многочислен, все же укажем на те из них, которые требуют больше всего осторожности и больше всего способны совращать и загрязнять ум.

LIV Люди любят или те частные науки и теории, авторами и изобретателями которых они считают себя, или те, в которые они вложили больше всего труда и к которым они больше всего привыкли. Если люди такого рода посвящают себя философии и общим теориям, то под воздействием своих предшествующих замыслов они искажают и портят их. Это больше всего заметно у Аристотеля, который свою натуральную философию совершенно предал своей логике и тем сделал ее сутяжной и почти бесполезной...

LV Самое большое и как бы коренное различие умов в отношении философии и наук состоит в следующем. Одни умы более сильны и пригодны для того, чтобы замечать различия в вещах, другие - для того, чтобы замечать сходство вещей. Твердые и острые умы могут сосредоточить свои размышления, задерживаясь и останавливаясь на каждой тонкости различий. А умы возвышенные и подвижные распознают и сопоставляют тончайшие вездеприсущие подобию вещей. Но и те и другие умы легко заходят слишком далеко в погоне либо за подразделениями вещей, либо за тенями.

LVI Одни умы склонны к почитанию древности, другие увлечены любовью к новизне. Но немногие могут соблюсти такую меру, чтобы и не отбрасывать то, что справедливо установлено древними, и не пренебречь тем, что верно предложено новыми. Это наносит большой ущерб философии и наукам, ибо это скорее следствие увлечения древним и новым, а не суждения о них. Истину же надо искать не в удачливости какого-либо времени, которая непостоянна, а в свете опыта природы, который вечен. Поэтому нужно отказаться от этих устремлений и смотреть за тем, как бы они не подчинили себе ум.

LVII Созерцания природы и тел в их простоте размельчают и расслабляют разум; созерцания же природы и тел в их сложности и конфигурации оглушают и парализуют разум. Это более всего заметно в школе Левкиппа и Демокрита, если поставить ее рядом с учениями других философов. Ибо эта школа так погружена в части вещей, что пренебрегает их построением; другие же так воодушевлены созерцанием строения вещей, что не проникают в простоту природы. Поэтому эти созерцания должны чередоваться и сменять друг друга с тем, чтобы разум сделался одновременно пронизательным и восприимчивым и чтобы избежать указанных нами опасностей и тех идолов, которые из них проистекают.

LVIII Осмотрительность в созерцаниях должна быть такова, чтобы не допустить и изгнать идолы пещеры, кои преимущественно происходят либо из господства прошлого опыта, либо от избытка сопоставления и разделения, либо из склонности к временному, либо из обширности и ничтожности объектов. Вообще пусть каждый созерцающий природу вещей считает сомнительным то, что особенно сильно захватило и пленило его разум. Необходима большая предосторожность в случаях такого предпочтения, чтобы разум остался уравновешенным и чистым.

LIX Но тягостнее всех идолы площади, которые проникают в разум вместе со словами и именами. Люди верят, что их разум повелевает словами. Но бывает и так, что слова обращают свою силу против разума. Это сделало науки и философию софистическими и бездейственными. Большая же часть слов имеет своим источником обычное мнение и разделяет вещи в границах, наиболее очевидных для разума толпы. Когда же более острый разум и более прилежное наблюдение хотят пересмотреть эти границы, чтобы они более соответствовали природе, слова становятся помехой. Отсюда и получается, что громкие и торжественные диспуты ученых часто превращаются в споры относительно слов и имен, а благоразумнее было бы (согласно обычаю и мудрости математиков) с них и начать для того, чтобы посредством определений привести их в порядок. Однако и такие определения вещей, природных и материальных, не могут

исцелить этот недуг, ибо и сами определения состоят из слов, а слова рожают слова, так что было бы необходимо дойти до частных примеров, их рядов и порядка, как я скоро и скажу, когда перейду к способу и пути установления понятий и аксиом.

LX Идолы, которые навязываются разуму словами, бывают двух родов. Одни - имена несуществующих вещей (ведь подобно тому как бывают вещи, у которых нет имени, потому что их не замечают, так бывают и имена, за которыми нет вещей, ибо они выражают вымысел); другие - имена существующих вещей, но неясные, плохо определенные и необдуманно и необъективно отвлеченные от вещей. Имена первого рода: «судьба», «перводвигатель», «круги плане», «элемент огня» и другие выдумки такого же рода, которые проистекают из пустых и ложных теорий. Этот род идолов отбрасывается легче, ибо для их искоренения достаточно постоянного опровержения и устаревания теорий.

Но другой род сложен и глубоко укоренился. Это тот, который происходит из плохих и неумелых абстракций. Для примера возьмем какое-либо слово - хотя бы «влажность» - и посмотрим, согласуются ли между собой различные случаи, обозначаемые этим словом. Окажется, что слово «влажность» есть не что иное, как смутное обозначение различных действий, которые не допускают никакого объединения или сведения. Оно обозначает и то, что легко распространяется вокруг другого тела; и то, что само по себе не имеет устойчивости; и то, что движется во все стороны; и то, что легко разделяется и рассеивается; и то, что легко соединяется и собирается; и то, что легко течет и приходит в движение; и то, что легко примыкает к другим телам и их увлажняет; и то, что легко обращается в жидкое или тает, если перед тем пребывало твердым. Поэтому, если возникает вопрос о применимости этого слова, то, взяв одно определение, получаем, что пламя влажно, а взяв другое - что воздух не влажен. При одном - мелкая пыль влажна, при другом - стекло влажно. И так становится вполне ясным, что это понятие необдуманно отвлечено только от воды и от обычных жидкостей без какой бы то ни было должной проверки.

Тем не менее в словах имеют место различные степени негодности и ошибочности. Менее порочен ряд названий субстанций, особенно низшего вида и хорошо очерченных (так, понятия «мел», «глина» хороши, а понятие «земля» дурно); более порочный род - такие действия, как «производить», «портить», «изменять»; наиболее порочный род - такие качества (исключая непосредственные восприятия чувств), как «тяжелое», «легкое», «тонкое», «густое» и т. д. Впрочем, в каждом роде одни понятия по необходимости должны быть немного лучше других, смотря по тому, как воспринимается человеческими чувствами множество вещей.

LXI Идолы театра не врождены и не проникают в разум тайно, а открыто передаются и воспринимаются из вымышленных теорий и из превратных законов доказательств. Однако попытка опровергнуть их решительно не соответствовала бы тому, что сказано нами. Ведь если мы не согласны ни относительно оснований, ни относительно доказательств, то невозможны никакие доводы к лучшему. Честь древних остается незатронутой, у них ничего не отнимается, потому что вопрос касается только пути. Как говорится, хромой, идущий по дороге, опережает того, кто бежит без дороги. Очевидно и то, что, чем более ловок и быстр бегущий по бездорожью, тем больше будут его блуждания...

LXII Идолы театра или теорий многочисленны, и их может быть еще больше, и когда-нибудь их, возможно, и будет больше. Если бы в течение многих веков умы людей не были заняты религией и теологией и если бы гражданские власти, особенно монархические, не противостояли такого рода новшествам, пусть даже умозрительным, и, обращаясь к этим новшествам, люди не навлекали

на себя опасность и не несли ущерба в своем благосостоянии, не только не получая наград, но еще и подвергаясь презрению и недоброжелательству, то, без сомнения, были бы введены еще многие философские и теоретические школы, подобные тем, которые некогда в большом разнообразии процветали у греков. Подобно тому как могут быть измышлены многие предположения относительно явлений небесного эфира, точно так же и в еще большей степени могут быть образованы и построены разнообразные догматы относительно феноменов философии. Вымыслом этого театра свойственно то же, что бывает и в театрах поэтов, где рассказы, придуманные для сцены, более слажены и красивы и скорее способны удовлетворить желания каждого, нежели правдивые рассказы из истории.

Содержание же философии вообще образуется путем выведения многого из немного или немного из многого, так что в обоих случаях философия утверждается на слишком узкой основе опыта и естественной истории и выносит решения из меньшего, чем следует. Так, философы рационалистического толка выхватывают из опыта разнообразные и тривиальные факты, не познав их точно, не изучив и не взвесив прилежно. Все остальное они возлагают на размышления и деятельность ума.

Есть ряд других философов, которые, усердно и тщательно потрудившись над немногими опытами, отважились вымышлять и выводить из них свою философию, удивительным образом извращая и толкуя все остальное применительно к ней. Существует и третий род философов, которые под влиянием веры и почитания примешивают к философии богословие и предания. Суестьность некоторых из них дошла до того, что они выводят науки от духов и гениев. Таким образом, корень заблуждений ложной философии тройкий: софистика, эмпирика и суеверие.

№4. Определите, с позиций какой теории (догматизм, гносеологический релятивизм, диалектическая концепция абсолютной и относительной истины) подходит Вл. Соловьев к идее сверхчеловека Ф. Ницше? Критикует Вл. Соловьев идею Ф. Ницше или поддерживает ее?

Владимир Сергеевич Соловьев «Идея сверхчеловека». Людьми, особенно чуткими к общим требованиям исторической минуты, владеет не одна, а по крайней мере три очередные или, если угодно, модные идеи: экономический материализм, отвлеченный морализм и демонизм «сверхчеловека». Из этих трех идей, связанных с тремя крупными именами (Карла Маркса, Льва Толстого, Фридриха Ницше), первая обращена на текущее и насущное, вторая захватывает отчасти и завтрашний день, а третья связана с тем, что выступит послезавтра и далее. Я считаю ее самой интересной из трех.

Всякая идея сама по себе есть ведь только умственное *окошко*. В окошко экономического материализма мы видим один задний, или, как французы говорят, нижний, двор (*la basse cour*) истории и современности; окно отвлеченного морализма выходит на чистый, но уж *слишком*, до совершенной пустоты чистый двор бесстрастия, опрощения, непротивления, неделания и прочих *без и не*, ну а из окна ницшеанского «сверхчеловека» прямо открывается необъятный простор для всяких жизненных дорог, и если, пускаясь без оглядки в этот простор, иной попадет в яму, или завязнет в болоте, или провалится в живописную, величавую, но безнадежную пропасть, то ведь такие направления ни для кого не представляют безусловной необходимости, и всякий волен выбрать вон ту верную

и прекрасную горную дорожку, на конце которой уже издалека сияют среди тумана озаренные вечным солнцем надземные вершины.

Теперь я хочу не разбирать ницшеанство с философской или исторической точки зрения, а лишь применить к нему первое условие истинной критики: показать главный принцип разбираемого умственного явления - насколько это возможно - *с хорошей стороны*.

Я думаю, нет спора, что всякое заблуждение - по крайней мере всякое заблуждение, о котором стоит говорить, - содержит в себе несомненную истину и есть лишь более или менее глубокое искажение этой истины; ею оно держится, ею привлекательно, ею опасно, и чрез нее же только может оно быть как следует понято, оценено и окончательно опровергнуто.

Поэтому первое дело разумной критики относительно какого-нибудь заблуждения - определить ту истину, которою оно держится и которую оно извращает.

Дурная сторона ницшеанства бросается в глаза. Презрение к слабому и больному человечеству, языческий взгляд на силу и красоту, присвоение себе *заранее* какого-то исключительного сверхчеловеческого значения - во-первых, себе единолично, а затем, себе коллективно, как избранному меньшинству «лучших», т. е. более сильных, более одаренных, властительных, или «господских», натур, которым все позволено, так как их воля есть верховный закон для прочих, - вот очевидное заблуждение ницшеанства. В чем же та истина, которою оно сильно и привлекательно для живой души?

Различие между истиною и заблуждением не имеет здесь для себя даже двух отдельных слов. Одно и то же слово совмещает в себе и ложь и правду этой удивительной доктрины. Все дело в том, как мы понимаем, как мы произносим слово «сверхчеловек». Звучит в нем голос ограниченного и пустого притязания или голос глубокого самосознания, открытого для лучших возможностей и предваряющего бесконечную будущность?

Из всех земных существ один человек может относиться к себе самому критически — не в смысле простого недовольства тем или другим своим положением или действием (это возможно и для прочих животных), а также и не в смысле смутного, неопределенного чувства тоски, свойственной всей «стенающей твари», а в смысле сознательной отрицательной оценки самого способа своего бытия и основных путей своей жизни, как не соответствующих тому, что должно бы быть. Мы себя судим, а при суде разумном, добросовестном и осуждаем. Какой-то залог высшей природы в глубине души человеческой заставляет нас хотеть бесконечного совершенства; размышление указывает нам на всегдашний и всеобщий факт нашего несовершенства, а совесть говорит, что этот факт не есть для нас *только* внешняя необходимость, а зависит *также* и от нас самих.

Человеку естественно хотеть быть лучше и больше, чем он есть в действительности, ему *естественно* тяготеть к идеалу сверхчеловека. Если он *взаправду* хочет, то и может, а если может, то и должен. Но не есть ли это бессмыслица - быть лучше, выше, больше своей действительности? Да, это есть бессмыслица для животного, так как для него действительность есть то, что его делает и им владеет; но человек, хотя *тоже* есть произведение уже данной, прежде него существовавшей действительности, *вместе с тем* может воздействовать на нее изнутри, и, следовательно, эта его действительность есть так или иначе, в той или другой мере то, что *он сам делает*, - делает более заметно и очевидно в качестве существа *собирательного*, менее заметно, но столь же несомненно и в качестве существа *личного*.

Задания к семинару № 9 (РАЗДЕЛ 7 ГНОСЕОЛОГИЯ, Темы № 23, 24, 25, 26, 27, 28)

№5. Определите, какой теории – сенсуализму или рационализму соответствуют данные высказывания. Обоснуйте ваш выбор.

1. Я обнаруживаю в себе две разные идеи Солнца. Одна словно почерпнута из чувств и относится в основном к тому типу представлений, который, по моему мнению, является поступающим ко мне извне. В этом представлении Солнце является мне весьма малым по величине. Другая идея получена из положений астрономии. иными словами, извлечена из некоторых вложенных в меня самой природой понятий или, в известном смысле, создана мной самим. Согласно этому представлению Солнце оказывается во много раз больше Земли.... и разум подсказывает мне, что как раз то представление отличается от настоящего Солнца в самой большой степени, которое самым непосредственным образом исходит из него. Рене Декарт

2. Под адекватной идеей я понимаю такую идею. которая. будучи рассматриваема сама в себе без отношения к объекту, имеет все свойства или внутренние признаки истинной идеи...На самом деле, если какой-либо мастер должным образом создал представление некоторого произведения, то, если даже такое произведение никогда не существовало и никогда не будет существовать, тем не менее его мысль истинна, и мысль остается одна и та же, существует ли произведение или нет... Форма истинной мысли поэтому должна быть заключена в самой же этой мысли, безотносительно к другим; она не признает объекта за причину, а должно зависеть от самой мощи и природы разума. Бенедикт Спиноза

3. Суждение, размышление, желание, страсти и т. д. представляют собой не что иное, как само ощущение в его различных превращениях... Природа дает нам органы, чтобы предупредить нас при помощи удовольствия о том, к чему мы должны стремиться, а при помощи страдания – о том, чего мы должны избегать. Но она ограничивается этим, предоставляя опыту научить нас приобретать привычки и закончить начатую ею работу. Этьенн Бонно де Кондильяк

4. Чистая наука... предполагает освобождение от противоположности сознания и [его предмета]. Она содержит в себе мысль, поскольку мысль есть также и вещь сама по себе, или содержит вещь самое по себе, поскольку вещь есть также и чистая мысль. В качестве науки истина есть чистое саморазвивающееся самосознание и имеет образ самости, [что выражается в том], что в себе и для себя сущее есть осознанное понятие, и понятие, как таковое, есть в себе и для себя сущее. Это объективное мышление и есть содержание чистой науки. Гегель

5. Мне укажут на принятую среди философов аксиому, что нет ничего в душе, чего не было бы раньше в чувствах. Однако отсюда нужно исключить самое душу и ее свойства. Нет ничего в разуме, чего не было раньше в чувствах, за исключением самого разума. Но душа заключает в себе бытие, субстанцию, единое, тождественное, причину, восприятие, рассуждение и множество других понятий, которых не могут дать нам чувства. Готфрид Вильгельм Лейбниц

6. Мысль. - Все достоинство человека – в его способности мыслить. Следовательно, мысль по своей природе замечательна, и только неслыханные недостатки могли бы превратить ее в нелепость. так вот, их полным-полно, и притом самых смехотворных. как она возвышенна по своей природе! И как низменна из-за этих недостатков! А что сказать об этой мысли? До чего она глупа! Блез Паскаль.

7. Необходимые истины – вроде тех, которые встречаются в чистой математике, и в особенности, в арифметике и геометрии, должны покоиться на принципах, доказательство которых не зависит от примеров, а следовательно, и от свидетельства чувств, хотя, не будь чувств, нам никогда не пришло бы в голову задумываться над ними... Точно так же логика вместе с метафизикой и моралью... полны подобных истин; следовательно, их доказательство можно получить лишь с помощью внутренних принципов, называемых врожденными... Животные – чистые эмпирики и руководствуются только примерами, так как ... никогда не доходят до образования необходимых предложений; люди же способны к наукам, покаящимся на логических доказательствах. Готфрид Вильгельм Лейбниц

8. Все философы признают тот и сам по себе достаточно очевидный факт, что уму никогда не дано реально ничего, кроме его восприятий, или впечатлений и идей, и что внешние объекты становятся известны нам только с помощью вызываемых ими восприятий. Ненавидеть, любить, мыслить, чувствовать, видеть – все это не что иное, как воспринимать...

Какие причины заставляют нас верить в существование тел?...

Под отдельным существованием объектов я разумею как их положение, так и их отношения, как их внеположность (в отношении сознания), так и независимость их существования и действий... чем порождается мнение о непрерывном или отдельном существовании объекта: внешними чувствами, разумом или воображением...

Что наши внешние чувства не дают нам впечатлений в виде образов чего-то отдельного или независимого и внешнего. Это очевидно; ведь они дают нам лишь какое-либо единичное восприятие без малейшего намека на что-либо помимо этого. Единичное же восприятие может породить идею двоякого существования не иначе как при помощи какого-нибудь заключения разума или воображения. Когда наш ум переступает пределы того, что непосредственно воспринимается им, его заключения никогда не могут быть вменены чувствам; но когда ум заключает на основании единичного восприятия о двояком существовании и предполагает отношения сходства и причинности между этими двумя существованиями, он, несомненно, выходит за пределы этого единичного восприятия. Давид Юм

9. Душа есть как бы рука: как рука есть орудие орудий, так и ум – форма форм, ощущение же – форма ощущаемого. Так как помимо чувственно воспринимаемых величин нет, как полагают, на одного предмета, который бы существовал отдельно, то постигаемое умом имеется в чувственно воспринимаемых формах...

И поэтому существо, не имеющее ощущений, ничему не научится и ничего не поймет. Когда созерцают умом, необходимо, чтобы в то же время созерцали в представлениях: ведь представления – это как бы предметы ощущения, только без материи. Аристотель

10. Чувство никогда не обманывает, из чего следует, что всякое ощущение и всякое восприятие представления или явления истинно...

Чувство не рассуждает и совершенно не способно удерживать что-либо в памяти. Ведь оно порождается не само собой и, вызванное чем-либо другим, не способно ничего к себе добавлять или у себя отнимать, ни связывать что-либо или разделять с помощью высказывания, ни делать выводы; таким образом, оно не способно что-либо думать и, думая, заблуждаться. Подобные функции, следовательно, присущи ум, а не самому чувству, которому свойственно лишь воспринимать то, что ему непосредственно дано. Пьер Гассенди

№6 Что такое абстрактное мышление, согласно Гегелю? Кому оно свойственно?

Георг Гегель «Кто мыслит абстрактно?» Кто мыслит абстрактно? - Необразованный человек, а вовсе не просвещенный. В приличном обществе не мыслят абстрактно потому, что это слишком просто, слишком неблагородно (неблагородно не в смысле принадлежности к низшему сословию), и вовсе не из тщеславного желания задирать нос перед тем, чего сами не умеют делать, а в силу внутренней пустоты этого занятия. Почтение к абстрактному мышлению, имеющее силу предрассудка, укоренилось столь глубоко, что те, у кого тонкий нюх, заранее почуют здесь сатиру или иронию, а поскольку они читают утренние газеты и знают, что за сатиру назначена премия, то они решат, что мне лучше постараться заслужить эту премию в соревновании с другими, чем выкладывать здесь все без обиняков.

В обоснование своей мысли я приведу лишь несколько примеров, на которых каждый сможет убедиться, что дело обстоит именно так. Ведут на казнь убийцу. Для толпы он убийца - и только. Дамы, может статься, заметят, что он сильный, красивый, интересный мужчина. Такое замечание возмутит толпу: как так? Убийца - красив? Можно ли думать столь дурно, можно ли называть убийцу - красивым? Сами, небось, не лучше! Это свидетельствует о моральном разложении знати, добавит, быть может, священник, привыкший глядеть в глубину вещей и сердец. Знаток же человеческой души рассмотрит ход событий, сформировавших преступника, обнаружит в его жизни, в его воспитании влияние дурных отношений между его отцом и матерью, увидит, что некогда этот человек был наказан за какой-то незначительный проступок с чрезмерной суровостью, ожесточившей его против гражданского порядка, вынудившей к сопротивлению, которое и привело к тому, что преступление сделалось для него единственным способом самосохранения. Почти наверняка в толпе найдутся люди, которые - доведись им услышать такие рассуждения - скажут: да он хочет оправдать убийцу! Помню же я, как некий бургомистр жаловался в дни моей юности на писателей, подрывающих основы христианства и правопорядка; один из них даже осмелился оправдывать самоубийство - подумать страшно! Из дальнейших разъяснений выяснилось, что бургомистр имел в виду «Страдания молодого Вертера».

Это и называется «мыслить абстрактно» - видеть в убийце только одно абстрактное - что он убийца и называнием такого качества уничтожать в нем все остальное, что составляет человеческое существо.

Иное дело - утонченно-сентиментальная светская публика Лейпцига. Эта, наоборот, усыпала цветами колесованного преступника и вплетала венки в колесо. Однако это опять-таки абстракция, хотя и противоположная. Христиане имеют обыкновение выкладывать крест розами или, скорее, розы крестом, сочетать розы и крест. Крест - это некогда превращенная в святыню виселица или колесо. Он утратил свое одностороннее значение орудия позорной казни и соединяет в одном образе высшее страдание и глубочайшее самопожертвование с радостнейшим блаженством и божественной честью. А вот лейпцигский крест, увитый маками и фиалками, - это умиротворение в стиле Коцебу, разновидность распутного примиренчества - чувствительного и дурного. Мне довелось однажды услышать, как совсем по-иному расправилась с абстракцией «убийцы» и оправдала его одна наивная старушка из богадельни. Отрубленная голова лежала на эшафоте, и в это время засияло солнце. Как это чудесно, сказала она, солнце милосердия господня осеняет голову Биндера! Ты не стоишь того, чтобы тебе солнце светило, - так говорят часто, желая выразить осуждение. А женщина та увидела, что голова убийцы освещена солнцем и, стало быть, того достойна. Она вознесла ее с плахи эшафота в лоно солнечного милосердия бога и

осуществила умиротворение не с помощью фиалок и сентиментального тщеславия, а тем, что увидела убийцу приобщенным к небесной благодати солнечным лучом.

- Эй, старуха, ты торгуешь тухлыми яйцами! - говорит покупательница торговке. - Что? - кричит та. - Мои яйца тухлые?! Сама ты тухлая! Ты мне смеешь говорить такое про мой товар! Ты! Да не твоего ли отца вши в канаве заели, не твоя ли мать с французами крутила, не твоя ли бабка сдохла в богадельне! Ишь целую простыню на платок извела! Знаем, небось, откуда все эти тряпки да шляпки! Если бы не офицеры, не щеголять тебе в нарядах! Порядочные-то за своим домом следят, а таким - самое место в каталажке! Дырки бы на чулках заштопала! - Короче говоря, она и крупницы доброго в обидчице не замечает. Она мыслит абстрактно и все - от шляпки до чулок, с головы до пят, вкуче с папашей и остальной родней - подводит исключительно под то преступление, что та нашла ее яйца тухлыми. Все окрашивается в ее голове в цвет этих яиц, тогда как те офицеры, которых она упоминала, - если они, конечно, и впрямь имеют сюда какое-нибудь отношение, что весьма сомнительно, - наверняка заметили в этой женщине совсем иные детали. Но оставим в покое женщин; возьмем, например, слугу - нигде ему не живется хуже, чем у человека низкого звания и малого достатка; и, наоборот, тем лучше, чем благороднее его господин. Простой человек и тут мыслит абстрактно, он важничает перед слугой и относится к нему только как к слуге; он крепко держится за этот единственный предикат. Лучше всего живется слуге у француза. Аристократ фамильярен со слугой, а француз - так уж добрый приятель ему. Слуга, когда они остаются вдвоем, болтает всякую всячину - смотри «Jacques et son maitre» Дидро, - а хозяин покуривает себе трубку да поглядывает на часы, ни в чем его не стесняя. Аристократ, кроме всего прочего, знает, что слуга не только слуга, что ему известны все городские новости и девицы и что голову его посещают недурные идеи, - обо всем этом он слугу расспрашивает, и слуга может свободно говорить о том, что интересует хозяина. У барина-француза слуга смеет даже рассуждать, иметь и отстаивать собственное мнение, а когда хозяину что-нибудь от него нужно, так приказания будет недостаточно, а сначала придется втолковать слуге свою мысль да еще и благодарить за то, что это мнение одержит у того верх. То же самое различие и среди военных; у пруссаков положено бить солдата, и солдат поэтому - каналья; действительно, тот, кто обязан пассивно сносить побои, и есть каналья. Посему рядовой солдат и выглядит в глазах офицера как некая абстракция субъекта побоев, с коим вынужден возиться господин в мундире с портупеей, хотя и для него это занятие чертовски неприятно.

№7. Какие черты свойственны интеллекту, согласно Анри Бергсону? Чем они объясняются? Насколько обоснован главный вывод Бергсона, данный в конце текста?

Анри Бергсон «Творческая эволюция». Будем исходить от действия и примем за принцип, что интеллект прежде всего стремится к производству. Производство имеет дело исключительно с неодушевленным веществом, так что даже если оно употребляет органический материал, то поступает с ним, как с мертвыми вещами, не обращая внимания на свойственную им жизнь. Далее, из неодушевленных вещей производство имеет дело только с твердыми телами; остальные просто в силу своей текучести уходят от его воздействия. Так что из самого отношения интеллекта к производству нетрудно предвидеть, что текучие элементы действительности *отчасти ускользают от него, а то, что в живых существах есть живого, ускользнет от него совершенно.* Наш интеллект, в том

виде, как он выходит из рук природы, имеет своим главным объектом неорганические твердые тела...

Интеллект ясно представляет себе только отдельное...

С другой стороны, предметы, на которые мы действуем, очевидно, обладают подвижностью. Но для нас важно знать, куда направляется движущееся тело и где оно находится в такой-то момент своего движения. Другими словами, мы заботимся прежде всего о его нынешних и будущих положениях, а не о самом *движении вперед*, посредством которого оно переходит из одного положения в другое. Естественное состояние интеллекта ставит себе практически полезную цель. Когда он заменяет движение сочетанием неподвижных частей, он вовсе не хочет восстановить движение, как оно есть; он просто заменяет его практическим эквивалентом... В силу своей естественной склонности наш ум держится за прочное и неподвижное. *Наш интеллект ясно представляет себе только неподвижность...*

Интеллект характеризуется неограниченной способностью разлагать вещи по любому закону и соединять их в любые системы... Суть в том, что эта непрерывность [жизни] в действительности немыслима интеллектам, следующим своему природному влечению. Эта непрерывность включает одновременно и многочисленность элементов, и взаимное проникновение всего всем, а эти свойства вряд ли примиримы на той почве, где действует наше творчество, а, следовательно, также и наш ум.

Подобно тому, как мы разделяем вещи в пространстве, мы фиксируем их во времени. Интеллект не создан для того, чтобы мыслить *развитие* в собственном смысле этого слова, т. е. непрерывность применения, представляющего чистую подвижность... интеллект представляет себе будущее, как ряд *состояний*, из которых каждое однородно с самим собой и, следовательно, не изменяется. Если наше внимание привлекается к внутреннему изменению одного из этих состояний, то мы быстро разлагаем его на новый ряд состояний, в совокупности образующих его внутреннее изменение. Эти новые состояния или неизменны, или же их внутреннее изменение, при нашем внимании к нему, сейчас же разлагается на новую серию неизменных состояний, и т. д. до бесконечности. И здесь мышление состоит в реконструкции, и понятно, что мы пользуемся при этом данными и, следовательно, устойчивыми элементами. Так что мы можем сколько угодно подражать подвижности будущего посредством бесконечного прогресса наших сочетаний, но само будущее ускользает от нас в тот момент, когда мы думаем, что обладаем им.

Именно потому, что интеллект всегда старается реконструировать действительность, и притом пользуясь данными элементами, он не схватывает того, что есть *нового* в каждый момент какой-либо истории. Он не допускает непредвиденного. Он отвергает творчество. Наш ум удовлетворяется тем, что определенные предшествующие приводят к определенным последующим, которые можно вычислить, как их функцию.

Мы еще понимаем, что определенная цель вызывает определенные средства для ее достижения. В обоих случаях мы имеем дело с известным, которое сочетается с известным, словом, с повторяющимся прошлым. Здесь наш ум чувствует себя свободно. И каков бы ни был объект, он будет абстрагировать, разделять, выделять, чтобы заменить, если нужно, самый объект приблизительным его эквивалентом, при котором все будет происходить именно так, как нужно. Но признавать, что каждое мгновение непрерывно вносится нечто новое, что рождаются формы, которые, раз они произошли, можно, конечно, считать определенным действием их причин, но которые невозможно было бы предвидеть, ибо здесь единственные в своем роде причины, составляют часть

самого действия, соединяются вместе с ним и определяются им столько же, как и определяют его, — это мы можем чувствовать в себе и угадывать, перенося свои чувства вовне, но не можем ни выразить в терминах чистого разума, ни даже мыслить, в узком смысле слова... Что же касается изобретения в собственном смысле слова, составляющем отправной пункт самого творчества, то нашему интеллекту не удастся охватить его *поток*, т. е. то, что в нем есть нераздельного, ни его *гениальность*, т. е. то, что в нем есть творческого. Объяснение всегда сводится к разложению, хотя бы непредвиденного и нового, на известные прежние элементы, соединенные в различном порядке. Наш интеллект столь же мало допускает полную новизну, как и будущее, *совершенно не похожее на настоящее*. Это значит, что и здесь наш интеллект упускает из виду существенную сторону жизни, как будто он не создан для того, чтобы мыслить такой объект.

При всем своем умении обращаться с неодушевленным веществом, интеллект обнаруживает бессилие, когда он прикасается к живому существу. Если дело идет о жизни тела или духа, наш ум действует с грубостью и неуклюжестью инструмента, который вовсе не предназначался для такой цели. История гигиены или педагогики могла бы много рассказать на эту тему. Когда мы думаем об основном, постоянном и живом интересе в сохранении наших тел и в воспитании наших душ, о той особой легкости, с которой каждый может непрерывно производить опыты над собой и другими, о том ощутительном вреде, в котором проявляется и которым оплачивается всякое несовершенство медицинской и педагогической практики, — мы, вероятно, будем смущены грубостью и в особенности упорством ошибок в этой области. Происхождение их легко открыть в нашем настойчивом стремлении толковать живое, как неживое, и думать о всякой вещи, какой бы текучей она ни была, в форме окончательно установившихся твердых тел. Мы чувствуем себя свободно только среди отдельных, неподвижных, мертвых вещей.

Интеллект характеризуется природным непониманием жизни.

№8. Определите, к каким теориям о связи веры и знания (фидеизм, рационализм, теория гармонии веры и знания) относятся данные высказывания. Обоснуйте ваш ответ.

1. Августин Блаженный. Итак, что я разумею, тому и верю; но не все, чему я верю, то и разумею. Все, что я разумею, то я знаю; но не все то знаю, чему верю. Я знаю, как полезно верить многому и такому, чего не знаю

2. Тертуллиан. В любознательности нам нет нужды после Иисуса Христа, а в поисках истины — после Евангелия. Раз мы верим (во что-то), то не желаем верить ничему сверх этого: ибо в это мы верим прежде всего. И нет ничего более, во что мы должны были поверить... «Сын Божий распят — это не стыдно, ибо достойно стыда; и умер Сын Божий — это совершенно достоверно, ибо нелепо; и, погребенный воскрес — это несомненно, ибо невозможно».

3. Иоанн Скот Эриугена. Истинный авторитет не противоречит правильному разуму, так же как правильный разум — истинному авторитету. Ведь не может быть сомнения, что оба проистекают из одного и того же источника, а именно из божественной мудрости... Авторитет рождается из истинного разума, но разум никогда не рождается из авторитета. Ведь всякий авторитет, не подтверждаемый истинным разумом, представляется слабым. Но истинный разум, нерушимый и незыблемый благодаря своим собственным силам, не нуждается ни в какой поддержке со стороны авторитета...

Стало быть, для решения подлежащих нам задач следует обращаться прежде всего к разуму и лишь затем к авторитету.

4. Фома Аквинский. Для спасения человеческого было необходимо, чтобы сверх философских дисциплин, которые основываются на человеческом разуме, существовала некоторая наука, основанная на божественном откровении; это было необходимо прежде всего потому, что человек соотнесен с Богом как с некоторой своей целью. Между тем цель эта не поддается постижению разумом... Отсюда следует, что человеку необходимо для своего спасения знать нечто такое, что ускользает от его разума, через божественное откровение... Итак было необходимо, чтобы философские дисциплины, которые получают свое знание от разума, были дополнены наукой, священной и основанной на откровении... Хотя человек не обязан испытывать разумом то, что превышает возможности человеческого познания, однако же то, что преподано Богом в откровении, следует принять на веру... Ведь есть люди, до такой степени уверенные в своих собственных способностях, что они полагают, будто могут измерять все природу вещей своим разумом и определять истинное и ложное в зависимости от того, как это им захочется. Итак, дабы ум человеческий, освободясь от самоуверенности, перешел к скромному исследованию истины, необходимо было, чтобы человеку было свыше предложено нечто всецело выходящее за пределы человеческого разума.

5. Поль Анри Гольбах. Лишь вернув людей к природе, можно доставить им очевидные и надежные знания, при помощи которых они станут на верный путь к счастью, узнав свое настоящее место на земле. Ослепленная теологией человеческая мысль до сих пор не сделала ни одного шага вперед. Религиозные системы заставили ее сомневаться даже в наиболее достоверных истинах во всех отраслях знания. Суеверие оказало на все свое пагубное влияние... Изучение природы, исследование истины возвышает душу, обогащают ум, делают человека энергичным и мужественным; теологические же учения способны только умалить человека, ограничить его умственный кругозор, лишить его мужества.

7. Иван Ильин. В наши дни есть еще один предрассудок в отношении к вере, согласно которому «знание» есть нечто достоверное, доказательное, истинное, а «вера» есть в конечном счете не более чем «суеверие» (т. е. вера всуе, напрасная и неосновательная). Доказанное и обоснованное не приемлется на веру: оно познается и знается, оно мыслится. Верить же можно лишь в то, что не обосновывается и что поэтому не *основательно*; в то, что не доказывается и потому не имеет за себя *ничего достоверного*. Поэтому здесь только и можно «верить» или «веровать»...

С одной стороны, это воззрение безмерно переоценивает мысль и знание; и придает так называемым «доказательствам» преувеличенное значение; ибо на самом деле многое, что люди причисляют к «мыслимому» и «знаемому», - остается необоснованным и недоказанным. С другой стороны, вера и суеверие совсем не одно и то же: в области веры имеется *своя особая достоверность* и свои полноценные основания; не замечать их или отвертываться от них можно только по недостатку духовного опыта.

Так, прежде всего было бы совсем наивно думать, что человеческое «мышление» и «знание» не делает ошибок или что оно способно доказать каждое свое утверждение. Вся картина мироздания, в том виде, как его очерчивает наука, покоится на очень спорных и часто неясных гипотезах, которые иногда отчасти «подтверждаются» новыми наблюдениями, а иногда опровергаются и тогда отвергаются... Но они совсем не суть «доказанной истины», даже и те из них, которые *доселе* подтверждались при наблюдениях. Чем дальше человек стоит от научной лаборатории, тем более иногда бывает склонен преувеличивать достоверность научных предположений и объяснений. *Полуобразованные люди* слишком часто *верят* в «науку» так, как если бы ей было все доступно и ясно; чем

проще, чем элементарнее, чем проще какое-нибудь утверждение, тем оно кажется им «убедительнее» и «окончательнее»; и только настоящие ученые знают границы своего знания и понимают, что *истина* есть их *трудное задание* и *далекая цель*, а совсем не легкая, ежедневная добыча...

И как же не противопоставить им тех многих умных и научно образованных людей, которые верно постигли сущность науки и границы человеческой мысли и тем освободили в своей душе место для *искренней и чистой веры в Бога!*... А вот суждение Бэкона Веруламского (1561 – 1626): «Только поверхностное знание природы может увести нас от Бога; напротив, более глубокое и основательное ведет нас назад, к Нему»... Зоолог Агассиц (1807 – 1873) устанавливает: «Из изучения природы каждый должен вынести убеждение, что все упорядочено неким возвышенным Духом»... Весьма интересное признание мы находим у Чарльза Дарвина (1809 – 1882): «В состояниях самого крайнего колебания я никогда не был атеистом в том смысле, чтобы я отрицал существование Бога». Известный ученый фон Майер (1814 – 1878), открывший закон сохранения энергии, пишет: «Если поверхностные головы, охотно выдающие себя за героев дня, не хотят признавать вообще ничего иного и высшего, кроме материального, чувственно воспринимаемого мира, то такую смешную претензию отдельных лиц нельзя ставить в укор науке; еще менее пользы и чести будет самой науке от этой претензии».

Задания к семинару № 10 (РАЗДЕЛ 8 ФИЛОСОФСКАЯ ТЕОЛОГИЯ, Темы № 29, 30, 31)

№1. Что чувствует человек, пребывающий в духе Святом? Какие выводы можно сделать из существования такого состояния человека?

Беседа Преподобного Серафима с Мотовиловым о цели жизни нашей христианской.

- Все-таки я не понимаю, почему я могу быть твердо уверенным, что я в Духе Божиим. Как мне самому в себе распознавать истинное Его явление?

Батюшка о. Серафим отвечал: - Я уже, ваше боголюбие, сказал вам, что это очень просто, и подробно рассказал вам, как люди бывают в Духе Божиим и как должно разуметь Его явление в нас... Что же вам, батюшка, надобно?

- Надобно, - сказал я, - чтобы я понял это хорошенько. Тогда о. Серафим взял меня весьма крепко за плечи и сказал мне: - Мы оба теперь, батюшка, в Духе Божиим с тобою. Что же ты не смотришь на меня?

Я отвечал: - Не могу, батюшка, смотреть, потому что из глаз ваших молнии сыпятся. Лицо ваше сделалось светлее солнца, и у меня глаза ломит от боли.

О. Серафим сказал: - Не уstraшайте, ваше боголюбие, и вы теперь сами так же светлы стали, как и я сам. Вы сами теперь в полноте Духа Божьего, иначе вам нельзя было бы и меня таким видеть.

И, преклонив ко мне свою голову, он тихонько, на ухо сказал мне:

- Благодарите же Господа Бога за неизреченную к вам милость Его. Вы видели, что я и не перекрестился даже, а только в сердце моем мысленно помолился Господу Богу и внутри себя сказал: «Господи, удостой его ясно и телесными глазами видеть то сошествие Духа Твоего, которым Ты достаиваешь рабов Своих, когда благоволишь являться во свете великолепной славы Твоей». И вот, батюшка, Господь и исполнил мгновенно смиренную просьбу убогого Серафима... Как же нам не благодарить Его за этот Его неизреченный дар нам обоим? Этак, батюшка, не всегда и великим пустынным являет Господь Бог милость Свою. Эта благодать Божия благоволила утешить сокрушенное сердце

ваше, как мать чадолюбивая, по предстательству Самой Матери Божией... Что ж, батюшка, не смотрите мне в глаза? Смотрите просто, не убойтесь: Господь с нами.

Я взглянул после этих слов в лицо его, и напал на меня еще больший благоговейный ужас. Представьте себе, в середине солнца, в самой блистательной яркости его полуденных лучей, лицо человека с вами разговаривающего. Вы видите движение уст его, меняющееся выражение его глаз, слышите его голос, чувствуете, что кто-то вас руками держит за плечи, но не только рук этих не видите, не видите ни самих себя, ни фигуры его, а только один свет ослепительный, простирающийся далеко, на несколько сажен кругом и озаряющий ярким блеском своим и снежную пелену, покрывающую поляну, и снежную крупу, осыпающую сверху и меня и великого старца. Возможно ли представить себе то положение, в котором я находился тогда!

- Что же чувствуете вы теперь? - спросил меня отец Серафим.

- Необыкновенно хорошо, - сказал я.

- Да, как же хорошо? Что именно? Я отвечал:

- Чувствую я такую тишину и мир в душе моей, что никакими словами выразить не могу.

- Это, ваше боголюбие, - сказал батюшка о. Серафим, - тот мир, про который Господь сказал ученикам своим:

«Миръ Мой даю вамъ, не якоже м1ръ даетъ, Азь даю вамъ. Аще бо отъ м1ра были бысте, м1ръ убо любилъ бы свое, но якоже избрахъ вы отъ м1ра, сего ради ненавидишь вась м1ръ. Обаче дерзайте, яко Азь побѣдихъ м1ръ». Вот этим-то людям, ненавидимым от мира сего, избранным же от Господа, и дает Господь тот мир, который вы теперь в себе чувствуете; «миръ», по слову апостольскому, «всякъ умъ преимуший». Таким его называет апостол, потому что нельзя выразить никаким словом того благосостояния душевного, которое он производит в тех людях, в сердца которых его внедряет Господь Бог. Христос Спаситель называет его миром от щедрот Его собственных, а не от мира сего, ибо никакое временное земное благополучие не может дать его сердцу человеческому: он свыше даруется от Самого Господа Бога, почему и называется миром Божиим...

- Что же еще чувствуете вы, - спросил меня о. Серафим?

- Необыкновенную сладость, - отвечал я. И он продолжал:

- Это та сладость, про которую говорится в Священном Писании: *«отъ тука дому твоего утуются и потокомъ сладости Твоя напоиши я»*. Вот эта-то теперь сладость преисполняет сердца наши и разливается по всем жилам нашим неизреченным услаждением. От этой-то сладости наши сердца как будто тают, и мы оба исполнены такого блаженства, какое никаким языком выражено быть не может... Что же вы еще чувствуете?

- Необыкновенную радость во всем моем сердце. И батюшка о. Серафим продолжал:

- Когда Дух Божий нисходит к человеку и осеняет его полнотою своего наития, тогда душа человеческая преисполняется неизреченною радостью, ибо Дух Божий радостотворит все, к чему бы Он ни прикоснулся. Это-та самая радость, про которую Господь говорит в Евангелии Своем...

Предзадатки этой радости даются нам теперь, и если от них так сладко, хорошо и весело в душах наших, то что сказать о той радости, которая уготована там, на небесах, плачущим здесь, на земле? Вот и вы, батюшка, довольно-таки поплакали в жизни вашей на земле, и смотрите-ка, какую радостью утешает вас Господь еще в здешней жизни. Теперь за нами, батюшка, дело, чтобы труды к

трудам прилагая, восходить нам от силы в силу и достигнуть меры возраста исполнения Христова... Что же еще вы чувствуете, ваше боголюбие?

Я отвечал:

- Теплоту необыкновенную.

- Как, батюшка, теплоту? Да, ведь, мы в лесу сидим. Теперь зима на дворе и под ногами снег, и на нас более вершка снега, и сверху крупа падает... Какая же может быть тут теплота? Я отвечал:

- А такая, какая бывает в бане, когда поддадут на каменку и из нее столбом пар валит...

- И запах, - спросил он меня, - такой же, как из бани?

- Нет, - отвечал я, - на земле нет ничего подобного этому благоуханию. Когда, еще при жизни матушки моей,

я любил танцевать, и ездил на балы и танцевальные вечера, то матушка моя опрыснет меня, бывало, духами, которые покупала в лучших магазинах Казани, но те духи не издают такого благоухания.

№2. Каковы причины возникновения религии, согласно П. А. Гольбаху и С. Н. Булгакову? Чья точка зрения лучше согласуется с фактами, приведенными А. Менем?

Поль Анри Гольбах «Система природы». Невежество, тревоги, бедствия всегда были источником первых представлений людей о божестве. Отсюда ясно, что представления эти должны были быть ненадежными или ложными и во всяком случае горестными. Действительно, куда бы мы ни устремили свой взор: на скованный холодом север, знойные области юга или более умеренные пояса, — мы повсюду увидим трепещущие народы, которые под влиянием своих страхов и несчастий создали себе национальных богов или стали почитать чужих, заимствованных из других мест. Представление об этих могущественных силах всегда соединялось с представлением о страхе; их имя всегда напоминало человеку его собственные бедствия или бедствия его предков: мы трепещем теперь потому, что наши предки трепетали тысячи лет тому назад...

Религия всегда была системой поведения, созданной невежественным воображением, чтобы снискать благоволение неизвестных сил, которым, как полагали, подчинена природа; в основе религии всегда имеется какое-нибудь гневное и неумолимое божество. На этом детском, нелепом понятии жреческое сословие основало свои права, свои храмы, алтари, богатства, свой авторитет, свои догматы - одним словом, на этих грубых основах держатся все религии мира; выдуманные некогда дикарями, они и в настоящее время руководят судьбой самых цивилизованных народов...

Так изменились воображаемые представления о божестве, выдуманные теми или иными людьми или полученные ими со стороны. Первая богословская система вначале заставила человека бояться и почитать стихии, материальные и грубые предметы; затем он стал поклоняться существам, управляющим стихиями, - могущественным гениям, гениям низшего порядка, героям или людям, одаренным великими доблестями. В ходе дальнейших размышлений он решил упростить эту систему, подчинив всю природу одному-единственному агенту — верховному разуму, духу, мировой душе, приводящей в движение эту природу и ее части...

Если мы захотим понять сущность наших представлений о божестве, то должны будем признать, что словом бог люди всегда обозначают наиболее скрытую, далекую и неизвестную причину наблюдаемых нами явлений; они употребляют это слово лишь в тех случаях, когда перестают разбираться в механизме естественных и известных им причин...

Сергей Николаевич Булгаков «Свет Невечерний». Направление, в котором следует искать такое определение [религии], дано уже в самом слове, выражающем основное существо религии и содержащем, поэтому суммарную мысль о ней: *religio* - *religare* - связь, связывать, соединять. В религии устанавливается и переживается *связь*, связь человека с тем, что выше человека. В основе религиозного отношения лежит, поэтому основной и неустранимый *дуализм*: в религии, какова бы она ни была в своей конкретной форме, есть всегда два начала, два полюса. Религия (как это справедливо заметил Фейербах) всегда есть раздвоение человека с самим собой, отношение его к себе как к другому, второму, не-одному, не-единственному, но связанному, соединенному, соотносящемуся. В религии человек ощущает, что его видят и знают, прежде чем он сам себя узнал, но вместе с тем он сознает себя удаленным, отторгнутым от этого благого источника жизни, с которым стремится восстановить связь, установить религию. Итак, в самой общей форме можно дать такое определение религии: религия есть опознание Бога и переживание связи с Богом...

Религия зарождается в переживании Бога (под каким бы обликом ни совершилось это богооткровение). Но, чувствуя Бога, человек тем самым ощущает себя в «мире», другими словами, для него открывается основная религиозная антитеза, неизменно сопровождающая религиозную жизнь, - противоположность Бога и мира. Как будто от луча света, упавшего с высоты и свыше озарившего собою мир, загорается в душе сознание мира божественного, а вместе и устанавливается грань между горним и дольным, их разделяющая, но вместе и соединяющая. И в этом свете по-иному является этот мир, получается совершенно другой вкус, новое ощущение бытия - чувствование мира как удаленного от Бога, но вместе с тем от Него зависящего. В душе человеческой появляется сознание неабсолютности и внебожественности, а следовательно, относительности и греховности своего бытия, но одновременно зарождается и стремление освободиться от «мира», преодолеть его в Боге; другими словами, вместе с религиозным самосознанием в человеке рождается и чувство зла, вины, греха, отторженности от Бога, а равно и потребность спасения и искупления. Подняться из плена мира к Богу, из поработченности в царство свободы - такую жажду пробуждает в душе всякая религия, и тем глубже, чем выше и совершеннее она сама. Поэтому религиозное мироощущение неизменно сопровождается известным разочарованием в этом мире, пессимизмом в отношении к данному его состоянию, тем, что иногда зовется «мировой скорбью», но в то же время пессимизм этот есть только тень, которую бросает свет радостной веры, сулящей победу над миром, подающей надежду на освобождение и спасение. Мир утрачивает свою безусловность и свою единственность: над миром и в мире есть Бог, такова радостная весть всякой религии. Потому вообще религия - конечно, живая религия - есть радость всех радостей, хотя она и связывается с относительным пессимизмом, пробуждением от сна самодовольства и мироводовольства...

Основное переживание религии, встреча с Богом, обладает (по крайней мере на вершинных своих точках) такой победной силой, такой пламенной убедительностью, которая далеко позади оставляет всякую иную очевидность. Его можно позабыть или утратить, но не опровергнуть, Вся история человечества, что касается религиозного его самосознания, превращается в какую-то совершенно неразрешимую загадку или просто нелепость, если не признать, что она опирается на живой религиозный опыт, т.е. если не принять, что все народы как-то видели и знали свои божества, знали о них не из одного «катехизиса». У пророков Израиля мы постоянно встречаем такие слова: *и сказал мне Бог*. Приходилось ли нам когда-нибудь задумываться над этими словами? Пытались

ли мы понять их, хотя отдаленно переведа эти слова на свой религиозный опыт? «И сказал мне Бог!»! Что это: неужели же только галлюцинация, самообман, шарлатанство, литературный прием, или?.. А если правда... если правда, что написано в этих книгах: Бог говорил, а человек слушал, слышал... Бога, конечно, не физическим органом слуха, но слышал сердцем, всем существом своим, и слово Божие звучало громче, чем все громы мира, убедительнее и достовернее, чем все его разумение.

Александр Мень «История религии: В поисках Пути, Истины и Жизни». *Современные этнографические исследования привели к замечательному открытию: понятием о единой высшей Силе обладают многие народы, находящиеся на начальной стадии цивилизации. Это открытие опрокидывает традиционные представления старой анимистической школы. «Схема, - говорит крупнейший этнограф В. Копперс, - которая и поныне доверчиво преподносится в колледжах и согласно которой религия началась с поклонения камням и деревьяшкам, а затем, через почитание деревьев и животных, развилась в культ божеств с получеловеческими, полужвериными чертами и, наконец, поднялась до божеств с чисто человеческим обликом, - схема эта стоит ближе по научному уровню к Геродоту, чем к современному исследованию»...*

Таким образом, у истоков культуры и религии стоит мировоззрение, которое прежними авторами относилось к самым поздним этапам. И чем менее народ затронут прогрессом материальной цивилизации, тем более сильны в нем исконные черты духовной жизни: вера в верховную Силу, нравственность, моногамия и др. Впрочем... не только пигмеи, но и большинство народностей сохранили в своей религии следы первобытного монотеизма, что окончательно укрепило новые позиции этнографов...

Этнография не может доказать прамонотеизма; она лишь показывает, что вера в Единого не есть продукт поздней истории, а присутствует на самых ранних стадиях духовного сознания.

У австралийских племен обнаружено в самой различной степени понятие о высшем Существо, хотя оно часто бывает отодвинуто на задний план пантеоном богов и духов. Племя аранда называет его Алитвира, племя лоритья - Тукура. У обитателей Виктории знание о Боге, который сотворил все и называется Бунджил, открывается только посвященным. «У племен нгарито и дед-дора женщины не знают его имени и называют его Папанг - Отец». У племени кайтиш - это небесный Отец Атнау. У юго-восточных племен - это Байаме и Бунджил. В некоторых случаях верховное Божество выступает как учредитель мистерий и зачинатель цивилизаций.

Что касается Африки, то, по словам известного советского этнографа С. А. Токарева, «здесь почти повсеместно находим представление о небесном божестве». Давид Ливингстон, миссионер и путешественник, который тридцать лет провел в девственных лесах Черного континента, говорил, что проповедникам христианства нет необходимости говорить туземцам о Боге, так как они уже давно знают о Нем...

Это очень характерная черта. Понятие о Боге в Африке почти не связано с его особым культом или связано в слабой степени. Так, у племени базима культ Иммана явно заслонен поклонением богам. «Почти во всех случаях, - отмечает Токарев, - небесное божество - не предмет культа». Как бы оно ни называлось: Ньям-би - у банту, Мулунгу - у восточноафриканских племен, Эн-гай - у масаев, кулункулов и зулусов, - оно стоит как бы на заднем плане. Этнограф Б. Оля, много лет работавший в республике Берег Слоновой Кости, пишет, что в религиях тропической Африки «Отец Вселенной ведет чисто мифическое существование,

тогда как руководством мира занимается божество, представленное в литургии... Их можно рассматривать, как две ипостаси одного и того же божества. Активно действующий бог с более материальными интересами не противостоит Создателю».

Следы древнего понятия о Едином найдены и у народов Юго-Восточной Азии: Полинезии, Океании и Малайи. У андаманцев он известен под именем Пулуга, и опять-таки никакого культа этого Пулуги нет. Творцом, Тангорой, называют его в Новой Зеландии. При этом характерно, что среди племен, стоящих на более высоком уровне цивилизации, понятие о Высшем Боге почти совершенно исчезло. Что касается народов Америки, то они называют Творца Тахмахнауис - Великий Дух, а в других случаях Хавенейу - Держатель небес. Молитвы Великому Духу у индейских племен поражают своей чистотой и искренним чувством...

Для всякого беспристрастного человека очевидно, что если бы наука действительно была чем-то несовместимым с религией, то все творцы науки, все выдающиеся ученые должны были бы быть атеистами... Речь идет о совместимости науки и религии. А то, что большинство великих ученых прошлого и настоящего в разных странах были и являются людьми религиозными, есть красноречивое свидетельство такой совместимости...

Наука самым своим происхождением обязана религии, и обе они издавна существовали в тесной взаимосвязи... Храмы древневосточных были настоящей колыбелью науки, являясь первыми школами, лабораториями и обсерваториями. Первые анатомические атласы, первые математические формулы, первые карты вышли из рук людей, которые служили религии... Творцы античной науки были в то же время и религиозными мыслителями... В средние века Церковь осталась единственным культурным очагом в Европе, который сохранил семена античной науки...

«Пожалуй, самым непосредственным доказательством совместимости науки и религии, - писал Планк, - является тот исторический факт, что именно величайшие естествоиспытатели всех времен, такие люди, как Кеплер, Ньютон, Лейбниц, были проникнуты глубокой религиозностью». Карл Линней, создатель биологической классификации, говорил, что в многообразии мира живых существ видел силу Творца. М. Ломоносов называл веру и знание «дочерьми одного Отца». Б. Паскаль, И. Ньютон, М. Фарадей были богословами. Л. Пастер заявлял, что он молится в своей лаборатории. О Создателе, проявляющем Свою мощь в творении говорили физик А. Ампер и геолог Ч. Лайель; эмбриолог К. Бэр, химик М. Бутлеров, физик В. Крукс, физик Р. Майер, биолог А. Уоллес выступали против материализма...

Значение религии для работы ученого хорошо показал Эйнштейн, утверждавший, что вера в осмысленность мироздания вдохновляет исследователя. Религиозный ученый, раскрывая мировые закономерности в просторах Вселенной или в глубинах атома видит в них проявления Мирового Разума. Это придает особую значимость его исследованию.

№3. Попробуйте определить, какой теории связи Бога и мира соответствуют данные тексты ([акосмизм](#), [пантеизм](#), [неоплатонизм](#), [христианство](#), [деизм](#), [атеизм](#)).

1. Джон Керуак «Писание Золотой Бесконечности». Так выходит что я создал это небо? Да, потому что не будь оно лишь образом моего сознания, я не смог бы сказать так: «Небо» - Поэтому я золотая бесконечность. И нет отдельных нас, читателя и писателя, есть одно, одна золотая бесконечность, Пребывающая-В-Себе, Пребывающая-Во-Всем...

Не будь мы золотой бесконечностью, нас и не было бы здесь. А раз уж мы здесь, нам никуда не деться от нашей чистоты. И повелеть человеку хранить чистоту, подобно карающему ангелу наказывающему зло, или ангелу милостивому воздающему за добро, все равно как приказать воде быть влажной – И все же, все сущее зависят от некой высшей реальности существующей в виде Кармы – заслуженной судьбы...

Бог не где-то вне нас, мы сами и есть Бог, живые и мертвые, никогда не жившие и никогда не умиравшие. Нам остается лишь осознать ее, эту высшую реальность, которая давным-давно записана в архивах универсального сознания, все это уже сделано, и больше делать ничего не нужно...

Неужто ты думаешь что пустота неба способна рассыпаться на кусочки? Любой ребенок знает что все мы попадем на небеса. И знание того что ничто и никогда не происходило не есть знание что ничто и никогда не происходило, а есть золотая бесконечность. Другими словами, нет лучше подарка для братьев и сестер твоих чем поделиться с ними знанием того что все происшедшее, все происходящее, и все что произойдет, на самом деле никогда не происходило, не происходит, и не произойдет, а есть золотая бесконечность. Ничто никогда не рождалось, ничто никогда и не умрет. На самом деле, не произошло даже и то что вы узнали о золотой бесконечности прочитав случайно это писание. Притворная сущность вещей обнаруживает себя. И что бы ни исходило от золотой бесконечности, бояться нечего: делай что хочешь.

2. Вергилий «Георгики».

Будто и пчелам не чужд божественный разум и дышат
Легким эфиром они, ибо бог насквозь проникает
Все: и сушу, и море, и неба лазурную бездну.
Вот откуда и скот, и звери, и люди черпают
Краткие жизни свои и куда, растворившись, вернуться
Все живое должно; и будто нет места для смерти:
К звездам каждая тварь улетаёт живой и на небе
Вечную жизнь обретает.

3. Лосев Алексей Федорович «Очерки античного символизма и мифологии».
Паламиты учили, что Свет Фаворский, виденный учениками Христа и подвижниками, не есть ни сама сущность Божия (ибо энергия сообщим а человеку, существо же Божие - несообщимо), ни тварное вещество (ибо иначе тварь обожалась бы через себя саму), но - присносущная энергия сущности Божией, отличная от самой сущности, но неотделимая от нее. Энергия, рассуждали паламиты, не вносит в Божество никакого разделения, или рассечения, ибо сущность остается сама по себе как (бы) носителем этих энергий. Переходя к твари и освящая ее, она сама отнюдь не становится тварью, но продолжает быть неотделимой от Бога, т. е. самим Богом. Имя «Бог», говорили они, должно быть прилагается не только к сущности Божией, но и к Его энергиям. Всякая энергия и все энергии вместе суть сам Бог, хотя Бог и не есть Его энергия, ни какая-нибудь одна, ни все взятые вместе...

Осияние и преображение твари (молитвенное восхождение, теургическое действо и пр.) возможно только потому, что есть нетварная энергия Божия, оформляющая и осмысляющая тварное естество (ибо иначе тварь никуда и не восходила бы, но оставалась сама собой и по себе); но, с другой стороны, осияние и восхождение возможно только потому, что тварь, своими силами и за свой риск и страх, стремится приблизиться к Богу (ибо энергия лично-производящего Бога, сообщенная человеку, становится лично-производящим устройством самого человека). Человек - тварь; след., он - не Бог по существу и не может стать таковым. Но человеку сообщима энергия Божия, которая есть сам

Бог. Следовательно, человек *есть* бог -уже по причастию, стало быть, и по *благодати*, а не по сущности, и - может, должен стать им, т. е. *энергично* стать, неотлично отождествиться с ним по *смыслу*, имея единственное отличие от него - по сущности, по *субстанции*, по *факту*, по *бытию*.

4. Пауло Коэльо «Алхимик». — Ветер сказал мне, что ты знаешь любовь, - обратился Сантьяго к солнцу. — А если так, то должно знать и Душу Мира - она ведь сотворена из любви.

— Отсюда мне видна Душа Мира, - отвечало солнце. - Она обращается к моей душе, и мы вместе заставляем травы расти, а овец переходить с места на место в поисках тени. Отсюда - а это очень далеко от вашего мира - я научилось любить. Я знаю, что если хоть немного приближусь к Земле, все живое на ней погибнет и Душа Мира перестанет существовать. И мы издали глядим друг на друга и издали любим друг друга. Я даю Земле жизнь и тепло, а она мне - смысл моего существования.

— Ты знаешь любовь, — повторил Сантьяго.

— И знаю Душу Мира, потому что в этом нескончаемом странствии во Вселенной мы с ней много разговариваем. Она рассказала мне, в чем главная ее трудность: до сих пор лишь камни и растения понимают, что все на свете едино. И потому не требуется, чтобы железо было подобно меди, а медь ничем не отличалась от золота. У каждого свое точное предназначение в этом едином мире, и все слилось бы в единую Симфонию Мира, если бы Рука, которая написала все это, остановилась в пятый день Творения. Однако был и шестой.

5. Карл Маркс «К критике гегелевской философии права. Введение»
Основа иррелигиозной критики такова: *человек создаёт религию*, религия же не создаёт человека. А именно: религия есть самосознание и самочувствование человека, который или ещё не обрёл себя, или уже снова себя потерял. Но *человек* - не абстрактное, где-то вне мира ютящееся существо. Человек - это *мир человека*, государство, общество. Это государство, это общество порождают религию, *превратное мировоззрение*, ибо сами они - *превратный мир*. Религия есть общая теория этого мира, его энциклопедический компендиум, его логика в популярной форме, его спиритуалистический *point d'honneur* [вопрос чести], его энтузиазм, его моральная санкция, его торжественное восполнение, его всеобщее основание для утешения и оправдания. Она претворяет в *фантастическую действительность* человеческую сущность, потому что *человеческая сущность* не обладает истинной действительностью. Следовательно, борьба против религии есть косвенно борьба против *того мира*, духовной *усладой* которого является религия. *Религиозное* убожество есть в одно и то же время *выражение* действительного убожества и *протест* против этого действительного убожества. Религия - это вздох угнетённой твари, сердце бессердечного мира, подобно тому как она - дух бездушных порядков. Религия есть *опиум* народа. Упразднение религии, как *иллюзорного* счастья народа, есть требование его *действительного* счастья.

6. Вольтер «Основы философии Ньютона». Что до естественной религии, то ни один человек не был большим ее сторонником, нежели Ньютон, - разве лишь таким человеком является сам Лейбниц, его соперник в науке и добродетели. Я понимаю под естественной религией принципы морали, общие для всего человечества...

Я исхожу, прежде всего, из признания невозможности движения материи самой по себе; необходимо, чтобы она получала это движение извне; но она не может получить его от другой материи, ибо это было бы противоречием; следовательно, нужно, чтобы движение производила иная, имматериальная причина. Имматериальная причина - бог, и здесь необходимо принять во

внимание, что ходячая аксиома: «Не следует прибегать к богу в философии», хороша лишь тогда, когда надо объяснить непосредственные физические причины. К примеру, я хочу объяснить, почему тяжесть в четыре фунта может служить противовесом тяжести в один фунт: если я скажу, что так распорядился бог, я окажусь невеждой; но я дам удовлетворительный ответ, если скажу, что один фунт удален от точки опоры на расстояние, в четыре раза превышающее расстояние от нее четырех фунтов. Не так обстоит дело с первыми принципами вещей: в этом случае невеждой оказывается тот, кто не прибегает к богу, потому что либо бога не существует вообще, либо первые принципы могут быть только в боге.

Именно он вложил в планеты ту силу, с которой они передвигаются с запада на восток; именно он заставил эти планеты и Солнце вращаться вокруг собственной оси.

Он начертал для всех тел единый закон, согласно которому все они одинаково тяготеют к своему центру. Наконец, он создал живые существа, которым даровал активную силу, с помощью которой они вызывают к жизни движение.

7. Алексей Федорович Лосев «История античной философии» Гностицизм (от греч. *gnōsticos* - «познавательный») – это религиозно-философское учение, возникшее в I - II вв. на почве объединения христианских идей о божественном воплощении в целях искупления, иудейского монотеизма и пантеистических построений языческих религий – античных, вавилонских, персидских, египетских и индийских...

Самым крупным представителем гностицизма является *Валентин*, не только совместивший в своей философской системе античные и христианские идеи, но и создавший прямо-таки грандиозную философскую поэму миротворения, не сводимую ни к античности, ни к христианству. Согласно системе Валентина, причина возникновения мира заключается в том, что последний из божественных эонов, то есть из тех двадцати восьми полулогических категорий, полумифологических существ, из которых состоит божественная область (плерома), по Валентину, а именно зон София, согрешила против отца, желая нарушить всю божественную субординацию, за что и была изгнана из плеромы. В дальнейшем разворачивается подробнейшая картина того, как грусть и слезы тоскующей по плероме Софии материализовались в небо и землю, как были созданы люди, среди которых выделяются гностики, то есть люди, изначально предназначенные к спасению. В конце концов София вместе с гностиками добивается с помощью Иисуса Христа, посланного Отцом с благой вестью о грядущем прощении Софии, прощения у Отца и допускается назад в плерому, а материальный мир, созданный из печали Софии, сгорает в огне. Цель истории мира - прощение Софии - достигнута, история мира завершилась.

8. Николай Кузанский О возможности-бытии; Игра в шар

Ведь так как вечность предшествует небытию, которое само не может перевести себя в бытие, необходимо, чтобы все благодаря вечному бытию возникало из небытия, или из несуществующего. Вечное бытие, таким образом, есть необходимость существования для всего...

Всякое бытие в вечном боге есть бог и все вещи! Так ведь поскольку вечный бог все производит из небытия, то, если бы сам он не был в действительном смысле бытием всего вообще и каждого в отдельности, как он мог бы производить из небытия?...

Все существует в боге, и все в нем – истина, которая не больше и не меньше; вещи пребывают там свернутым и неразвитым образом, как круг в точке...

Я утверждаю, что все это [творения] в свернутом виде есть бог, подобно тому как в развернутом виде в мирской твари оно есть мир.

№4. Какие способы решения проблемы происхождения зла и богооправдания предлагаются в данных текстах? Какой из них, по Вашему мнению, более приемлем и почему?

А) Лактанций. «О гневе божьем». «Бог, говорит Эпикур, либо хочет уничтожить зло и не может, либо может и не хочет, либо не может и не хочет, либо хочет и может. Если не хочет и не может, значит, он бессилен, что не подобает богу. Если он может и не хочет, значит, он завистлив, что также чуждо богу. Если же он не хочет и не может, значит, он и завистлив, и бессилен, и тогда он вовсе не бог. Если он хочет и может, что одно лишь подобает богу, то откуда же тогда берется зло? И почему же он его не истребляет? Я знаю, что многих философов, которые выступают в защиту провидения, это доказательство приводит в замешательство, и они чуть ли не вынуждены признать, что бог ни о чем не заботится, — именно это более всего добивается [доказать] Эпикур. Но мы, исследуя суть вопроса, с легкостью опровергаем этот страшный аргумент. Ибо бог может [делать] все, что захочет, и богу не свойственны ни слабость, ни завистливость; следовательно, он может уничтожить зло и не хочет, и все-таки он не завистлив. Ведь он не уничтожает зло по той причине, что (как я уже сказал) он одновременно наделяет людей мудростью, а в мудрости гораздо больше приятного, нежели в зле досадного. Ибо мудрость способствует тому, что мы познаем бога, и благодаря этому познанию достигаем бессмертия, что является высшим благом. Итак, мы сможем познать добро не раньше, чем мы познаем зло. Но этого не видит ни Эпикур, ни кто-либо другой; если будет уничтожено зло, то погибнет также и мудрость; в человеке не останется и следа добродетели, смысл которой состоит в том, чтобы переносить и преодолевать горечь зла. Таким образом, ради незначительной пользы от уничтожения зла мы лишимся нашего собственного огромного блага; ведь ясно, что человеку предлагается все: как зло, так и добро».

Б) Дионисий Ареопагит «О Божественных именах». У добра одна причина. Если же зло противоположно добру, то у него должно быть множество причин, в творениях которых нет ни смысла, ни устойчивости, а только неустойчивость, немощь и беспорядочное смешение с греховным. Поэтому творения зла ни неизменны, ни постоянно самотождественны, но несовершенны, неопределенны и обладают стремлением к общению только с такими же несовершенными творениями зла. Благо — вот начало и конец всего: как злого, так и доброго, ибо все из Блага: как добро, так и то, что противоположно ему. Даже совершая зло, мы тоскуем по Благу, — никто ведь не надеется на помощь от зла, совершая что-либо; поэтому-то у зла и нет своего лица, но только личина, и рождается оно не само собою, а благодаря Благу. Злу даруется бытие по воле случая, и проявляться оно может только в чем-либо ином, поскольку не имеет собственного бытия; но так как оно все же рождается, то кажется подлинно существующим и рожденным из Блага, но по существу бытие его не подлинно, в силу того, что оно — не добро, хотя мы [порой] и принимаем его за добро, и, желая одного, делаем, очевидно, совершенно другое.

Итак, зло имеет бытие вопреки разуму, желанию, природе, а если оно и существует, то без цели, без причины, без начала, без завершения, без формы, без основания. Следовательно зло — это лишение, недостаток и оскудение [добра], оно порочно, слепо, бесцельно, беспричинно, безотносительно, безобразно, безжизненно, бездуховно, бесплодно, бездейтельно, бессильно, незаконно, неразумно, несовершенно, непостоянно, неопределенно, ему

присущи неведение, небытие, и само по себе оно нигде, никогда и никак не существует...

Как вообще возможны злые существа при наличии Провидения? Но ведь зло как таковое, то есть в чистом виде, вне добра - не существует ни само по себе, ни в сущем, поскольку ни одно из существ не лишено промыслительного попечения. И если нет ни одного существа непричастного Благу, или всецело лишённого Блага, в то время как зло - это отсутствие Блага, то, следовательно, божественное Провидение промышляет о всех существах, и ни одно из них не лишено промыслительного попечения...

И поскольку Провидению не свойственно насилловать природу, то, [полагаю], мы не станем принимать во внимание нелепое мнение толпы, утверждающей, будто Провидение и против воли должно вести нас к нравственному совершенству. Следовательно, хотя Провидение сохраняет природу каждого существа, оно промышляет и о свободных - как о свободных, о всех и каждом в отдельности, и вообще, и в частности, то есть в соответствии с тем, насколько природа каждого из охраняемых Провидением существ в состоянии воспринять всю совокупность и разнообразие промыслительных благодеяний. Итак, зло есть не-сущее и его нет в сущем. Зла, как такового, нет нигде и возникает оно не вследствие своего могущества, а в силу оскудения [добра]. Даже демоны, поскольку они существуют, происходят из Блага и существование для них - благо; зло же. возникает в них вследствие уклонения их от присущих им добродетелей, в силу искажения неизменных свойств и оскудения в них присущего ангелам по природе совершенства. И хотя они стремятся к Благу, поскольку желают жить, мыслить и вообще быть, однако желают они вовсе не Блага, а не-сущего, но это - не желание, а, скорее, извращение желания. Сознательно согрешающими в Писании называются те, кто словно позабыв о врожденном знании добра, творят зло, те, кто знают, но не исполняют заповеди, те, которые слышали [слово Божие], но чья вера и стремление к благодеяниям оскудели, те, которые не желают стремиться к соединению с Благом вследствие оскудения или извращения желаний.

В) Пьер Бейль «Исторический и критический словарь». Согласно учению манихейцев, между собой боролись два начала и в этом столкновении произошло смешение добра и зла...

Поскольку злоба... не менее реальная сущность, чем доброта, Вселенная требует, чтобы были существа злые и существа добрые; и так как доброе высшее существо и злое высшее существо не могут существовать в одном лице, необходимо, чтобы в природе вещей было бы существо по природе доброе и другое существо по природе злое...

Если бы человек был созданием одного бесконечно доброго и святого начала, то он был бы создан не только без каких-либо дурных качеств, но также и без какой-либо склонности к ним, поскольку эта склонность является изъяном, а изъян не может быть порожден таким творцом...

Два начала, устав от хаоса, когда каждое вмешивалось и разрушало то, что хотело сделать другое, заключили договор, каждое что-то уступило, каждое приняло участие в создании человека и основ единства его души. Доброе начало добивается тех законов, которые доставляют человеку множество удовольствий, и соглашается с теми, которые подвергают человека множеству горестей. Если оно согласно, чтобы в человечестве морального блага было бесконечно меньше, чем морального зла, то оно возмещает себе это существованием отдельных созданий, у которых добродетели бесконечно больше, чем порока. Если многие люди имеют в этой жизни больше страданий, чем счастья, то это возмещается на том свете: то, чем они не обладают, будучи людьми, они получают, приобретая

другую форму. Благодаря этому соглашению хаос рассеялся: хаос, говорю я, который был полем битвы двух активных начал... Вот на что мог бы сослаться Зороастр, гордясь тем, что он не приписывает благу началу, будто оно произвело по своей доброй воле существо столь злое и несчастное; что, по его воззрению, благое начало пошло на это, лишь убедившись на опыте, что оно не могло бы поступить лучше, не могло лучше противодействовать ужасным законам злого начала. Для того чтобы сделать менее кощунственной эту теорию Зороастра, можно было бы не признавать длительной войны между этими двумя началами, о которой говорили манихейцы. Можно было бы ограничиться признанием существования двух начал и того, что одно из них когда-то добилось чего-то от другого на определенных условиях, на основе которых было достигнуто вечное соглашение.

Г) Лев Николаевич Гумилев «Русь и Великая степь». Известный переводчик воспринял древний текст как ряд последовательных тезисов и пронумеровал их, чем облегчил чтение и понимание оригинала... «Это странное учение сводилось к следующему:

1. Бог, который сотворил мир, — личность, но отнюдь не Абсолют.
2. Бог, создав пространство вне себя, ограничил себя, ибо Сам находится вне созданного Им пространства. Следовательно, Бог не вездесущ.
3. Создав время, явление самостоятельное, Бог ограничил себя, ибо Он не может сделать бывшее небывшим. Следовательно, Он не всемогущ.
4. Создав души, наделенные свободной волей, Бог не может предугадывать их поступки, иначе воля была бы несвободной. Следовательно, Он не всеведущ.
5. Это так, потому что Он добр, ибо если бы Он был вездесущ, то Он был бы и во зле, и в грехе, а этого нет.
6. Это так, потому что Он милостив, ибо если бы Он был всемогущ и не исправил бы зла мира сего, то это было бы не сострадание, а лицемерие.
7. Это так, потому что если бы Он был всеведущ, то знал бы злые помыслы людей, готовых сознательно совершить грех, а люди не могли бы избежать греха и поступить иначе, дабы не нарушить волю Его. Но тогда за все деяния должен отвечать Он, а не люди, которые всего лишь исполнители.
8. Бог добр, а значит, мир, Им сотворенный, благ. И чередование рождения и смерти — не зло, а благо. Вечная душа (атман) перерождается, забыв обиды и горе, перенесенные ею в предшествующей жизни. Цепь перерождений непрерывна. Но тогда откуда возникает зло?
9. Если Бог неповинен в зле мира сего, то источник зла - Сатана. Но если Сатана сотворен Богом, то вина за его дела - на Боге. Так как этого не может быть (это противоречит первому принципу), то, значит, Сатана - порождение небытия и сам небытие (шуньята).
10. Сатана действует, значит, небытие может стать активным. Небытие облекает частицы Света (фотоны) и влияет на свободную волю людей через ложь, через необратимость времени и через разрывы в пространстве. Зло приходит в мир из небытия, и горе тем, через кого оно приходит.
11. Те люди, животные, демоны, которые свободным волеизъявлением принимали обольщения Сатаны, превращались в нежить и теряли высшие блага: смерть и воскресение; ибо тот, кто не живет, не может ни умереть, ни воскреснуть.
12. Бог-создатель (может быть, Ади-Будда или Брахма) спасает людей по их молитве тем, что дает им силу преодолеть зло и страдания, чем вытесняет Сатану «во тьму внешнюю» (по отношению к материальному миру). Славьте Имя Его».

Д) Свами Вивекананда «Жнана-йога». Слово *майя* не предлагается как теория для объяснения мира. Оно только утверждение факта, что в самом

основании нашего существования есть противоречие; что куда бы мы ни пошли, мы должны пройти через это ужасное противоречие, что, где есть добро, там должно быть и зло, и где зло, там должно быть и добро; что за жизнью всегда, как тень, следует смерть, что все, кто смеется сегодня, будет завтра плакать, а кто теперь плачет, будет после улыбаться. И это положение вещей не может быть исправлено...

Таким образом, философия веданта не оптимизм и не пессимизм. Она берет вещи как они есть, признавая факт, что этот мир есть смешение добра и зла, счастья и несчастья. Увеличьте одно, и вместе с этим увеличится другое. Мир никогда не будет хорошим, потому что уже в выражениях этой идеи заключается противоречие. Но он также не может быть и дурным. Веданта путем анализа открывает великую тайну, что добро и зло вовсе не существуют как отдельные самостоятельные вещи. Нет вещи в нашем мире, которую вы можете назвать безусловно хорошей, и нет вещи, которая только дурна. То же явление, которое сегодня кажется хорошим, завтра может оказаться дурным. Та вещь, которая причиняет горе одному, может быть причиной радости другого; огонь обжигающий ребенка, может сварить пищу голодному; нервы, приносящие ощущение боли, приносят и чувство удовольствия. Остановить зло поэтому можно только одним способом, - останавливая также добро. Другого способа нет. Чтобы остановить смерть, мы должны остановить жизнь. Жизнь без смерти и счастье без несчастья заключают в самых своих определениях противоречие и не могут быть осуществимы, так как в каждом случае оба они проявления одной и той же вещи...

Веданта же говорит: верно, что Абсолют или Бесконечное стремится выразить себя в конечном; но придет время, когда Он увидит, что это невозможно и пробьет отбой. Этот отбой и будет действительным началом религии... Все религии, от самой грубой до наиболее возвышенной, представляют собой попытки выйти из этой майи... все они имеют одну цель, - стремление вывести нас за пределы майи, открыть нам нечто, что выше нее. Одним словом, все они стремятся к свободе...

Эта идея свободы растет, пока не придет к понятию об Одном Личном Боге, неподчиненном ограничениям майи.

Задания к семинару № 11 (РАЗДЕЛ 9 ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ, [Темы № 32, 33, 34](#))

№1. Какие типы отношения человека к природе выделяет Д. Андреев? Какое отношение человека к природе, по Вашему мнению, характерно для начала XXI века? Обоснуйте Ваш ответ.

Даниил Андреев «Роза мира». Казалось бы, отношение людей к природе бесконечно разнообразно, индивидуально, а иногда и внутренне антиномично. Но если проследить эволюцию этого отношения во всеобщей истории культуры от изобретения письменности до наших дней, можно обнаружить несколько типов его, лучше сказать - фаз. Я позволю себе здесь весьма упрощенно, в самых общих чертах, наметить три-четыре очень важные фазы так, как они мне представляются...

Наиболее ранняя фаза характеризуется тем, что космос кажется крайне миниатюрным, а Земля - единственным обитаемым миром. Зато этот мир, кроме нашей физической среды, обладает рядом других слоев, тоже материальных, но их материальность - другой природы и других свойств, чем наша... все эти слои,

равно как и наш, лишены развития. Они сотворены раз и навсегда и обитаемы добрыми и злыми существами. Для этих существ человек центр их интересов и, так сказать, яблоко раздора. Сам же человек не осознает Природу как нечто вне его лежащее и не противопоставляет себя ей. Отдельные проявления Природы возбуждают, конечно, те или иные чувства - страх, удовольствие, благоговение, но Природа как целое, по-видимому, почти не воспринимается или воспринимается в чисто эстетическом плане, да и то лишь отдельными людьми, высоко одаренными художественным чувством. Поэтому редко можно найти среди памятников искусства этих эпох лирику природы и еще реже - пейзажную живопись. К этой фазе относятся, в основном, культуры древности, а также некоторые более поздние культурные формы Востока. В религиозном отношении для первой фазы характерен политеизм.

Для второй фазы типичны те монотеистические системы, которые или игнорируют Природу, не проявляя к ней интереса, или враждебны ей. Рост личности приводит к представлению, что человек может совершенствоваться. Природа же не подает признаков развития, она косна и статична, она неморальна и неразумна, она во власти демонических сил, и та часть человеческого существа, которая единосущна Природе, требует либо порабощения ее духом, либо порабощает его сама. Это - фаза природоборческая. Ее прошли и христианские, и буддийские, и индуистские народы; на ней остановилось (пока совпадало со своей национальной религией) еврейство. Последнее однако, равно как и народы ислама, не столько стремилось к борьбе с Природой, сколько проходило мимо нее. Семитическое чувство Природы вообще отличалось скудостью. Давно уже отмечено, как бедны были этим чувством авторы библейских книг и Корана сравнительно с теми, кто создавал великие эпопеи Эллады и, особенно, Индии Семиты отдавали Природе неизбежную дань, осеняя религиозной санкцией воспроизведение рода, но в своей духовной философии и искусстве стремились игнорировать ее с многозначительной последовательностью. Они сделали у себя фактически невозможной скульптуру и портретную живопись, потому что боялись обожествить человека и ненавидели обоготворение стихии. Как и другие элементы семитизма, эта природоборческая тенденция перешла с христианством в Европу, подавила природные культы германского и славянского язычества и господствовала до конца средних веков. Но и Востоку пришлось пройти через эту фазу, хотя и окрасив ее по-своему. Аскетичность крайних проявлений брахманизма, борьба буддизма за высвобождение человеческого Я из-под власти Природы - все это слишком общеизвестно, чтобы на нем останавливаться. Таким образом, если в первой фазе Природа как целое почти не осознавалась, а поэтизировалась и боготворилась в отдельных своих проявлениях, то во второй она была осознана как начало враждебное, покорное демоническим силам.

Третья фаза связана с эрой господства науки и с оскудением мира религиозных чувств. Унаследовав от христианства природоборческое начало, человек третьей фазы освобождает его от религиозного смысла, отказывается от преодоления природных элементов в собственном существе и обосновывает к природе строго утилитарный подход. Природа есть объект разумного (научного) исследования, - во-первых; она есть сонмище бездушных сил, которое надо покорить на потребу человека, - во-вторых. Физический кругозор неизмеримо расширяется; знание структуры и законов нашего слоя достигает головокружительной глубины; в этом - ценность третьей фазы. Но напрасно толкуют о любви к природе естествоиспытателей. Интеллектуальную любовь можно испытывать только к продукции интеллекта: можно умом любить идею, мысль, теорию, научную дисциплину. Так можно любить физиологию,

микробиологию, даже паразитологию, но не лимфу, не бактерии и не блох. Любовь к природе может быть явлением физиологического порядка, может быть явлением порядка эстетического, наконец - порядка этического и религиозного. Явлением только одного порядка она не может быть: интеллектуального. Если отдельные специалисты-естественники и любят природу, то это чувство не имеет никакой связи ни с их специальностью, ни вообще с научной методикой познания Природы: это чувство или физиологического, или эстетического порядка.

Однако наибольшего противопоставления себя Природе цивилизованное (по крайней мере, западное) человечество достигло не в XX веке, как это могло бы показаться, но в XVII, XVIII и начале XIX века. Никогда моды не были так искусственны, как во времена пудренных париков. Никогда близлежащие к человеку участки Природы не уродовались так рассудочно и противоестественно, как в эпоху Версальского парка. Аристократа времен Людовиков так же немыслимо вообразить берущим солнечную ванну или гуляющим босиком, как нельзя представить себе спартанку времен греко-персидских войн - в корсете и в ботинках на высоких каблуках. Во всем этом проявлялось отношение к Природе, генетически коренившееся в христианском аскетизме, но в ходе развития заменившее духовный снобизм - снобизмом цивилизации, религиозную гордыню - гордыней рассудка, а ко всему, печатью рассудочности не отмеченному, не испытывавшее ничего, кроме насмешливого презрения.

Философия Руссо знаменует собою поворотный пункт. Но должно было протечь полтора столетия, мир должен был вступить в эпоху городов-гигантов, чтобы тоска по Природе стала понятна человеческому большинству. Поэты Озерной школы в Англии, Гете и романтики в Германии, Пушкин и в особенности Лермонтов в России любили Природу высокой эстетической, а некоторые и пантеистической любовью. Возникла Барбизонская школа живописи, и к концу XIX века эстетическая любовь завоевала незыблемое право на бытие в культуре; в XX веке развилась и любовь физиологическая. Зрительное созерцание Природы стало уже недостаточным: появилась потребность ощущать стихии осязательно и моторно, всей поверхностью тела и движением мускулов. Этой потребности отвечали отчасти туризм и спорт; и, наконец, в 1-й половине нашего столетия пляж, с его физиологическим растворением человека в солнечном свете, тепле, воде, игре, плотно и прочно вошел в повседневную жизнь. Тот самый пляж, который во времена Ронсара или Ватто показался бы непристойной выходкой сумасшедших, а в средние века был бы приравнен к шабашам ведьм на Лысой горе и, пожалуй, к черной мессе. Если вообразить Торквемаду, внезапно перенесенного в качестве зрителя на пляж в Остенде или в Ялте, вряд ли можно усомниться в том, что мысль о немедленном аутодафе из тысяч этих бесстыдных еретиков сразу возникла бы в голове этого охранителя душ человеческих.

Может быть, ничто так наглядно не иллюстрирует уменьшение пропасти между человеком и стихиями за последний век, как эволюция одежды. Пальто и головные уборы, неотступно сопровождавшие «образованного» человека даже в летний полдень, стали употребляться лишь в меру климатической необходимости. 50 лет назад казалось неприличным выйти из дому без перчаток; теперь ими пользуются только в холода. Вместо сюртуков и крахмальных манишек, в которых бонтонно прели наши деды даже при тридцатиградусной жаре, жизнь стала завоевываться безрукавками с открытым воротом. Ноги, изнывавшие в высоких ботинках, почувствовали прелесть тапочек и босоножек. Женщины освободились от кошмара корсетов, летом вошли в обиход укороченные снизу и открытые сверху платья, а платья длинные уцелели только в качестве вечерних туалетов. Дети, чьи прадеды в соответствующем возрасте чинно расхаживали даже в июле в гимназических куртках и с фуражкой на голове, бегают босиком, в одних трусах,

до черноты зацелованные солнцем. Человек мирового города, отдалившийся от Природы на такое расстояние, как еще никогда, затосковал об ее «жарких объятиях» и возвращается к ней, еще почти бессознательно, инстинктивной телесной любовью, но в накопленном историческом опыте своей души неся семена нового, совершеннейшего отношения к Природе. Такова четвертая фаза.

Итак, четыре фазы: языческая, аскетическая, научно-утилитарная и инстинктивно-физиологическая....

Но это развитие еще не привело к осознанию того, что возможно и необходимо, сохраняя старые оттенки любви к природе, за исключением, конечно, аморально-утилитарного отношения к ней, безмерно обогатить это отношение смыслом этическим и религиозным...

№2. Насколько обоснован главный вывод текста? Можно ли предотвратить такой исход?

Валентин Пономаренко «Проблема 2033 или Джонушка, Иоганушка да Иванушка дурачки». За последние 40 лет потеряна примерно треть пахотных земель вследствие урбанизации, строительства дорог, эрозии, засоления и заболачивания почвы... Если деградация пашни будет и далее происходить со скоростью 12 млн. га в год, то через 42 года рассчитывать на достаточное количество еды смогут только 2 млрд. человек...

Итак: 12% суши занято под сельскохозяйственные культуры; 24% отведено для пастбища; еще 31% покрыто лесами. Остальные 33% или слишком холодны, или засушливы, или приходится на такие крутые склоны, что не могут быть использованы в сельском хозяйстве...

Среднемировое производство зерновых с 1950 г. по 2000 г. уменьшилось в 2 раза. Тенденция и темп сохраняются теми же. Сегодня только 2 страны из 183 являются крупными экспортерами зерновых...

Во всем мире деградации подвержено 15% пахотных угодий. Порочный круг, вызванный ростом населения и уменьшением земельных ресурсов, все более сужается. Дополнительное ускорение порядка 10-20% придаст явление парникового эффекта и нарушение озонового слоя...

Существование человечества частично зависит от его здравого смысла и полностью - от тонкого слоя плодородной почвы (в среднем примерно 30 см.). Прирост населения происходит со скоростью около 120 000 человек в день, а обеспечение энергией всех видов в расчете на каждого живущего через несколько лет начнет уменьшаться. Если не изменится демографическая обстановка, голод будет неизбежен...

В развивающихся странах загрязнено примерно 95% воды. В США в 37% озер вода непригодна для купания из-за различных видов загрязнения...

Сегодня 2 млрд. людей в 80 странах мира живут в условиях ограниченного обеспечения питьевой водой. В 9 странах потребление воды превышает скорость ее возобновления.

За прошедшие 150 лет количество питьевой воды на человека уменьшилось в 4 раза...

За 150 лет человечество успело израсходовать 65% мировых запасов нефти. Ежедневно в мире расходуется нефти почти в 5 раз больше, чем удастся найти ее в новых месторождениях.

Нефть Персидского залива, вероятнее всего, последний большой резерв этого вида топлива. После 2005-2010 г. предполагается необратимый спад мировой добычи нефти. Наличие пика производства определяется «энергетической стоимостью» добычи. Если на поиск и извлечение топлива

затрачивается столько же энергии, сколько ее содержит добытое горючее, дальнейший процесс теряет смысл...

В настоящее время «полезным» стало практически все, что входит в таблицу Менделеева... Все это изымается у природы и практически немедленно превращается в бесполезные отходы, которые, в свою очередь, становятся вредными: они не только отнимают место у сельскохозяйственных угодий, но и отравляют почву, грунтовые и поверхностные воды, а также воздух...

Известно, что тяжелые металлы (простейшие яды) никогда не распадутся, и любой контейнер или цистерна когда-нибудь разрушится, однако нет никаких признаков того, что безумие производства уменьшается. Элементарные яды, урановые руды и другие источники смерти для всего живого, которые были в естественном состоянии рассеяны и не представляли опасности, усилиями «человека мыслящего» сосредоточены в малых объемах и превратились в реальную угрозу жизни...

Первый всесторонний анализ развития технической цивилизации был выполнен членами Римского клуба, авторитетами в различных областях науки, техники и экономики. В своем итоговом труде «Пределы роста» в 1972 г. они представили результаты моделирования тенденций, прямо и косвенно связанных с неконтролируемым использованием ресурсов Земли. Основные выводы состояли в том, что, при существующих в то время темпах развития, невозобновляемые ресурсы исчерпаются примерно через 100 лет, после чего наступят необратимые процессы распада всемирной экономической системы, и что попытки любых частных решений проблемы не могут быть успешными. Второй причиной гибели системы могут быть нарушения в экосистеме Земли. Итог будет одним и тем же, независимо от того, какие условия выполняются раньше: истощение ресурсов или уничтожение среды обитания. За прошедшие 30 лет прогнозы Римского клуба не были опровергнуты, за исключением одного: авторы исследования ошиблись в своих оценках темпов расходования ресурсов. В действительности, по уточненным данным, процесс развала наступит на 30-40 лет раньше, чем предполагалось.

Приведены сроки исчерпания с учетом обнаружения новых месторождений.

Алюминий 55(лет), Хром 154, Уголь 150, Кобальт 148, Медь 48, Золото 29, Железо 173, Свинец 64, Марганец 94, Ртуть 41, Молибден 65, Природный газ 49, Никель 96, Нефть 50, Платина 85, Серебро 42, Олово 61, Вольфрам 72, Цинк 50...

Пещерная психология человека в сочетании с современной технической мощью привела к тому, что в сознании людей утвердилось «ростомания». Рост валового национального продукта считается эквивалентом роста жизненного уровня. Очень трудно пробивает дорогу понимание того, что «больше» вовсе не обязательно означает «лучше». Мы полагаем, что нам нужно больше товаров, больше производительности, больше науки и техники, и больше работать для достижения этого. В то же время мы уже производим больше, чем нужно для нормальной жизни, и мы работаем намного больше, чем это необходимо.

В действительности маниакальное стремление к увеличению продукции означает просто более быстрое использование всех доступных ресурсов и, одновременно, разрушение жизни на Земле, подстегиваемое конкуренцией свободного рынка. Оно производит сплошную вырубку лесов; та же «сплошная вырубка» происходит в морях, океанах, реках, озерах и при добыче полезных ископаемых. Сообщество людей ведет себя как эпидемия. Оно не остановится, пока не уничтожит себя или не исчерпает запасы топлива, используемые для уничтожения экосферы. Если, по каким-либо причинам, человечество не сумеет

остановить рост населения и не прекратит излишнее потребление ресурсов, эти тенденции будут остановлены природой.

К сожалению, предвидению своих поступков люди практически не уделяют никакого внимания. Человек, что бы он ни делал, почти никогда не знает, что именно он делает, во всяком случае, не знает до конца. Как следствие, всякая цивилизация включает и то, к чему общество стремилось, и то, чего никто не замыслил. Дело здесь не только в лени или нежелании. Сложность мира превосходит нашу способность к уяснению причинно-следственных связей. Фактически мы грубо вмешиваемся в работу сложнейшего механизма, практически ничего не зная о его устройстве. Вполне естественно, что если достаточно долго портить машину, она сломается...

Итак:

- всем достижениям технической цивилизации мы обязаны природным источникам энергии и нашему умению ее извлекать и применять;
- запасы основных источников энергии (нефть, газ, уголь) конечны; срок их истощения - несколько десятилетий;
- площадь пашни, лугов и лесов, которые обеспечивают нам пропитание, конечна; более того, в результате нашей деятельности она сокращается, а продуктивность земли уменьшается;
- Земля у нас одна, и нам некуда переселяться;
- в скором будущем населению предстоит энергетический и, практически вслед за ним, буквальный голод, если численность населения не будет соответствовать возможности Земли обеспечивать урожаи и численность скота, согласованные с численностью населения; жизненно важные ресурсы распределены на Земле очень неравномерно;
- потребление ресурсов далеко не всегда согласовано с их наличием в каждой стране мира;
- мировая экономика характерна разделением труда и, следовательно, страны весьма взаимозависимы;
- технический прогресс, подобно огромному смерчу, втянул в свою воронку и сконцентрировал в городах значительную часть населения; например, в городах США живет 97-98% населения страны, в других развитых государствах несколько меньше;
- средние и, тем более, крупные города не могут существовать без потребления органического топлива и электроэнергии;
- машиностроение, химические производства, транспортные системы, научные и исследовательские центры, органы государственного управления - существенная принадлежность именно крупных городов...

Глобальный энергетический кризис вызовет цепную реакцию разрушения. В первую очередь погибнет то, что возникло последним: космическая промышленность, информационные технологии. Многократное подорожание топлива остановит вначале частный, а затем муниципальный транспорт. Сотни миллионов автомобилей превратятся в бесполезный хлам. Резко сократится, а затем и прекратится движение международного транспорта всех видов: морской, железнодорожный, автомобильный, речной, воздушный. Последние резервы будут выделены, как и во время Второй мировой войны, в распоряжение военных и полиции.

Распадутся союзы государств и почти все современные государства. В прошлое будет уходить международная торговля, деловые и туристические поездки, перевозка колоссального количества грузов. Остановится горнодобывающая и металлургические отрасли; прекратится выплавка и обработка металлов; закроются машиностроительные заводы и огромное

количество смежных с ними производств; возникнет невиданная до того безработица, которая, в отличие от прежних времен, охватит также все уровни государственной иерархии.

Начнется массовая гибель больших городов: люди вынуждены будут уходить на землю, возвращаться к незнакомому, непривычному и тяжелому труду на земле. Миграция, как внутренняя, так и внешняя, охватит весь мир: национальные и государственные границы потеряют смысл, - их некому, да и невозможно будет охранять и защищать. Это будет поистине великое перемещение народов из бедных стран в более богатые, последнее в истории человечества.

Нарушатся системы связи, - как международные, так и национальные. Потеря информации о происходящем еще больше усилит хаос, беспорядки и неизбежные при этом волны насилия.

Компьютерные информационные, управляющие и технологические, а также военные системы блокируют функционирование всего, что связано с использованием вычислительной техники. В наибольшей степени это отразится на странах, передовых в техническом и технологическом отношении.

Не исключено возникновение аварийных ситуаций на заводах, производствах и установках, представляющих собой источники опасности для всего живого на земле: химические заводы, атомные и гидростанции, плотины, исследовательские центры в области микробиологии, химии, военного производства. Будет потерян контроль над устройствами захоронения отходов атомной промышленности и над складами как обычного оружия, так оружия массового уничтожения всех видов.

Право сильного, которое трансформировалось в свод законов, где обычно работало право богатого, снова проявится в своем ничем не прикрытом виде...

Логика подсказывает, что решение глобального кризиса может быть найдено только в коренном изменении системы, созданной людьми, и в изменении природы самих людей. И то, и другое не реально. Остается только назвать все своими именами и ждать.

В конце концов, все это - всего лишь вопрос времени...

Все когда-нибудь заканчивается. Скоро придется прощаться с технической цивилизацией, ее преимуществами и недостатками, уютом и неустроенностью, высокими достижениями технологий и непрерывным производством отходов, вершинами гуманизма и безднами жестокости, взлетами мысли и глупостями, а также с очень многим другим.

У людей был шанс построить уютный дом на Земле. Он был использован по-варварски. Другого шанса не будет.

№3. Какие меры предлагают авторы текстов для решения глобальных проблем? Насколько они эффективны, по Вашему мнению?

В. Хёсле «Философия и экология». В плеонаксии, т. е. в желании иметь все больше и больше, нам вновь надо научиться видеть не преимущество, а, подобно древним, ту черту характера, которая непреодолимо изобличает человеческие низость и вульгарность. Нам снова нужно научиться говорить: «Хватит», - делая ограничения более строгими. Нам нужны аскетические идеалы...Состояние современных обществ особенно ярко характеризуется тем, что подобные идеалы ныне совершенно исчезли. К примеру, в США роскошь стала выражением самосознания определенной формы христианства (ибо роскошь против коммунизма, а Бог ненавидит коммунизм). Итак, определенная степень аскезы должна быть познана как условие собственной свободы: не является свободным

человек, который нуждается во многом - то ли ради хорошего самочувствия, то ли ради признания тех других людей, от которых зависит его чувство самооценки. Критерием свободы скорее служит свобода от потребностей. Возрождение стоических идеалов, пожалуй, остается последним шансом человечества...

Новая же цель гласит: «Создание экологического общества», но не «экономический рост любой ценой». Человек, пускай даже и пренебрегающий личными интересами, но посвятивший свое усердие, свои знания, свою мудрость достижению второй - во всемирно-историческом смысле устаревшей - цели, не может претендовать на объективную моральность. Более того, и его субъективная моральность может быть оспорена: ведь в обществе растут сомнения относительно данной цели, а он, этот человек, даже не приводит серьезных аргументов против возникающих сомнений... Мудрость сегодня не может ограничиться стремлением к гармонии с абсолютным принципом бытия и со своим ближним - она должна включать в себя и гармонию с природой, порождая при всем том сдержанную рассудительность, способность к отречению. Благоразумие встречается только там, где даются в радиусе охвата рациональные оценки последствий деятельности, опосредованной современной техникой, и, что еще важнее, деятельности институтов, к которым мы принадлежим. Справедливость не распространяется только на членов собственной культуры, напротив, она должна постоянно расширяться в пространстве и времени. Наши исторические предшественники, т. е. природа, архаические культуры, суть объекты справедливости наравне с грядущими поколениями. Наконец, храбрость будет проверяться по преимуществу не на войне (хотя жертва собственной жизнью в борьбе с несправедливостью и насилием, разумеется, остается нравственным требованием); храбрость, как правило, найдет свое выражение в гражданском мужестве благодаря которому будут отвергнуты ставшие сомнительными ценности и придет освобождение от диктата потребления. И все же подлинная этическая проблема в экологическую эпоху вовсе не ограничивается обоснованием новых норм. Почти все согласны с тем, что мы обязаны сохранить нашу планету обитаемой ради будущих поколений, и даже относительно ценностного характера природы можно было бы достичь консенсуса. Гораздо труднее заставить людей поступать соответствующим образом.

Эрих Фромм «Иметь или быть?» Месарович и Пестель (авторы двух докладов, представленных Римским клубом) говорят о необходимости «нового мирового сознания... новой этики при использовании материальных ресурсов... нового отношения к природе, основанного не на покорении природы, а на гармонии... ощущения тождества с будущими поколениями людей... Впервые за всю историю существования человека на земле от него требуют не делать то, что он может делать; от него требуют ограничить экономическое и технологическое развитие или по крайней мере изменить направление этого развития; все будущие поколения людей на земле требуют от него поделиться своим богатством с теми, у кого ничего нет, поделиться не из соображений милосердия, а в силу необходимости. От человека требуется сконцентрировать усилия на органичном развитии мировой системы. И может ли человек, будучи в здравом рассудке, сказать на это «нет»?» Они приходят к выводу, что без этих коренных изменений в человеке «Homo sapiens приговорен»...

Если людям суждено когда-нибудь стать свободными и покончить с подстегивающим промышленное производство патологическим потреблением, то для этого необходимо произвести радикальные изменения в экономической системе: *мы должны положить конец нынешнему положению, когда существование здоровой экономики возможно только ценой нездоровья людей.* Наша задача - создать здоровую экономику для здоровых людей. *Первым*

решающим шагом в этом направлении должна стать переориентация производства на «здоровое потребление». Традиционная формула «производство ради потребления вместо производства ради прибыли» здесь не достаточна, потому что она не уточняет, какое именно потребление имеется в виду - здоровое или патологическое. Именно здесь и возникает самый трудный практический вопрос: Кто должен определять, какие потребности являются здоровыми, а какие нездоровыми? Можно быть совершенно уверенным по крайней мере в одном: не может быть и речи о том, чтобы принуждать граждан потреблять то, что с точки зрения государства является самым лучшим - даже если это действительно самое лучшее. Бюрократический контроль, который насильно блокировал бы потребление, лишь усилил бы у людей жажду потребления. Здоровое потребление может иметь место только в том случае, когда все увеличивающееся число людей захотят изменить структуру потребления и свой стиль жизни. А это возможно только при условии, если предложить людям иной тип потребления, более привлекательный, чем тот, к которому они привыкли. Это не может произойти за один день, посредством законодательного акта, для этого нужен постепенный процесс просвещения, и здесь важную роль должно сыграть правительство. Функция государства - установить нормы здорового потребления вместо потребления патологического и индифферентного...

Люди поймут, что потребление часто порождает пассивность, что потребность в быстрой смене впечатлений и новизне, удовлетворяемая только консюмеризмом [безудержным потребительством], является отражением нашего внутреннего беспокойства, бегством от самого себя; что погоня за все новыми и новыми занятиями или вещами - это всего лишь средство самозащиты, страх оказаться наедине с самим собой или с другим человеком.

Правительство может значительно облегчить этот процесс просвещения, субсидируя производство желательных товаров и услуг до тех пор, пока оно не станет приносить прибыль. Эти усилия правительства должны сопровождаться широкой просветительской кампанией за здоровое потребление. Следует ожидать, что *согласованные действия, направленные на стимулирование здоровых потребностей, смогут, по всей вероятности, изменить характер потребления.* Если к тому же отказаться от применяемых в настоящее время в рекламе промышленных товаров методов «промывания мозгов», - а это важное условие - то не столь уж невероятно ожидать, что эти усилия окажутся не менее эффективными, чем индустриальная пропаганда.

Типичным возражением против всей программы избирательного потребления (и производства) по принципу «что способствует благоденствию?» является следующее: в условиях экономики свободного рынка потребители получают именно то, что они хотят, и, следовательно, нет никакой необходимости в «избирательном» производстве. Этот аргумент основывается на посылке, что потребители хотят того, что они считают хорошим для себя; это, конечно, абсолютно неверно (а в случае наркотиков или, скажем, хотя бы сигарет никто таким аргументом не стал бы пользоваться). Этот аргумент совершенно игнорирует тот важный факт, что желания потребителей формируются производителем. И несмотря на существование конкурирующих фирм, общее воздействие рекламы направлено на стимулирование жажды потребления. Все фирмы помогают друг другу в этом посредством рекламы; у покупателя остается лишь сомнительная привилегия выбора между несколькими конкурирующими марками товаров...

Здоровое потребление возможно только в том случае, если мы сможем самым решительным образом обуздать право акционеров и менеджеров крупных

предприятий определять характер своей продукции на основании одной лишь прибыльности и интересов расширения производства....

С введением гарантированного годового дохода исчезли бы многие пороки, присущие современному капиталистическому и коммунистическому обществам.

Суть этой идеи заключается в том, чтобы предоставить всем людям независимо от того, работают они или нет, неоспоримое право на пищу и кров. Они будут получать не более, но и не менее того, что совершенно необходимо для существования человека. Такое право представляется сейчас чем-то новым, хотя уже с давних пор проповедовалось христианской церковью и претворялось в жизнь во множестве «примитивных» племен *безусловное право людей на жизнь независимо от того, выполняют они свой «долг перед обществом» или нет.* Именно это право мы гарантируем домашним животным, но не распространяем на своих ближних.

Будь такой закон претворен в жизнь, это чрезвычайно расширило бы царство личной свободы; никого, кто был бы экономически зависим от другого человека (например, от отца, мужа, хозяина), уже нельзя было бы заставить подчиняться под угрозой голода; талантливые люди, желающие изменить свою жизнь, могли бы сделать это, если бы готовы были пойти на некоторые жертвы и в течение какого-то времени пожить в относительной бедности. Современные государства всеобщего благоденствия почти что восприняли этот принцип - «почти что» означает «не на самом деле», не по-настоящему. Бюрократия все еще «управляет» людьми, все еще подвергает их контролю и унижениям. Однако при гарантированном доходе сам факт, что любому человеку требуется скромное жилье и минимум пищи, не нуждался бы в «доказательстве». Таким образом, отпала бы необходимость в бюрократическом аппарате, осуществляющем руководство программой социального обеспечения с присущими ему убытками и оскорблением человеческого достоинства. Гарантированный годовой доход обеспечил бы реальную свободу и независимость. Поэтому он несовместим с любой системой, основанной на эксплуатации и контроле, особенно с различными формами диктатуры...

Учитывая стоимость содержания огромного современного бюрократического аппарата, занимающегося вопросами социального обеспечения, стоимость лечения больных, особенно психосоматическими заболеваниями, стоимость борьбы с преступностью и наркоманией (которые являются зачастую формами протеста против насилия и скуки), вполне вероятно, что стоимость содержания любого индивида, пожелавшего иметь гарантированный годовой доход, оказалась бы меньше того, во что обходится наша современная система социального обеспечения. Тем, кто убежден, что «люди по своей природе ленивы», эта идея покажется неосуществимой и опасной. Однако расхожее представление о природной ленивости людей на самом деле не имеет никаких оснований; эта формула служит рационализацией сопротивления, с которым сталкивается попытка отказаться от власти над беспомощными.

Пропасть между богатыми и бедными странами должна быть уничтожена.

Нет сомнений в том, что существование и дальнейшее углубление пропасти между богатыми и бедными странами приведет к катастрофе. Бедные страны уже не воспринимают экономическую эксплуатацию их индустриальным миром как дар божий... Повышение цен на нефть было началом - и символом - требований колониальных народов положить конец существующей системе, которая обрекает их продавать сырье по низким ценам, а покупать промышленные товары по

высоким. Точно так же война во Вьетнаме была символическим началом конца политического и военного господства Запада над колониальными народами.

Что же произойдет, если не будут предприняты решительные шаги, чтобы уничтожить эту пропасть? Либо какие-нибудь эпидемии распространятся столь широко, что проникнут в оплот общества белых, либо голод доведет население нищих стран до такого отчаяния, что они - возможно, не без помощи некоторых сочувствующих им людей в индустриальном мире - прибегнут к насилию и даже применению ядерного или биологического оружия, что вызовет хаос в лагере белых. Эту катастрофу можно предотвратить только в том случае, если будут устранены условия, порождающие голод и болезни, а для этого жизненно необходима помощь высокоразвитых стран. Оказание такой помощи не должно основываться на заинтересованности богатых стран в получении прибыли и каких-либо политических преимуществ; не следует также переносить экономические и политические принципы капитализма в страны Азии и Африки. Очевидно, что определять *наиболее* эффективные пути оказания такой экономической помощи - дело специалистов в области экономики. Однако выполнить эту задачу могут только те, кого можно назвать настоящими специалистами, у кого, помимо блестящего интеллекта, есть еще и горячее человеческое сердце, побуждающее их заниматься поисками оптимального решения проблемы.

№4. Что такое биосфера и каковы закономерности ее развития? Случайно ли возник человек на Земле? Что такое ноосфера, в чем выражается ее наступление? С какими социальными идеалами связана ноосфера?

Владимир Иванович Вернадский «Несколько слов о ноосфере».

В гуще, в интенсивности и в сложности современной жизни человек практически забывает, что он сам и все человечество, от которого он не может быть отделен, неразрывно связаны с биосферой - с определенной частью планеты, на которой они живут. Они геологически закономерно связаны с ее материально-энергетической структурой.

В общезнании обычно говорят о человеке как о свободно живущем и передвигающемся на нашей планете индивидууме, который свободно строит свою историю. До сих пор историки, вообще ученые гуманитарных наук, а в известной мере и биологи, сознательно не считаются с законами природы биосферы - той земной оболочки, где может только существовать жизнь. Стихийно человек от нее неотделим. И эта неразрывность только теперь начинает перед нами точно выясняться. В действительности ни один живой организм в свободном состоянии на Земле не находится. Все эти организмы неразрывно и непрерывно связаны - прежде всего питанием и дыханием - с окружающей их материально-энергетической средой. Вне ее в природных условиях они существовать не могут...

Понятие «биосферы», т.е. «области жизни», введено было в биологию Ламарком (1744-1829) в Париже в начале XIX в., а в геологию Э. Зюссом (1831-1914) в Вене в конце того же века. В нашем столетии биосфера получает совершенно новое понимание. Она выявляется как планетное явление космического характера...

Живое вещество по весу составляет ничтожную часть планеты. По-видимому, это наблюдается в течение всего геологического времени, т.е. геологически вечно. Оно сосредоточено в тонкой, более или менее сплошной, пленке на поверхности суши в тропосфере - в лесах и в полях - и проникает весь Океан. Количество его исчисляется долями, не превышающими десятых долей

процента биосферы по весу, порядка, близкого к 0,25%. На суше оно идет не в сплошных скоплениях на глубину в среднем, вероятно, меньше 3 км. Вне биосферы его нет. В ходе геологического времени оно закономерно изменяется морфологически. История живого вещества в ходе времени выражается в медленном изменении форм жизни, форм живых организмов, генетически между собой непрерывно связанных, от одного поколения к другому, без перерыва...

Эволюционный процесс присущ только живому веществу. В косном веществе нашей планеты нет его проявлений. Те же самые минералы и горные породы образовывались в криптозойской эре, какие образуются и теперь. Исключением являются биокосные природные тела, всегда связанные так или иначе с живым веществом. Изменение морфологического строения живого вещества, наблюдаемое в процессе эволюции, в ходе геологического времени, неизбежно приводит к изменению его химического состава...

Если количество живого вещества теряется перед косной и биокосной массами биосферы, то биогенные породы (т. е. созданные живым веществом) составляют огромную часть ее массы, идут далеко за пределы биосферы. Учитывая явления метаморфизма, они превращаются, теряя всякие следы жизни, в гранитную оболочку, выходят из биосферы...

Младшие современники Ч. Дарвина - Д. Д. Дана (1813-1895) и Д. Ле Конт (1823-1901) - два крупнейших североамериканских геолога (а Дана к тому же минералог и биолог) - выявили еще до 1859 г. эмпирическое обобщение, которое показывает, что эволюция живого вещества идет в определенном направлении. Это явление было названо Дана цефализацией, а Ле Контом - психозойской эрой...

Дана указал, что в ходе геологического времени, говоря современным языком, т.е. на протяжении двух миллиардов лет по крайней мере, а наверное много больше, наблюдается (скачками) усовершенствование - рост - центральной нервной системы (мозга), начиная от ракообразных, на которых эмпирически и установил свой принцип Дана, и от моллюсков (головоногих) и кончая человеком. Это явление и названо им цефализацией. Раз достигнутый уровень мозга (центральной нервной системы) в достигнутой эволюции не идет уже вспять, только вперед.

В XX в. впервые в истории Земли человек узнал и охватил всю биосферу, закончил географическую карту планеты Земли, расселился по всей ее поверхности. Человечество своей жизнью стало единым целым. Нет ни одного клочка Земли, где бы человек не мог прожить, если бы это было ему нужно. Наше пребывание в 1937-1938 гг. на плавучих льдах Северного полюса это ярко доказало. И одновременно с этим, благодаря мощной технике и успехам научного мышления, благодаря радио и телевидению, человек может мгновенно говорить в любой точке нашей планеты с кем угодно. Перелеты и перевозки достигли скорости нескольких сотен километров в час, и на этом они еще не остановились. Все это результат цефализации Дана (1856), роста человеческого мозга и направляемого им его труда. В ярком образе экономист Л. Brentano иллюстрировал планетную значимость этого явления. Он подсчитал, что, если бы каждому человеку дать один квадратный метр и поставить всех людей рядом, они не заняли бы даже всей площади маленького Боденского озера на границе Баварии и Швейцарии. Остальная поверхность Земли осталась бы пустой от человека. Таким образом, все человечество, вместе взятое, представляет ничтожную массу вещества планеты. Мощь его связана не с его материей, но с его мозгом, с его разумом и направленным этим разумом его трудом...

Геологический эволюционный процесс отвечает биологическому единству и равенству всех людей - Homo sapiens и его геологических предков Sinanthropus и

др., потомство которых для белых, красных, желтых и черных рас - любым образом среди них всех - развивается безостановочно в бесчисленных поколениях. Это закон природы. Все расы между собой скрещиваются и дают плодovitое потомство...

Исторический процесс на наших глазах коренным образом меняется. Впервые в истории человечества интересы народных масс - всех и каждого - и свободной мысли личности определяют жизнь человечества, являются мерилom его представлений о справедливости. Человечество, взятое в целом, становится мощной геологической силой. И перед ним, перед его мыслью и трудом, становится вопрос о перестройке биосферы в интересах свободно мыслящего человечества как единого целого. Это новое состояние биосферы, к которому мы, не замечая этого, приближаемся, и есть «ноосфера» [сфера разума].

В 1922-1923 гг. на лекциях в Сорбонне в Париже я принял как основу биосферы биогеохимические явления. Часть этих лекций была напечатана в моей книге «Очерки геохимии». Приняв установленную мною биогеохимическую основу биосферы за исходное, французский математик и философ бергсонианец Е. Леруа в своих лекциях в Коллеж де Франс в Париже ввел в 1927 г. понятие ноосферы как современной стадии, геологически переживаемой биосферой. Он подчеркивал при этом, что он пришел к такому представлению вместе со своим другом, крупнейшим геологом и палеонтологом Тейяром де Шарденом, работающим теперь в Китае.

Ноосфера [сфера разума] есть новое геологическое явление на нашей планете. В ней впервые человек становится крупнейшей геологической силой. Он может и должен перестраивать своим трудом и мыслью область своей жизни, перестраивать коренным образом по сравнению с тем, что было раньше. Перед ним открываются все более и более широкие творческие возможности. И может быть, поколение моей внучки уже приблизится к их расцвету...

Здесь перед нами встала новая загадка. Мысль не есть форма энергии. Как же может она изменять материальные процессы? Вопрос этот до сих пор научно не разрешен...

Эмпирические результаты такого «непонятного» процесса мы видим кругом нас на каждом шагу. Минералогическая редкость - самородное железо - вырабатывается теперь в миллиардах тонн. Никогда не существовавший на нашей планете самородный алюминий производится теперь в любых количествах. То же самое имеет место по отношению к почти бесчисленному множеству вновь создаваемых на нашей планете искусственных химических соединений (биогенных культурных минералов). Масса таких искусственных минералов непрерывно возрастает. Все стратегическое сырье относится сюда. Лик планеты - биосфера - химически резко меняется человеком сознательно и главным образом бессознательно. Меняется человеком физически и химически воздушная оболочка суши, все ее природные воды. В результате роста человеческой культуры в XX в. все более резко стали меняться (химически и биологически) прибрежные моря и части Океана.

Человек должен теперь принимать все больше и больше меры к тому, чтобы сохранить для будущих поколений никому не принадлежащие морские богатства. Сверх того, человеком создаются новые виды и расы животных и растений. В будущем нам рисуются как возможные сказочные мечтания: человек стремится выйти из предела своей планеты в космическое пространство. И, вероятно, выйдет.

В настоящее время мы не можем не считаться с тем, что в переживаемой нами великой исторической трагедии мы пошли по правильному пути, который отвечает ноосфере. Историк и государственный деятель только подходят к охвату

явлений природы с этой точки зрения. Ноосфера - последнее из многих состояний эволюции биосферы в геологической истории - состояние наших дней. Ход этого процесса только начинает нам выясняться из изучения ее геологического прошлого в некоторых своих аспектах.

Приведу несколько примеров. Пятьсот миллионов лет тому назад, в кембрийской геологической эре, впервые в биосфере появились богатые кальцием скелетные образования животных, а растений - больше двух миллиардов лет тому назад. Это кальциевая функция живого вещества, ныне мощно развитая, была одной из важнейших эволюционных стадий геологического изменения биосферы. Не менее важное изменение биосферы произошло 70-110 млн. лет тому назад, во время меловой системы и особенно третичной. В эту эпоху впервые создались в биосфере наши зеленые леса, всем нам родные и близкие. Это другая большая эволюционная стадия, аналогичная ноосфере. Вероятно, в этих лесах эволюционным путем появился человек около 15-20 млн. лет тому назад.

Сейчас мы переживаем новое геологическое эволюционное изменение биосферы. Мы входим в ноосферу. Мы вступаем в нее - в новый стихийный геологический процесс - в грозное время, в эпоху разрушительной мировой войны. Но важен для нас факт, что идеалы нашей демократии идут в унисон со стихийным геологическим процессом, с законами природы, отвечают ноосфере. Можно смотреть поэтому на наше будущее уверенно. Оно в наших руках. Мы его не выпустим.

Задания к семинару № 12 (РАЗДЕЛ 9 ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ, [Темы № 35, 36, 37, 38](#))

№5. Определите, какой текст соответствует натуралистической, биосоциальной, идеалистической, религиозно-мистической теории человека. Обоснуйте ваш выбор.

А) Блез Паскаль «Мысли». Человек – всего лишь тростник, слабейшее из творений природы, но он – тростник мыслящий. Чтобы его уничтожить, вовсе не надо всей Вселенной: достаточно дуновения ветра, капли воды. Но пусть даже его уничтожит Вселенная, человек все равно возвышеннее, чем она, ибо он сознает, что расстается с жизнью и что слабее Вселенной, а она ничего не сознает. Итак, все наше достоинство – в способности мыслить. Только мысль возносит нас, а не пространство и время, в которых мы – ничто. Постараемся же мыслить достойно: в этом – основа нравственности.

Б) Николай Александрович Бердяев «Самопознание». Человечность присуща Второй ипостаси Святой Троицы, в этом реальное зерно догмата. Человек есть существо метафизическое. Этого моего убеждения не может пошатнуть низость эмпирического человека. Мне свойствен пафос человечности. Хотя я убежден и убеждаюсь все более и более, что человеку мало свойственна человечность. Я теперь часто повторяю: «Бог человекен, человек же бесчеловечен». Вера в человека, в человечность есть вера в Бога, и она не требует иллюзий относительно человека... Я говорил о внутренней диалектике гуманизма, в которой гуманизм переходит в антигуманизм. Утверждение самодостаточности человека оборачивается отрицанием человека, ведет к разложению начала чисто человеческого на начало, притязующее стоять выше человеческого («сверхчеловек»), и на начало, бесспорно стоящее ниже человеческого. Вместо Бого-человечества утверждается Бого-звериность.

В) Николай Федорович Федоров «Философия общего дела». Существа, к земле обращенные, к покрывающим ее растениям и к населяющим ее другим существам, имеют целью исключительно пожирание (размножение есть только увековечение пожирания); вертикальное же положение есть выражение отвращения к пожиранию, стремление стать выше области истребления. Ибо что такое вертикальное положение? Не есть ли оно уже восстание человека против природы, обращение взора от земли к небу? В этом восстании выразилось, с одной стороны, ощущение недостаточности природных чувств для сохранения жизни, сознание необходимости самодеятельности для поддержания существования, ибо употребление самого простейшего орудия заставляет человека уже подняться, встать. А с другой стороны, вертикальное положение было выражением непокорности природе и покорности и обращения к Тому, Кто выше ее. Здесь начало того чувства, из которого произошла идея Бога, как сказали бы философы. Или же, не делая никакого предположения, можно сказать, что существо, совершившее первый акт самодеятельности, верило, что оно исполнило заповедь, веление Существа, безусловно самодеятельного, самобытного...

Человек относительно животных то же, что бедняк, нищий относительно богатых, то же, что прокладывающий себе путь трудом к имеющим за собою все уже по одному рождению... Лишив человека естественного вооружения (которое у животных есть результат пожирания, передаваемый рождением), природа оставила его беззащитным. Поднявшись, человек стал выше животных страстей, он мог видеть борьбу, рассматривать ее и по причине своей беззащитности должен был возненавидеть ее; но вместе с тем он не мог оставить поля борьбы, не мог ни убежать, ни улететь. Хотя существо, способное признать, чувствовать в борьбе зло (смерть), и вступало в борьбу, тем не менее протест против борьбы есть факт человеческой природы (христианство, буддизм, вегетарианизм и т. п.).

Г) Тадеуш М. Ярошевский «Размышления о человеке». Итак, человеческие индивиды - это не только природные, биологические существа, представители наиболее развитого среди приматов вида *homo sapiens*. Они являются социальными индивидами, обладающими «второй природой», которая есть продукт длительного процесса общественной жизнедеятельности людей, аккумуляции объективированного наследия всего человечества. Продолжая рассуждения об этой «второй природе» человека, следует указать на такие ее четыре аспекта:

1. Целесообразная деятельность, рассчитанная на удовлетворение потребностей, то есть материальное производство...

2. Социальная деятельность, связанная с тем, что люди не могут производить в одиночку и, преобразуя природу, они вступают в определенные общественные отношения. Взаимодействуя, люди вынуждены поддерживать между собой связи, поэтому они вырабатывают различные приемы и системы сохранения и передачи своего опыта, и прежде всего языка, способов воспитания новых поколений, вступающих в производство (отсюда в человеческом обществе механизмы обучения во все большей степени замещают механизмы инстинктивной регуляции действий, а результаты обучения передаются из поколения в поколение). Это означает, что каждый индивид может унаследовать опыт предшественников, а не только пользоваться собственным опытом. 3. Интеллект, в основе которого лежит развитие практической деятельности, производственных отношений и языка. Следовательно, люди имеют психическую, духовную жизнь, которая обогащается одновременно с постепенным высвобождением человека из природы и одновременно с ее очеловечиванием. 4. Человеческая деятельность, носящая общественно-исторический характер и

объективирующаяся в межличностных отношениях, которая активно влияет на формирование личной жизни индивидов и благодаря которой они тем самым участвуют в жизни человечества.

Д) Владимир Павлович Эфроимсон «Генетика этики и эстетики». Казалось бы, естественный отбор должен быть целиком направлен на развитие хищнических инстинктов, инстинктов господства, суперсекса, территориальности. Но специфика эволюционного развития человечества, в значительной мере из-за все удлинявшегося периода беспомощности младенцев и детей, такова, что естественный отбор был в очень большой мере направлен на развитие биологических основ самоотверженности, альтруизма, коллективизма и жертвенности. Эгоизм очень способствует выживанию индивида. Однако продолжение рода требовало от наших предков непрерывной героической заботы о потомстве и об охране его. Группа, стая, род, орда, не обладавшие биологическими основами мощных инстинктов и экстраполяционных рефлексов коллективной защиты потомства и группы, обрекались на гибель особой формой естественного отбора – групповым естественным отбором... шел групповой отбор на бесчисленные формы альтруизма, направленные на развитие коллективизма и множества других, индивидуально невыгодных, но полезных обществу форм поведения, диктуемых совестью.

№6. Какая теория сущности человека (натуралистическая, идеалистическая, биосоциальная, религиозно-мистическая) лучше объясняет данные особенности человека? Обоснуйте Вашу позицию. Какие еще свойства человека заслуживают помещения в данный перечень?

1. У животных нет идей. Идея всегда представляет собой продукт мысленной абстракции, выход за пределы пространственно-временных реальных проявлений, сообщающий идее универсальность.. Все их [животных] действия всегда тесно связаны с пространственно-временным фактором. Решение бывает найдено лишь тогда, когда несколько необходимых в качестве инструментов предметов попадают в одно поле зрения... Решение достигается за счет многочисленных слепых и несогласованных попыток, чередующихся со случайными успехами.

2. У человека между системой рецепторов и эффекторов, которые есть у всех видов животных, есть и третье звено, которое можно назвать символической системой... Человек живет отныне не только в физическом, но и символическом универсуме. Язык, миф, искусство, религия – части этого универсума... Человек уже не противостоит реальности непосредственно, он не сталкивается с ней лицом к лицу. Физическая реальность как бы отдалается по мере того, как растет символическая активность человека.

3. У животных нет настоящего языка. Так называемый «язык животных» всегда полностью субъективен; он выражает различные состояния чувств, но не обозначает и не описывает объекты... Через язык происходит освобождение человека от окружающей среды, которая неумолимо сковывает животное.

4. Человек развивается, животное – нет. За пятнадцать миллионов лет, прошедших с появления на Земле антропоидов, они не продвинулись вперед ни на шаг, не сделали даже пустячного изобретения, не предприняли ни малейшей попытки улучшить условия жизни. Пытаясь познать себя, человек может отделиться не только от вещей, но и от самого себя. Из всех окружающих нас существ только человек способен осознать свои действия.

5. Самоуглубление - существенный признак, отличающий человека от животного. Животное знакомится с внешним миром, но не может стать объектом своего познания.

6. Органы животного строжайшим образом соответствуют характерным условиям и требованиям его жизни. Органам человека, напротив, совершенно чужда специализация. Это доказывает, что даже в телосложении человека выражена его свободная сущность. Человек с самого начала предназначен быть существом духовным.

7. Человек, в отличие от животного не может выжить в одиночестве. Он не так силен, его ноги не так быстры, его зубы не так крепки, слух не так тонок, зрение не так остро, как у некоторых животных. Очевидно, он может существовать лишь в очень благоприятных условиях, которые и были предоставлены общественной жизнью. Более того, люди связаны друг с другом не только внешне, когда «я» находится вне других, а другие – вне «я»; все люди связаны и внутренне. Нашему образу жизни мы учимся у других. Итак, начало и продолжение жизни для человека является чем-то социальным, чем-то таким, что должно осуществляться в связи с другими. Поэтому Адлер считает чувство, которое он называет «чувством общности», первоначальным стремлением каждого человека. Человек не только стремится узнать других, но и хочет, чтобы другие его узнали.

8. То, что человек есть существо дисциплины и что он ... создает культуру, отличает его от любого животного и одновременно его определяет... Нет животных живущих предусмотрительным деятельным изменением стихийной природы, нет животных, имеющих нравственность и самодисциплину.

9. Если еще раз остановиться на сравнении с животным, то человек окажется в этой перспективе «недостаточным существом», как это усмотрел уже Гердер. Это означает не только отсутствие волосяного покрова и естественной защиты от непогоды, вообще органов защиты от враждебной природы, будь то броня или специализированные возможности бегства, не только отсутствие органов нападения и естественного оружия, не только ограниченность остроты чувств, каждое из которых далеко уступает специалистам по соответствующему чувству среди животных, - это означает еще и опасный для жизни недостаток подлинных инстинктов, т. е. прирожденных эффективных фигур движения, настроенных на схемы-возбудители... Все это означает общий «эмбриональный» облик, включая удивительно длинный период роста и развития и связанную с ним потребность в защите. В естественных стихийных условиях человек, если его рассматривать с точки зрения оснащенности органами только как потенцию биологического существования, был бы уже давно истреблен, живя на земле среди самых ловких пугливых животных и самых опасных хищников.

10. Основной способ поведения, который в конечном счете отличает человека от животного, заключается в том, что человек способен обратиться к другому существу во имя этого сущего вне мотивации, продиктованной выгодой. Мы можем, например, задаваться научными вопросами совершенно «незаинтересованно», т. е. лишь для того, чтобы исследуемый объект «вынести на обсуждение», выяснить, что он представляет собой по своей сущности, как себя ведет... Так, например, мы совершенно бескорыстно радуемся. Это есть доброжелательность в самом широком смысле слова, сочувствие жизни другого, при виде хорошо развивающегося растения, животного и особенно человеческого существа... Мы назвали основную особенность поведения человека объективностью, однако это выражение не является исчерпывающим. Здесь можно употребить еще выражение «сочувственное поведение»... Человек

способен бороться за какое-либо дело или за другого человека, подвергая себя опасности или риску собственной жизнью.

11. И чтобы почувствовать все величие нашего предназначения, давайте подумаем, что заключено в великом даре *разума* и *свободы*, сколь многим рисковала природа, доверив эти свои дары такому хрупкому и многосоставному существу, как человек. Животное - не более чем раб, придавленный к земле, хотя иной раз он и поднимает свою голову вверх и, вытягивая шею, томится по свободе. Душа животного еще не созрела, для того чтобы воспринять разум, она покорна инстинктам и нужде, а оставаясь покорной, лишь готовится к тому, чтобы в отдаленном будущем самостоятельно пользоваться своими чувствами и следовать собственным своим наклонностям. А человек - первый *вольноотпущенник* творения; он ходит выпрямившись. В нем - весы, на них взвешивает он добро и зло, истину и ложь; он может искать, он может выбирать... У него право выбирать, даже выбирать и все самое скверное; и он повелевает себе, даже обрекая себя на все самое низкое, по своему выбору.

№7. Определите, какие рассуждения и отрывки можно отнести к проявлениям гуманизма, а какие – к проявлениям антигуманизма. Обоснуйте ваш ответ.

1. Честерфилд «Письма к сыну». Каждому человеку совершенно необходимо уметь нравиться, но искусством этим овладеть нелегко... Относись к другим так, как тебе хотелось бы, чтобы они относились к тебе, - вот самый верный способ нравиться людям, какой я только знаю. Внимательно подмечай, какие черты тебе нравятся в людях, и очень может быть, что то же самое в тебе понравится другим. Если тебе приятно, когда люди внимательны и чутки к твоему настроению, вкусам и слабостям, можешь быть уверен, что внимательность и чуткость, которые ты в подобных же случаях выразишь другим, будут им также приятны... Прежде всего избавься от привычки говорить о себе и не вздумай занимать своих собеседников собственными волнениями или какими-либо личными делами; как они ни интересны тебе, всем остальным слушать о них утомительно и скучно. Кроме того, надо уметь молчать вообще обо всем, что имеет значение лишь для тебя одного....

Существуют также небольшие знаки внимания, чрезвычайно приятные людям и заметным образом воздействующие на ту степень гордости и самолюбия, которые неотделимы от человеческой природы. Эти знаки внимания - верное свидетельство нашей предупредительности и нашего уважения к тем, кому мы их оказываем.

2. Фридрих Ницше «Так говорил Заратустра». Бог умер: теперь хотим мы, чтобы жил сверхчеловек.

Самые заботливые вопрошают: «Как сохраниться человеку?» Заратустра же спрашивает, единственный и первый: «Как *превзойти* человека?» К сверхчеловеку лежит сердце мое, он для меня первое и единственное, - а не человек: не ближний, не самый бедный, не самый страждущий, не самый лучший...

«Человек зол» - говорили мне в утешение все мудрецы. Ах, если бы это и сегодня было еще правдой! Ибо зло есть лучшая сила человека. «Человек должен становиться все лучше и злее» - так учу я. Самое злое нужно для блага сверхчеловека.

3. Виссарион Григорьевич Белинский. Личность человеческая сделалась пунктом, на котором я боюсь сойти с ума. Я начинаю любить человечество

маратовски: чтобы сделать счастливою малейшую часть его, я, кажется, огнем и мечом истребил бы остальную...

И настанет время - я горячо верю этому, настанет время, когда никого не будут жечь, никому не будут рубить головы, когда преступник, как милости и спасения, будет молить себе казни, и не будет ему казни, но жизнь останется ему в казнь, как теперь смерть; когда не будет бессмысленных форм и обрядов, не будет договоров и условий на чувство, не будет долга и обязанностей, и воля будет уступать не воле, а одной любви; когда не будет мужей и жен, а будут любовники и любовницы, и, когда любовница придет к любовнику и скажет: «я люблю другого», любовник ответит: «я не могу быть счастлив без тебя, я буду страдать всю жизнь; но ступай к тому, кого ты любишь», и не примет ее жертвы, если по великодушию она захочет остаться с ним, но, подобно богу, скажет ей: «хочу милости, а не жертвы...». Женщина не будет рабою общества и мужчины, но, подобно мужчине, свободно будет предаваться своей склонности, не теряя доброго имени, этого чудовища - условного понятия. Не будет богатых, не будет бедных, ни царей и подданных, но будут братья, будут люди, и, по глаголу апостола Павла, Христос даст свою власть отцу, а отец-разум снова воцарится, но уже в новом небе и над новою землею...

К тому же, воспитание всегда делает нас или выше или ниже нашей натуры, да, сверх того, с нравственным улучшением должно возникнуть и физическое улучшение человека. И это делается через *социальность*. И потому нет ничего выше и благороднее, как способствовать ее развитию и ходу. Но смешно и думать, что это может сделаться само собою, временем, без насильственных переворотов, без крови. Люди так глупы, что их насильно надо вести к счастью. Да и что кровь тысячей в сравнении с унижением и страданием миллионов.

4. «Новый Завет. Притча о добром самаритянине». На это Иисус сказал: «Один человек шел из Иерусалима в Иерихон и попал в руки разбойникам, которые сорвали с него одежду, избили и ушли, оставив его полумертвого лежать на земле. Случайно той дорогой проходил один священник. Увидев избитого, он ушел прочь, и не остановился, чтобы помочь ему. Пришел на то место также и левит и, увидев избитого, обошел его, не остановившись, чтобы помочь ему. Но некий самаритянин, находившийся в пути, проходил мимо и, увидев этого человека, сжалился над ним. Подойдя к нему, он перевязал ему раны, омыл их оливковым маслом и вином и, посадив на своего осла, привез его на постоялый двор и позаботился о нем. На следующий день он вынул два динария, дал их хозяину постоялого двора и сказал: «Позаботься об этом человеке. И если истратишь на него денег сверх этого, то дам тебе, когда вернусь».

Кто из этих троих, по-твоему, был ближний тому, кто попался в руки к разбойникам?» Законник сказал: «тот, кто сжалился над ним». И сказал ему Иисус: «Иди и поступай так же».

5. Карл Маркс «Экономическо-философские рукописи 1844 года». Политическая экономия, эта наука о *богатстве*, есть в то же время наука о самоотречении... Ее основной тезис - самоотречение, отказ от жизни и от всех человеческих потребностей. Чем меньше ты ешь, пьешь, чем меньше покупаешь книг, чем реже ходишь в театр, на балы, в кафе, чем меньше ты думаешь, любишь, теоретизируешь, поешь, рисуешь, фехтуешь и т. д., тем больше ты *сберегаешь*, тем *больше* становится твое сокровище, не подтачиваемое ни молью, ни червем, - твой *капитал*. Чем ничтожнее твое *бытие*, чем меньше ты проявляешь свою жизнь, тем больше твое *имущество*, тем больше твоя *отчужденная* жизнь, тем больше ты накапливаешь своей отчужденной сущности. Вся ту долю жизни и человечности, которую отнимает у тебя политэконом, он возмещает тебе в виде *денег и богатства*...

Таким образом, все страсти и всякая деятельность должны потонуть в жажде *наживы*... Все, что у тебя есть, ты должен пускать в *продажу*, т. е. извлекать из этого пользу. Если я задам политэконому вопрос: повинуюсь ли я экономическим законам, когда я извлекаю деньги из продажи своего тела для удовлетворения чужой похоти (фабричные рабочие во Франции называют проституцию своих жен и дочерей добавочным рабочим часом, и это буквально так и есть), и разве я не действую в духе политической экономии, когда я продаю своего друга марокканцам (а непосредственная продажа людей, в виде торговли рекрутами и т. д. имеет место во всех культурных странах), - то политэконом мне отвечает: ты не поступаешь вразрез с моими законами; но посмотри, что скажут тетушка Мораль и тетушка Религия; моя *экономическая* мораль и моя *экономическая* религия не имеют ничего возразить против твоего образа действий, но... - Но кому же мне больше верить - политической экономии или морали? Мораль политической экономии - это *нажива*, труд и бережливость, трезвость, но политическая экономия обещает мне удовлетворить мои потребности. - Политическая экономия морали - это обладание, богатство такими вещами, как чистая совесть, добродетель и т. д.; но как я могу быть добродетельным, если я вообще не существую? Как я могу иметь чистую совесть, если я ничего не знаю?

6. Александр Иванович Герцен «С того берега». Объясните мне, пожалуйста, отчего верить в бога смешно, а верить в человечество не смешно; верить в царство небесное - глупо, а верить в земные утопии - умно? Отбросивши положительную религию, мы остались при всех религиозных привычках и, утратив рай на небе, верим в пришествие рая земного и хвастаемся этим. Вера в будущее за гробом дала столько силы мученикам первых веков; но ведь такая же вера поддерживала и мучеников революции; те и другие гордо и весело несли голову на плаху, потому что у них была непреложная вера в успех их идей, в торжество христианства, в торжество республики. Те и другие ошиблись - ни мученики не воскресли, ни республика не водворилась. Мы пришли после них и увидели это. Я не отрицаю ни величие, ни пользу веры; это великое начало движения, развития, страсти в истории, но вера в душе людской - или частный факт, или эпидемия. Натянуть ее нельзя, особенно тому, кто допустил разбор и недоверчивое сомнение, кто пытал жизнь и, задерживая дыхание, с любовью останавливался на всяких трупоразъятиях, кто заглянул, может быть больше, нежели нужно, за кулисы; дело сделано, поверить вновь нельзя. Можно ли, например, меня уверить, что после смерти дух человека жив, когда так легко понять нелепость этого разделения тела и духа; можно ли меня уверить, что завтра или через год водворится социальное братство, когда я вижу, что народы понимают братство, как Каин и Авель?

7. Блез Паскаль «Мысли». Величие человека так несомненно, что подтверждается даже его ничтожеством. Ибо ничтожеством мы именуем в человеке то, что в животных считается естеством, тем самым подтверждая, что если теперь его натура мало чем отличается от животной, то некогда, пока он не пал, она была непорочна...

Человеческую натуру можно рассматривать двояко: исходя из конечной цели, и тогда человек возвышен и ни с чем не сравним, или исходя из обычных свойств, как рассматривают лошадь или собаку, исходя из их обычных свойств - способности к бегу, *et animus ascendit* [стремления отогнать (лат.)], - и тогда человек низок и отвратителен. Вот два пути, которые привели к стольким разногласиям и философским спорам. Поэтому одни оспаривают других, утверждая: «Человек не рожден для этой цели, ибо все его поступки ей

противоречат», - а те, в свою очередь, твердят: «Эти низменные поступки лишь удаляют его от конечной цели»...

Пусть же человек знает, чего он стоит. Пусть любит себя, ибо он способен к добру, но не становится из-за этого снисходителен к низости, заложенной в его натуре...

Величие человека тем и велико, что он сознает свое ничтожество. Дерево своего ничтожества не сознает....

Ничтожество человека лишь подтверждает его величие: он ничтожен, как вельможа, как низложенный король...

Люди делятся на праведников, которые считают себя грешниками, и грешников, которые считают себя праведниками.

8. Джанноццо Манетти «Речь о достоинстве человека». Итак, с самого начала Бог, видимо, посчитал это столь достойное и выдающееся свое творение настолько ценным, что сделал человека прекраснейшим, благороднейшим, мудрейшим, сильнейшим и, наконец, могущественнейшим...

Если считается столь замечательной и великой красота мира, то каким обликом, какой красотой и изяществом должен быть наделен человек, исключительно ради которого и был, без сомнения, создан самый красивый и самый украшенный мир! А что сказать о тонком и остром уме этого столь прекрасного и изящного человека? Право же, этот ум столь могуч и замечателен, что благодаря выдающейся и исключительной остроте человеческого разума после первоначального и еще не законченного творения мира, видимо, нами было изобретено, изготовлено и доведено до совершенства все [остальное]...

Из всего сказанного нами выше и подтвержденного более чем достаточно следует прямо и безусловно, что человек является самым богатым и самым могущественным, поскольку он может пользоваться по собственной воле всем, что было создано, и по собственной воле господствовать надо всем и повелевать....

Поскольку велики, непоколебимы и восхитительны сила, разум и могущество человека, ради которого, как мы показали, был создан и сам мир и все, что в нем есть, то равным образом прямой, неизменный и единственный долг человека состоит, думается нам, в том, чтобы иметь и быть в состоянии руководить и управлять миром, созданным ради человека, и в особенности всем тем, что мы видим находящимся на земле. И человек никоим образом не смог бы осуществить это в совершенстве и вообще выполнить без действия и познания. Следовательно, мы с полным правом можем сказать, что обязанность действовать и познавать и составляет собственный долг человека...

9. Маркиз де Сад «Любомудрие в будуаре». Если бессмертие существ для природы невозможно, стало быть, их разрушение – один из ее законов... Ну так не мешайте природе, вам же говорят. Без сомнения, надо предоставить ей действовать, и это именно ее побуждениям следует человек, когда он совершает человекоубийство; это подсказывает ему природа; и человек, убивающий себе подобного, является для природы тем же, что чума или голод, равно насылаемые ее рукой, которая пользуется всеми средствами, чтобы поскорее получить в результате разрушения исходный материал, совершенно необходимый для ее трудов... Наконец, не является ли убийство преступлением против общества? Кому бы пришло в голову такое по здравом рассуждении? Ах! что за важность этому многомиллионному обществу – будет в нем одним членом больше или меньше?

10. Омар Хайям. Мы – цель и вершина всей Вселенной,
Мы – наилучшая краса юдоли бренной;
Коль мирозданья круг есть некое кольцо,

В нем, без сомнения, мы – камень драгоценный.

11. Мальтус. Человек, пришедший в занятый уже мир, если общество не в состоянии воспользоваться его трудом, не имеет ни малейшего права требовать какого бы то ни было пропитания, и в действительности он лишний на земле. Природа повелевает ему удалиться и не замедлит сама привести в исполнение свой приговор.

№8. Какие виды отчуждения, по Марксу, отмечены в данном тексте?

«Что плохого в капитализме?» (Перевод на русский статьи «What so bad about capitalism?» американского коллектива CrimethInc)

На самом деле, капитализм и демократия - две очень разные вещи. Суть демократии в том, что люди могут сами контролировать свою жизнь, что власть должна быть распределена между всеми, а не сконцентрирована в руках немногих. Капитализм - это что-то совершенно другое. В Соединенных Штатах (и у других западных наций) считается, что мы живем в демократическом обществе. Это правда, что мы имеем правительство, которое называет себя демократическим (и, хотя мы имеем равное избирательное право, и даже большинство голосов, при такой обрюзгшей и атрофированной «представительной демократии» все это сомнительно), но является ли наше общество демократическим - совершенно другой вопрос. Правительство - это только один аспект общества, конечно; и правительство так далеко от более важной единицы, которая живет и сталкивается с ежедневными проблемами. Экономическая система общества имеет больше влияния на нашу повседневную жизнь, чем любой суд или конгресс: поэтому именно экономика определяет, кто будет контролировать землю, ресурсы, все средства производства общества; что людям нужно делать каждый день, чтобы выжить и «двигаться вперед», и вообще, как этим людям общаться друг с другом и каким видеть мир.

И капитализм является, фактически, одной из наименее демократических экономических систем. В «демократической» экономике все члены общества должны иметь равное право решать, как использовать ресурсы и как сделана работа. Но в капиталистической экономике, в которой все ресурсы - частная собственность и каждый бьется в конкурентной борьбе друг против друга за них, большинство ресурсов находятся под контролем нескольких людей (сегодня, читай: корпораций). Эти люди могут решать, как любой другой должен работать, раз большинство других не могут жить, не зарабатывая у них деньги. Они стараются даже определять психический и психологический ландшафт общества, поскольку они, собственно, владеют большинством земли и контролируют большинство СМИ. И, хотя они по-настоящему на аппарате контроля, но если они распустят свою охрану и перестанут работать, чтобы удерживаться на вершине, они очень быстро окажутся у основания пирамиды вместе со всеми остальными; что означает, что никто по-настоящему не имеет свободы при капиталистической системе: каждый реально находится на милости законов прибыли.

Когда капитал уже является частной собственностью, возможности индивидуума учиться, работать и создавать блага уже напрямую зависят от количества богатства, которое он имеет. Несколько исключений не могут изменить общую картину. Для того, чтобы произвести какие-либо блага, требуются ресурсы, значит, если человек не располагает этими ресурсами, он должен их найти сам, то есть попасть на милость тех, у кого они есть. Между тем, те, кто уже имеют эти ресурсы, могут создавать большее и большее богатство, и, возможно, что большинство благ общества концентрируется в руках нескольких. Это заставляет всех остальных, имеющих незначительный капитал, продавать свой труд

капиталистам (тем, кто контролирует основную часть производства), для того, чтобы выжить.

Это сбивает с толку, но это очень просто. Корпорация типа «Nike» имеет достаточно денег, чтобы открыть новую фабрику обуви и обеспечить новое оборудование. И продавать больше обуви, что позволяет им получить еще больше денег, которые можно инвестировать дальше. Нищий сосунок как ты имеет достаточно, чтобы открыть стойку с лимонадом. Но если ты даже сделаешь это, скорее всего ты будешь вытеснен из бизнеса более сильной, более представительной компанией, как, например, «Пепси», которая может себе позволить потратить больше денег на рекламу (конечно, есть истории успеха маленьких людей, которые побеждают конкурентов в борьбе, но немножко дальше мы расскажем, почему это не происходит в обычной жизни).

Твои реальные шансы - закончить тем, что будешь работать на них, если ты хочешь заработать на «проживание». И работая на них, ты усиливаешь их власть: несмотря на то, что они платят тебе за работу, ты можешь быть уверен, что они не платят тебе всего, что они должны платить: так они делают прибыль. Если ты работаешь на фабрике, и делаешь на 1000 долларов машинных деталей в день, тебе заплатят, скорее всего, только 100 или меньше долларов за этот день работы. Это подразумевает, что кто-то наживается на твоих усилиях; и чем дольше они это делают, тем больше благ и возможностей они имеют, за твой счет.

Это значит, что твое время и творческая энергия куплены у тебя, что является самым худшим из всего этого. Когда все, что ты можешь продать взамен на возможность прожить - твоя собственная работа, ты вынужден продавать по частям свою жизнь, чтобы взамен просто существовать. И получается, что ты проводишь большую часть своей жизни, делая все, что можешь из того, за что платят деньги, вместо того, чтобы делать то, что ты на самом деле хочешь: продаешь свои мечты за жалованье и меняешь свою свободу действий на материальную собственность. В твое «свободное» время ты можешь купить назад то, что ты произвел в свое рабочее время (к прибыли своих нанимателей, естественно); но ты никогда не откупишь назад время, которое ты провел на работе. Эта часть твоей жизни ушла безвозвратно, и тебе нечего за это предъявить, только счета, которые ты имеешь теперь возможность оплатить. В итоге ты начинаешь задумываться, что твои собственные творческие способности и труд уже неподконтрольны тебе, что ты начинаешь ассоциировать ничегонеделание, то есть «релаксацию» (смена от работы) с мукой делать то, что тебе говорят, а не того, что ты хочешь делать по-настоящему. Идея действия по своей собственной инициативе и преследования своих собственных целей здесь больше не живет, за исключением только того момента, когда ты занимаешься своим хобби...

Как Жанетт писала в ее статье о продукте и процессе, при капитализме наши жизни вращаются вокруг вещей, как если бы счастье можно было найти в собственности, чем в свободных действиях-акциях или стремлениях. Каждый, кто имеет роскошь, имеет ее потому, что проводит много времени придумывая, как ее заработать на других людях. Те, кто имеет очень мало, проводят свою жизнь, работая чтобы получить то, в чем они нуждаются чтобы выжить, и все их предназначение - это тяжелая работа и заработок на несколько вещей которые они могут купить - до тех пор пока их жизни куплены у них. Между этими двумя социальными классами находятся представители среднего класса, которые с рождения бомбардируются рекламой и другой пропагандой, заявляющей, что счастье, юность, смысл и все остальное в жизни можно найти в собственности и символах положения в обществе. Они учатся проводить свои жизни, тяжело

работая, чтобы собирать это всю жизнь, и бояться взять на себя риск искать приключения и удовольствия в жизни...

В системе, где люди стремятся к богатству и власти, которое оно дает, те, кто наиболее немилосерден в своих стремлениях, как раз получают большинство и того, и другого, конечно. Поскольку капиталистическая система поощряет обман, эксплуатацию, и горлорезную конкуренцию, и награждает тех, кто двигается к тем целям, предоставляя им большинство власти, и возможность определять, что будет происходить в обществе.

Корпорации, которые делают наилучшую работу, чтобы обусловить нас, что нам необходимы их продукты, несмотря на то или нет, являются наиболее успешными. Это также кампании как Кока-кола, которая производит один из наиболее практически бесполезных продуктов на рынке, была способна достигнуть такой власти и богатства: они достигли наибольшего успеха не потому, что предложили какую-то ценность обществу, а просто рекламируя свой продукт...

Капитализм виртуально гарантирует, что те, кто контролирует то, что происходит в обществе, являются наиболее жесткими, наиболее расчетливыми, наиболее бессердечными.

И пока все находятся в их власти, и никто не хочет закончить на стороне неудачи, быть неудачником, каждый вынужден быть жестким, бессердечным и расчетливым. Конечно, никто не бывает эгоистичным или бессердечным все время. Очень немногие люди хотят быть, или получают больше удовольствия от этого, и когда бы они не могли избежать этого, они это делают. Но обычная рабочая атмосфера делает людей холодными и безличными друг к другу. Если кто-нибудь придет в супермаркет голодным и без копейки в кармане, охрана компании скорее прикажет работникам отправить его на улицу с пустыми руками, скорее чем позволит взять кому-нибудь что-нибудь без оплаты - даже если магазин выбрасывает десятки продуктов в конце каждого дня, как большинство их и делает. Бедные работники начинают воспринимать голодных людей как неприятность, а голодные люди проклинают работников за то, что они не помогают им, когда на самом деле это просто капитализм их сталкивает друг с другом. И, к сожалению, возможно именно работник поддерживает абсурдные порядки типа этого, особенно тот, который целеустремленно продвигается в руководители.

Те, кто посвящает свою жизнь, делая вещи, которые непосредственно не приносят прибыли, не получают ни охраны, ни признания своих достижений. Они могут делать вещи, представляющие большую ценность для общества, такие как произведения искусства или музыки, или делая социальную работу...

Капиталистическая система дает среднему человеку очень маленький контроль над коллективными механизмами и технологиями его общества, и очень малое право решать что-либо в этих укладах. Даже если это его работа (и таких же как он), что делало возможным конструкцию мира, в котором он живет, он чувствует, что и его работа, и его собственный творческий потенциал и потенциал его друзей являются отчужденными от него, вне его контроля, как что-то, что действует в этом мире независимо от его воли. Не стоит удивляться, что он чувствует фрустрацию, бессилие, пустоту и перестает мечтать. Это только одна сторона контроля, которую просто капитализм имеет над человеческим счастьем. При демократическом контроле над нашими жизнями и нашим обществом мы имеем наиболее бессердечное принуждение.

Насилие - это не только тогда, когда человеческие существа делают физический нажим друг на друга. Насилие будет везде, представленное в скрытой форме, когда бы они не использовали силу против друг друга в их интеракциях. Насилие является нитью капитализма. Под капиталистической системой, все

экономические законы распоряжаются человеческой жизнью, сведенные к принуждению:

Работай или оставайся голодным! Подавляй или будь подавляемым! Конкурируй или сдыхай! Продавай часы твоей жизни для того, чтобы иметь возможность выжить, или загнивай в нищете - или в тюрьму! Большинство людей идет на работу потому, что они должны, а не потому, что они хотят. Они продают свое время для того, чтобы купить еду и шмотки, и оплатить счета за все символы положения в обществе и достатка, которые они обязаны приобретать, только потому, что они знают, что альтернатива - это голод и остракизм...

Эти оттенки насилия пропитывают нашу жизнь до конца. Когда тебя используют, чтобы воспринимать людей как объекты, как ресурсы, которые нужно использовать, или как врагов, которых нужно бояться или уничтожить, трудно вспомнить про свои ценности, когда приходишь домой. Иерархию, которую частная собственность вынуждает в отношениях на рабочем месте, можно обнаружить везде в обществе: в школах, в церквях, в семьях и дружбе, везде, где есть доминирование и подчинение. Уже практически невозможно представить себе, что представляют собой честные, настоящие, равные отношения между людьми в обществе, где каждый козыряет своим превосходством при каждом удобном случае...

Когда потенциальные друзья или любовники оценивают друг друга в категориях своих финансовых возможностей и положения в обществе, а не душу и сердце друг друга, они просто действуют, исходя из уроков, которые они получили, уроков о «рыночной ценности» - живя в царстве силы, практически невозможно не оценивать других людей в мире, преимущественно в категориях «что в этом для тебя».

Задания к семинару № 13 (РАЗДЕЛ 10 ФИЛОСОФИЯ ЖИЗНИ, [Темы № 39, 40, 41, 42](#))

№1. Какие представления о смысле жизни Вам близки, а какие вызывают сомнения? Обоснуйте Вашу позицию?

Николай Александрович Бердяев «Самопознание».

Я вижу два первых двигателя в своей внутренней жизни: искание смысла и искание вечности. Искание смысла было первичнее искания Бога, искание вечности первичнее искания спасения. Однажды на пороге отрочества и юности я был потрясен мыслью: пусть я не знаю смысла жизни, но искание смысла уже дает смысл жизни, и я посвящу свою жизнь этому исканию смысла. Это был настоящий внутренний переворот, изменивший всю мою жизнь. Я пережил его с энтузиазмом.... Это и было мое настоящее обращение, самое сильное в моей жизни, обращение к исканию Истины, которое тем самым было верой в существование Истины. Искание истины и смысла я противопоставил обыденности, бессмысленной действительности. Но мой переворот не был обращением в какую-либо конфессию, в православие или даже просто в христианство. Это был поворот к духу и обращение к духовности. Я навеки сохранил убеждение, что нет религии выше истины, формула, которой злоупотребляли теософы. Это навсегда положило печать на мою духовную и умственную жизнь.

Альберт Швейцер «Упадок и возрождение культуры».

Ценно уже само по себе размышление о смысле жизни. Если оно вновь станет доступным нам, окончательно поблекнут все внушенные тщеславием и

страстями идеалы, которые, подобно зловредным сорнякам, буйно разрастаются в убеждениях масс. Насколько выиграли бы нынешние условия жизни людей, если бы все мы ежедневно хотя бы по несколько минут своего вечернего времени посвящали размышлениям об окружающей нас вселенной, мысленно обращаясь к бесконечным звездным мирам, а на похоронах предавались бы раздумьям о загадке жизни и смерти, вместо того чтобы бездумно шествовать за гробом, обмениваясь малозначительными репликами с другими участниками процессии. Внушенные безумием и страстями идеалы тех, кто формирует общественное мнение и оказывает решающее влияние на события общественной жизни, утратили бы власть над людьми. Люди хоть в какой-то мере стали бы задумываться над бесконечным и конечным, бытием и небытием и отыскиали бы в результате такого самоуглубления критерии суждения об истинном и ложном, действительно ценном и призрачном. Раввины древних времен учили, что царство божье наступит, если только весь Израиль начнет по-настоящему соблюдать субботу. Насколько вернее было бы сказать, что море несправедливости, насилия и лжи, захлестнувшее ныне все человечество, лишится своей разрушительной силы, если только нам удастся противопоставить ему хоть какое-то подобие раздумий о смысле мира и жизни! Но не опасно ли побуждать людей к раздумьям о смысле жизни и требовать, чтобы наша жажда действий оправдывалась и облагораживалась такими размышлениями? Не утратим ли мы в результате этого нечто невосполнимое - жизненную активность, порождаемую непосредственностью действий? Вопрос о том, насколько сильной или слабой будет наша жажда действий, пройдя через горнило раздумий о смысле жизни, - отнюдь не решающий вопрос, который надо ставить во главу угла. Ведь разумно и рационально в ней только то, что подчинено смыслу, который мы в состоянии придать нашей жизни. Решающей является не количественная, а качественная сторона деяния. Важно, чтобы наша воля к деятельности пришла к осознанию самой себя и перестала быть слепой.

Томас Карлейль «Этика жизни. Трудиться и не унывать!»

Надо жить, а не прозябать. Да, подумай о том, что надо жить! Жизнь твоя, хотя бы ты был самый жалкий из смертных, - не праздная греза, а действительность, полная высокого смысла! Твоя жизнь - твое достояние; это все, с чем ты можешь пойти навстречу вечности. Действуй поэтому подобно звездам, «не торопясь, но и не зная отдыха».

Сколько возвышенного, торжественного, почти страшного заключается для каждого человека в мысли, что его земное влияние, - влияние, имевшее начало, - никогда, во веки веков не прекратится, хотя бы человек этот был ничтожнейший из нас. Что сделано, того не воротишь, то слилось уже с безграничным, вечно живущим, вечно деятельным миром, то вместе с ним приносит людям пользу или вред, явно либо тайно, на вечные времена.

Жизнь всякого человека можно сравнить с рекой, начало коей ощутимо для всех; дальнейший же бег ее и ее назначение, когда она змеей извивается по широким плоскостям, может различить один только Всевидящий. Сольется ли она с соседними реками, увеличивая их объем, или примет их в себя? Останется ли она безымянной речкой; будет ли она питать своими мелкими водами вместе с миллионами других речек и рек какую-нибудь великую реку? Или из нее образуется новый Дунай или Рейн и потоки вод ее явятся вечной пограничной линией на земном шаре, оплотом и водным путем для целых государств и материков? Мы этого не знаем; нам известно лишь одно, что путь ее лежит в Великий Океан и что воды ее, хотя бы их было не более горсточки, существуют и не могут быть уничтожены, не могут быть и надолго задержаны.

Тебе дано время испытания. Никогда не долучишь ты другой возможности. Вечность пронесется, но тебе не будет дано другого такого времени. Ясные звезды и вечные солнца сияют и поныне для тех, кто способен это узреть. И в наши дни, как и в дни минувшие, раздаются голоса богов вокруг и внутри всякого человека, голоса - всем повелевающие, если даже никто их не слышит, - голоса, внятно произносящие слова: «Встань, сын Адама, сын времени, позаботься о том, чтобы то-то и то-то стало чище, лучше, и ты сам раньше всего! Трудись и не дремли, потому что настанет ночь, когда никто не сумеет работать». У кого уши есть, чтобы слышать, тот может услышать эти слова и ныне.

Есть что-то облагораживающее и даже священное в труде. Как бы ни был человек погружен в мрак ночи, как бы мало ни думал он о своем высоком призвании, на него все еще следует возлагать надежды, покуда он действительно серьезно трудится; лишь в праздности - вечное отчаяние. Труд, как бы он ни был низок или корыстен, всегда тесно связан с природой. Уже одно желание трудиться ведет все ближе и ближе к истине, к тем законам и предписаниям природы, которые суть истина. Новейшее Евангелие нашего времени: Познай свое дело и исполни его. «Познай самого себя!» - твое бедное я долгие годы промучило тебя, но ты, по-моему, никогда не сумеешь «познать» его. Не считай же своей задачей познание самого себя, потому что ты представляешь собою существо, которого тебе никогда не познать. Познай же, над чем ты можешь трудиться, и работай, как Геркулес! Ничего лучшего не может быть для тебя...

Говорят: «Значение труда не поддается учету». Человек совершенствуется при помощи труда! Пространства, заросшие сорной травой, расчищаются, на их месте появляются чудные нивы, воздвигаются дивные города, и сам человек перестает быть пашней, заросшей плевелами, или бесплодной, чахлой пустыней. Вспомните, что даже самый низменный труд в известной степени приводит душу в состояние истинной гармонии. Сомнения, страсти, заботы, раскаяние, разочарование, даже уныние - все эти исчадия ада мучительно осаждают душу бедного поденщика точно так же, как и всякого другого человека. Но стоит лишь человеку свободно и бодро приняться за труд, как все они умолкают и, ворча, прячутся по своим конурам. Человек становится воистину человеком. Священный жар труда похож на очистительный огонь, истребляющий любой яд, сквозь самый густой дым дающий светлое, чистое пламя! У судьбы нет, в сущности, других средств, чтобы сделать людей культурными...

Благословен тот, кто нашел себе дело...

Бодрость, которую мы желаем себе, заключается не в том, чтоб прилично умереть, а чтобы мужественно жизнь прожить.

Василий Васильевич Розанов «Мечта в щелку»; «Опавшие листья»; «Мимолетное».

- Народы, хотите ли, я вам скажу громовую истину, какой вам не говорил ни один из пророков...

- Ну? Ну?. Хх...

- Это – что частная жизнь выше всего.

- Хе-хе-хе!.. Ха-ха-ха!.. Ха-ха!..

- Да, да! Никто этого не говорил; я – первый... Просто, сидеть дома и хотя бы ковырять в носу и смотреть на закат солнца.

- Ха, ха, ха...

- Ей-ей: это – общее религии... Все религии пройдут, а это останется: просто – сидеть на стуле и смотреть вдаль...

- «Что делать?» - спросил нетерпеливый петербургский юноша. – «Как что делать: если это лето – чистить ягоды и варить варенье; если зима – пить с этим вареньем чай»...

Никакой человек не достоин похвалы. Всякий человек достоин только жалости...

Отстаивай любовь свою ногтями, отстаивай любовь свою зубами. Отстаивай ее против ума, отстаивай ее против власти.

Будь крепок любви – и Бог тебя благословит.

Ибо любовь – корень жизни. А Бог есть жизнь...

Нужно, чтобы о ком-нибудь болело сердце. Как это ни странно, а без этого пуста жизнь...

Семья есть самая аристократическая форма жизни...

Любящему мужу в жене сладок каждый кусочек. Любящей жене в муже сладок каждый кусочек...

Благодари каждый миг бытия и каждый миг бытия увековечивай.

Смысл – не в Вечном; смысл – в Мгновениях.

Мгновения-то и вечны, а Вечное – только «обстановка» для них. Квартира для жильца. Мгновение – жилец, мгновение – «я», Солнце...

Люди, которые никуда не торопятся, - это и есть Божьи люди. Люди, которые не задаются никакой целью, - тоже Божьи люди.

Владимир Сергеевич Соловьев «Оправдание добра».

Смысл жизни заключается в ее добре...

Всемирный смысл жизни, или внутренняя связь отдельных единиц с великим целым, не может быть выдумана нами, она дана от века...

Всякое ... существо, стремясь к своей жизненной цели, необходимо убеждается, что ее достижение, или окончательное удовлетворение воли, не находится во власти человеческой, т.е. всякое разумное существо приходит к признанию своей зависимости от чего-то невидимого и неведомого. Отрицать такую зависимость невозможно. Спрашивается только: то, от чего я завишу, имеет смысл или нет? Если не имеет, то, значит, и мое существование, как зависящее от бессмыслицы, тоже бессмысленно, и в таком случае вовсе не приходится говорить о каких бы то ни было разумно-нравственных принципах и целях, ибо они могут иметь значение только при уверенности в смысле моего существования, только под условием разумности мировой связи, или преобладания смысла над бессмыслицею во вселенной. Если нет целесообразности в общем ходе мировых явлений, то не может быть целесообразной и та часть этого процесса, которую составляют человеческие поступки, определяемые нравственными правилами; а в таком случае не могут устоять и эти правила, как ни к чему не ведущие, ничем не оправдываемые...

Сознательно и разумно делать добро я могу только тогда, когда верю в добро, в его объективное, самостоятельное значение в мире, т.е., другими словами, верю в нравственный порядок, в Провидение, в Бога. Эта вера логически первее всех положительных религиозных воззрений и установлений, равно как и метафизических учений, и она в этом смысле составляет то, что называется естественною религией...

Психологически, т.е. как субъективное состояние, основное религиозное отношение проявляется в чувстве благоговения, или, точнее, благоговейной любви. Это чувство необходимо содержит в себе: 1) самоосуждение того, кто его испытывает, или неодобрение им его наличной действительности; 2) положительное ощущение высшего идеала как другой действительности или как истинно сущего, - благоговеть перед заведомым вымыслом или собственной фантазией психологически невозможно; 3) стремление к действительной перемене себя и своей действительности в смысле приближения к высшему совершенству, - без этого стремления религиозное чувство превращается в

отвлеченную мысль. Напротив того, действительное стремление к божеству есть уже начало соединения с Ним...

Религиозное чувство, выраженное в форме повелительного наклонения (категорический императив), говорит нам не только желай совершенства, а будь совершен. А это значит: не только имей добрую волю, будь честен, добронравен и добродетелен, а еще - будь безболезненным, будь бессмертным, нетленным, да и не это только, а еще - сделай так, чтобы все твои ближние, ставши нравственно-совершенными, вместе с тем были безболезненны, бессмертны и нетленны в телах своих...

Человек дорог Богу не как страдательное орудие Его воли - таких орудий довольно и в мире физическом, - а как добровольный союзник и соучастник Его всемирного дела. Это соучастие человеческое непременно входит в самую цель Божьего действия в мире, ибо если бы эта цель мыслима была без деятельности человека, то она была бы уже от века достигнута, так как в самом Боге не может быть никакого процесса совершенствования, а одна вечная и неизменная полнота всех благ...

Во всем, что существует, мы должны признавать возможность (потенцию) добра и способствовать к тому, чтобы эта возможность стала действительностью. Прямая возможность совершенного добра дана в существах разумно-свободных, каковы мы сами. Признавая за собою безусловное значение в силу присущего нам сознания абсолютного идеала (образ Божий) и стремления вполне осуществить его (подобие Божие), мы по справедливости должны признать то же самое и за всеми другими и свою обязанность совершенствования понимать не только как задачу личной жизни, но и как нераздельную часть всемирно-исторического делания.

Итак, мы можем дать безусловному началу нравственности следующее полное выражение:

В совершенном внутреннем согласии с высшею волею, признавая за всеми другими безусловное значение, или ценность, поскольку и в них есть образ и подобие Божие, принимай возможно полное участие в деле своего и общего совершенствования ради окончательного откровения Царства Божия в мире.

Семен Людвигович Франк «Свет во тьме».

Задача совершенствования есть в известном смысле основная задача и, можно сказать, само существо христианской жизни; ибо сказано: "Будьте совершенны, как совершенен Отец ваш Небесный", и в этом завете суммированы все заповеди Христова откровения. Стремление к совершенствованию, неустанная внутренняя работа совершенствования есть необходимый определяющий признак духовной жизни как таковой...

Заповедь совершенствования совпадает с заповедью развития в себе благодатных сил любви. А сила любви, по самому своему существу будучи неким излучением вовне, конкретно выражается в нравственной активности, в любовной деятельности на благо ближнего, в излиянии добра в мир. Нравственная активность в мире, этот общий императив заповеди любви, совпадает, таким образом, с задачей совершенствования мира в самом широком и общем смысле этого понятия.

Но, чтобы ориентироваться в проблеме совершенствования мира, как задачи христианской активности, мы должны отчетливо различать разные смыслы понятия совершенствования мира. Первое и самое существенное различие, которое мы должны во избежание недоразумений отчетливо воспринять, есть различие между задачей совершенствования мира и жизни, как неустанного восполнения его недостатков, борьбы с грехом, удовлетворения человеческих нужд, утolenия страданий - совершенно независимо от мысли об абсолютном

улучшении состояния мира и повышения уровня его бытия - и самой этой задачей абсолютного совершенствования мира в смысле увеличения абсолютного количества добра в нем, как умышленно поставленной цели нашей активности. И здесь надо сказать: основная, общая и неустанная задача христианской нравственной активности в мире есть, бесспорно, задача совершенствования мира в первом из этих двух смыслов. Христианская нравственная установка ставит себе только одну умышленную цель: творить добро, вливать в мир силу добра и столь же неустанно бороться с грехом, злом, неустройством мира, с действующими в нем силами разрушения. Христианское сознание конкретно весьма мало озабочено тем, будет ли завтрашний день фактически лучше сегодняшнего, или следующий век - лучше предыдущего; эту заботу оно предоставляет промыслу Божию...

Значительная, наибольшая часть человеческой активности направлена на простое поддержание жизни на раз достигнутом уровне... Нужна огромная и напряженная энергия, чтобы поддерживать жизнь в стационарном состоянии, т.е. на прежнем уровне. То же применимо, конечно, и ко всем областям человеческой культуры: нужны настойчивые усилия, чтобы в смене поколений не растерять накопленный запас знаний, нравственных навыков, чтобы не понизить достигнутого общего уровня жизни. Но политический опыт нашего времени учит, сверх того, что нужна напряженная энергия, чтобы оградить раз достигнутый запас и уровень культуры от могущественных сил, направленных на прямое их разрушение. Всякое дальнейшее обогащение, всякий «прогресс» есть лишь добавочное приобретение, которое может и - согласно нашей мечте, нашим желаниям - должно наслаиваться на это сохранение уже имеющегося, но которое отнюдь не обеспечено и не может быть единственной целью нашей активности. Как бы часто консерватизм ни вырождался в эгоистические стремления господствующих классов оградить свои привилегии, свое исключительное пользование высшим уровнем жизни, от стремления более широких слоев в нем соучаствовать, - по своей идее «консерватизм» - задача поддержания и охраны накопленного в прошлом материального и духовного достояния, спасения его от постоянно угрожающей ему гибели - есть одна из неустранимых задач человеческого духа - по меньшей мере столь же насущно необходимая, как и стремление к «прогрессу», к дальнейшему совершенствованию жизни. Обе эти задачи часто и даже по большей части сталкиваются и соперничают между собой, находятся в отношении и взаимного конфликта; но это происходит только тогда, когда они поставлены в неправильной форме, когда искажен основной их замысел. Ибо, по существу, всякий прогресс не только, как указано, наслаивается на сохранение уже достигнутого, - нельзя возводить новый этаж дома через разрушение его фундамента, - но и сам творится силами, накопленными в прошлом. Как, по мудрой мысли Дизраэли, свобода обеспечивается только традицией, так и вообще всякое успешное и прочное творчество нового всецело определено устойчивостью здоровых сил общественного организма, твердо укорененного в родной, привычной, старой почве. Более того, обе задачи не только согласимы и связаны между собой, но и имеют в своей основе и тождественную природу.

№2. Что характерно для природы мужчины и женщины, согласно Ф. Ницше? Есть ли в его представлениях противоречия?

Фридрих Ницше «Так говорил Заратустра. О старых и молодых бабенках».

«Отчего крадешься ты так робко в сумерках, о Заратустра? И что прячешь ты бережно под своим плащом?

Не сокровище ли, подаренное тебе? Или новорожденное дитя твое? Или теперь ты сам идешь по пути воров, ты, друг злых?»

- Поистине, брат мой! - отвечал Заратустра. - Это - сокровище, подаренное мне: это маленькая истина, что несу я.

Но она беспокойна, как малое дитя; и если бы я не зажимал ей рта, она кричала бы во все горло.

Когда сегодня я шел один своею дорогой, в час, когда солнце садится, мне повстречалась старушка и так говорила к душе моей:

«О многом уже говорил Заратустра даже нам, женщинам, но никогда не говорил он нам о женщине».

И я возразил ей: «О женщине надо говорить только мужчинам».

«И мне также ты можешь говорить о женщине, - сказала она, - я достаточно стара, чтобы тотчас все позабыть».

И я внял просьбе старушки и так говорил ей:

Все в женщине - загадка, и все в женщине имеет одну разгадку: она называется беременностью.

Мужчина для женщины средство; целью бывает всегда ребенок. Но что же женщина для мужчины?

Двух вещей хочет настоящий мужчина: опасности и игры. Поэтому хочет он женщины как самой опасной игрушки.

Мужчина должен быть воспитан для войны, а женщина - для отдохновения воина; все остальное - глупость.

Слишком сладких плодов не любит воин. Поэтому любит он женщину; в самой сладкой женщине есть еще горькое.

Лучше мужчины понимает женщина детей, но мужчина больше ребенок, чем женщина.

В настоящем мужчине сокрыто дитя, которое хочет играть. Ну-ка, женщины, найдите дитя в мужчине!

Пусть женщина будет игрушкой, чистой и лучистой, как алмаз, сияющей добродетелями еще не существующего мира.

Пусть луч звезды сияет в вашей любви! Пусть вашей надеждой будет: «о, если бы мне родить сверхчеловека!»

Пусть в вашей любви будет храбрость! Своею любовью должны вы наступать на того, кто внушает вам страх.

Пусть в вашей любви будет ваша честь! Вообще женщина мало понимает в чести. Но пусть будет ваша честь в том, чтобы всегда больше любить, чем быть любимой, и никогда не быть второй.

Пусть мужчина боится женщины, когда она любит: ибо она приносит любую жертву и всякая другая вещь не имеет для нее цены.

Пусть мужчина боится женщины, когда она ненавидит: ибо мужчина в глубине души только зол, а женщина еще дурна.

Кого ненавидит женщина больше всего? - Так говорило железо магниту: «я ненавижу тебя больше всего, потому что ты притягиваешь, но недостаточно силен, чтобы перетянуть к себе».

Счастье мужчины называется: я хочу. Счастье женщины называется: он хочет.

«Смотри, теперь только стал мир совершенен!» - так думает каждая женщина, когда она повинуется от всей любви.

И повиноваться должна женщина, и найти глубину к своей поверхности. Поверхность - душа женщины, подвижная, бурливая пленка на мелкой воде.

Но душа мужчины глубока, ее бурный поток шумит в подземных пещерах; женщина чует его силу, но не понимает ее. -

Тогда возразила мне старушка: «Много любезного сказал Заратустра, и особенно для тех, кто достаточно молод для этого. Странно, Заратустра знает мало женщин, и, однако, он прав относительно их. Не потому ли это происходит, что у женщины нет ничего невозможного?

А теперь в благодарность прими маленькую истину! Я достаточно стара для нее!

Заверни ее хорошенько и зажми ей рот: иначе она будет кричать во все горло, эта маленькая истина».

«Дай мне, женщина, твою маленькую истину!» - сказал я. И так говорила старушка:

«Ты идешь к женщинам? Не забудь плетку!» -

Так говорил Заратустра.

№3. Определите, в чем различие взглядов на жизнь, выраженных в обоих текстах и в чем можно найти сходство между ними? Какая точка зрения ближе к истине и почему?

Книга Экклесиаста

1 Слова Кохелета, сына Давида, царя в Иерусалиме:

2 Ничемно всё, - сказал Кохелет, -

Напрасно всё и бесцельно всё.

3 Что пользы человеку в трудах его,
Которыми трудится он под солнцем?

4 Поколения приходят, и поколения уходят,
А земля, как была, остается прежней.

5 Восходит солнце, заходит солнце,
И в том же месте снова восходит.

6 Идет на юг, сворачивает на север,
Кружит, кружит в пути своим ветер,
И на круги свои возвращается ветер.

7 Все реки текут неизменно в море,
Но не переполняется море,
А реки возвращаются вспять, к истокам,
Чтобы оттуда снова течь.

8 Непознаваема суть вещей.

Не выразить ее никакими словами.

Не может глаз ее рассмотреть.

Не может ухо ее расслышать,

9 Что было в прошлом, то и теперь,
И что делалось прежде, то происходит и ныне,
И ничего под солнцем нового нет.

10. Иногда говорят: Смотри, что-то новое!

Но это уже было давным-давно,
В веках, минувших задолго до нас.

11 Никто не помнит живших прежде,
Но и наших потомков не будут помнить
Те, кто придет на смену им.

12 Я, Кохелет, был царем над Израилем, в Иерусалиме.

13 Задумал я охватить умом и понять все, что происходит под небом.
Тяжкую задачу задал Бог сынам человеческим, чтобы они терзались ею!

14 Видел я все, что творится под солнцем. Так вот, все бессмысленно, как погоня за ветром.

15 Того, что криво, все равно не исправить,

И того, чего нет, нельзя сосчитать.

16 И подумал я; Ну вот, стал я мудр и превзошел знанием всех, кто до меня правил Иерусалимом. 17 Я жаждал мудрости и обширных знаний, но понял, что это тоже никчемно, 18 ибо всякая мудрость содержит горечь, и чем больше знаний, тем больше скорбь.

2 Тогда я решил пировать и развлечься, чтобы узнать, наконец, чем благо. Но и это оказалось напрасным.

2 О смехе сказал я: Какая глупость! и о веселье: Нелепость и вздор!

3 Пытался я и вином угождать своей плоти так, чтобы, не теряя окончательно головы, испробовать и глупости, пока не узнаю, что людям стоит делать под небом в считанные дни жизни своей.

4 Затеял я большие работы, построил себе дома, насадил виноградники,

5 разбил сады и парки, насадил плодовых деревьев,

6 устроил пруды, чтобы водой из них поливать идущие в рост посадки,

7 обзавелся доморощенными и покупными рабами, а скота у меня было больше, чем у любого из когда-либо живших в Иерусалиме.

8 Накопил я золота, серебра, драгоценностей от царей и областей, завел певцов, певиц и наложниц - радость сердца мужчины.

9 Я стал богаче любого из моих предшественников в Иерусалиме, и мудрость моя оставалась со мною.

10 Я не отказывал глазам своим ни в зрелищах, и не удерживал сердца ни от какой радости, ибо сердце радовалось о трудах моих, и это мне было за труды наградой.

11 Но взглянул я на все, что сделали мои руки,

Все, над чем я тяжело трудился,

И понял: это бессмысленно, как погоня за ветром,

И нет от этого пользы под солнцем.

12 Взглянул я на мудрость и на глупость с безумием, и сказал себе: Что может сделать идущий вслед за Царем? Не больше того, что давно уже сделано!

13 Я понял, что мудрость настолько же превосходит глупость, насколько свет превосходит тьму.

14 Глаза мудреца при нем, а глупец вынужден вслепую бродить. Но узнал я и то, что один конец ждет их,

15 и подумал: Если участь глупца даже меня постигнет, к чему мне тогда вся моя мудрость? И сказал я себе: Это тоже пустое.

16 И мудрого, и глупого долго не будут помнить. Со временем будут забыты оба. Как и глупый, умник тоже умрет.

17 Возненавидел я жизнь, и в тягость мне стало все, что делается под солнцем, ибо все бессмысленно, как погоня за ветром.

18 Возненавидел я труды, которыми трудился под солнцем, потому что придется оставить их человеку, который будет жить после меня.

19. Кто знает, мудр будет он или глуп? А ведь именно он будет распоряжаться работой, в которую я вложил столько сил. Стало быть, и это.

20. Начал я приходить в отчаяние от трудов, которыми я трудился под солнцем.

21. Ведь как бы человек умело и добросовестно ни трудился, плоды трудов своих он оставляет тому, кто не участвовал в них. Это тоже бессмысленно и нелепо.

22 Что пользы человеку от всех трудов

И забот, которые его терзают под солнцем?

23 Днем его мучит злоба и зависть,

И ночью душа его не знает покоя. Это тоже нелепо.

24 Единственное благо, которое есть у людей, - это еда, питье и удовольствие от работы. Но и это, как узнал я, зависит от Бога.

25 Ведь даже еда не имеет вкуса, если на то нет воли его.

26 И только к кому благосклонен Бог, тому он дает и успех, и мудрость, а неугодных заставляет напрасно копить, чтобы добро их досталось его любимцам. Это так же бессмысленно, как ловля ветра.

3 Всему свое время, и своя пора

Назначена каждому делу под небом:

2 Время рождаться и время умирать,

Время насаждать и время искоренять,

3 Время убивать и время лечить,

Время ломать и время строить,

4 Время плакать и время смеяться,

Время горевать и время плясать,

5 Время разбрасывать камни и время собирать камни,

Время обнимать и время избегать объятий,

6 Время приобретать и время терять,

Время хранить и время выбрасывать,

7 Время рвать и время сшивать,

Время молчать и время говорить,

8 Время любить и время ненавидеть,

Время войне и время миру.

9 Так в чем же смысл трудов человека? 10 Понял я задачу, которую задал Бог сынам человеческим, чтобы они терзались ею!

11 Все создал он прекрасным в свое время,

И вечность вложил он в сердца людей,

Только не смогут они постичь

Во всей полноте творение Божье.

12 Я понял, что одно хорошо для людей: быть счастливыми и творить добро, пока они живы. 13 Но способность есть, пить и радоваться работе лишь от Бога дается. 14 Все, что делает Бог, пребудет вовек. Ни прибавить к этому ничего, ни убавить, а сделал так Бог, чтобы чтили его.

15 Что было раньше, то и теперь,

И то, что будет, уже было прежде,

А прежнее снова Бог призовет.

16 А еще я видел под солнцем такое: где место суда, там царит беззаконие, и где место справедливости, там произвол.

17 И подумал: Бог рассудит и праведника, и грешника, и каждому воздаст по его делам.

18 А еще я подумал: Так делает Бог, чтобы показать людям, что они не лучше животных.

19. Участь людей и животных – одна.

Как те умирают, так умирают и эти.

Одна душа у тех и других,

И человек не лучше бессловесной твари.

Поистине, все ничтожно.

20 Все идет к одному концу.

Все вышло из праха, и в прах возвратится.

21 Кто знает, возносится ли душа человека вверх,

И спускается ли душа животного в землю?

22 И понял я: Нет у человека большего блага, чем находить радость в работе, ибо в этом и состоит награда его. Ведь никто ему не скажет, что будет после него.

4 А еще оглянулся я и увидел, сколько несправедливостей творится под солнцем. Угнетенные плачут, а утешить их некому. Притесняют их, и нет им поддержки. 2 И сказал я:

Покойник, который уже в могиле

Счастливее тех, кто остался жить

3 Но еще лучше тому, кто вообще не родился

И не видел злодеяний, творимых под солнцем.

4 А еще понял я, что талант и удача в трудах вызывают у ближнего зависть. Это тоже бессмысленно, как ловля ветра.

5 Глупец сидит сложа руки и разоряется.

6 Но лучше малая горсть покоя, чем полные пригоршни труда и хлопот.

7 Увидел я и другой пример того, как бессмысленно все под солнцем.

8 Иной человек совсем одинок, и нет у него ни сына, ни брата, а он изнуряет себя трудом, одержимый ненасытной жаждой богатства, и не скажет себе: Для кого я тружусь и лишаю себя радости жизни? Это тоже нелепость.

9 Двоим лучше, чем одному. Так им легче заработать на жизнь.

10 Если один из них упадет, то другой всегда поможет товарищу встать. Но горе одному, если он споткнется и некому будет его поднять.

11 Если двое вместе лежат, то тепло им, а в одиночку невозможно согреться.

12 Одного всегда одолеть нетрудно, но двое сумеют постоять за себя, и тройная нить не скоро порвется.

13 Лучше быть бедным, но умным юношей, нежели старым, но глупым царем, уже неспособным прислушиваться к советам,

14 ибо тот и из темницы выйдет в цари, а рожденный царствовать станет нищим.

15 Видел я, как все живое, ликуя, встречает юношу, занявшего место царя.

16 Несметная толпа окружала его, но она же позднее разочаруется в нем. Это тоже бессмысленно, как погоня за ветром.

17 Отправляясь в храм Божий, ступай осторожно. Лучше прийти в послушании, чем приносить жертвы, подобно глупцам, которые сами не ведают, что грешат...

9 Долго я размышлял, и понял,

Что и праведник, и мудрец во власти Божьей,

И не дано человеку знать,

Любви или ненависти он достоин.

2 Один конец ожидает всех.

Одинакова участь праведника и грешника,

Доброго и злого, чистого и нечистого,

Приносящего жертвы и не приносящего их,

Добропорядочного и негодяя,

Честного человека и клятвопреступника.

3 В том-то и состоит самое худшее из всех зол, творимых под Солнцем, - что один конец уготован людям. К тому же, душа их в течение всей их жизни полна злобы и глупости.

4 У живых есть хотя бы надежда.

Даже псу живому лучше, чем мертвому льву.

5 Живые знают хотя бы то, что умрут,

А мертвые уже ничего не знают.

- Нет им больше доли ни в чем,
Ибо даже память о них истерлась.
6 И любовь их, и ненависть, и ревность исчезли.
Никогда больше не смогут они
Участвовать в происходящем под солнцем.
7 Так иди же, весело ешь хлеб, и пей с беззаботным сердцем вино, так как
Бог предрешил дела твои.
8 Постоянно носи белоснежные одежды и щедро душись благовонным
маслом.
9 Наслаждайся счастьем с любимой женой
Все дни бесцельной жизни твоей,
Которую дал тебе Бог под солнцем,
Все напрасные дни твои,
Ибо это - единственная награда
За все твои тяжкие труды под солнцем.
10 Любое дело, которое ты найдешь себе,
Старайся делать как можно лучше,
Ибо в могиле, куда ты сойдешь,
Ты не сможешь больше творить и мыслить.
11 Вот что еще я заметил под солнцем: Не всегда достается награда
быстроному, победа храброму, пропитание мудрому, богатство ученому и почет
умелому, но все зависит от прихоти случая.
12 Человек не знает своей судьбы,
И как рыба, попавшая в злополучную сеть,
Как птица, запутавшаяся в силках,
Люди беспомощны в час беды,
Внезапно обрушившейся на них.
13 А вот еще поучительный пример, который мне довелось видеть под
солнцем.
14 Могущественный царь обложил осадой маленький, беззащитный город.
15 Но нашелся в городе умный бедняк, который своей находчивостью спас
сограждан. Тем не менее, бедняка этого быстро забыли.
16 И сказал я себе: Лучше мудрость, чем сила, однако мудрого бедняка
презирают и не прислушиваются к его словам.
17 В тихой речи умного человека смысла больше, чем в крике вельможного
дурака.
18 Мудрость сильнее осадных орудий, но одна оплошность может
испортить все.

Викентий Викентьевич Вересаев «Живая жизнь: О Достоевском и Л.
Толстом: Аполлон и Дионис (о Ницше)».

Справедливо ли то, что творят с людьми боги и судьба? Гомеровский эллин
об этом не спрашивает. Так есть, так должно случиться... Но всего замечательнее,
- и это необходимо еще раз подчеркнуть, - не только сознание неизбежности не
убивало в этих людях самостоятельного почина, но даже вполне определенное
знание божеского решения и божеской угрозы не останавливало их перед тем,
чтобы действовать по велениям собственного духа, хотя бы и вопреки божеской
воле. Феакийцы хорошо знают: Посейдон жестоко гневается на них за то, что они
на своих кораблях отвозят на родину странников, потерпевших кораблекрушение.
И им известно предсказание, что некогда
Феакийский корабль, проводивший
Странника в землю его, возвращался морем туманным,

Будет разбит Посейдоном, который высокой горою
Град наш задвинет. Исполнит ли то Поссидон-земледержец,
Иль не исполнит,— пусть будет по воле великого бога.

Пусть будет по его воле, - мы тогда благоговейно-покорно и без жалоб
примем свой жребий, а пока... пока мы будем творить волю свою, будем делать
то, что считаем хорошим мы.

От современного человека требуется огромное напряжение фантазии,
чтобы представить себе такое состояние религиозного чувства. Мы слишком
привыкли соединять с божеством представление о высшем нравственном
совершенстве. Поэтому наличность в жизни зла и несправедливости властно
ставит перед нами задачу теодицеи, задачу оправдания божества перед лицом
мирового зла. И мы не смущаемся тем, что при каждой попытке такого оправдания
неизменно упираемся в безвыходный тупик. Гомеровский эллин умел совмещать
в своей душе настроения, казалось бы, совершенно несовместимые: глубоко
религиозное отношение к жизни и полнейшее отсутствие потребности в теодицее
или в космодицее. Жизнь божественна и в то же время с несомненной
очевидностью несправедлива. И он эту несправедливость не возмущается, он
спокойно принимает ее, как наличный факт.

На деяния Богов не негодую я, -

беспечно говорит Архилох. Существами совсем из другого мира должны
представляться нам эти люди, радостно, бодро и религиозно жившие среди
прекрасного мира, беззаботные к вечно нависшей над ними божественной угрозе
и божественной несправедливости.

Мы начинаем нащупывать основной нерв гомерово-архилоховского
отношения к жизни. Божественная сущность жизни вовсе не скрывала от
человеческого взора ее аморального, сурового и отнюдь не идиллического
отношения к человеку: жизнь была полна ужасов, страданий и самой обидной
зависимости. И тем не менее гомеровский эллин смотрел на жизнь бодро и
радостно, жадно любил ее «нутром и чревом», любил потому, что сильной душе
его все скорби и ужасы жизни были нестрашны, что для него «на свете не было
ничего страшного». Мрачное понимание жизни чудесным образом совмещалось в
нем с радостно-светлым отношением к ней. Ужасы и скорби не в силах были
опровергнуть в его глазах основной божественности жизни, которую он
непрестанно чувствовал душою...

И как сверкает, как кипит и пенится в гомеровском эллине эта сила жизни!
Весь строй его души, весь тонус ее - совсем другой, чем у нас. Только в детях
можем мы еще наблюдать это яркое, свежее, радостно-жадное переживание
жизни во всех ее проявлениях. Мы говорим: «когда они поели»... Гомер говорит:
«когда насладились они едою и питьем». Мы «разговариваем», гомеровские люди
«наслаждаются беседой взаимной».

Прежде сидящим поставила стол Гекамеда прекрасный,
Ярко блистающий, с черным подножьем; на нем предложила
Медное блюдо со сладостным луком, в прикуску напитка,
С медом свежим и ячной мукою священной; подле
Кубок прекрасный поставила, из дому взятый Нелидом.
В нем Гекамеда, богиням подобная, им растворила
Смесь на вине Прамнийском: натерла козьего сыра
Теркою медной, и ячной присыпала белой мукою.
Мужи, когда питием утолили палящую жажду,
Между собой говоря, наслаждались беседой взаимной.

Именно, как ребенок, с его неисчерпанною полнотою восприятия
впечатлений жизни, Гомер жадно наслаждается всем, что вокруг, все для него

прекрасно - и стол, и кубок, и богиням подобная рабыня Гекамеда, и какая-то гадость из лука, меда и ячной муки, наверно, не более вкусная, чем те маковки и рожки, которые мы с таким непонятным наслаждением поедали в детстве.

В лесу работает тяжелую свою работу дровосек. В полдень, когда он уже устал, он садится за обед. «Когда он уже устал»... Это по-нашему. Гомер же говорит:

Когда он уж руки насытил,

Лес повергая высокий...

Руки человеческие голодают по работе, и процесс работы для Гомера - сладостное утоление этого голода.

Сходятся друг с другом лютые враги - Ахиллес, убивший ненавистного Гектора, и Приам, осиротелый отец Гектора.

Долго Приам-Дарданид удивлялся царю-Ахиллесу,

Виду его и величью; казалось, бога он видит.

Царь-Ахиллес удивлялся равно Дарданиду Приаму.

Глядя на образ почтенный и слушая старцевы речи.

Оба они наслаждались, один на другого взирая.

Сам Гомер совсем так же «наслаждается», взирая на врагов-троянцев. Как благороден и как прекрасен у него образ божественного Гектора, главного врага ахейцев! Как серьезно, как глубоко уважительно относится он вообще к троянцам! И как это необычно, как... почти противоестественно! ...

Самое высокое и самое прекрасное, чем может человек прославить бога, что он должен нести ему, - это собственная радость и счастье. Вот - основное положение аполлоновой религии. И чисто аполлоновскую, для нас такую чуждую мысль высказывает один поздний греческий писатель, географ Страбон, говоря так: «Хотя верно сказано, что люди тогда наиболее подражают богам, когда совершают добрые дела, но еще правильнее было бы сказать, что люди наиболее уподобляются богам, когда они счастливы».

На этом необходимо остановиться подробнее. Для нас - что такое для нас вообще счастье, радость? Конечно, всякий желает счастья, но всякий в то же время сознает, что оно касается только лично его, что только для него самого оно близко и ценно. Даже больше. Ощущение радости и счастья в большинстве случаев соединяется у нас с безотчетным чувством какой-то виновности, с сознанием мелкости и несерьезности счастья. Радость, блеск, красоту жизни мы способны трактовать только как веселое «удовольствие», как «наслаждение». И с большим только трудом можем мы представить себе радость как торжественную серьезность, как таинство, открывающее нам божественную сущность жизни.

А именно такой характер носила радость в религии аполлоновского эллина. В наших представлениях на этот счет царит большая путаница. Конечно, кто же не знает, что древние эллины любили жизнь и ее радости? Ну, там - Анакреон, «утехи Вакха и Киприды», гедонизм киренаиков, эпикурейство. Но это все было выражением уже полнейшего разложения эллинской жизни, как и столь ненавистная Ницше «александрийская веселость». Глубокая, серьезная жизнь превратилась в предмет удовольствия, наслаждения. С этим плоским, мертвым, безрелигиозным смакованием жизни и ее мгновений не имеет решительно ничего общего та глубокая, светлая радость, которая составляет существо аполлоновой религии.

Эта радость носила характер глубоко религиозный. Она-то именно и была тою основною стихией, из которой рождались эллинские боги, - «блаженные», «легко живущие». Мы видели - с горем своим, с тяжкими ударами судьбы тогдашний эллин умел справляться силою собственного духа, не для этого ему нужны были боги. Несмотря на скорби, несмотря на несправедливость судьбы, он

жадно любил жизнь «нутром и чревом», детская радость жизни переполняла его душу. Эта радость не вмещалась в плоскость видимого, осязаемого мира, жизнь углублялась и начинала как бы светиться изнутри таинственным светом: за нею - точнее, в ней - чувствовалось нечто значительное, бесконечно огромное, нечто божественное (theion). И это «божественное» составляло для эллина основную сущность жизни.

Через радость свою эллин приобщался божеству. Не с покаянными вздохами шел он к своим богам, не с мольбами о помиловании. Он шел к ним в белой одежде, с венком из цветов на голове - символом радости; танцами молился им и хороводами.

И, рожденные из радости, боги его шли навстречу радости человека. Нам трудно это представить себе: в жизни древнего эллина не было радости, которая, говоря нашим языком, носила бы светский характер. В любви к женщине и в мирном покое домашнего очага, в красоте мужского и женского тела, в состязаниях в силе и ловкости, в веселом пире и танце - везде эллин чувствовал присутствие и благословение божества. На саму радость это накладывало торжественный, серьезный отпечаток и создавало такой тип религиозной жизни, которого мы, может быть, уже не в состоянии даже представить себе.

Олеарий рассказывает про москвитов XVII века: когда муж ложится со своею женою в постель, он предварительно завешивает в спальне иконы. Что это значит? Божество не должно видеть того, что творится, это оскорбляет его взор. Любовь переживается человеком как нечто свое, узко личное, как секретное «баловство», очень, конечно, сладкое, но поганое и грязное. У эллина же над ложем его любви стояла золотовенчанная Афродита, радовалась на ласки и соприкасающуюся наготу и, как светлую жертву себе, принимала блаженные стоны и судороги любви. И москвит, и древний эллин любили как будто одинаково. Но отношение их к любви было глубоко различно, поэтому и переживания имели очень мало общего. Для москвиты любовь была приятным, но нечистым удовольствием, для эллина - божественно радостным таинством.

И так было у эллина со всякою радостью.

Мир - этот, здешний мир - был для эллина прекрасен и божествен, боги составляли неотрывную его часть. Столь же неотрывную часть этого мира составлял и человек. Только в нем, в здешнем мире, была для него истинная жизнь...

Бессмертие было для древнего эллина желанно и ценно, но бессмертие вовсе не этой бескровной, вяло-призрачной «души», лишенной жизни. Было желанно бессмертие человека, как такового. Та же жизнь, только уярченная и облегченная, тот же тип жизни, удлинённый навеки, - вот что было наградой любимцам богов, бессмертие не представлялось чем-то противоположным этой жизни. В Элизий, царство блаженных, перенесены не души любимых богами, а сами они, все целиком. Находится он не в потустороннем каком-нибудь мире, а здесь же, на нашей земле, только у крайних ее пределов, близ океана. Там ведут блаженные ту самую «легчайшую жизнь», какую ведут и «легко живущие» олимпийские боги, - легко живущие жизнью здешнего, земного типа. Какой желать другой жизни, если эта жизнь может быть так чудесно ярка и прекрасна?

Человек неотрывно связан с жизнью, душа его неотрывно связана с телом. И весь целиком человек должен быть прекрасен и светел. Тело, как душа, тоже должно быть «добродетельно». И душевные, и телесные достоинства для древнего эллина одинаково были добродетелями. Красота, сила и ловкость телесная, это тоже были добродетели. Пенелопа в Одиссее говорит: Боги мою добродетель, - мой вид и наружность, - сгубили.

Даже быстроту в беге Пиндар называет «добродетелью ног». Совершенство телесное и душевное, гармоническое соединение прекрасного тела и прекрасной души - знаменитая «калокагафия» - было основным идеалом эллина.

Прекрасное тело - и прекрасная душа... Достоевский говорит: «ненормальность и грех исходят из самой души человеческой». Для древнего эллина грех, преступление не вытекали из существа человека, они только снаружи ложились на душу пачкающим пятном. «На преступление, - говорит Преллер, - древние эллины смотрели как на осквернение(μίαιμα,) как на следствие и причину внутреннего расстройства и тяжелого повреждения духа. Когда грешник в раскаянии прибегает к Аполлону, то находит у него очищение и искупление. Аполлон - истинный спаситель и очиститель. В этом отношении он - полная противоположность тем темным силам судьбы и мести, которые живут во мраке и действуют из мрака. Существо Аполлона - блеск и ясность. Он не терпит ничего угрюмого и злого, озаряет это злое своим мягким светом и находит средство к исцелению и примирению. «Поистине сияющий», как выражается о нем Плутарх».

Нельзя лучше охарактеризовать всю сущность гомерово-аполлоновского отношения к жизни, чем это сделал Гёте в своей статье о Винкельмане.

«Чувство и созерцание не были еще в то время раздроблены на куски, в здоровой человеческой силе еще не произошло едва исцелимого разобщения. Натуры эти были в высшей степени способны не только к наслаждению счастьем, но и к перенесению несчастья. Как здоровое волокно сопротивляется вредному влиянию и при каждом болезненном поражении поспешно восстанавливается, так способен был и здоровый дух этих людей быстро и легко восстанавливаться по отношению ко всем внутренним и внешним бедствиям. Таков был античный дух - в деятельности, наслаждении и лишении, в радости и горе, в обладании и потере, в возвышении и унижении всегда довольный прекрасной землею, на которой царит над нами такая переменчивая судьба»...

Так не только с природою, а и с жизнью вообще. Наш ум, малый наш разум, руководствуется определенными, объективными нормами мышления, общеобязательными методами наблюдения и исследования. Почему же один человек видит погребение там, где другой видит жизнь и блеск? Потому что ценность жизни определяется не малым разумом, не логическими нормами и методами, а великим разумом «нутра», творящим человеческое «я».

Нутро одного человека - здоровое, крепкое, насквозь освещенное радостно-ярким инстинктом жизни; он жадно и безотчетно влюблен в жизнь, бодро переносит во славу ее жесточайшие удары судьбы. Такое отношение к жизни вызовет и соответственную оценку жизни. Нутро другого - больное, темное, упадочное; жизнь томит его, как плен, на всякий удар жизненного грома он в смятении вздрагивает своими издерганными нервами; он не в состоянии понять, что можно любить в этой жизни, где все только страхи и скорби. И когда человек, в соответствии с этим, строит свое непонимание, - то что же? Возражать ему, опровергать его доводы, стараться убедить его?.. Какой вздор! Никакие доводы и возражения здесь недействительны. Один лишь совет можно дать таким людям: «Вы должны не переучиваться, не переучивать, но только сказать «прости» своему собственному телу - и замолчать... Верьте, братья мои! Это - тело, которое отчаялось в теле, это - тело, которое отчаялось в земле». Так говорил Заратустра...

Кто жив душою, в ком силен инстинкт жизни, кто «пьян жизнью», - тому и в голову не может прийти задавать себе вопрос о смысле и ценности жизни, и тем более измерять эту ценность разностью между суммами жизненных радостей и

горестей. В огне не могут водиться черви. В жарко и радостно пылающем огне живой жизни не могут жить вопросы, порождаемые разложением. А именно только чудовищное разложение жизненных инстинктов делает возможным, что человек стоит среди жизни и спрашивает: «для чего? какая цель? какой смысл?» - и не может услышать того, что говорит жизнь, и бросается прочь от нее, и только богом, только «тем миром» способен оправдать ее...

Этот путь, которым слепо шел человек, - тот же путь, которым идет все живущее, руководимое непогрешимо мудрым слепцом -инстинктом жизни; путь живой жизни, о которой говорит у Достоевского Версиров:

«Что такое живая жизнь, я не знаю. Знаю только, что это должно быть нечто ужасно простое, самое обыденное и в глаза бросающееся, ежедневное и ежеминутное, и до того простое, что мы никак не можем поверить, чтобы оно было так просто, и, естественно, проходим мимо вот уже многие тысячи лет, не замечая и не узнавая».

№4. Какое отношение к смерти представляется вам наиболее правильным и почему? С какими рассуждениями вы не согласны? Что Вы можете им противопоставить?

Эпикур «Эпикур приветствует Менекея». Приучай себя к мысли, что смерть не имеет к нам никакого отношения. Ведь все хорошее и дурное заключается в ощущении, а смерть есть лишение ощущения. Поэтому правильное знание того, что смерть не имеет к нам никакого отношения, делает смертность жизни усадительной, - не потому, чтобы оно прибавляло к ней безграничное количество времени, но потому, что отнимает жажду бессмертия. И действительно, нет ничего страшного в жизни тому, кто всем сердцем постиг (вполне убежден), что в не-жизни нет ничего страшного. Таким образом, глуп тот, кто говорит, что он боится смерти не потому, что она причинит страдание, когда придет, но потому, что она причиняет страдания тем, что придет: ведь если что не тревожит присутствия, то напрасно печалиться, когда оно только еще ожидается. Таким образом, самое страшное из зол, смерть, не имеет к нам никакого отношения, так как, когда мы существуем, смерть еще не присутствует, а когда смерть присутствует, тогда мы не существуем. Таким образом, смерть не имеет отношения ни к живущим, ни к умершим, так как для одних она не существует, а другие уже не существуют.

Люди толпы то избегают смерти, как величайшего из зол, то жаждут ее, как отдохновения от зол жизни. А мудрец не уклоняется от жизни, но и не боится не-жизни, потому что жизнь ему не мешает, а не-жизнь не представляется каким-нибудь злом. Как пищу он выбирает вовсе не более обильную, но самую приятную, так и временем он наслаждается не самым долгим, но самым приятным. Кто советует юноше прекрасно жить, а старцу прекрасно кончить жизнь, тот глуп - не только вследствие привлекательности жизни, но также и потому, что забота о прекрасной жизни есть та же самая, что и забота о прекрасной смерти. Но еще хуже тот, кто говорит, что хорошо не родиться, «а родившись, как можно скорее пройти врата Аида». Если он говорит так по убеждению, то почему не уходит из жизни? Ведь это в его власти, если это было действительно им твердо решено. А если в шутку, то напрасно он говорит это среди людей, не принимающих его мнения.

Паскаль «Мысли». Вообразите, что перед вами множество людей в оковах, и все они приговорены к смерти, и каждый день кого-нибудь убивают на глазах у остальных, и те понимают, что им уготована такая же участь, и глядят друг на друга, полные скорби и безнадежности, и ждут своей очереди. Такова картина человеческого существования.

Анаксагор Смерть, которая кажется людям горькой, при более глубоком исследовании оказывается весьма прекрасной. Она доставляет покой старости, не имеющей вовсе сил, и юности, которую окружают скорби, и отроческому возрасту, чтобы он не мучился, не трудился, не строил, не насаживал и не приготавливал для других [возрастов]. Она освобождает должника от кредиторов, которые требуют капитала и процентов. Ибо мы не должны досадовать ни на что из того что установлено; ведь досада не может этого устранить, а более веселое настроение может скрыть [от нас] это, хотя бы на время. Ибо не тяготит более гавань, если ты в ней медлишь. И если она [смерть] представляется неприятной взору зрителя, то закрой на некоторое время свои глаза. И вот я увидел, как прекрасна смерть и достойна того, чтобы ее просили те, которые здесь терзаются и мучаются. А это свидетельствует о том, как покойна и прекрасна жизнь в преисподней».

Ле-Цзы «О чем же мне сожалеть?»

— Вы, уважаемый, в юности не пеклись о добронравном поведении, в зрелые годы не стремились к успеху, в преклонном возрасте не имеете ни жены, ни детей, а смерть ваша уже близка. Какое же счастье привалило вам в жизни, что вы поете, подбирая в поле колоски?

-- Причины для радости у меня такие же, как у всех людей, - ответил с улыбкой Линь Лэй. - Но люди так часто делают их причинами своих забот. В молодости я не радел о благонравном поведении, а в зрелые годы не стремился к успеху - вот почему я смог прожить так долго. В преклонном возрасте у меня не было ни жены, ни детей, а смерть моя уже близко - вот почему я могу радоваться жизни сейчас.

— Но человеку свойственно держаться за жизнь и бояться смерти. Отчего же дума о смерти вас радует?

— Смерть - это возвращение туда, откуда мы вышли, когда родились. Как же могу я знать, что, умерев сейчас здесь, я не буду рожден где-нибудь еще? Откуда мне знать, не является ли моя любовь к жизни заблуждением? Откуда мне знать, что моя смерть не будет лучше моей жизни?

Николай Федорович Федоров «Горизонтальное положение и вертикальное».

Действительно смерть может быть названа только тогда, когда никакими средствами восстановить жизнь невозможно или когда все средства, какие только существуют в природе, какие только могут быть открыты человеческим родом, были уже употреблены. Не нужно думать, чтобы мы надеялись на открытие какой-либо силы, специально для этого назначенной; мы полагаем, что обращение слепой силы природы в сознательную и есть это средство. Смертность есть индуктивный вывод; она значит, что мы сыны множества умерших отцов; но как бы ни было велико количество умерших, оно не может дать основание к безусловному признанию смерти, так как это было бы отречением от сыновнего долга, от сыновства. Смерть есть свойство, состояние, обусловленное причинами, но не качество, без коего человек перестает быть тем, что он есть и чем должен быть...

Таким образом, мы совершенно лишены способности, желательной для пессимистов, доказать действительность смерти, т. е. невозможность воскрешения. Смерть есть явление, внешнее для нас, а потому и может быть познаваема лишь индуктивно, тогда как воскрешение есть естественный всей природе нашей ответ на это чуждое нам явление...

Представим же себе, что мир, вдруг или не вдруг, осветился, сделался знаем во всех своих мельчайших частицах - не будет ли тогда для нас ясно, какие частицы были в минутной дружбе одна с другой, в каком доме или организме они гостили вместе или какого целого они составляли часть, принадлежность...

Радикальное разрешение санитарного вопроса состоит в возвращении разложенных частиц тем существам, коим они первоначально принадлежали; всякое другое решение этого вопроса не представляет полной гарантии безвредности частиц (молекул), подвергавшихся процессу смерти в целом ряде существ. Таким образом, вопрос санитарный, как и продовольственный, приводит нас ко всеобщему воскрешению.

Лев Платонович Карсавин «О личности». Про несовершенную личность нельзя сказать, что она есть, ни - что она не есть. Ее единство и покой несовершенны, неполны. Она не бытие и не небытие, а - нечто нелепое и непонятное, нечто среднее между бытием и небытием, полуживое-полумертвое. Она не знает смерти, «бессмертна», но не знает и жизни, «безжизненна». Было бы неправильно заключать отсюда, что она знает умирание и воскресение. Какое же это умирание, которое не доходит до смерти? какое же воскресение, когда не все умерло? а умершее не вполне воскресло? Умирание и воскресение несовершенной личности тоже ни «есть» ни «не есть», «ни то ни се». Это - умирание, которое никогда не кончается, и воскресение, которого хватает лишь на то, чтобы умирание не умерло. Это - дурная бесконечность умирания.

Как же, скажут нам, умирание не кончается, если всякое существо умирает и существует эмпирическая смерть? - В том-то и дело, что эмпирическая смерть, будучи актом несовершенной личности, сама не может быть совершенною, совершенным, т.е. полным прекращением личного существования. Эмпирическая смерть не перерыв личного существования, а только глубокий его надрыв, несовершенный предел, поставленный внутри дурной бесконечности умирания, между эмпирическим и метаэмпирическим бытием, «врата адовы», «верей адские». По-видимому, эмпирическая смерть - наибольшее приближение личности к небытию: до нее и после нее личность от небытия все более удаляется, и в этом вольное ее несовершенство. Так птица падает на водную поверхность, чтобы, едва задев ее крылом, снова подняться над ней.

Дурная бесконечность умирания не что иное, как недостижимый в вечном стремлении к нему и потому неодолимый предел разъединения и воссоединения личности. Это - ее «преимущественная разъединенность» и особого рода не извне, а изнутри утверждаемая «предельность». Несовершенная личность разъединена и разъединяется, но не может, ибо не хочет, разъединиться до конца, а бессмысленно вертится в кругу, как белка в колесе. Потому она не может преодолеть свою разъединенность и воссоединиться. Такая разъединенность, или предельность, личности и есть непонятным образом живущая смерть, смерть «вошедшая» в род человеческий и «жалящая». В совершенстве этой смерти нет, и по отношению к ней совершенство - «жизнь бессмертная». Вернее: в совершенстве эта смерть и ад, как истинное существо ее, побеждены. «Смерть, где твое жало? Ад, где твоя победа?»

Но чем можно победить несовершенную смерть? - Так как существо ее в том, что она каким-то образом живет, победа возможна лишь тогда, когда умирание личности - здесь ли, за гранью ли эмпирии - достигнет конца. Тогда дурная или «первая» смерть умрет сама собою, т.е. станет хорошою и «второю» - полным концом и полною определенностью личности, а тем самым и полным ее воскресением. Смерть побеждается лишь смертью, дурная - истинною. Но, если дурная смерть есть что-то, истинная смерть есть небытие того, что есть. В истинной смерти нет личности; но, так как личность выше бытия и небытия, она есть чрез истинную смерть.

Мигель де Унамуно «О трагическом чувстве жизни у людей и народов». Половая любовь это зародыш всякой другой любви. В любви и посредством нее мы ищем вечности, но на земле мы можем продолжить себя только при условии,

что умрем, отдадим свою жизнь другому. Простейшие, самые крохотные живые существа размножаются делением, распадаясь, переставая быть тем целым, которым были прежде.

Но истощенная в конце концов жизненная сила существа, размножающегося посредством такого деления, должна время от времени возобновлять источник жизни путем соединения двух ослабевающих индивидов, то есть посредством так называемого спяжения одноклеточных. Они соединяются, чтобы затем вновь, с еще большей энергией разъединиться. И всякий акт рождения есть некое - полное либо частичное - прекращение бытия того, что было, некое распадение целого, частичная смерть. Жить это значит отдавать себя, продолжать себя в другом, а продолжать себя в другом, отдавать себя - это значит умирать. Быть может, высшее наслаждение зачатия новой жизни - это не что иное, как предвкушение смерти, разбиение своего собственного жизненного ядра. Мы соединяемся с другим, но лишь для того, чтобы разъединиться; наше интимнейшее объятие - не что иное, как интимнейший разрыв. По сути своей сексуальное любовное наслаждение, родовой спазм, это ощущение воскресения, воскресения в другом, ведь только в других мы и можем воскреснуть, чтобы продолжить свое существование.

Несомненно, в основе любви, какой она предстает перед нами в своей первоначальной животной форме, в том неодолимом инстинкте, который заставляет самца и самку соединяться в каком-то неистовом порыве, есть что-то трагически разрушительное. Ведь именно то, что соединяет тела, в определенном отношении, разъединяет души: заключая объятия, двое столь же ненавидят друг друга, сколь и любят, а главное - они вступают в борьбу, борьбу за некоего третьего, еще не появившегося на свет.

Любовь - это борьба, и есть такие животные, у которых самец после соития с самкой, обращается с ней жестоко, а также такие, у которых самка пожирает самца после того, как он оплодотворит ее.

О любви говорят, что это взаимный эгоизм. Действительно, каждый из любовников стремится овладеть другим, а помогать посредством другого, в то же время не помышляя и не помня о нем, своего собственного увековечения, которое и является в данном случае целью, что это, если не алчность? И может быть, кто-то, чтобы увековечить себя и еще больше преуспеть в этом, станет хранить девство. И делать это он будет ради того, чтобы увековечить нечто более человеческое, нежели тело.

Ведь на земле любовники увековечивают не что иное, как скорбную плоть, боль, смерть. Любовь - сестра, дочь и в то же время мать смерти, которая приходится ей сестрою, матерью и дочерью. И потому в глубинах любви таится бездна вечного отчаяния, из которой пробиваются на свет надежда и утешение. Ибо из той плотской, примитивной любви, о которой я веду речь, из любви всякой плоти со всеми ее чувствами, из того, что является тем животным началом, из которого ведет свое происхождение человеческое общество, из этой любовной страсти возникает любовь духовная, любовь, сопряженная с болью и страданием.

Задания к семинару № 14 (РАЗДЕЛ 11 ФИЛОСОФИЯ ИСТОРИИ, Тема № 43)

№1. В чем сущность идеалистического понимания истории, по Гегелю? На какие периоды делится история?

Какова роль в истории всемирно-исторических личностей и всемирно-исторических народов?

Гегель «Философия истории». Субстанция материи находится вне ее, дух есть у себя бытие. Именно это есть свобода, потому что, если я являюсь зависимым, то отношу себя к чему-то другому, чем я не являюсь; я не могу быть без чего-то внешнего; я свободен тогда, когда я есть у самого себя. Это у себя бытие духа есть самосознание, сознание самого себя. В сознании следует различать две стороны: во-первых, что (dass) я знаю, и, во-вторых, что (was) я знаю. В самосознании обе эти стороны совпадают, потому что дух знает самого себя: он является рассмотрением (Beurtheilen) своей собственной природы и в то же время он является деятельностью, состоящею в том, что он возвращается к самому себе и таким образом сам себя производит, делает себя тем, что он есть в себе. После этого отвлеченного определения можно сказать о всемирной истории, что она является обнаружением духа в том виде, как он вырабатывает себе знание о том, что он есть в себе, и подобно тому как зародыш содержит в себе всю природу дерева, вкус, форму плодов, так и первые проявления духа виртуально содержат в себе всю историю. Восточные народы еще не знают, что дух или человек как таковой в себе свободен; так как они не знают этого, то они не свободны; они знают только, что один свободен, но именно поэтому такая свобода оказывается лишь произволом, дикостью, тупостью страсти, обуздыванием страсти, или же нежностью, которая сама оказывается лишь случайностью природы или произволом. Следовательно, этот один оказывается лишь деспотом, а не свободным человеком. Лишь у греков появилось сознание свободы, и поэтому они были свободны, но они, как и римляне, знали только, что некоторые свободны, а не человек как таковой; этого не знали даже Платон и Аристотель. Поэтому у греков не только были рабы, с которыми были связаны их жизнь и существование их прекрасной свободы, но и сама эта свобода отчасти являлась лишь случайным, недолговечным и ограниченным цветком, отчасти она вместе с тем была тяжким порабощением человеческого, гуманного начала. Лишь германские народы дошли в христианстве до сознания, что человек как таковой свободен, что свобода духа составляет самое основное свойство его природы; это сознание сперва появилось в религии, в сокровеннейшей сфере духа, но проведение этого принципа в мирских делах являлось дальнейшей задачей, разрешение и выполнение которой потребовали тяжелой продолжительной культурной работы. Например, рабство не прекратилось непосредственно по принятии христианской религии, в государствах не сразу стала господствовать свобода; правительство и государственное устройство не сразу организовались разумно, не сразу начали основываться на принципе свободы. Это применение принципа свободы к мирским делам, это внедрение и проникновение принципа свободы в мирские отношения является длительным процессом, который составляет самую историю. Я уже обращал внимание на это отличие принципа как такового от его применения, т. е. его проведения и осуществления в действительности духа и жизни; это различие является основным определением в нашей науке, и его следует постоянно иметь в виду. Это различие, на которое я здесь предварительно указал по отношению к христианскому принципу самосознания, свободы, имеет существенное значение и по отношению к принципу свободы вообще. Всемирная история есть прогресс в сознании свободы, - прогресс, который мы должны познать в его необходимости.

Из того, что было сказано в общей форме о различии знания о свободе, а именно, что восточные народы знали только, что один свободен, а греческий и римский мир знал, что некоторые свободны, мы же знаем, что свободны все люди в себе, т. е. человек свободен как человек, - вытекает как деление всемирной

истории, так и то, каким образом мы будем рассматривать ее... Сама в себе свобода включает в себе бесконечную необходимость осознать именно себя и тем самым становиться действительной, потому что по своему понятию она есть знание о себе, она является для себя целью, и притом единственной целью духа, которую она осуществляет. Эта конечная цель есть то, к чему направлялась работа, совершавшаяся во всемирной истории; ради нее приносились в течение долгого времени всевозможные жертвы на обширном алтаре земли. Одна лишь эта конечная цель осуществляет себя, лишь она остается постоянно при изменении всех событий и состояний, и она же является в них истинно деятельным началом. Эта конечная цель есть то, что бог имеет в виду в мире; но бог есть совершенство, и поэтому он не может желать ничего иного, кроме самого себя, своей собственной воли. Но то, в чем состоит природа его воли, т. е. его природа вообще, мы, выражая религиозные представления в мыслях, называем здесь идеей свободы. Теперь можно, следовательно, непосредственно поставить вопрос: какими средствами пользуется она для своего осуществления? Это и есть второй пункт, который здесь следует рассмотреть.

Постановка этого вопроса о средствах, благодаря которым свобода осуществляет себя в мире, приводит нас к самому историческому явлению. Если свобода как таковая прежде всего есть внутреннее понятие, то средства, наоборот, оказываются чем-то внешним, тем, что является, что непосредственно бросается в глаза и обнаруживается в истории. Ближайшее рассмотрение истории убеждает нас в том, что действия людей вытекают из их потребностей, их страстей, их интересов, их характеров и способностей и притом таким образом, что побудительными мотивами в этой драме являются лишь эти потребности, страсти, интересы и лишь они играют главную роль. Конечно, там можно найти и общие цели, желание добра, благородную любовь к отечеству; но эти добродетели и это всеобщее играют ничтожную роль в отношении к миру и к тому, что в нем творится...

Наоборот, страсти, своекорыстные цели, удовлетворение эгоизма имеют наибольшую силу; сила их заключается в том, что они не признают никаких пределов, которые право и моральность стремятся установить для них, и в том, что эти силы природы непосредственно ближе к человеку, чем искусственное и продолжительное воспитание, благодаря которому человек приучается к порядку и к умеренности, к соблюдению права и к моральности...

Итак, мы утверждаем, что вообще ничто не осуществлялось без интереса тех, которые участвовали своей деятельностью, и так как мы называем интерес страстью, поскольку индивидуальность, отодвигая на задний план все другие интересы и цели, которые также имеются и могут быть у этой индивидуальности, целиком отдается предмету, сосредоточивает на этой цели все свои силы и потребности, - то мы должны вообще сказать, что ничто великое в мире не совершалось без страсти...

Но всемирная история не начинается с какой-нибудь сознательной цели, как это бывает у отдельных групп людей. Сознательной целью простого стремления их к совместной жизни является уже обеспечение безопасности их жизни и собственности, а когда осуществляется эта совместная жизнь, эта цель расширяется. Всемирная история начинается со своею общою целью, заключающейся в том, чтобы понятие духа удовлетворялось лишь в себе, т. е. как природа. Этой целью является внутреннее, сокровеннейшее, бессознательное стремление, и все дело всемирной истории заключается, как уже было упомянуто, в том, чтобы сделать это стремление сознательным. Таким образом, то, что было названо субъективной стороной, - потребность, стремление, страсть, частный интерес, проявляясь в форме естественного состояния, естественной воли,

тотчас оказываются налицо сами для себя, подобно мнению и субъективному представлению. Эта неизмеримая масса желаний, интересов и деятельностей является орудием и средством мирового духа, для того чтобы достигнуть его цели, сделать ее сознательной и осуществить ее; и эта цель состоит лишь в том, чтобы найти себя, прийти к себе и созерцать себя как действительность. Но то положение, что живые индивидуумы и народы, ища и добиваясь своего, в то же время оказываются средствами и орудиями чего-то более высокого и далекого, о чем они ничего не знают и что они бессознательно исполняют, могло представляться и представлялось сомнительным, много раз оспаривалось и вызывало насмешки и пренебрежение как пустая фантазия и философия. Но я с самого начала высказался относительно этого и отстаивал наше предположение (которое, однако, должно было лишь в конце вытекать как результат) и нашу веру в то, что разум правит миром и что таким образом он господствовал и во всемирной истории...

Во всемирной истории благодаря действиям людей вообще получаются еще и несколько иные результаты, чем те, к которым они стремятся и которых они достигают, чем те результаты, о которых они непосредственно знают и которых они желают; они добиваются удовлетворения своих интересов, но благодаря этому осуществляется еще и нечто дальнейшее, нечто такое, что скрыто содержится в них, но не сознавалось ими и не входило в их намерения. Как на подходящий пример можно указать на действия человека, который из мести, может быть справедливой, т. е. за несправедливо нанесенную ему обиду, поджигает дом другого человека. Уже при этом обнаруживается связь непосредственного действия с дальнейшими обстоятельствами, которые, однако, сами являются внешними и не входят в состав вышеупомянутого действия, поскольку оно берется само по себе в его непосредственности. Это действие как таковое состоит, может быть, в поднесении огонька к небольшой части бревна. То, что еще не было сделано благодаря этому, делается далее само собой: загоревшаяся часть бревна сообщается с его другими частями, бревно - со всеми балками дома, а этот дом - с другими домами, и возникает большой пожар, уничтожающий имущество не только тех лиц, против которых была направлена месть, но и многих других людей, причем пожар может даже стоить жизни многим людям. Это не заключалось в общем действии и не входило в намерения того, кто начал его...

В этом примере следует обратить внимание именно только на то, что в непосредственном действии может заключаться нечто, выходящее за пределы того, что содержалось в воле и в сознании виновника. Однако, кроме того, этот пример свидетельствует еще и о том, что субстанция действия, а следовательно и самое действие вообще, обращается против того, кто совершил его; оно становится по отношению к нему обратным ударом, который сокрушает его...

Великие исторические отношения имеют другой характер. Именно здесь возникают великие столкновения между существующими, признанными обязанностями, законами и правами и между возможностями, которые противоположны этой системе, нарушают ее и даже разрушают ее основу и действительность, а в то же время имеют такое содержание, которое также может казаться хорошим, в общем полезным, существенным и необходимым. Теперь эти возможности становятся историческими; они заключают в себе некоторое всеобщее иного рода, чем то всеобщее, которое составляет основу в существовании народа или государства. Это всеобщее является моментом творческой идеи, моментом стремящейся к себе самой и вызывающей движение истины. Историческими людьми, всемирно-историческими личностями являются те, в целях которых содержится такое всеобщее.

К числу таких людей принадлежит Цезарь, которому грозила опасность быть побежденным теми, которые готовились стать его врагами, и лишиться достигнутого им положения, занимая которое, он был если не выше других лиц, стоявших во главе государства, то по крайней мере равен им. На стороне этих врагов Цезаря, которые вместе с тем преследовали свои личные цели, были формальная конституция и сила юридических формальностей. Цезарь боролся в своих интересах, чтобы сохранить свое положение, честь и безопасность, и его победа над врагами означала вместе с тем завоевание целого государства, так как их могущество состояло в господстве над провинциями римского государства; таким образом он, сохранив форму конституции, стал единоличным властелином в государстве. Но то, что ему таким образом принесло осуществление его прежде всего отрицательной цели, а именно единоличная власть над Римом, оказалось вместе с тем само по себе необходимым определением в римской и всемирной истории, оно явилось, таким образом, не только его личным достижением, но инстинктом, который осуществил то, что в себе и для себя было своевременным. Таковы великие люди в истории, личные частные цели которых содержат в себе тот субстанциальный элемент, который составляет волю мирового духа. Их следует называть героями, поскольку они черпали свои цели и свое призвание не просто из спокойного, упорядоченного, освященного существующею системою хода вещей, а из источника, содержание которого было скрыто и не доразвилось до наличного бытия; из внутреннего духа, который еще находится под землей и стучится во внешний мир, как в скорлупу, разбивая ее, так как этот дух является иным ядром, а не ядром, заключенным в этой оболочке. Поэтому кажется, что герои творят сами из себя и что их действия создали такое состояние и такие отношения в мире, которые являются лишь их делом и их созданием.

Такие лица, преследуя свои цели, не сознавали идеи вообще; но они являлись практическими и политическими деятелями. Но в то же время они были и мыслящими людьми, понимавшими то, что нужно и что своевременно. Именно это является правдой их времени и их мира, так сказать, ближайшим родом, который уже находился внутри. Их дело было знать это всеобщее, необходимую ближайшую ступень в развитии их мира, сделать ее своей целью и вложить в ее осуществление свою энергию. Поэтому всемирно-исторических людей, героев какой-нибудь эпохи, следует признать проникательными людьми; их действия, их речи - лучшее в данное время. Великие люди желали доставить удовлетворение себе, а не другим. Те благонамеренные планы и советы, которые им могли бы дать другие, явились бы скорее ограниченными и ложными, потому что именно великие люди и являлись теми, которые всего лучше понимали суть дела и от которых затем все усваивали себе это их понимание и одобряли его или по крайней мере примирялись с ним. Ведь далее подвинувшийся в своем развитии дух является внутренней, но бессознательной душой всех индивидуумов, которая становится у них сознательной благодаря великим людям. Другие идут за этими духовными руководителями именно потому, что чувствуют непреодолимую силу их собственного внутреннего духа, который противостоит им. Далее, если мы бросим взгляд на судьбу этих всемирно-исторических личностей, призвание которых заключалось в том, чтобы быть доверенными лицами всемирного духа, оказывается, что эта судьба не была счастлива. Они появлялись не для спокойного наслаждения, вся их жизнь являлась тяжелым трудом, вся их натура выражалась в их страсти. Когда цель достигнута, они отпадают, как пустая оболочка зерна. Они рано умирают, как Александр, их убивают, как Цезаря, или их ссылают, как Наполеона на остров св. Елены...

Всемирно-исторической личности не свойственна трезвенность, выражающаяся в желании того и другого; она не принимает многого в расчет, но

всецело отдается одной цели. Случается также, что такие личности обнаруживают легкомысленное отношение к другим великим и даже священным интересам, и, конечно, подобное поведение подлежит моральному осуждению. Но такая великая личность бывает вынуждена растоптать иной невинный цветок, сокрушить многое на своем пути.

Итак, частный интерес страсти неразрывно связан с обнаружением всеобщего, потому что всеобщее является результатом частных и определенных интересов и их отрицания. Частные интересы вступают в борьбу между собой, и некоторые из них оказываются совершенно несостоятельными. Не всеобщая идея противопоставляется чему-либо и борется с чем-либо; не она подвергается опасности; она остается недостижимой и невредимой на заднем плане. Можно назвать хитростью разума то, что он заставляет действовать для себя страсти, причем то, что осуществляется при их посредстве, терпит ущерб и вред. Ибо речь идет о явлении, часть которого ничтожна, а часть положительна. Частное в большинстве случаев слишком мелко по сравнению со всеобщим: индивидуумы приносятся в жертву и обрекаются на гибель. Идея уплачивает дань наличного бытия и бренности не из себя, а из страстей индивидуумов.

С годами вообще люди становятся мягче; молодежь всегда бывает недовольна; у пожилых людей зрелость суждения способствует тому, что они не только благодаря отсутствию интересов примиряются и с дурным, но, усвоив себе более глубокие взгляды под влиянием серьезных уроков жизни, они обращают внимание на субстанциальное, положительное существо дела. Философия же должна, в противоположность вышеупомянутым идеалам, способствовать пониманию того, что действительный мир таков, каким он должен быть, что истинное добро, всеобщий божественный разум, является и силою, способною осуществлять себя. Это добро, этот разум в его конкретнейшем представлении есть бог. Бог правит миром; содержание его правления, осуществление его плана есть всемирная история. Философия хочет понять этот план, потому что только то, что из него осуществлено, действительно; то, что не соответствует ему, представляет собою лишь гнилое существование. Пред чистым светом этой божественной идеи, которая не является только идеалом, исчезает иллюзия, будто мир есть безумный, нелепый процесс. Философия стремится познать содержание, действительность божественной идеи и оправдать презираемую действительность. Ведь разум есть познание божественного творения...

Но вообще следует заметить, что существует и нечто высшее по сравнению с тем, что имеет в мире право на существование, как нечто благородное и прекрасное. Право мирового духа выше всех частных прав...

Дух по существу есть результат своей деятельности: его деятельность есть выход за непосредственность, отрицание ее и возвращение в себя. Мы можем сравнить его с семенем: ведь с него начинается растение; но и оно есть результат всей жизни растения. Но бессилие жизни проявляется и в том, что начало и результат не совпадают; то же наблюдается и в жизни индивидуумов и народов. Жизнь народа ведет к созреванию плода, так как его деятельность клонится к тому, чтобы осуществить его принцип. Однако этот плод не падает обратно в недра того народа, который его породил и дал ему созреть, наоборот, он становится для него горьким напитком. Он не может отказаться от него, потому что он бесконечно жаждет его, однако отведывание напитка есть его гибель, но в то же время и появление нового принципа.

Мы дали выше разъяснения относительно конечной цели этого движения вперед. Принципы духов народов в необходимом преемстве сами являются лишь моментами единого всеобщего духа, который через них возвышается и завершается в истории, постигая себя и становясь всеобъемлющим.

№2. В чем заключается основная идея материалистического понимания истории? Насколько она, по вашему мнению, верна? Какие способы производства выделяет Карл Маркс? Какой способ производства у нас в стране?

Карл Маркс «К критике политической экономии». В общественном производстве своей жизни люди вступают в определенные, необходимые, от их воли не зависящие отношения - производственные отношения, которые соответствуют определенной ступени развития их материальных производительных сил. Совокупность этих производственных отношений составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания. Способ производства материальной жизни обуславливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще. Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание. На известной ступени своего развития материальные производительные силы общества приходят в противоречие с существующими производственными отношениями, или - что является только юридическим выражением последних - с отношениями собственности, внутри которых они до сих пор развивались. Из форм развития производительных сил эти отношения превращаются в их оковы. Тогда наступает эпоха социальной революции. С изменением экономической основы более или менее быстро происходит переворот во всей громадной надстройке. При рассмотрении таких переворотов необходимо всегда отличать материальный, с естественнонаучной точностью констатируемый переворот в экономических условиях производства от юридических, политических, религиозных, художественных или философских, короче - от идеологических форм, в которых люди осознают этот конфликт и борются за его разрешение. Как об отдельном человеке нельзя судить на основании того, что сам он о себе думает, точно так же нельзя судить о подобной эпохе переворота по ее сознанию. Наоборот, это сознание надо объяснить из противоречий материальной жизни, из существующего конфликта между общественными производительными силами и производственными отношениями. Ни одна общественная формация не погибает раньше, чем разовьются все производительные силы, для которых она дает достаточно простора, и новые более высокие производственные отношения никогда не появляются раньше, чем созреют материальные условия их существования в недрах самого старого общества. Поэтому человечество ставит себе всегда только такие задачи, которые оно может разрешить, так как при ближайшем рассмотрении всегда оказывается, что сама задача возникает лишь тогда, когда материальные условия ее решения уже имеются налицо, или, по крайней мере, находятся в процессе становления. В общих чертах, азиатский, античный, феодальный и современный, буржуазный, способы производства можно обозначить, как прогрессивные эпохи экономической общественной формации. Буржуазные производственные отношения являются последней антагонистической формой общественного процесса производства, антагонистической не в смысле индивидуального антагонизма, а в смысле антагонизма, вырастающего из общественных условий жизни индивидуумов; но развивающиеся в недрах буржуазного общества производительные силы создают вместе с тем материальные условия для разрешения этого антагонизма. Поэтому буржуазной общественной формацией завершается предыстория человеческого общества...

Карл Маркс, Фридрих Энгельс «Немецкая идеология». Люди должны иметь возможность жить, чтобы быть в состоянии «делать историю». Но для жизни нужны прежде всего пища и питье, жилище, одежда и еще кое-что. Итак, первый исторический акт, это - производство средств, необходимых для удовлетворения этих потребностей, производство самой материальной жизни. Притом это такое историческое дело, такое основное условие всякой истории, которое (ныне так же, как и тысячи лет тому назад) должно выполняться ежедневно и ежечасно - уже для одного того, чтобы люди могли жить...

Людей можно отличать от животных по сознанию, по религии - вообще по чему угодно. Сами они начинают отличать себя от животных, как только начинают производить необходимые им жизненные средства - шаг, который обусловлен их телесной организацией. Производя необходимые им жизненные средства, люди косвенным образом производят и саму свою материальную жизнь. Способ, каким люди производят необходимые им жизненные средства, зависит прежде всего от свойств самих жизненных средств, находимых ими в готовом виде и подлежащих воспроизведению.

Этот способ производства надо рассматривать не только с той стороны, что он является воспроизводством физического существования индивидов. В еще большей степени это - определенный способ деятельности данных индивидов, определенный вид их жизнедеятельности, их определенный образ жизни. Какова жизнедеятельность индивидов, таковы и они сами. То, что они собой представляют, совпадает, следовательно, с их производством - совпадает как с тем, что они производят, так и с тем, как они производят. Что представляют собой индивиды - это зависит, следовательно, от материальных условий их производства. Это производство начинается впервые с ростом населения. Само оно опять-таки предполагает общение [Verkehr] индивидов между собой. Форма этого общения, в свою очередь, обуславливается производством...

Итак, дело обстоит следующим образом: определенные индивиды, определенным образом занимающиеся производственной деятельностью, вступают в определенные общественные и политические отношения. Эмпирическое наблюдение должно в каждом отдельном случае - на опыте и без всякой мистификации и спекуляции - выявить связь общественной и политической структуры с производством. Общественная структура и государство постоянно возникают из жизненного процесса определенных индивидов - не таких, какими они могут казаться в собственном или чужом представлении, а таких, каковы они в действительности, т. е. как они действуют, материально производят и, следовательно, как они действительно проявляют себя при наличии определенных материальных, не зависящих от их произвола границ, предпосылок и условий. Производство идей, представлений, сознания первоначально непосредственно вплетено в материальную деятельность и в материальное общение людей, в язык реальной жизни. Образование представлений, мышление, духовное общение людей являются здесь еще непосредственным порождением их материальных действий. То же самое относится к духовному производству, как оно проявляется в языке политики, законов, морали, религии, метафизики и т. д. того или другого народа. Люди являются производителями своих представлений, идей и т. д., но речь идет о действительных, действующих людях, обусловленных определенным развитием их производительных сил и соответствующим этому развитию общением, вплоть до его отдаленнейших форм. Сознание [das Bewusstsein] никогда не может быть чем-либо иным, как осознанным бытием [das bewusste Sein], а бытие людей есть реальный процесс их жизни. Если во всей идеологии люди и их отношения оказываются поставленными на голову, словно в камере-обсуре, то это явление точно так же происходит из исторического процесса их

жизни, как обратное изображение предметов на сетчатке глаза проистекает из непосредственно физического процесса их жизни.

В прямую противоположность немецкой философии, спускающейся с неба на землю, мы здесь поднимаемся с земли на небо, т. е. мы исходим не из того, что люди говорят, воображают, представляют себе, - мы исходим также не из существующих только на словах, мыслимых, воображаемых, представляемых людей, чтобы от них прийти к подлинным людям; для нас исходной точкой являются действительно деятельные люди, и из их действительного жизненного процесса мы выводим также и развитие идеологических отражений и отзвуков этого жизненного процесса. Даже туманные образования в мозгу людей, и те являются необходимыми продуктами, своего рода испарениями их материального жизненного процесса, который может быть установлен эмпирически и который связан с материальными предпосылками. Таким образом, мораль, религия, метафизика и прочие виды идеологии и соответствующие им формы сознания утрачивают видимость самостоятельности. У них нет истории, у них нет развития: люди, развивающие свое материальное производство и свое материальное общение, изменяют вместе с этой своей действительностью также свое мышление и продукты своего мышления. Не сознание определяет жизнь, а жизнь определяет сознание. При первом способе рассмотрения исходят из сознания, как если бы оно было живым индивидом; при втором, соответствующем действительной жизни, исходят из самих действительных живых индивидов и рассматривают сознание только как их сознание...

Эта концепция показывает, что история не растворяется в «самосознании», как «дух от духа», а что каждая её ступень застаёт в наличии определённый материальный результат, определённую сумму производительных сил, исторически создавшееся отношение людей к природе и друг к другу, застаёт передаваемую каждому последующему поколению предшествующим ему поколением массу производительных сил, капиталов и обстоятельств, которые, хотя, с одной стороны, и видоизменяются новым поколением, но, с другой стороны, предписывают ему его собственные условия жизни и придают ему определённое развитие, особый характер. Эта концепция показывает, таким образом, что обстоятельства в такой же мере творят людей, в какой люди творят обстоятельства...

Карл Маркс «Нищета философии». Предположим вместе с г-ном Прудоном, что действительная история, история, соответствующая порядку времен, представляет собой ту историческую последовательность, в которой проявлялись идеи, категории, принципы.

Каждый принцип имел особый век для своего проявления. Так, например, принципу авторитета соответствовал XI век, принципу индивидуализма - XVIII век. Переходя от следствия к следствию, мы должны будем сказать, что не принцип принадлежал веку, а век принципу. Другими словами, не история создавала принцип, а принцип создавал историю. Но если, - чтобы спасти как принципы, так и историю, - мы спросим себя, далее, почему же данный принцип проявлялся в XI или в XVIII, а не в каком-нибудь другом веке, то мы неизбежно будем вынуждены тщательно исследовать, каковы были люди в XI веке, каковы они были в XVIII веке, каковы были в каждом из этих столетий потребности людей, их производительные силы, их способ производства, применявшееся в их производстве сырьё; каковы, наконец, были те отношения человека к человеку, которые вытекали из всех этих условий существования. Разве изучать все эти вопросы не значит заниматься действительной земной историей людей каждого столетия, изображать этих людей в одно и то же время как авторов и как действующих лиц их собственной драмы? Но раз вы изображаете людей как

действующих лиц и авторов их собственной истории, то вы приходите окольным путем к истинной точке отправления, потому что вы покидаете вечные принципы, от которых вы отправлялись вначале...

С самого начала цивилизации производство начинает базироваться на антагонизме рангов, сословий, классов, наконец, на антагонизме труда накопленного и труда непосредственного. Без антагонизма нет прогресса. Таков закон, которому цивилизация подчинялась до наших дней. До настоящего времени производительные силы развивались благодаря этому режиму антагонизма классов....

Именно дурная сторона, порождая борьбу, создает движение, которое образует историю...

Таким образом, чтобы правильно судить о феодальном производстве, нужно рассматривать его как способ производства, основанный на антагонизме. Нужно показать, как в рамках этого антагонизма создавалось богатство, как одновременно с антагонизмом классов развивались производительные силы, как один из классов, представлявший собой дурную, отрицательную сторону общества, неуклонно рос до тех пор, пока не созрели, наконец, материальные условия его освобождения. Разве это не означает, что способ производства, те отношения, в рамках которых развиваются производительные силы, менее всего являются вечными законами, а соответствуют определенному уровню развития людей и их производительных сил, и что всякое изменение производительных сил людей необходимо ведет за собой изменение в их производственных отношениях. Так как важнее всего не лишиться плодов цивилизации - приобретенных производительных сил, то надо разбить те традиционные формы, в которых они были произведены. С этого момента прежний революционный класс становится консервативным.

Буржуазия начинает свое историческое развитие с таким пролетариатом, который, в свою очередь, является остатком пролетариата феодальных времен. В ходе своего исторического развития буржуазия неизбежно развивает свой антагонистический характер, который вначале более или менее замаскирован, существует лишь в скрытом состоянии. По мере развития буржуазии в недрах ее развивается новый пролетариат, современный пролетариат; между классом пролетариев и классом буржуазии разворачивается борьба, которая, прежде чем обе стороны ее почувствовали, заметили, оценили, поняли, признали и открыто провозгласили, проявляется на первых порах лишь в частичных и кратковременных конфликтах, в отдельных актах разрушения. С другой стороны, если все члены современной буржуазии имеют один и тот же интерес, поскольку они образуют один класс, противостоящий другому классу, то интересы их противоположны, антагонистичны, поскольку они противостоят друг другу. Эта противоположность интересов вытекает из экономических условий их буржуазной жизни. Таким образом, с каждым днем становится все более и более очевидным, что характер тех производственных отношений, в рамках которых совершается движение буржуазии, отличается двойственностью, а вовсе не единством и простотой; что в рамках тех же самых отношений, в которых производится богатство, производится также и нищета; что в рамках тех же самых отношений, в которых совершается развитие производительных сил, развивается также и сила, производящая угнетение; что эти отношения создают буржуазное богатство, т. е. богатство класса буржуазии, лишь при условии непрерывного уничтожения богатства отдельных членов этого класса и образования постоянно растущего пролетариата...

Фридрих Энгельс «Письмо Энгельс – Блоху, 21 сентября 1890 г.». Согласно материалистическому пониманию истории в историческом процессе

определяющим моментом в конечном счете является производство и воспроизводство действительной жизни. Ни я, ни Маркс большего никогда не утверждали. Если же кто-нибудь искажает это положение в том смысле, что экономический момент является будто единственно определяющим моментом, то он превращает это утверждение в ничего не говорящую, абстрактную, бессмысленную фразу. Экономическое положение – это базис, но на ход исторической борьбы также оказывают влияние и во многих случаях определяют преимущественно форму ее различные моменты надстройки: политические формы классовой борьбы и ее результаты – государственный строй, установленный победившим классом после выигранного сражения, и т. п., правовые формы и даже отражение всех этих действительных битв в мозгу участников, политические, юридические, философские теории, религиозные воззрения и их дальнейшее развитие в систему догм. Существует взаимодействие всех этих моментов, в котором экономическое движение как необходимое в конечном счете прокладывает себе дорогу сквозь бесконечное множество случайностей (то есть вещей и событий, внутренняя связь которых настолько отдалена или настолько трудно доказуема, что мы можем пренебречь ею, считать, что ее не существует). В противном случае применять теорию к любому историческому периоду было бы легче, чем решать простое уравнение первой степени.

Мы делаем нашу историю сами, но, во-первых, мы делаем ее при весьма определенных предпосылках и условиях. Среди них экономические являются в конечном счете решающими. Но и политические и т. п. условия, даже традиции, живущие в головах людей, играют известную роль, хотя и не решающую...

Во-вторых, история делается таким образом, что конечный результат всегда получается от столкновения множества отдельных волей, причем каждая из этих волей становится тем, что она есть, опять-таки благодаря массе особых жизненных обстоятельств. Таким образом, имеется бесконечное количество перекрещивающихся сил, бесконечная группа параллелограммов сил, и из этого перекрещивания выходит одна равнодействующая – историческое событие. Этот результат можно опять-таки рассматривать как продукт одной силы, действующей как целое, бессознательно и безвольно. Ведь то, чего хочет один, встречает противодействие со стороны всякого другого, и в конечном результате появляется нечто такое, чего никто не хотел. Таким образом, история, как она шла до сих пор, протекает подобно природному процессу и подчинена, в сущности, тем же самым законам движения. Но из того обстоятельства, что воли отдельных людей, каждый из которых хочет того, к чему его влечет физическая конституция и внешние, в конечном счете экономические, обстоятельства (или его собственные, личные, или общесоциальные), что эти воли достигают не того, чего они хотят, но сливаются в нечто среднее, в одну общую равнодействующую, – из этого все же не следует заключать, что эти воли равны нулю. Наоборот, каждая воля участвует в равнодействующей и постольку включена в нее...

Люди сами делают свою историю, но до сих пор они делали ее, не руководствуясь общей волей, по единому общему плану, и даже не в рамках определенным образом ограниченного, данного общества. Их стремления перекрещиваются, и во всех таких обществах господствует поэтому необходимость, дополнением и формой проявления которой является случайность. Необходимость, пробивающаяся здесь сквозь все случайности, – опять-таки, в конечном счете, экономическая. Здесь мы подходим к вопросу о так называемых великих людях. То обстоятельство, что такой и именно вот этот великий человек появляется в определенное время в данной стране, конечно, есть чистая случайность. Но если этого человека устранить, то появляется спрос

на его замену, и такая замена находится – более или менее удачная, но с течением времени находится. Что Наполеон, именно этот корсиканец, был тем военным диктатором, который стал необходим Французской республике, истощенной войной, – это было случайностью. Но если бы Наполеона не было, то роль его выполнил бы другой. Это доказывается тем, что всегда, когда такой человек был нужен, он находился: Цезарь, Август, Кромвель и т.д. Если материалистическое понимание истории открыл Маркс, то Тьерри, Минье, Гизо, все английские историки до 1850 г. служат доказательством того, что дело шло к этому, а открытие того же самого понимания Морганом показывает, что время для этого созрело, и это открытие должно было быть сделано.

Точно так же обстоит дело со всеми другими случайностями и кажущимися случайностями в истории. Чем дальше удаляется от экономической та область, которую мы исследуем, чем больше она приближается к чисто абстрактно-идеологической, тем больше будем мы находить в ее развитии случайностей, тем более зигзагообразной является ее кривая. Если Вы начертите среднюю ось кривой, то найдете, что чем длиннее изучаемый период, чем шире изучаемая область, тем более приближается эта ось к оси экономического развития, тем более параллельно ей она идет.

№3. Что такое метаистория? С каким типом времени она связана? На какую теорию бытия опирается концепция метаистории?

Сергей Николаевич Булгаков «Апокалиптика и социализм». Апокалипсис по своей задаче отнюдь не представляет собой социологического обобщения и символического изображения хода исторических событий, как они доступны нашему опыту. Апокалипсис не есть ни социология, ни философия истории в смысле обобщенного и символизированного в понятиях изображения исторических событий, как это можно сказать про большинство иудейских апокалипсисов. Предмет Апокалипсиса есть метаистория, нуменальная сторона того универсального процесса, который одной из своих сторон открывается для нас как история. Это - историческая онтология, в которой раскрывается внутренний механизм мирового и исторического процесса. Апокалипсис есть откровение не столько о будущем, сколько о подлинно существующем во вневременных глубинах бытия и соответственно созреванию раскрывающемся в истории. Откровение нужно не только для проникновения в будущее, но и для проникновения через кору феноменов в область нуменов. События Апокалипсиса подготовляются и разворачиваются в двух мирах, на небе и на земле, в мире сил духовных и в человеческой истории, причем почти непроницаемая перегородка, разделяющая для нас в теперешнем состоянии оба мира, не существует для тайновидца, прозирающего за этими событиями порождающие их духовные силы. В центре внимания при этом изображении остаются судьбы Церкви, и притом не в земной только истории, но и за ее пределами. Эта метэмпирическая мировая трагедия выражена символами, нередко заимствованными из ходячего апокалиптического лексикона, и по характеру предмета они и не могут быть нами поняты до конца, но лишь намекают на стоящее за ними содержание, которое усвоится не только соответственно историческому возрасту эпохи, но и личному религиозному возрасту. Ибо эти же духовные силы, раздирающие мир своим противоборством, опознаются и в личном религиозном опыте, и в этом смысле можно сказать, что и индивидуальная душа имеет свой личный Апокалипсис.

Задания к семинару № 15 (РАЗДЕЛ 12 СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ, [Темы № 44, 45, 46, 47, 48, 49](#))

№1. Определите, какие высказывания принадлежат индивидуалисту, а какие – коллективисту. Обоснуйте Ваш ответ.

1. Маргарет Тэтчер. Нет такой вещи как общество. Существуют отдельные мужчины и женщины и существуют семьи.

2. Николай Александрович Бердяев. Нация не есть эмпирическое явление того или иного отрывка исторического времени. Нация есть мистический организм, мистическая личность, ноумен, а не феномен исторического процесса. Нация не есть живущее поколение, не есть и сумма всех поколений. Нация не есть слагаемое, она есть нечто изначальное, вечно живой субъект исторического процесса, в ней живут и пребывают все прошлые поколения, не менее, чем поколения современные. Нация имеет онтологическое ядро. Национальное бытие побеждает время.

3. Карл Поппер. «Поведение» и «действия» таких коллективов, как государства или социальные группы, должны быть сведены к поведению и действиям отдельных людей.

4. Макс Штирнер. Наши общества и государства существуют без того, чтобы их создавали, они объединены без нашего объединения, они предустановлены и существуют, имеют свое особое независимое существование и представляют по отношению к эгоистам, нерушимое, нерасторжимое сущее...

Государство существует и без моего содействия: я рождаюсь и воспитываюсь в нем, исполняю возложенные им обязательства и должен «читать» его. Оно берет меня под свое «милостивое покровительство», и я живу его «милостью». Таким образом, самостоятельное бытие государства утверждает мою несамостоятельность; его «самобытность», его организм требуют, чтобы моя натура не развивалась свободно, а перекраивалась по его мерке. Для того, чтобы могло самобытно развиваться, оно подрезает меня ножницами «культуры», оно дает мне воспитание и образование, соответствующее лишь его целям, а не моим, и оно поучает меня, например, уважать законы, воздерживаться от покушения на государственную (то есть частную) собственность, почитать божественную и земную верховность и т.д., словом - оно учит меня, как оставаться ненаказанным, «жертвую» своим своеобразием ради «святыни» (свято самое разнообразное, например, собственность, жизнь других и т.д.). В этом и состоит тот вид культуры и образования, который государство в состоянии мне дать; оно воспитывает меня, как «пригодное орудие», вырабатывает из меня «пригодного члена общества».

Так должно поступать всякое государство - демократическое, абсолютное или конституционное. И оно должно поступать именно так до тех пор, пока мы будем пребывать во власти того ложного представления, что государство - некое я, в качестве которого оно и именует себя «моральным, мистическим или государственным лицом». Эту львиную личину «я» и должен я, как реальное я, сорвать с возгордившегося осла.

5. Эмиль Дюркгейм. Говорят, что общество - ничто вне составляющих его индивидов; они составляют все реальное, что в нем есть. Как же наука об обществах может отличаться от науки об индивидах, т. е. от психологии?

Если рассуждать подобным образом, то можно с таким же успехом доказывать, что биология - это лишь раздел физики и химии, так как живая клетка состоит исключительно из атомов углерода, азота и т. д., которые изучают физико-химические науки. Но это значит забывать, что целое очень часто

обладает свойствами, весьма отличными от тех, которыми обладают составляющие его части. Хотя в клетке имеются только минеральные вещества, последние, комбинируясь определенным образом, порождают свойства, которых у них нет, когда они так не скомбинированы, и которые характерны для жизни (способности питаться и размножаться); они образуют, стало быть, благодаря факту их синтеза, реальность совершенно нового рода, реальность жизни, которая составляет объект биологии. Точно так же и индивидуальные сознания, ассоциируясь устойчивым образом, порождают, благодаря сложившимся между ними отношениями, новую жизнь, весьма отличную от той, которая была бы, если бы они оставались изолированными друг от друга; это социальная жизнь. Религиозные институты и верования, политические, юридические, моральные, экономические институты - словом, все, что образует цивилизацию, не существовало бы, если бы не было общества.

В самом деле, цивилизация предполагает сотрудничество не только всех членов одного и того же общества, но и всех обществ, которые находятся в контакте между собой. Кроме того, она возможна только в том случае, если результаты, достигнутые одним поколением, передаются следующему поколению, так чтобы они могли приобщаться к тем результатам, которых достигло последнее. Но для этого нужно, чтобы следующие друг за другом поколения, по мере того как они достигают зрелого возраста, не отделялись друг от друга, а оставались в тесном контакте, т. е. ассоциировались постоянным образом. Отсюда обширная совокупность явлений, существующих только потому, что существуют человеческие ассоциации; и эти явления изменяются сообразно тому, каковы эти ассоциации, каким образом они организованы. Находя свое непосредственное объяснение в природе не индивидов, а обществ, эти явления образуют, стало быть, предмет новой науки, отличной от индивидуальной психологии, хотя и связанной с последней; это социология.

6. Герберт Спенсер. Мы имеем полное право смотреть на общество как на особое бытие; ибо хотя оно и складывается из отдельных единиц, однако же постоянное сохранение в течение целых поколений и даже веков известного общего сходства в группировке этих единиц в пределах занимаемой каждым обществом местности указывает на известную конкретность составляемого ими агрегата. И именно эта черта и доставляет нам нашу идею об обществе...

Постоянные отношения между частями общества аналогичны постоянным отношениям между частями живого существа.

7. Антуан де Сент-Экзюпери. Моя духовная культура основана на культе Человека в отдельной личности. Веками она стремилась показать Человека, подобно тому как она учила бы видеть собор в гряде камней. Она проповедовала Человека, который превосходит отдельную личность...

Потому что Человек моей духовной культуры не определяется отдельными людьми. Напротив, люди определяются им. В нем, как и в любой Сущности, есть нечто такое, чего не могут объяснить составляющие ее элементы. Собор есть нечто совсем иное, нежели просто нагромождение камней. Собор - это геометрия и архитектура. Не камни определяют собор, а, напротив, собор обогащает камни своим особым смыслом. Его камни облагорожены тем, что они - камни собора. Самые разнообразные камни служат его единству. Даже уродливые каменные чудовища и те участвуют в общем гимне собора.

Но мало-помалу я забыл мою истину. Я стал считать, что Человек есть сумма людей. Подобно тому как Камень есть сумма камней. Я отождествил собор с простым нагромождением камней, и мало-помалу наследие моей духовной культуры исчезло. Нужно восстановить Человека...

Моя духовная культура стремилась положить в основу человеческих отношений культ Человека, стоящего выше отдельной личности, чтобы поведение каждого по отношению к самому себе и другим не было слепым подчинением законам муравейника, а стало свободным проявлением любви...

Моя духовная культура, наследуя Богу, сделала каждого ответственным за всех людей и всех людей – ответственными за каждого. Личность должна жертвовать собой ради спасения коллектива, но дело тут не в элементарной арифметике. Все дело в уважении к Человеку через личность. Да, величие моей духовной культуры в том, что сто шахтеров будут рисковать жизнью ради спасения одного засыпанного в шахте товарища. Ибо они спасают Человека.

№2. В чем сущность личности, согласно П.М. Абовину-Егидесу? Что характерно для безличностного, ограниченно личностного и вполне личностного социума? Чем буржуазное общество не устраивает автора? Правильно ли, по вашему мнению, автор характеризует подлинно личностное общество ли оно должно быть устроено иначе?

Петр Маркович Абовин-Егидес «Панперсонализм как социальная философия». Какое же, собственно, отношение между человеком и обществом делает первого личностью? Это - отношение определенной относительной самостоятельности, независимости, это - определенная мера (амплитуда) самоопределения. Личностность и есть мера автономии, самоопределения, самоуправления человека в обществе, мера простора - экономического, политического, бытового - между человеком и обществом, между человеком и другими людьми, простора, необходимого и достаточного для развертывания внутренних потенций человека, потребность в котором (развертывании) для самого общества возникает на определенном историческом уровне. Личностный простор, личностная автономия - определенная свобода не от общества, а в обществе. Этим личностность - а соответственно и панперсонализм отличается от индивидуализма, который означает абсолютную «свободу» от общества, что ведет к его развалу и, стало быть, к распаду самого человека как человека. Личность - самоутверждающийся, самоуправляющийся, самоопределяющийся, саморегулирующийся, самовыражающийся человек (но может быть еще не саморефлектирующий). В дальнейшем я пришел к уточнению, конкретизации этого определения: реальным выражением личностности является правой реальной возможностью принимать решения. Только при этом является человек личностью: только в том он автономен, самоопределяем, самоуправляем, в чем имеет возможность принимать решение или абсолютно равноправно с другими участвовать в принятии решения коллективом, обществом, что означает реальное право на выбор, на самовыражение, на самоутверждение...

История человечества есть история развертывания свободы - то есть она есть история нарастания уровня личностности. Наибольший уже достигнутый в этом - уровень современного западного буржуазного общества, но и в нем личностность лоскутная, и она весьма далека от полной, всесторонней личности, от осуществления панперсоналистичности. Близким к современному западному уровню был уровень личностности в перикловских Афинах. При всем социально-имущественном расслоении в них демоса каждый гражданин, как уже отмечалось, являлся личностью и в бытовом, и в политическом, и в экономическом отношениях, - в отличие от массы современных людей на Западе, которые, будучи непричастны к собственности, являются экономически несвободными и, таким образом, в экономическом отношении личностями не являются.

Иначе говоря, личностность в экономическом плане определяется причастностью к собственности: экономически личностью, то есть экономически свободным является тот, кто причастен к собственности - индивидуальной или общественной, точнее говоря, кто принимает по поводу нее решения, кто имеет в ней решающий голос. Этому лишены наемные люди в капиталистическом обществе и у нас, о чем нам уже пришлось говорить в разделе о концепции современного социализма...

Из всего до сих пор сказанного следует, что безличностный тип социума выступал в истории в формах:

- первобытно-общинной (при тотальной регламентации человеческого индивида),

- азиатской (с деспотом и его бюрократическим аппаратом наверху),

- феодальной,

- олигархической,

- и наконец, матричной, бытовавшей в современных эгалитаристских обществах, таких, как СССР, Китай, Куба, Вьетнам, Камбоджа, ряд стран Восточной Европы. К этому же близки Эфиопия, Ангола. Многие из них уже вырываются из этого статуса.

Личностный же тип социума выступал в истории пока лишь:

- в античной форме,

- в форме средневековых городов-коммун, к которым можно причислить и Псковско-Новгородское общество,

- в современной капиталистической форме.

Все эти формы представляют, как мы писали, ограниченную личностность: античная форма ограничена тем, что личностями являются только граждане, в то время как огромная масса рабов - неличности во всех отношениях, в том числе и в бытовом; буржуазная форма ограничена тем, что наемные работники не могут принимать решения о делах производства, на котором они же работают; этого ограничения еще не было в средневековом городе (при простом товарном хозяйстве), но именно он стал колыбелью капиталистического общества.

Полная же гармоничная личностность (то есть панперсонализм), означающая, что, во-первых, все люди являются личностями, во-вторых, во всех отношениях, еще нигде в истории осуществлена не была. Это такая же незаполненная «клетка-ячейка» в сети возможных социальных систем, как пустые клетки в периодической системе Менделеева, постепенно заполняемые, или как долго пустующее место неизвестной планеты, предсказанной Коперником на основании открытой им гелиоцентрической системы. Из того, что панперсоналистская система не стала пока фактом и опытным путем не может быть верифицирована ее реальность, не следует, что она невозможна, неистинна, как незаполненные «клетки» в системах Коперника и Менделеева не свидетельствовали о несостоятельности самих систем: наоборот, эти системы служили стимулом для поисков...

Перестройка и призвана не обновить nonперсонализм и не перейти от него к фрагментарному персонализму, а перейти к панперсонализму, то есть к универсальному самоуправлению. Панперсонализм же как самоуправленческий образ жизни есть преодоление ограниченного персонализма: последний допускает в экономической сфере фактическое ущемление личностности одних со стороны других, что обуславливает определенную деформацию личности в остальных сферах социальной жизни. Панперсонализм отрицает какое-либо господство человека над человеком - политическое, экономическое, психологическое...

Представители творческой интеллигенции, стремясь быть персонами-личностями, вместе с тем зачастую по-снобистски, презрительно относятся к остальному человеческому племени: мол, тупой, нетворческий человек должен быть мусорщиком, а творческий, - аристократом, умелый - капиталистом. Но тут явная логическая передержка: из того, что не каждый - индивидуальный творец нового, не следует, что он не должен быть личностью, не должен иметь право решать дела, касающиеся всего общества, в котором он живет, в том числе, следовательно, и его лично, тем более не следует, что он должен быть наемным, эксплуатируемым. Если человек родился нетворческим, то это не его вина, а его беда, - и это не значит, что он менее чувствителен к унижениям и оскорблениям, что он в нравственном отношении ниже и менее достоин быть личностью во всех отношениях, чем человек, который имеет творческие способности в какой-то узкой сфере и который может быть в нравственном отношении гораздо ниже.

Вывести всех людей, каждого из состояния самоотчужденного сознания, создать всем людям равные возможности осуществлять свои неравные потенции, создать всем людям реальные возможности развертывания своих сущностных сил, своих способностей, право выбирать, право решать, право решающего - а не просто совещательного - голоса во всех сферах социальной жизни, право на полное самовыражение, самоутверждение - в этом смысл панперсонализм. Панперсонализм - самоцель общества, основанного на самоуправленческо-гуманистических началах. Совершенно очевидно, что не может быть панперсоналистского образа жизни, если кто-либо узурпировал политическую власть или эксплуатирует кого-либо экономически, лишает его права решать в сфере производства или в какой-либо иной. Эксплуатация чужого труда отсутствует только тогда и там, когда и где производитель соединен со средствами производства, то есть когда и где производитель-исполнитель является одновременно и собственником-организатором-распорядителем.

Это возможно в двух случаях - при индивидуальной собственности без наемного труда и при коллективной, общественной собственности, которая может быть либо кооперативной, либо общенародной, - и то, и другое вписывается в подлинный социализм. Стало быть, как раз социализм может стать условием, необходимым для реализации панперсонализма. Социализм - это личностный коллективизм или коллективистическая личностность, а в нашей стране [СССР] до сих пор наличествует безличностный «коллективизм» или «коллективистическая» безличностность, то есть матричный «коллективизм»...

Следует иметь в виду то историческое обстоятельство, что первым в истории классом, который за каждым членом общества признал достоинство личности, провозгласил принцип построения общественной жизни на основе признания личной свободы каждого, без чего нет и не может быть демократии, равной своему понятию, была буржуазия. Но буржуазия весьма противоречивый класс: хотя она и стоит на позициях политической демократии, однако экономическая демократия претит ей, ибо буржуазия опирается на частную собственность как на основу экономических отношений.

При частной же собственности господствует социальная психология «вещизма», раболепия перед вещью и символом. Господство вещи и символа над человеком и человеческими отношениями, инверсия субъект-объектных отношений, потребительская иерархия ценностей, в которых ценности материальные, примитивно-зрелищные, сексуальные (без любви) превалируют над духовно-творческими и этико-эстетическими - все это и есть то, что именуется буржуазностью, буржуазным, мещанским образом - стилем жизни. Человек оказывается однолинейным, одномерным, как мы отмечали, односторонним, частичным, фрагментарным, развивается по принципу флюса.

Сознанием такого человека легко дирижировать, оно конформно, он в плену всевозможных алгоритмов, имеющих хождение в «массовой культуре» и распространяемых с помощью средств массовой информации. Лишь единицы в этих условиях вырываются из плена самоотчуждения и духовно «делают самих себя». Буржуазия мечется между своей демократичностью и своей же алчностью. Близорукая алчность - или алчная близорукость - многих бизнесменов ведет к тому, что они идут на экономические сделки даже с дьяволом.

Провозглашая превосходство общественных форм собственности на средства производства над капиталистическими, социалисты исходят из того, что скопление огромных сумм капитала в частных руках деформирует и самое демократию. Пусть даже эти средства в основном снова пускаются в производственный оборот; пусть изъятие капитала из этого оборота строго регламентируется законом, как, например, в США; пусть капиталист тратит на себя и свою семью даже не больше, чем менеджер или высший номенклатурщик в странах, где лишь провозглашен «социализм», пусть сейчас в развитых странах нет уже тех ужасов эксплуатации, о которых писали исследователи XIX века, - тем не менее концентрация огромных капиталов в частных руках неизбежно приводит к коррупции, к подкупу бюрократии и даже политических деятелей, то есть избранных народом лиц, к мафиозности, к росту нравственных болезней общества, преступности, безработицы, инфляции и пр., к ущербу, ограничению демократии, что мне уже доводилось видеть, так сказать, собственными глазами. Стало быть, актуальной альтернативой этому может быть следующее: полное разворачивание всех потенций личностной демократии, возможное в условиях универсального самоуправления, т. е. подлинного социализма.

При социализме политическая демократия не просто политическая надстройка, как твердят марксистские учебники, не привесок, который можно отбросить, а основа, без которой общественная собственность как существенная для социализма перестает быть сама собой. Отсюда: не социализм и подлинная демократия исключают друг друга, как тщатся утверждать антисоциалисты, а исключают друг друга как раз социализм и диктатура...

Итак, демократия и личностность входя в самое сущность социализма, который тождествен универсальному, всестороннему самоуправлению. Именно поэтому выражения «демократический социализм», «гуманный социализм», «социализм с человеческим лицом» (вернее: нутром) неточны, тавтологичны: негуманного, нечеловечного, недемократического социализма нет и быть не может. Мало ли что можно наименовать «социализмом», но без демократии это будет олигархизм, этэлитаризм, матрицизм, политаризм, этатизм, госкапитализм, госфеодализм или какой-то симбиоз – все что угодно, только не социализм.

3. В чем различие между индивидуализмом и персонализмом? Как надо относиться к другой личности?

Эмманюэль Мунье «Персонализм». Индивидуализм - это система нравственных идей и установок, чувств, мыслей, которые управляют человеком, пребывающим в состоянии изоляции и самозащиты. Таковы были идеология и структуры, господствовавшие в западном буржуазном обществе в XVIII - XIX веках. Это - абстрактный человек, лишенный привязанностей и естественного окружения, сам себе бог; его свобода и действия его бесцельны, у него нет чувства меры, он недоверчив и расчетлив в отношениях с людьми. Общественные институты поддерживают этот дух эгоизма. Таков режим, установившийся в агонизирующей цивилизации, самой ущербной из всех, какие знала история. Индивидуализм - это антипод персонализма и его злейший враг...

Коммуникация как первичный опыт. Итак, первая забота индивидуализма в том, чтобы сосредоточить индивида на самом себе; первая же забота персонализма - рассредоточить его, чтобы открыть перед ним перспективы личностного существования.

Такие перспективы намечаются довольно рано. Первое движение человеческого существа в раннем детстве - это движение к «другому»: ребенок в возрасте от шести месяцев до года выходит из вегетативной фазы развития и начинает открывать себя в «другом», понимать себя, реагируя на поведение «другого». И только позже, к трем годам, его захлестывает первая волна эгоцентризма. Когда мы размышляем о конкретной личности, мы находимся под впечатлением ее внешнего облика. Она пребывает перед нами в качестве объекта. Однако человеческое тело еще способно и видеть, оно - и глаз, направленный в мир, и я сам, о чем часто забывают. Благодаря внутреннему опыту личность предстает устремленной к миру и к другим людям, сливающейся с ними в едином порыве к универсальному. Другие личности никак не ограничивают ее, они - залог ее бытия и развития. Личность существует только в своем устремлении к «другому», познает себя только через «другого» и обретает себя только в «другом». Первичный опыт личности - это опыт «другой» личности. Ты, а в нем и Мы предшествуют Я или, по меньшей мере, всегда сопровождают Я. В природе, которой мы в известной мере подчинены, два разных объекта не могут занимать одновременно одно и то же место в пространстве. Личность благодаря движению, полагающему ее как бытие, выставляет себя вовне, *ex-rose*. Таким образом, она по сути своей коммуникабельна, она одна предопределена как бытие. Именно из этого и надо исходить. Как философия, нацеленная исключительно на мышление, никогда не найдет пути к бытию, так и философия, исследующая одно лишь человеческое Я, не найдет дороги к «другому». Когда коммуникация ослабляет свою напряженность или принимает извращенные формы, я теряю свое глубинное Я. Ведь известно, что все душевные расстройства связаны с потерей контактов с «другими», здесь *alter* («другой») становится *alienus* («чуждым»), и я оказываюсь чуждым самому себе, отчужденным от себя. Можно даже сказать, что я существую в той мере, в какой я существую для «другого», и в конечном итоге существовать - значит любить.

Такова изначальная истина персонализма. Вот почему цивилизацию, к которой он стремится, можно назвать персоналистской и общностной. Вопреки твердолобым индивидуализму и идеализму персонализм утверждает, что субъект не занимается самоедством и что мы владем лишь тем, что отдаем другим, или тем, чему посвящаем всю свою жизнь; и нам не достичь спасения в одиночку - ни в социальном плане, ни в плане духовном. Итак, первейшее дело личности заключается в том, чтобы совместно с другими строить общество личностей, где обычаи и образ жизни, общественные структуры и установления соответствовали бы требованиям личностного существования. Такое общество и лежащую в его основе нравственность мы только еще предвидим, причем в самых общих чертах. Общество личностей основывается на ряде оригинальных деяний, подобны которым еще не было во всей Вселенной.

1. Выйти за собственные пределы. Личность есть существование, способно отсоединиться от самого себя, отказаться от самого себя, рассекретить себя чтобы открыться «другому». Согласно персоналистской (особенно христианской) традиции, в личностной жизни главенствует аскеза, отказ от себя: освободить других и весь мир может лишь тот, кто сам освободился. Древние мыслители обличали самолюбие - то, что мы сегодня называем эгоцентризмом, нарциссизмом, индивидуализмом.

2. Понимать. Надо не ограничиваться собственной точкой зрения и уметь принять позицию «другого». Это не значит искать себя в «другом», тебе подобном, не значит это и постигать «другого» вообще (заметим, что наука психология настойчиво игнорирует «другого»). Это значит соединять наши отличные друг от друга позиции в ни с чем не сравнимом согласии.

Приспосабливаться ко всем, не теряя собственного Я, - это вовсе не то же, что все понимать, никого не любя; раствориться в «другом» - вовсе не значит «понять другого».

3. Взять на себя ответственность за судьбу «другого», разделить с ним его огорчения и радости, его заботы - словом, «заболеть» им.

4. Отдавать. Живительная сила личностного порыва заключена не в материальных притязаниях (мелкобуржуазный индивидуализм), не в устремленности к смерти (экзистенциализм), а в бескорыстном великодушии, иными словами, в щедрой и безвозмездной самоотдаче. Экономика личности не строится на расчете и компенсации, это - экономика дарения. Великодушие, даже если оно не получает отклика, топит лед недоверия и разрывает круг одиночества: оно расшатывает инстинкты, ставит под сомнение выгоду и расчет - словом, переворачивает все вверх дном. Оно сглаживает острые углы несогласия в казалось бы безвыходном положении, предлагая «другому» достойные его внимания ценности. Отсюда понятна очистительная сила прощения и доверия. Великодушие терпит поражение только перед лицом ненависти, которая кажется более загадочной, чем расчетливость, и является прямой противоположностью бескорыстия.

5. Быть верным. Жизнь - это нескончаемое приключение, которое длится от рождения до смерти. Преданность, любовь и дружба совершенны, если только они постоянны. Постоянство не имеет ничего общего ни с устойчивостью, ни с единообразием, свойственным материальным объектам или логическим обобщениям, оно - непрекращающееся излучение. Личностная верность имеет творческий характер. Такова диалектика личностного общения, которая приумножает и укрепляет бытие каждого, вступающего в него.

№4 В чем причины появления классов, согласно Ф. Энгельсу? При каких условиях, почему и для чего необходимо уничтожение классового общества? В чем заключается царство свободы с точки зрения марксизма?

Фридрих Энгельс «Анти-Дюринг». Разделение общества на классы – эксплуатирующий и эксплуатируемый, господствующий и угнетенный – было неизбежным следствием незначительного развития производства. Пока совокупный общественный труд даст продукцию, едва превышающую самые необходимые средства существования всех, пока, следовательно, труд отнимает все или почти все время огромного большинства членов общества, до тех пор это общество неизбежно делится на классы. Рядом с этим огромным большинством, исключительно занятым подневольным трудом, образуется класс, освобожденный от непосредственно производительного труда и ведающий такими общими делами общества, как управление трудом, государственные дела, правосудие, науки, искусства и т. д. Следовательно, в основе деления на классы лежит закон разделения труда. Это, однако, отнюдь не исключало применения насилия хищничества, хитрости и обмана при образовании классов и не мешало господствующему классу, захватившему власть упрочивать свое положение за счет трудящихся классов и превращать руководство обществом в эксплуатацию масс.

Но если разделение на классы имеет, таким образом, известное историческое оправдание, то оно имеет его лишь для известного периода и при известных общественных условиях. Оно обуславливалось недостаточностью производства и будет уничтожено полным развитием современных производительных сил. И действительно, упразднение общественных классов предполагает достижение такой ступени исторического развития, на которой является анахронизмом, выступает как отжившее не только существование того или другого определенного господствующего класса, но и какого бы то ни было господствующего класса вообще, а следовательно, и самое деление на классы. Следовательно, упразднение классов предполагает такую высокую ступень развития производства, на которой присвоение особым общественным классом средств производства и продуктов, - а с ними и политического господства, монополии образования и духовного руководства, - не только становится излишним, но и является препятствием для экономического, политического и интеллектуального развития. Эта ступень теперь достигнута. Политическое и интеллектуальное банкротство буржуазии едва ли составляет тайну даже для нее самой, а ее экономическое банкротство повторяется регулярно каждые десять лет. При каждом кризисе общество задыхается под тяжестью своих собственных производительных сил и продуктов, которые оно не может использовать, и остается беспомощным перед абсурдным противоречием, когда производители не могут потреблять потому, что недостает потребителей. Свойственная современным средствам производства сила расширения разрывает оковы, наложенные капиталистическим способом производства. Освобождение средств производства от этих оков есть единственное предварительное условие непрерывного, постоянно ускоряющегося развития производительных сил, а благодаря этому - и практически безграничного роста самого производства. Но этого недостаточно. Обращение средств производства в общественную собственность устраняет не только существующее теперь искусственное торможение производства, но также и то прямое расточение и уничтожение производительных сил и продуктов, которое в настоящее время является неизбежным спутником производства и достигает своих высших размеров в кризисах. Сверх того, оно сберегает для общества массу средств производства и продуктов путем устранения безумной роскоши и мотовства господствующих теперь классов и их политических представителей. Возможность обеспечить всем членам общества путем общественного производства не только вполне достаточные и с каждым днем улучшающиеся материальные условия существования, но также полное свободное развитие и применение их физических и духовных способностей, - эта возможность достигнута теперь впервые, но теперь она действительно достигнута.

Раз общество возьмет во владение средства производства, то будет устранено товарное производство, а вместе с тем и господство продукта над производителями. Анархия внутри общественного производства заменяется планомерной, сознательной организацией. Прекращается борьба за отдельное существование. Тем самым человек теперь - в известном смысле окончательно - выделяется из царства животных и из звериных условий существования переходит в условия действительно человеческие. Условия жизни, окружающие людей и до сих пор над ними господствовавшие, теперь подпадают под власть и контроль людей, которые впервые становятся действительными и сознательными повелителями природы, потому что они становятся господами своего собственного объединения в общество. Законы их собственных общественных действий, противостоявшие людям до сих пор как чуждые, господствующие над ними законы природы, будут применяться людьми с полным знанием дела и тем

самым будут подчинены их господств. То объединение людей в общество, которое противостояло им до сих пор как навязанное свыше природой и историей, становится теперь их собственным свободным делом. Объективные, чуждые силы, господствовавшие до сих пор над историей поступают под контроль самих людей. И только с этого момента люди начнут вполне сознательно сами творить свою историю только тогда приводимые ими в движение общественные причины будут иметь в преобладающей и все возрастающей мере и те следствия, которых они желают. Это есть скачок человечества из царства необходимости в царство свободы.

Совершить этот освобождающий мир подвиг - таково историческое призвание современного пролетариата. Исследовать исторические условия, а вместе с тем и самую природу этого переворота и таким образом выяснить ныне угнетенному классу, призванному совершить этот подвиг, условия и природу его собственного дела - такова задача научного социализма, являющегося теоретическим выражением пролетарского движения.

№5. Какие позиции по национальному вопросу выделяет В. Соловьев? Какова его собственная точка зрения? Насколько она, по Вашему мнению, состоятельна и почему?

Владимир Соловьев «Оправдание добра». Отношение человека к народности определяется в наши дни в общественном сознании двумя взглядами: *националистическим и космополитическим.* В области чувств и вкусов могут быть переходы и оттенки, но ясных и определенных точек зрения перед нами только две. Первая может быть сведена к формуле: *мы должны любить свой народ и служить его благу всеми средствами, а к прочим народам имеем право быть равнодушными; в случае же столкновения их национальных интересов с нашими мы обязаны относиться к этим чужим народам враждебно.* Сущность другой, космополитической точки зрения выражается так: *народность есть только натуральный факт, не имеющий никакого нравственного значения; у нас нет обязанностей к народу как такому (ни к своему, ни к чужим), и только к отдельным людям без всякого различия народностей.*

Легко сразу усмотреть, что ни тот, ни другой из этих взглядов не выражает должного отношения к факту народных делений: первый взгляд дает этому факту безусловное значение, которое не может ему принадлежать, а второй отнимает у него всякую значительность. Легко заметить также, что каждый из двух взглядов находит себе оправдание единственно только в *отрицательной* стороне взгляда противоположного.

Всякий здравомыслящий космополит упрекает приверженцев национализма не за то, конечно, что они любят свой народ, а только за то, что они считают позволительным, а в иных случаях и обязательным, ненавидеть и презирать инородцев и чужеземцев. Точно так же самый ярый националист, если только он не лишен рассудка, нападает на космополитов не за то, что они требуют справедливости к чужим, а лишь за то, что они равнодушны к своему народу. Значит, в каждом из этих взглядов невольно различается даже его прямыми противниками хорошая сторона от дурной, и естественно возникает вопрос: связаны ли эти две стороны необходимою связью, т.е. 1) следует ли из любви к своему народу позволительность всяких средств ради его интересов и законность равнодушного и враждебного отношения к чужим? и 2) следует ли из одинакового *нравственного* отношения ко всем людям равнодушие к народности вообще и к своей в особенности?

Первый вопрос легко решить, если только разобрать то, что содержится в понятии истинного патриотизма, или любви к народу. Необходимость такого

элементарного разбора должна быть признана всяким, ибо всякий согласится, что бывает патриотизм *неразумный*, вместо желаемой пользы приносящий вред и ведущий народы к гибели, бывает патриотизм *пустой*, выражающий только голословную претензию, и бывает, наконец, патриотизм прямо *лживый*, служащий только личиною для низких, своекорыстных побуждений. В чем же состоит настоящий, или истинный, патриотизм?

Настоящая любовь к кому-нибудь выражается в том, что мы желаем и стараемся доставить любимому существу все блага, не только нравственные, но и материальные, однако последние непременно под условием первых. Всякому, кого я люблю, я желаю, между прочим, и материального благосостояния, но, разумеется, лишь с тем, чтобы он достиг его честными средствами и хорошо им пользовался. Если мой друг нуждается, а я ради этого буду способствовать ему в мошенническом приобретении состояния, хотя бы даже при ручательствах в безнаказанности его преступления, или если он писатель, а я буду советовать ему увеличить свою литературную известность посредством удачного плагиата, то всякий по справедливости сочтет меня или сумасшедшим, или негодяем, а никак не хорошим другом своего друга.

Ясно, таким образом, что блага, которые любовь заставляет нас желать для ближнего, различаются не только по своим внешним свойствам, но и по своему внутреннему значению для воли: блага духовные, которые по самому понятию своему исключают возможность дурных средств для их приобретения, так как нельзя украсть нравственное достоинство, или награть справедливость, или оттягать человеколюбие, - эти блага желательны *безусловно*, напротив, блага материальные, которые по природе допускают дурные средства, желательны *под условием* неупотребления таких средств, т.е. под условием подчинения материальных целей цели нравственной...

До известного предела все согласны с этою элементарною истиной; все согласны, что непозволительно обогащать посредством преступления ни себя, ни своего друга, ни свою, ни его семью, ни даже свой город или целую область, в которой живешь. Но эта ясная как день нравственная истина вдруг тускнеет и совсем затемняется, как только дело доходит до *своего народа*. Для его предполагаемого блага, для служения его предполагаемым интересам вдруг все оказывается дозволенным, цель оправдывает средства, черное становится белым, ложь предпочитается истине и насилие превозносится как доблесть. Народность становится здесь безусловною и окончательною целью, высшим благом и мерилом добра для человеческой деятельности. Но такое недолжное возвышение есть только призрачное и на деле сводится к унижению народности. Так как высшие человеческие блага исключают безнравственные средства для своего достижения, то, допуская в свое служение народу и *узаконяя* именно эти дурные способы, мы тем самым ограничиваем народный интерес только теми низшими материальными благами, которые могут быть добыты и сохраняемы злым и кривым путем. Это есть прежде всего *обида* для той самой народности, которой мы хотим служить. Это есть перенесение центра тяжести народной жизни из высшей сферы в низшую, - под видом служения народу это есть только служение народному *эгоизму*. Нравственная несостоятельность *такого* национализма обличается и историей, которая достаточно громко свидетельствует, что народы преуспевали и возвеличивались только тогда, когда служили не себе как самоцели, а высшим и *всеобщим* идеальным благам. А кроме того, история же свидетельствует и о фактической неосновательности самого представления о нации или народностях как о коренных и окончательных носительницах собирательной жизни человечества...

История всех народов - древних и новых, - имевших прямое влияние на судьбы человечества, говорит нам одно и то же. Все они в эпохи своего расцвета и величия полагали свое значение, утверждали свою народность не в ней самой, отвлеченно взятой, а в чем-то всеобщем, *сверхнародном*, во что они верили, чему служили и что осуществляли в своем творчестве - национальном по источнику и способам выражения, но вполне универсальном по содержанию или предметным результатам. Народы живут и действуют не во имя себя или своих материальных интересов, а во имя своей идеи, т.е. того, что для них всего важнее и что *нужно всему миру, чем они могут послужить ему*, - они живут не для себя только, а для всех. То, во что народ верит и что с верою делает, он непременно признает хорошим *безусловно*, хорошим не как свое, а само по себе, следовательно, для всех, и таковым оно обыкновенно оказывается.

Исторические представители народа могут иногда ложно понимать ту и другую сторону национально-универсальной идеи, которой они служат, и тогда их служение выходит дурное и безуспешное. Филипп II и герцог Альба очень плохо понимали идею церковного единства, парижский Конвент не лучше понимал идею человеческих прав; но дурное понимание проходит, а идея остается и просветляется в новых, лучших своих проявлениях, если только она действительно коренится в душе народа.

Поскольку универсально народное творчество, т.е. то, что народ осуществляет в действительности, постольку же универсально в своем предмете истинное самосознание народное. Народ не сознает себя отвлеченно, как какого-то пустого субъекта, отдельно от содержания и смысла своей жизни, он сознает себя именно в том или по отношению к тому, что он делает и что хочет делать, во что верит и чему служит.

Но если сам народ, как ясно из истории, не ставит целью своей жизни себя самого, отвлеченно взятого, или материальный интерес своего существования отдельно от его высшего, идеального условия, то и каждый из нас не имеет права в любви к своему народу отделять его от смысла его жизни и служение его материальным выгодам ставить выше нравственных требований. И если сам народ своим истинным творчеством и самосознанием утверждает себя во всемирном - в том, что имеет значение для всех или в чем он солидарен со всеми, то каким же образом истинный патриот может ради предполагаемой «пользы» своего народа разрывать солидарность с другими, ненавидеть или презирать чужеземцев? Если сам народ видит свое настоящее благо в благе всеобщем, то как же патриотизм может ставить благо своего народа как что-то отдельное и противоположное всему другому? Очевидно, это не будет то нравственное идеальное благо, которое желает сам народ, и мнимый патриотизм окажется в противоречии не с чужими, а со своим собственным народом в его лучших стремлениях.

Но существует же, однако, национальная вражда и противоборство? Существует, конечно, как некогда существовало повсюду людоедство, - существует как зоологический факт, осужденный лучшим человеческим сознанием самих народов. Возведенный в отвлеченное начало, этот зоологический факт тяготеет над жизнью народов, затемняя ее смысл и подавляя ее вдохновение, ибо смысл и вдохновение частного - только в связи и согласии его со всеобщим.

Против ложного патриотизма или национализма, поддерживающего преобладание звериных инстинктов в народе над высшим национальным самосознанием, прав будет космополитизм, требующий безусловного применения нравственного закона без всякого отношения к национальным различиям. Но именно нравственный принцип, если проводить его последовательно до конца, не

позволяет нам удовлетворяться этим отрицательным требованием космополитизма.

Пусть непосредственным предметом нравственного отношения будет отдельное лицо. Но ведь в самом этом лице одна из существенных его особенностей - прямое продолжение и расширение его индивидуальности - есть его народность (в положительном смысле характера, типа и творческой силы)...

Если мы должны признавать собственное достоинство этого человека, то эта обязанность простирается и на все то положительное, с чем он связывает свое достоинство; и если мы любим человека, то должны любить его народность, которую он любит и от которой себя не отделяет. Высший нравственный идеал требует, чтобы мы любили всех людей, как самих себя, но так как люди не существуют вне народностей (как и народность не существует вне отдельных людей) и эта связь сделалась уже нравственною, внутреннею, а не физическою только, то прямой логический вывод отсюда есть тот, что мы должны любить все народности, как свою собственную. Эту заповедь утверждает патриотизм как естественное и основное чувство, как прямая обязанность лица к своему ближайшему собирательному целому, и в то же время это чувство освобождается от зоологических свойств народного эгоизма, или национализма, становясь основой и мерилom для положительного отношения ко всем другим народностям сообразно безусловному и всеобъемлющему нравственному началу. Значение этого требования любви к другим народностям несколько не зависит от метафизического вопроса о народах как о самостоятельных собирательных существах. Если бы даже народность существовала только в своих видимых единичных носителях, то в них она во всяком случае составляет положительную особенность, которую можно ценить и любить у чужестранцев так же, как и у своих единоплеменников. Если такое отношение станет действительно правилом, то национальные различия сохранятся и даже усилятся, сделаются более яркими, а исчезнут только враждебные разделения и обиды, составляющие коренное препятствие для нравственной организации человечества.

Требование любить другие народности, как свою собственную, вовсе не означает психологической одинаковости чувства, а только этическое равенство волевого отношения: я должен так же хотеть истинного блага всем другим народам, как и своему собственному; эта «любовь благоволения» одинакова уже потому, что истинное благо едино и нераздельно. Разумеется, такая этическая любовь связана и с психологическим пониманием и одобрением положительных особенностей всех чужих наций, - преодолев нравственную волю бессмысленную и невежественную национальную вражду, мы начинаем знать и ценить чужие народности, они начинают нам нравиться. Но эта «любовь одобрения» не может быть тождественна с тою, которую мы чувствуем к своему народу, как и самая искренняя любовь к ближним (по евангельской заповеди), этически равная любви к самому себе, никогда не может быть с нею психологически одинаковою. За собою, как и за своим народом, остается неизменное первенство исходной точки. А с устранением этого недоразумения устраняется и всякое серьезное возражение против нашего принципа: люби все другие народы, как свой собственный.

№6. Определите, какие рассуждения принадлежат либералу, а какие не характерны для сторонника либерализма. Обоснуйте Ваш ответ.

Жан Мелье. Все люди равны от природы. Они все в равной степени имеют право жить и ступать по земле, в равной степени имеют право на свою естественную свободу и свою долю в земных благах, все должны заниматься

полезным трудом, чтобы иметь необходимое и полезное для жизни. Еще одно зло, принятое и узаконенное почти во всем мире, заключается в том, что люди присваивают себе в частную собственность блага и богатства земли, тогда как все должны были бы владеть ими сообща на равных правах и пользоваться ими точно так же на одинаковом положении и сообща. В самом деле, посмотрим: что происходит от этого распределения благ и богатств земли в частную собственность для использования их порознь отдельно от других, как каждому вздумается? Получается то, что каждый старается получить их возможно больше всякого рода путями как хорошими, так и дурными; ибо жадность ненасытна и, как известно, в ней корень всех зол. Имея полный простор для удовлетворения своих вожделений, она не упускает случай и заставляет людей идти на все, чтобы иметь обилие благ и богатств как для обеспечения себя от нужды, так и для удовлетворения всевозможных своих прихотей. Оттого и получается, что наиболее сильные, наиболее хитрые и ловкие, зачастую они же и самые злые и недостойные, лучше всех других наделены земными угодьями и всякими удобствами жизни...

Габриель Бонна де Мабли. Добродетельный гражданин вправе вести гражданскую войну, если существуют тираны, т. е. правители, имеющие притязания пользоваться властью, которая может и должна принадлежать только законам, и притом властью настолько сильной, чтобы угнетать своих подданных. Считать гражданскую войну всегда несправедливостью, призывать граждан не отвечать силой на насилие - это доктрина, более всего противоречащая нравственности и общественному благу... Обрекать подданных на постоянное и неизменное терпение - это значит довести королей до тирании и расчистить им путь к ней. Если народ не считает себя вправе защищаться от нападающих на него чужестранцев, он, несомненно, будет ими покорен. Нация, не желающая сопротивляться своим внутренним врагам, неизбежно, следовательно, должна быть угнетаема.

Граф Бабеф. Естественный порядок может быть искажен, изменен, потрясен, но его полное разрушение само ведет к его восстановлению. Если после того, как большинство людей будет полностью лишено земли, они лишатся еще и возможности выйти из положения с помощью труда, то какое же решение они примут? «Надо уважать собственность!» Но если из двадцати четырех миллионов человек пятнадцать миллионов не имеют никакой собственности, ибо остальные девять миллионов не проявили достаточного уважения к их правам, чтобы обеспечить им по крайней мере средства поддержания их существования, так что же, пятнадцати миллионам надо решиться умереть с голоду из любви к девяти миллионам в благодарность за то, что те их полностью ограбили? Вероятно, они не очень охотно на это решатся, и богатому классу лучше было бы добровольно выполнить свой долг перед ними, чем ждать, пока они не придут в отчаяние.

Шарль Фурье. Хозяйственный строй представляет еще более выдающуюся разрушительную особенность - это противоречие двух интересов - коллективного и индивидуального. Всякий трудящийся находится в состоянии войны с массой и неблагоприятен к ней в силу личного интереса. Врач желает своим согражданам добрых лихорадок, а поверенный - добрых тяжб в каждой семье. Архитектору нужен добрый пожар, который превратил бы в пепел четвертую часть города, а стекольщик желает доброго града, который разбил бы все стекла. Портной, сапожник желают публике только материй непрочной окраски и обуви из плохой кожи с тем, чтобы их изнашивали втрое больше - ради блага торговли: это их припев. Суд считает подходящим, чтобы Франция продолжала совершать ежегодно 120000 преступлений и правонарушений, подлежащих судебному

разбирательству, поскольку это число необходимо для того, чтобы кормить уголовные суды. Так в хозяйственной системе строя цивилизации каждый отдельный человек находится в состоянии преднамеренной войны с массой, - необходимое следствие антисоциетарного образа хозяйствования, или мира наыворот. Мы увидим, как это смехотворное явление исчезнет при социетарном строе, где каждый отдельный человек может найти свою выгоду только в выгоде всей массы.

Леонард Гобхаус. Напротив, право необходимо для свободы. Конечно, право ограничивает индивида, поэтому оно противоречит его свободе в данный момент и на данном направлении. Но равным образом право ограничивает и других, предупреждая вольное отношение с ним. Оно же освобождает их от страха произвольной агрессии или насилия, и в этом состоит единственный путь и единственный смысл достижения свободы для всего сообщества. Но есть один момент, молчаливо постулируемый в этом аргументе, который нельзя обойти вниманием. Полагая, что верховенство закона гарантирует свободу всему сообществу, мы полагаем, что закон беспристрастен. Если же существует один закон для правительства и другой для его подданных, один для дворян, другой для простолюдинов, один для богатых, другой для бедных, то такой закон не гарантирует свободу для всех. Свобода в этом отношении подразумевает равенство...

Джон Дьюи. [Ранние либералы] считали, будто благоприятные социальные перемены могут происходить только одним путем - через частное экономическое предпринимательство, не имеющее социальной направленности, основанное на освящении частной собственности и закрепляющее это отношение к ней, - то есть через свободу от общественного контроля. Так что ныне те, кто исповедует либерализм предшествующего типа, приписывают все произошедшие социальные улучшения этому единственному фактору; к таковым они относят повышение производительности труда и уровня жизни. Эти либералы не пытались предотвратить изменения, но пытались ограничить свой курс единственным каналом и сделать его неизменным. Если бы свою интерпретацию свободы ранние либералы преподнесли как нечто исторически относительное, она не заостенела бы в виде доктрины, имеющей силу во все времена и при всех обстоятельствах. В частности, они признали бы, что действенность свободы всегда зависит от наличных социальных условий. Сделай они это, они бы знали, что, поскольку экономические отношения стали решающей силой в формировании характера человеческих отношений, провозглашенная необходимость свободы личности потребует социального контроля над экономическими силами в интересах огромных масс людей... Основная доктрина ранних либералов-экономистов состояла в том, что режим экономической свободы, как они его понимали, почти автоматически направит производство через конкуренцию на путь, который максимально эффективно обеспечит социально необходимые товары и услуги...

Прежде всего, отождествив расширение свободы во всех ее ипостасях с расширением своего частного понимания экономической свободы, они совершенно не сумели предвидеть того, какие последствия будет иметь частный контроль над средствами производства и распределения для реальной свободы масс на производстве, а также для создания предметов культуры. Вместо эры свободы, ожидавшейся либералами начала XIX века, наступила эра власти небольшого числа людей.

Роберт Оуэн. Частная собственность была и есть причина бесчисленных преступлений и бедствий, испытываемых человеком, и он должен приветствовать наступление эры, когда научные успехи и знакомство со способами

формирования у всех людей совершенного характера сделают продолжение борьбы за личное обогащение не только излишним, но и весьма вредным для всех; она причиняет неисчислимый вред низшим, средним и высшим классам. Владение частной собственностью ведет к тому, что ее владельцы становятся невежественно эгоистичными, причем этот эгоизм обычно пропорционален в своих размерах величине собственности. Собственники так эгоистичны, что многие из них, имея ежегодно на много больше, чем требуется для удовлетворения разумных потребностей, спокойно читают или слышат о тысячах собратий, ежедневно гибнущих вследствие недостатка работы, которую богатые им не дают... Можно со всей справедливостью сказать, что частная собственность была столь губительна для человеческого рода, что нередко превращала богатых людей в двуногих животных...

Фридрих Хайек. Смит интересовало не столько то, чего человек может при случае достичь, находясь в лучших условиях, а то, что у него должно быть как можно меньше возможностей причинить кому-либо вред, когда он находится в наихудшем положении. Не будет преувеличением утверждать, что основным достоинством индивидуализма, который защищали Смит и его современники, было то, что при этой системе плохой человек мог причинить наименьший вред. Это такая социальная система, которая в своем функционировании не зависит от того, найдем ли мы хороших людей для управления ею, или от того станут ли все люди лучше, чем теперь, но которая находит применение людям при всем данном им многообразии и сложности, людям хорошим и плохим, разумным и - гораздо чаще - глупым. Целью Смита была система, способная дать свободу всем, а не только, как того желали его французские современники, «хорошим и мудрым». Главной заботой великих писателей-индивидуалистов было на самом деле найти комплекс институтов, которые побуждали бы человека, по его собственному выбору и согласно мотивам, определяющим его обычное поведение, как можно больше отвечать потребностям других; и их открытие состояло в том, что система частной собственности действительно обеспечивает такие побуждения в значительно большей степени, чем полагали ранее.

Эмиль Фаге. Как следует говорить: «право собственности» или «право на собственность»?

Разница здесь не такая уж незначительная. Если собственность является правом человека, как следует из того, что написано в обеих Декларациях, то нужно говорить «право на собственность», понимая это таким образом, что человек именно в силу того, что он - человек, от рождения имеет право быть собственником. Но если собственность является правом для того, кто уже чем-то владеет, правом сохранить свое имущество и не быть его лишенным, то следует говорить «право собственности», понимая это таким образом, что собственность является привилегией, до сих пор гарантировавшейся обществом и его конституциями, в частности Конституциями 1791 г., 1793 г. и года III, Декларациями прав человека 1789 г. и 1793 г... Собственность является правом в том смысле, что никому не запрещено стремиться к ее приобретению. Это, без сомнения, право всех. Но собственность выступает в качестве привилегии в том смысле, что приобретшие ее люди владеют ею на правах сеньоров или хозяев, распоряжаются ею по своему усмотрению и не могут быть лишены ее.

Гэри Норт. Если мы соглашаемся с тем, что цель свободного рынка заключается в рациональном, эффективном и продуктивном расчете, то нам следует признать, что свободный рынок – это единственное средство, с помощью которого эта цель может быть достигнута... Для того чтобы улучшить свое социальное положение, члены общества должны заниматься производственной деятельностью, а не грабежом. Люди должны нести личную ответственность за

свои действия во всех сферах жизни, что в свою очередь предполагает существование правовых структур. Закон не является нейтральным, в его основе лежат моральные и религиозные принципы. Организационная структура капитализма, основанная на частной собственности и праве на получении прибыли, не может существовать в моральном вакууме. На протяжении всей истории эта структура опиралась на христианскую мораль. Общество, в котором не соблюдаются основные социальные требования десяти заповедей (Вторая книга Моисеева. Исход 20:1 - 20:17), никогда не сможет построить капиталистическую экономическую систему и добиться экономического роста и тех благ, которые способен принести лишь капитализм. У всяких экономических благ есть религиозные корни. Государственные власти должны уважать право на частную собственность, поскольку частная собственность является основой христианской социальной структуры.

Николай Александрович Бердяев. В отношении к хозяйственной жизни можно установить два противоположных принципа. Один принцип гласит: в хозяйственной жизни преследуй свой личный интерес и это будет способствовать хозяйственному развитию целого, это будет выгодно для общества, нации, государства. Такова буржуазная идеология хозяйства. Другой принцип гласит: в хозяйственной жизни служи другим, обществу, целому и тогда получишь все, что тебе нужно для жизни. Второй принцип утверждает коммунизм, и в этом его правота. Совершенно ясно, что второй принцип отношения к хозяйственной жизни более соответствует христианству, чем первый. Первый принцип столь же антихристианский, как антихристианским является римское понятие о собственности.

№7. В чем сущность техники и ее основные черты, согласно К. Ясперсу? Правильны ли его взгляды?

Карл Ясперс «Современная техника». Техника - это совокупность действий знающего человека, направленных на господство над природой; цель их - придать жизни человека такой облик, который позволил бы ему снять с себя бремя нужды и обрести нужную ему форму окружающей среды. Как природа меняет свой облик под воздействием техники, какое обратное действие на человека оказывает его техническая деятельность, т. е. как характер его труда, организация его труда и его воздействие на среду меняют его самого, - все это составляет основной фактор исторического развития...

Техника как средство. Техника возникает, когда для достижения цели вводятся промежуточные средства. Непосредственная деятельность, подобно дыханию, движению, принятию пищи, еще не называется техникой. Лишь в том случае, если эти процессы совершаются неверно, и для того, чтобы выполнять их правильно, принимаются преднамеренные действия, говорят о технике дыхания и т. п. Для техники характерно следующее.

Рассудок. Техника покоится на деятельности рассудка, на исчислении в сочетании с предвидением возможностей и догадками. Техника оперирует механизмами, превращает свои данные в количества и отношения. Она является частью общей рационализации как таковой.

Власть. Техника - это умение, методы которого являются внешними по отношению к цели. Это умение - способность делать и обладать, а не созидать и предоставлять расти. Применяя силу природы против силы природы, техника господствует над природой посредством самой природы. Это господство основано на знании. В этом смысле и говорят: знание - это власть.

Смысл техники. Власть над природой обретает смысл лишь при наличии целей, поставленных человеком, таких, как облегчение жизни, сокращение

каждодневных усилий, затрачиваемых на обеспечение физического существования, увеличение досуга и удобств. Смысл техники состоит в освобождении от власти природы. Ее назначение - освободить человека как животное существо от подчинения природе с ее бедствиями, угрозами и оковами. Поэтому принцип техники заключается в целенаправленном манипулировании материалами и силами природы для реализации назначения человека. Технический человек не принимает преднайденное просто как оно есть. Он рассматривает вещи под углом зрения их ценности для реализации человеческих целей и пытается приблизить формы вещей к особенностям этих целей (Дессауэр). Но это еще не исчерпывает смысла техника. Создание орудий труда подчинено идее некоего единства, а именно единства в рамках постоянно расширяющегося при своей замкнутости преобразования человеком окружающей его среды. Животное находит среду уже данной, с которой оно, не сознавая этого, неразрывно связано. Человек, также пребывая в этой связи, выводит создаваемую им самим среду за границы этой связи, в беспредельность. Жизнь в среде, отчасти созданной им самим, является признаком самой сущности человека. Он находит себя в созданной им среде не только вследствие освобождения от нужды, но и в силу воздействия на него красоты, соразмерности и формы им сотворенного. Он утверждает свою реальность, по мере того как расширяет свою среду.

Виды техники. Мы различаем технику, производящую энергию, и технику, производящую продукты. Так, например, рабочую силу человек получает с помощью прирученных им животных, ветряных и водяных мельниц. Техника, производящая продукты, делает возможными такие занятия, как прядение, ткачество, гончарное, строительное дело, а также применение медицинских средств лечения...

Техникой мы называем всякое оперирование материалами и силами природы для получения полезных вещей и эффектов. Лишь по аналогии говорят о технике при планомерных действиях другого рода, когда последние ведут к различного рода устройствам и к механической повторяемости, как, например, при организации человеческих отношений, деятельности институтов, попытках воздействовать на свое тело и душу.

Открытие и повторяющаяся работа. Техническими мы называем такие правила, которым можно учить, которые можно идентично передавать и применять. В качестве теории техника дает нам методы, целесообразные для достижения цели, т. е. такие, которые, во-первых, соответствуют данной вещи, во-вторых, позволяют не затрачивать лишних усилий и обращаться только к необходимому. Техника составляет совокупность открытых человеком приемов и действий, которые можно затем повторять в любом количестве сколько угодно раз.

Поэтому творческая деятельность, которая ведет к техническим открытиям, резко отличается от трудовых свершений, где однажды найденное лишь повторяется в процессе чисто количественного накопления.

Великий исторический перелом в развитии техники Техника как умение применять орудия труда существует с тех пор, как существуют люди. Техника на основе знания простых физических законов издавна действовала в области ремесла, применения оружия, при использовании колеса, лопаты, плуга, лодки, силы животных, паруса и огня; мы обнаруживаем эту технику во все времена, доступные нашей исторической памяти. В великих культурах древности, особенно в западном мире, высокоразвитая механика позволила перевозить огромные тяжести, воздвигать здания, строить дороги и корабли, конструировать осадные и оборонительные машины.

Однако эта техника оставалась в рамках того, что было сравнительно соразмерно человеку, доступно его обзору. То, что делалось, производилось мускульной, силой человека с привлечением силы животных, силы натяжения, огня, ветра и воды и не выходило за пределы естественной среды человека. Все изменилось с конца XVIII века... Были открыты машины - машины, автоматически производящие продукты потребления. То, что раньше делал ремесленник, теперь делает машина... Возникла необходимость изобрести такие машины, силой которых работали бы машины, производящие продукты. Поворотным пунктом стало открытие парового двигателя (1776); вслед за этим появился универсальный двигатель - электромотор (динамомашин в 1867 г.)... Превыше механика располагала лишь ограниченной мощностью в виде мускульной силы человека или животного, силы ветра и воды, приводившей в движение мельницы. Новым стало теперь то, что в распоряжении человека оказалась в тысячу раз большая сила, которую, как сначала казалось, можно увеличивать до бесконечности. Подобное развитие техники стало возможным только на основе естественных наук на их современном уровне.

№8. Чем постиндустриальное общество отличается от традиционного (аграрного) и индустриального общества? Каковы основные характеристики постиндустриальной экономики? На какой стадии, по вашему мнению, находится Россия?

Стоуньер Т. «Информационное богатство: профиль постиндустриальной экономики». «Следует заметить, что ни одна большая страна никогда не обходилась и не могла обойтись без того, чтобы в ней чего-либо не производилось», - писал А. Смит. Это утверждение сегодня столь же справедливо, как и два века тому назад. Однако некоторые важные акценты сместились. Точно так же как во времена Смита центр тяжести экономики стал смещаться от сельского хозяйства к промышленности, так и сегодня он смещается от промышленности к информации. И подобно тому, как в конце XVIII - начале XIX века сложилась постаграрная экономика, так сегодня технологически передовые секторы глобального общества переходят на стадию постиндустриальной экономики.

В аграрной экономике хозяйственная деятельность была связана преимущественно с производством достаточного количества продуктов питания, а лимитирующим фактором обычно была доступность хорошей земли. В индустриальной экономике хозяйственная деятельность была по преимуществу производством товаров, а лимитирующим фактором - чаще всего капитал. В информационной экономике хозяйственная деятельность - это главным образом производство и применение информации с целью сделать все другие формы производства более эффективными и тем самым создать больше материального богатства. Лимитирующий фактор здесь - наличное знание...

По мере развертывания промышленной революции земля все более теряла свое значение, а капитал, необходимый для инвестиций в средства производства, - приобретал. Вначале экономическая, а затем политическая власть постепенно перешла из рук аристократии к капиталистам. В наше время для многих индустриальных и некоторых постиндустриальных стран лимитирующим фактором стала энергия. Обладание нефтью и газом превратилось в фактор громадного экономического значения, с чем связан и фактор политической власти. В постиндустриальной экономике ни земля, ни труд, ни капитал не являются лимитирующими факторами. Таковым в современном производстве является информация (которая со временем поможет либо изыскать новые запасы нефти и

газа, либо найти их заменители). Поэтому экономическая и политическая власть переходит к производителям информации.

Сервисная экономика. К настоящему времени доля промышленного сектора в производстве валового национального продукта и в обеспечении занятости значительно сократилась и продолжает сокращаться. Отмечая это, следует, однако, помнить, что постиндустриальная экономика - это не экономика, в которой промышленность потеряла все и всяческое значение, равно как и то, что индустриальная экономика - это не экономика, лишенная достаточной аграрной базы. Подобно тому как гегемония промышленности в XIX веке не исключала значительного роста производительности сельского хозяйства, так и сегодня переход к сервисной экономике сопровождается значительным ростом производительности промышленных отраслей. Постиндустриальная экономика -- это экономика, в которой промышленность по показателям занятости и своей доли в национальном продукте уступает первое место сфере услуг, а сфера услуг есть преимущественно обработка информации. Анализ изменяющейся модели занятости показывает, что через три десятка лет для удовлетворения всех материальных потребностей общества будет достаточно 10% рабочей силы, и даже эта группа занятых в промышленности будет все в большей степени вовлекаться в обработку информации

Сдвиг к сервисному сектору в постиндустриальной экономике вывел на первое место услуги, связанные со знанием, - деловые и профессиональные услуги. Теоретически важно отличать этот постиндустриальный сервисный сектор от доиндустриального, состоявшего в основном из домашней прислуги и некоторых категорий мелких торговцев.

Кредитная экономика. Постиндустриальная экономика зиждется на кредите. Деловые сделки сейчас завершаются не столько переходом из одних рук в другие золота или денег, сколько переводом с одного счета на другой кредитной информации. В большинстве постиндустриальных экономик основная масса платежных операций производится чеками, кредитными карточками или банковскими ордерами. Даже правительства осуществляют свои бюджетные операции с помощью кредитных средств, намного превышающих по своей стоимости золотые запасы государства...

Транснациональная экономика. Процессы производства давно вышли за национальные рамки. Если в XIX веке производство прогрессивной для того времени техники концентрировалось в пределах тех или иных географических локалитетов, то сегодня оно зачастую рассредоточено по всему миру. Так, например, в Великобритании прошлого века паровозные локомотивы целиком и полностью производились в Лидсе, где было сосредоточено все необходимое для этого дела - сырье, уголь, металл. Сегодня все это делается совершенно не так. Например, строительство современного самолета - это целое международное дело; он собирается из тысяч компонентов, которые производятся в добром десятке стран... Транспортные издержки сегодня составляют лишь несколько процентов от стоимости конечной продукции, что содействовало переводу трудоемких отраслей производства из развитых в развивающиеся страны, в которых стоимость рабочей силы невысока.

Институциональная экономика вместо свободного рынка. В постиндустриальной экономике доминируют три силы - большая корпорация, правительство и профсоюз. Корпорации контролируют экономическую среду, монополизировав те или иные области рынка. Правительство стало гигантским работодателем и капиталистом. Профсоюзы держат под контролем уровень заработной платы, стараясь не дать ему упасть даже в периоды спадов; этому

служат и законы о минимуме заработной платы и условиях труда, принятые во многих странах под давлением профсоюзов.

Институционализация экономики, в частности, позволила Японии добиться выдающихся экономических успехов. Японские институты - правительство, деловые круги, профсоюзы - всегда отличались высоким уровнем взаимной солидарности, что отражает частью исторические традиции, частью - более высокий образовательный уровень общества. Все это так, однако вполне вероятно, что по мере развития информационной экономики институциональные факторы будут терять свое значение, поскольку новейшая технология позволяет децентрализовать как производство товаров, так и обеспечение общества услугами.

Беспрецедентное изобилие. Три столетия тому назад Европа голодала по причине частых эпидемий. Во время промышленной революции с эпидемиями было покончено, но голод оставался еще достаточно частым явлением. Сегодня это такая редкость, что газеты пишут о нем как о сенсации. С какой стороны ни взять, материальное благосостояние человека выросло в гигантской степени. Прошли времена, когда «джентльменов» на улицах узнавали по хорошей одежде. Сейчас почти в каждом доме есть водопровод, телевизор и многое другое, что необходимо для нормальной жизни. В большинстве семей свои автомобили. По мере роста расходов на социальные услуги огромные улучшения произошли в здравоохранении, образовании, общественном транспорте, коммуникациях, пенсионном обеспечении.

Ускоряющийся темп изменений. Чем больше знаешь, тем легче познавать новое. Чем больше изобретено, чем больше изобретают. Вот почему ускоряется темп изменений. Хотя еще имеются некоторые финансовые ограничения, развитие технологии все больше и больше «разогревает» технический прогресс. Раньше «за собой тянул рынок», теперь «толкает вперед технология». В своем постоянном ускорении техническое развитие приносит изменения не только в экономику, но и в общество в целом.

Богатство всегда в той или иной степени зависело от знания. В постиндустриальной экономике знание заменило собой традиционную триаду земли, труда и капитала и стало наиболее важной основой современных производительных систем. Фактически эти системы стали столь сложными, что в современном производстве основные усилия идут на поддержание его организованного состояния. Это объясняет появление и подъем новой профессиональной категории, доминирующей формы современного труда, — информационных работников.

Замещение земли знанием воплотилось в небоскребах, а также проявилось в высвобождении миллионов акров земли, прежде засевавшихся овсом и другим фуражным продуктом для тягловой силы, пока на смену лошади не пришел трактор. Знание может и «создавать» новые земли, отвоевывая их у моря или у пустыни. Замещение труда знанием осуществляется всякий раз, когда мы повышаем производительность труда путем механизации, автоматизации и более совершенной организации производства. Знание замещает и капитал, уменьшая себестоимость производства и, следовательно, необходимый объем капиталовложений. Наиболее показательный пример на этот счет - падение стоимости, компьютеров...

Богатство создается образованными людьми. Обучение дает квалификацию, образование - метаквалификацию, т. е. систему знаний, облегчающую поиск и усвоение новых знаний. Американские фермеры имеют не только высокую квалификацию, которую им дали опыт работы на ферме и среднее образование. Они имеют метаквалификацию, которая дает знание того, к

кому и когда обратиться за советом - к юристу, ветеринару, местному агенту по снабжению, сотруднику университетского факультета патологии растений, оптовому закупщику, метеорологу, механику. Метаквалификация, таким образом, позволяет человеку найти нужную информацию и усвоить ее, даже если она находится далеко за пределами его личного опыта.

Индустрия знаний. Занятость и возрастание человеческого капитала, новые идеи и целые отрасли промышленности - все это сегодня обеспечивается университетами. Университет становится все более важным институтом по мере того, как технический прогресс становится все менее зависимым от одиночных изобретателей, действующих по принципу проб и ошибок, и все более - от теоретического знания. В раннеиндустриальную эпоху технология опережала науку, теперь они поменялись местами. Фундаментальные исследования по физике твердого тела предвосхитили транзистор и позволили его разработать...

При соответствующем деловом климате университеты порождают новые промышленные отрасли, такие, как Кремниевая долина - крупнейший в мире центр по производству электроники. Даже новообразованный университет в Бредфорде уже дал вокруг себя целую поросль небольших предприятий по производству новейшего научного оборудования, консультативных и издательских фирм, компаний по производству компьютерных программ для образования.

Согласно Ф. Махлупу, образование - это самая большая отрасль современной индустрии, включающая в себя не только образовательные институты, но и приобретение человеком знаний дома, в церкви, в армии. Другой после институционализированного образования компонент индустрии знаний, финансируемый правительством, - это система научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ. Третий компонент - средства информации и коммуникации: типографии, издательства, театр, кино, радио, телевидение, почта и др. Четвертый компонент - информационные машины: печатные машинки, компьютеры, контрольные системы, музыкальные инструменты и сигнальные системы. Наконец, последний компонент индустрии знаний, который труднее всего квантифицировать, - это всевозможные консультативные службы, отчетность, обработка и передача данных. Махлуп определил, что в 1958 г. около 29% валового национального продукта (ВНП) США расходовалось на индустрию знаний.

Задания к семинару № 16 (Раздел 14 АКСИОЛОГИЯ, [Тема № 50](#))

№1. Какие виды ценностей выделяет В. Франкл? Исходя из его трактовки, можно ли лишать неизлечимо больного человека жизни и почему? Какие ценности преобладают в Вашей жизни?

Виктор Франкл «Общий экзистенциальный анализ». Очень часто какой-нибудь из наших пациентов жалуется нам, что его жизнь не имеет никакого смысла, поскольку его деятельность лишена высокой ценности. Мы должны убедить его прежде всего в том, что в конечном счете безразлично, какое место человек занимает в профессиональной жизни, кем он работает. Гораздо важнее то, как он работает, соответствует ли он занимаемому месту. Важно, следовательно, не то, как велик радиус его деятельности; важно лишь одно - выполняет ли он круг своих обязанностей. Простой человек, который действительно выполнил конкретные задачи, поставленные перед ним профессией и семьей, несмотря на свою «маленькую» жизнь достиг большего и

стоит выше, чем, например, какой-нибудь «большой» государственный муж, во власти которого одним росчерком пера решать судьбы миллионов людей, но который, однако, принимает недобросовестные решения.

Но кроме ценностей, которые могут быть реализованы путем творчества - назовем их ценностями творчества, - имеются и «ценности переживания», которые реализуются в восприятии мира, например, в увлечении красотами природы или искусством. Не следует недооценивать ту полноту смысла, которую они могут дать человеческой жизни. Если кто-нибудь сомневается в том, что актуальный смысл определенного мгновения человеческого существования может быть реализован в простом переживании, т. е. вне всякого действия и вне всякой активной ценностной реализации, то мы отсылаем его к следующему мысленному эксперименту. Пусть он представит себе, что человек, любящий музыку, сидит в концертном зале; в его ушах звучат прекрасные звуки любимой симфонии, и он испытывает тот трепет, который можно испытывать лишь при восприятии чистейшей красоты; пусть он представит себе, что этому человеку в этот момент зададут вопрос, имеет ли смысл его жизнь; спрашиваемый ответит, что благодаря уже одному этому прекрасному моменту его жизнь оправдана. Скорее всего, речь идет даже об одном мгновении - по величию одного этого мгновения можно измерить величие всей жизни: высота горного хребта тоже ведь измеряется по самой высокой его вершине. Так и в жизни - ее смысл решают ее вершинные моменты, и одно мгновение жизни может наполнить ее высочайшим смыслом. Давайте спросим о смысле жизни человека, поднимающегося в горы и наслаждающегося красотами цветущих Альп. Он так захвачен великолепием их, что у него даже мурашки бегут по спине; вряд ли его жизнь когда-либо в будущем сможет стать *совершенно* бессмысленной после такого переживания.

Я считаю, что существует и еще одна, третья категория ценностей. Жизнь может оказаться осмысленной и тогда, когда в ней нет ни творческих порывов, ни богатых переживаний. Крайне важно в этом случае то, как человек относится к ограничению своих жизненных возможностей. Именно в его отношении к этому сужению своих возможностей открывается новое, подлинное царство ценностей, которые, безусловно, относятся к высочайшим. Так бедное, казалось бы, существование - в действительности же лишенное лишь ценностей творчества и переживаний - имеет последний, но самый великий шанс реализовать ценности. Эти ценности мы назовем ценностями отношения. Здесь речь идет о том, как человек относится к своей судьбе, которую нельзя изменить.

Возможность реализовать такие ценности отношения появляется тогда, когда человек оказывается сурово обиженным судьбой и ему не остается ничего другого, как принять ее и нести свой крест. Речь в данном случае идет о мужестве в страдании, о достоинстве даже в падении и неудачах. Но как только мы вовлекли ценности отношения в область возможных ценностных категорий, обнаруживается, что человеческое существование, собственно, никогда не может стать действительно бессмысленным: жизнь человека сохраняет смысл «*in ultimus*» (до последнего) - т. е. до тех пор, пока он дышит; пока человек осознает себя, он несет ответственность за реализацию ценностей, даже если это лишь ценности отношения. Обязанность реализовывать ценности не оставляет человека до самого последнего мгновения его существования. И пусть возможности реализации ценностей творчества довольно ограничены, всегда есть возможность реализовать ценности отношения. Так подтверждается значимость мысли, которую мы приняли за исходную точку: быть человеком - значит ясно осознавать свое бытие и свою ответственность перед ним.

В жизни человеку каждый час предоставляется возможность обращения то к одной, то к другой группе ценностей. Жизнь требует от нас либо реализации

ценностей творчества, либо обращения к ценностям переживания. В первом случае мы можем обогатить мир своей деятельностью, а во втором обогатимся сами благодаря переживанию. В одном случае требование момента может быть реализовано путем деятельности, в другом - посредством нашего восприятия. Следовательно, и к радости человек может быть «обязан». Человека, который сидит в трамвае и становится свидетелем великолепного солнечного заката или чувствует запах цветущих акаций и не отдается переживанию этих природных явлений, а продолжает читать газету, можно считать в каком-то смысле «безответственным», игнорирующим требования момента.

Не могу не рассказать об одном больном, сумевшем в тяжелейшей ситуации реализовать все три приведенные выше ценностные категории. Речь идет о еще молодом человеке, который лежал в больнице по поводу неоперабельной, глубоко сидящей в спинном мозге злокачественной опухоли. Паралич лишил его возможности работать. Таким образом, он не имел больше возможности реализовывать свои творческие ценности. Но и в таком состоянии для него оставалось открытым царство ценностей переживания. Он вел интересные высокодуховные беседы с другими пациентами (стараясь одновременно занять их, внушить им мужество и дать утешение), он читал интересную литературу, слушал хорошую музыку - до того дня, когда он не смог больше выносить наушники и его парализованные руки не могли больше держать книгу. Тогда он дал своей жизни второе дыхание: если ранее он был вынужден перейти от реализации ценностей творчества к реализации ценностей переживания, то теперь он обратился к ценностям отношения. Он, несмотря на тяжелейший недуг, сумел стать советчиком и примером своему товарищу по палате! За день до своей смерти (которую он предвидел, зная, что дежурному врачу было поручено ночью ввести ему морфий) он сделал следующее. Когда этот врач появился у него с вечерним визитом, больной попросил сделать ему инъекцию - чтобы не будить его (врача) ночью.

**№2. Какая проблема рассматривается в данном тексте?
Верно ли решение, предлагаемое автором и почему?**

Николай Онуфриевич Лосский «Условия абсолютного добра». Ценность личности выше ценности неличных аспектов бытия, и любовь к личности выше любви к неличным ценностям. Поэтому, когда случается встретить пренебрежение к жизни личности и в то же время страстную любовь к какой-либо неличной ценности, мы воспринимаем это явление как нечто ненормальное и отталкивающее. Так, библиофил патер Дон Винченце в погоне за «уникумом» убил девять человек, которые, по его догадкам, были собственниками книги; он проявил при этом заботу о душе своих жертв, давал им отпущение грехов и оправдывал свое преступление тем, что человеку все равно суждено умереть, а чтобы благородные книги сохранились, такова воля Божия.

Конечно, страсть Дон Винченце есть крайнее извращение души, однако и противоположная ей склонность отдавать предпочтение жизненным интересам человека при любом столкновении их с неличными ценностями также представляет собой заблуждение. Есть люди, говорящие, что великолепная обстановка храмов, пышные ризы священнослужителей шокируют их, потому что есть голодные, в пользу которых можно было бы употребить эти богатства. Вступив на этот путь, можно пойти и дальше, усомнившись в праве человечества затрачивать большие средства на создание великолепных картинных галерей и музеев, наконец, вообще на создание художественных ценностей, картин, скульптурных произведений, грандиозных византийских, романских, готических храмов. Далее можно осудить сооружение грандиозных библиотек, хранящих по

возможности все печатные произведения страны, научных учреждений, не имеющих целью удовлетворять простейшие насущные нужды человека. Это путь, на который приглашал Л. Толстой. В основе этого вида человеколюбия лежит или отрицание высших ценностей, или ложный вывод из закона, драматически осложняющего жизнь в нашем психоматериальном царстве бытия, именно из закона, согласно которому ранги ценностей и степень силы их не совпадают: низшие ценности более сильны, чем высшие, и неосуществление их (например, недостаток питания) ведет за собой более ошутительное и более разрушительное зло, чем неосуществление высших ценностей. В общественной жизни почти всякая реформа, иногда даже и незначительная, всякое смелое предприятие может привести к осложнениям и опасностям, ведущим за собой страдания или гибель людей. Несколько лет тому назад в Румынии введение нового стиля в православный календарь вызвало беспорядки в каком-то селе, во время которых было убито несколько человек. Столкновение личной жизни человека с могучей жизнью государства потрясающе выражено в гениальной поэме Пушкина «Медный всадник», где изображено безумие маленького чиновника, невеста которого погибла во время наводнения, вспышка ненависти его при виде памятника Петру Великому и совершенное разрушение его судьбы...

Решая вопросы о столкновении интересов личности с задачей защиты и осуществления неличных ценностей, необходимо помнить, что неличные ценности (разумеев под этим словом все, что не есть ценность самого индивидуума) вовсе не внеличны: они входят или могут войти в состав жизни личности и придавать ей полноту и содержательность; отказ от таких ценностей, как красота, открытие и распространение истины, борьба за социальные реформы и т. д., привел бы к совершенному опустошению жизни личности и вместе с тем, следовательно, к невозможности проявления ее индивидуальной ценности, как носителя своеобразной творческой деятельности. Нельзя *propter vitam vitae perdere causam* (ради жизни утрачивать смысл жизни). В случае нападения хищного соседнего народа отказ от защиты своего отечества ради сохранения своей жизни был бы обесценением также и своей жизни. По гораздо менее важным поводам люди рискуют своей жизнью, совершая путешествия в полярные страны, предпринимая смелые полеты для развития авиации, пытаясь подняться на Эверест, спасая во время пожара художественные сокровища и т. п. Даже в борьбе за ценности весьма невысокого ранга, за блага экономические, человек мужественно берется за опасные предприятия. Рыболовы смело пускаются в море за добычей, и многие из них рано или поздно кончают жизнь свою в волнах океана. Ганзейские купцы говорили «*naviga-re necesse est, vivere non est necesse*» (мореплавание необходимо, жить не необходимо). Грозная опасность не отталкивает человека, а зачастую манит его к себе.

Есть упоение в бою
И бездны мрачной на краю,
И в разъяренном океане -
Средь грозных волн и бурной тьмы,
И в аравийском урагане,
И в дуновении Чумы.
Все, все, что гибелью грозит,
Для сердца смертного таит
Неизъяснимы наслажденья -
Бессмертья, может быть, залог!
А.С. Пушкин. Пир во время чумы.

Пушкин не только поэтически изобразил влечение человека к опасности, но и объяснил его. Человеческая личность вечна. Нет в мире ценностей, которые

были бы выше индивидуального личного бытия и индивидуальной жизни, но многие ценности стоят выше земного телесного существования. Подвергая опасности свою телесную жизнь ради высокой цели, человек сознает неразрушимость своей личности и в дополнение к метафизической вечности своего «я» приобретает нередко еще и бессмертие в памяти потомков, как Сократ, христианские мученики, Галилей.

Никакого столкновения между своими личными интересами и интересами общества человек не испытывает тогда, когда он рискует всем в борьбе за высшие ценности, столь глубоко освоенные (интроецированные) им, что они стали частью его личной жизни, например, когда физик, химик, биолог предпринимает опасные эксперименты ради открытия новых истин. Столкновение возникает тогда, когда общество требует от индивидуума борьбы за ценности, стоящие вне его понимания и кругозора. Предотвратить это нарушение гармонии душевной жизни можно путем воспитания любви к таким высоким ценностям, которые необходимо связаны с бесчисленным множеством содержаний жизни. Например, любовь к отечеству, к своему народу ведет в случае войны к самоотверженной защите также его художественных, научных, исторических ценностей, хотя бы они и стояли вне круга понимания воина. Точно так же любовь к авторитетным руководителям духовной жизни или высокое развитие чувства долга ведет к добровольному осуществлению высоких деяний, например при исполнении профессиональных обязанностей врача, полицейского, пожарного.

№3. В чем заключается «война богов»? Каково отношение Э. В. Ильенкова к этой проблеме? Прав ли он?

Макс Вебер «Наука как призвание и профессия». Невозможность «научного» оправдания практической позиции - кроме того случая, когда обсуждаются средства достижения заранее *намеченной* цели, - вытекает из более глубоких оснований. Стремление к такому оправданию принципиально лишено смысла, потому что различные ценностные порядки мира находятся в непримиримой борьбе. Старик Милль - философию его в целом я не похвалю, но здесь он был прав - как-то сказал: если исходить из чистого опыта, то придешь к политеизму. Это сказано напрямик и звучит парадоксально, но это правда. Сегодня мы хорошо знаем, что священное может не быть прекрасным, более того - оно священно именно *потому и постольку, поскольку* не прекрасно. Мы найдем тому примеры в 53 главе Исайи и в 21 псалме. Мы знаем также, что прекрасное может не быть добрым и даже что оно прекрасно именно потому, что не добро, - это нам известно со времени Ницше, а еще ранее вы найдете это в «Цветах зла» - так Бодлер назвал томик своих стихов. И уже ходячей мудростью является то, что истинное может не быть прекрасным и что нечто истинно лишь постольку, поскольку оно не прекрасно, не священно и не добро.

Но это самые элементарные случаи борьбы богов, несовместимости ценностей. Как представляют себе возможность «научного» выбора между ценностью французской и немецкой культур, этого я не знаю. Тут тоже спор разных богов и демонов: точно так же как эллин приносил жертву Афродите, затем Аполлону и прежде всего каждому из богов своего города, так это происходит и по сей день, - только без одеяний и волшебства этого мифического образа действий, внутренне, однако, исполненного истинной пластики. А этими богами и их борьбой правит судьба, а вовсе не «наука». Следует только понять, что представляет собой божественное для одного и что - для другого, или как оно выступает в одном и в другом порядке. Но тем самым кончается обсуждение предмета в аудитории профессором - это, разумеется, не означает, что вместе с тем кончается сама эта серьезнейшая жизненная проблема. Однако слово здесь

уже не за университетскими кафедрами, а за иными силами. Какой человек отважится «научно опровергать» этику Нагорной проповеди, например заповедь «непротивления злу» или притчу о человеке, подставляющем и левую, и правую щеку? И тем не менее ясно, что здесь, если взглянуть на это с мирской точки зрения, проповедуется этика, требующая отказа от чувства собственного достоинства: нужно выбирать между религиозным достоинством, которое дает эта этика, и мужским достоинством, этика которого проповедует нечто совсем иное: «Противься злу, иначе ты будешь нести свою долю ответственности, если оно пересилит». В зависимости от конечной установки индивида одна из этих этических позиций исходит от дьявола, другая - от бога, и индивид должен решить, кто для него бог и кто дьявол. И так обстоит дело со всеми порядками жизни.

Величественный рационализм методически-этического образа жизни, которым проникнуто всякое религиозное пророчество, низложил это многобожие в пользу «Единого на потребу», а затем перед лицом реальностей внешней и внутренней жизни был вынужден ввести релятивизм и пойти на те компромиссы, которые всем нам известны из истории христианства.

Но сегодня это стало религиозными «буднями». Многочисленные древние боги, лишённые своих чар и поэтому принявшие образ безличных сил, выходят из гробов, стремятся завладеть нашей жизнью и вновь начинают вести между собой свою вечную борьбу. Но что так трудно современному человеку и труднее всего молодому поколению, так это быть вровень с этими буднями. Всякая погоня за «переживаниями» вырастает из этой слабости. Ибо не иметь сил взглянуть в суровое лицо судьбы, судьбы времени - это слабость...

По отношению к проблеме ценности, о которой каждый раз идет речь, можно занять практически разные позиции - для простоты я предлагаю вам взять в качестве примера социальные явления. Если занимают определенную позицию, то в соответствии с опытом науки следует применить соответствующие *средства*, чтобы эту позицию практически провести в жизнь. Эти средства, возможно, уже сами по себе таковы, что вы считаете необходимым их отвергнуть. В таком случае нужно выбирать между целью и неизбежными средствами ее. «Освящает» цель эти средства или нет? Учитель должен показать вам необходимость такого выбора. Большого он не может - пока остается учителем, а не становится демагогом. Он может вам, конечно, сказать: если вы хотите достигнуть такой-то цели, то вы должны принять также и соответствующие следствия, которые, как это показывает опыт, влечет за собой деятельность по достижению этой цели.

Все эти проблемы могут возникнуть и у каждого техника, ведь он тоже часто должен выбирать по принципу меньшего зла или относительно лучшего варианта. Для него важно, чтобы было дано одно главное: *цель*. Но именно она, поскольку речь идет о действительно «последних» проблемах, нам не *дана*. И тем самым мы подошли к последнему акту, который наука, как таковая, должна осуществить ради достижения ясности, и одновременно мы подошли к границам самой науки.

Мы можем и должны вам сказать: такие-то практические установки с внутренней последовательностью и, следовательно, честностью можно вывести - в соответствии с их духом - из такой-то последней мировоззренческой позиции (может быть, из одной, может быть, из разных), а из других - нельзя. Если вы выбираете эту установку, то вы служите, образно говоря, одному богу и *оскорбляете всех остальных богов*. Ибо если вы остаетесь верными себе, то вы необходимо приходите к определенным последним внутренним следствиям. Это можно сделать, по крайней мере, в принципе. Выявить связь последних установок с их следствиями - это задача философии как социальной дисциплины и как философской базы отдельных наук. Мы можем, если понимаем свое дело (что

здесь должно предполагаться), заставить индивида - или по крайней мере помочь ему - *дать себе отчет в конечном смысле собственной деятельности*. Это мне представляется отнюдь не маловажным даже для чисто личной жизни. Если какому-нибудь учителю это удастся, то я бы сказал, что он служит «нравственным» силам, поскольку вносит ясность; что он тем лучше выполняет свою задачу, чем добросовестнее будет избегать внушать слушателям свою позицию, свою точку зрения.

То, что я вам здесь излагаю, вытекает, конечно, из главного положения, а именно из того, что жизнь, основанная на самой себе и понимаемая из нее самой, знает только вечную борьбу богов, знает (если не прибегать к образу) только несовместимость наиболее принципиальных, вообще возможных жизненных позиций и непримиримость борьбы между ними, а следовательно, необходимость между ними *выбирать*. Заслуживает ли наука при таких условиях того, чтобы стать чьим-то «призванием», и есть ли у нее самой какое-либо объективное ценное «призвание» - это опять-таки ценностное суждение...

Судьба нашей эпохи, с характерной для нее рационализацией и интеллектуализацией и прежде всего расколдованием мира, заключается в том, что высшие благороднейшие ценности ушли из общественной сферы или в потустороннее царство мистической жизни, или в братскую близость непосредственных отношений отдельных индивидов друг к другу. Не случайно наше самое высокое искусство интимно, а не монументально; не случайно сегодня только внутри узких общественных кругов, в личном общении, крайне тихо, пианиссимо, пульсирует то, что раньше буйным пожаром, пророческим духом проходило через большие общины и спланивало их. Если мы попытаемся насильственно привить вкус к монументальному искусству и «изобретем» его, то появится нечто столь же жалкое и безобразное, как то, что мы видели во многих памятниках последнего десятилетия. Если попытаться ввести религиозные новообразования без нового, истинного пророчества, то возникнет нечто по своему внутреннему смыслу подобное - только еще хуже. И пророчество с кафедры создаст в конце концов только фантастические секты, но никогда не создаст подлинной общности. Кто не может мужественно вынести этой судьбы эпохи, тому надо сказать: пусть лучше он молча, без публичной рекламы, которую обычно создают ренегаты, а тихо и просто вернется в широко и милостиво открытые объятия древних церквей. Это ведь нетрудно. Он должен при этом так или иначе принести в «жертву» интеллект - это неизбежно. Мы не будем его порицать за это, если он действительно в состоянии это сделать. Ибо подобное принесение в жертву интеллекта ради безусловной преданности религии есть все же нечто в нравственном отношении иное, чем попытка уклониться от обязанности быть интеллектуально добросовестным, что бывает тогда, когда не имеют мужества дать себе ясный отчет относительно собственной конечной позиции, а облегчают себе выполнение этой обязанности с помощью дряблого релятивизма. Та позиция представляется мне более высокой, чем кафедральное пророчество, не дающее себе отчета в том, что в стенах аудитории не имеет значения никакая добродетель, кроме одной: простой интеллектуальной честности. Но эта честность требует от нас констатировать, что сегодня положение тех, кто ждет новых пророков и спасителей, подобно тому положению, о котором повествуется в одном из пророчеств Исайи, - речь идет здесь о прекрасной песне едомского сторожа времен изгнания евреев: «Кто мне кричат с Сеира: сторож! сколько ночи? сторож! сколько ночи? Сторож отвечает: приближается утро, но еще ночь. Если вы настоятельно спрашиваете, то обратитесь и приходите».

Народ, которому это было сказано, спрашивал и ждал более двух тысячелетий, и мы знаем его потрясающую судьбу. Из этого надо извлечь урок: одной только тоской и ожиданием ничего не сделаешь, и нужно действовать по-иному - нужно обратиться к своей работе и соответствовать «требованию дня» - как человечески, так и профессионально. А требование это будет простым и ясным, если каждый найдет своего демона и будет послушен этому демону, ткущему нить его жизни.

Эвальд Васильевич Ильенков «Что там, в Зазеркалье?». Это очень старый вопрос - об отношении красоты, добра и истины. В наши дни он формулируется чаще как вопрос об отношении искусства, этики и науки. Но это тот же самый вопрос. В старину его решали просто. Истина, добро и красота - это лишь три разных способа выражения одного и того же. Одно и то же, выраженное тремя разными способами. Пусть решение это ныне кажется слишком простым, прямолинейным и наивно абстрактным, но другого общего решения нет.

Можно, разумеется, упрекнуть это решение в том, что оно слишком общо. Можно посетовать, что в такой общей форме оно не только не решает, но даже и не учитывает всех тех конкретных трудностей, которые встают сразу же, как только его пытаются применить к анализу реальных - исторически-конкретных - взаимоотношений между этими тремя способами выражения. Легко выдвинуть возражение, состоящее в том, что эти взаимоотношения в действительности весьма натянутые, эти пути «истины», «красоты» и «добра» расходятся в реальной жизни весьма далеко.

Все это так. То гармоническое единение между ними, которое предполагается формулой старого исходного решения, не так-то легко «оправдать» историческими фактами. Более того, если этот всеобщий закон понимать как правило, которому обязан безропотно подчиняться каждый отдельный случай, то история, скорее, опровергает выставленную общую формулу.

В лучшем случае эту всеобщую формулу можно сохранить тогда лишь как формулу мечты, надежды, идеально-несбыточного состояния, но не как фактически данного их отношения друг к другу. Но тогда на какие же реальные факты будет опираться такая мечта?

Общая формула дает ответ: надежда покоится на том, что истина, добро и красота глубоко родственны «по существу дела», они растут из одного корня, питаются одними соками. Поэтому, как бы далеко ни разошлись ветви в своем росте, они всегда останутся ветвями одного дерева. Поэтому они «внутренне» не могут быть враждебны друг другу, хотя бы «внешне» дело и выглядело именно так. Ведь бывают же дурные отношения между сыновьями одной матери, что, однако, не является доводом в пользу склочных отношений в семье, а тем более - всеобщим законом развития взаимоотношений между братьями... Печальные исключения не могут опрокинуть всеобщий закон. Мало ли что бывает в ненормальных условиях...

Если между «добром» и «красотой» есть хоть какая-нибудь связь, заслуживающая серьезного, научно-теоретического рассмотрения и уяснения, то на языке логики это допущение выразится именно так, и только так, как его выразили давным-давно. А именно: «добро» и «красота» - это только два способа выражения одного и того же. Так же как «красота» и «истина».

И тогда вопрос перед вами встанет так: а что же это такое, это самое «одно и то же», выраженное один раз в виде «добра», другой раз - в образе «красоты», а третий раз - в форме «истины»? Тогда, как подсказывает элементарная логика, вы обязаны будете ответить прежде всего на вопрос: что он такое, этот Икс, который,

сам по себе не будучи ни тем, ни другим, ни третьим, вдруг предстает перед нами то в облике «красоты», то в образе «добра», то в костюме «истины»?

В самом деле, что можно увидеть общего между злой красавицей, некрасивым добром и безобразной истиной, которая только и старается быть ни «доброй», ни «злой», ни «красивой», ни «безобразной»?

Никакого «господина Икс» не было и нет. А есть я, всем вам прекрасно известный, популярный, знакомый человек, портреты которого рисуют чуть ли не на коробках с шоколадными конфетами. Всем нам хорошо известный, конкретный человек. Человек с его сложной, трудной и противоречивой судьбой-историей - пьесой, которую он сам же исполняет, сочиняя по ходу действия, действуя по обстоятельствам, созданным вначале матушкой-природой, а потом, чем дальше, тем больше, - ходом своего же собственного действия...

То самое «одно и то же», что пытается выразить и осознать себя в «трех разных способах выражения» - рассмотреть самого себя в зеркале науки, в зеркале искусства и в зеркале нравственных критериев. Конечно, ни в одном из этих зеркал Человек не может рассмотреть себя во всей своей конкретной полноте. В каждом из них он отражается лишь односторонне - абстрактно. И все же во всех трех зеркалах отражается именно он - один и тот же.

И если три разных изображения одного и того же оказываются настолько одно на другое непохожими, что жуть берет, если то, что в одном зеркале отражается как красота, в другом предстает как ложь и зло; и, с другой стороны, глянешь в одно зеркало - на тебя глядит истина, а в другое - глядит на тебя звериный и злобный оскал безобразия, - то не надо на зеркало пенять. Лучше на себя оборотиться. Зеркала подлинной науки, подлинного искусства и подлинной нравственности, отшлифованные тысячелетним трудом людей, по праву носивших имя человека, не лгут. Лгут только мутные зеркала мнимого искусства, превращающие безобразие в красоту, а красоту - в безобразие.

И если уж ты оказался в ситуации, когда одно и то же предстает в одном зеркале - истинным, а в другом - безобразным и злым, то это свидетельствует лишь о трагическом действительном разладе в самой «сущности» смотрящегося в них человека. В «совокупности» общественных отношений. Это значит, что смотрящийся в зеркало науки человек на самом деле не обладает полной истиной, а обладает лишь частичной.

И если он упрямо принимает эту неполную, абстрактную и ущербную истину за полную и вполне достаточную, то эту его иллюзию и обнаруживает зеркало искусства. Ибо в этом зеркале ущербно-однобокий уродец никогда не отразится в виде Аполлона, а отразится в виде головастика, в виде Мозга-на-паучьих-ножках. И наоборот, Аполлон по внешности в зеркале науки может увидеть себя как безмозглого тупицу. А это уж никак не Аполлон. Мнимый Аполлон, мнимая, фальшивая красота.

Так что трагическое расхождение между тремя разными способами выражения одного и того же - это только индикатор, показывающий, что реальный человек, в них глядящийся, не обладает полной истиной именно потому, что он некрасив и недобр. Или ежели он отражается там уродливым злодеем, то это значит, что истина, которой он обладает, неполна и требует каких-то существенных уточнений, хотя и кажется ему достаточной и полновесной. Если бы она и в самом деле была такой, человек отразился бы в зеркале искусства прекрасным, а в зеркале моральных критериев - добрым. Нет этого - значит, и истины у него подлинной нет. А есть только мнимая.

Посему и надо полагать, что умный злодей - это недостаточно умный человек, что красивый злодей - лишь мнимо красивый, а на деле отвратительно безобразный человек - та или иная разновидность Джеймса Бонда.

И попытки превращать отвратительного злодея в эстетически привлекательный персонаж - это попытки не только гнусные с нравственной точки зрения, но и эстетически невыполнимые, не могущие выдать произведение подлинного искусства. За это ручается наука, а не только практика самого подлинного искусства в его борьбе с искусством фальшивым, превращающим белое в черное, а черное в белое, тупого убийцу - в иконописный лик, а доброго и умного человека - в жалкое посмешище.

Все это и нужно, по-видимому, учитывать, рассуждая об искусстве «нравственном и безнравственном».

Подлинное искусство не может быть безнравственным по самой его природе, и, наоборот, безнравственное искусство - всегда фальшивое искусство, не искусство, а бездарный суррогат: формально, может стать, и ловкая, но бессодержательная по существу фальсификация подлинных эстетических ценностей.

А определить, с чем мы столкнулись, можно только одним путем: исходя из ясного, категорического и принципиально продуманного понимания того, что такое человек и в чем суть человеческих отношений, отношений человека к другому человеку и к матушке-природе.

Есть это человеческое отношение человека к другому человеку и к природе - есть и истина, и красота, и добро. Поэтому-то гармоническое соединение истины, добра и красоты - это критерий зрелости подлинно человеческих отношений. И отбрасывать этот критерий нельзя, не утрачивая возможности определять, что в сегодняшнем человеке успело стать человеческим, а что находится еще на звериной стадии, на уровне стадного животного,

№4. В чем различие позиций Л. Троцкого и Д. Дьюи по вопросу о соотношении цели и средств? Кто из них прав и почему?

Лев Троцкий «Их мораль и наша». Наиболее популярное и наиболее импонирующее обвинение направленное против большевистского «аморализма», находит свою опору в так называемом иезуитском правиле большевизма - «цель оправдывает средства». Отсюда уже нетрудно сделать дальнейший вывод, так как троцкисты, подобно всем большевикам (или марксистам), не признают принципов морали, следовательно, между троцкизмом и сталинизмом нет «принципиальной» разницы. Что и требовалось доказать...

Если мы захотим взять господ обличителей всерьез, то должны будем прежде всего спросить их: каковы же их собственные принципы морали? Вот вопрос, на который мы вряд ли получим ответ. Допустим, в самом деле, что ни личная, ни социальная цели не могут оправдать средства. Тогда нужно, очевидно, искать других критериев, вне исторического общества, и тех целей, которые выдвигаются его развитием. Где же? Раз не на земле, то на небесах. Попы уже давно открыли безошибочные критерии морали в божественном откровении. Светские попики говорят о вечных истинах морали, не указывая свой первоисточник. Мы вправе, однако, заключить: раз эти истины вечны, значит, они должны были существовать не только до появления на земле полуобезьяны-получеловека, но и до возникновения Солнечной системы. Откуда же они, собственно, взялись? Без бога теория вечной морали никак обойтись не может.

Моралисты англосаксонского типа, поскольку они не ограничиваются рационалистическим утилитаризмом, этикой буржуазного бухгалтера, выступают в качестве сознательных или бессознательных учеников виконта Шефтсбери (Shaftesbury), который - в начале 18 века! - выводил нравственные суждения из особого «морального чувства» (moral sense), раз навсегда будто бы данного

человеку. Сверхклассовая мораль неизбежно ведет к признанию особой субстанции, «морального чувства», «совести», как некоего абсолюта, который является не чем иным, как философски-трусливым псевдонимом бога. Независимая от «целей», то есть от общества, мораль - выводить ли ее из вечных истин или из «природы человека» - оказывается, в конце концов, разновидностью «натуральной теологии» (natural theology). Небеса остаются единственной укрепленной позицией для военных операций против диалектического материализма...

Иезуитский орден, созданный в первой половине 16 века для отпора протестантизму, никогда не учил, к слову сказать, что всякое средство, хотя бы и преступное с точки зрения католической морали, допустимо, если только оно ведет к цели, то есть к торжеству католицизма. Такая внутренне противоречивая и психологически немыслимая доктрина была злонамеренно приписана иезуитам их протестантскими, а отчасти и католическими противниками, которые не стеснялись в средствах для достижения своей цели. Иезуитские теологи, которых, как и теологов других школ, занимал вопрос о личной ответственности, учили на самом деле, что средство само по себе может быть индифферентным, но что моральное оправдание или осуждение данного средства вытекает из цели. Так, выстрел сам по себе безразличен, выстрел в бешеную собаку, угрожающую ребенку, - благо; выстрел с целью насилия или убийства - преступление. Ничего другого, кроме этих общих мест, богословы ордена не хотели сказать. Что касается их практической морали, то иезуиты вовсе не были хуже других монахов или католических священников, наоборот, скорее возвышались над ними, во всяком случае, были последовательнее, смелее и проницательнее других. Иезуиты представляли воинствующую организацию, замкнутую, строго централизованную, наступательную и опасную не только для врагов, но и для союзников. По психологии и методам действий иезуит «героической» эпохи отличался от среднего кюре, как воин церкви от ее лавочника. У нас нет основания идеализировать ни того, ни другого. Но совсем уж недостойно глядеть на фанатика-воина глазами тупого и ленивого лавочника...

Кто не хочет ни возвращаться к Моисею, Христу или Магомету, ни довольствоваться эклектической окрошкой, тому остается признать, что мораль является продуктом общественного развития; что в ней нет ничего неизменного; что она служит общественным интересам; что эти интересы противоречивы; что мораль больше, чем какая-либо другая форма идеологии, имеет классовый характер.

Но ведь существуют же элементарные правила морали, выработанные развитием человечества как целого и необходимые для жизни всякого коллектива? Существуют, несомненно, но сила их действия крайне ограничена и неустойчива. «Общеобязательные» нормы тем менее действительны, чем более острый характер принимает классовая борьба. Высшей формой классовой борьбы является гражданская война, которая взрывает на воздух все нравственные связи между враждебными классами. В «нормальных» условиях «нормальный» человек соблюдает заповедь: «Не убий!» Но если он убьет в исключительных условиях самообороны, то его оправдают присяжные. Если, наоборот, он падет жертвой убийцы, то убийцу убьет суд. Необходимость суда, как и самообороны, вытекает из антагонизма интересов. Что касается государства, то в мирное время оно ограничивается легализованными убийствами единиц, чтобы во время войны превратить «общеобязательную» заповедь: «Не убий!» - в свою противоположность. Самые «гуманные» правительства, которые в мирное время «ненавидят» войну, провозглашают во время войны высшим долгом своей армии истребить как можно большую часть человечества.

Так называемые «общепризнанные» правила морали сохраняют по существу своему алгебраический, то есть неопределенный, характер. Они выражают лишь тот факт, что человек в своем индивидуальном поведении связан известными общими нормами, вытекающими из его принадлежности к обществу. Высшим обобщением этих норм является «категорический императив» Канта. Но, несмотря на занимаемое им на философском Олимпе высокое положение, этот императив не содержит в себе ровно ничего категорического, ибо ничего конкретного. Это оболочка без содержания.

Причина пустоты общеобязательных форм заключается в том, что во всех решающих вопросах люди ощущают свою принадлежность к классу гораздо глубже и непосредственнее, чем к «обществу». Нормы «общеобязательной» морали заполняются на деле классовым, то есть антагонистическим, содержанием. Нравственная норма становится тем категоричнее, чем менее она «общеобязательна». Солидарность рабочих, особенно стачечников или баррикадных бойцов, неизмеримо «категоричнее», чем человеческая солидарность вообще. Буржуазия, которая далеко превосходит пролетариат законченностью и непримиримостью классового сознания, жизненно заинтересована в том, чтобы навязать свою мораль эксплуатируемым массам. Именно для этого конкретные нормы буржуазного катехизиса прикрываются моральными абстракциями, которые ставятся под покровительство религии, философии или того убудка, который называется «здравым смыслом». Апелляция к абстрактным нормам является не бескорыстной философской ошибкой, а необходимым элементом в механике классового обмана.

Средство может быть оправдано только целью. Но ведь и цель, в свою очередь, должна быть оправдана. С точки зрения марксизма, который выражает исторические интересы пролетариата, цель оправдана, если она ведет к повышению власти человека над природой и к уничтожению власти человека над человеком.

Значит, для достижения этой цели все позволено? - саркастически спросит филистер, обнаружив, что он ничего не понял. Позволено все то, ответим мы, что *действительно* ведет к освобождению человечества. Так как достигнуть этой цели можно только революционным путем, то освободительная мораль пролетариата имеет, по необходимости, революционный характер. Она непримиримо противостоит не только догмам религии, но всякого рода идеалистическим фетишам, этим философским жандармам господствующего класса. Она выводит правила поведения из законов развития общества, следовательно, прежде всего из классовой борьбы, этого закона всех законов.

Значит, все же в классовой борьбе с капиталистами дозволены все средства: ложь, подлог, предательство, убийство и прочее? - продолжает настаивать моралист. Допустимы и обязательны те, и только те, средства, отвечаем мы, которые сплачивают революционный пролетариат, наполняют его душу непримиримой враждой к угнетению, научают его презирать официальную мораль и ее демократических подголосков, пропитывают его сознанием собственной исторической миссии, повышают его мужество и самоотверженность в борьбе. Именно из этого вытекает, что *не* все средства позволены. Когда мы говорим, что цель оправдывает средства, то отсюда вытекает для нас и тот вывод, что великая революционная цель отвергает в качестве средств все те низменные приемы и методы, которые противопоставляют одну часть рабочего класса другим его частям; или пытаются осчастливить массу без ее участия; или понижают доверие массы к себе самой и к своей организации, подменяя его преклонением перед «вождями». Прежде всего и непримиримее всего революционная мораль отвергает сервилизм по отношению к буржуазии и

высокомерие по отношению к трудящимся, то есть те качества, которые насквозь пропитывают мелкобуржуазных педантов и моралистов.

Эти критерии не дают, разумеется, готового ответа на вопрос, что позволено и что недопустимо в каждом отдельном случае. Таких автоматических ответов и не может быть. Вопросы революционной морали сливаются с вопросами революционной стратегии и тактики. Правильный ответ на эти вопросы дает живой опыт движения в свете теории.

Диалектический материализм не знает дуализма средства и цели. Цель естественно вытекает из самого исторического движения. Средства органически подчинены цели. Ближайшая цель становится средством для более отдаленной цели. В своей драме «Франц фон Сикинген» Фердинанд Лассаль влагает следующие слова в уста одного из героев:

Укажи не только цель, укажи и путь.

*Ибо так нерасторжимо вырастают друг в друга
путь и цель,*

Что одно всегда меняется вместе с другим,

И путь иной порождает иную цель...

Допустим или недопустим, например, индивидуальный террор с «чисто моральной» точки зрения? В этой абстрактной форме вопрос совершенно не существует для нас. Консервативные швейцарские буржуа и сейчас воздают официальную хвалу террористу Вильгельму Теллю. Наши симпатии полностью на стороне ирландских, русских, польских или индусских террористов в их борьбе против национального и политического гнета. Убитый Киров, грубый сатрап, не вызывает никакого сочувствия. Наше отношение к убийце остается нейтральным только потому, что мы не знаем руководивших им мотивов. Если б стало известно, что Николаев выступил сознательным мстителем за попираемые Кировым права рабочих, наши симпатии были бы целиком на стороне убийцы. Однако решающее значение имеет для нас не вопрос о субъективных мотивах, а вопрос об объективной целесообразности. Способно ли мнимое средство действительно вести к цели? В отношении индивидуального террора теория и опыт свидетельствуют, что нет. Террористу мы говорим: заменить массы нельзя; только в массовом движении ты мог бы найти целесообразное применение своему героизму. Однако в условиях гражданской войны убийства отдельных насильников перестают быть актами индивидуального терроризма. Если бы, скажем, революционер взорвал на воздух генерала Франко и его штаб, вряд ли это вызвало бы нравственное возмущение даже у демократических евнухов. В условиях гражданской войны подобный акт был бы и политически вполне целесообразен! Так даже в самом остром вопросе - убийство человека человеком - моральные абсолюты оказываются совершенно непригодны. Моральная оценка вместе с политической вытекает из внутренних потребностей борьбы.

Джон Дьюи «Цели и средства». С марксистской точки зрения, которая выражает исторические интересы пролетариата, цель обоснована, если она ведет к возрастанию власти человека над природой и к уничтожению власти человека над человеком. Это возрастание власти человека над природой, сопровождаемое уничтожением власти человека над человеком, кажется именно целью как таковой, целью, которая не требует обоснования, но сама является обоснованием целей, выступающих по отношению к ней в качестве средств. Добавим, что немарксисты могли бы принять эту формулировку цели и согласиться, что она выражает моральный интерес общества, но только не исторический и не чисто пролетарский интерес...

Дурную славу максимы «цель оправдывает средства» (и сформулированной в ней практики) породило то, что конечная цель - цель

избранная и преследуемая (возможно, совершенно искренне) - настолько оправдывает выбор определенных средств, что уже не нужно исследовать, каковы будут реальные последствия их использования. Индивид вполне искренне может считать, что определенные средства «действительно» приведут к избранной и желаемой цели. Однако подлинный вопрос заключается не в чьей-то личной вере, а в ее объективных основаниях, а именно в действительно производимых ими последствиях. Так, когда Троцкий говорит, что «диалектический материализм не знает дуализма целей и средств», естественно предположить, что он рекомендует использование средств, способных по своей собственной природе вести к освобождению человечества как к объективному следствию.

Можно было бы ожидать, что с принятием идеи освобождения человечества в качестве конечной цели все средства, подходящие для ее достижения, будут исследованы вне традиционного понимания, каковы они *должны* быть, и каждое предлагаемое средство будет взвешено и оценено на основе оправданных и ожидаемых от него последствий. Но не в этом направлении развивает Троцкий свою мысль...

Средства «выводятся» не из рассмотрения цели - освобождения человечества, - а из другого, внешнего источника. Избранная цель - конечная цель - освобождение человечества, таким образом, подчинена классовой борьбе как средству, с помощью которого она и достигается. Вместо взаимозависимости цели и средств мы получаем, что цель зависит от средств, но средства не «выводятся» из цели...

Точка зрения, которую я определил как изначальную взаимозависимость средств и целей, вовсе не отбрасывает в сторону классовую борьбу как средство достижения цели. Но она отказывается от дедуктивного метода выбора этого средства и ничего не говорит о его единственности. Выбор классовой борьбы в качестве средства должен быть обоснован взаимозависимостью целей и средств не путем дедуктивного метода, а путем непосредственного исследования действительных последствий его использования. Конечно, исторические соображения имеют отношение к такому исследованию. Однако неправильно говорить о наличии фиксированного закона социального развития. Это то же самое, как если бы биолог или врач стали утверждать, что признаваемый ими определенный закон биологии соотносится с целью (здоровьем) настолько, что единственное средство ее достижения может быть выведено из него, и, следовательно, дальнейшие биологические исследования становятся ненужными - все известно заранее.

Одно дело сказать, что классовая борьба является средством достижения цели освобождения человечества, и совершенно другое - что существует абсолютный закон классовой борьбы, который определяет нужные средства. Ибо если он определяет средства, то он также определяет и цель - действительное следствие, и в соответствии с принципом общей взаимозависимости целей и средств весьма спорным следует признать субъективное утверждение, что этим следствием будет освобождение человечества. Освобождение человечества - это цель, к которой следует стремиться в любом принятом смысле «морального», это моральная цель. Никакой научный закон не может обеспечить достижение моральной цели путем игнорирования принципа взаимозависимости целей и средств. Марксист может искренне верить, что классовая борьба является главным законом социального развития. Отвлечемся от факта, что вера закрывает путь для дальнейшего исследования истории. Даже если классовая борьба была бы действительно научным законом истории, из этого не следовало бы, что это - средство достижения моральной цели освобождения человечества. То, что это именно такое средство, должно быть показано путем анализа средств

и их последствий, а не выведено из закона истории с помощью дедукции. Речь идет об исследовании, которое осуществляет свободный и непредсказуемый поиск средств достижения заданной цели - освобождения человечества.

Можно добавить еще одно соображение о классовой борьбе как о средстве. Вероятно, существует несколько, возможно даже много, различных путей, способов ведения классовой борьбы. Как же иначе можно сделать выбор между этими различными способами, как не с помощью исследования их последствий относительно цели освобождения человечества? Вера, что закон истории определяет конкретный путь классовой борьбы, безусловно, ведет к фактической и даже мистической привязанности к определенным способам ведения классовой борьбы и исключению всех иных путей. Мне бы не хотелось выходить за рамки теоретического вопроса взаимозависимости целей и средств, но, возможно, что курс, взятый революцией в СССР, становится более объяснимым, если заметить, что средства выводились из предполагаемого научного закона вместо выбора и принятия их на основе их отношения к моральной цели освобождения человечества.

Единственное заключение, к которому я могу прийти, - то, что, избегая один вид абсолютизма, Троцкий впал в другой. Обнаруживается странный переход ортодоксальных марксистов от преданности идеалам социализма и научным методам их достижения (научным, в смысле основанным на объективных отношениях средств и последствий) к классовой борьбе как к закону исторического изменения. Выведение установленных целей, средств и отношений из этого закона как главного делает все моральные вопросы, то есть все вопросы, связанные с конечной целью, бессмысленными.

Задания к семинару № 17 (РАЗДЕЛ 15 ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ, Темы № 51, 52)

№1. В чем различие между культурой и природой? Объективна культура или субъективна?

Генрих Риккерт «Науки о природе и науки о культуре». Слова «природа» и «культура» далеко не однозначны, в особенности же понятие природы может быть точнее определено лишь через понятие, которому его в данном случае противопоставляют. Мы лучше всего избежим кажущейся произвольности в употреблении слова «природа», если будем сразу придерживаться первоначального его значения. Продукты природы - то, что свободно произрастает из земли. Продукты же культуры производит поле, которое человек ранее вспахал и засеял. Следовательно, природа есть совокупность всего того, что возникло само собой, само родилось и предоставлено собственному росту. Противоположностью природе в этом смысле является культура как то, что или непосредственно создано человеком, действующим сообразно оцененным им целям, или, если оно уже существовало раньше, по крайней мере, сознательно взлелеяно им ради связанной с ним ценности.

Как бы широко мы ни понимали эту противоположность, сущность ее останется неизменной: во всех явлениях культуры мы всегда найдем воплощение какой-нибудь признанной человеком *ценности*, ради которой эти явления или созданы, или, если они уже существовали раньше, взлелеяны человеком; и наоборот, все, что возникло и выросло само по себе, может быть рассматриваемо вне всякого отношения к ценностям, а если оно и на самом деле есть не что иное, как природа, то и должно быть рассматриваемо таким образом. В объектах

культуры, следовательно, заложены ценности. Мы назовем их поэтому *благами* (Güter), для того чтобы таким образом отличить их как ценные части действительности от самих ценностей, как таковых, которые не представляют собой действительности и от которых мы здесь можем отвлечься. Явления природы мыслятся не как блага, а вне связи с ценностями, и если поэтому от объекта культуры отнять всякую ценность, то он точно так же станет частью простой природы. Благодаря такому либо существующему, либо отсутствующему отнесению к ценностям мы можем с уверенностью различать два рода объектов и уже потому имеем право делать это, что всякое явление культуры, если отвлечься от заложенной в нем ценности, должно быть рассмотрено как стоящее также в связи с природой и, стало быть, как составляющее часть природы.

Что же касается рода ценности, превращающей части действительности в объекты культуры и выделяющей их этим самым из природы, то мы должны сказать следующее. О ценностях нельзя говорить, что они существуют или не существуют, но только что они значат (gelten) или не имеют значимости. Культурная ценность или фактически признается общезначимой, или же ее значимость и тем самым более чем чисто индивидуальное значение объектов, с которыми она связана, постулируется по крайней мере хотя бы одним культурным человеком. При этом, если иметь в виду культуру в высшем смысле этого слова, речь здесь должна идти не об объектах простого желания (Begehren), но о благах, к оценке которых или к работе над которыми мы чувствуем себя более или менее нравственно обязанными в интересах того общественного целого, в котором мы живем, или по какому-либо другому основанию. Этим самым мы отделяем объекты культуры как от того, что оценивается и желается только инстинктивно (triebartig), так и от того, что имеет ценность блага, если и не на основании одного только инстинкта, то благодаря прихотям настроения...

Явления культуры должны быть рассматриваемы не только по отношению к ценности, но также и по отношению к оценивающему их психическому существу, потому что ценности оцениваются только психическим существом, - обстоятельство, благодаря которому психическое вообще рассматривается как нечто более ценное по сравнению с телесным. Так что на самом деле существует связь между противоположением природы и культуры, с одной стороны, и природы и духа - с другой, поскольку в явлениях культуры, представляющих собою блага, всегда должна участвовать оценка, а потому вместе с ней и духовная жизнь.

Георг Зиммель «Понятие и трагедия культуры». В этом-то наконец и проявляется обусловленность культуры, обусловленность, посредством которой культура представляет собой разрешение субъект-объектного уравнения. Мы отказываемся признавать ее наличие там, где совершенство не воспринимается в качестве самостоятельного развития душевного центра; однако она не имеет места также и там, где присутствует в качестве исключительно такого самостоятельного развития, которое не нуждается ни в каких внешних для нее самой средствах и этапах развития. В самом деле, многообразны движения, ведущие душу к ней самой, как того требует соответствующий идеал, т.е. к осуществлению предопределенного для нее, однако первоначально наличного в качестве одной только возможности полного и в высшей степени собственного ее бытия. Однако постольку или в меру того, как она достигает этого чисто внутренним образом: в религиозных порывах, нравственной самоотдаче, господствующей интеллектуальности, гармонии целостной жизни - она может быть все же лишена специфического обладания культурностью...

Однако культурность в ее чистейшем, глубочайшем смысле не имеет места там, где душа преодолевает этот свой путь от себя самой к себе же самой, от

своих возможностей к своей действительности - исключительно посредством своих субъективных личностных сил, пусть даже с наиболее возвышенной точки зрения именно эти ее достижения и являются наиболее ценными... Но специфический смысл культуры оказывается выявленным лишь там, где человек в ходе этого развития овладевает чем-то для него внешним, где путь души пролегает через ценности и последовательности, не являющиеся субъективно-душевыми. Те объективные духовные образования, о которых я говорил вначале: искусство и мораль, наука и целесообразно созданные предметы, религия и право, техника и общественные нормы, - все это этапы, через которые должен пройти субъект, чтобы приобрести особую самооценку, называемую его культурой. Парадокс культуры состоит в том, что субъективная жизнь, которую мы ощущаем в ее непрерывном потоке и которая сама по себе стремится к достижению своего внутреннего совершенства, совершенно не в состоянии, если смотреть на это с точки зрения культуры, достичь этого совершенства сама по себе, но лишь посредством этих совершенно для нее чужеродных, кристаллизировавшихся до состояния самодостаточной замкнутости форм. Культура возникает тогда (и этот момент является определяющим для ее понимания), когда встречаются два элемента, каждый из которых не содержит ее сам по себе: субъективная душа и объективное духовное произведение... Тут имеет место объективация субъекта и субъективизация объективного, что и составляет специфический момент культурного процесса.

№2 В чем проявляется упадок культуры, и в чем его причины, согласно И. Ильину и А. Швейцеру? Какие способы выхода из кризиса культуры они предлагают? Насколько их позиция близка к истине?

Иван Александрович Ильин «Путь к очевидности». Человечество попыталось за последние два века создать культуру без веры, без сердца, без созерцания и без совести; и ныне эта культура являет свое бессилие и переживает свое крушение...

У современных поколений западного человечества возникла нынешняя бессердечная культура. И все мы должны постоянно думать о том, сможет ли она дальше существовать в таком виде и как можно было бы спасти ее... Потому что предварительные итоги ее развития являют картину сущего крушения, а может быть, и величайшей катастрофы...

Культура последнего века покоится на некоторых основных предпосылках, которые редко выговариваются открыто, но которые внушаются современному «культурному человеку» с самого детства как нечто само собой понятное и не допускающее никаких сомнений. Именно поэтому он впитывает их в себя как бы с молоком матери и живет ими всю жизнь. Вот эти предпосылки.

- Сердце существует только для глупых людей; умные люди не считаются с ним и не поддаются его наветам. Совесть есть выдумка блаженных; с нею носятся только сентиментальные люди: только нежизнеспособные фантазеры дрожат перед этим призраком добродетели. Вера изжита и стала пережитком; она прощительна только наивным и непросвещенным людям; а умные и образованные люди могут только притворяться верующими, и притом в силу расчета и лукавства. Любовь есть или здоровый половой инстинкт, нужный для деторождения, или же старомодная сентиментальность, лицемерная фраза, остаток первобытного прошлого, которому нет места в современной культурной жизни...

Мы, конечно, отметим и признаем в современной культуре начало общественной благотворительности; но при ближайшем рассмотрении окажется,

что в основе ее лежит волевая дисциплина, соображение о пользе и умелая организация, - а совсем не любовь, не совесть и не чувство. Общественная благотворительность на Западе обдуманна и умна; почти всегда хорошо налажена и приносит немало пользы; но она почти всегда жестка и холодна, нелюбовна и неделикатна, ограничена определенными социальными группами и никак не связана с живою добротою... Она благотворит с выхолощенным сердцем. Именно в этом все дело: западноевропейская культура сооружена как бы из камня и льда. Здесь религия, искусство и наука (за немногими гениальными исключениями!) холодны; а политика, техника, хозяйство и деловой оборот - жестки и суровы и вменяют себе эту жесткость в великую заслугу («высший уровень культуры!»)... Любовь мешает уму и воле; а культура считается именно делом воли и ума. Проявлять жизнь чувства ребячливо, несерьезно, просто - смешно! А стать смешным - это самое страшное дело для «серьезного» человека... Культура есть дело строгое; а строгость формальна, холодна и жестка.

Умный английский философ Гоббс формулировал однажды социологический закон: «человек человеку – волк» (*homo homini - lupus*). Было бы несправедливо сказать, что это и есть закон современной культуры. Однако «культурное приличие» требует того, чтобы люди обращали друг на друга как можно меньше внимания: не обременяли друг друга ненужным наблюдением и общением. Человек человеку - прохожий. Или, как тонко подметил Чехов, человек человеку не то запертый сундук, не то источник недоразумений. Люди подобны деревянным шарикам, которые чокаются друг о друга и отскакивают в разные стороны. Люди друг другу - соперники или конкуренты; и каждый опасается чужого недоброжелательного ока и осуждающего разговора. Они заботятся друг о друге лишь в меру ожидаемой от другого имущественной или служебной пользы, или в меру своего тщеславия, или еще - в меру чувственного влечения. А использованного человека «списывают со счета» и при первом удобном случае предают. И делают это совершенно сознательно и довольно ловко. И зная это, для приличия время от времени декламируют о гуманности; и расчетливо, с навязчивой рекламой, организуют «гуманные заведения». А в прочем люди, как деревянные шары, случайно наталкиваются друг на друга, отскакивают и катятся дальше своею случайной дорогой. Люди относятся друг к другу так, как если бы их нормальное «рядомительство» было подготовительной стадией для столь же нормального «взаимного нападения». Но именно поэтому, как только дело доходит до борьбы, так оказывается, что «человек человеку – волк»...

Поэтому эти судорожные спазмы современной культуры - революции, гражданские и международные войны - не случайны: они суть естественные выражения сердечной жесткости, алчности, зависти и ненависти. Жестокость этих столкновений уже заложена в повседневной жесткости и бессердечной жизни. И неудивительно, что антракты между революциями заполняются систематической подготовкой новых революций; и что революция стремится захватить всю вселенную. И антракты между войнами заняты изобретениями новых оружий; и «наука» уже торгует своими военными изобретениями, продавая их из страны в страну. Оружия эти становятся все более разрушительными, убийственными и мучительными; и уже направляются на мирное население. И уже работают везде школы взаимного выслеживания, замучивания и искоренения. И все это не случайно, а заложено глубоко в бессердечии современной культуры.

Вот почему надо признать и громко выговорить, что двигаться по этому пути далее невозможно. Бессердечная культура подрывает сама себя: в изобретении атомной бомбы она дошла до вселенского самоубийства, а изобретение это, наверное, не составляет последнего слова разрушительной техники. Источники и основы современной культуры должны быть в корне пересмотрены. Человечество

творит свою культуру неверным внутренним актом, из состава которого исключены: сердце, совесть и вера, а сила созерцания - заподозрена, осмеяна и сведена к подчиненному, почти подавленному состоянию. Так создаваемая культура есть больная культура; и то, что мы переживаем ныне, все наши бедствия, страдания и тревоги, суть естественные последствия этой больной культуры.

Современное человечество, «христианское» и противохристианское, должно понять и убедиться, что это есть ложный и обреченный путь, что культура без сердца есть не культура, а дурная «цивилизация», создающая гибельную технику и унижительную, мучительную жизнь.

Но если человек не живет сердцем, то нет ничего удивительного, что оно глохнет и отмирает и что это отмирание становится наследственно-потомственным. При этом люди не замечают, однако, что отрицательные чувства, дурные и злые (гнев, злоба, зависть, мстительность, ревность, жадность, тщеславие, гордость, жестокость и др.), остаются и беспрепятственно расцветают, тем более что они, по-видимому, проявляют силу человека. Они импонируют большинству людей, ибо обнаруживают в человеке энергию, волю, настойчивость и властность; они внушают окружающим сначала опасение, а потом и страх, и даже незаслуженное уважение... Отсюда эта жалкая картина: современный «культурный» человек стыдится своей доброты и нисколько не стыдится своей злобы и порочности. Так развернулась больная культура наших дней: она строилась и создавалась при бессилии добрых чувств, из заглохшего и омертвевшего сердца. И тот, кто присмотрится к этому своеобразному душевному состоянию, тот неизбежно придет к следующим выводам. Современный человек привык творить свою жизнь - мыслью, волею и отчасти воображением, исключая из нее добрые побуждения сердца; и, привыкнув к этому, он не замечает, куда это ведет: он не видит, что создаваемая им культура оказывается безбожной, впадает в пошлость, вырождается и близится к крушению...

Альберт Швейцер «Упадок и возрождение культуры». Но сейчас уже для всех очевидно, что самоуничтожение культуры идет полным ходом. Даже то, что еще уцелело от нее, ненадежно. Оно еще производит впечатление чего-то прочного, так как не испытало разрушительного давления извне, жертвой которого уже пало все другое. Но его основание также непрочное, следующий оползень может увлечь его с собой в пропасть. Как, однако, могло случиться, что источники культуротворящей энергии иссякли?...

Несвободный, разобщенный, ограниченный современный человек одновременно находится под угрозой стать негуманным. Нормальное отношение человека к человеку стало затруднительным для нас. Постоянная спешка, характерная для нашего образа жизни, интенсификация взаимного общения, совместного труда и совместного бытия многих на ограниченном пространстве приводит к тому, что мы, беспрестанно и при самых разнообразных условиях встречаясь друг с другом, держимся отчужденно по отношению к себе подобным. Обстоятельства нашего бытия не позволяют нам относиться друг к другу как человек к человеку. Навязанное нам ограничение в деятельности, присущей человеческой природе, носит настолько универсальный и систематический характер, что мы привыкаем к нему и уже больше не воспринимаем наше безликое поведение как нечто противоестественное. Мы уже не страдаем от того, что в таких-то и таких-то ситуациях не можем больше проявлять подлинно человеческое участие к своим ближним, и в конечном счете деградируем к отречению от истинно человеческих отношений и там, где они возможны и уместны. Безусловно, психика жителя крупного города и в этом отношении

подвергается наиболее неблагоприятному влиянию и затем в свою очередь оказывает неблагоприятное воздействие на состояние духовной жизни общества.

Мы утрачиваем чувство родства со своим ближним и скатываемся таким образом на путь антигуманности. Когда исчезает сознание, что любой человек нам в какой-то мере небезразличен как человек, тогда расшатываются устои культуры и этики. Регресс гуманности в этом случае является лишь вопросом времени. И действительно, уже в течение жизни двух поколений обитают среди нас во всей своей отвратительной наготе идеи законченной негуманности, подкрепленные авторитетом логических принципов. В обществе сложились взгляды, уводящие индивидов от гуманности. Присущее человеку от природы участливое отношение к ближнему исчезает. На смену ему приходит проявляющаяся в более или менее разнообразных формах абсолютная индифферентность. Всячески подчеркиваемые в отношении незнакомых людей высокомерие и безучастность уже не воспринимаются как проявления внутренней неотесанности и грубости, а квалифицируются как светское поведение. Да и само наше общество перестало признавать за всеми людьми, как таковыми, человеческую ценность и человеческое достоинство. Определенная часть человечества стала для нас человеческим материалом, вещами. Если десятилетиями среди нас со все возрастающей легкостью могли говорить о войнах и завоеваниях, словно речь шла только о столкновениях на шахматной доске, то это предопределялось лишь внедрением всеобщего убеждения, что человеческие судьбы - это ряды цифр, определенный статистический материал, не больше. Когда разразилась война, для укоренившейся в нас негуманности открылось широкое поле проявления...

В наиболее общих чертах культура - это прогресс, материальный и духовный прогресс как индивидов, так и всевозможных сообществ. В чем он состоит? Прежде всего в смягчении как для тех, так и для других борьбы за существование. Создание максимально благоприятных условий жизни - таково требование, необходимое и само по себе, и для духовного и нравственного совершенства индивида, которое является конечной целью культуры. Борьба за существование ведется на два фронта. Человеку приходится утверждать себя в природе - перед ее стихийными силами и в обществе - перед себе подобными. Ослабление борьбы за существование достигается максимально возможным и наиболее целесообразным расширением господства разума над природой и над человеческой натурой.

Следовательно, и сущность культуры двояка. Культура складывается из господства разума над силами природы и из господства разума над человеческими убеждениями и помыслами...

В чем состоит господство разума над человеческими убеждениями и помыслами? В том, что индивиды и всевозможные человеческие сообщества соразмеряют свои желания с материальным и духовным благом целого и многих, то есть в том, что они этичны. Следовательно, этический прогресс - это существенное и несомненное, а материальный - менее существенное и менее несомненное в развитии культуры...

В культурном движении, начиная с эпохи Ренессанса и вплоть до начала XIX столетия, силы материального и духовно-этического прогресса действовали параллельно, как бы соревнуясь между собой. Затем, однако, произошло нечто никогда ранее не виданное: силы этического прогресса иссякли, в то время как достижения духа в материальной сфере неуклонно нарастали, являя блестящую картину научно-технического прогресса...

Великая задача духа - создание мировоззрения. В мировоззрении эпохи находят обоснование ее идеи, убеждения и дела. Лишь придя к

культуротворческому мировоззрению, мы окажемся способными к идеям, убеждениям и делам, необходимым для расцвета культуры. Что такое мировоззрение? Совокупность волнующих общество и человека мыслей о сущности окружающего мира, о положении и назначении человечества и человека в нем. Что означает общество, в котором я живу, и я сам, живущий в мире? Что мы хотим видеть в нем? Чего ждем от него? В зависимости от того, к какому ответу на эти коренные вопросы бытия приходят составляющие общество индивиды, можно судить о духе соответствующей эпохи.

Не переоценивается ли тем самым значение мировоззрения? Конечно, в настоящее время многие обычно не поднимаются в своих взглядах на жизнь до осознанного мировоззрения. В массе своей они также не осознают необходимости и не испытывают потребности выводить свои идеи и убеждения из такого мировоззрения и обычно в большей или меньшей степени ориентируются на тон, задаваемый их временем, прислушиваются к ведущим голосам своей эпохи. Но кому принадлежат эти голоса? Личностям, которые участвовали в формировании мировоззрения общества и затем вывели из него более или менее ценные идеи, пользующиеся авторитетом нашего поколения. В итоге все мысли и идеи как индивидов, так и общества как-то причастны к господствующему мировоззрению. Каждая эпоха - сознательно или подсознательно - живет тем, что родилось в головах мыслителей, влияние которых она на себе испытывает...

Волею обстоятельств мы оказались вынужденными обходиться без полноценного мировоззрения. Крах философии и зарождение естественнонаучной теории сделали недостижимым для нас идеалистическое мировоззрение, удовлетворяющее мышлению. Такое положение сохраняется по сей день. Кроме того, наше время было так бедно подлинно глубокими мыслителями, как, пожалуй, никакое другое. Некоторое число старательных умов, которые, обладая большими познаниями и руководствуясь самыми благими намерениями, пытались соединить в одно целое разрозненные обрывки, и несколько ослепительных комет - вот и все, чем одарила нас судьба. То, что эти умы привнесли мировоззренческого, могло заинтересовать какой-нибудь академический кружок и воодушевить нескольких последователей и учеников. Народ же не извлек из их теоретического вклада ничего.

В итоге мы начали внушать себе, что можно обойтись и без мировоззрения. Потребность выдвигать вопросы о сущности мира и жизни и давать на них ответы заглохла в нас. Постигшее нас бездумье привело к тому, что мы приняли для своей собственной жизни и жизни общества случайные идеи, подсказанные нашим чувством реальности. На протяжении жизни более чем полутора поколений мы достаточно хорошо узнали, что мировоззрение, заключающееся в отсутствии всякого мировоззрения, наихудшее из возможных и что такое мировоззрение подрывает не только духовную жизнь, но и устои жизни человеческого общества вообще. Когда офицеры генерального штаба не разрабатывают для своего поколения планов его борьбы, нижестоящие офицеры ведут нас - как в идеях, так и в практических делах - от авантюры к авантюре.

Таким образом, возрождение нашей эпохи должно начаться с возрождения мировоззрения. Кажущееся далеким и абстрактным так насущно необходимо, как, вероятно, ничто другое. Только когда мы вновь овладеем сокровищницей культуротворческого мировоззрения и все вместе станем черпать оттуда основополагающие идеи для жизни и действия, опять возникнет общество, которое будет руководствоваться благородными, не страдающими узостью идеалами и разумно противопоставлять их действительности. На фундаменте новых идей нам предстоит заново возвести здание истории...

Каким, однако, должно быть мыслящее мировоззрение, чтобы идеи культуры и зиждущиеся на них убеждения могли найти в нем свое обоснование? Оптимистическим и этичным. Оптимистично то мировоззрение, которое бытие ставит выше небытия и тем самым утверждает мир и жизнь как нечто ценное само по себе. Такое отношение к миру и жизни порождает стремление относиться к бытию с максимальной бережностью, на какую мы только способны. Упомянутое стремление в свою очередь стимулирует деятельность, направленную на улучшение условий жизни индивида, общества, народов и человечества, такую деятельность, результатом которой являются: внешние достижения культуры: господство духа над силами, природы и более высокая социальная организация общества. Этика - область деятельности человека, направленная на внутреннее совершенствование его личности...

Итак, культура есть результат взаимодействия оптимистического мировоззрения и этики. По отдельности ни оптимистическое мировоззрение, ни этика не способны породить ее. Оптимизм дает уверенность, что течение событий в мире так или иначе имеет разумную цель, а улучшение условий существования в мире вообще и в обществе в частности содействует духовно-нравственному совершенствованию индивида. Из этического вытекает возможность сформулировать необходимые для воздействия на мир и общество целесообразные принципы и сосредоточить все достижения на духовном и нравственном совершенствовании индивида, являющемся последней целью культуры...

Проанализировав процесс зарождения идей культуры и зиждущихся на них убеждений, мы обнаружим, что сущность его в том, что оптимистическое или этическое начало в мировоззрении или то и другое вместе каким-то образом обретали большую силу убеждения и стимулировали прогресс культурно-творческих идей. При закате культуры имеет место та же причинно-следственная связь, но действие ее носит отрицательный характер. Здание оседает или вообще рушится, так как оптимистический или этический фундамент его становится непрочным. Другой причины упадка при всем желании невозможно отыскать. Все мыслимые идеи культуры и зиждущиеся на них убеждения вырастают из оптимизма и этики. Пока обе эти опоры сохраняют необходимую прочность и устойчивость, зданию ничто не грозит.

Итак, будущее культуры зависит от того, под силу ли окажется мышлению прийти к мировоззрению, способному обосновать оптимизм, то есть миро- и жизнеутверждение, и этику более надежно и в более элементарной форме, чем мировоззрения предыдущих эпох.

№3 В каком смысле используется понятие «цивилизация» С. Хантингтоном, Н. А. Бердяевым и О. Шпенглером? Какие существуют цивилизации?

Самюэль Хантингтон «Столкновение цивилизаций». Человеческая история - это история цивилизаций. Невозможно вообразить себе развитие человечества в отрыве от цивилизаций. История охватывает целые поколения цивилизаций - от древних (шумерской и египетской, классической и мезоамериканской) до христианской и исламской цивилизаций, а также проявления синской и индуистской цивилизаций. В течение всей истории цивилизации предоставляли для людей наивысший уровень идентификации...

Во-первых, существует различие в восприятии понятия «цивилизация» как единственная таковая и понятия «цивилизация» как одна из многих. Идея

цивилизации была разработана французскими философами восемнадцатого века как противопоставление концепции «варварства». Цивилизованное общество отличается от примитивного тем, что оно оседлое, городское и грамотное. Быть цивилизованным хорошо, а нецивилизованным - плохо. Концепция цивилизации установила стандарты, по которым судят об обществах, и в течение девятнадцатого столетия европейцы потратили немало интеллектуальных, дипломатических и политических усилий для того, чтобы разработать критерии, по которым о неевропейских обществах можно было судить как о достаточно «цивилизованных», чтобы принять их в качестве членов международной системы, в которой доминировала Европа. Но в то же самое время люди все чаще говорили о цивилизациях во множественном числе. Это означало «отказ от определения цивилизации как одного из идеалов или единственного идеала» и отход от предпосылки, будто есть единый стандарт того, что можно считать цивилизованным «ограниченным, - по словам Броделя, - несколькими привилегированными народами или группами, «элитой» человечества». Вместо этого появлялось много цивилизаций, каждая из которых была цивилизована по-своему. Короче говоря, понятие «цивилизация» «утратило свойства ярлыка» и одна из множества цивилизаций может на самом деле быть довольно нецивилизованной в прежнем смысле этого слова...

Во-вторых, цивилизация означает культурную целостность повсюду, кроме Германии. Немецкие мыслители девятнадцатого века провели четкую грань между понятиями «цивилизация», которое включало в себя технику, технологию и материальные факторы, и «культура», которое подразумевало ценности, идеалы и высшие интеллектуальные, художественные и моральные качества общества. Это разделение до сих пор принято в Германии, но больше нигде. Некоторые антропологи даже перевернули это взаимоотношение и заговорили о культурах как о характеристиках примитивных, застывших, неурбанизированных обществ, в то время как более сложные, городские и динамичные общества - это цивилизации. Эти попытки провести разграничение между культурой и цивилизацией, однако, не были подхвачены, и вне Германии бытует единодушное согласие насчет того, что «было бы заблуждением на немецкий манер пытаться отделить культуру от ее основы - цивилизации».

И цивилизация, и культура относятся к образу жизни народа, и цивилизация - это явно выраженная культура. Оба этих понятия включают в себя «ценности, нормы, менталитет и законы, которым многочисленные поколения в данной культуре придавали первостепенное значение». По Броделю, цивилизация - это «район, культурное пространство, собрание культурных характеристик и феноменов». Валлерстайн определяет ее как «уникальную комбинацию традиций, общественных структур и культуры (как материальной, так и «высокой»), которое формирует ту или иную историческую целостность и которая сосуществует (коль скоро их вообще можно отделить друг от друга) с другими подобными феноменами». Даусон считает цивилизацию продуктом «особого оригинального процесса культурного творчества определенного народа», в то время как для Дюркгейма и Мосса - это «своего рода духовная среда, охватывающая некоторое число наций, где каждая национальная культура является лишь частной формой целого». По Шпенглеру, цивилизация - «неизбежная судьба культуры... Наиболее внешние и искусственные состояния, которые способны принимать разновидности развитого человечества. Она - завершение, она следует как ставшее за становлением». Культура - общая тема практически каждого определения цивилизации.

Ключевые культурные элементы, определяющие цивилизацию, были сформулированы еще в античности афинянами, когда те убеждали спартанцев, что они не предадут их персам:

«Ибо есть причины, их множество и они сильны, которые запрещают нам делать это, даже если бы у нас были такие намерения. Первое и главное - это статуи и обители богов, сожженные и лежащие в руинах: за это мы должны отомстить, не щадя живота своего, а не входить в сговор с тем, кто совершил такие злые деяния. Во-вторых, у эллинского народа одна кровь и один язык; мы возводим храмы и приносим жертвы одним и тем же богам; и обычаи наши схожи. Посему негоже афинянам предавать все это».

Кровь, язык, религия, стиль жизни - вот что было общего у греков и что отличало их от персов и других не-греков. Из всех объективных элементов, определяющих цивилизацию, наиболее важным, однако, является религия, и на это и делали акцент афиняне. Основные цивилизации в человеческой истории в огромной мере отождествлялись с великими религиями мира; и люди общей этнической принадлежности и общего языка, но разного вероисповедания, могут вести кровопролитные братоубийственные войны, как это случилось в Ливане, бывшей Югославии и в Индостане.

Существует корреляция между разделением людей по культурным признакам и их разделением на расы по физическим признакам. И все же нельзя ставить знак равенства между цивилизациями и расами. Люди одной и той же расы могут быть разделены на различные цивилизации; людей различных рас может объединять одна цивилизация. В частности, самые распространенные миссионерские религии, христианство и ислам, охватывают людей многих рас. Коренные различия между группами людей заключаются в их ценностях, верованиях, традициях и социальных институтах, а не в их росте, размере головы и цвете кожи.

В-третьих, цивилизации являются всеобъемлющими, то есть ни одна из их составляющих не может быть понята без соотнесения с соответствующей цивилизацией. Цивилизации, как заметил Тойнби, «охватывают, не будучи охвачены другими». По словам Мелко, цивилизации «имеют некоторую степень интеграции. Их части определяются отношениями между ними и к ним в целом. Если цивилизация состоит из стран, у этих стран будут более тесные взаимоотношения, чем у государств, не принадлежащих к этой цивилизации. Они могут часто сражаться и будут чаще вести дипломатические переговоры. Они будут иметь большую степень экономической взаимозависимости. Эстетические и философские течения будут в таком случае взаимопроникающими».

Цивилизация является наивысшей культурной целостностью. Деревни, районы, этнические группы, национальности, религиозные группы - у них у всех сформирована культура на различных уровнях гетерогенности. Культура деревни на юге Италии может отличаться от культуры деревни на севере Италии, но они будут разделять общую итальянскую культуру, которая отличает их от немецких деревень. Европейские сообщества, в свою очередь, будут обладать общими культурными чертами, которые отличают их от китайских или индийских сообществ. Китайцы, индусы и жители Запада, однако, не являются частями культурной категории более высокого порядка. Они образуют разные цивилизации. Цивилизация, таким образом, - наивысшая культурная общность людей и самый широкий уровень культурной идентификации, помимо того, что отличает человека от других биологических видов. Она определяется как общими объективными элементами, такими как язык, история, религия, обычаи, социальные институты, так и субъективной самоидентификацией людей. Есть несколько уровней идентификации людей: житель Рима может ощущать себя в

различной степени римлянином, итальянцем, католиком, христианином, европейцем и жителем Запада. Цивилизация, к которой он принадлежит, является самым высоким уровнем, который помогает ему четко идентифицировать себя. Цивилизации - это самые большие «мы», внутри которых каждый чувствует себя в культурном плане как дома и отличает себя от всех остальных «них». Цивилизации могут состоять из большого количества людей, как китайская цивилизация, или очень небольшого, как англоязычные жители островов Карибского моря. В течение всей истории существовало множество мелких групп людей, которые обладали индивидуальной культурой, но не имели никакой культурной идентичности более высокого уровня. Принято также делать различия по размеру между главными и периферийными цивилизациями (Бэгби) и по значимости - между главными и запаздывающими или прерванными цивилизациями (Тойнби). Эта книга посвящена тому, что принято считать главными цивилизациями в истории человечества.

У цивилизаций нет четко определенных границ и точного начала и конца. Люди могут идентифицировать себя по-разному и делают это. В результате состав и форма цивилизаций меняются со временем. Культуры народов взаимодействуют и накладываются друг на друга. Степень, с которой культуры цивилизаций разнятся или походят друг на друга, также сильно варьируется. Цивилизации, таким образом, являются многосторонними целостностями, и все же реальны, несмотря на то что границы между ними редко бывают четкими. В-четвертых, цивилизации хотя и смертны, но живут они очень долго; они эволюционируют, адаптируются и являются наиболее стойкими из человеческих ассоциаций, «реальностями чрезвычайной *tongue duree*» [Продолжительности (*фр.*)]. Их «уникальная и особенная сущность» заключается в «длительной исторической непрерывности. На самом деле, жизнь цивилизации является самой долгой историей из всех». Империи возвышаются и рушатся, правительства приходят и уходят - цивилизации остаются и «переживают политические, социальные, экономические и даже идеологические потрясения». «Международная история, - приходит к выводу Боземен, - точно подтверждает тезис о том, что политические системы являются недолговечными средствами для достижения цели на поверхности цивилизации и что судьба каждого сообщества, объединенного лингвистически и духовно, зависит в конечном счете от выживания определенных фундаментальных идей, вокруг которых спланивались многочисленные поколения и которые, таким образом, символизируют преемственность общества». Практически все основные цивилизации, существующие в мире в двадцатом веке, возникли по крайней мере тысячу лет назад или, как в случае с Латинской Америкой, являются непосредственными «отпрысками» другой, давно живущей цивилизации.

Пока цивилизации противостоят натиску времени, они эволюционируют. Они динамичны; они знают взлеты и падения, они сливаются и делятся; и как известно любому студенту, они также исчезают и их хоронят пески времени. Фазы их эволюции можно описать по-разному. Куигли видит семь стадий, сквозь которые проходят цивилизации: смесь, созревание, экспансия, время конфликта, всеобщая империя, упадок и завоевание. Другую общую модель изменений выводит Мелко: от выкристаллизованной феодальной системы - через феодальную систему переходного периода - через выкристаллизованную государственную систему - через государственную систему переходного периода - до выкристаллизованной имперской системы. Тойнби считает, что цивилизация возникает в ответ на брошенные ей вызовы и затем проходит сквозь период роста, включающий усиление контроля над средой, чем занимается творческая элита, далее следует время беспорядков, возникновение всеобщего государства,

а затем - распад. Несмотря на то что между этими теориями есть различия, все они сходятся в том, что цивилизация в своей эволюции проходит времена беспорядков или конфликтов, затем создания единого государства и, наконец, упадка или распада.

В-пятых, поскольку цивилизации являются культурными единствами, а не политическими, они сами не занимаются поддержанием порядка, восстановлением справедливости, сбором налогов, ведением войн, заключением союзов и не делают ничего из того, чем заняты правительства. Политическое устройство отличается у различных цивилизаций, а также в разное время в пределах какой-либо из них. Цивилизация, таким образом, может содержать одно или более политических образований. Эти образования могут быть городами-государствами, империями, федерациями, конфедерациями, национальными государствами, многонациональными государствами, и у всех них могут быть различные формы правления. По мере того как цивилизация эволюционирует, число и природа составляющих ее образований обычно меняются. В некоторых случаях цивилизация и политическая целостность могут совпадать. Как отметил Люциан Пай, Китай - это «цивилизация, претендующая на то, чтобы быть государством». Япония - это цивилизация, являющаяся государством. Однако в большинство цивилизаций входит более одного государства или других политических единиц. В современном мире большинство цивилизаций включают в себя по два или более государств.

И наконец, исследователи обычно согласны в идентификации важнейших цивилизаций в человеческой истории и тех, что существуют в современном мире. Их мнения тем не менее часто расходятся в том, что касается общего числа существовавших в истории цивилизаций. Куигли отсчитывала шестнадцать явных исторических случаев и еще восемь очень вероятных. Тойнби сначала назвал число двадцать два, затем — двадцать три; Шпенглер выделил восемь основных культур. Макнил называл во всей истории девять цивилизаций; Бэбби тоже видел девять важнейших цивилизаций или двенадцать, если из китайской и западной выделить японскую и православную. Бродель называл девять, а Ростовани - семь важнейших современных цивилизаций. Эти различия отчасти зависят от того, считать ли такие культурные группы, как китайцы и индусы, единой исторической цивилизацией или же двумя близкими друг другу цивилизациями, одна из которых отпочковалась от другой. Несмотря на эти различия, идентичность не оспаривается. Сделав обзор литературы, Мелко приходит к заключению, что существует «разумное согласие» относительно двенадцати важнейших цивилизаций, из которых семь уже исчезли (месопотамская, египетская, критская, классическая, византийская, центрально-американская, андская), а пять продолжают существовать (китайская, японская, индуистская, исламская и западная). К этим пяти цивилизациям целесообразно добавить православную, латиноамериканскую и, возможно, африканскую цивилизации.

Николай Александрович Бердяев «О рабстве и свободе человека».

Различение культуры и цивилизации стало популярным со времени Шпенглера, но оно не есть его изобретение. Терминология тут условна. Французы, например, предпочитают слово «цивилизация», понимая под этим культуру, немцы предпочитают слово «культура». Русские раньше употребляли слово «цивилизация», а с начала XX века отдали предпочтение слову «культура». Но славянофилы, К. Леонтьев, Достоевский и др. уже отлично понимали различие между культурой и цивилизацией. Ошибка Шпенглера заключалась в том, что он придал чисто хронологический смысл словам «цивилизация» и «культура» и увидел в них смену эпох. Между тем как всегда будут существовать культура и цивилизация, и в известном смысле цивилизация старше и первичнее культуры,

культура образуется позже. Изобретение технических орудий, самых элементарных орудий примитивными людьми есть цивилизация, как цивилизация есть всякий социализирующий процесс. Латинское слово «цивилизация» указывает на социальный характер указываемого этим словом процесса. Цивилизацией нужно обозначать более социально-коллективный процесс, культурой же процесс более индивидуальный и идущий вглубь. Мы, например, говорим, что у этого человека есть высокая культура, но не можем сказать, что у этого человека очень высокая цивилизация. Мы говорим «духовная культура», но не говорим «духовная цивилизация». Цивилизация означает большую степень объективации и социализации, культура же более связана с личностью и духом.

Культура означает обработку материала актом духа, победы формы над материей. Она более связана с творческим актом человека. Хотя различие тут относительное, как и все установленные классификацией различия. Эпохой цивилизации по преимуществу можно назвать такую эпоху, в которой преобладающее значение получают массы и техника. Это обыкновенно говорят о нашей эпохе. Но и в эпоху цивилизации существует культура, как и в эпоху культуры существует цивилизация. Техника, охватывающая всю жизнь, действует разрушительно на культуру, обезличивает ее. Но всегда в такую эпоху есть элементы, которые восстают против победного шествия технической цивилизации. Такова роль романтиков. Существуют гениальные творцы культуры. Но культурная среда, культурная традиция, культурная атмосфера так же основана на подражательности, как и цивилизация. Очень культурный человек известного стиля обычно высказывает обо всем мнения подражательные, средние, групповые, хотя бы эта подражательность сложилась в культурной элите, в очень подобранной группе. Культурный стиль всегда включает в себе подражательность, усвоение традиции, он может быть социально оригинальным в своем появлении, но он индивидуально не оригинален. Гений никогда не мог вполне вписаться в культуру, и культура всегда стремилась превратить гения из дикого животного в животное домашнее. Социализации подлежит не только варвар, но и творческий гений. Творческий акт, в котором есть дикость и варварство, объективируется и превращается в культуру. Культура занимает среднюю зону между природой и техникой, и она часто бывает раздавлена между этими двумя силами. Но в мире объективированном никогда не бывает цельности и гармонии. Существует вечный конфликт между ценностями культуры и ценностями государства и общества. В сущности, государство и общество всегда стремились к тоталитарности, делали заказы творцам культуры и требовали от них услуг. Творцы культуры всегда с трудом защищали свою свободу, но им легче это было делать при меньшей унификации общества, в обществе более дифференцированном. Ценности низшего порядка, например государство, всегда стремились подчинить и поработить себе ценности высшего порядка, например ценности духовной жизни, познания, искусства. М. Шелер пытался установить градации ценностей: ценности благородства выше, чем ценности приятного, ценности духовные выше ценностей витальных, ценности святости выше духовных ценностей. Но совершенно несомненно, что ценности святости и ценности духовные имеют гораздо меньше силы, чем ценности приятного или ценности витальные, которые очень деспотичны. Такова структура объективированного мира. Очень важно определить соотношение между аристократическими и демократическими началами в культуре.

Культура основана на аристократическом принципе, на принципе качественного отбора. Творчество культуры во всех сферах стремится к совершенству, к достижению высшего качества. Так в познании, так в искусстве, так в выработке душевного благородства и культуре человеческих чувств. Истина,

красота, правда, любовь не зависят от количества, это качества. Аристократический принцип отбора образует культурную элиту, духовную аристократию. Но культурная элита не может оставаться замкнутой в себе, изолированной, самоутверждающейся под страхом удаления от истоков жизни, иссякания творчества, вырождения и умирания. Всякий групповой аристократизм неизбежно вырождается и иссыхает. Как не может творчество культурных ценностей сразу быть распространено на бескачественную массу человечества, так же не может не происходить процесса демократизации культуры. Истина аристократична в том смысле, что она есть достижение качества и совершенства в познании, независимо от количества, от мнения и требования человеческих количеств. Но это совсем не значит, что истина существует для избранного меньшинства, для аристократической группы, истина существует для всего человечества, и все люди призваны быть приобщенными к ней. Нет ничего противнее гордости и презрительности замкнутой элиты. Великие гении никогда не были такими. Можно даже сказать, что образование касты культурно утонченных и усложненных людей, теряющих связь с широтой и глубиной жизненного процесса, есть ложное образование...

Можно было бы установить различие между ценностями демократическими и ценностями аристократическими внутри культуры. Так, ценности религиозные и ценности социальные должны быть признаны демократическими, ценности же, связанные с философией, искусством, мистикой, культурой эмоций, должны быть признаны аристократическими. У Тарда есть интересные мысли о разговоре как форме общения. Разговор есть порождение высокой культуры. Можно различать разговор ритуальный, условный, утилитарный и разговор интеллектуальный, бесполезный, искренний. Именно второй тип разговора и есть показатель высокой культуры. Но трагедия культуры в том, что всякая высокая качественная культура не имеет перед собой перспективы бесконечного развития. Цветение культуры сменяется упадком. Образование культурной традиции означает высокую культуру, при этом являются не только творцы культуры, но и культурная среда. Слишком же затверделые и закрепленные традиции культуры означают ослабление культурного творчества. Культура всегда кончается декадансом, в этом ее рок. Объективация творчества означает охлаждение творческого огня. Эгоцентризм и изоляция культурной элиты, которая делается более потребительской, чем творческой, ведет к подмене жизни литературой. Образуется искусственная атмосфера литературы, в которой люди ведут призрачное существование. Культурные люди становятся рабами литературы, рабами последних слов в искусстве. При этом эстетические суждения бывают не личными, а элитски-групповыми.

Культура и культурные ценности создаются творческим актом человека, в этом обнаруживается гениальная природа человека. Огромные дары вложил человек в культуру. Но тут же обнаруживается и трагедия человеческого творчества. Есть несоответствие между творческим актом, творческим замыслом и творческим продуктом. Творчество есть огонь, культура же есть уже охлаждение огня. Творческий акт есть взлет, победа над тяжестью объективированного мира, над детерминизмом, продукт творчества в культуре есть уже притяжение вниз, оседание. Творческий акт, творческий огонь находится в царстве субъективности, продукт же культуры находится в царстве объективности. В культуре происходит как бы все то же отчуждение, экстериоризация человеческой природы. Вот почему человек попадает в рабство у культурных продуктов и ценностей...

Освальд Шпенглер «Закат Европы». Культура зарождается в тот момент, когда из первобытно-душевного состояния вечно-детского человечества

пробуждается и выделяется великая душа, некий образ из безобразного, ограниченное и преходящее из безграничного и пребывающего. Она расцветает на почве строго ограниченной местности, к которой она и остается привязанной, наподобие растения. Культура умирает после того, как эта душа осуществит полную сумму своих возможностей в виде народов, языков, вероучений, искусств, государств и наук и, таким образом, вновь возвратится в первичную душевную стихию. Ее жизненное существование, целый ряд великих эпох, в строгих контурах отмечающих постоянное совершенствование, есть глубоко внутренняя, страстная борьба за утверждение идеи против внешних сил хаоса и внутренней бессознательности, где угрожающе затаились эти противоборствующие силы. Не только художник борется с сопротивлением материала и уничтожением идеи внутри себя. Каждая культура находится в глубоко символической связи с материей и пространством, в котором и через которое она стремится реализоваться. Когда цель достигнута и идея, т.е. все изобилие внутренних возможностей, завершена и осуществлена во внешнем, тогда культура вдруг застывает, отмирает, ее кровь свертывается, силы ее надламываются - она становится цивилизацией. И она, огромное засохшее дерево в первобытном лесу, еще многие столетия может топорщить свои гнилые сучья. Мы наблюдаем это на примерах Египта, Китая, Индии и мусульманского мира. Так, античная цивилизация времен империи необъятно разрасталась с кажущейся юношеской силой и изобилием и отнимала воздух и свет у молодой арабской культуры Востока.

Таков смысл всех падений в истории, к числу которых принадлежит наиболее отчетливо рисующееся перед нами «падение античного мира», и мы уже сегодня определенно ощущаем вокруг нас первые признаки того, касающегося нас самих и по течению и длительности вполне тождественного с первым события, которого заполнит первые века ближайшего тысячелетия и которое будет «падением Запада». Всякая культура переживает возрасты отдельного человека. У каждой имеется свое детство, юность, возмужалость и старость...

Культура и цивилизация - это живое тело души и ее мумия...

Переход от культуры к цивилизации протекает в античности в IV столетии, на Западе в XIX. С этого момента ареной больших духовных решений становится не «вся страна», как это было во время орфического движения и реформации, когда, собственно, каждая деревня играла свою роль, а три или четыре мировых города, которые всосали в себя все содержание истории и по отношению к которым вся остальная страна культуры нисходит на положение провинции, имеющей своим исключительным назначением питать эти мировые города остатками своего высшего человеческого материала. Мировой город и провинция - этими основными понятиями всякой цивилизации открывается совершенно новая проблема формы истории, которую мы сейчас переживаем, не имея вместе с тем никакого представления о значении этой проблемы. Вместо мира - город, одна точка, в которой сосредоточивается вся жизнь обширных стран, в то время как все остальное увядает; вместо богатого формами, сросшегося с землей народа - новый кочевник, паразит, житель большого города, человек абсолютно лишенный традиций, растворяющийся в бесформенной массе, человек фактов, без религии, интеллигентный, бесплодный, исполненный глубокого отвращения к крестьянству (и к его высшей форме - провинциальному дворянству), следовательно, огромный шаг к неорганическому, к концу, - что значит все это? Франция и Англия уже сделали этот шаг. Германия готовится его сделать. Вслед за Сиракузами, Афинами, Александрией следует Рим. Вслед за Мадридом, Парижем, Лондоном следует Берлин. Стать провинциями - такова судьба целых

стран, которые не входят в круг излучения этих городов, как некогда это было с Критом и Македонией, а теперь - со Скандинавским севером...

Мировой город - это означает космополитизм вместо «отечества», холодный практический ум вместо благоговения к преданию и укладу, научная иррелигиозность в качестве окаменелых остатков прежней религии сердца, «общество» вместо государства, естественные права вместо приобретенных. Деньги в качестве неорганического абстрактного фактора, лишенного связи с сущностью плодородной земли, с ценностями первоначального уклада жизни...

В мировом городе нет народа, а есть масса. Присущее ей непонимание традиций, борьба с которыми есть борьба против культуры, против знати, церкви, привелегий, династий, преданий в искусстве, границ познаваемого в науке, ее превосходящая крестьянский ум острая и холодная рассудочность, ее натурализм совершенно нового склада, идущий гораздо дальше назад, чем Руссо и Сократ, и непосредственно соприкасающийся в половых и социальных вопросах с первобытными человеческими инстинктами и условиями жизни, то «anem et circenses», которое в наши дни опять оживает под личиной борьбы за заработную плату и спортивных состязаний, - все это признаки новой по отношению к окончательно завершенной культуре и к провинции, поздней и лишенной будущего, однако неизбежной формы человеческого существования...

По моему убеждению империализм, окаменелые формы которого вроде египетской, китайской, римской империй, индийского мира, мира Ислама, могут просуществовать еще целые столетия и тысячелетия, переходя из рук одного завоевателя к другому - в качестве мертвых тел, бездушных человеческих масс, использованного материала истории, - следует понимать как символ начала конца. Империализм - это чистая цивилизация. В его появлении лежит неотвратимая судьба Запада. Энергия культурного человека устремлена во внутрь, энергия цивилизованного - на внешнее. Поэтому в Сесиле Родсе я вижу первого человека новой эпохи. Он являет собой политический стиль дальнейшего, западного, германского, в особенности немецкого будущего. Его слова: «Расширение, - это все» содержат в своей наполеоновской формулировке подлинную тенденцию всякой созревшей цивилизации. Это столь же применимо к римлянам, арабам и китайцам. Здесь нет выбора. Здесь не имеет никакого значения даже сознательная воля отдельного человека, или целых классов и народов. Тенденция к расширению, - это рок, нечто демоническое и чудовищное, охватывающее позднего человека эпохи мировых городов, заставляющее его служить себе независимо от того, хочет ли он этого или не хочет, знает ли он об этом или нет. Жизнь, - это осуществление возможностей, а для мозгового человека остается одна только возможность распространения...

№4. Правильно ли указаны С. Хантингтоном отличительные черты Запада? Чем отличается Россия и Запад, если сопоставить их по данным чертам?

Самюэль Хантингтон «Столкновение цивилизаций».

Каковы же были эти отличительные черты западного общества, которыми оно обладало в течение сотен лет до его модернизации? Ответы на этот вопрос, которые предоставили нам различные исследователи, расходятся в деталях, но сходятся в определении ключевых институтов, обычаев и убеждений, которые можно по праву назвать стержневыми для западной цивилизации. Их список приводится ниже.

АНТИЧНОЕ [КЛАССИЧЕСКОЕ) НАСЛЕДИЕ

Запад как цивилизация третьего поколения многое унаследовал от предыдущих цивилизаций. Особенно это касается античной цивилизации. Запад унаследовал от античной цивилизации многое, включая греческую философию и рационализм, римское право, латынь и христианство. Исламская и православная цивилизации также получили наследство от античной цивилизации, но в значительно меньшей мере, чем Запад.

КАТОЛИЦИЗМ И ПРОТЕСТАНТСТВО

Западное христианство, сначала католицизм, а затем католицизм и протестантство, — это, несомненно, самая важная историческая особенность западной цивилизации. В течение большей части первого тысячелетия то, что сейчас известно как западная цивилизация, называлось западным христианством. Среди народов западного христианства существовало хорошо развитое чувство единства; люди осознавали свои отличия от турок, мавров, византийцев и других народов, и жители Запада шли завоевывать мир в шестнадцатом веке не только во имя золота, но и во имя Бога. Реформация и Контрреформация, а также разделение западного христианства на протестантство на севере и католицизм на юге также оказали влияние на западную историю, которая абсолютно отличается от восточного православия и весьма далека от латиноамериканского опыта.

ЕВРОПЕЙСКИЕ ЯЗЫКИ

Язык как фактор определения людей одной культуры уступает только религии. Запад, отличается от большинства остальных цивилизаций своим многообразием языков. Японский, мандаринский, русский и даже арабский признаны стержневыми языками своих цивилизаций. Запад унаследовал латынь, но появилось множество народов, а с ними и национальных языков, которые объединены в широкие категории романских и германских. К шестнадцатому веку эти языки, как правило, уже приобрели свою современную форму.

РАЗДЕЛЕНИЕ ДУХОВНОЙ И СВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

В течение всей западной истории сначала церковь вообще, затем многие церкви существовали отдельно от государства. Бог и кесарь, церковь и государство, духовные и светские власти - таков был преобладающий дуализм в западной культуре. Только в индусской цивилизации было столь же четкое деление на религию и политику. В исламе Бог - это кесарь; в Китае и Японии кесарь - это Бог, в православии кесарь - младший партнер Бога. Это разделение и неоднократные столкновения между церковью и государством, столь типичные для западной цивилизации, ни в одной другой из цивилизаций не имели место. Это разделение властей внесло неоценимый вклад в развитие свободы на Западе.

ГОСПОДСТВО ЗАКОНА

Концепция центрального места закона в цивилизованном бытии была унаследована от римлян. Средневековые мыслители развили идею о природном законе, согласно которому монархи должны были применять свою власть, и в Англии появилась традиция общего права. Во время фазы абсолютизма (шестнадцатый—семнадцатый века) торжество права наблюдалось скорее в нарушении закона, чем в соблюдении его, но продолжала существовать идея о подчинении власти человеческой неким внешним ограничениям: *Non sub homine sed sub Deo et lege* [Не под человеком, но под Господом и законом]. Эта традиция господства закона лежала в основе конституционализма и защиты прав человека, включая право собственности, против применения деспотической власти. В большинстве других цивилизаций закон был куда менее важным фактором, обуславливающим мышление и поведение.

СОЦИАЛЬНЫЙ ПЛЮРАЛИЗМ

Исторически западное общество было в высшей степени плюралистичным. Как пишет Дойч, Запад отличается тем, что там «возникли и продолжают существовать разнообразные автономные группы, не основанные на кровном родстве или узах брака». Начиная с седьмого - восьмого веков эти группы сначала включали в себя монастыри, монашеские ордена и гильдии, затем они расширились и к ним во многих регионах Европы присоединились множество союзов и сообществ. Помимо этого союзного плюрализма существовал плюрализм классовый. В большинстве европейских обществ были относительно сильная и автономная аристократия, крепкое крестьянство и небольшой, но значимый класс купцов и торговцев. Сила феодальной аристократии была особенно значима в сдерживании тех пределов, в которых смог прочно укорениться среди европейских народов абсолютизм. Этот европейский плюрализм резко контрастирует с бедностью гражданского общества, слабостью аристократии и силой централизованных бюрократизированных империй, которые одновременно существовали в России, Китае и на Османских землях, а также в других не-западных обществах.

ПРЕДСТАВИТЕЛЬНЫЕ ОРГАНЫ

Социальный плюрализм рано дал начало сословиям, парламентам и другим институтам, призванным выражать интересы аристократов, духовенства, купцов и других групп. Эти органы обеспечили формы представительства, которые во время модернизации развились в институты современной демократии. В некоторых случаях во времена абсолютизма эти органы были запрещены или их власть существенно ограничили. Однако даже когда это происходило, они могли, как во Франции, возрождаться вновь, чтобы стать средством для возросшего политического участия народа. Ни одна другая современная цивилизация не имеет даже сравнимой тысячелетней истории в области представительных органов. На местном уровне начиная с девятого века также стали возникать органы самоуправления, сначала в итальянских городах, а затем они распространились на север, «заставляя епископов, местных баронов и других представителей знати делиться властью с гражданами и в конце концов уступать им» [32]. Таким образом, представительство на национальном уровне дополнялось значительной автономией на местном, чего не было в других регионах мира.

ИНДИВИДУАЛИЗМ

Многие из перечисленных выше отличительных черт западной цивилизации способствовали возникновению чувства индивидуализма и традиции индивидуальных прав и свобод, не имеющих равных среди цивилизованных обществ. Индивидуализм развился в четырнадцатом - пятнадцатом веках, а принятие права на индивидуальный выбор - то, что Дойч назвал «революцией Ромео и Джульетты», - доминировало на Западе уже к семнадцатому веку. Даже призывы к равным правам для всех индивидуумов - «у самого последнего бедняка в Англии такая же жизнь, как у первейшего богача» - были слышны повсюду, если не повсеместно приняты. Индивидуализм остается отличительной чертой Запада среди цивилизаций двадцатого века. В одном анализе, который сравнивал одинаковые показатели в пятидесяти странах, двадцать государств с наибольшим показателем индивидуализма включали все западные страны, кроме Португалии и Израиля. Автор другого межкультурного исследования индивидуализма и коллективизма также подчеркнул преобладание индивидуализма на Западе и превалирование коллективизма во всех других культурах и пришел к выводу, что «ценности, которые наиболее важны на Западе, менее важны во всем мире». Снова и снова жители Запада и не-Запада указывают на индивидуализм как на центральную отличительную черту Запада.

Приведенный выше список не ставит своей целью полное перечисление отличительных характеристик западной цивилизации. Не означает он также, что эти характеристики всегда и повсеместно присутствовали в западном обществе. Очевидно, что они порой отсутствовали: многие деспоты в западной истории регулярно игнорировали господство закона и распускали представительные органы. Не утверждается и того, что ни одна из этих характерных черт не проявлялась в других цивилизациях. Очевидно, они имеют место: Коран и шариат составляют основополагающий закон для исламских государств; в Японии и Индии существуют классовые системы, весьма схожие с сословиями Запада (возможно, в результате этого только эти две основные не-западные цивилизации могут выдержать демократическое правительство в течение любого времени). По отдельности ни один из этих факторов не был уникален для Запада. Однако их сочетание было уникально, и это дало Западу его отличительные особенности. Эти концепции, принятые практики и общественные институты просто были более широко распространены на Западе, чем в других цивилизациях. Они - то, что сделало Запад Западом, причем уже давно. И они же во многом стали факторами, которые позволили Западу занять ведущую роль в модернизации самого себя и всего мира.

№5. Какова основная идея О. Шпенглера? Подтверждают или опровергают эту идею факты, изложенные в тексте Р. Генона?

Освальд Шпенглер «Закат Европы». Но у «человечества» нет никакой цели, никакой идеи, никакого плана, так же как нет цели у вида бабочек или орхидей. «Человечество» - пустое слово. Стоит только исключить этот фантом из круга проблем исторических форм, и на его месте перед нашими глазами обнаружится неожиданное богатство настоящих *форм*. Тут необычайное обилие, глубина и разнообразие жизни, скрытые до сих пор фразой, сухой схемой или личными «идеалами». Вместо монотонной картины линейнообразной всемирной истории, держаться за которую можно только закрывая глаза на подавляющее количество противоречащих ей фактов, я вижу феномен множества мощных культур, с первобытной силой вырастающих из недр породившей их страны, к которой они строго привязаны на всем протяжении своего существования, и каждая из них налагает на свой материал - человечество - свою *собственную* форму и у каждой своя *собственная идея, собственные* страсти, *собственная* жизнь, желания и чувствования и, наконец, *собственная* смерть. Вот краски, свет, движение, каких не открывал еще ни один умственный глаз. Есть расцветающие и стареющие культуры, народы, языки, истины, боги, страны, как есть молодые и старые дубы и пинии, цветы, ветки и листья, но нет стареющего человечества. У каждой культуры есть свои собственные возможности, выражения, возникающие, зреющие, вянущие и никогда вновь не повторяющиеся. Есть многочисленные, в самой своей сути друг от друга отличные, пластики, живописи, математики, физики, каждая с ограниченной жизненной длительностью, каждая замкнутая в себе, подобно тому как у каждого вида растений есть свои собственные цветы и плоды, свой собственный тип роста и смерти. Культуры эти, живые существа высшего порядка, вырастают со своей возвышенной бесцельностью, подобно цветам в поле. Подобно растениям и животным, они принадлежат к живой природе Гёте, а не к мировой природе Ньютона. Во всемирной истории я вижу картину вечного образования и изменения, чудесного становления и умирания органических форм. А присяжный историк видит в ней подобие какого-то ленточного червя, неумоимо наращивающего эпоху за эпохой...

Таким образом, каждая из великих культур обладает тайным языком мироощущения, вполне понятным только тому, чья душа принадлежит к этой культуре. Не будем заблуждаться. Мы можем, пожалуй, случайно прочесть немного в античной душе, чей язык форм представляет приблизительно полную противоположность западному; с очень трудного вопроса о том, в какой мере это возможно и было достигнуто, приходится начинать всякую критику Ренессанса. Но когда мы слышим, что - по всей вероятности, размышление о столь гетерогенных проявлениях бытия при всяких обстоятельствах останется в высшей степени сомнительной попыткой - древние индийцы обладали представлением чисел, которые, по нашему понятию, не имеют ни значимости, ни величины, ни качеств, выражающих отношения, которые становились положительными, отрицательными, большими, малыми единствами лишь на основании положения, на основании известных сторонних признаков, - то и мы должны сознаться, что наше мышление лишено возможности точно пережить душевный склад, лежащий в основе этого числового феномена. Так, 3 для нас постоянно есть нечто, будь то положительное или отрицательное; для греков оно было непременно величиной + 3; для индийца оно означает лишенную сущности возможность, для которой слово «нечто» *еще не имеет значения*, по ту сторону бытия и небытия, которые со своей стороны суть только случайные признаки. Плюс — 3, $1/3$ суть эманлирующие действительности низшего порядка, заключенные совершенно непонятным для нас образом в загадочной субстанции (3). Нужно иметь *браминскую* душу, чтобы воспринимать эти числа как само собой понятное, как идеальных представителей завершенной в себе формы мира; Для нас это так же непонятно, как нирвана системы йогов, которая находится по ту сторону жизни и смерти, сна и созерцания, страдания, сострадания и бесстрастности, и все же представляет собою некоторую действительность, для выражения которой у нас даже нет нужных слов. Только из этой духовной стихии могла возникнуть грандиозная концепция, трактующая ничто как некоторое настоящее число, а именно концепция нуля, и именно индийского нуля, для которого «обладающее сущностью» и «лишенное сущности» одинаково внешние обозначения. Этот нуль, быть может наводящий на догадки об индийской идее протяженности, о трактуемой в «Упанишадах» совершенно чуждой нашему чувству пространства пространственности мира, конечно, был совершенно чужд античности. Совершенно преобразовавшийся по пути через арабскую математику, он был впервые введен в 1544 г. у нас Штифелем, причем сущность его принципиально изменилась, и он занял середину между плюс 1 и минус 1, сделавшись разрезом линейной числовой непрерывности, т.е. он был ассимилирован западным миром чисел в совершенно неиндийском смысле.

Рене Генон «Влияние исламской цивилизации на Европу». Большинство европейцев неспособно ни в должной мере оценить всю важность вклада, полученного ими от исламской цивилизации, ни осмыслить суть этих заимствований, а кое-кто не имеет обо всем этом даже приблизительного понятия. Подобное положение дел объясняется тем, что исторические дисциплины, в том виде, в каком они преподаются, привыкли не только произвольно истолковывать факты, но и намеренно искажать их. Эта система образования кичится своим пренебрежительным отношением к исламской цивилизации и старается при каждом удобном случае умалить ее заслуги. Курсы истории, читаемые в европейских университетах, ни в коей мере не отражают влияния, о котором идет речь. То, что следовало бы всячески распространять как в устной, так и в письменной форме, систематически замалчивается, особенно когда речь идет о наиболее важных исторических проблемах.

Общеизвестно, например, что Испания в течение нескольких веков жила по законам Ислама, однако никогда не говорится, что так обстояло дело и в других областях Европы, скажем, в Сицилии и южной части теперешней Франции. В прошлом это умолчание еще можно было как-то объяснить наличием определенных религиозных предрассудков. Но что сказать о современных историках, в большинстве своем людях безрелигиозных, а то и противниках любой религии, когда они спешат подхватить лживые домыслы своих предшественников?

Причины всего этого следует искать в гордыне и самомнении европейцев, мешающих им осознать всю важность вклада, полученного с Востока. Поразительнее всего в этом отношении то, что они мнят себя прямыми наследниками эллинской цивилизации, хотя факты полностью опровергают подобные притязания. История со всей очевидностью установила, что греческая наука и философия дошли до европейцев через мусульманских посредников. Иначе говоря, духовное наследие эллинов было воспринято Европой лишь после того, как его серьезнейшим образом изучили и усвоили на Ближнем Востоке; не будь исламских ученых и философов, европейцы еще долго пребывали бы в полном незнании этого наследия, а может быть, так никогда и не познакомились бы с ним.

Следует заметить, что речь здесь идет о влиянии исламской цивилизации в целом, а не только ее арабской ветви, как это нередко понапрасну утверждается. Ведь большинство из тех, кто служил проводником этого влияния на Западе, не принадлежало к арабской расе и пользовалось арабским языком лишь вследствие того, что приняло религию Ислама.

Поскольку мы упомянули об арабском языке, приведем еще одно доказательство распространения мусульманского влияния на Западе: оно заключается в куда более широком, чем принято считать, заимствовании арабских терминов и корней, которые вошли почти во все европейские языки и используются вплоть до теперешнего дня, хотя большинство европейцев и не подозревают об их истинном происхождении. А поскольку слова являются не чем иным, как переносчиками идей и средством передачи мыслей, нетрудно понять, что этот факт свидетельствует о передаче самих исламских идей и понятий.

Обширное влияние исламской цивилизации явственно ощущалось во всех областях жизни, в науке, в искусствах, философии и т.д. В свое время важнейшим оплотом и основным центром распространения этой цивилизации была Испания...

Возьмем проблему наук - как естественных, так и математических. Можно с уверенностью сказать, что некоторые из естественных отраслей знания были в полном объеме заимствованы Европой у исламской цивилизации. Химия, например, до сих пор сохранила свое арабское наименование, восходящее, как известно, к древнему Египту, несмотря на то, что первоначальный и углубленный смысл этой науки стал совершенно недоступен нашим современникам и, можно сказать, навсегда утрачен для них.

Или астрономия. Соответствующие ей технические термины во всех европейских языках по большей части свидетельствуют об их арабском происхождении; названия большинства небесных тел тоже звучат по-арабски в устах астрологов всего мира. Это объясняется тем, что труды античных астрономов, таких как Птолемей Александрийский, стали известны в Европе только благодаря арабским переводам и сочинениям их мусульманских последователей. Столь же легко можно было доказать, что большинство географических знаний, касающихся наиболее отдаленных краев Азии или Африки долгое время добывалось исключительно арабскими путешественниками, посещавшими эти края; подобные факты можно умножать до бесконечности.

Относительно многих изобретений, являющихся всего-навсего прикладной стороной естественных наук, можно сказать, что и они попадали в Европу через мусульманских посредников; достаточно вспомнить хотя бы о знаменитых водяных часах, подаренных Карлу Великому халифом Харуном эль-Рашидом.

Что же касается математических наук, то им в этой связи следует уделить особое внимание. Дело в том, что данные, относящиеся к этой обширной области знания, полученные на Западе от арабской цивилизации, происходили не только из древнегреческих, но и из индийских источников. Греки, как известно, особенно преуспели в развитии геометрии, так что даже арифметика у них была прежде всего связана с рассмотрением соответствующих геометрических фигур. Предпочтение, отдаваемое геометрии, особенно видно на примере Платона. Существует, однако, раздел математики, родственной арифметике, который, в противоположность остальным ее разделам неизвестен в европейских языках под греческим названием по той причине, что сами древние греки не имели о нем понятия. Раздел этот именуется алгеброй и берет свое начало в Индии, а его арабское название ясно показывает, каким образом он попал на Запад.

Еще один факт, который, несмотря на его меньшее значение, уместно здесь привести, послужит лишним подтверждением всего вышесказанного: употребляемые европейцами цифры повсюду известны под именем арабских, на самом же деле они индийского происхождения, поскольку знаки нумерации, использовавшиеся арабами, были не чем иным, как буквами алфавита.

Перейдя от наук к искусствам, заметим, что многие из идей, порожденных мусульманскими писателями и поэтами, развивались в свое время и в европейской литературе, причем иные из западных авторов не гнушались простым подражанием. Следы исламского влияния можно проследить в архитектуре, причем особенно отчетливо они проявляются в Средние века; так стрельчатый, или готический свод, давший название целому архитектурному стилю, несомненно берет свое начало из арабской архитектуры, хотя многочисленные надуманные теории стараются всячески опровергнуть эти истины. Теории эти противоречат традиции самих европейских строителей, утверждающей, что их знания были получены ими с Ближнего Востока.

Эти знания, носившие тайный характер, облекали их искусство символическим смыслом; они были тесно связаны с наукой чисел и неизменно возводились к тем зодчим, которые строили храм царя Соломона.

Каково бы, впрочем, ни было происхождение этих знаний, они не могли попасть в Европу иначе, чем через посредство мусульманского мира. По этому поводу уместно заметить, что члены зодческих корпораций, придерживавшихся специальных обрядов, ощущали и именовали себя "чужаками", даже находясь в своей родной стране, и это само их название сохранилось до наших дней, хотя происхождение его покрыто мраком и понятно лишь узкому кругу людей.

В этом беглом изложении следовало бы особо упомянуть еще одну область - область философии, в которой исламское влияние было в Средние века столь значительным, что ни один из ярых противников Востока не смог бы отрицать его силу. Можно со всей уверенностью сказать, что в ту пору в Европе не существовало иных путей знакомства с греческой философией: бывшие тогда в ходу латинские переводы Платона и Аристотеля делались не непосредственно с греческих оригиналов, а с арабских переводов, к которым прилагались комментарии тогдашних мусульманских философов, таких как Аверроэс, Авиценна и т.д.

Средневековая философия, известная под именем схоластики, делилась на мусульманскую, иудейскую и христианскую. Но именно мусульманская ее отрасль являлась истоком двух остальных, и в особенности иудейской, которая

процветала тогда в Европе на основе арабского языка, как о том можно судить, например, по важнейшим трудам Мусы ибн-Маймуна, вдохновившим последующую иудейскую философию на целые столетия, вплоть до Спинозы, у которого еще прослеживаются некоторые идеи ибн-Маймуна.

Вряд ли необходимо продолжать перечисление подобных фактов, известных каждому, кто хоть сколько-нибудь знаком с историей философии. Предпочтительней напоследок обратить внимание на вещи совершенно иного порядка, абсолютно неизвестные современникам, особенно европейцам, тогда как с нашей точки зрения они представляют куда больший интерес, нежели все внешние познания в области науки и философии. Мы имеем в виду эзотеризм вкупе со всем, что к нему относится и из него проистекает, образуя совокупность наук, не имеющих ничего общего с теми, что известны людям современности.

В сущности, в теперешней Европе не сохранилось ничего, что могло бы напомнить об этих науках; более того, Запад и понятия не имеет об истинных знаниях, каковыми являются эзотеризм и его аналогии, тогда как в Средние века все обстояло совершенно иначе; в данной области, как и в других, исламское влияние сказывалось в ту пору самым ясным и очевидным образом. Следы этого влияния легко прослеживаются в тех многозначных произведениях, чья истинная цель не сводится к чисто литературным упражнениям.

Некоторые из европейских исследователей, занимающиеся, в частности, изучением Данте, начинают догадываться о подлинной природе его творчества, не поднимаясь, однако, до полного его осмысления. Несколько лет назад испанский ориенталист Мигель Асин Паласиос опубликовал исследование о мусульманских влияниях на творчество Данте, в котором показал, что многие из символов и выражений, использованных поэтом, уже употреблялись до него такими мусульманскими эзотеристами, как Мухиддин ибн-Араби; к сожалению, в этом исследовании не выявлена вся важность подобной символики. Недавно скончавшийся итальянский писатель Луиджи Валли, попытавшийся чуть глубже вникнуть в творчество Данте, пришел к заключению, что символическими средствами, заимствованными из персидской и арабской эзотерической поэзии, пользовался отнюдь не только этот поэт: многие из его литературных современников и соотечественников были членами тайной организации, носившей название «Fidei d'Amoze», а сам он являлся одним из ее руководителей. Но когда Луиджи Валли сделал попытку прояснить смысл их «тайного языка», ему оказалось не под силу раскрыть подлинный характер этой организации, равно как и прочих объединений такого рода в Средневековой Европе. Истина заключается в том, что за этими организациями стояли, вдохновляя их, некие неизвестные лица, скрывавшиеся под различными именами, главное из которых было «братья-розенкрейцеры». Не обладая никаким писаным уставом и не составляя, в сущности, никакого сообщества, они, разумеется, не проводили и регламентированных собраний, и все, что можно о них сказать, сводится к тому, что они достигли той степени духовного совершенства, которая позволяет нам назвать их «европейскими суфиями» или, по меньшей мере, «мутасаввуфинами», обладателями высших чинов в своей иерархии. Кроме того, о «розенкрейцерах» известно, что, пользуясь в качестве прикрытия теми корпорациями зодчих, речь о которых шла выше, они занимались распространением алхимии и прочих наук, идентичных тем, которые процветали тогда в мире Ислама. Они поистине служили связующим звеном между Востоком и Западом, поддерживая постоянный контакт с мусульманскими суфиями, - контакт, символическим напоминанием о котором служат путешествия, приписываемые легендарному основателю их братства.

Грустно сознавать, что подобные факты находятся вне поля зрения теперешней исторической науки, чьи исследования ограничиваются внешней стороной вещей, тогда как именно эти факты могли бы послужить ключом к разрешению стольких загадок, остающихся до сих пор таинственными и неразрешенными.

№6 Какие особенности отмечает П. Я. Чаадаев в развитии России? Верно ли он мыслит? Насколько основательны возражения А. С. Пушкина?

Петр Яковлевич Чаадаев «Первое философическое письмо». Одна из самых печальных особенностей нашей своеобразной цивилизации состоит в том, что мы все еще открываем истины, ставшие избитыми в других странах и даже у народов, в некоторых отношениях более нас отсталых. Дело в том, что мы никогда не шли вместе с другими народами, мы не принадлежим ни к одному из известных семейств человеческого рода, ни к Западу, ни к Востоку, и не имеем традиций ни того, ни другого. Мы стоим как бы вне времени, всемирное воспитание человеческого рода на нас не распространилось. Дивная связь человеческих идей в преемстве поколений и история человеческого духа, приведшие его во всем остальном мире к его теперешнему состоянию, на нас не оказали никакого действия. То, что у других составляет издавна самую суть общества и жизни, для нас еще только теория и умозрение...

Оглянитесь кругом себя. Разве что-нибудь стоит прочно на месте? Все - словно на перепутьи. Ни у кого нет определенного круга действия, нет ни на что добрых навыков, ни для чего нет твердых правил, нет даже и домашнего очага, ничего такого, что бы привязывало, что пробуждало бы ваши симпатии, вашу любовь, ничего устойчивого, ничего постоянного; все исчезает, все течет, не оставляя следов ни вовне, ни в вас. В домах наших мы как будто в лагере; в семьях мы имеем вид пришельцев; в городах мы похожи на кочевников, хуже кочевников, пасущих стада в наших степях, ибо те более привязаны к своим пустыням, нежели мы - к своим городам. И никак не думайте, что это не имеющий значения пустяк. Несчастные, не будем прибавлять к остальным нашим бедам еще одной лишней - созданием ложного представления о себе самих, не будем воображать себя живущими жизнью чисто духовных существ, научимся благоразумно устраиваться в данной действительности... Но поговорим сначала еще о нашей стране, мы при этом не выйдем из своей темы. Без такого предварительного объяснения вы не сможете понять, что я хочу вам сказать.

У всех народов есть период бурных волнений, страстного беспокойства, деятельности без обдуманного намерения. Люди в такое время блуждают по свету и телесно, и духовно. Это пора великих побуждений, обширных предприятий, сильных страстей у народов. Они тогда мечутся с неистовством, без ясной цели, но не без пользы для будущих поколений. Все общества прошли через такие периоды. В них народы наживают свои самые яркие воспоминания, свое чудесное, свою поэзию, свои самые сильные и плодотворные идеи, в этом и состоят необходимые устои обществ. Без этого они бы не сохранили в своей памяти ничего, к чему бы можно было пристраститься, что можно было бы полюбить, они были бы привязаны лишь к праху своей земли. Эта увлекательная пора в истории народов есть их юность, когда всего сильнее развиваются их дарования, и память о ней составляет отраду и поучение в их зрелом возрасте. Мы, напротив, не имели ничего подобного. Сначала дикое варварство, затем грубое суеверие, далее - иноземное владычество, жестокое, унижительное, дух которого национальная власть впоследствии унаследовала, - вот печальная история нашей юности. Пора бьющей через край деятельности, кипучей игры

нравственных сил народа - ничего такого у нас. Пора нашей социальной жизни, соответствующая этому возрасту, была наполнена бесцветным и мрачным существованием без мощности, без напряжения, его ничто не одушевляло, кроме злодеяний, ничто не смягчало, кроме рабства. Никаких чарующих воспоминаний, никаких прекрасных картин в памяти, никаких действенных наставлений в национальной традиции. Окиньте взором все прожитые нами века, все занятые пространства - вы не найдете ни одного приковывающего к себе воспоминания, ни одного почтенного памятника, который бы говорил о прошедшем с силою и рисовал его живо и картинно. Мы живем лишь в самом ограниченном настоящем, без прошедшего и без будущего, среди плоского застоя. И если мы иногда волнуемся, то не в ожидании или не с пожеланием какого-нибудь общего блага, а в ребяческом легкомыслии младенца, когда он тянется и протягивает руки к погремушке, которую ему показывает кормилица.

Настоящее развитие человеческого существа в обществе еще не началось для народа, пока жизнь не стала в нем более упорядоченной, более легкой, более спокойной, чем в неопределенности первой поры. Пока общества еще колеблются без убеждений и без правил даже и в повседневных мелочах, как можно ожидать в них созревания зачатков добра? Пока - это все еще хаотическое брожение предметов нравственного мира, подобное тем переворотам в истории земли, которые предшествовали образованию нашей планеты в ее теперешнем виде. Мы пока еще в таком положении.

Первые наши годы, протекавшие в неподвижной дикости, не оставили никакого следа в нашем сознании, и нет в нас ничего лично нам присущего, на что могла бы опереться наша мысль; выделенные по странной воле судьбы из всеобщего движения человечества, не восприняли мы и *традиционных* идей человеческого рода. А между тем на них основана жизнь народов, из этих идей вытекает их будущее и происходит их нравственное развитие. Если мы хотим, подобно другим народам, иметь свое лицо, мы должны сначала как-то переначать у себя все воспитание человеческого рода. К нашим услугам - история народов и перед нашими глазами - итоги движения веков. Задача бесспорно трудная, и одному человеку, пожалуй, не исчерпать столь обширного предмета... Прежде всего, однако, надо понять, в чем дело, в чем заключается это воспитание человеческого рода и каково занимаемое нами в общем строе место.

Народы живут только сильными впечатлениями, сохранившимися в их умах от протекших времен, и общением с другими народами. Этим путем каждая отдельная личность ощущает свою связь со всем человечеством.

В чем заключается жизнь человека, говорит Цицерон, если память о протекших временах не связывает настоящего с прошлым? Мы же, явившись на свет, как незаконнорожденные дети, лишены наследства, без связи с людьми, предшественниками нашими на земле, не храним в сердцах ничего из наставлений, вынесенных до нашего существования. Каждому из нас приходится самому искать путей для возобновления связи с нитью, оборванной в родной семье. То, что у других народов просто привычка, инстинкт, то нам приходится вбивать в свои головы ударами молота. Наши воспоминания не идут далее вчерашнего дня; мы как бы чужие для себя самих. Мы так удивительно шествуем во времени, что по мере движения вперед пережитое пропадает для нас безвозвратно. Это естественное последствие культуры, всецело заимствованной и подражательной. Внутреннего развития, естественного прогресса у нас нет, прежние идеи выметаются новыми, потому что последние не вырастают из первых, а появляются у нас откуда-то извне. Мы воспринимаем идеи только в готовом виде; поэтому те неизгладимые следы, которые отлагаются в умах последовательным развитием мысли и создают умственную силу, не бороздят

наших сознаний. Мы растем, но не созреваем, мы подвигаемся вперед, но в косвенном направлении, т. е. по линии, не приводящей к цели. Мы подобны тем детям, которых не заставляли самих рассуждать, так что, когда они вырастают, своего в них нет ничего, все их знание на поверхности, вся их душа - вне их. Таковы же и мы.

Народы - существа нравственные, точно так, как и отдельные личности. Их воспитывают века, как людей - годы. Про нас можно сказать, что мы составляем как бы исключение среди народов. Мы принадлежим к тем из них, которые как бы не входят составной частью в человечество, а существуют лишь для того, чтобы преподать великий урок миру. И, конечно, не пройдет без следа то наставление, которое суждено нам дать, но кто знает день, когда мы найдем себя среди человечества, и кто исчислит те бедствия, которые мы испытываем до свершения наших судеб?

Народы Европы имеют общее лицо, семейное сходство; несмотря на их разделение на отрасли латинскую и тевтонскую, на южан и северян, существует связывающая их в одно целое черта, явная для всякого, кто углубится в общие их судьбы. Вы знаете, еще не так давно вся Европа носила название христианского мира, и слово это значилось в публичном праве. Помимо общего всем обличья, каждый из народов этих имеет свои особые черты, но все это коренится в истории и в традициях и составляет наследственное достояние этих народов. А в их недрах каждый отдельный человек обладает своей долей общего наследства, без труда, без напряжения подбирает в жизни рассеянные в обществе знания и пользуется ими. Сравните то, что делается у нас, и судите сами, какие элементарные идеи можем почерпнуть в повседневном обиходе мы, чтобы ими так или иначе воспользоваться для руководства в жизни. Заметьте при этом, что дело идет здесь не об учености, не о чтении, не о чем-то литературном или научном, а просто о соприкосновении сознаний, о мыслях, охватывающих ребенка в колыбели, нашептываемых ему в ласках матери, окружающих его среди игр, о тех, которые в форме различных чувств проникают в мозг его вместе с воздухом и которые образуют его нравственную природу ранее выхода в свет и появления в обществе. Вам надо назвать их? Это идеи долга, справедливости, права, порядка. Они имеют своим источником те самые события, которые создали там общество, они образуют составные элементы социального мира тех стран. Вот она, атмосфера Запада, это нечто большее, чем история или психология, это физиология европейца. А что вы взамен этого поставите у нас?...

Не знаю, можно ли вывести из сказанного сейчас что-либо вполне бесспорное и построить на этом непреложное положение; но ясно, что на душу каждой отдельной личности из народа должно сильно влиять столь странное положение, когда народ этот не в силах сосредоточить своей мысли ни на каком ряде идей, которые постепенно разворачивались в обществе и понемногу вытекали одна из другой, когда все его участие в общем движении человеческого разума сводится к слепому, поверхностному, очень часто бестолковому подражанию другим народам. Вот почему, как вы можете заметить, всем нам не хватает какой-то устойчивости, какой-то последовательности в уме, какой-то логики. Силлогизм Запада нам чужд. В лучших умах наших есть что-то еще худшее, чем легковесность. Лучшие идеи, лишённые связи и последовательности, как бесплодные вспышки, парализуются в нашем мозгу. В природе человека - теряться, когда он не в состоянии связаться с тем, что было до него и что будет после него; он тогда утрачивает всякую твердость, всякую уверенность. Раз он не руководим ощущением непрерывной длительности, он чувствует себя заблудившимся в мире. Такие растерянные существа встречаются во всех странах; у нас - то общее свойство. Тут вовсе не то легкомыслие, которое когда-то

ставили в упрек французам и которое в конце концов было не чем иным, как легким способом воспринимать окружающее, что не исключало ни глубины ума, ни широты кругозора и вносило столько прелести и обаяния в обращение; тут - бессмысленность жизни без опыта и предвидения, не имеющей отношения ни к чему, кроме призрачного бытия особи, оторванной от своего видового целого, не считающейся ни с требованиями чести, ни с успехами какой-либо совокупности идей и интересов, ни даже с наследственными стремлениями данной семьи и со всем сводом предписаний и точек зрения, которые определяют и общественную, и частную жизнь в строе, основанном на памяти прошлого и на заботе о будущем. В наших головах нет решительно ничего общего, все там обособленно и все там шатко и неполно. Я нахожу даже, что в нашем взгляде есть что-то до странности неопределенное, холодное, неуверенное, напоминающее обличие народов, стоящих на самых низших ступенях социальной лестницы. В чужих краях, особенно на юге, где лица так одушевлены и выразительны, я столько раз сравнивал лица моих земляков с лицами местных жителей и бывал поражен этой немотой наших выражений.

Иностранцы ставили нам в заслугу своего рода беззаветную отвагу, особенно замечаемую в низших классах народа; но имея возможность наблюдать лишь отдельные черты народного характера, они не могли судить о нем в целом. Они не заметили, что та самая причина, которая делает нас подчас столь смелыми, постоянно лишает нас глубины и настойчивости; они не заметили, что свойство, делающее нас столь безразличными к случайностям жизни, вызывает в нас также равнодушие к добру и злу, ко всякой истине, ко всякой лжи и что именно это и лишает нас тех сильных побуждений, которые направляют людей на путях к совершенствованию; они не заметили, что именно вследствие такой ленивой отваги даже и высшие классы - как ни тяжело, а приходится признать это - не свободны от пороков, которые у других свойственны только классам самым низшим; они, наконец, не заметили, что если мы обладаем некоторыми достоинствами народов молодых и здоровых, то мы не имеем ни одного, отличающего народы зрелые и высококультурные.

Я, конечно, не утверждаю, что среди нас одни только пороки, а среди народов Европы одни добродетели, отнюдь нет. Но я говорю, что, судя о народах, надо исследовать общий дух, составляющий их сущность, ибо только этот общий дух способен вознести их к более совершенному нравственному состоянию и направить к бесконечному развитию, а не та или другая черта их характера.

Массы находятся под воздействием известных сил, стоящих у вершин общества. Массы непосредственно не размышляют. Среди них имеется известное число мыслителей, которые за них думают, которые дают толчок собирательному сознанию нации и приводят ее в движение. Незначительное меньшинство мыслит, остальная часть чувствует, в итоге же получается общее движение. Это так у всех народов на земле; исключение составляют только некоторые одичавшие расы, которые сохранили из человеческой природы один только внешний облик. Первобытные народы Европы, кельты, скандинавы, германцы, имели своих друидов, своих скальдов, своих бардов, которые на свой лад были сильными мыслителями. Взгляните на племена Северной Америки, которые искореняет с таким усердием материальная цивилизация Соединенных Штатов: среди них имеются люди, удивительные по глубине. А теперь я вас спрошу, где наши мудрецы, где наши мыслители? Кто за нас когда-либо думал, кто за нас думает теперь?

А между тем, раскинувшись между двух великих делений мира, между Востоком и Западом, опираясь одним локтем на Китай, другим - на Германию, мы бы должны были сочетать в себе две великие основы духовной природы -

воображение и разум и объединить в своем просвещении исторические судьбы всего земного шара. Не эту роль предоставило нам Провидение. Напротив, оно как будто совсем не занималось нашей судьбой. Отказывая нам в своем обычном благодетельном влиянии на человеческий разум, оно предоставило нас всецело самим себе, не захотело ни в чем вмешиваться в наши дела, не захотело ничему нас научить. Опыт времен для нас не существует. Века и поколения протекли для нас бесплодно. Наблюдая нас, можно бы сказать, что здесь сведен на нет всеобщий закон человечества. Одинокие в мире, мы миру ничего не дали, ничего у мира не взяли, мы не внесли в массу человеческих идей ни одной мысли, мы ни в чем не содействовали движению вперед человеческого разума, а все, что досталось нам от этого движения, мы исказили. Начиная с самых первых мгновений нашего социального существования, от нас не вышло ничего пригодного для общего блага людей, ни одна полезная мысль не дала ростка на бесплодной почве нашей родины, ни одна великая истина не была выдвинута из нашей среды; мы не дали себе труда ничего создать в области воображения, и из того, что создано воображением других, мы заимствовали одну лишь обманчивую внешность и бесполезную роскошь.

Удивительное дело. Даже в области той науки, которая все охватывает, наша история ни с чем не связана, ничего не объясняет, ничего не доказывает. Если бы полчища варваров, потрясших мир, не прошли по занятой нами стране прежде нашествия на Запад, мы бы едва ли дали главу для всемирной истории. Чтобы заставить себя заметить, нам пришлось растянуться от Берингова пролива до Одера. Когда-то великий человек вздумал нас цивилизовать и для того, чтобы приохотить к просвещению, кинул нам плащ цивилизации; мы подняли плащ, но к просвещению не прикоснулись. В другой раз другой великий монарх, приобщая нас к своей славной судьбе, провел нас победителями от края до края Европы; вернувшись домой из этого триумфального шествия по самым просвещенным странам мира, мы принесли с собой одни только дурные понятия и губительные заблуждения, последствием которых была катастрофа, откинувшая нас назад на полвека. В крови у нас есть что-то такое, что отвергает всякий настоящий прогресс. Одним словом, мы жили и сейчас еще живем лишь для того, чтобы преподать какой-то великий урок отдаленным потомкам, которые поймут его; пока, что бы там ни говорили, мы составляем пробел в порядке разумного существования. Я не могу довольно надивиться на эту пустоту, на эту поразительную оторванность нашего социального бытия. В этом, наверное, отчасти повинна наша непостижимая судьба. Но есть здесь еще, без сомнения, и доля человеческого участия, как во всем, что происходит в нравственном мире. Обратимся за объяснением снова к истории: она нам дает ключ к пониманию народов.

В то время, когда среди борьбы между исполненным силы варварством народов севера и возвышенной мыслью религии воздвигалось здание современной цивилизации, что делали мы? По воле роковой судьбы мы обратились за нравственным учением, которое должно было нас воспитать, к растленной Византии, к предмету глубокого презрения этих народов. Только что перед тем эту семью вырвал из вселенского братства один честолюбивый ум, вследствие этого мы и восприняли идею в искаженном людской страстью виде. В Европе все тогда было одушевлено животворным началом единства. Все там из него истекало, все там сосредоточивалось. Все умственное движение той поры только и стремилось установить единство человеческой мысли, и всякий импульс истекал из властной потребности найти мировую идею, эту вдохновительницу новых времен. Чуждые этому чудотворному принципу, мы стали жертвой завоевания. И когда, затем, освободившись от чужеземного ига, мы могли бы

воспользоваться идеями, расцветшими за это время среди наших братьев на Западе, если бы только не были отторгнуты от общей семьи, мы подпали рабству, еще более тяжелому, и притом освященному самым фактом избавления нас от ига.

Александр Сергеевич Пушкин «Письмо П. Я- Чаадаеву 19 октября 1836 г.»

Что касается мыслей, то вы знаете, что я далеко не во всем согласен с вами. Нет сомнений, что Схизма (разделение церквей) отъединила нас от остальной Европы и что мы не принимали участия ни в одном из великих событий, которые ее потрясали, но у нас было свое особое предназначение. Это Россия, это ее необъятные пространства поглотили монгольское нашествие. Татары не посмели перейти наши западные границы и оставить нас в тылу. Они отошли к своим пустыням, и христианская цивилизация была спасена. Для достижения этой цели мы должны были вести совершенно особое существование, которое, оставив нас христианами, сделало нас, однако, совершенно чуждыми христианскому миру, так что нашим мученичеством энергичное развитие католической Европы было избавлено от всяких помех. Вы говорите, что источник, откуда мы черпали христианство, был нечист, что Византия была достойна презрения и презираема и т. п. Ах, мой друг, разве сам Иисус Христос не родился евреем и разве Иерусалим не был притчею во языцех? Евангелие от этого разве менее изумительно? У греков мы взяли евангелие и предания, но не дух ребяческой мелочности и словопрений. Нравы Византии никогда не были нравами Киева. Наше духовенство, до Феофана, было достойно уважения, оно никогда не пятнало себя низостями папизма и, конечно, никогда не вызвало бы реформации в тот момент, когда человечество больше всего нуждалось в единстве. Согласен, что нынешнее наше духовенство отстало. Хотите знать причину? Оно носит бороду, вот и всё. Оно не принадлежит к хорошему обществу. Что же касается нашей исторической ничтожности, то я решительно не могу с вами согласиться. Войны Олега и Святослава и даже удельные усобицы - разве это не та жизнь, полная кипучего брожения и пылкой и бесцельной деятельности, которой отличается юность всех народов? Татарское нашествие - печальное и великое зрелище. Пробуждение России, развитие ее могущества, ее движение к единству (к русскому единству, разумеется), оба Ивана, величественная драма, начавшаяся в Угличе и закончившаяся в Ипатьевском монастыре, - как, неужели всё это не история, а лишь бледный и полузабытый сон? А Петр Великий, который один есть целая всемирная история! А Екатерина II, которая поставила Россию на пороге Европы? А Александр, который привел вас в Париж? и (положа руку на сердце) разве не находите вы чего-то значительного в теперешнем положении России, чего-то такого, что поразит будущего историка? Думаете ли вы, что он поставит нас вне Европы? Хотя лично я сердечно привязан к государю, я далеко не восторгаюсь всем, что вижу вокруг себя; как литератора - меня раздражают, как человек с предрассудками - я оскорблен, - но клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество, или иметь другую историю, кроме истории наших предков, такой, какой нам бог ее дал.

Вышло предлинное письмо. Поспоров с вами, я должен вам сказать, что многое в вашем послании глубоко верно. Действительно, нужно сознаться, что наша общественная жизнь - грустная вещь. Что это отсутствие общественного мнения, это равнодушие ко всему, что является долгом, справедливостью и истиной, это циничное презрение к человеческой мысли и достоинству - поистине могут привести в отчаяние. Вы хорошо сделали, что сказали это громко.

№7. Какие черты присущи русской культуре и русскому человеку, согласно В. Шубарту? Подтверждает или отрицает

анализ русской архитектуры и иконописи, данный Е. Н. Трубецким идее В. Шубарта?

Вальтер Шубарт «Европа и душа Востока». Действительно, имеются четыре сменяющие один другого *прототипа*. Они создают во времена своего господства; гармонического, героического, аскетического и мессианского человека, которые отличаются друг от друга своим основным поведением в противопоставлении себя Вселенной. *Гармонический* человек переживает Вселенную как космос, одушевленный внутренней гармонией, не подлежащий ни человеческому водительству, ни оформлению, а долженствующий быть лишь созерцаемым и любимым. Здесь нет мысли об эволюции, а есть лишь мысль о статическом покое. Мир - у цели. Так чувствовали гомеровские греки, китайцы эпохи Конфуция, христиане готики. *Героически* человек видит в мире хаос, который он должен оформить своей организующей силой. Здесь все в движении. Миру ставятся цели, определяемые человеком. Так чувствовал античный Рим, романские и германские народы современности. *Аскетический* человек ощущает бытие, как заблуждение, от которого он бежит в мистическую суть вещей. Он покидает мир без желания и надежды его улучшить. Так чувствовали индусы или греки неоплатоники. Наконец, *мессианский* человек чувствует себя призванным создать на земле высший божественный порядок, чей образ он в себе роковым образом носит. Он хочет восстановить вокруг себя ту гармонию, которую он чувствует в себе. Так ощущали первые христиане и большинство славян. Эти четыре прототипа можно определить выражениями: созвучие с миром, господство над миром, бегство от мира и освящение мира.

Гармонический человек живет во всем мире и со всем миром, связанный с ним в одно целое. Аскетический человек отвращается от мира. Героический же и мессианский выступают против него; первый - из желания полноты своей власти, второй - во имя задания, полученного от своего Бога. Гармонический и аскетический человек - статичны, два другие - динамичны. Гармонический считает смысл истории выполненным, аскетический - считает невозможным, чтобы он когда-либо был выполнен. Оба не ставят своему времени никаких требований. Героический же и мессианский человек хотят сотворить мир иным, чем тот, который им представляется в действительности. Это волнует и принуждает к напряжению всех сил. Поэтому их эпохи более подвижны и активны, чем все остальные.

Картины мира гармонического и мессианского человека родственны между собой. Но то, что первый считает уже имеющимся вокруг себя, то второй видит лишь как дальнюю цель. В обоих случаях мир есть возлюбленная, которой себя отдают для того, чтобы с ней соединиться. Героический человек рассматривает мир как раба, которому ставят ногу на шею; аскетический - как искуителя, которого следует избегать. Героический человек не смотрит покорно на небо, он полон жажды власти и злыми, враждебными глазами смотрит вниз, на землю. По самому существу своему он удаляется все дальше и дальше от Бога и все глубже уходит в мир вещей. Секуляризация - его судьба, героизм - его жизненное чувство, трагика - его конец.

Мессианского человека одухотворяет не жажда власти, но настроение примирения и любви. Он не разделяет, чтоб властвовать, но ищет разобщенное, чтобы его воссоединить. Им не движут чувства подозрения и ненависти, он полон глубокого доверия к сущности вещей. Он видит в люди не врагов, а братьев; в мире же не добычу, на которую нужно бросаться, а грубую материю, которую надо осветить и освятить. Им движет чувство некоей космической одержимости, он исходит из понятия целого, которое ощущает в себе и которое хочет восстановить

в раздробленном окружающем. Его не оставляют в покое стремление к всеобъемлющему и желание сделать его видимым и осязаемым...

Но брезжит на горизонте розовая утренняя заря нового мира: *возвещается иоанническая эпоха*, несущая человеку мессианский прототип... Я называю новый зон иоанническим, по Евангелию от Иоанна, ибо ему как раз в необычайной степени свойственны дух солидарности, примирения и любви. И особенно думаю я о стихе 17, 21, где горячее желание переходит в молитву: «Да будут они все воедино». Эта борьба за вселенскость станет основной чертой иоаннического человека...

В иоанническую эпоху центр тяжести еще раз переместится, ибо зон мессианского человека с его религиозной душой не может согласиться с духовным водительством прижатых к земле северных народов. Он передаст его в руки тех, кто обладает стремлением к сверхземному, в качестве постоянной черты национального характера, а таковыми являются славяне, в особенности русские...

Запад подарил человечеству наиболее совершенные формы техники, государственности и связи, но он лишил его души. Задачей России является вернуть ее людям. Россия обладает как раз теми *силами*, которые Европа потеряла или уничтожила. Россия является частью Азии и в то же время составной частью христианского сообщества народов. Она - христианская часть Азии. В этом особенность и единственность ее исторической миссии. Индия и Китай оторваны от европейского человека, к России же ведут пути, прокладываемые, прежде всего, общностью религии. А потому, только Россия способна одухотворить человеческий род, погрязший в вешности и испорченный жаждой власти, и это несмотря на то, что в настоящий момент, сама она мучится в судорогах большевизма. Ужасы советского времени пройдут, как минувшая и ночь татарского ига, и оправдается старое изречение: «Востока свет!» Я не хочу этим, сказать, что европейские нации теряют свое значение, они теряют лишь духовное водительство. Они не будут больше представлять господствующий человеческий тип - и это будет благословением для человечества. Сколь многие жаждут сейчас конца прометеевской культуры! И наиболее тонкие умы, как раз, в наибольшей степени. Они чувствуют духовное убожество окружающих их людей и ищут вокруг себя новых возможностей. Как бы это не показалось смелым, но с полной определенностью следует сказать: Россия - единственная страна, которая может освободить Европу и ее освободит, так как по отношению ко всем жизненным проблемам она занимает позицию, противоположную той, которую заняли все европейские народы. Именно, из глубины своего беспримерного страдания будет она черпать столь же глубокое знание людей и смысл их жизни для того, чтобы возвестить это знание всем народам земли.

Русский обладает для этого душевными предпосылками, отсутствующими сегодня у любого европейского народа. В нынешней своей форме западно-восточная проблема представляется как проблема обновления человечества, как возможность одухотворения Запада Востоком, как указание раздробленному человечеству вновь воссоединиться в его праначальном единстве, как задание создать совершенного человека...

Русская душа не чужда аскетическим наклонностям, но они не являются типичными для современных русских. *Типичная позиция*, с которой они реагируют на прометеевские идеалы, есть позиция *мессианская*.

При этом, для русских характерно, что они делают ударение на потустороннем даже тогда, когда они в своем сознании его отрицают, или думают, что отрицают. В этом неразрывном соприкосновении с вечным отражается полностью азиат. Его недовольство миром является лишь отрицательным явлением того факта, что он, по выражению Достоевского, несет в своей душе

более чистый образ, нежели другие народы, а именно образ Освободителя. Недовольство и удивление, с которыми он смотрит на мир, показывает лишь степень одержимости и взволнованности его божественным. В нем издревле живет и действует немеркнувший образ божественной гармонии и, чем больше он вокруг себя ее теряет, тем настойчивее он пытается восстановить потерянное в окружающем мире. Он хочет оформить внешний мир, согласно небесному внутреннему образу, - в этом и заключается основная черта мессианского человека. Его последние слова - не чистая посюсторонность, как у прометеевского человека, а Царство Божие.

Он любит мир не ради его самого, а для того, чтобы в нем создать божественное. Для него мир хорош только тем, что является сырым материалом для осуществления его миссии. Мессианизм его есть сознание посланничества. Мессианский человек стремится осуществить то, что гармонический человек видит вокруг себя уже осуществленным. Поэтому, он более активен, нежели гармонический человек и еще более активен, нежели человек аскетический...

Мессианское жизнеощущение русских не дает им возможность удовольствоваться простым познанием истины. Он стремится эту истину пережить и в низшем порядке создать высший. Он ищет не знания, а жизни в форме познания. «Мы не можем склониться перед христианской истиной и вместе с тем примириться с анти-христианской действительностью, как с чем-то вечно неизменным и неизбежным» (Соловьев). Трусливое отрицание духа для русского чуждо, а там, где он с ним встречается - нестерпимо. Сколь многие из русских поэтов заплатили тюрьмой за свои умонастроения! Каждый сам должен давать пример тому, чему он учит. В русской культуре нет ничего подобного Шопенгауэру, который, как человек, был лакомкой и франтом, а, как мыслитель, рекомендовал уклонение от пользования земными благами. Русский послушен голосу совести, он раскаивается и жертвует собой. Когда в 1881 году Александр II пал жертвой покушения, - Толстой и Соловьев независимо друг от друга выступили за помилование убийцы...

Прометеевский человек не хочет видеть существо мира иным, чем оно есть, он лишь хочет его упорядочить, использовать и оформить. Русский же хочет преобразовать мир до основания. Поэтому европеец стремится к успокоительной и консолидирующей середине, и русский - к всеосвобождающему концу. Конечной, целью западной культуры является не борьба с силами земли, а состояние всеобщей обеспеченности, порядка и благосостояния по окончании победной борьбы с ними. Ее цель - мещанство...

Свобода нераздельна со смирением. Русский свободен ибо он полон смирения. В то время, как европеец стремится оправдаться и казаться большим, чем он есть на самом деле русский не только открыто признается в своих ошибках и слабостях, но даже их преувеличивает. По отношению к своей личности, он честнее европейца (по отношению же к вещам - наоборот). Из чувства виновности мысль о жертве вырастает в центральную идею русской этики. Без смерти нет воскресения, без жертвы нет возрождения. Пасха, а не Рождество является величайшим русским церковным праздником...

Русский больше склонен к внутреннему совершенствованию, чем к внешнему успеху. И в этом он ближе опять таки к индусам и китайцам. Он стремится к добродетели, а прометеевский человек к деловитости. Деловитость ведет к успеху в мире фактов, но она разъедает душу и разрушает внутреннюю свободу. Тот, кто обращается к добродетели, тот рвет с реальностью. Он становится *на сторону* духовного порядка, чья защита связана с тяжелыми потерями в мире полезности, но этим спасается внутренний человек. Так сталкиваются эти два противоположных идеала внутренней свободы и внешнего

могущества. Культуре середины свойственен идеал могущества, а культуре крайности - идеал свободы...

Русский доверяет сверхчувственным силам, изнутри пронизывающим все приходящее. Его основное переживание - изначальное доверие, пра-доверие. Прометеевский человек занимает противоположную позицию. С его точечным чувством связан в качестве преобладающего душевного настроения изначальный страх, пра-страх. Для него надежно существует только свое собственное Я. Он - метафизический пессимист, озабоченный лишь тем, чтобы справиться с окружающей его эмпирической действительностью. Он не доверяет основе вещей. Он не верит твердо в сверхземные силы, осмысленно организующие бытие. Он переживает мир, как хаос, только через человека получающего смысл и оправдание. Его всегда мучает боязнь, что мир порвет удила, как только с него будет снята без отдыха творящая рука. Это несчастный человек. Гораздо более несчастный, чем русский. Прометеевский человек противостоит судьбе как врагу, с которым он борется не на жизнь, а на смерть. Для него трагична не судьба сама по себе, а поражение в борьбе с ней. Русский же един со своей судьбой. Он ей не противостоит.

Исходя из своего точечного чувства прометеевский человек обладает лишь *специализирующим* *видением*, русский же, исходя из своего чувства всеобщности, обладает *видением универсальным*. Первый, свое основное переживание противоположности «Я» и мира, переносит и на всю картину мира. Он не видит органической всеобщности жизни (Киреевский), а только лишь единицы, пункты, в лучшем случае - сумму пунктов. Перед властным взором боязливо планирующего человека вселенная распадается на бездушные, друг другу враждебные части; перед любящими взорами самоотверженного человека та же вселенная сливается в одно гармоническое целое. К власти можно придти только через разделение, к целому только через самоотвержение. Духовная сущность европейца - анализ, этическая - компромисс и примирение. Человек точечного чувства видит лишь осколки, несовершенное, и ищущее своего оформителя. Человек всеобщего чувства ощущает совершенное, перед которым он смиренно преклоняется...

Во взаимоотношениях людей друг с другом точечное чувство соответствует себялюбию, а чувство всеобщности - увству братства. Когда европейец смотрит на себе подобного, им тотчас же и невольно овладевает ощущение: это мой враг. Человек человеку – волк. Каждый за себя и каждый сам по себе бог, а потому каждый друг против друга и все против Бога – такова сущность и характер европейского общежития. В науке это воззрение на жизнь, как на войну всех против все отразилось в дарвинском учении борьбы за существование. Отсюда не случайно, что именно русский, князь Кропоткин выступил с обратным учением в своей книге. «Взаимная помощь как фактор эволюции» (Лондон, 1902). В ней он защищает тезис о взаимопомощи в мире людей и зверей...

Русский переживает мир, исходя не из «Я» и не из «Ты», а из «Мы». Противоположение личности не является для него чем-то основным. Со стихийной живостью он ощущает прежде всего неразделимое целое, в котором находятся все люди. Поэтому, «он один из всех европейцев обладает непосредственным отношением к душе своего ближнего». Если он смотрит на ближнего, он видит в нем не врага, а брата. Его первое движение, есть движение симпатии и доверия. Он верит в естественную доброту ближнего, вплоть до доказательства противного. В России люди, которые только что друг с другом познакомились, быстро становятся задушевными друзьями: через час кажется, что они были знакомы друг с другом чуть ли не целую жизнь. В Европе, особенно

в Германских странах, наоборот: там можно знать друг друга всю жизнь, но даже другу душа не открывается для своих сокровенных глубин...

Чувство братства делает русскому жизнь много легче и выносимое, чем европейцу с его инстинктами борьбы, грабительства и конкуренции. Попадающий в нужду среди русских не окончательно погиб, он всегда найдет помощь. В то время, как европеец «из принципа» не одалживает денег, русский одалживает всегда, даже если знает что (обычно) свои деньги он обратно не получит. Быть равнодушным к чужой нужде противоречит идее любви, господствующей среди русских. Тактичная нежность, с которой русский оказывает помощь, отнимает от нее то унизительно-безжалостное, что отравляет большинство пожертвований...

Сущность русского чувства братства исходит не из того, что люди в одинаковой степени чем-то владеют, и не из того, что они равны, а из одинакового уважения к ним ...

Русские против римлян, чувство братства против воли власти, смирение против высокомерия, простота против помпы, вдохновение божественной любви против пафоса насилия - таковы альтернативы грядущих поколений...

Русское чувство братства настолько сильно, что распространяется и на *грешников*. Вид чужой вины напоминает русскому о его собственной вине, а не как некогда еврейским фарисеям - о собственном превосходстве. Русский глубоко ощущает: все мы в какой-то степени грешники. Европеец же разделяет: ты виновен, а я нет. В России преступника больше сожалеют, нежели проклинают. Русский не впадает столь легко в обычную для Запада отвратительную привычку думать лишь о своем самооправдании, отклоняя от себя вину и отвергая упреки. Русский часто даже чувствует потребность в признании своей вины.

Братское чувство русских, открывая пути к вершинам человечества, одновременно ставит их и перед пропастью опасности. То, что на высшей ступени граничит с нравственным совершенством, то на низшей ступени опускается ниже среднего уровня. В одном случае чувство личной ответственности обострено до крайности, в другом - заглушено. В одном случае говорится: каждый ответственен за всех и за все, а в другом: никто не ответственен ни за кого и ни за что. Тут царство всеобщего соучастия в вине, там - всеобщей безответственности. Так случается, что в моральном отношении русские вершины далеко превосходят европейские высоты, а средний русский во многих отношениях не может удержаться на среднем европейском уровне...

Социальная жизнь Европы подчиняется другим законам, чем русская. Западный человек также не может обойтись без себе подобных, - ему нужны сотрудники, партнеры, слушатели, почитатели. Но не в ближних ищет он роста своего «Я», а в вещах, идеях, понятиях. Европеец, не будучи способен жить в ближних, живет, тем не менее, в общих целях. Он *предметный* человек, в то время как русский - *душевный* человек. Европейцев объединяет общий предмет, русских объединяет человечность, предметность придает надежность и сознание долга. Западный человек служит предмету, он исполняет долг. Русский служит непосредственно людям, но не из сознания долга, а из чувства братства. *Европа есть царство предметности. . Россия есть Родина души...*

К русскому чувствуешь симпатию, как только с ним лично познакомиться. Европеец импонирует постольку, поскольку ты с ним знаком лишь по его творениям.

Новый человек по сути своей человек не христианский. Как человек культуры середины, его тянет от неба на землю. Как человек изначального страха, он противится христианскому доверию к Богу. Как предметный человек, он умаляет значение заботы о спасении своей души. Как человек точечного чувства, он не способен на любовь к ближнему. В противоположность

прометеевскому человеку, *русский дает христианскими добродетелями* в качестве постоянных национальных свойств. Русские были христианами еще до обращения в христианство...

И вновь следует отметить особенность России, как христианской части Азии. Из встречи инстинктивных азиатских наклонностей и женственной сущности с сознательно-христианским отношением к ценностям следует ожидать замечательных последствий. Результатом этого совпадения, ни разу не имевшего места на земном шаре, является *русская женщина*. Она - одна из немногих счастливых случайностей нашей планеты. С англичанкой делит она наклонности к женской свободе и самостоятельности без того, чтобы когда-либо превратиться в «синий чулок». С француженкой ее роднит духовная подвижность без претензий на глубокомыслие; она обладает хорошим вкусом француженки, тем же пониманием красоты и элегантности, однако, без того, чтобы становиться жертвой тщеславной пристрастности к нарядам. Она обладает добродетелями немецкой домашней хозяйки, без того, чтобы вечно коптеть над кухонной посудой; она имеет материнские качества итальянки, не огрубляя их до обезьяньего любвеобилия...

Евгений Николаевич Трубецкой «Умозрение в красках». Сущность той жизненной правды, которая противопоставляется древнерусским религиозным искусством образу звериному, находит себе исчерпывающее выражение не в том или ином иконописном изображении, а в древнерусском храме в его целом. Здесь именно храм понимается как то начало, которое должно господствовать в мире. Сама вселенная должна стать храмом Божиим. В храм должны войти все человечество, ангелы и вся низшая тварь. И именно в этой идее мирообъемлющего храма заключается та религиозная надежда на грядущее умиротворение всей твари, которая противопоставляется факту всеобщей войны и всеобщей кровавой смуты... Здесь мирообъемлющий храм выражает собою не действительность, а идеал, не осуществленную еще надежду всей твари. В мире, в котором мы живем, низшая тварь и большая часть человечества пребывает пока вне храма. И постольку храм олицетворяет собою иную действительность, то небесное будущее, которое манит к себе, но которого в настоящее время человечество еще не достигло. Мысль эта с неподражаемым совершенством выражается архитектурой наших древних храмов, в особенности новгородских...

Византийский купол над храмом изображает собою свод небесный, покрывший землю. Напротив, готический шпиг выражает собою неудержимое стремление ввысь, подъемлющее от земли к небу каменные громады. И, наконец, наша отечественная «луковица» воплощает в себе идею глубокого молитвенного горения к небесам, через которое наш земной мир становится причастным потустороннему богатству. Это завершение русского храма - как бы огненный язык, увенчанный крестом и к кресту заостряющийся... Нужно ли доказывать, что между наружным и внутренним существует полное соответствие; именно через это видимое снаружи горение небо сходит на землю, проводится внутрь храма и становится здесь тем его завершением, где все земное покрывается рукою Всевышнего, благословляющей из темно-синего свода. И эта рука, побеждающая мирскую рознь, все приводящая к единству соборного целого, держит в себе судьбы людские...

Так утверждается во храме то внутреннее соборное объединение, которое должно победить хаотическое разделение и вражду мира и человечества. Собор всей твари как грядущий мир вселенной, объемлющий и ангелов, и людей, и всякое дыхание земное, - такова основная храмовая идея нашего древнего религиозного искусства, господствовавшая и в древней нашей архитектуре, и в живописи...

Ее господствующая тенденция односторонне характеризовалась неопределенным выражением «аскетизм» и в качестве «аскетической» отбрасывалась, как отжившая ветошь... Как совместить этот аскетизм с этими необычайно живыми красками? В чем заключается тайна этого сочетания высшей скорби и высшей радости?... Безо всякого сомнения, мы имеем здесь две тесно между собой связанные стороны одной и той же религиозной идеи: ведь нет Пасхи без Страстной седмицы и к радости всеобщего воскресения нельзя пройти мимо животворящего креста Господня. Поэтому в нашей иконописи мотивы радостные и скорбные, аскетические, совершенно одинаково необходимы... Важнейшее в ней, конечно, - радость окончательной победы Богочеловека над зверочеловеком, введение во храм всего человечества и всей твари; но к этой радости человек должен быть подготовлен подвигом: он не может войти в состав Божьего храма таким, каков он есть, потому что для необрезанного сердца и для разжиревшей, самодовлеющей плоти в этом храме нет места: и вот почему иконы нельзя писать с живых людей.

Икона - не портрет, а прообраз грядущего храмового человечества. И, так как этого человечества мы пока не видим в нынешних грешных людях, а только угадываем, икона может служить лишь символическим его изображением. Что означает в этом изображении истонченная телесность? Это - резко выраженное отрицание того самого биологизма, который возводит насыщение плоти в высшую и безусловную заповедь. Ведь именно этой заповедью оправдывается не только грубо-утилитарное и жестокое отношение человека к низшей твари, но и право каждого данного народа на кровавую расправу с другими народами, препятствующими его насыщению. Изможденные лики святых на иконах противопоставляют этому кровавому царству самодовлеющей и сытой плоти не только «истонченные чувства», но прежде всего - новую норму жизненных отношений. Это - то царство, которого плоть и кровь не наследуют...

Мысль эта развивается во множестве архитектурных и иконописных изображений, которые не оставляют сомнения в том, что древнерусский храм в идее являет собою не только собор святых и ангелов, но собор всей твари. Особенно замечателен в этом отношении древний Дмитриевский собор во Владимире на Клязьме (XII в.). Там наружные стены покрыты лепными изображениями зверей и птиц среди роскошной растительности. Это - не реальные изображения твари, как она существует в нашей земной действительности, а прекрасные идеализированные образы. Тот факт, что в центре этот радостный мотив нашей иконописи связан с ее аскетическим мотивом, это ясно для всякого, кто хоть сколько-нибудь знаком с нашими и греческими «житиями святых». И тут и там мы одинаково часто встречаем образ святого, вокруг которого собираются звери лесные и доверчиво лизут ему руки. По объяснению св. Исаака Сирина здесь восстанавливается то первоначальное райское отношение, которое существовало когда-то между человеком и тварью...

Сущность этого нового мироощущения как нельзя лучше передается словами св. Исаака Сирина. По его объяснению, признак сердца милующего есть «возгорение сердца у человека о всем творении, о человеках, о птицах, о животных, о демонах и о всякой твари. При воспоминании о них и при воззрении на них очи у человека источают слезы. От великой и сильной жалости, объемлющей сердце, и от великого страдания сжимается сердце его, и не может оно вынести, или слышать, или видеть какого-либо вреда или малой печали, претерпеваемых тварью. А посему и о бессловесных и о врагах истины и о делающих ему вред ежечасно со слезами приносит молитву, чтобы сохранились они и были помилованы; а также о естестве пресмыкающихся молится с великою жалостью, какая без меры возбуждается в сердце его до уподобления в сем

Богу». В этих словах мы имеем конкретное изображение того нового плана бытия, где закон взаимного пожирания существ побеждается в самом своем корне, в человеческом сердце, через любовь и жалость. Зачинаясь в человеке, новый порядок отношений распространяется и на низшую тварь. Совершается целый космический переворот: любовь и жалость открывают в человеке начало новой твари.

ОГЛАВЛЕНИЕ	
ВВЕДЕНИЕ	2
ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ КУРС	3
РАЗДЕЛ 1. ПРЕДМЕТ И СПЕЦИФИКА ФИЛОСОФИИ	3
Тема № 1. Предмет и специфика философии	3
РАЗДЕЛ 2. ОБЩАЯ ОНТОЛОГИЯ	9
Тема № 2. Проблема бытия в философии	9
РАЗДЕЛ 3. ОНТОЛОГИЯ МАТЕРИАЛЬНОГО МИРА	14
Тема № 3. Философский материализм	14
Тема № 4. Философия движения	21
Тема № 5. Философия о времени и вечности	24
Тема № 6. Философские вопросы детерминации	27
РАЗДЕЛ 4. ОНТОЛОГИЯ ИДЕАЛЬНОГО МИРА	32
Тема № 7 Эйдология Платона	32
Тема № 8 Философия Аристотеля. Телеология	33
Тема № 9 Трансцендентальный идеализм И. Канта	35
Тема № 10 Абсолютный идеализм Гегеля	36
РАЗДЕЛ 5. ДИАЛЕКТИКА	40
Тема № 11. Диалектика, метафизика, релятивизм. Учение о развитии	40
Тема № 12 Основные законы диалектики	43
Тема № 13. Проблема души как субстанции	47
Тема № 14. Психофизическая проблема. Гилозоизм. Дуализм Р. Декарта	49
Тема № 15. Пантеизм Б. Спинозы о связи души и тела. Психофизический параллелизм	50
Тема № 16. Теория предустановленной гармонии В. Г. Лейбница	51
Тема № 17. Материалистическая теория психики	52
(вульгарный материализм, эпифеноменализм, теория отражения)	52
Тема № 18 Субъективный идеализм.	54
Тема № 19. Строение души. Душа и дух	55
РАЗДЕЛ 7. ГНОСЕОЛОГИЯ (ТЕОРИЯ ПОЗНАНИЯ)	58
Тема № 20. Проблема объективности истины.	58
Тема № 21. Проблема познаваемости истины. Скептицизм и агностицизм	59
Тема № 22. Проблема соотношения абсолютной и относительной истины	61
Задания к семинару № 8 (РАЗДЕЛ 7 ГНОСЕОЛОГИЯ, Темы № 20 – 22)	63
Тема № 23. Сенсуализм. Основные формы чувственного познания	63
Тема № 24, Классический рационализм. Основные формы рационального познания	65
Тема № 25 Критическая теория познания И. Канта.	67
Тема № 26. Теория познания диалектического материализма	68
Тема № 27. Рациональное и иррациональное в познании. Знание и вера.	70
Тема № 28. Философия науки. Позитивизм и постпозитивизм	71
Тема № 29. Философская теология о сущности Бога. Доказательства существования Бога.	76
Тема № 30. Проблема связи Бога и мира.	77
Тема № 31. Религиозная философия о проблеме зла в мире	79
РАЗДЕЛ 9. ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ	82
Тема № 32. Человек и природа. Глобальные проблемы современности	82
Тема № 33. Проблема сущности человека (натуралистическая и биосоциальная концепции)	84
Тема № 34. Проблема сущности человека (идеалистическая и религиозно-мистическая концепции)	87
Тема № 35. Ценность человека. Гуманизм и антигуманизм	90
Тема № 36. Теория отчуждения К. Маркса	93

Тема № 37. Личность с точки зрения философии. Персонализм.....	95
Тема № 38. Свобода как философская проблема.....	101
РАЗДЕЛ 10. ФИЛОСОФИЯ ЖИЗНИ	107
Тема № 39. Философия «мировой скорби» А. Шопенгауэра.....	107
Тема №40. Философия жизни Ф. Ницше	109
Тема № 41. Экзистенциализм.....	110
Тема № 42. Софиология Владимира Соловьева	116
РАЗДЕЛ 11. ФИЛОСОФИЯ ИСТОРИИ	120
Тема № 43. Философия истории.....	120
РАЗДЕЛ 12. СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ	125
Тема № 44. Социальная философия о сущности общества.....	125
Тема № 45. Типология обществ. Формационный и цивилизационный подходы.....	129
Тема № 46. Общество и индивид. Индивидуализм, коллективизм, персонализм.....	131
Тема № 47. Проблема общественного идеала. Реализация идеала. Теория идеального государства Платона	133
Тема № 48. Либеральный и социалистический общественный идеал.....	135
Тема № 49. Философия техники. Человек в информационно-техническом мире.....	138
РАЗДЕЛ 14.АКСИОЛОГИЯ.....	143
Тема № 50. Аксиология	143
РАЗДЕЛ 15 ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ.....	147
Тема № 51. Философия культуры	147
Тема № 52. Запад, Восток, Россия в диалоге культур	149
ПРАКТИКУМ ПО ФИЛОСОФИИ: ЗАДАНИЯ К СЕМИНАРСКИМ ЗАНЯТИЯМ.....	155
Задания к семинару № 1 (РАЗДЕЛ 1 ПРЕДМЕТ И СПЕЦИФИКА ФИЛОСОФИИ, Тема № 1).....	155
Задания к семинару № 2 (РАЗДЕЛ « ОБЩАЯ ОНТОЛОГИЯ, Тема № 2 Проблема бытия в философии).....	163
Задания к семинару № 3 (РАЗДЕЛ 3 ОНТОЛОГИЯ МАТЕРИАЛЬНОГО МИРА, Тема № 3 Философский материализм)	170
Задания к семинару № 4 (РАЗДЕЛ 3 ОНТОЛОГИЯ МАТЕРИАЛЬНОГО МИРА, Темы № 4, 5, 6).....	181
Задания к семинару № 5 (Раздел 4 ОНТОЛОГИЯ ИДЕАЛЬНОГО МИРА, Темы № 7, 8, 9, 10)	191
Задания к семинару № 6 (РАЗДЕЛ 5 ДИАЛЕКТИКА, Темы № 11, 12)	200
Задания к семинару № 7 (РАЗДЕЛ 6 УЧЕНИЕ О ДУШЕ И СОЗНАНИИ, Темы № 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19)	211
Задания к семинару № 8 (РАЗДЕЛ 7 ГНОСЕОЛОГИЯ, Темы № 20, 21, 22)	220
Задания к семинару № 9 (РАЗДЕЛ 7 ГНОСЕОЛОГИЯ, Темы № 23, 24, 25, 26, 27, 28)	231
Задания к семинару № 10 (РАЗДЕЛ 8 ФИЛОСОФСКАЯ ТЕОЛОГИЯ, Темы № 29, 30, 31)	238
Задания к семинару № 11 (РАЗДЕЛ 9 ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ, Темы № 32, 33, 34).....	250
Задания к семинару № 12 (РАЗДЕЛ 9 ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ, Темы № 35, 36, 37, 38).....	263
Задания к семинару № 13 (РАДЕЛ 10 ФИЛОСОФИЯ ЖИЗНИ, Темы № 39, 40, 41, 42)	274
Задания к семинару № 14 (РАЗДЕЛ 11 ФИЛОСОФИЯ ИСТОРИИ, Тема № 43).....	293
Задания к семинару № 15 (РАЗДЕЛ 12 СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ, Темы № 44, 45, 46, 47, 48, 49).....	305
Задания к семинару № 16 (Раздел 14 АКСОЛОГИЯ, Тема № 50)	326
Задания к семинару № 17 (РАЗДЕЛ 15 ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ, Темы № 51, 52).....	340

ОГЛАВЛЕНИЕ	377